

Кристиан Вельцель

Рождение свободы

Cross#Roads

Christian Welzel

Leuphana Universität Lüneburg, Germany

FREEDOM RISING

**Human Empowerment
and the Quest for Emancipation**

АО «ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»
(АО «ВЦИОМ»)

Серия «CrossRoads»

К. Вельцель

РОЖДЕНИЕ СВОБОДЫ

*Перевод с английского
А. В. Лисовского*

Москва
2018

УДК 316.42:316.752
ББК 60.524
В28

Редакционный совет серии
В. И. Ильин, В. П. Коломиец, В. А. Куренной,
Д. Г. Подвойский, Э. Д. Понарин, С. Р. Хайкин, В. В. Федоров

Вельцель К.

Рождение свободы / К. Вельцель ; под ред. Э. Д. Понарина, О. А. Оберемко ; пер. с англ. А. В. Лисовского. — М. : АО «ВЦИОМ», 2018. (Серия «CrossRoads»).

В этой книге представлена масштабная теория, объясняющая, почему с изобретением государства свобода уступила место угнетению, почему в новейшее время эта тенденция стала преодолеваться, и что привело к быстрому распространению всеобщих свобод и демократии. Опираясь на обширные эмпирические данные, автор анализирует различные объяснения произошедшего роста свобод и приводит убедительные доказательства в пользу теории эмансипации. Исследование демонстрирует многочисленные тренды человеческой эмансипации, в совокупности позволяющие людям управлять своей жизнью. Наиболее важный из этих трендов — распространение «эмансипативных ценностей», имеющих приоритетом свободу выбора и равенство возможностей. Истоки процесса человеческой эмансипации автор видит в желании свободы и показывает, когда и почему это желание усиливается, почему оно является источником демократии, как оно оживляет гражданское общество, восстанавливает социальный капитал, поддерживает гуманистические нормы, усиливает ощущение счастья и помогает переориентировать современную цивилизацию в направлении устойчивого развития.

- © Christian Welzel, 2013
- © Cambridge University Press, 2013
- © Лисовский А. В., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление, ВЦИОМ, 2018

Содержание

<i>В. М. Полтерович</i>	
На пути к общей теории социально-экономического развития	6
Предисловие	16
Благодарности.....	20
Сокращения.....	23
Список таблиц	24
Список рисунков	26
Список вставок	30
Введение.....	31
Часть А. Как понимать эмансипативные ценности	
Глава 1. Теория эмансипации	63
Глава 2. Картирование различий	84
Глава 3. Многоуровневые факторы	129
Глава 4. Отслеживание изменений	163
Часть В. Эмансипативные ценности как гражданская сила	
Глава 5. Внутренние качества.....	190
Глава 6. Позитивный индивидуализм	207
Глава 7. Солидарное действие	230
Часть С. Демократизирующее воздействие эмансипативных ценностей	
Глава 8. Пожалование прав народу	261
Глава 9. Революция прав	290
Глава 10. Парадокс демократии.....	315
Часть D. Эмансипативные ценности в цивилизационной перспективе	
Глава 11. Смена курса цивилизации	337
Глава 12. Проблема устойчивого развития.....	373
Заключение	388

В. М. Полтерович

На пути к общей теории социально-экономического развития

Предисловие к книге Кристиана Вельцеля «Становление свободы»

В последние 20 лет произошло резкое ускорение трансформации общественных наук. Тенденция к специализации сменилась стремлением к синтезу. Впечатляющие успехи достигнуты в соединении методов экономики, социологии, политологии, географии, психологии, демографии, истории. После многих лет безуспешных попыток методы эволюционной биологии и математической физики наконец-то демонстрируют новые возможности в изучении общественных явлений. Одно из центральных мест в формирующейся науке об обществе занимает теория социально-экономического развития. Три недавно разработанные концепции оказались наиболее влиятельными: теория Д. Даймонда (Даймонд, 1997), пытающаяся объяснить различия в уровнях развития между странами, в основном, географическими факторами, и две отчасти похожие институциональные теории. Первая из них, разработанная Д. Норт, Дж. Уоллесом и Б. Вейнгастом, объясняет общественное развитие как процесс вытеснения институтов ограниченного порядка институтами свободного порядка (Норт, Уоллис, Вейнгаст, 2011), а вторая, принадлежащая Д. Аджемоглу и Дж. Робинсону, рассматривает аналогичную схему в терминах экстрактивных и инклюзивных институтов (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Все три теории имеют общий недостаток: в них недостаточно учтена роль культуры в эволюции общества. Это тем более удивительно, что в последние годы тесная взаимная связь между культурой и институтами явилась предметом особого внимания исследователей (см. обзор Alesina, Giuliano, 2015). Кристиан Вельцель, продолжая основную линию его совместной работы с Рональдом Инглхартом (Инглхарт, Вельцель, 2011), ставит культуру во главу угла, прямо заявляя, что «полемизирует с популярной точкой зрения, что социальные институты — это главная причина развития».

В книге, предлагаемой вниманию русскоязычного читателя, масштабной по замыслу, охвату проблем и получаемых результатов, создан свой понятийный мир, без описания которого содержательное обсуждение теории Вельцеля вряд ли возможно. Поэтому я начну с определения базовых понятий и формулировки центральной гипотезы.

Основная задача монографии — объяснить процесс эмансипации человечества — расширения прав, полномочий и возможностей людей в ходе исторического развития. Способность и стремление к свободным целенаправленным действиям (субъектность) заложены в человеке природой, но проявляется это стремление лишь при наличии соответствующих ресурсов — интеллектуальных (знания, навыки и информация), коммуникативных (сети обмена и контактные интерфейсы) и материальных (оборудование, различные устройства и доход). Принципиальную роль в теории Вельцеля играет «тезис последовательности», согласно которому рост ресурсов для действий влияет на формирование эмансипативных ценностей, ценностей свобод, которые порождают коллективные

действия, так что в результате властные структуры вынуждаются гарантировать свободы на институциональном уровне. Автор называет связку-переход от ресурсов к ценностям и далее к правовым гарантиям лестницей полезности свобод и характеризует ее как основу своей концепции. Расширение свобод стимулирует в свою очередь рост ресурсов благодаря техническому прогрессу. Возникает цикл эмансипации, который и является стержнем общественного развития.

Уточняя описанную схему, автор предлагает различать общие и уникальные ресурсы, обладание которыми характерно для конкретных индивидов. Аналогично ценности подразделяются на уникальные и общие — те, которые разделяются большинством людей. Именно общие ресурсы взаимодействуют с общими эмансипативными ценностями, которые, по определению, включают в себя признание свободы для всех и влекут за собой коллективные действия по формированию гарантий.

Детализация и проверка этой концептуальной схемы на обширном статистическом материале составляют основное содержание книги.

Чтобы сконструировать показатель эмансипативных ценностей, автор предлагает различать четыре сферы эмансипативных ориентаций, условно названных автономией, выбором, равенством и голосом.

Для измерения ориентации на автономию он использует три показателя, показывающие, считают ли респонденты «независимость», «воображение» и «послушание» желательными для детей качествами, причем последнее противоречит ориентации на автономию. Сфера «выбор» характеризуется тем, насколько приемлемыми респонденты считают «развод», «аборт» и «гомосексуальность».

Автор полагает, что «наиболее значимая сфера равенства это гендерное равенство». «Для измерения ориентации респондентов на гендерное равенство» использованы «три показателя, отражающие, в какой степени респонденты не согласны с утверждениями, что (а) «образование важнее для мальчика, чем для девочки», (b) «когда рабочих мест не хватает, мужчины при найме должны пользоваться приоритетом перед женщинами» и (с) «мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины».

Наконец сфера эмансипативных ориентаций «голос» отражает ценность для респондентов возможности людей высказывать свое мнение. Здесь использованы три показателя, демонстрирующие, «какую степень приоритета — первую, вторую или нулевую — респонденты придают (а) «защите свободы слова» (b) «учету мнения людей при принятии важных правительственных решений» и (с) «учету мнения людей на работе и в местных сообществах».

Из перечисленных двенадцати показателей, заимствованных из базы World Value Survey, Вельцель по несложной методике формирует индексы эмансипативных ценностей (ИЭЦ) для 95 стран, представляющих более 90 % мирового населения. ИЭЦ является основным инструментом исследования в его монографии.

На первый взгляд, отбор исходных показателей для расчета ИЭЦ кажется произвольным. По крайней мере, отчасти, так и есть, поскольку он был продиктован не только содержательными соображениями, но и наличием соответствующих данных за достаточно длительный период. Тем более удивительно, как много содержательных выводов удается получить, исследуя динамику и связи индекса Вельцеля с другими индикаторами.

Все 95 исследуемых стран Вельцель разбивает на 10 культурных зон: Исламский, Индийский, Китайский и Православный Восток, Старый (в основном, католический) Запад, Реформированный (протестантский) Запад, Новый Запад (англоязычные страны — бывшие британские колонии), Вернувшиеся на Запад (восточноевропейские не православные бывшие социалистические страны), Африка южнее Сахары и Латинская Америка. Страна в каждой зоне может находиться на одной из трех стадий: бедственной (*suffering*), трудной (*struggling*), разделенной на три уровня, и процветающей (*thriving*). Классификация демонстрирует резкое различие между Западом и остальным миром: из незападных стран только Япония и Уругвай отнесены к стадии процветания, на которой находятся 29 западных стран из 37.

Оказывается, что культурные зоны объясняют более 60 % вариации индекса эмансипативных ценностей по странам.

ИЭЦ тесно связан с индексом светских ценностей, с помощью которого Вельцель измеряет степень отстраненности индивида от четырех типов внешней власти — религиозной, патримониальной, власти государства и власти норм. В то же время автор показывает, что применительно к проблемам его теории ИЭЦ обладает большей объясняющей способностью, нежели индекс светской власти. ИЭЦ и четыре его компоненты коррелируют с другими показателями эмансипированности, такими как уровень образования индивидов, их информационная включенность (разнообразие источников, используемых для получения информации), участие в социальных движениях и понимание демократии в соответствии с общепринятыми определениями. Для западных стран корреляция слабее, но и для них она остается значимой.

Очень высока (около 0,8) корреляция ИЭЦ с уровнями технологий и демократии в странах. Она весьма значительна и с рядом других индикаторов социально-экономического развития, такими как душевой ВВП, детская смертность, урбанизация или законность. Причем ИЭЦ теснее связан с этими индикаторами, нежели альтернативные индексы уровня культуры. Кроме того, оказывается, что технологический прогресс сильнее влияет на эмансипативные ценности, чем развитие демократии.

Рассматривая распределение значений ИЭЦ внутри стран, Вельцель показывает, что уровень эмансипативных ценностей выше у более богатых и более образованных респондентов, а также у жителей городов по сравнению с сельским населением. Однако межгрупповые различия внутри той или иной страны по величине значительно уступают межстрановым различиям, связанным с уровнями социально-экономического развития. Поскольку внутристрановые распределения ИЭЦ унимодальны, его медианные и средние значения являются весьма содержательными характеристиками стран.

Для теории Вельцеля важнейшие вопросы связаны с исследованием динамики ИЭЦ. Однако длина располагаемых им статистических рядов недостаточна для проведения такого исследования напрямую. Автор справляется с этим затруднением, разбивая население изучаемых стран на когорты по году рождения и изучая изменение ИЭЦ по когортам. При этом рассматриваются отдельно выборки традиционных, индустриальных экономик и экономик знания; классификация

проведена в соответствии с показателем технологического уровня. Оказывается, что во всех трех выборках ИЭЦ тем выше, чем младше когорта, что подтверждает идею эмансипации — расширения прав и возможностей. Как и следовало ожидать, для каждой когорты ИЭЦ минимален в традиционных экономиках и максимален в экономиках знания.

Вывод о росте эмансипативных ценностей подтверждается и при сопоставлении результатов, полученных в цепочках опросов, проведенных в рамках WVS в ряде стран с 1981 по 2008 гг.

Продемонстрировав, что рост эмансипативных ценностей порождается увеличением ресурсов для действия, автор переходит к обоснованию следующего шага «тезиса последовательности»: решающего влияния ИЭЦ на права человека. Трудность состоит в том, что связь эта двухсторонняя — права в свою очередь влияют на эмансипативные ценности; кроме того, оба показателя сильно зависят от уровня экономического развития. Тем не менее благодаря изобретательности автора и привлечению тонких эконометрических методов ему удалось показать, что влияние эмансипативных ценностей на права гораздо сильнее, нежели обратное влияние.

Этот факт объясняется по крайней мере частично тем, что, как показывает автор, укрепление эмансипативных ценностей влечет за собой увеличение активности общественных движений (АОД). Ресурсы (измеряемые индексом технологического прогресса) и гражданские права также влияют на АОД, но в меньшей степени.

Этот вывод не тривиален. ИЭЦ в качестве одной из своих четырех компонент содержит группу характеристик, отражающих ориентацию на автономию, и, значит, должен быть положительно связан с индивидуализмом, который, казалось бы, должен препятствовать эффективной организации коллективных действий. Чтобы разрешить это противоречие, автор предлагает различать два типа индивидуализма: гражданственный (просоциальный, позитивный) и антигражданственный (эгоцентрический). При этом под индивидуализмом автор понимает автономию личности, противопоставляя это качество групповому коллективизму. Вельцель показывает, что эмансипативные ценности связаны с гражданской ориентацией, характерными чертами которой являются объединяющее доверие (bridging trust), благожелательность (измеряемая специальным индексом, отражающим, в частности, готовность помогать другим людям) и гуманизм (включающий позитивное отношение к этническому разнообразию и солидарность с бедными людьми во всем мире).

Ещё одно подтверждение тезиса последовательности автор получает, рассматривая связь между эмансипативными ценностями и демократией; последняя понимается главным образом как наличие «равных прав для всех людей». Здесь автору приходится преодолевать «парадокс сосуществования»: высокая оценка демократии респондентами, выраженная в социологических опросах, для многих стран сосуществует с недостатком демократии, отражающимся в соответствующих индексах. Ещё одна трудность состоит в том, что ИЭЦ слабо связан с желанием респондентами демократических свобод. Тем не менее автор показывает, что связь между эмансипативными ценностями и демократией существует и реализуется

по двум каналам. Во-первых, эмансипативные ценности способствуют критическому отношению граждан к имеющимся социальным институтам и, во-вторых, стимулируют их к действиям для улучшения этих институтов.

Как уже отмечалось, в основе теории Вельцеля лежит тезис о том, что «растущие ресурсы для действий повышают объективную полезность свобод, за этим следует рост субъективной ценности свобод и усиление их правовых гарантий, что приводит к усилению эмансипативных ценностей и расширению гражданских прав». При этом важнейшим фактором роста ресурсов является технологический прогресс, неравномерное становление которого послужило причиной резкой территориальной дифференциации уровней благосостояния и культуры. Вельцель анализирует причины этого явления в духе теории Даймонда. Он показывает, что прогресс резко ускорился во второй половине XV века в тех регионах, где выпало благоприятное ВАПК-условие — сочетание умеренно прохладного климата (отсюда ПК), который обеспечивает низкий природный уровень инфекционных заболеваний, и «водной автономности» (ВА), определяемой как «равный, легкий и постоянный доступ к водным ресурсам» вследствие постоянных дождевых осадков и доступных для навигации водных путей. Водная автономность, утверждает автор, «перекрывает исторический путь к деспотизму: контроль над людьми через управление системой ирригации». При этом «оказывается полезным перераспределять временные ресурсы от максимизации рождаемости в пользу совершенствования навыков и повышения их качества». В результате цена рабочей силы повышается, что создает стимул для поиска трудосберегающих технологий.

Основная часть книги завершается исследованием связи между эмансипативными ценностями и действиями граждан по защите окружающей среды. Оказывается, что ИЭЦ непосредственно не коррелирован со средним уровнем озабоченности граждан экологическими проблемами. Однако чем выше ИЭЦ, тем активнее действуют защитники окружающей среды, и тем выше ее качество. Это весьма нетривиальный результат: ведь ИЭЦ тесно связан с техническим прогрессом, который в течение нескольких веков негативно влиял на экологию. Тем не менее, как подчеркивает автор, «положительный эффект эмансипативных ценностей перевешивает негативный эффект технологического прогресса».

Теория Вельцеля поражает масштабом рассматриваемых проблем, глубиной результатов и тщательностью обоснований. Тем не менее она не лишена принципиальных недостатков. На мой взгляд, самый главный из них — фактическое игнорирование институциональной теории, одним из важнейших достижений которой в последние годы явилось установление и исследование тесной взаимосвязи между культурой и институтами. В триаде (лестнице полезности свобод) «ресурсы — ценности — гарантии» институты скрыты за последним термином и в цикле эмансипации не играют существенной роли. Процесс развития (с незначительными оговорками) представлен так будто технологический прогресс и рост общих ресурсов сами по себе активизируют ценности свобод, что опять-таки само по себе приводит к ускорению технологического прогресса и увеличению общих ресурсов.

Общепризнано, что эконометрические методы, которые широко и с большим искусством использует автор, дают возможность сформулировать гипотезы о при-

чинности, но в принципе не позволяют дать строгие доказательства наличия причинных связей. Каждая такая гипотеза нуждается в дополнительном обосновании путем анализа механизма, реализующего следственно-причинные отношения. Как правило, роль таких механизмов играют институты. Не используя институциональную теорию, автор тем самым ограничивает объяснительные возможности своей концепции. Не ясно, как в ее рамках объяснить «экономические чудеса» после Второй мировой войны — быстрый технологический прогресс и экономический рост в странах с несменяемой властью и явно низким уровнем эмансипативных ценностей (таких как Сингапур, Япония, Испания и др.). Или как объяснить столь существенное экономическое отставание Украины от Беларуси, одного представителя Православного Востока от другого за последние 25 лет.

Вельцель отмечает возможность «цикла угнетения» — равновесия между ресурсами, ценностями и гарантиями на низком уровне, т. е. — в других терминах — ловушки недоразвития. Возможность выхода из ловушки он связывает исключительно с взаимодействием низкоразвитого общества с высокоразвитыми. Этот тезис не вполне убедителен. Он не позволяет понять, почему средневековая Европа вышла из этой ловушки, почему Китай после 100 лет стагнации вдруг в 1980-х начал расти бешеными темпами. Нет оснований думать, что в 1978—79 гг. для населения Китая потребность в независимости («автономность»), в свободе выбора, в равенстве и возможности высказать свое мнение («голос») были много выше, чем в период Культурной революции. И уж вполне резонно предположить, что в 1990—2005 гг. уровень эмансипативных ценностей жителя Украины был никак не ниже, чем представителя Вьетнама. Между тем душевой ВВП Вьетнама (в паритетах покупательной способности) в 1990 г. составлял около 15 % украинского, а в 2005 г. — уже 48 %. Для объяснения радикальных различий в темпах наращивания ресурсов — и частных, и общих — приходится прибегать к анализу институтов и, в частности, их соответствия гражданской культуре.

Безо всяких оговорок настаивая на том, что изменение прав является результатом изменения эмансипативных ценностей, мы неизбежно приходим к противоречиям. Так, Вельцель пишет в главе 9: «Изменения ценностей могут вызывать изменения прав, когда существуют механизмы реализации массовых ценностей в социальных институтах. Я представляю себе, по меньшей мере, два таких механизма: голосование избирателей в обществах с достаточно свободными выборами и активное участие людей в общественных движениях...». Получается, что изменения прав обусловлены существованием права голоса и возможностью участвовать в общественных движениях, т. е. наличием определенных институтов.

И технология, и культура эволюционируют не только под влиянием друг друга, но и в результате воздействия институтов, которые во все возрастающей степени формируются целенаправленно. Успех институциональных реформ в значительной мере зависит от того, учитывают ли реформаторы массовую культуру и способствуют ли вводимые институты ее совершенствованию.

Только на пути синтеза институциональных и культурологических теорий можно надеяться на объяснение возрастающей роли коллективного действия или — в других терминах — институтов сотрудничества. Эти институты по сути являются альтернативой конкурентным механизмам — войне, свободному рынку или прави-

лу большинства. Сотрудничество вытесняет конкурентные механизмы во многом благодаря смягчению проблемы безбилетника и уменьшению транзакционных издержек, связанному с развитием таких ценностей, которые влекут за собой уважение золотого правила нравственности, как толерантность и альтруизм.

И здесь мы вынуждены вновь вернуться к двенадцати показателям, формирующим ИЭЦ. Значительная их часть характеризует сравнительно недавние изменения в западной культуре. В большинстве западных стран аборт по желанию женщины были разрешены только в 1970-х годах. Гомосексуализм считался уголовным преступлением в Западной Германии вплоть до 1969 г.; в США процесс декриминализации гомосексуализма начался в 1961 г., а закончился лишь в 1998 г., когда последние 13 штатов внесли в уголовное законодательство соответствующие изменения. Женщины получили равные с мужчинами избирательные права лишь около 100 лет назад, а первые женщины — премьер-министры стали появляться лишь в 1960-х. В Европе, в США, в Австралии и Канаде телесные наказания в школах были отменены лишь в 1980—1990-х годах, значит, послушание считалось добродетелью. Не ясно, как отношение к гомосексуалам или к правам женщин (компоненты ИЭЦ) могло детерминировать опережающее развитие Запада, в отличие, скажем, от таких культурных характеристик как уважение закона или уровень доверия, непосредственно связанных с транзакционными издержками экономических и социальных взаимодействий. Фактически ИЭЦ сконструирован так, чтобы с его помощью измерить «расстояние» между Западом и другими странами по данным последних 35 лет. Быть может, его динамика отражает не столько причинные связи, порождающие развитие, сколько тот факт, что другие страны вместе с технологиями заимствуют у Запада и гражданскую культуру.

Несовершенство ИЭЦ сказывается на важном для теории Вельцеля разнесении стран по стадиям эмансипации (см. таблицу 1.3). Согласно предлагаемой классификации, Индия, Китай, Россия и Кыргызстан находятся на одной и той же стадии, и все они уступают Молдове и Македонии, в то время как Сингапур отстает от Эстонии. Это не соответствует тезису о связи наличных (общих) ресурсов и эмансипации. Не вполне утешает, что эта связь носит статистический характер. Случаи успешного догоняющего развития редки, и именно они требуют глубинного понимания.

Не вполне убедительна и попытка связать ускорение технического прогресса с водной автономностью, благодаря которой люди, обретая ресурсы, освобождают время для «инноваций и маркетинговых идей». Греческая и римская элита имела массу времени, но это не привело к техническому прогрессу. В Китае были изобретены порох, компас, бумага, но широкого применения они не нашли. К изобретениям нередко принуждает опасность, а не свобода; не случайно ряд важнейших изобретений были сделаны в связи с задачами военного характера.

Тезис последовательности «ресурсы — ценности — права» недооценивает идею адекватности друг другу ценностей прав и материальных условий. Эмансипативные ценности и права в их современном западном понимании могут не соответствовать задаче выживания. В условиях постоянной военной опасности или угрозы голода низкий уровень эмансипативных ценностей и свобод может оказаться не просто результатом недостаточности ресурсов, но и необходимым условием их наличия, пусть и в минимальных количествах.

Особое место в книге занимает тезис о том, что «институты, гарантирующие всеобщие свободы, завершают процесс эмансипации людей, но не инициируют его». Вельцель подчеркивает, что «данный результат противоречит все более популярной точке зрения, считающей «инклюзивные институты» главной причиной развития». Хотелось бы располагать более детальным описанием механизма, обуславливающего «лестницу полезности свобод». Таким образом рост ресурсов «освобождает» исходно заложенные в человеке ценности свобод или формирует их? Возможно, что ответ на этот вопрос надо начинать с наблюдения, детально рассмотренного Вельцелем, согласно которому эмансипативные ценности связаны с благосостоянием; уже поэтому они распределены в обществе неравномерно. Не случайно во многих эпизодах демократизации решающая роль принадлежала элите, а созданные ею демократические институты отнюдь не всегда соответствовали культуре и уровню материальной обеспеченности масс. В результате имели место многочисленные случаи обратного развития (Carothers, 2002). Впрочем, в некоторых эпизодах (например, в XIX веке в США, см. Knott, Miller, 1987) возникшее противоречие с течением времени разрешалось благополучно, и при объяснении таких ситуаций трудно поверить, что возникшие институты не оказали решающего влияния на повышение уровня эмансипативных ценностей населения.

Далее, тезис о том, что институты, гарантирующие всеобщие свободы, не инициируют процесс эмансипации, не исключает возможности того, что за инициацию ответственные институты иного типа: адекватные существующей культуре и вместе с тем стимулирующие как рост благосостояния, так и повышение уровня доверия и толерантности (в одной из работ я назвал их институтами догоняющего развития).

Я полагаю, что общая теория развития должна исходить из идеи соответствия материальных условий (уровня благосостояния, знаний и умений), культурных ценностей и институтов. Такое соответствие — необходимое условие и совершенствования социальных отношений, и экономического роста

Дальнейший прогресс теории общественного развития связан с синтезом институциональных и культурных теорий. Книга Вельцеля существенно приблизила нас к решению этой захватывающей задачи. Свидетельством успеха и признания важности содержащихся в ней идей стало присуждение ее автору в 2014 г. двух престижных премий академическими организациями, представляющими разные области знания: Международным обществом политической психологии (Alexander L. George Award), а также Международным советом по социальным наукам и Европейским консорциумом политических исследований (Stein Rokkan Prize). Нет сомнения, что теория эмансипации, построенная Кристианом Вельцелем, станет значимой вехой на пути формирования новой науки об обществе.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. АСТ, 2015. 402 с.

Даймонд Д. М. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. АСТ, 1997.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдаза, 2011. 479 с.

Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4, 898—944.

Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*. Vol. 13. No 1. 5—21.

Knott J. H., Miller G. J. (1987). *Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 290 pp.

Посвящается Эми — любви и вдохновению моей жизни.

Предисловие ¹

Эта книга обязана своим появлением Рональду Инглхарту, его жизни и работе. Последние пятнадцать лет я имел честь стать одним из ближайших сотрудников и друзей Рона. Кроме нашей общей работы над десятками публикаций, Рон был постоянным источником вдохновения в наших частых беседах о социальных изменениях, человеческих ценностях, влиянии эволюции на развитие цивилизации. Я знаком с его работой о постматериализме со времен учебы в университете и с увлечением следил за вызванными ею дискуссиями. Несмотря на ее критику, я по-прежнему убежден, что ее основная логика верна: ослабление принудительности условий человеческого существования расширяет умственный горизонт людей, и они начинают отдавать приоритет автономии, а не авторитетам, разнообразию, а не унификации, творчеству, а не дисциплине. По той же логике сохранение принудительности условий человеческого существования не дает полностью раскрыться потенциалу человеческого разума, и люди выбирают иные, противоположные приоритеты. Я также убежден, что верны и более отдаленные следствия этой логики: человеческий разум, освободившись от принудительности существования, становится источником толерантности и солидарности, выходящих за пределы узкой группы, а люди, испытывающие принуждение, поддерживают дискриминацию и настроены к аутгруппам враждебно.

Данные предположения подсказывают универсальную логику того, как человеческий интеллект справляется с условиями существования. Эта книга описывает эту логику как восхождение по *лестнице полезности свобод*. Чем ощутимее снижается принудительность существования, тем в большей степени жизнь превращается из источника угроз в источник возможностей. Когда это происходит, общество поднимается по лестнице полезности свобод: реализация свобод и толерантность к ним становятся все полезнее для использования жизненных возможностей. Поскольку эволюция поддерживает способности, помогающие использовать полезные возможности, она «программирует» людей на стремление к свободам в той степени, в которой они полезны для процветания в данных обстоятельствах. Культура не обладает мощностью, позволяющей отключить эту логику. Напротив, те табу, которые она навязывает, и те выборы, которые она позволяет делать, сами отбираются меха-

¹ Русский перевод книги был выполнен в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации -5-100.

низмом полезности свобод: когда ослабление принуждения приводит к увеличению полезности человеческой свободы, культуры переходят от отрицания свобод к их гарантированию. Так происходит, потому что предпочтения людей изменяются именно в этом направлении: признание улучшения условий жизни поднимает людей по лестнице полезности свобод. Эти индивидуальные адаптации усиливают друг друга через взаимное признание. Взаимно подкрепленные адаптации создают массовые тренды, следующие собственной эволюционной логике — они не результат пропаганды, идеологической обработки или других манипуляций, сфабрикованных элитами. Эта книга содержит данные репрезентативных опросов Мирового исследования ценностей и Европейского исследования ценностей, которые подтверждают эволюционную логику изменений культуры.

В определенном смысле эта книга — продолжение нашей совместной с Роном книги «*Modernization, Cultural Change, and Democracy*» (2005)². Подход к анализу культуры и развития в основном остался тем же, и предыдущие результаты обновлены с помощью последних данных. Тем не менее эта книга также представляет некоторые выводы, изменяющие наши представления о развитии общества. В первую очередь я объясняю эволюционную теорию эмансипации, которая присутствовала лишь в имплицитной форме в нашей предыдущей работе (глава 1). Теория эмансипации относится к свободам каждого человека: это теория полезности всеобщих свобод и эволюционного происхождения этой полезности. Она объясняет, когда именно всеобщие, универсальные свободы становятся полезными, и когда люди признают это и начинают стремиться к этим свободам, а когда — нет. Логика этих процессов проявляется в двух противостоящих друг другу конфигурациях, причем обе они формируют всю социальную ткань обществ. Под давлением принудительности условий человеческого существования всеобщие свободы малополезны, поэтому люди их не ценят. В этой ситуации маловероятно, что элиты предоставят гарантии всеобщих свобод, и даже если такое маловероятное событие произойдет, гарантии окажутся ненадежными. Этот паттерн описывает ситуации, когда демократии не укореняются или становятся фасадом для авторитарных режимов. Напротив, при снижении давления условий существования полезность всеобщих свобод растет, и люди начинают их ценить. С ростом полезности и ценности свобод давление масс, требующих их гарантий, нарастет, и когда отрицание свобод начинает обходиться элитам слишком дорого, они обещают их людям. После этого давление на элиты продолжается, и гарантии свобод становятся реальными. Этот паттерн описывает ситуации, в которых демократии появляются и процветают. В совокупности данные предположения резюмируются тезисом *последовательности* теории эмансипации: если свободы растут, это происходит в последовательности: от полезностей к ценностям, а от них — к гарантиям. Институты, обеспечивающие всеобщие универсальные свободы, — результат, а не причина данного процесса, что противоречит популярной точке зрения о детерминирующей роли институтов.

Во-вторых, теория эмансипации глубже, чем когда бы то ни было, помогает изменения ценностей в контекст человеческой эмансипации, что позволяет теории подняться на более высокий уровень обобщения. То, что в наших предыдущих

² Речь идет о книге «Модернизация, культурные изменения и демократия», изданной в России в 2011 году.

изысканиях было отдельными фрагментами, теперь интегрировано в согласованную концепцию, в которой каждый аспект выводится из единого корневого принципа: лестницы полезности свобод. Всеобъемлющее влияние этого принципа проявляется в сопоставлении двух противоположных циклов, пронизывающих всю ткань обществ. В первом из них, когда полезность и ценность всеобщих свобод низка и нет их реальных гарантий, общество заперто в цикле угнетения людей [disempowerment]: у обычных людей нет возможности контролировать как собственную жизнь, так и события, происходящие в обществе. Напротив, когда всеобщие свободы обладают высокой полезностью и ценностью, эффективно гарантируются, общество процветает в цикле эмансипации, обретения людьми власти [empowerment]: тогда обычные люди получают контроль над своей жизнью и событиями в обществе.

В-третьих, я определяю «эмансипативные ценности» как такую направленность ума, которая предшествует эмансипации. Основной посыл эмансипативных ценностей — свобода выбора и равенство возможностей. Эмансипативные ценности напоминают «ценности самовыражения» из нашей предыдущей работы. Однако, как я показываю в главе 2, концепт эмансипативных ценностей лучше теоретически обоснован, более последовательно операционализирован и качественнее измеряется, чем его предшественник — «ценности самовыражения».

В-четвертых, я подробнее и на основе более широкого круга данных показываю, как развиваются эмансипативные ценности. В целом, эти ценности развиваются, когда обычные люди получают контроль над необходимыми для действия ресурсами [action resources]. Эти ресурсы включают в себя инструменты, навыки и возможности, позволяющие действовать по своей воле (глава 3). Кроме того, те ресурсы для действий, которыми люди располагают вместе с другими членами своего общества, укрепляют их эмансипативные ценности больше, чем частное обладание ресурсами, недоступными остальным. Следовательно, полезность свобод заключается в совместном обладании благами, которое обеспечивает солидарность ценностей и действий своих обладателей. И поскольку совместное обладание ресурсами для действия расширяются во всех культурных зонах мира, данные показывают повсеместный рост эмансипативных ценностей от поколения к поколению (глава 4).

В-пятых, эта книга демонстрирует более обширные последствия эмансипативных ценностей. Они создают сильную внутреннюю мотивацию (глава 5), способствуют большему доверию и гуманности (глава 6), повышают активность общественных движений (глава 7), укрепляют приверженность демократическим нормам (глава 10) и повышают экологическую активность (глава 12). Вполне естественно, что у ценностей, влияющих на такое множество сфер, есть также и системные последствия, наиболее примечательное из которых — более широкие и действенные гарантии прав (глава 8), включая и права отдельных групп, например, женщин и гомосексуалов (глава 9). Более того, рост эмансипативных ценностей повышает в обществе общее ощущение благополучия (глава 5). Наконец, усиливающиеся эмансипативные ценности способствуют улучшению качества окружающей среды (глава 12) и устойчивому развитию обществ.

В-шестых, эта книга развивает «полную» теорию в том смысле, что она показывает место, которое человеческая эмансипация и эмансипативные ценности

занимают во всем процессе развития цивилизации. В главе 11 я описываю «великую смену курса», благодаря которой цивилизационный процесс с совершенствования эксплуатации людей стал перенаправляться на расширение власти людей [human empowerment]. Я показываю, что это произошло недавно (в масштабе исторического времени), объясняю и саму смену направления, и то, почему она случилась именно в это время с помощью лестницы полезности свобод. Городская цивилизация созрела поздно в районах, где всеобщие свободы имели большую полезность благодаря *природным* условиям, обеспечивающим базу для автономного существования [existential autonomy]: легкому и постоянному доступу каждого к водным ресурсам («водной автономности»). Именно это в теории эмансипации я называю *тезисом источника* [source thesis]. Согласно этому тезису, природная водная автономность — это исключительная черта районов, для которых характерны умеренно прохладные температуры и достаточные осадки круглый год: это зоны «водной автономности в прохладном климате» (зоны ВАПК). На Земле первой цивилизацией, где города достигли своего уровня зрелости в зонах ВАПК, была Западная Европа, это произошло примерно в 1450—1500 гг. нашей эры. Именно тогда стартовал процесс человеческой эмансипации, и именно отсюда он распространился в другие районы ВАПК, а именно, в Северную Америку, Юго-Восток Австралии, Новую Зеландию и Японию. И сейчас эти районы характеризуются наиболее высоким уровнем эмансипированности людей. Тем не менее, в эру глобализации появились признаки ослабления жесткой привязки уровня эмансипированности людей к зонам ВАПК. По мере того как общества в Азии, Латинской Америке и, совсем недавно, в Африке стали ускоряться в своем развитии, процесс человеческой эмансипации приобретает глобальный масштаб. Этот аспект отражается в теории эмансипации *тезисом заражения*.

В-седьмых, с развитием эмансипации человеческая цивилизация сталкивается с проблемой устойчивого развития: улучшения жизни, принесенные процессом эмансипации, наносят беспрецедентный ущерб окружающей среде. Но несмотря на то, что человеческая эмансипация актуализирует проблему устойчивости, она содержит в себе и ключ для ее решения: эмансипативные ценности. Как показано в главе 12, эти ценности стимулируют активность экологических движений, помогая направить человеческую эмансипацию по пути развития «зеленых» технологий. Устойчивая человеческая эмансипация становится реальной возможностью.

Я надеюсь, что в свете этих новых исследований научное сообщество сочтет данную книгу полезным теоретическим, концептуальным и эмпирическим развитием предыдущей работы, на которую она опирается.

Кристиан Вельцель

Центры исследования демократии

Калифорнийского университета и Люнебургского университета Лейфана
и Лаборатория сравнительных социальных исследований

Высшей школы экономики, Москва, Санкт-Петербург

6 февраля 2013 года

Благодарности

Последние десять-пятнадцать лет у меня была замечательная возможность обсуждать свои идеи с многочисленными коллегами, многие из которых давали мне важные советы. Я благодарен им за потраченное время и энергию. Мои слова ниже — признание их помощи и благодарность за нее.

Первым я хочу упомянуть Рональда Инглхарта. Наше сотрудничество было очень активным. Его помощь и поддержка, которые позволили улучшить эту книгу, — бесценны. Спасибо Вам, Рон. Я хочу также отметить Ганса-Дитера Клингемана, бывшего руководителя отдела «Институты и социальные изменения» в Берлинском научном центре социальных исследований (WZB). Ганс-Дитер был моим ментором во многих отношениях. Его поддержка моей научной работы помогла установить контакт с Роном и Центром исследований демократии Калифорнийского университета. Я благодарю за ценные советы бывших коллег и гостей в WZB: Саймона Борншира, Томаса Кусака, Дейвида Истона, Филиппа Харфста, Сеймура М. Липсета, Сибиллу Франк, Дитера Фукса, Томаса Кенига, Ханспитера Кризи, Аннету Легутке, Фридрихельма Нидхардта, Кеннета Ньютона, Гильермо О’Доннела, Барбару Пфетч, Эдельтруду Роллер, Кая-Уве Шнаппа, Карстен Шнайдер, Гуннар Фольке Шупперта, Андреа Фолькенс и Бенхарда Вессельса.

Среди немецких коллег я получил рекомендации от Йенса Альбера, Штефана Бергхайма, Дирка Берг-Шлоссера, Клауса фон Бейме, Германа Дюлмера, Юргена Герхардса, Штефана Храдила, Вольфганга Ягодзински, Веснера Янна, Вольфганга Керстинга, Гельмута Клагеса, Маркуса Кляйна, Ганса-Йохима Лаута, Штеффена Мау, Вольфганга Меркеля, Гейнера Мюллемана, Экехарда Мохманна, Ингвилл Мохманн, Герта Пикеля, Сусанны Пикель, Маркуса Квандта, Сигрид Росстечер, Фидрберта Рюба, Фрица Шарпфа, Вольфганга Шлюхтера, Райнера Шмальц-Брюнса, Манфреда Г. Шмидта, Сигмар Шмидт, Петера Шмидта, Рюдигера Шмидт-Бека, Ганса-Юргена Шуппа, Фрица Страка и Яна ван Дета.

Среди иностранных коллег я получил рекомендации от Пола Абрамсона, Питера Ансельма, Винтона Бейтса, Жанетты Синдинг Бенцен, Майкла Х. Бонда, Дана Брандсторма, Майкла Брэттона, Хуана Диас-Медранс, Ренске Доренсплита, Рональда Фишера, Дож Фоурейкера, Герберта Гинтиса, Брюс Гилли, Гэри Герца, Акселя Хейдениуса, Якоба Гернера Харири, Сорен Холмберга, Ганса Кемана, Николая Каарсена, Даризля Канемана, Одбьерна Кнутсена, Тодда Ландмана,

Стаффана Линдберга, Фредерика Лундмарка, Роберта Мэтьюса, Пиппы Норрис, Памелы Пакстон, Анны Маии Пинна, Бо Ротстайна, Джеффри Сакса, Франческо Саррацино, Шалома Шварца, Ричарда Сеннета, До Чул Шина, Пола Снайдермана, Диеглинды Штолле, Роджера Стафа, Кристиан Тоуни, Жака Томассена, Николаса Валентино, Эверта фон де Флиерта, Питера Виброу и Асгера Молл Вингендера.

На месте прежней работы в Бременском университете Якобса я постоянно обменивался идеями с Клаусом Бенке, Матеусом Богаардсом, Хильке Брокманом, Яном Делхаем, Хуаном Диас-Медрано, Ейнсом Фестером, Фреей Хардт, Максом Каазе, Арвидом Каппасом, Ульрихом Кюененом, Марион Мюллер, Клаусом Шуманом, Урсулой Стауднигер, Марко Фервеем и Адальбертом Вильгельмом.

В Институте Исследований будущего, где располагается секретариат Ассоциации Мирового исследования ценностей, я особенно плодотворно и интенсивно обменивался мнениями о моей работе с Питером Хедстромом, Би Пуранен, Викторией Спейсер и Дейвидом Самптером.

У меня были очень активные контакты с участниками сети исследователей Мирового исследования ценностей и Европейского исследования ценностей. Я часто получал комментарии от Фареса аль-Брайзата, Мариты Карбалло, Нила Невитта, Джейми Диас-Николаса, Хуана Диас-Николаса, Илмаза Есмера, Кристиана В. Хепфера, Лоека Халмана, Жака Хагенаарса, Хенне Котце, Марты Лагос, Рууда Люйкса, Бернхарда Латегана, Олы Листхауг, Мансура Моадделя, Алехандро Морено, Торлейма Петтерсона, Каталины Ромеро, Урсулы фон Беек, Бирола Йесилада, Эфраима Юхтман-Яра, а также Би Пуранен и ее замечательной семьи, которые заслуживают специального упоминания и благодарности за их поддержку в последние десять лет.

Во время регулярных посещений Центра исследований демократии (CSD) Калифорнийского университета происходил очень полезный обмен мнениями с Деборой Авант, Кэтрин Болзендал, Томасом Дойлом, Венг Фенгом, Рубеном Клайном, Дэйвидом Майером, Марком Петракка, Уэйном Сандхолцем, Вилли Шонфельдтом, Дэйвидом Сноу, Рейном Тагепеера, Юлией Твердовой, Кэрл Уландер и Стивом Уэлдоном. Мои особые благодарности сотрудникам CSD, его бывшим директорам Расселу Дж. Дальтону, Берни Грофману и Вилли Шонфельду, за их поддержку во время моих регулярных визитов. Я также глубоко благодарен Расселу Дж. Дальтону, с которым имел честь сотрудничать, готова к изданию еще одну книгу, близкую к завершению (Dalton & Welzel, 2013).

Я не смог бы завершить эту книгу без поддержки команды моей кафедры в Центре исследования демократии университета Лейфана. Я благодарю Бьерна Бусса, Яна Мюллера, Николаса Напиерала и Марен Вулф. Кроме них я также благодарен за комментарии многим другим членам центра, включая Базила Борнемана, Себастьяна Элишера, Давида Фридриха, Флорина Гроца, Ину Куббе, Фердинанда Мюллер-Роммеля, Томаса Сарецки, Эстер Сеха, Шарлоту Шпет и Ральфа Тилса.

В роли иностранного консультанта Лаборатории сравнительных социальных исследований (LCSR) Высшей школы экономики я получил обстоятельные и ценные советы от Даниила Александрова, Евгении Быстровой, Наталии Фирсовой, Ольги Грязновой, Рональда Чарльза Инглхарта, Татьяны Карабчук, Светланы Хуткой, Леонида Косалса, Вероники Костенко, Анны Немировской, Эдуарда Понарина,

Марии Равлик, Андрея Щербака, Юлии Зеликовой, Алексея Захарова, Маргариты Завадской и Кирилла Жиркова. Директор ЛССИ Эдуард Понарин и заместитель директора Татьяна Карабчук заслуживают особой благодарности за их административную и личную поддержку во время моего пребывания в России.

Наиболее активно я обменивался мнениями с людьми, работающими в финансируемом Немецким научным фондом (DFG) проекте «Детерминанты и следствия постиндустриальных изменений ценностей: Германия в сравнительной перспективе». Это, прежде всего, мой менеджер проекта Франциска Дойч и наши замечательные ассистенты: Ян Айхорн, Максимилиан Хелд, Ева Гржезник, Якоб Хенсинг и Джулиан Вючерпфенниг.

В этой группе Штефани Реер заслуживает особой благодарности: она вычитала первую версию этой рукописи. Также я особо благодарю Роберто Фоа, Криса Сводера, Шербана Танасу и Брейн Уинтона, которые дали детальные комментарии к предварительному варианту рукописи. Гэри Герц дал подробные рекомендации по ряду проблем измерения показателей. Я также в долгу перед Пиппой Норрис, поделившейся со мной обширным опытом подготовки заявок для книг и маркетинговой информацией. Мои искренние благодарности!

Далее хочу поблагодарить Немецкий научный фонд, Фонд Александра Гумбольдта и Школы гуманитарных и социальных наук Бременского университета Якобса, Центры исследования демократии Калифорнийского университета и Люнебургского университета Лейфана, Лабораторию сравнительных социальных исследований Высшей школы экономики, а также Институт исследований будущего в Стокгольме за финансовую и административную поддержку. Мои специальные благодарности Лью Бэйтману, главному научному редактору отделения в США издательства Cambridge University Press и Шо-чу Виджиллу, его помощнику. Они проработали огромную работу, помогая мне редактировать книгу.

Эта книга потребовала значительной части моего времени и энергии. Поэтому мне была нужна поддержка людей в моем личном окружении, включая моих дочерей (моих настоящих драгоценностей) Янику и Фелипу Фе Вельцель, моих родителей Гизелу и Петера Вельцелей, родителей и родственников моей жены — Жаннет, Линн, Шона, Майка и Криса Александров и их семьи, и моего давнего и близкого друга и его жену — Герта и Кристину Шлоссмахер. Спасибо вам всем.

В заключение хочу поблагодарить Эми Александер, мою жену, друга и коллегу. От тебя я получил много советов, вдохновения и поддержки, получил гораздо больше, чем я мог бы когда-либо ожидать. Я посвящаю эту работу тебе.

Я также признателен Валерию Федорову, руководителю Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), благодаря которому моя книга издана в России.

Сокращения

Активность общественных движений (Social Movement Activity) — АОД

Валовый внутренний продукт (Gross Domestic Product) — ВВП

Водная автономность в прохладном климате (Water Autonomy in a Cool Climate) — ВАПК

Дезоксирибонуклеиновая кислота (Deoxyribonucleic Acid) — ДНК

Европейское исследование ценностей (European Values Study) — ЕИЦ

Индекс гражданских прав (Citizen Rights Index) — ИГП

Индекс светских ценностей (Secular Values Index) — ИСЦ

Индекс эмансипативных ценностей (Emancipative Values Index) — ИЭЦ

Лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры (Lesbian, Gay, Bisexual and Transgender) — ЛГБТ

Мировое исследование ценностей (World Values Surveys) — МИЦ

Прохладная вода (Cool Water) — ПВ

Светские ценности (Secular Values) — СЦ

Эмансипативные ценности (Emancipative Values) — ЭЦ

Список таблиц

- Табл. 1.1:* Стадии обретения людьми способностей и прав
- Табл. 1.2:* Технологическое развитие и демократизация в середине 1990-х годов
- Табл. 1.3:* Культурные зоны и стадии человеческой эмансипации
- Табл. 2.1:* Измерение светских ценностей в данных МИЦ/ЕИЦ
- Табл. 2.2:* Инвариантность структуры светских ценностей
- Табл. 2.3:* Измерение эмансипативных ценностей на данных МИЦ/ЕИЦ
- Табл. 2.4:* Инвариантность структуры эмансипативных ценностей
- Табл. 2.5:* Объяснение согласованности эмансипативных ценностей
- Табл. 2.6:* Корреляция эмансипативных ценностей и их компонентов с их предполагаемыми предтечами и последствиями
- Табл. 2.7:* Корреляции индикаторов развития, связанных и не связанных с культурой
- Табл. 3.1:* Материальная, интеллектуальная и коммуникативная эмансипация как объяснение эмансипативных ценностей
- Табл. 3.2:* Дисперсия средних страновых показателей эмансипативных ценностей, объясненная их кластеризацией по культурным зонам
- Табл. 3.3:* Причины кластеризации эмансипативных ценностей по культурным зонам (двухшаговая регрессия по методу наименьших квадратов)
- Табл. 4.1:* Реципрокная система изменений материального благополучия и эмансипативных ценностей
- Табл. 4.2:* Хронологический тест компонентов человеческой эмансипации (с использованием замещающих переменных)
- Табл. 5.1:* Многоуровневая модель, объясняющая приоритеты благополучия
- Табл. 5.2:* Многоуровневая модель, объясняющая общее благополучие
- Табл. 6.1:* Влияние эмансипативных ценностей на индивидуализм и альтруизм (многоуровневые модели)
- Табл. 6.2:* Влияние эмансипативных ценностей на доверие и гуманизм (многоуровневые модели)
- Табл. 7.1:* Повторный анализ стандартной модели активности общественных движений на данных пятой волны МИЦ (неконкурирующие модели)
- Табл. 7.2:* Повторный анализ стандартной модели активности общественных движений на данных пятой волны МИЦ (конкурирующие модели)

- Табл. 7.3:* Роль угроз репрессий (многоуровневые модели)
- Табл. 7.4:* Динамическая модель подъема активности общественных движений
- Табл. 8.1:* Корреляция эмансипирующих социальных условий 1995 г. с расширением прав человека в 2005 г.
- Табл. 8.2:* Влияние эмансипирующих социальных условий на последующее расширение прав человека (до и после устранения эндогенности)
- Табл. 9.1:* Система динамических взаимосвязей (модель долгосрочных изменений гражданских прав)
- Табл. 9.2:* Система динамических взаимосвязей (модель краткосрочных изменений гражданских прав)
- Табл. 9.3:* Система динамических взаимосвязей (модель долгосрочных изменений прав женщин)
- Табл. 9.4:* Система динамических взаимосвязей (модель краткосрочных изменений прав женщин)
- Табл. 10.1:* Эмпирически выявленные измерения популярных определений демократии
- Табл. 10.2:* Влияние эмансипативных ценностей на взгляды населения на демократию (многоуровневые модели)
- Табл. 11.1:* Влияние водной автономности на технологическое развитие в сравнении с другими предикторами (парные корреляции)
- Табл. 11.2:* Тестирование предсказательной силы водной автономности для технологического прогресса в сравнении с альтернативными предикторами (множественные регрессии)
- Табл. 11.3:* Анализ эндогенности контроля рождаемости для процесса развития (двухшаговая регрессия по методу наименьших квадратов)
- Табл. 11.4:* Уменьшение влияния природных условий и рост влияния глобализации на технологический прогресс
- Табл. 12.1:* Влияние компонентов человеческой эмансипации на различные аспекты экологии
- Табл. 12.2:* Влияние эмансипативных ценностей на активность экологических движений (многомерные модели)

Список рисунков

Рис. 1.1: Тенденция изменения качества жизни в регионах мира (1970—2010 гг.)

Рис. 1.1: Концепция человеческой эмансипации

Рис. 1.2: Циклы человеческой эмансипации и дезэмансипации

Рис. 2.1: Влияние технологического развития на степень согласованности эмансипативных ценностей (до и после контроля на принадлежность к Западу и их демократических традиций)

Рис. 2.2: Унимодальные и центрированные вокруг среднего распределения эмансипативных ценностей

Рис. 2.3: Новая культурная карта мира

Рис. 2.4: Зоны культур на мировой карте культур

Рис. 2.5: Траектории движения демографических когорт на мировой карте культур

Рис. 2.6: Глобальные различия ценностей в зависимости от перехода к демократии и технологического развития

Рис. 2.7: Межгрупповые различия по показателям эмансипативных ценностей по странам (полярные группы по уровню образования и дохода)

Рис. 2.8: Межгрупповые различия по показателям эмансипативных ценностей по странам (этничность, язык, религия)

Рис. 3.1: Влияние на эмансипативные ценности принадлежности к демографической когорте в зависимости от технологического развития

Рис. 3.2: Влияние уровня образования на эмансипативные ценности в различных культурных зонах

Рис. 3.3: Концепция социального взаимного обогащения

Рис. 3.4: Влияние уровня образования на эмансипативные ценности в зависимости от технологического развития

Рис. 3.5: Влияние прохладного климата на технологическое развитие

Рис. 3.6: Влияние прохладного климата в различных культурных зонах

Рис. 3.7: Наблюдаемые и предсказанные показатели эмансипативных ценностей в различных культурных зонах

Рис. 3.8: Хронологическая путевая модель тезиса источника из теории эмансипации

- Рис. 4.1:* Рост эмансипативных ценностей между когортами и внутри когорт (экономики знаний, примерно 1980—2005 гг.)
- Рис. 4.2:* Влияние экономического роста на рост эмансипативных ценностей
- Рис. 4.3:* Влияние экономического роста и демократизации на рост эмансипативных ценностей (другая независимая переменная контролируется)
- Рис. 4.4:* Различия в ретроспективных оценках эмансипативных ценностей между культурными зонами (без корректировки и с корректировкой тренда)
- Рис. 4.5:* Козволюция трех компонентов эмансипации человечества в различных культурных зонах (1940—2000 гг.)
- Рис. 4.6:* Частные эффекты ранее имевшихся ресурсов и прав человека на последующий уровень эмансипативных ценностей (объединенные и упорядоченные по времени регрессии на данных поперечных срезов с коррекцией стандартных ошибок для панели)
- Рис. 4.7:* Асимметрия между реципрокными влияниями предшествующих показателей прав человека на последующий уровень эмансипативных ценностей и предшествующих значений эмансипативных ценностей на последующий уровень прав человека (регрессия на данных поперечных срезов, объединенных и упорядоченных по времени, с коррекцией стандартных ошибок для панели)
- Рис. 4.8:* Сравнение реципрокных влияний эмансипативных ценностей и прав человека в альтернативных спецификациях системы из трех уравнений, представленной в таблице 4.2
- Рис. 5.1:* Влияние эмансипативных ценностей на приоритеты благополучия
- Рис. 5.2:* Причины и следствия внутреннего и внешнего приоритетов благополучия
- Рис. 6.1:* Пространство личностных ценностей (анализ координат)
- Рис. 6.2:* Траектория эмансипативных ценностей в пространстве личностных ценностей
- Рис. 6.3:* Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на неэгоистические ориентации
- Рис. 6.4:* Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на обобщенное доверие
- Рис. 6.5:* Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на гуманистические ориентации
- Рис. 7.1:* Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на активность общественных движений
- Рис. 7.2:* Частные эффекты риска репрессий и эмансипативных ценностей на активность общественных движений
- Рис. 7.3:* Подъем активности общественных движений в экономиках знаний (1980—2005 гг.)
- Рис. 7.4:* Влияние изменений эмансипативных ценностей на изменение активности общественных движений
- Рис. 8.1:* Институционализируемая власть людей как совокупность гражданских прав
- Рис. 8.2:* Типология режимов на основе прав на личную автономию и прав на гражданское участие

- Рис. 8.3: Распределение режимов в пространстве двух видов прав (2000 г.)*
- Рис. 8.4: Индекс прав человека*
- Рис. 8.5: Типы режимов (демократии/автократии) и их показатели по индексу гражданских прав (2000 г.)*
- Рис. 8.6: Распространение глобальной волны демократизации по данным индекса гражданских прав (1981—2010 гг.)*
- Рис. 8.7: Структурная модель уровней человеческой эмансипации*
- Рис. 8.8: Частные эффекты подкрепленных и не подкрепленных ценностями предпочтений демократии на гражданские права*
- Рис. 9.1: Эмансипативные ценности и ошибочные оценки прав*
- Рис. 9.2: Динамика взаимосвязи между эмансипативными ценностями и гражданскими правами*
- Рис. 9.3: Динамика взаимосвязи между эмансипативными ценностями и правами женщин*
- Рис. 9.4: Оценка связи между эмансипативными ценностями и гражданскими правами в 1975 г.*
- Рис. 9.5: Изменения ценностей и прав как функция начального несоответствия ценностей и прав*
- Рис. 9.6: Эмансипативные ценности и права ЛГБТ (статический и динамический эффекты)*
- Рис. 10.1: Обобщение популярных определений демократии*
- Рис. 10.2: Понимание и оценка демократии в различных культурных зонах (до и после уточнения понятия демократии)*
- Рис. 10.3: Желание демократии в различных культурных зонах (до и после уточнения понятия демократии)*
- Рис. 10.4: Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на либеральность суждений и критичность в оценках демократии*
- Рис. 10.5: Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на неопределенные и на критически-либеральные желания демократии*
- Рис. 10.6: Дефицит демократии и дефицит критически-либерального мышления*
- Рис. 11.1: Влияние водной автономии на технологическое развитие*
- Рис. 11.2: Динамика влияния изначальных форм защищенности от болезней и водной автономии на технологическое развитие (с начала Нового времени до наших дней)*
- Рис. 11.3: Динамика влияния изначальных форм защищенности от болезней и водной автономии в прохладном климате на среднедушевой доход (до и после Великой смены курса цивилизации)*
- Рис. 11.4: Каузальная динамика от доисторических природных условий на текущий уровень технологического развития (тезис источника)*
- Рис. 11.5: Первоначальная задержка и последующее ускорение развития под влиянием водной автономности (антропологические данные)*
- Рис. 11.6: Историческое влияние водной автономности на рыночный обмен (с контролем возраста общества)*
- Рис. 11.7: Историческое влияние водной автономности на паттерны формирования семьи (с контролем формирования государства и урбанизации)*

Рис. 11.8: Сопоставление эмансипативной и эксплуататорской конфигураций цивилизации

Рис. 11.9: Стилизованное изображение истории цивилизации

Рис. 11.10: Уменьшение влияния природных условий и усиление влияния глобализации на технологическое развитие

Рис. 12.1: Влияние технологического развития страны на природную среду

Рис. 12.2: Влияние эмансипативных ценностей в обществе на качество природной среды

Рис. 12.3: Влияние эмансипации общества на его экологическую устойчивость

Рис. 12.4: Эмансипативные ценности как фактор влияния экологической сознательности на участие в экологических движениях

Рис. С.1: Краткая схема доказательства центральной роли эмансипативных ценностей в процессе эмансипации человечества

Рис. С.2: Влияние эмансипативных ценностей на смену сковывающего социального капитала освобождающим

Список вставок

Вставка 1: Конструирование размерностных и композиторных индексов

Вставка 2: Преимущества нормализации от 0 до 1

Вставка 3: Социальное взаимообогащение и экологические эффекты

Вставка 4: Индексы на основе условных и комплементарных комбинаций

Введение

[Стала больше] зависимость правительств от управляемых, которых необходимо хорошо мотивировать, чтобы сложное государство-общество могло нормально функционировать... Но даже в тех случаях, когда это давление [правительств] диффузное, настроения масс населения... являются в наше время гораздо более мощным фактором в балансирующих противовесах власти в государстве-обществе, чем когда-либо раньше.
Элиас, 2010, 138¹ (Элиас, 1984: 229)

1. Тема — Свобода на подъеме

С самого появления на планете нашего вида и до последнего времени большинство людей жили в бедности и опасности, их жизнь была коротка. Хуже того, с появлением цивилизации люди попали под власть правителей. С тех пор организация государства была подчинена цели совершенствования эксплуатации, и тысячелетиями растущие возможности государства означали усиливающееся подавление свобод (Diamond, 1997; Nolan & Lenksi, 1999). Только совсем недавно эта тенденция начала меняться на противоположную. Первыми сигналами были революции в Англии, Нидерландах, Америке и Франции в XVII и XVIII столетиях (Grayling, 2007). Эти либеральные революции изменили ход истории: тирании, хотя и продолжали существовать, уже не пребывали в безопасности; они начали все быстрее и быстрее сдавать позиции (Modelski & Gardner, 1992, 2003).

Протест обычных людей против угнетения и борьба за свободы были первоначально исключительным атрибутом Запада. Однако многочисленные поражения авторитаризма в разных регионах мира породили несколько волн демократизации, подтолкнули к распаду коммунизма, «цветным революциям» и Арабской весне (Huntington, 1991; Markoff, 1996; McFaul, 2002; Weijner, 2005; Kalandadze & Orenstein, 2009; Gause, 2011). Мирное давление людских масс, требовавших свобод, было движущей силой всех этих революций (Ackerman & Karatnycky, 2005; Schock, 2005). Конечно, как нам напоминают некоторые поразительные случаи

¹ Элиас Н. Знание и власть // Знание: собственность и власть: Хрестоматия / отв. ред. В. А. Садовничий. М.: ИСПИ РАН, 2010. — Прим. ред.

устойчивости и возрождения авторитарных режимов, свободы людей не всегда побеждают (Bunce & Wolchik, 2010; Levitsky & Way, 2010). Тем не менее желание обрести свободу еще никогда не высказывалось так мощно, так часто и в столь многочисленных местах, как сегодня, причем как в демократических странах, так и за их пределами (Clark, 2009; Tilly & Wood, 2009; Carter, 2012).

Эта книга о человеческом стремлении к свободам и об источнике его вдохновения: о желании эмансипации — жизни, свободной от внешнего доминирования. Где бы и когда бы ни возникало это желание, оно проявляется в том, что я называю *эмансипативными ценностями*. Эти ценности представляют собой психологическое ядро широкого процесса *человеческой эмансипации*. Этот процесс повсеместен. Он трансформирует современный мир разнообразными, но согласованными друг с другом способами, некоторые из которых будут представлены ниже. Поскольку эмансипативные ценности воплощают «дух» процесса обретения людьми власти, книга фокусирует внимание на зарождении и росте этих ценностей, анализируя их содержание, движущие силы и следствия.

Эмансипация как идея жить свободно от подчинения господству — это всеобщее желание (Sen, 1999). Как сознательные существа с даром воображения люди обладают неотъемлемым стремлением к жизни, свободной от внешних ограничений (Deci & Ryan, 2000; Haller & Hadler, 2004; Fischer & Boer, 2011). Даже если никакой «свободы воли» в абсолютном смысле этого понятия нет, как полагают некоторые авторы (Harris, 2012), вера в свободу воли — важная часть психологии людей, и, если эта вера подорвана, возникает ряд негативных последствий: люди чувствуют себя менее счастливыми и хуже контролируют свои эгоистические побуждения (Ryan & Deci, 2000; Baumeister, Maslach & DeWall, 2009).

Желание свобод настолько фундаментально, что ему уделяют внимание все основные религии, выдвигающие идею спасения. Спасение, по своей сути, — эмансипативная идея, потому что оно обещает свободу от подчинения внешнему господству после [земной] жизни (Dumont, 1986; Lal, 1998). Эмансипативные ценности отличаются от идеи спасения тем, что они нацелены на освобождение в этой жизни, и представляют собой светскую версию стремления к свободам.

Эмансипативные ценности адаптируются к экзистенциальным ограничениям, которые люди не могут контролировать. Предпочтения эмансипативных ценностей усиливаются, когда ослабевает внешнее давление на человеческую жизнь. Напротив, когда принудительность условий существования сильна, эмансипативные ценности остаются пассивными. Следовательно, они развиваются в ответ на изменения полезности свобод. Где ослабление притеснений увеличивает полезность свобод, там люди сразу начинают их ценить. Эта связь между полезностью и ценностью имеет практическое значение для жизни людей: она не позволяет нашим ценностям оторваться от реальности и помогает поддерживать благополучие в изменяющихся условиях.

Большую часть истории условия жизни обычных людей были тяжелыми и бедственными (Maddison, 2007; Morris, 2010; Galor 2011). Пока это было так, не было массовой поддержки эмансипативных ценностей. Однако с прорывом в индустриальную эру постоянно росла доля людей с относительно высоким уровнем жизни, увеличивалась продолжительность жизни, улучшались другие её условия.

Благодаря этим улучшениям, жизнь трансформируется и превращается из источника угроз в источник возможностей, из борьбы за выживание — в стимул для процветания. Когда жизнь становится привлекательной и перспективной, действия людей начинают определяться не давлением внешних обстоятельств, а их внутренними мотивами и желаниями. Таким образом, целые популяции людей поднимаются по лестнице полезности свобод. Когда это происходит, реализация свобод и толерантность к ним становятся все более полезными при тех новых возможностях, которые теперь предлагает более привлекательная жизнь. Это глобальное изменение жизни людей происходит не только в западных обществах. Миллионы людей в Китае, Индии и других быстро развивающихся обществах расстаются с бедностью, угнетением и другими тяжелыми условиями жизни (Simon, 1996, 1998; Goklany, 2007). В результате у людей пробуждается стремление к эмансипации, свободам, и усиливаются эмансипативные ценности.

Это не означает, что бедность и угнетение повсеместно уходят в прошлое, однако доля людей, живущих в бедственных условиях, снижается (World Bank, 2002; Sachs, 2005). Еще никогда в истории человечества уровни дохода, грамотности и продолжительности жизни не были такими высокими у большой доли населения планеты (Maddison, 2007; Ridley, 2010; Morris, 2010). Действительно, во многих регионах условия жизни улучшались, начиная с 1970-х гг. (Estes, 1998, 2000a, 2000b, 2010; Moore & Simon, 2000; Heylighen & Bernheim, 2000; Lomborg, 2001). Исключением был ряд стран в Африке южнее Сахары, хотя недавно и там появились позитивные изменения (Africa Progress Panel, 2012). То же верно и для постсоветского мира: постсоветские общества пережили период ухудшения жизненных условий после краха коммунизма, но сейчас ситуация в них исправляется. Три диаграммы на рисунке 1.1 подтверждают вышесказанное, показывая данные о продолжительности жизни, образовании и доходах в разных регионах мира.

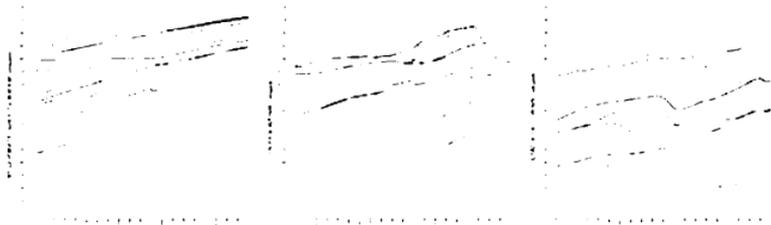

Рисунок 1.1. Тенденция изменения качества жизни в регионах мира (1970—2010 гг.)

Примечание: Тренды основаны на моих собственных расчетах по данным для 136 стран, опубликованным в Программе развития Организации Объединенных Наций (2011). Данные о том, каким образом страны объединены по регионам, см. в приложении I. Нужно учитывать, что восходящие тренды преобладали во всем мире в последние тридцать лет, с двумя исключениями: (1) продолжительность жизни и благосостояние в африканских странах южнее Сахары начали расти лишь недавно; (2) после краха коммунизма посткоммунистические общества столкнулись с падением качества жизни, особенно уровня благосостояния, но сейчас ситуация улучшается.

Войны, террор, пытки и другие формы физического насилия в большинстве мест стали встречаться реже с окончанием периода деколонизации (Human Security Report Project, 2006; Gat, 2006; Nazaretyan, 2009; Pinker, 2011). В самом деле, глобальное распространение демократии и усилившееся внимание к правам человека помогли ограничить угнетение людей в глобальном масштабе (Huntington, 1991; Markoff, 1996; Moravcsik, 2000; McFaul, 2002; Landman, 2005; Pegram, 2010).

Женская половина человечества особенно выиграла от сокращения репрессивных практик. Патриархатность — самая долговременная форма угнетения людей — отступает, и статус женщин устойчиво повышается почти во всех странах мира, за редким исключением (Walter, 2001; Inglehart & Norris, 2003; Strom, 2003; Paxton, 2009; Alexander & Welzel, 2010)².

Поисходят улучшения даже в той сфере, в которой, по мнению ученых, они были невозможны: субъективном благополучии (Easterlin, 1995; 2005). Как показывают недавние исследования, удовлетворенность жизнью и количество «счастливых прожитых лет» увеличились за последние тридцать лет в большинстве стран, для которых доступны данные (Hagerty & Veenhoven, 2006; Inglehart, Foa, Peterson & Welzel, 2008; Veenhoven, 2010)³.

Физическая безопасность, мир, процветание, продолжительность жизни, образование, технология, демократия, главенство закона, гражданские права, доверие, толерантность, активность общественных движений, гендерное равенство, социальная безопасность, защита окружающей среды и счастье людей — все эти показатели выше в постиндустриальных обществах знаний (Bell, 1973; Toffler, 1990; Drucker, 1993; Florida, 2002). Эти общества находятся на переднем крае процесса человеческой эмансипации. Люди в обществах знаний живут в условиях ослабления механизмов социального контроля, ослабления групповых норм, снижения конформного давления и, обобщая вышесказанное, в условиях индивидуализации: процесса, передающего контроль над поведением людей в их собственные руки (Wellman, 1979, 2001; Beck, 2002). Когда это происходит, социальные институты все в большей степени нуждаются в добровольном согласии людей, чтобы функционировать (Coleman, 1990). Индивидуализация повышает важность человеческих ценностей как руководства для действий. Как показывает эта книга, наиболее важный набор ценностей, появляющийся в процессе индивидуализации, — это эмансипативные ценности.

Эмансипативные ценности подчеркивают свободу выбора. Однако ориентация на свободу — не эгоистическая: она сочетается с подчеркиванием важности равенства возможностей. Это направляет внимание людей на вопросы социальной справедливости. В результате людей все больше заботят и огорчают случаи дискриминации. Можно выделить два аспекта взаимосвязи эмансипативных ценностей и толерантности. С одной стороны, эмансипативные ценности подразумевают большую толерантность к девиантному поведению,

² Это утверждение подкрепляется данными Программы развития ООН (United Nations' Development Program, 2011), индекса гендерного развития (Gender Development Index, или GDI) > показателем гендерного эмпауэрмента (Gender Empowerment Measure, или GEM), демонстрирующими постоянные улучшения жизни и участия в управлении женщинами почти во всех странах мира.

³ Исследование Инглхарта с коллегами (Inglehart et al., 2008) показало, что субъективный уровень счастья вырос в пятидесяти из пятидесяти пяти обществ, для которых доступны данные не менее чем за пятнадцать лет.

невмешательство в личные дела других людей. Люди по мере усиления эмансипативных ценностей относятся терпимее к гомосексуальности и другим проблемным, приемлемым для общества формам отклонения от норм. С другой стороны, эмансипативные ценности означают *меньшую* толерантность к поведению, которое нарушает права других людей. Следовательно, сексуальные, расистские и другие формы дискриминации становятся менее приемлемыми, чем более усиливаются эмансипативные ценности. Эмансипативные ценности порождают *либеральный* тип толерантности. Либеральная толерантность нетерпима к *антилиберальным* практикам.

Эмансипативные ценности, понимаемые как ориентация на свободу выбора и равенство возможностей, нельзя считать абсолютно новым феноменом. Напротив, эмансипативные идеалы были первоначально сформулированы философами эпохи Просвещения: Кантом, Миллем и Монтескье (Grayling, 2007). В начале Нового времени дух эмансипативных ценностей вдохновлял либеральные революции XVII—XVIII вв. в Западной Европе и Северной Америке (Chiro, 1994). Первоначально фокусом эмансипации была отмена рабства и крепостного права, а также защита людей от тирании государства. С тех пор произошли изменения: дух эмансипации распространился и стал массовым, и теперь любые формы дискриминации уже не остаются без внимания, будь то расизм, сексизм, эйджизм, и любые другие формы несправедливости. Очень важно, что эмансипативные ценности появились и за пределами западного мира. Мы отмечаем их рост в Латинской Америке, в посткоммунистическом мире, в Азии, на Ближнем Востоке, а также в некоторых странах Африки. По крайней мере, как мы увидим в главах 3 и 4, это показывают данные Мирового исследования ценностей.

По мере усиления эмансипативных ценностей они мотивируют ряд движений за равные права. Они также продвигают антидискриминационные нормы, которые становятся главным стандартом оценки для критически настроенных масс-медиа и процветающей индустрии общественных организаций, занимающихся социальным мониторингом (Keane, 2011). Постоянное публичное давление на чиновников со стороны общественных движений и масс-медиа ограничивает их власть над людьми. В обществах знаний права человека постоянно расширяются, что получило название «революции прав» (Epp, 1998; Ignatieff, 2000; Frank, 2002; Pinker, 2011). Сходным образом развивается защита людей от произвола и власти правительства и корпораций, вводится новое законодательство для защиты потребителей, личных данных, меньшинств и других прав человека (Bainbridge, 2000; Bagudu, 2003; Freeman, 2003; Switzer, 2003; Carey, 2004; Hibbert, 2004; Long, 2004; Kafka, 2005; Keane, 2011). В то же самое время открываются новые каналы участия людей в политике и планировании политических решений (Smith & Wales, 2000; Petts, 2001; Scarrow, 2001; Ansell & Gingrich, 2003; Cain, Egan & Fabrini, 2003).

Эти тенденции наиболее отчетливо проявляются в обществах знаний и разрыв между этими обществами и остальным миром все еще велик. Тем не менее и другие общества по всему миру подхватывают данные тенденции.

У всех указанных выше социальных изменений есть общая черта: каждое тем или иным способом способствует увеличению власти людей — дает им возмож-

ность пользоваться свободами, включая свободу самим принимать жизненные решения и участвовать в общественной жизни. Но одна из наиболее значимых черт всех этих изменений связана с тем, что объединяющую их тему редко замечают. Из-за специализации различные группы ученых-обществоведов обсуждают лишь отдельные аспекты этих изменений. Единая тема, которая объединяет многочисленные изменения в единый поток, не замечается: это «гуманистическая трансформация» цивилизации, единый поток событий, усиливающий в обществах влияние и власть обычных людей. Лучше всего это назвать *процессом человеческой эмансипации*.

Эмансипативные ценности — источник вдохновения этого процесса. Вот почему данная книга сфокусирована именно на них. В следующем параграфе представлен обзор различных ее глав. Затем, в третьем параграфе данного введения, обсуждаются схема глобальных культурных зон и категоризация обществ по уровню эмансипированности людей, используемая во всех главах. Книга дополнена обширным приложением (см.: ссылку <http://www.cambridge.org/no/academic/subjects/politics-international-relations/comparative-politics/freedom-rising-human-empowerment-and-quest-emancipation>), в котором можно найти все технические подробности, в особенности — об измерении различных показателей и дополнительном анализе, а также данные, которые могут быть полезны для самостоятельной проверки выводов, представленных в данной книге.

2. План книги

Двенадцать глав этой книги сгруппированы в четыре части. *Часть А* содержит четыре главы и рассматривает суть и особенности эмансипативных ценностей. В *части В* три главы, в них обсуждается, каким образом эмансипативные ценности способствуют гражданской активности в обществах, выстраивающих новый социальный капитал. Три главы *части С* посвящены главным образом последствию эмансипативных ценностей для усиления гражданского общества: стремлению к демократии. В двух главах *части D* эмансипативные ценности рассмотрены в широкой цивилизационной перспективе; анализируется их значение в истории и их роль для экологической устойчивости нашей планеты. Далее приводится краткий обзор глав.

Глава 1. Теория эмансипации. Это теоретическая глава, в ней рассмотрены эмансипативные ценности в рамках широкого процесса человеческой эмансипации. С опорой на работы Сена (Sen, 1999) и Нусбаум (Nussbaum, 1998) в главе описывается человеческая эмансипация как процесс освобождения людей от внешнего господства. Эмансипативные ценности являются вдохновляющим ядром этого процесса. Они дают людям *психологическую* силу, укрепляя их мотивацию реализовать свободы. Как показано на рисунке 1.1, эмансипативные ценности дополняют два других элемента человеческой эмансипации: необходимые для действия ресурсы и гражданские права. Ресурсы для действий обеспечивают экзистенциальный аспект человеческой эмансипации, усиливают их способность использовать свободы. Гражданские права представляют собой *институциональный* аспект эмансипации, расширяющий гарантии свобод. Связанные эмансипативными ценностями, все три элемента вместе составляют человеческую эмансипацию.

В главе 1 утверждается, что эмансипативные ценности усиливаются как естественная реакция на снижение принудительности условий существования. Когда экзистенциальное давление снижается, люди контролируют больше ресурсов для действий и поэтому могут совершать больше действий и поступков по своей воле, они становятся эффективнее, большего добиваются. Следовательно, правовые возможности, гарантирующие свободы, становятся полезнее — более умелые и способные люди могут добиться большего, используя их; таким образом они поднимаются по лестнице полезности свобод. Поскольку люди замечают и понимают это, они хотят больших правовых возможностей. Усиление эмансипативных ценностей — проявление этого желания. Поскольку ценности нацеливают действия людей на желательные результаты, эмансипативные ценности побуждают людей требовать свобод, которых они хотят. В высказывании таких требований участвует все больше людей, по мере того как расширяется распространенность эмансипативных ценностей. Общие ценности и совместные действия способных и мотивированных людей обеспечивают такую силу солидарности, которой трудно противостоять. В какой-то момент правители вынуждены идти на уступки и предоставлять людям требуемые права и строго их соблюдать.

Если ресурсов для действий недостаточно, тогда та же логика работает в противоположном направлении: полезность свобод низка для тех, кто мало что способен сделать, вследствие этого люди меньше хотят свобод и менее ориентированы на эмансипативные ценности. Поэтому действия, нацеленные на требование и охрану прав, мало. В отсутствие таких требований у правителей нет причин расширять гражданские права; их стремление максимизировать власть не встречает сопротивления.

В соответствии с этими положениями три элемента человеческой эмансипации — необходимые для действия ресурсы, эмансипативные ценности и гражданские права — связаны единым корневым принципом: *лестницей полезности свобод*. Этот принцип относится к универсальным, всеобщим свободам и объясняет, когда гарантии таких свобод становятся полезными и желательными, а когда нет. Логика предполагает, что три элемента человеческой эмансипации появляются последовательно: сначала — эмансипативные ценности как психологическая реакция на расширившиеся ресурсы для действий; затем гарантируются, расширяются и реализуются гражданские права в ответ на солидарные действия наделенных влиянием и мотивированных людей. Тезис *последовательности* в моей теории эмансипации обобщает эти идеи, предполагая, что если свободы расширяются, это происходит в такой последовательности: от полезностей через ценности к гарантиям. Кроме того, акцент на *всеобщих свободах* этого тезиса предполагает, что это *коллективная последовательность*: всеобщие свободы перерастают из совместных полезностей через общие ценности во всеобщие гарантии прав.

Глава 2. Картирование различий. Все следующие главы — эмпирические. Я проверяю предположения, представленные в главе 1, используя обширные междустрановые и лонгитюдные данные Мирового исследования ценностей и Европейского исследования ценностей. Когда писалась эта книга, уже велся сбор данных шестой волны Мирового исследования ценностей, но ее данные появятся в открытом доступе только через два года. По этой причине я решил

ограничить исследование последней завершенной волной — пятой, которая была проведена в период с 2005 по 2008 гг. На основе этих данных в главе 2 представляется построенный на базе двенадцати показателей индекс эмансипативных ценностей. Концептуально этот индекс — более компактный способ измерения ценностей «выживания — самовыражения» Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005).

В контексте сравнительного кросс-культурного анализа ключевой вопрос таков: измеряют ли эмансипативные ценности лишь узкий западный конструкт, или они — универсальный концепт, который появляется везде (а не только на Западе), где расширяются ресурсы для действий. Тестирование модели, в которой внутренняя согласованность эмансипативных ценностей в девятистах пяти странах одновременно объяснялась западными традициями общества и ресурсами для действий, выявило большую значимость ресурсов для действий. Следовательно, эмансипативные ценности — это не западный концепт, а следствие расширения ресурсов для действий, находящихся в распоряжении людей, как и предполагает лестница полезности свобод.

Дальнейший анализ показал, что эмансипативные ценности группируются по национальным кластерам, которые сильно различаются между собой по уровню этих ценностей. Было также выявлено, что внутри каждого общества эмансипативные показатели ценностей имеют нормальное распределение — «колоколообразное» с единственным пиком. Следовательно, средние страновые показатели эмансипативных ценностей отражают наиболее типичный уровень эмансипативных ценностей для каждой страны. Это валидный показатель центра «культурной тяжести» страны относительно эмансипаторных идеалов.

Различия эмансипативных ценностей *внутри* обществ, связанные с поколениями, полом, образованием, доходом, родом занятий, религией и этнической принадлежностью, также существуют. Причем они демонстрируют понятный паттерн: в каждом из случаев группа с большими ресурсами для действий сильнее ориентирована на эмансипативные ценности, что опять-таки предполагает лестницу полезности свобод. Следовательно, мы получаем социальный профиль тех, кто обычно больше ориентирован на эмансипативные ценности. Во всех обществах этот профиль одинаков: люди с более высокими доходами, лучшим образованием и более широкими коммуникативными связями — все эти качества преобладают в городах, среди молодых когорт и в профессиях, требующих знаний. Однако эти сходства не делают одинаковыми ценности людей, принадлежащих к одной из таких групп, но живущих в разных обществах. Напротив, различия в эмансипативных ценностях между странами гораздо сильнее, чем различия внутри стран. Например, хотя выпускники университетов во всех странах несколько больше ориентированы на эмансипативные ценности, мы обнаруживаем среди них такие же межстрановые различия, что и у всего населения.

Глава 3. Многоуровневые факторы. Глава 3 анализирует взаимодействие факторов индивидуального и социального уровней в формировании эмансипативных ценностей. Используя многоуровневые модели, построенные на данных 150 000 респондентов из более чем 90 обществ, я анализирую, какой тип ресурсов для действий больше усиливает эмансипативные ценности: (а) *материальные*,

(b) интеллектуальные или (c) коммуникативные. Кроме того, я анализирую, какая часть эманиптивных ресурсов более значима: (a) *общая* для большинства людей или (b) *уникальная* для каждого индивида. Я нашел два ответа на эти вопросы: (1) интеллектуальные и коммуникативные ресурсы больше усиливают эманиптивные ценности, чем материальные ресурсы; (2) для всех трех типов ресурсов именно их *общая*, а не *уникальная* часть, в большей степени усиливает эманиптивные ценности. Этот паттерн отражает важный принцип: лестница полезности свобод — это лестница *социальных* общих полезностей, а не *уникальных* индивидуальных полезностей. Здесь действует социальное измерение, проявляющееся в солидарности, наблюдаемой, когда *совместные* полезности питают *коллективные* действия, предпринимаемые ради *общих* ценностей.

Социальное измерение демонстрирует удивительный паттерн, на который обычно не обращают внимания, но он постоянно появляется в этой книге: паттерн *взаимного обогащения* [cross-fertilization], когда потенциал [impulse] внутренне присущего индивиду признака усиливается, если данный признак преобладает в окружающем индивиду обществе. В качестве примера можно привести эманипаторный потенциал [impulse] образования: образование увеличивает эманиптивные ориентации индивидов, но если в обществе много образованных людей, эта тенденция становится более выраженной. Следовательно, высокообразованные люди сильнее ориентированы на эманиптивные ценности, когда их много, в сравнении с ситуацией, когда их мало. В этом заключается эффект взаимного обогащения: внутренне присущая образованник способность благоприятствовать эманипации тем сильнее, чем больше образованных людей взаимодействуют друг с другом.

Феномен взаимного обогащения подсказывает важную идею: социальное преобладание ценностей приводит к значимым следствиям независимо от индивидуальных предпочтений этих ценностей. По этой причине имеет смысл анализировать их преобладающие паттерны в разных обществах. Признание этого подчеркивает важность культуры, потому что как коллективный феномен культура проявляется именно в преобладании тех или иных ценностей.

Глава 4. Отслеживание изменений. В главе 4 анализируется динамика эманиптивных ценностей, представлены данные об их изменениях в мире и даны объяснения этим изменениям. Изменения ценностей детерминированы двумя факторами. Во-первых, когда ресурсы для действий людей прирастают от поколения к поколению, молодые когорты вступают в жизнь с более сильными эманиптивными ценностями, чем более старшие когорты. Это верно для всех культурных зон планеты, включая Африку южнее Сахары и конфуцианские общества. Кроме того, продолжающийся рост ресурсов для действий со временем поднимает уровень эманиптивных ценностей каждой когорты.

Отдельно анализируется направление причинно-следственных связей между тремя элементами человеческой эманипации: ресурсами для действий, эманиптивными ценностями и гражданскими правами. Впервые причинно-следственные взаимосвязи между этими тремя элементами проверяются в разных (альтернативных) направлениях на лонгитюдных данных. Я специально исследую каждый элемент на предмет его влияния на *последние* значения двух других элементов, независимо от их влияний в более *ранние* периоды.

Результаты доказывают, что главное направление каузальности — от ресурсов для действий к эмансипативным ценностям, а от них — к гражданским правам. В соответствии с этими результатами ресурсы для действий представляют собой основополагающий элемент, эмансипативные ценности — связывающий элемент, а гражданские права — завершающий элемент человеческой эмансипации. Эта каузальная цепочка подтверждает тезис последовательности эмансипативной теории: сначала растет ценность свобод, потому что выросла их полезность; потом устанавливаются гарантии свобод, или точнее, институционализируются, потому что одновременно выросли полезность и ценность свобод. Короче говоря, свободы растут в такой последовательности: полезность — ценность — гарантии.

В частях В и С анализ проводится в обратной перспективе. Мы больше не смотрим на то, как появились эмансипативные ценности. Вместо этого мы исследуем результаты роста эмансипативных ценностей. Если в части В я исследую, как появление эмансипативных ценностей приносит в общество «гражданскую силу», создающую новый социальный капитал, то в части С я фокусируюсь на одном их специфическом последствии — на демократии.

Три вещи делают эмансипативные ценности революционной гражданственной силой. Во-первых, они вдохновляют людей следовать своим внутренним мотивам, а не подчиняться внешнему контролю. Во-вторых, эта внутренняя мотивация усиливает эмпатию, чуткость к легитимной озабоченности других людей различными проблемами. Это создает просоциальную форму индивидуализма, благодаря которой даже совсем незнакомые и далекие люди воспринимаются как равные, что помогает людям объединяться для решения общих проблем. В-третьих, эмансипативные ценности побуждают людей действовать для решения этих общих проблем. В совокупности эти аспекты эмансипативных ценностей превращают их в гражданственную силу, побуждающую людей самим управлять своей жизнью и определять круг насущных проблем для их обществ. В главах 5—7 последовательно рассматривается каждый из этих трех аспектов.

Глава 5. Внутренние качества. В главе 5 исследуется, как эмансипативные ценности влияют на жизненные стратегии людей. Для этого я рассматриваю, как они влияют на то, какие сферы жизни определяют у людей общее ощущение благополучия. Предполагается, что большинство предпочитает хорошее положение вещей плохому, и поэтому внимание концентрируется на тех сферах, которые оказывают наиболее сильное влияние на общее ощущение благополучия. Используя многоуровневые модели, я обнаружил сильное влияние эмансипативных ценностей. Конкретнее, удовлетворенность, которую люди испытывают от ощущения *материального* благополучия, быстро снижается с ростом эмансипативных ценностей. В то же время удовлетворенность от ощущения *эмоционального* благополучия повышается так же резко, приводя к полной смене приоритетности детерминант общей удовлетворенности. Я интерпретирую это радикальное изменение как переход от стратегии, ориентированной на материальные условия жизни, к стратегии поиска более глубокой эмоциональной удовлетворенности. Это сигнализирует о переходе от стратегий *приобретения* к стратегиям *процветания*. Такая смена стратегий не отменяет стремления людей к материальным благам. Но теперь эти блага

перестают быть целью сами по себе: они важны как средство, помогающее добиться эмоциональной удовлетворенности.

Любая стратегия вызывает удовлетворение, если достигается цель. Но важен не только успех в достижении цели, но и тип поставленной цели. При одинаковой степени успешности стратегии процветания приносят большую удовлетворенность, чем стратегии приобретения. Я демонстрирую это с помощью многоуровневых моделей, в которых зависимая переменная — общее ощущение благополучия респондентов, а независимые — материальное благополучие, эмоциональное благополучие, а также степень *приоритетности* обоих типов благополучия. Как и ожидалось, и материальное, и эмоциональное благополучие повышают уровень общего благополучия. Однако если *приоритетность внутреннего*, эмоционального благополучия еще сильнее повышает ощущение общего благополучия, то *приоритетность внешнего*, материального благополучия, напротив, *понижает* оценку общего благополучия. Это снижение почти устраняет позитивный эффект собственно материального благополучия.

С точки зрения эволюционного подхода преимущество внутренних стратегий процветания, приносящих большую удовлетворенность, очень важно. Оно означает, что человеческому существованию внутренне присуще побуждение устранять препятствия, которые мешают людям сделать самореализацию своим приоритетом. Внешние стратегии приобретения в этом эволюционном смысле — это лишь временные средства для достижения упомянутой главной цели. Человеческому существованию свойственна потребность восхождения по лестнице полезности свобод.

Глава 6. Доброкачественный индивидуализм. Результаты главы 5 предполагают, что эмансипативные ценности поощряют просоциальное поведение. Причина в том, что стратегии процветания нацелены на самореализацию — стремление посвятить себя высокой цели, более масштабной, чем сам индивид (Maslow, 1988 [1954]). Можно утверждать, что такие стремления благотворны для общества: они побуждают людей к действиям, которые создают добавленную стоимость для других людей и для общества в целом. Однако эмансипативные ценности представляют собой явно индивидуалистическую ориентацию, а индивидуализм часто трактуется как антисоциальное явление. Это предполагает, что эмансипативные ценности также антисоциальны. Глава 6 рассматривает эти противоречивые соображения, выясняя, антисоциальна или просоциальна природа эмансипативных ценностей. Данные показывают: эмансипативные ценности представляют собой просоциальную форму индивидуализма.

Говоря конкретнее, я с помощью многоуровневых моделей демонстрирую, что и приверженность эмансипативным ценностям на уровне индивидов, и их преобладание на уровне общества способствуют: (а) *неэгоистическим ориентациям*, в том числе заботе о других людях и экологии, (б) *обобщенному доверию*, которое делает межгрупповые границы проницаемыми для посторонних, (с) *гуманистическим ориентациям*, бросающим вызов дискриминации различных групп и меньшинств. Снова выявлен эффект взаимного обогащения: просоциальное воздействие эмансипативных ценностей на уровне индивидов усиливается, когда они преобладают в обществе. Таким образом, эмансипативные ценности —

взаимное благо, позитивные свойства которого проявляются через взаимное признание. Результаты главы 6 ясно показывают, что эмансипативные ценности — просоциальны. Это не значит, что эгоистические версии индивидуализма не будут существовать. Однако эмансипативные ценности отражают не эгоизм, а доброкачественный индивидуализм.

Глава 7. Солидарное действие. В главе 7 рассматривается еще одна идея, вытекающая из результатов главы 5: у эмансипативных ценностей выраженное экспрессивное воздействие, побуждающее людей действовать вместе с другими, чтобы высказывать общие требования. Опять-таки, я использую многоуровневые модели для анализа данных об участии в общественных движениях более ста тысяч человек из девяноста стран, включая петиции, бойкоты и демонстрации. Эти виды активности — ключевые проявления власти людей: они часто помогают навязать демократические изменения авторитарным режимам и постоянно оказывать влияние на события и решения в зрелых демократиях. Как показывают модели, и ориентация индивидов на эмансипативные ценности, и преобладание этих ценностей в их обществах стимулируют активность общественных движений. Мы снова наблюдаем феномен взаимного обогащения, типичный для общих благ: активирующее воздействие эмансипативных ценностей индивидов сильнее в тех обществах, где эмансипативные ценности преобладают. Эффекты влияния других факторов, значимых по результатам предыдущего анализа, на активность общественных движений, включая ресурсы и права, существенно снижается, если контролировать страновой уровень эмансипативных ценностей.

Активирующее воздействие эмансипативных ценностей снимает препятствия, блокирующие коллективные действия. Участие в коллективных действиях обычно имеет инструментальную мотивацию: основание для участия — цель коллективного действия, а не само действие. В случае чисто инструментальной мотивации возникает проблема «безбилетника»: если цель может быть достигнута и без участия данного индивида, или не будет достигнута даже при его/ее участии, индивид не будет участвовать в коллективном действии. Но если выражение совместно ценных требований само по себе является ценностью, мы сталкиваемся с иной ситуацией. Мотивация в данном случае — внутренняя, а не инструментальная. Следовательно, проблема «безбилетника» снимается: если мы получаем удовлетворение, совместно выдвигая ценное для всех требование, индивиды участвуют в коллективных действиях, даже если в этом нет необходимости для успеха акции, даже в тех случаях, когда акция, вероятно, не добьется успеха.

Проверяя эти предположения, я анализирую, разрушает ли высокий риск репрессий связь между эмансипативными ценностями и активностью общественных движений. Я установил, что это не так. Эффект солидарности широко распространенных общих ценностей так силен, что он побуждает людей высказываться даже в ситуациях с высоким уровнем риска. Действительно, это объясняет, почему риск репрессий обычно низок, если эмансипативные ценности преобладают: они мотивируют широкую массовую активность общественных движений, оказывая давление на власти, чтобы они предоставили гарантии, предотвращающие репрессии. Короче говоря, эмансипативные ценности побуждают людей делать так, чтобы их общие требования были услышаны. И в этом заключается истинная эмансипация.

Результаты глав 5, 6, 7 показывают, что эмансипативные ценности — это радикальная гражданственная сила, высвобождающая внутренние качества людей, оживляющая гражданское общество и создающая социальный капитал. Очевидно, данные результаты подразумевают, что эмансипативные ценности — главный источник демократизирующего давления снизу. Три главы части С непосредственно анализируют эти предположения.

Глава 8. Пожалование прав народу. С точки зрения эмансипации человечества демократия важна, потому что она обеспечивает ее институциональный компонент. Демократия связана с двумя доинституциональными компонентами власти народа [people power]: ресурсами для действий и эмансипативными ценностями, в которых я вижу социальных предшественников демократии. Чтобы обосновать это, я показываю, что зависимость демократии от ее доинституциональных предшественников тем более очевидна, чем в большей степени ее измерение сфокусировано на институтах, в реальности способствующих человеческой эмансипации. Среди различных институциональных факторов, детерминирующих демократию, я выделяю гражданские права как институт, наиболее непосредственно способствующий человеческой эмансипации, и определяю их как гарантии прав на частные и публичные действия, в равной степени предоставленные всем членам общества. Гражданские права в этом понимании охватывают как права на личную автономию, так и права на политическое участие. Первое дает возможность людям вести свою частную жизнь так, как они предпочитают; второе позволяет им добиваться того, чтобы их мнение было услышано и учитывалось в общественной жизни. Я объединяю показатели личной автономии и политического участия в *индекс гражданских прав*, используя данные Freedom House и Проекта гражданских прав Сингранелли и Ричардса (Cingranelli/Richards Human Rights Project).

Если сравнить новый индекс гражданских прав с шестью наиболее широко используемыми мерами демократии, то окажется, что этот индекс более точен: характеристики качества демократии у большинства обществ оказались ниже, чем при использовании других показателей. С точностью оценок индекса гражданских прав связаны еще два важных результата. Во-первых, тренд глобальной демократизации по-прежнему остается заметным, но уже не таким впечатляющим, если рассматривать индекс гражданских прав, а не другие традиционные показатели демократии. Во-вторых, связь демократии с доинституциональными проявлениями человеческой эмансипации более очевидна при использовании именно индекса демократии, а не альтернативных показателей. В совокупности представленные выше результаты привлекают внимание к аспекту демократии, который редко обсуждается в публикациях: институционализация власти народа [people power] — нелегкая задача, потому что она требует присутствия в социальном контексте демократии качеств, способствующих эмансипации, качеств, которые сами социальные институты создать не могут, но от которых они зависят.

Глава 9. Революция прав. В главе 8 высказано предположение, что усиление эмансипативных ценностей мотивирует «революцию прав» недавних десятилетий. В главе 9 это предположение проверяется. В ней исследуется, действительно ли эмансипативные ценности детерминируют расширение гражданских прав, или,

наоборот, права детерминируют ценности, или на них действуют какие-то «третьи» причины, например, экономическое развитие, «заражение» извне или культурная глобализация. Хронологическая модель в главе 4 уже предполагает, что причинность идет от ценностей к правам, а не наоборот. Но с учетом широкого временного охвата этой модели, мне пришлось использовать замещающие показатели, и у меня также не было возможности включить в нее нужные контрольные переменные. Теперь я сосредоточил внимание на расширении прав в современный период, что позволяет использовать непосредственные показатели ценностей и прав, а также нужные контрольные переменные. Кроме того, внимание сосредоточено на *динамических* взаимосвязях: на анализе того, как *изменения* эмансипативных ценностей детерминируют *изменения* гражданских прав, или, наоборот, права детерминируют ценности. Я также проверяю альтернативную возможность детерминации изменений и прав, и ценностей *изменениями* возможных «третьих» причин.

Контролируя все остальные переменные, я обнаружил, что усиление эмансипативных ценностей детерминирует расширение прав. В свою очередь расширение прав оказывает существенно более слабое влияние на рост эмансипативных ценностей, чем упомянутый эффект влияния ценностей на права. Это подтверждает в динамической перспективе тезис последовательности теории эмансипации: гарантии свобод — это реакция на усиление ценности свобод.

Данный паттерн очевиден не только для гражданских прав в целом, но и для прав специфических социальных групп, прежде всего женщин, а также лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ). Их права также расширялись, и анализ показывает, что и это детерминировалось подъемом эмансипативных ценностей, а не гипотетическим обратным влиянием прав на эмансипативные ценности. Что касается связи ценностей и прав, то мои результаты обосновывают каузальный приоритет культуры по отношению к институтам, что опровергает популярную в политической экономии точку зрения, будто «институты первичны».

Глава 10. Парадокс демократии. Глава 10 рассматривает одну из больших загадок демократии: парадокс сосуществования. Этот парадокс описывает тот факт, что массовые демократические стремления могут сосуществовать с серьезными дефектами демократии или даже с ее полным отсутствием. Однако если принять во внимание, как именно эмансипативные ценности формируют у народа демократические стремления, парадокс будет разрешен. Чтобы это продемонстрировать, анализ строится на использовании новой батареи вопросов о демократии, впервые появившейся в пятой волне Мирового исследования ценностей. Использование многоуровневых моделей для выявления комбинированного эффекта эмансипативных ценностей на уровне индивидов и обществ, прежде всего, показало, что эти ценности мало влияют на силу демократических стремлений. Они сильны везде: разброс по странам мира небольшой. Однако эмансипативные ценности изменяют их *природу*, и делают это двумя способами.

Во-первых, с ростом эмансипативных ценностей люди более четко определяют демократию именно через ее либеральные качества, гарантирующие всеобщие свободы. Таким образом, с помощью эмансипативных ценностей стремление к демократии становится более либеральным. Этот результат опровергает широко распространенное предположение, будто демократические установки людей

укоренены в понимании демократии как перераспределения дохода от богатых к бедным. В реальности такое ее понимание наименее популярно, и не оно определяет демократические стремления. Самый сильный их фактор — либеральное понимание демократии, и именно такое ее понимание постоянно укрепляется эмансипативными ценностями.

Во-вторых, с ростом эмансипативных ценностей люди оценивают качество демократии в своем обществе более критично, видят больше недостатков.

Инвариантность силы желания демократии скрывает фундаментальные различия демократических ожиданий людей, которые растут с усилением эмансипативных ценностей. И снова обнаруживается феномен взаимного обогащения, благодаря которому преобладание в обществе эмансипативных ценностей усиливает внутренне присущее этим ценностям воздействие: либеральное и критическое воздействие собственных эмансипативных ценностей индивида становится сильнее, если он/она живет в обществе, где эмансипативные ценности преобладают.

Эти результаты сохраняются и в том случае, когда в качестве контрольных переменных используется демократическая социализация и когнитивная мобилизация. Конечно, и демократическая социализация, и когнитивная мобилизация также делают демократические стремления людей более либеральными и критическими, но эффект эмансипативных ценностей существует независимо от этих факторов, и он значительно сильнее. Поскольку когнитивная мобилизация сама является детерминантой эмансипативных ценностей, эффект ее влияния на демократические ориентации, в основном, не прямой: он опосредуется эмансипативными ценностями. Итоговый вывод: сила демократических стремлений варьируется незначительно, но вариации природы этого желания сильны и глубоки, они становятся либеральнее и критичнее с ростом эмансипативных ценностей.

Эти результаты разрешают часто наблюдаемый парадокс сосуществования сильного желания демократии с ее существенными дефектами или даже ее полным отсутствием. Во всех случаях, когда этот кажущийся парадокс наблюдается, демократические стремления не связаны с критически-либеральной ориентацией. Такие лишенные опоры желания не могут служить источником давления, направленного на установление демократии или ее улучшение.

Две главы части D расширяют этот анализ, раскрывая роль эмансипативных ценностей в самой широкой из возможных перспектив — с точки зрения человеческой цивилизации.

Глава 11. Смена курса цивилизации. Глава 11 исследует роль власти людей и свободы в цивилизационном процессе. Я утверждаю, что человеческая эмансипация сыграла ведущую роль в развитии цивилизации лишь недавно по историческим меркам, резко изменив ее направление. Произошла Великая смена курса цивилизации — резкий переход от совершенствования механизмов эксплуатации людей к их эмансипации. Этого не происходило до подъема Атлантического Запада к глобальному доминированию примерно в 1450—1500 гг. нашей эры. В сравнении со Средиземноморской Европой, Ближним Востоком, Индией, Китаем и цивилизациями Центральной Америки, цивилизация Атлантического Запада запаздывала в развитии. Тем не менее из всех цивилизаций, расположенных в зоне, которую я называю зоной «водной автономности в прохладном климате» (зона ВАПК), это

была первая цивилизация, достигшая зрелой урбанизации. Следующей цивилизацией, достигшей зрелого уровня урбанизации в зоне ВАПК, была Япония: она достигла этого примерно в 1600 г., в начале периода правления клана Токугава. Достижение зрелой стадии урбанизации цивилизацией в зоне ВАПК приходит вместе со специфической особенностью, которой нет во всех остальных городских цивилизациях: водной автономностью, а именно легким, равным и постоянным доступом к водным ресурсам для каждого индивида на этих территориях.

Водная автономность устраняет исторический путь к деспотизму, характерный для аграрных обществ: централизованно контролируемую ирригацию. Делая простых людей более независимыми от властителей, водная автономность, как только появляются городские рынки, порождает также производные автономности, включая автономный доступ к рынку, распоряжение собственностью, получение прибыли и распределение рабочей силы. Эти возможности существовать автономно продвигают своих пользователей выше по лестнице полезности свобод, фокусируя их внимание на гражданских правах. В этот момент и прорастает первоначальное «семья» эмансипативного духа. Данное предположение представляет собой тезис об истоке в моей теории эмансипации.

Используя данные о климате (Gallup, Mellinger and Sachs, 2010), я рассчитываю индекс влияния фактора «водной автономности в прохладном климате» в каждой стране. Индекс ВАПК коррелирует очень сильно со всеми тремя элементами человеческой эмансипации: ресурсами для действий, эмансипативными ценностями, гражданскими правами. В самом деле, население самых развитых обществ на Земле сосредоточено в регионах с самыми высокими в мире значениями индекса ВАПК: в Северо-Восточной Европе, в прибрежных районах Северной Америки, в Японии, Юго-Восточной Австралии и Новой Зеландии. Однако эти регионы не всегда были наиболее развитыми. Напротив, цивилизации созревали особенно поздно в регионах с высокими значениями ВАПК, если это вообще происходило. До того, как это случилось, эмансипация совсем не была характерной чертой цивилизаций, даже самых развитых. Следовательно, до подъема Атлантического Запада около 1500 г. не было корреляции между эмансипацией и фактором ВАПК в разных странах мира. Это доказывается с помощью исторических оценок среднегодового дохода А. Мэддисона (Maddison, 2007), использованного в качестве замещающего показателя эмансипации.

Когда на Атлантическом Западе началась доиндустриальная урбанизация, у него были самые высокие значения ВАПК среди всех городских цивилизаций Евразии и Мезоамерики, за исключением Японии, которая, и это совсем не случайное совпадение, была первым обществом, скопировавшим индустриальный подъем Запада. За пределами Евразии были другие регионы с такими же высокими ВАПК-значениями: прибрежные районы Северной Америки, юг Южной Америки, Юго-Восточная Австралия и Новая Зеландия. Из-за большой удаленности для миграции от места происхождения человечества в Восточной Африке эти регионы были последними заселены современными людьми. Таким образом, часы развития стартовали здесь с опозданием: городская цивилизация так и не смогла здесь сформироваться до тех пор, пока колониализм не стал этому способствовать. А уже потом городская цивилизация была завезена европейскими поселенцами во все

регионы с высокими значениями ВАПК за пределами Евразии. Внутри Евразии Западная Европа и Япония также находились на самом большом расстоянии для миграции от места происхождения человечества в Африке. Интенсивное сельское хозяйство и урбанизация, в конце концов, пришли и туда, но значительно позже, чем в других евразийских цивилизациях. Как только это случилось, полезности, которыми водная автономность этих регионов наделяет свободы, быстро прясвились. Процесс эмансипации стартовал.

Человеческая эмансипация отнюдь не обречена оставаться привилегией ограниченного количества обществ с высокими значениями ВАПК. Мой анализ демонстрирует, что процесс человеческой эмансипации уже показывает признаки освобождения от данного ограничения в эру глобализации. Глобальная сеть человеческих знаний предлагает нашему виду возможность освободить межкультурное обучение от ограничений географии. Это делает возможным распространение технологий, приносящее автономное существование в такие места, где изначально для него не было благоприятных природных условий. Таким образом, мой анализ показывает, что корреляция человеческой эмансипации со страновыми значениями ВАПК снижается с 1980 г., и причина этого кроется в прогрессирующей глобализации. Глобализация помогает обществам, лишенным природных преимуществ, способствующих эмансипации, преодолеть этот недостаток. Эмансипация постепенно становится глобальной.

Эти результаты подтверждают тезис о заражении в моей теории эмансипации. Тезис предполагает, что при прочих равных условиях люди стремятся расширить, а не сузить рамки своей свободы. Вот почему глобализация делает эмансипацию заразной: проникая сквозь барьеры неосведомленности, она дает людям возможность узнать, что происходит в других странах, и использовать знания, чтобы оправдать мобилизацию в пользу перемен в своем обществе.

Глава 12. Проблема устойчивого развития. Как это ни парадоксально, с того времени, когда процесс человеческой эмансипации стал глобальным его успешность угрожает разрушить само его основание. Глобальный процесс эмансипации может нарушить экологическую устойчивость нашей планеты. Однако, хотя эмансипация и создает экологическую проблему, в ней самой есть ключ к её решению. Этот вывод верен по двум причинам. Во-первых, чтобы обеспечить устойчивость развития, нужно разрабатывать и внедрять больше «зеленых» технологий, а эмансипация тесно связана с развитием технологий. Во-вторых, для мобилизации массовой поддержки политики, обеспечивающей сохранность и устойчивость экологии, нужны осведомленность граждан об этих проблемах и готовность вносить свой вклад в их решение, а это как раз и связано с позитивным эффектом эмансипативных ценностей. Как показывает заключительный раздел этой книги, эмансипативные ценности помогают устранить разрыв между знанием и поведением: сильные эмансипативные ценности помогают людям транслировать знания о проблеме устойчивого развития в экологический активизм. Это позволяет смотреть в будущее с оптимизмом, учитывая растущую поддержку разумной и ответственной экологической политики большинством людей. В целом, обобщения широкого круга данных, сделанные в последней главе, еще раз подтверждают важность эмансипативных ценностей для будущего человеческой цивилизации.

Заключение. Наконец, заключение резюмирует это исследование в пяти параграфах. В первом обобщаются основные результаты книги, что представлено на схеме рисунка С.1. Во втором параграфе приведены основные выводы, сделанные по результатам анализа эмпирических данных. В третьем параграфе лестница полезности свобод, на которой построена моя теория, соотносится с другими важными концепциями, включая иерархию человеческих потребностей, безопасность существования и социальный капитал. В четвертом параграфе показано, что подъем эмансипативных ценностей — это показатель морального прогресса человечества. Последний параграф представляет собой краткое итоговое изложение теории эмансипации.

Я бы хотел снова напомнить читателям, что книга дополнена обширным приложением, которое доступно онлайн по ссылке: <http://www.cambridge.org/no/academic/subjects/politics-international-relations/comparative-politics/freedom-rising-human-empowerment-and-quest-emanicipation>. В нем подробно описаны процедуры измерения, включая дополнительный анализ данных, и приведены данные для повторного анализа. Теперь, перед тем как перейти непосредственно к главам, в последнем параграфе введения я опишу схемы, использованные в книге для категоризации стран всего мира.

3. Схемы для категоризации обществ

Теория человеческой эмансипации рассматривает три элемента: ресурсы для действий в сфере способностей людей, эмансипативные ценности в сфере мотивации и гражданские права в сфере правовых гарантий. Из этих трех элементов сложнее всего измерять эмансипативные ценности, хотя, как мы увидим, это того стоит. Сосредоточим внимание на более очевидных и доступных для непосредственного наблюдения элементах эмансипации — ресурсах для действий и гражданских правах — и приведем классификации обществ на их основе. Эти классификации помогут получить общее представление о том, чем могут различаться страны по эмансипативным ценностям.

3.1. Стадии человеческой эмансипации

Современные технологически развитые общества получают интеллектуальный вклад от широких слоев населения (Bell, 1973; Toffler, 1999; Florida, 2002; Baker, 2007). Таким образом, технологическое развитие подразумевает, что обычные люди располагают *интеллектуальными* ресурсами, которые обеспечиваются широким доступом к образованию и информации. Технологическое развитие также подразумевает, что обычные люди обладают *материальными* ресурсами. Технологии обеспечивают инструменты и оборудование, облегчающие жизнь людей. Они повышают производительность труда, и поэтому труд обеспечивает людям более высокие доходы. Кроме того, технологическое развитие подразумевает, что у обычных людей есть доступ к *коммуникативным* ресурсам. Развитие транспорта и коммуникационных технологий позволяет людям легко связываться с единомышленниками и координировать с ними действия для достижения общей цели. Все три типа ресурсов — материальные, интеллектуальные, коммуникативные — это *ресурсы для действий*: они расширяют диапазон действий, которые люди могут предпринять по своей воле. Все три типа ресурсов расширяются с техно-

логическим развитием, повышая в обществах долю людей, обладающих лучшим **оборудованием, навыками и доступом к коммуникационным сетям.**

Для измерения уровня технологического развития стран я применяю -индекс знаний- Мирового банка [Knowledge Index (KI)] (World Bank, 2010). Я использую данные с 1995 г., так как именно с этого года мы можем получить первое представление об эмансипативных ценностях. Индекс [экономики] знаний — это обобщенный показатель (на душу населения) научной продуктивности общества, его информационных и коммуникационных технологий, а также уровня образования, что подробно описано в приложении 1. Я -нормализовал- значения индекса в шкалу с диапазоном от минимума 0 до максимума 1 и назвал его *индексом технологического развития [technological advancement index]*.

С помощью этого индекса я разделяю общества на три категории:

(1) *традиционные экономики*: у обществ этой категории значения индекса находятся в нижней трети диапазона — ниже, чем 0,33. В обществах на таком низком уровне технологического развития обычно большая часть рабочей силы занята в аграрном секторе. Если же это не так, то такие низко-технологичные общества — это, в основном, страны-экспортеры нефти. Их сближает с аграрными экономиками то, что и те, и другие построены на ренте от материальных активов, а именно, земли или нефти, что способствует сохранению традиционных социально-экономических структур;

(2) *индустриальные экономики*: у обществ этой категории значения индекса находятся в середине диапазона (между 0,33 и 0,66). В большинстве обществ среднего уровня технологического развития большая часть рабочей силы занята в промышленном секторе;

(3) *экономики знаний*: значения индекса находятся в верхней трети диапазона, то есть, превышают 0,66. Во всех высокотехнологических обществах значительная часть рабочей силы занята в секторе производства знаний.

Снова повторим, что технологическое развитие характеризуется широким расширением интеллектуальных, материальных и коммуникационных ресурсов. В совокупности эти три типа ресурсов для действий повышают способность людей реализовывать свои собственные и согласованные с другими людьми общие цели. Следовательно, люди имеют больше возможностей получать и использовать свободы в индустриальных экономиках, чем в традиционных, а в экономиках знаний — больше, чем в индустриальных экономиках.

Помимо технологического развития, еще одним ключевым элементом человеческой эмансипации является демократия. В то время как технологическое развитие обеспечивает эмансипацию на уровне *способностей* людей, достижения демократии обеспечивают её на уровне *правовых гарантий*. Для измерения уровня демократии я использую новый *индекс гражданских прав*, который подробно обсуждается и анализируется в главе 8. Индекс использует рейтинг гражданских прав и политических прав в обществе, публикуемый Freedom House (Freedom House, 2012), но также дополняет эту информацию рейтингом прав человека в обществах по данным проекта «Human Rights Data Project» (Cingranelli & Richards, 1999, 2012). Эти рейтинги объединяются в итоге в рейтинг гражданских прав, принимающий минимальное значение 0, если никакие права не гарантированы или законами, или на практике, и максимальное значение 1, если все права

гарантированы и по закону, и на практике. На основе этих данных я различаю три уровня демократии:

(1) *не-демократии* имеют значения в нижней трети индекса гражданских прав от 0 до 0,33 пунктов шкалы. Поскольку такие общества в большей степени отрицают права, чем предоставляют их, они недемократические;

(2) *гибридные режимы* располагаются в среднем диапазоне индекса, от 0,33 до 0,66 пунктов шкалы. Поскольку эти режимы не попадают ни в зону отрицания гражданских прав, ни в зону предоставления гражданских прав, они не являются ни демократическими, ни недемократическими;

(3) *демократии* имеют значения индекса в верхней трети от 0,66 до 1. Поскольку эти общества больше предоставляют права, чем отрицают, их можно отнести к демократиям.

Если эмансипация — внутренне согласованный феномен, то сферы способностей и гарантий должны пересекаться. В этом случае общества должны находиться на сходном уровне всех трех категорий технологического развития и достижений демократии, демонстрируя эквивалентный прогресс в сферах способностей и гарантий эмансипации. Таблица 1.1 показывает, как концептуально должно выглядеть такое соответствие. Таблица 1.2 демонстрирует реальное распределение обществ по категориям технологического прогресса и достижений демократии. В этой таблице представлена выборка только из девятиста пяти стран, которые хотя бы раз участвовали в Мировом или Европейском исследованиях ценностей. Я ограничиваю анализ этими странами, потому что основной предмет моего исследования — эмансипативные ценности — измерялись только в них. Однако это не очень существенное ограничение, поскольку 95 стран представляют все регионы мира, включая страны с самым большим населением и размером экономики из каждого региона, и весь спектр стадий эмансипации от Руанды до Швеции⁴.

Таблица 1.1. Стадии обретения людьми способностей и прав

		ГАРАНТИИ		
		Недостаточные (Не-демократии)	Умеренные (Гибридные режимы)	Широкие (Демократии)
СПОСОБНОСТИ	Недостаточные (Традиционные экономики)	Люди страдают	Средний-Низкий	[Парадокс]
	Умеренные (Индустриальные экономики)	Средний-Низкий	Люди живут в трудных условиях	Средний-Низкий
	Широкие (Экономики знаний)	[Парадокс]	Средний-Высокий	Люди процветают

Примечание: Градации серого представляют ожидаемые вероятности характеристик; более темный оттенок соответствует более высокой вероятности.

⁴ Используя последний доступный опрос для каждой из 95 стран, мы охватываем период с 1995 по 2005 гг. Чтобы показатели технологического развития и достижений демократии относились к началу этого периода, я использовал данные за 1995 г. Что касается достижений демократии, то я усреднил показатели для 5 лет, предшествующих году опроса, чтобы устранить флуктуации, специфические для 1995 г. В этом нет необходимости и случае технологического развития, потому что в этот период не наблюдалось резких переходов стран из одной категории технологического развития в другую. А вот с достижениями демократии такое происходит часто: смена режима может буквально за ночь изменить уровень демократии в стране.

Таблица 1.2. Технологическое развитие и демократизация в середине 1990-х годов (95 обществ, участвовавших в Мировом и Европейском исследованиях ценностей)

		Уровень демократии. 1990—1995 гг.		
		Не-демократии	Гибридные режимы	Демократии
Уровень технологического развития 1995	Традиционные экономики	Алжир, Азербайджан, Бангладеш, Буркина Фасо, Гана, Гватемала, Индонезия, Иран, Ирак, Нигерия, Пакистан, Руанда, Саудовская Аравия, Танзания, Уганда, Венесуэла, Вьетнам, Зимбабве (N = 18)	Индия, Мали, Замбия (N = 3)	(N = 0)
	Индустриальные экономики	Албания, Армения, Беларусь, Босния, Китай, Колумбия, Египет, Грузия, Иордания, Киргизия, Малайзия, Мексика, Марокко, Перу, Россия, Сербия, Турция, Украина (N = 18)	Бразилия, Чили, Доминиканская Республика, Сальвадор, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Филиппины, Румыния, Таиланд (N = 11)	Южноафриканская Республика, Тринидад и Тобаго (N = 2)
	Экономики знаний	Сингапур, Гонконг (N = 2)	Аргентина, Болгария, Хорватия, Кипр, Эстония, Греция, Израиль, Южная Корея, Тайвань (N = 9)	Андорра, Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия (Вост., Зап.), Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Италия, Япония, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, США, Великобритания, Уругвай (N = 32)

Примечание: Пересечение дисперсий технологического прогресса и перехода к демократии — 52%. Выборка из Эфиопии исключена из за некачественных данных; для Северной Ирландии и Черногории отсутствуют данные о технологическом развитии. Уровень технологического развития для Андорры, Ирака, Мальты и Гонконга за 1995 г. оценивался по более поздним данным.

Таблица 1.2 показывает, что технологическое развитие и уровень демократии, действительно, связаны друг с другом, отражая одну и ту же стадию

эмансипации в сферах способностей и правовых гарантий. В сфере способностей традиционные экономики демонстрируют низшую стадию человеческой эмансипации. В сфере гарантий эта же стадия представлена не-демократиями. Следовательно, эти две сферы демонстрируют высокую степень согласованности: за исключением Индии, Мали и Замбии, все традиционные экономики — это не-демократии. Даже с учетом этих трех исключений ни одна из традиционных экономик не является демократией в истинном значении этого термина, в том числе, Индия⁵. Средняя стадия человеческой эмансипации в сфере способностей представлена промышленными экономиками, а в сфере правовых гарантий — гибридными режимами. Соответственно, мы находим большое количество гибридных режимов в промышленных экономиках. Наконец, высшая стадия человеческой эмансипации представлена экономикой знаний в сфере способностей и демократиями в сфере гарантий. И снова обнаруживается высокая степень соответствия: за исключением Тринидада и Тобаго, а также Южной Африки, все демократии — это экономики знаний. И наоборот: среди экономик знаний только Сингапур⁶ и Гонконг не являются демократиями. Из этих двух обществ Гонконг, вероятно, был бы демократией, если бы обладал политической автономией.

Соответствие между технологическим развитием и уровнем демократии предполагает интеграцию прогресса в двух этих сферах в единую схему, как это показано в таблице 1.1. Соответственно, можно описать условия жизни людей в обществе так:

- (1) бедственные, когда возможностей и гарантий мало;
- (2) трудные, когда возможности и гарантии на среднем уровне;
- (3) благополучные, когда есть широкие возможности и гарантии.

Несовпадение уровней возможностей и гарантий представляет собой промежуточные условия. В таблице 1.3 показано, какие общества попадают в эту категорию.

Таблица 1.3 не только классифицирует общества по критериям эмансипации, она также организует их в культурные зоны. Видные ученые рассматривают принадлежность обществ к культурным зонам как основной источник влияния на их развитие (Toynbee, 1974 [1946]; Eisenstadt, 2003 [1988]; Huntington, 1996; Inglehart & Baker, 2000). Культурные зоны — это наднациональные образования. Они объединяют общества, сформированные одинаковыми историческими

⁵ При строго электоральном определении демократии, Индию следует относить к демократиям, потому что в ней проводятся конкурентные выборы, в которых у оппозиции есть шансы победить. Однако с точки зрения человеческой эмансипации правильным будет истинно либеральное, а не просто электоральное определение демократии. Такое определение должно принимать во внимание нарушения гражданских прав. И если так и поступить, то Индия оказывается в середине диапазона по критерию реальных гражданских прав, как показано в главе 8. Это относит Индию к режимам с серьезными дефектами демократии, показывающими, что официальные институты демократии не реализуют свою цель, связанную с эмансипацией. По этой причине журнал *Economist* (2006) классифицировал Индию как «дефектную демократию» (более детальное обсуждение случаев, подобных Индии и Сингапuru, см.: Alexander & Welzel, 2010).

⁶ Как и нефтяные монархии, Сингапур — это явный выброс, отличающийся от позитивной в целом связи между развитием и демократией. Общей чертой этих кэпиталистических обществ является то, что доходы государства в меньшей степени, чем обычно, зависят от налогообложения граждан, и налоги в них в целом низкие, в то время как государственные пособия — щедрые. Это отличает данные экономики, так как они не соответствуют логике «Без налогов нет представительства», характерной для демократий (cp. Verweij & Pelizzo, 2009; Conrad & DeMerit, 2013).

силами: чаще всего, это империи, религии и миграция. Общества, относящиеся к одной культурной зоне, часто имеют сходные экономические, культурные и институциональные характеристики. Они воспринимают друг друга как членов одной «семьи наций» (Castles, 1993). Сэмюэль Хантингтон (Huntington, 1996) считает культурные зоны отдельными «цивилизациями», разделяющими человечество на «параллельные вселенные», мало контактирующие друг с другом. Если влияние культурных зон, действительно, так глубоко, как предполагают многие авторы, оно должно отражаться в стадиях человеческой эмансипации. Следовательно, мы рискуем упустить из внимания главную силу, детерминирующую человеческую эмансипацию, если не применим обоснованную категоризацию глобальных культурных зон. В следующих параграфах описывается схема культурных зон, используемая в этой книге; она отражает некоторые наиболее отчетливые паттерны глобальной истории государства.

**Таблица 1.3. Культурные зоны и стадии человеческой эмансипации
(для 95 стран, участвовавших в Мировом исследовании ценностей и Европейском исследовании ценностей — МИЦ и ЕИЦ)**

КУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ	СТАДИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ				
	Бедственная стадия	Трудная стадия			Благополучная стадия
	Низкая	Умеренно низкая	Умеренная	Умеренно высокая	Высокая
Исламский Восток	Алжир, Иран, Ирак, Сауд, Аравия	Египет, Иордания, Марокко, Турция			
Индийский Восток	Бангладеш, Индонезия, Пакистан	Индия, Малайзия	Филиппины, Сингапур, Таиланд		
Китайский Восток	Вьетнам	Китай	Гонконг	Южная Корея, Тайвань	Япония
Православный Восток	Азербайджан	Албания, Армения, Беларусь, Босния, Грузия, Киргизия, Россия, Сербия, Украина	Македония, Молдова, Румыния	Болгария	

КУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ	СТАДИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ				
	Бедственная стадия	Трудная стадия			Благополучная стадия
	Низкая	Умеренно низкая	Умеренная	Умеренно высокая	Высокая
Старый Запад				Кипр, Греция, Израиль	Андорра, Австрия, Бельгия, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Мальта, Португалия, Испания
Запад Реформации					Дания, Финляндия, Германия (Зап.), Исландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания
Новый Запад					Австралия, Канада, Новая Зеландия, США
Вернувшиеся на Запад			Хорватия, Латвия, Литва	Эстония	Чехия, Венгрия, Германия (Вост.), Польша, Словакия, Словения
Африка южнее Сахары	Буркина Фасо, Гана, Нигерия, Руанда, Танзания, Уганда, Зимбабве	Мали, Замбия		Южная Африка	
Латинская Америка	Гватемала, Венесуэла	Колумбия, Мексика, Перу	Бразилия, Чили, Доминик, Сальвадор	Аргентина, Тринидад и Тобаго.	Уругвай
Примечание: Непараметрические корреляции: 0,59 (Тай-Б Кендалла) и 0,72 (Ро Спирмена), обе значимы на уровне $p < 0,001$. Пересечение дисперсий культурных зон и стадий эмансипации людей равно 46%.					

3.2. Глобальные культурные зоны

Одним из самых глубоких расколов в истории цивилизации стало доминирование Запада в эпоху колониализма и империализма (McNeill, 1990). Никогда ранее одной цивилизации не удавалось добиться доминирования над всеми остальными (Fernandez-Armesto, 2002). В истории человечества это, действительно, уникальное явление, и по сей день имеющее глубокие последствия (Morris, 2010).

Есть много причин сожалеть о глобальных эффектах доминирования Запада. Западное правление привело к унижению, эксплуатации и даже вымиранию других культур. Именно это угнетение других культур западными нациями — настолько влиятельный фактор, что его не может игнорировать ни одна разумная категоризация культурных зон. Следовательно, мы и начнем с разделения культур на западные и незападные.

Западная цивилизация начала обретать свою форму, когда латинская версия христианства слилась с наследием Западной Римской империи и традициями германских племен, в результате чего появился средневековый феодализм (Quigley, 1979). Другими важными для формирования западной цивилизации историческими событиями были Реформация и Контрреформация, и, что важнее всего, освободительное движение гуманизма в эпоху Просвещения. Освобождение науки от догматизма благодаря этому движению создало базу для Промышленной революции, с помощью которой Запад и достиг глобального доминирования (Elias, 2004 [1984]; Braudel, 1993; Goldstone, 2009; Ferguson, 2011).

Несмотря на эти общие черты Запада, есть и существенные различия, связанные с тем, насколько рано в разных обществах началась индустриализация и насколько быстро она протекала, а также с тем, когда на эти общества повлияли последствия эмансипации, и особенно, демократия. Промышленная революция началась там, где произошло наиболее решительное освобождение интеллектуального творчества из-под власти церкви: в протестантских регионах Северо-Западной Европы. На католическом юге и в центре Европы индустриализация и ее эмансипативные последствия запаздывали. Это привело к острым конфликтам, которые помешали мирному и раннему успеху демократии. Только после болезненного опыта правления авторитарных и фашистских режимов демократия добилась успеха в Центральной и Южной Европе; тем не менее и там это произошло раньше, чем в незападных цивилизациях.

Географически Запад расположен на Атлантическом фланге «осевого пояса» евразийских цивилизаций (Fernandez-Armesto, 2002). По определению, все остальные евразийские цивилизации — восточные по отношению к Западу. Восточных цивилизаций — не менее четырех. Во-первых, это православная ветвь христианства в Восточной Европе с историческим центром в Московской Руси. Далее, обширная исламская цивилизация на Ближнем Востоке и Северной Африке, с арабскими странами, Персией и Турцией как ее историческими центрами. Затем — индийская цивилизация в Южной Азии с центром в Индии. Наконец, китайская цивилизация в Восточной Азии с историческим центром в Китае.

За пределами Евразии — три культурных зоны: «филиалы» Запада в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии; Африка южнее Сахары; Латинская Америка. Северная Америка, Юго-Восток Австралии и Новая Зеландия были заселены современными людьми значительно позже, чем Евразия (Orpenheimer, 2007). Следовательно, когда европейцы открыли эти земли, там не было городских цивилизаций с высокой плотностью населения. Вместо этого они обнаружили обширные малонаселенные земли, где климат сходен с климатом на Северо-Западе Европы. Там было возможно такое же семейное фермерство на землях, орошаемых дождевой влагой, как и в Северо-Западной Европе. Эта возможность

привлекла жаждущих новых земель переселенцев, принесших с собой эмансипативный дух из Европы (McNeill, 1990). В отсутствие наследия феодализма этот дух в колониях поселенцев расцвел еще сильнее, чем на их родине в Европе. Вследствие этого колонии западных переселенцев пошли путем индустриализации и демократии еще быстрее, чем протестантская Европа.

До начала колониализма регион происхождения современных людей — Африка южнее Сахары — был изолирован от процессов развития в Евразии барьером пустыни Сахары. По причине природных условий, неблагоприятных для интенсивного сельского хозяйства (Masters & Wiebe, 2000), Африка южнее Сахары не производила прибавочного аграрного продукта достаточно, чтобы возникли и развивались обширные городские цивилизации с устойчивым историческим центром в доколониальное время. Учитывая преобладающий тропический климат, Африка южнее Сахары не привлекала западных переселенцев. По этой причине ее коренное население не было вытеснено европейцами⁷. Тем не менее Африка оказалась под полным контролем западных колониальных режимов, извлекавших из нее ресурсы: главной целью были поставка рабов на плантации и горные разработки в Америке, а также поставка фруктов и минеральных ресурсов в Европу. После деколонизации Африка южнее Сахары остается самым бедным регионом мира, хотя за последние десятилетия некоторые страны региона повысили уровень жизни и демократии (Mahajan, 2011; African Progress Panel, 2012).

Центральная и Южная Америка — последние континенты, заселенные современными людьми (Orrenheimer, 2007). Переселенцы основали там независимые мезоамериканские цивилизации, но империи ацтеков и инков были быстро сокрушены после вторжения европейцев. Большая часть популяции американских индейцев погибла после контакта с европейцами: из-за изолированности от Евразии и распространенных там болезней у американских индейцев не было иммунитета к болезням, завезенным европейцами (Diamond, 1997). Это открыло Центральную и Южную Америку для поселений европейцев. Но поскольку там преобладал тропический и субтропический климат, поселенцев в Южную Америку привлекала не возможность вести фермерское хозяйство, как в Северной Америке: европейцы создавали плантации и горные разработки, требовавшие интенсивных трудозатрат, и для этого нужна была поставка рабов из Африки, после того как большая часть местного населения вымерла (Engerman & Sokolov, 1997). Таким образом, государственная организация была построена на базе принудительного труда и репрессивных режимов, которые оставили Латинской Америке наследие крайнего социального неравенства, провоцирующего военные столкновения между левыми партизанами и правыми проправительственными репрессивными формированиями (Rueschemeyer, Stephens & Stephens, 1992).

Есть основания считать Латинскую Америку и разновидностью западной цивилизации, и отдельной цивилизацией. То же относится и к Православному Востоку. Можно считать Латинскую Америку ветвью западной цивилизации, потому что в этом регионе утвердился католицизм, пришедший туда из Южной Европы. Но, если мы рассматриваем эмансипативное наследие Просвещения как важную черту за-

⁷ Исключение — регион оконечности Южной Африки, куда мягкий климат привлек «белых» поселенцев.

падной цивилизации, то Латинская Америка не принадлежит к Западу. Регион стал базой для наиболее эксплуататорской — плантаторской и горнодобывающей — формы европейского колониализма и привлек реакционно-настроенных переселенцев из католической Европы. Слабость эмансипативной традиции отличает Латинскую Америку от других ветвей западной цивилизации (Huntington, 1996: 59).

Православный Восток также мог бы рассматриваться как ветвь западной цивилизации, поскольку его объединяет с Западом «белое» этническое происхождение и христианское наследие. Однако длительный исторический опыт деспотизма, связанный с византийской-московской-монголо-татарской-царской-советской империями, отличает Православный Восток от эмансипативной традиции Запада. По той же причине, что и Латинская Америка, — из-за отсутствия эмансипативной традиции, — Православный Восток отличается от Запада⁸

Эти соображения обосновывают выделение трех типов больших глобальных культурных зон: (1) четыре явно восточные цивилизации, (2) четыре переплетенные ветви западной цивилизации и (3) два региона: Африка южнее Сахары и Латинская Америка, которые не укладываются в различия Востока—Запада. Я использую эту трехчленную классификацию для выделения десяти более специфических культурных зон (смотрите также сходную классификацию в публикации: Inglehart & Welzel, 2005: 63).

3.2.1. Восточные культурные зоны

Восточными я считаю все общества, относящиеся к евразийским цивилизациям, расположенным к востоку от западной цивилизации. Культурная граница проходит не между Европой и Азией — она проходит по оси Север—Юг через центр Европы, отделяя западное христианство (включающее и католицизм, и протестантизм) от восточного православного христианства (Huntington, 1996: 159). Восточные цивилизации намного старше западных и долгие столетия затмевали Запад, но потом на них глубоко повлияло начавшееся в XVI столетии восхождение Запада к глобальному доминированию.

В сравнении с Новым Светом, западное влияние на Восток было ограниченным и в демографическом, и в культурном отношении. Напор Запада не уничтожил коренное население восточных стран и не разрушил культурные идентичности восточных обществ. Ни одно из них не стало целью для западного переселенческого колониализма⁹; там уже было многочисленное городское население, более, чем теми же болезнями, что и европейцы, и поэтому не вымершее от контакта с ними (McNeill, 1990; Diamond, 1997). Однако, за исключением Православного Востока и Японии, восточные экономики от Северной Африки до Китая были реорганизованы, чтобы соответствовать миропорядку, в котором доминировал Запад. Частью

⁸ Главное проявление эмансипативной традиции — это наделение граждан правами. Первоначально в западных странах эти права получили только их собственные граждане. Люди из других культурных зон, напротив, подверглись эксплуатации со стороны Запада в колониальный период. С начала эры деколонизации, однако, как западные, так и незападные страны все в большей степени выступают за всеобщие, универсальные права для всех людей.

⁹ Русские поселения в Сибири не относятся к категории западного колониализма, потому что Россия не относится к западным цивилизациям. Тот факт, что население России — «белое» по своему этническому происхождению, не делает это общество западным, если используется культурное определение западной цивилизации, основанное на эмансипативном наследии Реформации, гуманизма и Просвещения.

этой реорганизации была ликвидация независимого производства и создание структур для вывоза природных продуктов, таких как чай, специи и шелк (Jones, 1987; Vaïroch, 1995). Западный сырьевой колониализм еще более усилил восточные традиции деспотизма, и такое сочетание на долгий срок помешало развитию экономики и демократии на Востоке. Однако после того, как Япония стала развитой постиндустриальной демократией, и после недавнего подъема Индии, Китая и других «азиатских тигров» ситуация резко меняется: Восток начал быстро догонять Запад (Morris, 2010). В следующем параграфе кратко описываются четыре восточные культурные зоны.

Исламский Восток. Центр Исламского Востока — колыбель цивилизации в Месопотамии, и он включает все арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки, Иран и Турцию. Такая группировка отражает тот факт, что Арабская, Персидская и Османская империи были в разное время центрами ислама. Общая черта обществ Исламского Востока: это регионы, в которых ранее всего произошла экспансия ислама, и в основном, с помощью военных завоеваний. Общества Исламского Востока также связаны и с Западом, потому что ислам в этой зоне укрепился после длительного периода греко-римского влияния. Исламские общества в Южной и Центральной Азии не обладают данными характеристиками Исламского Востока и потому не включены в эту группу. В Мировом исследовании ценностей (МИЦ) участвовали следующие общества Исламского Востока, перечисленные в алфавитном порядке: Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Марокко, Саудовская Аравия и Турция.

Индийский Восток. Индийский Восток охватывает Южную Азию — второй старейший центр человеческой цивилизации (если причислять Месопотамию и Египет к одному региону — Ближнему Востоку). С самого начала Индия была главной цивилизацией этого региона. Влияние этой страны — колыбели буддизма и индуизма — пронизывало весь регион. После Исламского Востока, Индийский Восток — вторая культурная зона, испытывающая влияние ислама. И хотя в самой Индии ислам — не основная религия, стаяной долго правила исламская династия Моголов. По этой причине в Индии живет многочисленное исламское меньшинство, и мусульмане составляют подавляющее большинство населения стран, отделившихся от Индии, — Пакистана и Бангладеш. Действительно, входящая в Индийский Восток Индонезия — самое большое по численности населения исламское общество в мире. Однако поскольку ислам на Индийском Востоке сосуществует с другими азиатскими религиями и утвердился в этом регионе в основном благодаря торговле, а не завоеваниям — он здесь не доминирует и не такой жесткий, как на Исламском Востоке. В Мировом исследовании ценностей участвовало восемь обществ Индийского Востока: Бангладеш, Индия, Индонезия, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Филиппины и Таиланд.

Китайский Восток. Китайский Восток — примерно такая же древняя цивилизация, как и первая европейская цивилизация на Крите. Так же, как Индия — центральное общество Индийского Востока, Китай — центральное общество Китайского Востока. Подобно Индии, Китай испытал влияние буддизма, который, однако, ни в том, ни в другом регионе не стал основой мировоззрения. Как индуизм — основа мировоззрения в Индии, так конфуцианство — основа мировоз-

зрения в Китае. Китайская культура распространилась в Восточной Азии подобно тому, как это произошло с индийской культурой в Южной Азии. В зоне влияния этой культуры длительное историческое время была Япония. Даже когда в Японии начала развиваться собственная культура, Китай долгое время оставался эталоном для сравнения. Исторически на общества Китайского Востока мало влияли главные монотеистические религии. Традиционно в китайских культурах религия относится к сфере частной жизни. Хотя она и важна в духовном аспекте, религия не обладала политической и идеологической значимостью в китайской культуре. В Мировом исследовании ценностей участвовало шесть обществ Китайского Востока: Китай, Гонконг, Япония, Южная Корея, Тайвань и Вьетнам.

Православный Восток. Распространяясь от места своего зарождения на Ближнем Востоке, цивилизация пришла в Европу сначала в Юго-Западное Средиземноморье, в первую очередь в Грецию. Под властью Римской империи появилась общая «пан-средиземноморская» культура. Однако со времени разделения этой империи на Западную и Восточную ее две европейские части пошли разными путями. В то время как Западная империя продолжала использовать латынь, Восточная — вернулась к греческому языку и стала основой православного христианства в Византийской империи. Поскольку Византия превратилась в воплощение восточного деспотизма, это оставило глубокий отпечаток на восточном православии. После падения Византии православное наследие приняла Московская Русь, ставшая лидирующей цивилизацией в Восточной Европе. Пройдя через долгий период татаро-монгольского деспотизма, русская концепция правления переняла византийский «цезаропапизм» (глава государства одновременно является и главой церкви). Результатом стала еще одна версия деспотизма — царское самодержавие, в условиях которого Православная Церковь была изолирована от влияния эмансипативных западных движений — Гуманизма, Реформации, Просвещения. Хотя советский коммунизм перестроил экономику общества, он сохранил традицию политического деспотизма. В результате экспансии России в Сибирь и Среднюю Азию, многочисленное исламское население попало под власть России. Советский империализм закрепил это. По этой причине я включил в категорию восточных православных обществ также и исламские общества, попавшие в сферу российского доминирования — ведущей цивилизации Православного Востока. Я включил в эту культурную зону также две страны, имеющие коммунистическое прошлое и граничащие с православными соседями, — Албанию и Боснию, хотя это страны с преимущественно мусульманским населением. Большинство обществ Православного Востока входили в Советский Союз, и все пережили правление коммунистов¹⁰. В Мировом исследовании ценностей принимали участие тринадцать обществ Православного Востока: Албания, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Кыргызстан, Македония, Молдова, Черногория, Румыния, Россия, Сербия и Украина.

¹⁰ Учитывая православные традиции, можно было бы включить в категорию Православного Востока также Кипр и Грецию. Но, с другой стороны, эти страны не были под российским или коммунистическим правлением и, освободившись от власти Османской империи в 1827 г., вошли в сообщество западных стран; сейчас они входят в Европейский Союз и идентифицируют себя с Западом. Как и Израиль, эти страны я включил в Старый Запад, где преобладают средиземноморские страны (см. ниже).

3.2.2. Западные культурные зоны

У западных обществ — общие корни с Исламским Востоком и Православным Востоком, связанные с греко-римской традицией. Кроме того, с Православным Востоком эту категорию обществ объединяет христианство и «белое» этническое происхождение. Но ее отличает от всех других культурных зон сильное эмансипативное влияние Гуманизма, Реформации и Просвещения. Западные общества рано индустриализировались и демократизировались. На основе быстрого роста своего технологического и военного могущества западные общества колонизировали остальные регионы мира.

Старый Запад. Самые старые западные цивилизации расположены в тех регионах бывшей Римской империи, где латинский вариант христианства пережил и выдержал сначала экспансию ислама, а потом — Реформацию. Общества Старого Запада находятся в основном в Южной Европе и сосредоточены в Средиземноморье. Два крупнейших общества католического Запада — это Франция и Италия. Поскольку эмансипативные движения здесь не были так сильны, как на Реформированном Западе (см. ниже), общества Старого Запада индустриализировались и демократизировались позже и под влиянием конфликтов с Реформированным Западом. Мировое исследование ценностей включает двенадцать обществ Старого Запада: Андорру, Австрию, Бельгию, Кипр, Францию, Грецию, Израиль, Италию, Люксембург, Мальту, Португалию и Испанию.

Запад Реформации. Запад Реформации — это протестантские общества Северной, Центральной и Северо-Западной Европы. Большинство этих обществ лишь недолгое время были частью Римской империи или граничили с нею. Следовательно, на них не так сильно повлияли римские традиции. Они были сформированы под влиянием как римских традиций, так и германского трайбализма. Все страны Запада Реформации, кроме Ирландии, стали центрами Реформации. Просвещение в них проявилось особенно ярко. Общества Реформированного Запада первыми начали индустриализацию и демократизацию и стали основным источником эмиграции на Новый Запад. В Мировом и Европейском исследованиях ценностей участвовало десять обществ Запада Реформации: Дания, Финляндия, Германия (Западная), Великобритания, Исландия, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария.

Новый Запад. После Великих географических открытий Новый Запад в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии появился как заморское продолжение Запада Реформации (хотя позже последовали волны переселенцев-католиков из Ирландии и Италии). Не отличаясь обилием минеральных ресурсов, как Латинская Америка, Новый Запад не оказался привлекательным для государственного сырьевого колониализма и других видов экономической активности, ориентированных на получение ренты. Исключением были плантации на юге Соединенных Штатов: вполне понятно, почему освобождение рабов произошло там благодаря внешнему давлению, в результате гражданской войны между Севером и Югом. Кроме юга США, Северная Америка представляет собой обширные районы с прохладным и влажным климатом, сходные с Северо-Западной Европой. Они подходят для независимого фермерства, практиковавшегося в Северо-Западной Европе. Это привлекало независимых фермеров,

стремившихся получить земли в Новом Свете и освоить фронт (новые земли на западе США). Новые общества фронта были еще более ориентированы на черты, отличавшие Реформированный Запад, особенно на либертарианский эгалитарный дух эмансипации. Новый Запад, таким образом, также рано начал индустриализацию и демократизацию, которая здесь иногда шла даже быстрее, чем на Реформированном Западе. Печально, что колонизация Нового Запада связана с гибелью большей части коренного населения Северной Америки, а также с вытеснением с их земель и маргинализацией аборигенов в Австралии и маори в Новой Зеландии. В Мировом исследовании ценностей участвовали четыре общества Нового Запада: Австралия, Канада, Новая Зеландия и США.

Вернувшиеся на Запад. Группа обществ с западной культурой на основе католической или протестантской традиции, которые были отделены против воли от Запада и пережили четыре десятилетия советского коммунизма. В сравнении с другой экс-коммунистической культурной зоной — Православным Востоком — неприятие коммунизма и стремление к свободе и демократии были значительно более сильными в этих обществах. Сразу после падения коммунизма они быстро присоединились к Европейскому Союзу. Как мы увидим, система ценностей обществ, вернувшихся на Запад, не очень отличается от ценностей Старого Запада. Зона Вернувшихся на Запад находится в Центральной и Восточной Европе и граничит с Православным Востоком. В Мировом и Европейском исследованиях ценностей участвовали десять обществ, вернувшихся на Запад: Хорватия, Чехия, Эстония, Германия (Восточная), Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения.

3.2.3. Не Запад — не Восток

Контраст Восток—Запад в основном характерен для Евразии. За пределами Евразии две культурные зоны не относятся к этому разделению: Африка южнее Сахары и Латинская Америка. Эти две зоны представляют, соответственно, регион, где впервые появились современные люди, и регион, куда они добрались в последнюю очередь.

Африка южнее Сахары. Африка южнее Сахары — это регион происхождения современного вида людей, однако городская цивилизация здесь не сформировалась так отчетливо, как в Евразийском поясе от Средиземноморья до Китая. По этой причине Африка южнее Сахары подверглась наиболее опустошительному влиянию колониализма и работорговли. Природные корни этого региона в основном связаны с эрой до развития цивилизаций, а наиболее заметные проявления цивилизации появились здесь в период колониализма. У современных национальных африканских государств почти не было доколониальных предшественников, африканские общества стали независимыми в конце периода деколонизации и продолжают страдать от наследия сырьевого колониализма, основанного на вывозе природных ресурсов. Одно из таких наследий заключается в постоянных этнических противоречиях, которые питают межплеменные конфликты и борьбу за власть в государстве, воспринимающемся как источник дохода для правящей группы, а не как институт, призванный обеспечивать общественные блага. В Мировом исследовании ценностей принимало участие десять обществ

из Африки южнее Сахары: Буркина Фасо, Гана, Мали, Нигерия, Руанда, Южная Африка, Танзания, Уганда, Замбия и Зимбабве.

Латинская Америка. Общества Латинской Америки сформировались на развалинах уничтоженных цивилизаций американских индейцев. Их объединяет испанское или португальское наследие, в них силен католицизм, и они рано прошли процесс деколонизации: независимые национальные государства здесь появились в 1820-х и 1830-х гг. Общества Латинской Америки пострадали от сырьевого капитализма, основанного на принудительном труде многочисленных рабов, привезенных из Африки, на плантациях и горных разработках. Из-за этого в большинстве этих обществ сложилось острое социальное неравенство; кроме того, широко известно, что какая бы правящая коалиция в них ни сложилась, она стремится использовать власть для собственного обогащения, а не для обеспечения всех граждан общественными благами. В Мировом исследовании ценностей участвовало одиннадцать Латино-Американских обществ: Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Мексика, Перу, Уругвай и Венесуэла.

Как видно из списка девяносто пяти обществ, Мировое исследование ценностей обеспечивает широкий охват глобальных культурных зон и включает из каждого региона мира общества с самым большим населением и размером экономики, а именно Китай и Японию в Восточной Азии, Индию и Индонезию в Южной Азии, Иран и Турцию на Ближнем Востоке, Египет в Северной Африке, Нигерию и Южную Африку в Африке южнее Сахары, Бразилию и Аргентину в Южной Америке, Мексику в Центральной Америке, США в Северной Америке, Россию в Восточной Европе, Польшу в Центральной Европе, Германию, Францию и Великобританию в Западной Европе, Италию и Испанию в Южной Европе, а также Австралию. В Мировом исследовании ценностей, таким образом, представлены более 90% мирового населения, — поэтому его результаты вряд ли могут быть смещенными из-за отбора обществ.

Как видно из таблицы I.3, взаимосвязь между стадией эмансипации в обществе и его принадлежностью к культурной зоне не случайна. Проявляется явная дихотомия Запад/не-Запад: кроме нескольких обществ Старого Запада и Вернувшихся на Запад, все западные общества находятся на «процветающей» стадии человеческой эмансипации. Среди незападных обществ только два, а именно Япония и Уругвай, находятся на этой же стадии, и около десяти — близки к ней, включая Аргентину, Болгарию, Южную Корею и Тайвань. В то же время явное большинство незападных обществ находятся на «трудной» или «бедственной» стадиях эмансипации. Напротив, ни одно из западных обществ не находится на «бедственной стадии».

Колониализм и выгоды, полученные от него западным миром, все еще заметны в этой классификации стран. Связь между уровнем эмансипации и принадлежностью к культурным зонам настолько очевидна, что её невозможно игнорировать. Поэтому существенная часть данной книги будет посвящена выяснению причин, по которым сформировались различия между культурными зонами.

Часть А. Как понимать эмансипативные ценности

Глава 1. Теория эмансипации

Власть народа и власть разума — это же одно!¹¹

Георг Бюхнер

Введение

В этой главе выстраивается теоретическая основа моего исследования. Я представляю концепцию *человеческой эмансипации*, основывающуюся на *эволюционной теории эмансипации*. Это теория «эмансипации», потому что она фокусируется на человеческом желании жить свободно от всякого господства. Именно так я определяю эмансипацию. Эта теория — «эволюционная», потому что описание всей системы понятий о человеческой эмансипации выводится из корневого эволюционного принципа: [принципа восхождения по] *лестнице полезности свобод*. Первооснова этого принципа — развитие в ходе эволюции качество, присущее нашему виду: *субъектность* [agency] людей, то есть способность действовать целенаправленно.

Субъектность — эмансипирующее по своей природе качество, избранное эволюцией за способность формировать реальность. Субъектность делает гарантии свобод полезным благом в той мере, в которой люди обладают ресурсами для проявления своих субъектных качеств. Если этих ресурсов достаточно, люди осознают ценность свобод и действуют так, чтобы их себе гарантировать. Если это предположение верно, то стремление к свободам *адаптивно* в том смысле, что оно зависит от обстоятельств: оно ослабевает и затухает, если ресурсы, которыми люди обладают, недостаточны и ограничены. Как только жизненные условия улучшаются, стремление к свободам пробуждается и начинает распространяться, пока не становится настолько широким, что люди предпринимают коллективные действия во имя тех свобод, которые они совместно ценят. Когда такое происходит, мощь солидарности растет, и с какого-то момента ее уже не одолеть. По этой причине правители вынуждены гарантировать гражданские свободы и выполнять эти гарантии. Тот же принцип работает и в обратном направлении: если обстоятельства продолжают ограничивать активность людей — стремление к свободе

¹¹ Бюхнер Г. Смерть Дантона. — Прим. ред.

не проявляется, никаких действий в поддержку свобод не происходит, и маловероятно, что правители эти свободы гарантируют, но даже если это случится, то им очень легко эти гарантии отменить.

Эти идеи можно сформулировать в тезисе: если свободы прирастают, то в последовательности *полезность — ценность — гарантия*. Это то, что я называю *тезисом последовательности* в теории эмансипации.

Когда спектр свобод расширяется, мы наблюдаем эмансипацию: люди обретают контроль над своими жизнями и определяют круг вопросов, обсуждаемых и решаемых в своем обществе. По мере развития эмансипации появляются эмансипативные ценности, обеспечивающие психологическую связь между растущей полезностью и гарантиями свобод. Институты, гарантирующие всеобщие свободы, — это *результат*, а не причина этого процесса. Данное уточнение важно, поскольку оно полемизирует с популярной точкой зрения, что институты — причина всякого развития (North, Wallis & Weingast, 2009; Acemoglu & Robinson, 2012; Fukuyama, 2012).

В данной главе детально рассматриваются приведенные выше положения. В первом разделе главы представлены эпистемологические предпосылки теории человеческой эмансипации: универсальность человеческого стремления к освобождению и его адаптивность к неблагоприятному давлению среды [existential pressures]. Во втором разделе описываются три элемента человеческой эмансипации, раскрывающие различные аспекты субъектности: ресурсы для действий в сфере способностей [capabilities], эмансипативные ценности в сфере мотивации и гражданские права в сфере гарантий. В третьем разделе показано, как тезис последовательности объясняет связь между тремя элементами эмансипации. В четвертом разделе вводится эволюционный принцип, лежащий в основе *лестницы полезности свобод*, чтобы объяснить, почему различные общества оказываются в противоположных циклах развития: в циклах угнетения [disempowerment] и эмансипации. Общества в цикле угнетения стабильны до тех пор, пока могут отгородиться от обществ, находящихся в цикле эмансипации, а сталкиваясь с ними, теряют стабильность. В этом состоит эволюционное преимущество человеческой эмансипации. Завершает главу резюме её тезисов.

1. Гуманистический универсализм

1.1. Проблема природы человека

«Эмансипация» означает процесс, в ходе которого люди освобождаются от внешних ограничений, мешающих им реализовывать свои собственные и общие ценности (Sen, 1999). Таким образом, эмансипация — это процесс полного освобождения субъектности людей. Этот процесс достигнет полного завершения, когда *единственным* оставшимся ограничением свобод каждого будут аналогичные свободы всех других людей. Это, конечно, идеальное состояние, которое, возможно, никогда не будет достигнуто. Однако, как мы увидим, реальность демонстрирует различные степени приближения к такому состоянию.

Понятие человеческой эмансипации, с моей точки зрения, не связано с вопросом, существует или нет «свобода воли». Принципиальный вопрос — свободны ли люди от *внешних* ограничений, чтобы действовать исходя из собственных ценно-

стей. Вопрос не в том, обладают ли люди *внутренней* свободой в том смысле, что они полностью контролируют свои ценностные предпочтения¹². Вне зависимости от того, насколько свободны люди в выборе своих ценностей, после того как ценности сформируются, свобода действий для их достижения становится главным оценочным критерием с точки зрения человеческой эмансипации.

Делая акцент на свободе от внешнего принуждения, концепция эмансипации оценивает *каждое* общество по одному и тому же стандарту *полезности*. Подобный универсальный подход имеет основания, если — и только если — человеческая природа существует в инвариантном, т. е. в не зависящем от особенностей конкретной культуры виде. И это очевидно. Только в случае существования универсальной человеческой природы мы можем обобщенно сформулировать, что означает — быть человеком. Так мы можем дать универсальное определение понятиям «благополучие людей» и «полезность для людей»¹³. И только тогда уместно оценивать все общества по единому критерию. Предположение о существовании человеческой природы принципиально для универсального гуманизма — нормативной позиции, которую занимают сторонники концепции человеческой эмансипации (Anand & Sen, 2000).

Универсальный гуманизм полемизирует с концепцией культурного релятивизма (Kukathan, 2006), отрицающего всеобщность природы человека. Будучи социальными существами, люди рассматриваются *исключительно* как продукт культур. У людей из разных культур мало общего, за исключением тривиальных биологических признаков. Таким образом, культурные различия подразделяют людей на виды. За пределами биологии такие понятия, как человечность, человеческое благополучие и полезность не обладают для людей из разных культур одинаковым значением. Следовательно, универсальный гуманизм неполноценен для применения одного-единственного критерия поверх культурных границ (Benedict, 1959 [1934]; Wong, 2006).

Тем не менее культурный релятивизм, похоже, теряет свою доказательную базу в эмпирических науках. Новые достижения эволюционной психологии (Brown, 1991; Geary, 2007), кросс-культурной психологии (Ryan & Deci, 2000; Schwartz, 2004), эволюционной антропологии (Boyd & Richerson, 2005; Turner & Maryanski, 2008), сравнительной лингвистики (Chomsky, 2000; Pinker, 2002), экспериментальной экономики (Fehr & Gaechter, 2005; Fehr, Gaechter & Thoeni, 2010) и экспериментальной философии (Guglielmo, Monroe & Malle, 2009) указывают на наличие значимых человеческих универсалий, не зависящих от культуры. Одна из этих универсалий — эволюционный принцип формирования ценностей.

Это ни в коем случае не отрицает культурные различия человеческих ценностей — как раз напротив: культурные различия глубоки. Их удается измерять все

¹² Удивительно, но свобода людей ценить свободы ограничена. Адаптивный поиск свобод — это сформированный эволюцией механизм адаптации; он предdispose людей ценить свободы только в той степени, в которой имеющиеся у людей ресурсы для действий могут сделать свободы полезными. Работу этого механизма люди не могут произвольно контролировать. Таким образом, существуют ограничения для «свободы воли».

¹³ Для различения объективных и субъективных аспектов человеческого существования я использую термин «полезность»/«utility» исключительно в смысле объективных полезностей и возможностей и термин благополучие «wellbeing» исключительно в смысле субъективного благополучия. Учитывать это различие важно, поскольку эволюция связала наше субъективное благополучие с объективными полезностями. Связь полезности с благополучием принципиально важна для нашего взаимодействия с реальностью.

с большей точностью. Например, ученые оценивают, насколько культуры «жесткие» или «мягкие», рассматривая действующие в них нормы, «коллективистические» или «индивидуалистические», ориентированы ли они на «выживание» или на «эмансипацию». Однако механизмы, определяющие, какие из этих культурных ориентаций доминируют в обществе, выводятся из основного принципа эволюции, управляющего всеми культурами: *лестницы полезности свобод*. Результаты трех кросс-культурных исследований отмечают силу этого принципа. Прежде всего, это исследование Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005), показывающее, что в обществах, где большинство людей живут под давлением неблагоприятных жизненных условий, доминируют ценности выживания. Эти ценности отдают приоритет безопасности, а не свободе. Сходным образом Триандис (Triandis, 1995) утверждает, что давление неблагоприятных жизненных условий объясняет, является ли данная культура «коллективистической» или «индивидуалистической». Ослабление давления уменьшает потребность в коллективной дисциплине и открывает возможности для индивидуализма. Гельфанд с коллегами (Gelfand et al., 2011) также обнаружили, что давление жизненных условий определяет, окажется ли культура «тесной» [tight] или «просторной» [loose]. При ослаблении негативного давления потребность в жестких нормах ослабевает, и культуры становятся «мягче».

Основной принцип, стоящий за всеми этими изысканиями — *лестница полезности свобод*. Объективно, свободы приобретают полезность, когда давление жизненных обстоятельств ослабевает: низкий уровень давления означает, что люди в меньшей степени вынуждены делать то, что не оставляет им никакого выбора. Степень свободы действий людей, таким образом, увеличивается; следовательно, гарантии, дающие людям право делать свой выбор, становятся полезными, что не остается незамеченным. Эволюция вывела людей на вершину пищевой цепочки, снабдив нас исключительными перцептивными способностями для восприятия жизненных возможностей (Geary, 2007; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007). По этой причине люди не оставляют без внимания тот факт, что полезность свобод возрастает. Когда люди начинают ценить свободы, появляются эмансипативные ценности. Эти ценности сдвигают культуры от «тесного» взгляда на мир к более «просторному», от коллективистического — к индивидуалистическому. Эти сдвиги коренятся в механизме адаптации человеческого разума, где логика человека — универсальный компонент его природы. Люди не принимают эмансипативные ценности, когда давление неблагоприятных жизненных условий опускает их на нижние ступени *лестницы полезности свобод*. И, напротив, люди принимают эмансипативные ценности, когда благоприятные условия жизни позволяют им подниматься на верхние ступени *лестницы полезности свобод*.

Если восхождение по *лестнице полезности свобод* — действительно главный эволюционный принцип, определяющий культурные различия, то всеобщая, единая человеческая природа, очевидно, существует. Из этого вытекает, что у человеческой полезности, благосостояния, достоинства есть культурно-инвариантное значение. И, таким образом, подход, основанный на человеческой эмансипации, выявляет это значение.

Идея человеческой эмансипации стала заметной благодаря понятию «человеческое развитие», введенному экономистом Амартьей Сеном (Sen, 1999) и фи-

лософом Мартой Нусбаум (Nussbaum, 2000; 2006). Этот термин применяется к индивидам и обществам. В обоих случаях его значение эквивалентно. Для индивидов человеческая эмансипация означает развитие *личной субъектности*, то есть достижения такой стадии личностной зрелости, на которой индивид осознает свои ценности и выбирает действия, соответствующие им. Для обществ человеческая эмансипация обозначает развитие *гражданской субъектности*, то есть достижение такой стадии зрелости общества, на которой все люди в равной степени свободны выбирать действия, соответствующие своим ценностям. Человеческая эмансипация, следовательно, — это свобода стремиться к реализации возможностей, оцениваемых как важные, хотя и с одним ограничением: все другие люди должны в равной степени обладать такой же свободой (Nussbaum & Sen, 1993; Anand & Sen, 2000; Clark, 2002; 2006).

Эти идеи навеяны специфическим пониманием того, что такое человек. Понятие человечности в свою очередь определяет, что понимается под понятиями «гуманная жизнь» и «гуманное общество». В двух словах понятие человечности, лежащее в основе этой концепции, можно описать следующим образом. Как биологический вид люди отличаются от других существ на нашей планете большей степенью свободы в выборе своих действий. Следовательно, свобода выбора — определяющая характеристика вида Человек разумный¹⁴. Эта свобода основывается на сформированной эволюцией способности человеческого интеллекта представлять альтернативные варианты действий и предвидеть их различные исходы. Такая способность позволяет выбирать действия, ведущие к тому исходу, который имеет большую ценность для индивида (Miller, 2001; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007; Mithen, 2007). Итак, если потенциал достижения свободы определяет человечность, тогда «человеческое» развитие — это не что иное, как *реализация* этого потенциала. Следовательно, гуманная жизнь — это жизнь, в которой индивид свободен действовать в соответствии со своими ценностями.

Поскольку потенциал свободы — это *всеобщее* человеческое качество, он присутствует у *каждого* индивида. Каждый человек в равной мере человечен и, по этой причине, одинаково ценен. Гуманным обществом, таким образом, может быть только общество, в котором свободы и все нужное для их реализации в одинаковой степени доступны каждому.

Этот ход мысли по своей сути эмансипаторный: его идеал — мир, в котором люди свободны от всех внешних ограничений, кроме точно такой же свободы других. Эмансипаторный идеал наиболее ярко сформулирован в философии Просвещения, особенно в классических работах Канта и Милля, а также в современных трудах Поппера (Popper, 1971 [1962]), Роулза (Rawls, 1971), Дворкина (Dworkin, 1988) и Сена (Sen, 1999). Эмансипаторный дух объединяет республиканское, либеральное, демократическое направления мысли, а также сторонников теории обще-

¹⁴ Отрицает или поддерживает эту позицию понятие «свободной воли»? Я думаю, как минимум, мы можем утверждать, что наша интеллектуальная способность моделировать альтернативные варианты выбора и оценивать их полезность по критериям определенной системы ценностей расширяет репертуар поведения. Действительно, функция ценностей — обеспечить нам более высокую способность преодолевать инстинктивные импульсы. Следовательно, у людей есть определенные степени свободы для контроля своих инстинктивных импульсов. Человеческая способность препятствовать удовлетворению существует лишь по этой причине. В этом смысле мы в некоторой степени обладаем свободой воли.

ственного договора, и развивается в то, что Сандер (Sunder, 2003) назвал Новым Просвещением, для которого характерен перенос искры эмансипации в те сферы господства, которые не были затронуты изначальной философией Просвещения, в особенности, в семью и религию. Особенно важно, что эмансипаторные идеалы все энергичнее продвигаются активистами движения защиты прав человека в незападных странах: в Азии, Африке и на Ближнем Востоке, включая людей, обладающих огромным моральным авторитетом, таких как Нельсон Мандела (1994), Аун Сан Су Чжи (1995), Далай Лама (1999), Саад Эдин Ибрагим (2002), Чаохуа Вонг (2005).

1.2. Проблема «западоцентричности»

Может создаться впечатление, что эмансипаторный идеал человеческого существования без ограничений — уникальное явление западной культуры. Однако это не так. В каждой культуре можно найти представления о таком укладе жизни людей, когда они свободны от внешних ограничений (Dumont, 1986). Все главные мировые религии связывают реализацию подобного свободного существования со спасением и с *загробной* жизнью в ином мире. Тем не менее спасение — это, по своей сути, эмансипаторное понятие, и в нем нет ничего специфически западного (Valea, 2010). Специфически западной, хотя все в меньшей и меньшей степени, является светская концепция эмансипации, освобождения: идея, что свободы могут быть реализованы в этой жизни.

Притягательность эмансипации коренится в несоответствии, омрачающем человеческое существование: несоответствие между *воображением* и *реальностью* (Вакар, 1966). Это противоречие затрагивает проблему «разума и тела», которая обсуждалась как в западной, так и в восточной философии (Krishnamurti, 2005). Человеческий разум свободен в том смысле, что есть очень немного ограничений для тех реалий, которые он способен вообразить. Однако люди способны реализовать лишь крошечную часть того, что способны вообразить. Учитывая данное противоречие, наше материальное бытие вовсе не так непринужденно, как наше воображение. Тем не менее именно потому, что люди способны воображать ничем не ограниченное существование, такое бытие становится их предельным желанием, терминальной ценностью. Желание бессмертия, которое все мировые религии трактуют как вечную жизнь после смерти, выражает эту терминальную ценность (Valea, 2010).

До начала индустриальной эры жизнь была «короткой, грубой и скверной», как много лет назад сказал Томас Гоббс¹⁵. До недавнего времени идея возможности существования без бед и страданий в этой жизни представлялась невероятной. Пока страдания и несчастья были атрибутом жизни большинства людей, единственным способом совладать с несоответствием между воображением и реальностью была вера в свободное бытие в *загробной* жизни. Эта утешительная функция — одна из ключевых целей религии.

Научно-техническая революция, ставшая движущей силой индустриализации, резко повысила влияние технологий, развитие которых достигло беспрецедентного уровня, расширив возможности людей контролировать реальность в новых

¹⁵ Во времена войны всех против всех «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (Гоббс Т. Левизифам. Гл. XIII). — Прим. ред.

направлениях. Общества, находившиеся на передовой линии технологического прогресса, использовали его возможности, чтобы сделать жизнь людей более продолжительной, безопасной, комфортной, интересной, осмысленной и — свободной (Ridley, 2010; Morris, 2010; Pinker, 2011). Главная проблема сегодняшнего дня: как распространить идею эмансипации человеческого существования на все те регионы, где люди продолжают страдать от угнетения и бедности, — не разрушив при этом нашу планету.

Сторонники теории общественного договора, либеральной, демократической и космополитической традиции, а также и те, кто развивает теорию человеческой эмансипации, убеждены, что каждый человек одинаково обладает правом на свободное бытие. Следовательно, возможность жить свободно должна быть равнодоступной в гуманном обществе. В этом смысле теория человеческой эмансипации преодолевает противоречие между свободой и равенством (Nussbaum, 2006). Действительно, равенство — это ключевое основополагающее свойство свободы, вопрос равной степени свободы для каждого. Данная позиция перекликается с *первым принципом справедливости* Роулза (Rawls, 1971: 53):

«Каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной системы равных основных свобод, совместимых с подобными системами свобод для других»¹⁶.

Акцент на свободе выбора и равенстве возможностей может подвергаться критике как навязывание западной точки зрения о том, что такое хорошая жизнь и хорошее общество, но подобная критика основывается на двух неверных предположениях, которые могут быть сформулированы следующим образом:

(1) осуществление свобод — это возможность, которой обладают только западные общества;

(2) осуществление свобод — это ценность, признанная лишь западным обществом.

Каждое из этих предположений легко опровергнуть. Абсурдность первого очевидна: возможность реализации свобод коренится в когнитивных способностях человека, а именно — в способности находить альтернативные варианты действий. Нельзя всерьез утверждать, будто эта способность — качество исключительно «западных» людей.

Что касается второго предположения, действительно ли свободы ценятся лишь западным обществом? Подобное утверждение активно продвигалось сторонниками тезиса «азиатских ценностей» (Yew, 1994; cf. Thompson, 2001: 2004). Однако их заявление, будто «незападные» люди не разделяют западного представления о ценности свобод, чаще подвергается распространению, чем находит подтверждение. На деле, ряд эмпирических исследований доказывает прямо противоположное.

Определить, ценят ли люди свободы, можно, проанализировав, повышает ли ощущение свободы удовлетворенность жизнью. Инглхарт и Вельцель (Inglehart and Welzel, 2005: 140) изучали этот вопрос, основываясь на данных из семидесяти стран мира. Они обнаружили, что чувство свободы повышало степень удовлетворенности

¹⁶ Перевод дан по: Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. 1995. С. 66. — *Прим. ред.*

жизнью людей во всех странах, независимо от культурных различий. Данное открытие нашло подтверждение и в других исследованиях, включая мета-анализ всех опубликованных исследований по данной теме (Fischer & Boer, 2011): чувство свободы влияет на удовлетворенность жизнью исключительно позитивно. Варьируется лишь сила этого влияния. Однако причина данной вариации — не культура, а степень суровости жизненных условий: в тех странах, где жизнь легче, влияние чувства свободы на удовлетворенность жизнью сильнее (Delhey, 2009; Welzel & Inglehart, 2010). Из приведенных выше результатов следуют три вывода. Во-первых, стремление к свободам реально. Во-вторых, оно адаптивно. В-третьих, логика этой адаптивности инвариантна во всех культурах.

Возможно, люди в различных культурах определяют свободы абсолютно по-разному, но тогда окажется невероятным совпадением тот факт, что все эти разные определения так тесно связаны с удовлетворенностью жизнью. Конечно, объяснить подобную связь как простое совпадение было бы наивно. В самом деле, экспериментальные исследования, опирающиеся на психологическую теорию саморегуляции, подтверждают, что позитивное влияние ощущаемой свободы на удовлетворенность жизнью — кросс-культурная универсалия (Deci & Ryan, 2000; Chirkov, Ryan, Kim & Kaplan, 2003; Haller & Hadler, 2004). Как показала работа Тернера и Марьянски (Turner and Maryanski, 2008), рост удовлетворенности от ощущения свободы происходит из стремления к эмансипации, развившегося в процессе эволюции.

В итоге акцент, который теория человеческой эмансипации делает на свободах, не подразумевает специфически *западного* понимания того, что такое хорошая жизнь и хорошее общество. Это универсальная гуманистическая точка зрения.

2. Три элемента человеческой эмансипации

Концепция человеческого развития, предложенная Сеном, фокусирует внимание на способностях, позволяющих людям реализовывать свободы. По этой причине такой подход часто называют подходом на основе возможностей [capability approach] (Clark, 2002, 2006; Nussbaum, 2000). Вельцель, Инглхарт и Клингеман (Welzel, Inglehart & Klingemann, 2003) развили его в концепцию человеческой эмансипации, включив в него эмансипативные ценности в качестве дополнительного элемента.

Эмансипативные ценности придают особое значение свободе выбора и равенству возможностей. Они действуют как мета-ценность, которая под своим «зонтиком» допускает реализацию большого разнообразия специфических ценностей: эмансипативные ценности подчеркивают свободу людей стремиться к специфическим ценностям по своему выбору.

Однако разнообразие допустимых специфических ценностей имеет свои ограничения. Чтобы предотвратить разрушение эмансипации от реализации ее же собственных принципов, нельзя допускать каждую специфическую ценность. Для защиты толерантности от саморазрушения недопустима нетерпимость. Это явление известно как «парадокс свободы»: чтобы поддерживать свободу, непозволительно разрешать свободе выбирать несвободу. Например, свобода следовать культурным традициям, нравящимся индивиду, не должна защищать культурные традиции, нарушающие свободу. При главенстве эмансипации нет зон, в которых

отрицалось бы требование всеобщих свобод. В этом смысле эмансипативные ценности порождают *либеральную ограниченность* толерантности, нетерпимую к нелиберальным практикам.

Рисунок 1.1. Концепция человеческой эмансипации

В самом общем смысле человеческая эмансипация означает свободу людей действовать в соответствии с их ценностями в той степени, в какой это не нарушает аналогичные свободы всех остальных людей. Для того чтобы как можно больше людей смогли реализовать свободы на практике, их жизнь должна быть обогащена тремя «ингредиентами», как это показано на рисунке 1.1. Давайте их последовательно обсудим.

2.1. Эмансипация через гарантии: права человека

Начнем с наиболее очевидного «ингредиента»: людям должно быть *позволено* осуществлять свободы. Такое позволение обеспечивается правовыми гарантиями свобод. Эти гарантии должны быть «демократическими», т.е. каждый гражданин должен быть наделен ими в равной степени.

В любом гражданском обществе принято выделять две сферы жизни: частную, вопросы которой решаются путем личного выбора человека, и общественную, в которой решение вопросов берет на себя общество в целом. Отсюда следует, что для эмансипации в обеих сферах права человека должны гарантировать частные и общественные свободы (Beetham, 1999; O'Donnell, 2004; Saward, 2006; Williams, 2006). Частные свободы гарантируются *правами на личную автономию*; общественные свободы гарантируются *правами на политическое участие*. Чтобы права человека были институционализированы в полной мере, обе системы прав должны быть гарантированы, причем в равной пропорции, чтобы ни одна сфера прав человека не получала приоритета за счет другой.

В том случае, если унаследованное неравенство препятствует реализации прав на автономию и участие, то необходимы компенсационные права в качестве еще

одной, третьей сферы прав (Marshall, 1950). Таким образом, концепция человеческой эмансипации не оправдывает абсолютный рыночный либерализм: человеческая эмансипация требует такой организации общества, при которой государство вмешивается там, где рынки неспособны обеспечить равенство возможностей. Гарантии компенсационных прав для людей, принадлежащих к малоимущим группам населения, служат средством достижения этой цели. Следовательно, концепция человеческой эмансипации защищает права на автономию, права на участие и компенсационные права для малоимущих слоев населения. Концепция человеческой эмансипации подразумевает единую концепцию прав.

Часто обсуждаемое противоречие между правами на участие, правами на автономию и компенсационными правами разрешается в теории человеческой эмансипации. Как отмечает Бретшнейдер (Brettschneider, 2007: 8, fn. 4): «демократия и права не противостоят друг другу, но являются элементом непротиворечивой, единой теории самоуправления».

Во всяком случае, гражданские права эмансипируют людей на уровне гарантий, привнося институциональный элемент в человеческую эмансипацию¹⁷. Гражданские права предоставляют разрешение на свободы.

2.2. Эмансипация через способности: ресурсы для действий

Возможность людей осуществлять права и свободы — это не только вопрос гарантий, но и вопрос способностей, которые не так легко предоставить, как гарантии. Причина очевидна. Гарантии непосредственно доступны для внедрения, потому что они провозглашаются и закрепляются законами. Однако способности нельзя ввести законом: законы могут предписывать желательный вариант реальности, но не могут создать его.

Способность людей осуществлять свободы — прямое отражение доступных им ресурсов. Люди, располагающие большим количеством ресурсов, свободнее в том смысле, что они имеют больше способов достижения того, что ценят. Это свойство ресурсов определяет их как ресурсы для действий. Можно выделить три вида ресурсов для действий:

(1) интеллектуальные ресурсы: знания, навыки и информация;

(2) коммуникативные ресурсы: сети обмена информацией и средства коммуникации;

(3) материальные ресурсы: оборудование, инструментарий и доход.

Ни один из типов человеческой деятельности не достается даром. Чтобы делать что-то, нужны навыки; многие виды деятельности требуют оборудования или финансовых вложений; некоторые виды деятельности можно выполнять лишь совместно с другими людьми, так что они требуют возможности для установления контакта с единомышленниками и партнерами.

Повсеместное технологическое развитие увеличивает объемы всех трех видов ресурсов (Bell, 1973; Elias, 2004 [1984]; Toffler, 1990; Drucker, 1993). Оно

¹⁷ Я использую термин «институты» в исключительно формальном смысле, подразумевая под институтами конституции, законы и другие формы официального регулирования. Я воздерживаюсь от расширительной трактовки данного термина, включающей «неформальные институты», поскольку в этом случае понятие «институт» становится неотличимым от понятия культуры. Различение различия между двумя последними понятиями лишает нас возможности анализировать взаимовлияние культуры и институтов.

совершенствует оборудование и приводит к повышению образовательного уровня, расширению доступа к информации и уплотнению взаимоотношений людей через различные сети обмена информацией. Эти тенденции расширяют интеллектуальные, коммуникативные и материальные ресурсы людей.

Ресурсы для действий в этом отношении развивают способности людей, обеспечивая материальный элемент эмансипации людей. Они увеличивают пользу, получаемую людьми от свобод. Чем больше имеется ресурсов для действий, тем большую совместную пользу получают люди от свобод, что служит основой для солидарности.

2.3. Эмансипация через мотивацию: эмансипативные ценности

Даже сочетание гарантий и способностей недостаточно для человеческой эмансипации. Людям можно дать навыки и разрешение на осуществление свободы, но если они к этому не стремятся, свободы не будут осуществлены на практике. Свободы в таком случае останутся нереализованными возможностями. Поэтому, помимо гарантий и способностей, существует еще один компонент человеческой эмансипации — *мотивация*. Мотивы — прямое отражение того, что люди ценят в жизни. Ценности, создающие сильную мотивацию к осуществлению свобод, я называю «эмансипативными ценностями».

Эмансипативные ценности — это способствующая эмансипации мотивация, побуждающая к действию. Для этого есть два основания. Во-первых, акцент на равных возможностях, внутренне присущий эмансипативным ценностям, появляется с интериоризацией гуманных норм, делающих людей чувствительными к социальной несправедливости, так что любое столкновение с ней вызывает сильные негативные эмоции. Во-вторых, эмансипативные ценности признают важность самовыражения людей, соответственно, выражение общей озабоченности какими-либо проблемами становится само по себе ценностью и источником удовлетворенности. В результате оценка полезности меняется: полезность теперь связывается не только с достижением цели, но и с провозглашением цели. «Экспрессивная полезность» ослабляет препятствия, мешающие людям высказывать свои беспокойства.

Таким образом, эмансипативные ценности приводят к человеческой эмансипации на уровне *мотивации*, обеспечивая ее *психологическим* элементом. В то время как ресурсы для действий увеличивают полезность свобод, а права человека предоставляют гарантии свобод, появление эмансипативных ценностей приводит к тому, что свободы начинают ценить. Вместе эти три элемента человеческой эмансипации определяют статус свобод в обществе.

2.4. Человеческая эмансипация как гражданская субъектность

Чтобы оценить, на какой стадии эмансипации находится все общество в целом, принципиально важно изучить степень инклюзии: каково типичное положение *большинства* людей в обществе? Критерий инклюзии предьявляет требования ко всем трем аспектам человеческой эмансипации. Что касается прав человека, они должны в равной мере предоставляться каждому человеку, если мы стремимся к *инклюзивной* эмансипации.

С ресурсами для действий и эмансипативными ценностями ситуация сложнее, поскольку ресурсы и ценности подразделяются на *уникальные* и *общие*. Уникальными являются те ресурсы и ценности, которые отклоняются от типичных для большинства людей в данном обществе; общими — те, которые типичны для большинства людей. Уникальность ресурсов показывает, в какой степени полезность от свобод для отдельного индивида отличается от полезности для большинства других людей. Общая часть ресурсов указывает на *совместную* с большинством других людей полезность от свобод. Что касается ценностей, то их уникальная часть показывает, в какой степени их значимость для отдельного индивида отличается от значимости для большинства других людей. Общая часть ценностей в свою очередь показывает, в какой степени большинство других людей разделяет ценности отдельного индивида. Теперь ясно, что инклюзивность человеческой эмансипации растет только тогда, когда у людей растут *общие* доли ресурсов для действий и эмансипативных ценностей.

Инклюзия — это не только нормативное определение человеческой эмансипации, у нее есть и практические следствия, поскольку инклюзия создает основу для солидарности. Солидарность в свою очередь — это ключевая составляющая способности людей к коллективным действиям. Когда люди используют эту способность, они осуществляют свою гражданскую субъектность — неотъемлемый компонент сильного гражданского общества. Следовательно, инклюзивная эмансипация — это синоним гражданской субъектности.

3. Тезис последовательности

3.1. Эволюционная полезность свобод

Существование культуры в обществе не противоречит эволюции; наоборот, она выводит эволюцию на новый уровень. Как и ее биологическая основа, культура — это система наследования, запрограммированная накапливать, хранить и передавать проверенные знания о том, как управлять реальностью (Avery, 2004). Согласно биологии, знания для управления реальностью закодированы в генах и передаются путем наследования. В культуре же знания воплощены в элементах коллективной памяти, которые иногда называют «мемами»¹⁴ и передаются через обучение (Dunbar, Knight & Power, 1999; Chattoe, 2002; Boyd & Richerson, 2005).

Любая система наследования — биологическая или культурная — постоянно подвергается проверке реальностью. Следовательно, системы наследования все время формируются и изменяются посредством отбора на соответствие реальным условиям (Distin, 2011). Постоянство отбора обеспечивает самоуправляемый двигатель прогресса (Roux, 2010). Прогресс очевиден и в биологической, и в культурной системе наследования, хотя в обеих этих сферах он прерывается фазами стагнации перед резкими ускорениями.

Важным ускорением в биологической эволюции приматов была цефализация. Цефализация — это тренд увеличения головного мозга и усложнения его структуры, сопровождаемый развитием интеллектуальных способностей приматов

¹⁴ Английское слово «meme» созвучно слову «germ» — микроб, вирус; аналогия заключается в том, что некоторые знания, представления могут передаваться от человека к человеку и распространяться экспоненциально, как микробы. — Прим. пер.

(Flinn, Geary & Ward, 2005). Примерно 150 тысяч лет назад кульминацией процесса цефализации стал человеческий мозг — самое мощное на нашей планете устройство для управления знаниями (Alexander, 1987; Ehrlich, 2000). Отбор был нацелен на мозг, потому что его интеллектуальные способности допускали необычайную степень контроля над реальностью и средой (Flinn, Geary & Ward, 2005; Geary, 2007).

Формируя человеческий интеллект, эволюция изобрела свой собственный ускоритель — субъектность, то есть способность действовать целенаправленно. Субъектность позволяет намеренно экспериментировать, что ускоряет поиск более эффективных решений. В биологии эволюция работает с генетической информацией, и здесь эволюция лишена субъектности. Естественные усовершенствования генетического кода вида происходят случайно, путем случайных ошибок при копировании ДНК. Здесь экспериментирование идет *вслепую*, и поэтому прогресс идет медленно. В культуре эволюция работает с усвоенной информацией. Поскольку способность думать наделяет познающего актора субъектностью, приобретенная информация доступна для систематических улучшений посредством целенаправленного экспериментирования. Это создает возможности для *преднамеренных* инноваций — гораздо более быстрого двигателя прогресса (Nolan & Lenski, 1999; Avery, 2003; Boyd & Richerson, 2005).

Несмотря на различия в скорости, и в биологии, и в культуре эволюция ставит перед наследованием цель стремиться к большей полезности, отбрасывая то, что не работает, и закрепляя то, что позволяет лучше справляться с реальностью (Elias, 1984; Popper, 2009 [1987]; Nolan & Lenski, 1999; Rubin, 2002). Ни одна из наших социальных конструкций не исключается из отбора: технологии, идеологии и институты — все они постоянно подвергаются проверке реальностью и отбраковываются из совокупности действующих моделей в случае неудачи (Runciman, 1998; Chattoe, 2002; Diamond, 2005).

Иногда эволюция поздно «открывает» наиболее полезные свойства, но если такое свойство найдено, эволюция ускоренными темпами доводит его до совершенства (Miller, 2001). Мозг, например, существовал в течение очень долгого времени, пока не начался ускоренный процесс цефализации. С началом данного процесса преимущества большей интеллектуальной мощи окупались настолько быстро, что отбор ускоренно работал в ее пользу.

Рост технологических знаний в культурной эволюции сравним с ростом интеллектуальных способностей в биологической эволюции (Avery, 2003). Оба процесса нацелены на больший контроль над реальностью и демонстрируют полезность свобод. Люди всегда собирали и передавали технологические знания (Nolan & Lenski, 1999). Вследствие этого совокупность знаний росла с самой зари человечества, как и контроль над реальностью, который люди использовали для трансформации окружающей среды (Fernandez-Armesto, 2002). Однако, как показывает история технологических инноваций, рост знаний был очень медленным на протяжении большей части истории (Spier, 2010). Различные общества не предпринимали систематических усилий, чтобы превзойти друг друга, инвестируя больше, чем соседи, в исследования и разработки, пока появление современной науки не продемонстрировало преимущества именно такой стратегии. После появления науки

человеческие знания стали расти экспоненциально, и контроль над реальностью достиг за считанные столетия таких уровней, что затмил все достижения предыдущих ста пятидесяти тысяч лет существования человечества. Это очевидно из резкого и неожиданного скачка кривой роста знаний, который начался примерно с 1500 г. (Nolan & Lenski, 1999; Oppenheimer, 2007; Morris, 2010).

Подобно увеличению и развитию мозга в биологической эволюции, рост знаний в культурной эволюции ускорился так неожиданно, что в обоих случаях произошел резкий скачок в скорости эволюции. Интересно, что оба эти ускорения — яркий пример полезности свобод.

Ускоренный рост интеллектуальных способностей в биологической эволюции привел к появлению мощного качества интеллекта — воображения, сделавшего возможной субъектность, которая обеспечивает свободу экспериментировать и целенаправленно познавать. Люди получили господствующее положение на планете именно благодаря своей интеллектуальной свободе (Birch & Cobb, 1981; Ehrlich, 2000; Rubin, 2002). В культурной эволюции ускоренный рост системы технологических знаний также привел к появлению мощного феномена — науки (Elias, 2004 [1984]). Исследование — это естественный для людей вид деятельности, который не был институализирован до тех пор, пока наука не стала независимой сферой жизни общества во времена ренессансного гуманизма (Braudel, 1993). Независимость науки охранялась гарантиями интеллектуальных свобод, за которыми последовали гарантии производных свобод в других сферах жизни, включая доступ к рынку и политическое участие (Goldstone, 2009). Либеральная демократия — продукт этих свобод. С того времени свободы стали характерным признаком обществ с наиболее развитыми технологическими знаниями (North, Wallis & Weingast, 2010; Acemoglu & Robinson, 2012). Попытки тоталитарных систем, таких как нацистская Германия или советская Россия, завоевать лидерство в сфере технологических знаний закончились провалом. Наиболее вероятная причина этих неудач — сама суть тоталитаризма: тоталитарные системы не в состоянии управлять внутренней мотивацией людей и поэтому не способны мобилизовать человеческий интеллект в полной мере (Popper, 1971 [1962]; Fukuyama, 1992). Учитывая вышесказанное, сомнительно, что Китай сможет стать мировым лидером в сфере технологий без гарантий свобод для своего народа.

В любом случае поразительное ускорение биологической и культурной эволюций — яркие примеры полезности свобод. В обоих случаях эволюция способствовала укреплению могущества в управлении свободами, т. е. оно повышает контроль над реальностью. Свободы воплощают эволюционную полезность.

3.2. Мозг как стремящееся к полезности устройство

Определяющая характеристика человеческого мозга — его способность воображать улучшенные реалии, то есть такие, в которых наше существование ограничено в меньшей степени. Наделив наш мозг этой способностью, эволюция создала устройство для осознанного стремления к целям, которые имеют для нас ценность. Это источник человеческого стремления к свободам (Birch & Cobb, 1981; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007; Turner & Maryanski, 2008).

Однако чтобы поиск свобод был полезным, он не должен быть статичным — напротив, он должен приспосабливаться к внешним ограничениям, которые невозможно контролировать в данный момент. Вот почему эволюция мозга избрала *адаптивное* стремление к свободам.

Чтобы стремление к свободам было адаптивным, необходимо поддерживать его контакт с реальностью. Для достижения этой цели нужна работа трех психологических механизмов. Первый механизм — *оценивание полезности*: люди достаточно точно распознают, какими из доступных им воображению свобод они смогут воспользоваться на практике. Этот механизм работает потому, что эволюция сформировала людей восприимчивыми существами, понимающими, что именно находится в пределах их возможностей. Если бы это было не так, наш вид уже давно потерпел бы неудачу. Однако способность распознавать полезные свободы была бы ненужной, если бы распознавание не запустило процесс оценивания данной свободы. Таким образом, тонимание объективных полезностей ведет к их субъективной оценке, что создает связку полезность-ценность.

Второй механизм — *активация ценности* — подразумевает, что люди испытывают побуждение действовать ради того, что они ценят. Именно связка ценность-действие придает важность ценностям. По отношению к свободам связка ценность-действие подразумевает, что люди действуют ради свобод, которые они ценят. В эти действия входят публичные заявления о ценности свобод, когда в последние людям отказывают или ставят их под сомнение, и действия, направленные на осуществление ценных для индивида свобод, если эти свободы гарантированы.

Третий механизм — *удовлетворенность от действия* — это то, почему второй механизм работает: когда люди требуют и реализуют ценные для них свободы, это само по себе приносит им удовлетворение. Оно возникает потому, что требование и реализация свобод демонстрируют личности её субъектность. Ощущение субъектности повышает самоуважение — важнейший источник удовлетворенности для наделенных сознанием существ (Deci & Ryan, 2000; Wright, 2001; Welzel & Inglehart, 2010). Важно, что удовлетворенность оказывает обратное влияние на ценности: удовлетворенность заявленными и реализованными свободами подкрепляет значимость этих свобод. Благодаря такой петле обратной связи осмысление свобод действует как *самоподдерживающийся цикл*.

Последовательность описанных выше механизмов устанавливает связь между подкрепляющим удовлетворением от свобод и нашими способностями. Это не позволяет жизненным стратегиям людей отрываться от реальности. Результат — адаптивное стремление к свободам, приспосабливающееся к внешним ограничениям, которые мы в данный момент не можем контролировать. Адаптивность стремления к свободам объясняет, почему люди могут жить и тогда, когда они лишены свобод. В противном случае системы, основанные на угнетении, не смогли бы доминировать большую часть истории цивилизации. Если люди сталкиваются с ограничениями и не имеют средств что-то изменить, они видят мало пользы в свободах. Следовательно, они меньше ценят свободы, реже предпринимают какие-то действия ради них, и их удовлетворенность жизнью в меньшей степени связана с осуществлением свобод. Это приспособление позволяет людям функционировать при отсутствии свобод.

И все же устранение свобод снижает удовлетворенность, которую люди могут получить: для наделенных сознанием существ чувство внутренней удовлетворенности невозможно без обладания свободами. Следовательно, стремление обеспечить для себя свободы всегда будет усиливаться — в той степени, в которой люди способны обрести необходимые ресурсы, чтобы овладеть свободами.

Описанные механизмы действуют не в изолированных умах отдельных индивидов. Люди эволюционировали как коллективные существа (Bowles & Gintis, 2011), поэтому человеческий ум сформировался как социальный ум (Forgas, Williams & Wheeler, 2001; Wilson, 2006; Dunbar & Shultz, 2007a, 2007b; Flinn & Koe, 2007; Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007). Одна из самых замечательных социальных способностей ума — эмпатия. Она приводит к расширению личного эго в «коллективное я», включающее других людей, признаваемых равными. Это то, что я называю *механизмом солидарности*. Этот механизм расширяет поиск индивидуально полезных возможностей до поиска возможностей, которые можно использовать совместно с другими людьми (Wilson, 2006). Насколько широким окажется круг совместно полезных возможностей, зависит от социального радиуса людей со сходными ресурсами. Когда ресурсы для действия настолько доступны для всех членов общества, что невозможно установить групповую монополию на свободы, большие сегменты общества начинают признавать полезность совместных свобод. В этом случае усилия людей направлены на *всеобщие свободы*.

Совместное признание полезности свобод мотивирует *коллективные действия*, нацеленные на отстаивание этих свобод. Если коллективные действия оказываются успешными, как в случае массовых протестов, свергающих диктатора, удовлетворенность оказывается еще выше: общий успех, достигнутый вместе с единомышленниками, приносит ощущение социальной солидарности и общее для всех чувство удовлетворения (Forgas, Williams & Wheeler, 2003).

Суммируя все вышесказанное, я полагаю, что мозг использует четыре механизма для осмысления свобод: оценивание, активацию, удовлетворенность и солидарность. Первые три механизма действуют последовательно: оценивание — активация — удовлетворенность, образуя самоподдерживающийся цикл обратной связи от удовлетворенности к оцениванию. Механизм солидарности взаимодействует со всеми упомянутыми выше механизмами, расширяя их до социальных масштабов. Солидарность с другими людьми преобразует поиск *уникальных индивидуальных* полезностей в поиск *совместных* полезностей. Благодаря этим последним появляются социальные объединения. Таким образом, поиск полезности становится групповым процессом.

В соответствии с этими утверждениями свободы развиваются в два последовательных этапа, как показано двумя горизонтальными стрелками на рисунке 1.1. На первом этапе свободы оцениваются субъективно в той мере, в какой возросла их объективная полезность. На втором этапе — *кодификации ценности* — свободы гарантируются институционально в той мере, в какой повысилась их субъективная ценность. Следовательно, если свободы растут и расширяются, то это происходит в последовательности «полезность — ценность — гарантии». Именно это подразумевает тезис последовательности.

4. Циклы человеческой эмансипации и угнетения

Моя эволюционная теория эмансипации связывает человеческое благополучие с общественными возможностями таким способом, который объясняет три загадки истории цивилизации:

(1) почему общества легко, и часто на длительное время, оказываются в ловушке самовоспроизводящегося цикла угнетения;

(2) почему цикл эмансипации запускается, только если сложились необходимые для этого условия, но если он запустился, то воспроизводит сам себя;

(3) почему общества, находящиеся в цикле угнетения, оказываются нестабильными, сталкиваясь с обществами, находящимися в циклах эмансипации.

На рисунке 1.2 представлены эти противоположные циклы. Оба цикла определяют всю структуру обществ. Причина цикла угнетения — неблагоприятные условия существования. Их давление означает отсутствие у людей ресурсов для действия. В этой ситуации эмансипативные ценности остаются слабыми. А если эмансипативные ценности слабы, то люди не предпринимают действий, направленных на требование и реализацию свобод. Следовательно, степень удовлетворенности людей свободами низка. Неудовлетворенность свободами приводит к их низкой оценке, формируя самовоспроизводящийся цикл. Именно по причине самовоспроизводства этого цикла правителям не нужно много усилий для поддержания его функционирования. От них не требуют гарантировать свободы. В результате правители или не гарантируют свободы, или, если гарантируют, то лишь декларативно, но свободы не предоставляются на практике. В этом цикле угнетения люди страдают от недостатка возможностей, мотивации и гарантий. Они лишь в малой степени могут контролировать свою жизнь и то, какие проблемы обсуждаются и решаются в обществе.

Цикл эмансипации — прямая противоположность циклу угнетения. Причина его формирования — благоприятные условия жизни, делающие ресурсы для действия широкодоступными. Обладая этими ресурсами, люди придерживаются эмансипативных ценностей. Общие эмансипативные ценности приводят к социальной солидарности, которая вдохновляет на совместные действия для утверждения и реализации свобод. Опыт солидарности вызывает совместную удовлетворенность. Она в свою очередь повышает значимость свобод, формируя иной самовоспроизводящийся цикл. В такой ситуации институциональные варианты выбора у правителей существенно ограничены. Правители испытывают давление общественных требований, которым им трудно сопротивляться, поскольку эти требования выдвигаются способными и мотивированными людьми, действия которых придает дополнительную мощь солидарность. В итоге правителям приходится не только гарантировать всеобщие свободы, но и предоставлять их на практике. В цикле эмансипации люди выигрывают, используя благоприятные возможности, мотивацию и гарантии. Они могут контролировать свою жизнь и то, какие проблемы обсуждаются и решаются в обществе.

Очевидно, что жизнь людей в этих двух противостоящих циклах резко отличается друг от друга. В цикле угнетения жизнь — источник ограничений, и действия людей во многом навязаны давлением извне. Под этим внешним давлением мотивация людей — внешняя. В цикле эмансипации жизнь — это источник возможностей,

и действия людей определяются их собственным выбором. Следовательно, мотивация изменяется: теперь это не внешнее принуждение, но *внутренние* мотивы и побуждения. Я полагаю, что эти различия в мотивациях приводят к трем важным последствиям.

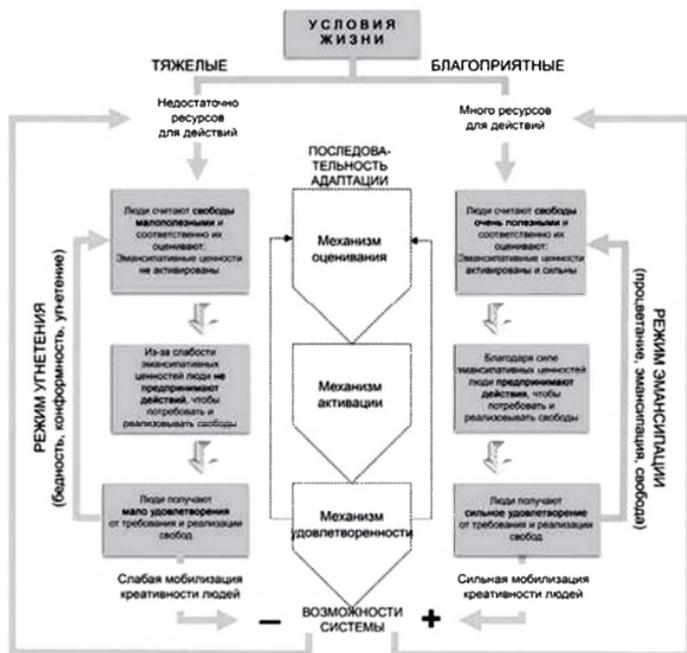

Рисунок 1.2. Циклы человеческой эмансипации и дезэмансипации

Во-первых, общества, где доминирует эмансипация, добиваются более высокого уровня благосостояния, поскольку людям, существам, наделенным сознанием, внутренняя мотивация приносит больше удовлетворения, чем внешняя. Во-вторых, и вследствие вышесказанного, общества, где доминирует эмансипация, получают большую поддержку от своих членов, они более легитимны. В-третьих, поскольку творческие способности людей связаны с внутренней мотивацией, общества эмансипации в полной мере мобилизуют творческий потенциал людей. Таким образом, общества эмансипации — более инновационные, производят больше знаний и обладают более высокими системными возможностями, включая технологические и организационные. Следовательно, человеческая эмансипация создает общества и более легитимные, и более производительные. Высокая легитимность придает им внутреннюю стабильность, высокая произво-

длительность делает более конкурентоспособными. Благодаря такому двойному преимуществу, эволюция начинает способствовать эмансипации людей, как только она где-то возникает.

Вероятно, общества, где доминирует угнетение, не делают людей счастливыми, однако людям не нужно быть счастливыми, чтобы функционировать. По этой причине такие общества внутренне стабильны до тех пор, пока людям в них не доставает ресурсов для действий. Тысячелетняя история репрессивных систем доказывает внутреннюю стабильность циклов угнетения. Пока общества угнетения не сталкиваются с обществами эмансипации, несвобода в них не сталкивается с оппозицией.

Однако когда такое столкновение происходит, игра меняется. Общества эмансипации превосходят общества угнетения технологически и организационно. Как следствие, это приводит к доминированию обществ эмансипации. Более того, в то время как легитимность обеспечивает устойчивость обществ эмансипации, общества угнетения в этой ситуации становятся нестабильными, потому что люди узнают о лучших условиях жизни в обществах эмансипации. Исторически преимущества обществ эмансипации стали очевидными относительно поздно, поскольку цикл эмансипации требует благоприятных условий, которые в то время начали формироваться лишь с появлением доиндустриального капитализма и началом промышленной революции (McNeill, 1990). В главе 11 этот вопрос обсуждается подробнее.

В течение длительной доиндустриальной эры эволюция государственной организации достигла своего пика с появлением деспотических империй на Ближнем Востоке, в Индии, Китае и в доколумбовой Америке. Хотя деспотизм создавал чудесную архитектуру, мобилизовывал впечатляющие армии и изобретал важные технологии, в определенный момент он всегда достигал предела своего развития (Goldstone, 2009). Тысячелетиями условия жизни людей оставались убогими: даже старейшие, наиболее устойчивые и развитые цивилизации не смогли добиться существенных улучшений условий жизни и повысить продолжительность жизни (Jones, 1987; Hall, 1989; Maddison, 2007; Galor, 2011). Несмотря на эту неудачу, деспотизм как способ организации цивилизованной жизни не испытывал проблем с действенной оппозицией до столкновения с обществами эмансипации. После этого столкновения традиционный деспотизм рухнул. Тем не менее появились новые варианты деспотизма: в первую очередь это нацистская Германия и советская Россия. Эти системы могут рассматриваться как социальный эксперимент: можно ли добиться технологического лидерства и мирового господства на основе человеческого угнетения? Ценой огромных людских жертв крах обоих экспериментов продемонстрировал, что это невозможно. Если этот урок верен, претензии Китая на глобальное технологическое лидерство не будут реализованы, пока эта страна не перейдет к эмансипации своего населения.

Ключевые положения

Эволюция создала человеческий ум как устройство обретения контроля над реальностью. Стремление к такому контролю подразумевает поиск свобод, поскольку возможность контролировать реальность основана на способности овладевать

свободами. Но для того, чтобы стремление к свободам оставалось эффективным средством для поиска полезных возможностей, оно должно уметь адаптироваться к обстоятельствам, которые люди не могут контролировать.

Адаптивный поиск свобод направляет активность людей через последовательность приспособительных механизмов. Они интегрированы в саморегулирующуюся систему с помощью цикла обратной связи, действующего через удовлетворенность. Сначала ум распознает, какие возможности имеют полезность при данных обстоятельствах. Таким образом мы приблизительно оцениваем, какие свободы находятся в пределах наших возможностей, и оцениваем свободы в соответствии с их воспринимаемой полезностью (оценивание полезности). Затем мы действуем, чтобы отстаивать свободы, которые мы ценим (активация ценности). Наконец, мы получаем удовлетворение от роста нашей самооценки, который тем больше, чем больше свобод мы успешно реализуем (удовлетворенность от действий).

Поскольку исторически человеческий ум развивался в ходе групповой жизни, он не работает в изоляции: ум действует как социально-укорененное устройство. Социальные способности ума, особенно эмпатия, обеспечивают понимание и принятие людьми полезных возможностей, которые они разделяют с другими. Это фокусирует внимание людей на свободах с общей ценностью: люди ценят их как равные свободы для всех людей, которые, как и они сами, ценят данные полезные возможности (механизм солидарности). По этой причине люди объединяются, чтобы отстаивать ценные для самих себя и своих единомышленников свободы. Насколько широким оказывается это сообщество солидарности, зависит от доступности ресурсов, необходимых для реализации свобод. Чем меньше концентрация этих ресурсов, тем шире круг солидарности. Механизм солидарности обеспечивает социально-солидарное, а не индивидуальное, изолированное стремление к свободам.

Адаптивное стремление к свободам — это двигатель процесса человеческой эмансипации. Этот процесс включает в себя три составляющие: ресурсы для действия, эмансипативные ценности и гарантии прав человека. Отражая динамику адаптивного поиска свобод, эмансипативные ценности людей усиливаются или ослабевают в зависимости от доступности ресурсов для действия, и люди, соответственно, действуют, добиваясь гражданских прав, или бездействуют, в зависимости от степени значимости для них эмансипативных ценностей. Поскольку люди, у которых эмансипативные ценности сильны, обладают большими ресурсами для действий, то их действия эффективны и с большой вероятностью приводят к успеху.

Я полагаю, что адаптивность стремления к свободам объясняет некоторые наиболее яркие моменты истории демократии. Всего таких моментов четыре: во-первых, отсутствие демократии на протяжении большей части истории человечества; во-вторых, ее итоговое появление; в-третьих, ее успех после появления; и, в-четвертых, то, почему где-то демократия добивается успеха, а где-то терпит неудачу. Большую часть истории недостаточный уровень развития общества ограничивал ресурсы для действия, поэтому стремление к свободам не реализовывалось. По этой причине не было требований демократии, а следовательно, и самой демократии. Только после бума развития технологий в современную эру стремление к свободам пробудилось, причем весьма отчетливо. С этого мо-

мента мы наблюдаем «великую смену курса цивилизации»: от совершенствования эксплуатации — к человеческой эмансипации. Эта «смена курса» началась на Западе по причинам, которые раскрываются в главе 11. Но затем она начала распространяться в других регионах, и ее быстрое распространение продолжается до сих пор. Поскольку адаптивность стремления к свободам — всеобщая черта человеческой природы, данное стремление может пробудиться где угодно. Там, где это происходит, наиболее вероятно появление демократии.

Приведенные выше положения в совокупности представляют эволюционную теорию эмансипации — основу концепции обретения людьми власти [human empowerment] над собственной жизнью. Все процессы обретения власти начинаются как эмансипативное, по своей сути, желание жить свободно от внешнего принуждения. Это желание неотъемлемо от человеческого существования, потому что обладает эволюционной полезностью: это источник целенаправленного поиска возможностей контролировать реальность. Однако принцип полезности также предполагает, что стремление к свободам адаптивно: оно поддерживает наши усилия только до той степени, которая возможна в данных жизненных условиях. То, в какой степени желание свобод поддерживает усилия людей, очевидным образом проявляется в эмансипативных ценностях: центральном связующем звене между полезностью свобод и их гарантиями. Чтобы проверить эту теорию эмпирически, нам необходимо измерить эмансипативные ценности. Это задача следующей главы.

Глава 2. Картирование различий

Эмансипация — это освобождение людей от внешнего доминирования.

Иммануил Кант (формулировка изменена)^{1*}

Введение

Глава 1 представила теорию роли эмансипативных ценностей в ходе человеческого развития: человеческая эмансипация расширяется по мере роста полезности, ценности и гарантий свобод. Посредством этого процесса эмансипативные ценности обеспечивают психологическую связь между растущей полезностью и гарантиями свобод. В трех разделах главы 2 подробно рассматривается, как измеряются эмансипативные ценности.

В первом разделе представлены двенадцать индикаторов из Мирового и Европейского исследований ценностей, которые подходят для оценивания четырех основных сфер эмансипативных ценностей. Я объясняю, почему данное сочетание индикаторов лучше, чем предложенные ранее Инглхартом и Вельцелем (Inglehart & Welzel, 2005) «ценности самовыражения». Я обсуждаю различные способы объединения двенадцати компонентов в общий индекс эмансипативных ценностей и делаю вывод, что наиболее подходящий способ — следовать логике так называемого «формативного индекса».

Во втором разделе оценивается качество индекса эмансипативных ценностей по критериям надежности и валидности. Особый акцент делается на том, представляет ли собой данный индекс идею, специфичную для Запада. Анализ демонстрирует, что это не так, и подтверждает кросс-культурную универсальность индекса эмансипативных ценностей.

Третий раздел показывает, что средние значения индекса эмансипативных ценностей по странам дают обоснованное представление о «центрах притяжения» культур исследованных обществ. Как мы увидим, различия между этими «центрами притяжения» весьма отчетливы. И хотя внутрискановая гетерогенность ценностей, определяемая полом, демографическими когортами, доходом, образованием, религией и этнической принадлежностью, также велика, она менее значима, чем междискановая гетерогенность. Главу завершает резюме ее основных положений.

1. Измерение ценностей

По мнению Клакхона (Kluckhohn, 1951) и Рокича (Rokeach, 1973), ценности представляют собой блага, которые люди желают получить, причем в такой степени, что предпринимают действия, нацеленные на получение этих благ. Из этого положения следует, что преобладание в обществе тех или иных ценностей определяет то, какие типы действий в нем доминируют. Действия людей в свою очередь определяют, как развивается общество. Поэтому исследования того, в какой мере данные ценности доминируют в обществе, представляют существенный интерес. Как продемонстрировали работы Хофстеде (Hofstede, 1980, 1997), Шварца

^{1*} Формулировка изменена мною; в оригинале сказано: «Просвещение — это освобождение человека от незрелости, которую он сам себе навязал» (Кант И. Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?»). См. например: Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29—37. — Прим. ред.

(Schwartz, 1992, 2004, 2006) и Инглхарта (Inglehart, 1990, 1997), этот аспект вполне реально оценить, используя стандартизованные опросы населения (Fontaine, Poortinga, Delbeke & Schwartz, 2008).

Для получения точной оценки необходимы репрезентативные для различных стран опросные данные. Мировое исследование ценностей [World Values Survey] в сочетании с Европейским исследованием ценностей [European Values Study] (далее МИЦ и ЕИЦ) на данный момент лидируют по количеству охваченных стран и продолжительности периода исследования. С 1981 г. в рамках МИЦ/ЕИЦ было опрошено почти сто различных стран мира в пяти волнах исследования, последняя из которых была завершена в период с 2005 по 2008 гг. Опросы проводились на всех обитаемых континентах. В каждом регионе исследования были проведены в странах с наибольшим населением и крупнейшими экономиками. В совокупности данные МИЦ представляют более 90% мирового населения. Поэтому в данной книге я использую МИЦ как основной источник данных. Подробные сведения о полевых работах, выборках, опросниках и готовых данных доступны на веб-сайте МИЦ: www.worldvaluessurvey.org.

Ученые давно отметили, что социальные преобразования сопровождаются глубокими изменениями ценностей (Inkeles & Smith, 1974; Diamond & Inkeles, 1980; Triandis, 1995; Florida, 2002; Bernstein, 2005; Gelfand et al., 2011). Лучшая документально закреплённая теория того, как изменяются ценности в ответ на социальные трансформации, — это поэтапная теория модернизации [sequential modernization theory] Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005).

Авторы утверждают, что первая трансформация — переход от аграрных обществ к индустриальным — сопровождалась усилением бюрократизации. Растущая бюрократизация поддерживала механистическое мировоззрение, которое привело к подъему «светских рациональных ценностей». Эти ценности демистифицировали псевдобожественное происхождение власти над людьми, включая власть религии, нации, государства и норм. Причиной второй трансформации — перехода от индустриальных обществ к обществам знаний — была усиливающаяся индивидуализация. Растущая индивидуализация питает эмансипативное мировоззрение, приводящее к подъему «ценностей самовыражения». Они не только разрушают миф «божественного происхождения власти», но и делают источником власти самих людей.

Концепция человеческой эмансипации строится на этих идеях, но в большей степени делает акцент на стремлении к освобождению как движущей силе истории человечества. С эмансипативной точки зрения, нам, с одной стороны, нужен показатель ценностей, который измерял бы степень отказа людей от внешней власти. Для краткости я называю такие ценности *светскими ценностями* [secular values]. С другой стороны, нам нужен показатель ценностей, который бы демонстрировал, в какой степени люди требуют права самим контролировать свою жизнь. Это будет непосредственный показатель *эмансипативных ценностей*. Уже существующие показатели светско-рациональных ценностей и ценностей самовыражения недостаточно четкие: они не сфокусированы в должной степени на секуляризации и эмансипации. Решение данной проблемы требует изменений в отборе показателей, их комбинировании и конструировании шкал.

1.1. Комбинирование показателей

До настоящего времени показатели для измерения светско-рациональных ценностей и ценностей самовыражения в основном базировались на эмпирических основаниях — теоретические критерии отбора были вторичными. Логика включения следовала идее факторного анализа: даже если по смыслу показатель был мало связан с секуляризацией или эмансипацией — он включался в индекс, если, используя статистическую терминологию, принадлежал к тому же измерению (фактору), что и другие показатели. Подход, согласно которому показатели комбинируются, так как представляют одно и то же измерение, известен как «рефлексивный» [reflective] (см. вставку 1, с. 89). Я называю его *размерностной* [dimensional] логикой.

Альтернатива этому подходу известна под названием «формативная» логика, но я ее называю *композиционной* логикой. Следуя композиционной логике, показатели объединяются в обобщенный индекс не потому, что они отражают единое измерение (фактор), а потому, что (1) их сочетание соответствует смыслу заранее определенного теоретического концепта, и поскольку (2) их комбинирование, как ожидается, приведет к следствиям, выходящим за рамки каждого элемента по отдельности.

В этом контексте комбинация может быть осмысленной и значимой, даже если ее элементы совершенно не коррелируют друг с другом. Таким образом, чтобы комбинация показателей имела смысл и влияние, не нужно, чтобы она отражала единое измерение (фактор). Например, культурные теории демократии, такие как теории Алмонда и Вербы (Almond & Verba, 1963), Экстайна (Eckstein, 1966, 1998) и Патнема (Putnam, 1993) утверждают, что (1) межличностное доверие и добровольное участие формируют осмысленное сочетание, определяемое как гражданская культура, и (2) их сочетание важно для функционирования демократических институтов. Чтобы проверить эту теорию, мы должны измерять гражданскую культуру как комбинацию доверия и участия, независимо от того, насколько тесно эти два показателя коррелируют²⁰. Согласно композиционной логике корреляция показателей не является критерием оценки качества измерения конструкта: она просто описывает степень эмпирической связанности, которая в композиционном концепте может варьироваться.

Композиционная логика больше подходит для измерения светских и эмансипативных ценностей по двум причинам. Во-первых, эти два набора переменных, действительно, теоретически предопределены. Во-вторых, как утверждает моя теория, именно комбинация составляющих их элементов должна приводить к значительным последствиям. Чтобы это было верным, абсолютно не требуется, чтобы компоненты обобщенного инструмента были взаимозаменяемыми коррелятами единого измерения. В реальности предположение о том, что комбинация имеет смысл, подразумевает, что ее составляющие, если и коррелируют, то умеренно, так что их компоненты вариации скорее дополняют, а не заменяют друг друга.

Если метод комбинирования показателей изменяется, то и методы расчета итогов этого комбинирования должны, соответственно, изменяться. До сих пор

²⁰ Однако между показателями не должно быть сильной отрицательной корреляции, поскольку тогда в комбинации они нейтрализуют друг друга.

обобщающие индексы светско-рациональных ценностей и ценностей самовыражения создавались на основе факторного анализа, оценивавшего нагрузки компонентов по двум факторам на десяти показателях. Процедура оценивания рассчитывала для каждого респондента две факторные оценки, показывающие его/ее положение относительно этих двух осей. У этого метода есть три нежелательных аспекта.

Во-первых, показатели, у которых доля уникальной дисперсии (не связанной с факторами) высока, получают низкие факторные нагрузки, которые затем используются как веса, определяющие, в какой степени данный показатель влияет на обобщенную оценку по данному фактору. По существу, это означает понижение значимости показателей с высокой долей уникальной дисперсии, поскольку эти уникальные компоненты трактуются как ошибки измерения. С композиторной точки зрения, это неверно: понижение значимости показателей оправданно, только если есть теоретические причины, по которым можно считать, что данные показатели отражают менее важные аспекты общего концепта. По сути, композиторный подход не рассматривает уникальные компоненты дисперсии как ошибки измерения — они считаются взаимодополняющими элементами, которые вносят свой вклад в обобщенный конструкт, отличающийся качественно от составляющих его показателей. По этой причине я не взвешиваю эти показатели, чтобы не снижать вклад их уникальной дисперсии в обобщенный индекс.

Во-вторых, оценки положения респондентов в пространстве ценностей, основанные на результатах факторного анализа, — это так называемые z-оценки. Они показывают, каково положение данного респондента по сравнению со средним, которое стандартизуется и равно нулю. Таким образом, z-оценки не учитывают, насколько высоким или низким является среднее само по себе, и каково абсолютное положение респондента в возможном диапазоне оценок. Одна и та же z-оценка для респондентов из двух разных выборок скрывает возможные существенные различия абсолютных позиций респондентов относительно данных ценностей в тех случаях, когда средние в двух выборках существенно различаются. Но поскольку такие различия реальны и значимы, их не следует устранять с помощью стандартизации. Поэтому я не использую z-оценки — вместо этого я измеряю отношение респондентов к ценностям по их абсолютной позиции в возможном диапазоне оценок.

В-третьих, расчет факторных нагрузок с помощью двухфакторного анализа дает два измерения, которые абсолютно не связаны друг с другом, даже если исходные показатели сильно коррелируют. Таким образом, данным приписывается независимость (некоррелированность) двух измерений²¹. Это нежелательно, особенно если теория предполагает, что два ценностных конструкта должны коррелировать. Концепция человеческой эмансипации предполагает именно такую корреляцию для светских и эмансипативных ценностей. Разрушая веру в «священные» источники авторитета и власти, светские ценности являются вероятными предшественниками ориентации на внутренние причины и источники власти, свойственной

²¹ Исключением являются косоугольные/неортогональные факторные решения, которые не использовались в концепции Инглхарта-Вельцеля.

эмансипативным ценностям. Это предполагает положительную корреляцию между светскими и эмансипативными ценностями. Чтобы проверить, так ли это, мы должны позволить соответствующим обобщенным индексам коррелировать. Для этой цели я рассчитываю оценки эмансипативных ценностей и светских ценностей по отдельности на двух разных совокупностях показателей. Если эти две совокупности коррелируют — то же произойдет и с обобщенными мерами эмансипативных и светских ценностей.

Предположим, что мы отобрали ряд показателей, соответствующих определениям светских и эмансипативных ценностей. Следующий вопрос: каким образом мы будем вычислять на основе оценок отдельных показателей обобщенные индексы светских и эмансипативных ценностей? Первое, что следует сделать — унифицировать полярность всех показателей, чтобы низкие значения соответствовали низкой ориентации на светские или эмансипативные ценности, а высокие значения — высокой. Далее нам нужно стандартизировать диапазон оценок для всех показателей, приписав им одинаковый теоретический минимум и максимум. После этого можно обдумать, как комбинировать значения отдельных показателей. Для этого есть несколько возможностей.

Можно использовать подход «слабого звена» [weakest link approach], приписывая обобщенному индексу значение самого низкого показателя (Goertz, 2006). Альтернатива — подход «самого удачного выстрела» [best shot approach]: в этом случае обобщенному индексу приписывается значение самого высокого показателя. Оба этих подхода полагаются на значение единственного показателя, а вся остальная информация не принимается во внимание. Если ошибкой измерения можно пренебречь — оба этих подхода могут быть оправданы, но когда имеешь дело с данными массовых опросов — это определенно не так: в них много случайного шума (Page & Shapiro, 1992)²².

Напротив, использование среднего всех показателей не отбрасывает никакой информации: кроме того, в этом случае взаимно исключаются ошибки измерений отдельных показателей. Также использование среднего нескольких показателей повышает качество шкалы: у обобщенной шкалы в этом случае больше градаций, и она ближе к континууму, чем оценка по каждому отдельному показателю. Среди разных вариантов среднего «арифметическое среднее» учитывает показатели сбалансированным способом: у него нет смещения в пользу высоких или низких значений показателей. «Геометрическое среднее» напротив, повышает вклад низких значений, по сравнению с высокими, а «квадратичное среднее» делает прямо противоположное²³. Если нет убедительных причин в пользу одного из указанных выше смещений, лучше использовать несмещенное арифметическое среднее.

Еще одна альтернатива среднему — произведение показателей. На самом деле, я буду иногда использовать произведение — но только если есть причины предполагать, что между какими-то показателями существует условная

²² Случайный характер ошибки — это благоприятное обстоятельство, потому что в этом случае не возникает проблем с валидностью обобщенного индекса.

²³ Для любого набора показателей геометрическое среднее даст более низкое значение, чем арифметическое, а квадратичное — более высокое.

связь. Это предположение может приводить к экстремальным результатам, и поэтому для его применения необходимо четкое обоснование. При перемножении показатель с самой низкой оценкой играет решающее значение для обобщенного показателя. В крайних случаях его значение равно нулю, и произведение также будет нулем, даже если у всех остальных показателей — максимальные значения. Перемножение напоминает подход «слабого звена», поскольку максимизирует влияние самого низкого показателя. Если нет причин для выбора иной альтернативы, я выбираю менее жесткие допущения и комбинирую отдельные показатели так, чтобы они дополняли друг друга. Математическое выражение комплементарности — это арифметическое среднее (см. вставку 3. с. 133).

Вставка 1: Конструирование размерностных и композиторных индексов

По логике построения размерностных индексов отдельные показатели комбинируются в единую шкалу, потому что они считаются проявлениями одного и того же непосредственно не наблюдаемого измерения (фактора). Это измерение рассматривается как *экзистенциально первичное* по отношению к элементам, «отражающим» это измерение. При таком подходе уникальная дисперсия элемента трактуется как ошибка измерения; эту ошибку следует устранить из оценки фактора, поэтому вклад в индекс элемента взвешивается и снижается тем больше, чем выше доля его уникальной дисперсии. По «размерностной» логике качество измерения эквивалентно *внутренней надежности шкалы*. Это означает, что качество измерения повышается с ростом доли совместной дисперсии показателей.

По композиторной логике отдельные элементы включаются в индекс не потому, что они перекрываются эмпирически, а потому, что они дополняют друг друга концептуально. Элементы рассматриваются при этом подходе как компоненты, представляющие отдельные сферы конструкта более высокого уровня. Конструкт считается экзистенциально вторичным по отношению к элементам: комбинация элементов «формирует» конструкт. Уникальные дисперсии элементов трактуются не как ошибка измерения, а как взаимодополняющие, каждая из которых вносит свой вклад в построение конструкта. Соответственно, факторные нагрузки не используются как понижающие веса для определения вклада элементов в индекс. Вместо этого каждому из элементов приписывается равный вес. По композиторной логике, качество измерения не эквивалентно внутренней надежности шкалы.

По этой логике важна *внешняя валидность индекса*. Это означает, что качество измерения повышается с ростом способности индекса объяснять другие феномены. Если индекс на самом деле представляет собой значимую комбинацию компонентов, тогда эта комбинация должна обеспечивать «добавленную стоимость», демонстрируя более высокую объяснительную

силу, чем каждый из компонентов по отдельности. Таким образом, качество композиторского индекса тем выше, чем в большей степени объяснительная способность индекса превышает аналогичную способность его компонентов.

Ведущий принцип размерностной логики — измерение *внутренне согласованного синдрома*. Ведущий принцип композиторской логики — создание *комбинации компонентов, имеющей важные внешние следствия*. Размерностная логика известна в литературе как «рефлексивный» подход, а композиторская — как «формативный» (Bagozzi, 1982; Bollen, 1984; McCallum & Browne, 1993; Edwards & Bagozzi, 2000; Diamantopoulos & Winklhofer, 2001; Coltman, Divenney, Midgley & Venai, 2008). Герц (Goertz, 2006) называет размерностную логику «моделью семейного сходства», а композиторскую — «онтологической моделью».

Иногда совокупность показателей обладает как существенной, общей дисперсией, так и значимой дисперсией, уникальной для отдельных показателей. В этих случаях исследователи делают выбор, руководствуясь логикой описания первичных показателей ориентаций. В ситуациях, когда исследование фокусируется на внешних эффектах влияния комбинации ориентаций — композиторская логика предпочтительнее.

1.2. Шкалирование показателей

Перед тем как комбинировать показатели, измеренные с помощью различных кодировочных схем, следует перекодировать их так, чтобы у них была одинаковая полярность. В нашем случае наименее выраженные светская и эмансипативная ориентации кодировались как самые низкие значения, а наиболее выраженные — как высокие. Кроме того, все схемы кодировки должны иметь одинаковый диапазон, а именно: возможные минимум и максимум должны быть одинаковыми для всех показателей.

Схема кодировки, используемая в этой книге, это «нормализованная» шкала с минимумом 0, максимумом 1 и с дробными промежуточными позициями. Для бинарных вопросов «согласен/не согласен» нормализация дает бинарную переменную со значениями 0 и 1. Для переменной с тремя ответами²⁴ — последовательность значений 0, 0,50, 1,0. Для четырехпозиционной шкалы мы получаем последовательность 0, 0,33, 0,66 и 1. Для пяти — последовательность значений 0, 0,25, 0,50, 0,75, 1,0. Для десятипозиционной схемы ответов нормализация дает последовательность значений 0, 0,11, 0,22 ... 1,0.

Расчет средних для нормализованных переменных диапазона воспроизводит приведенную выше картину, однако количество дробных значений между 0 и 1,0 возрастает с каждой дополнительной добавленной переменной. Это верно и для любой другой шкалы со стандартизованным диапазоном (таким как 0—100 или

²⁴ Пример шкалы такого формата: «не согласен», «ни да, ни нет», «согласен».

1—10), но у стандартизации именно в диапазоне 0—1 есть несколько дополнительных полезных свойств, которые обсуждаются во вставке 2.

Вставка 2: Преимущества нормализации показателей в шкалу от 0 до 1

У стандартизации показателей в шкалы с минимумом 0 и максимумом 1 есть различные преимущества. Начнем с того, что минимум 0 — это «естественное» проявление полного отсутствия данного качества. Соответственно, максимум 1 — это естественное выражение проявления события или полной реализации качества. Соответственно, дробные значения меньше 1 — это числовое выражение вероятности события или степени проявления качества. Оценки легко интерпретировать как частичное проявление качества с осмысленными конечными точками и порогами: 0 означает, что свойство полностью отсутствует, 0,25 и 0,33 — что оно почти отсутствует, 0,5 — присутствует наполовину, 0,66 и 0,75 — присутствует в существенной степени, но не в полной мере, и 1 — присутствует в полной степени.

У нормализованных шкал с диапазоном 0—1 есть также ряд удобных свойств для создания интерактивных моделей, отражающих взаимную условную зависимость (см. вставку 4, с. 270). Для шкал 0—1 умножение эквивалентно взвешиванию: значение данного компонента снижается, если у другого связанного с ним показателя — низкое значение. Математически — это прямое выражение идеи того, что один компонент теряет значимость из-за дефицита другого, или того, что один компонент обуславливает другой. Кроме того, когда мы создаем интеракции показателей в шкалах 0—1, итог также всегда остается в диапазоне от 0 до 1, и нам не нужны дополнительные математические действия для того, чтобы произведение находилось в этом диапазоне.

В регрессионном анализе коэффициенты проще интерпретировать, когда все переменные нормализованы в диапазоне 0—1. В этом случае нестандартизованные регрессионные коэффициенты показывают, какое число нужно добавить к константе или вычесть из нее при изменении на единицу независимой переменной, чтобы получить ожидаемое значение зависимой переменной²⁵. Также это показывает, в какой степени изменения в рамках теоретического диапазона независимой переменной соотносятся с изменениями в рамках того же диапазона зависимой переменной²⁶.

²⁵ Например, нестандартизованный регрессионный коэффициент $+0,33$ показывает нам, что следует добавить именно эту долю (то есть одну треть) наблюдаемого значения независимой переменной к константе, чтобы получить ожидаемое значение зависимой переменной. Мы также можем сказать, что изменение на одну единицу независимой переменной изменяет на одну треть зависимую переменную. — это эквивалентно соотношению изменений 3:1.

²⁶ Альтернативный формат стандартизации — это z -трансформация. Я отвергаю эту альтернативу, поскольку она отбрасывает всю информацию о теоретическом диапазоне шкал, хотя эта информация часто существенна. По такой же причине я не ссылаюсь на стандартизованные регрессионные коэффициенты, интерпретируя результаты регрессии.

1.3. Отбор показателей

1.3.1. Светские ценности

Использовавшийся ранее индекс «светско-рациональных ценностей» базируется на пяти показателях: (i) низкая значимость Бога в жизни респондента, (ii) нежелание в большей степени уважать власть, (iii) слабое чувство национальной гордости, (iv) подчеркивание важности независимости и воображения, а не веры и послушания, как желательных качеств детей, (v) терпимое отношение к разводам. Хотя можно согласиться, что большинство этих показателей соответствуют определению секуляризации, не создается впечатления, что этот набор показателей — результат систематической проверки анкеты МИЦ на соответствие теоретическому определению, поэтому мы попробуем иной подход.

С точки зрения человеческой эмансипации секуляризации — это демистификация «священных» источников власти и авторитета. МИЦ затрагивает четыре сферы подобного авторитета: *религиозная власть* (1), *патримониальная власть* (2), *власть государства* (3) и *власть норм* (4)²⁷. Изучив анкету МИЦ, я обнаружил в каждой из этих сфер три показателя, измеряющих светскую отстраненность от внешней власти. Я использовал показатели, применявшиеся последовательно в нескольких волнах МИЦ. Это необходимое ограничение для отслеживания изменений ценностей с течением времени. Подробные сведения о показателях, использованных в этой главе, можно найти в приложении 2.

Чтобы измерить дистанцирование от *религиозной власти*, я использовал следующие показатели: (a) описывает ли себя респондент как «религиозного человека», (b) упоминает ли респондент «веру» как важное качество для детей, и (c) насколько часто респондент посещает религиозные службы²⁸. Я рассматриваю отказ описывать себя как религиозного человека, упоминание веры и непосещение религиозных служб как светскую позицию в сфере религиозной власти. Я обозначил светские ценности в этой сфере как «агностицизм».

В сфере *патримониальной власти* я измеряю дистанцирование, используя показатели, отражающие: (a) насколько респондент гордится своей национальностью, (b) насколько для респондента важно, «чтобы родители гордились им», и (c) считает ли респондент, что его/ее страна нуждается в большем уважении к властям. Я рассматриваю отсутствие «национальной гордости», отсутствие ориентации на родительскую гордость и отрицание потребности в большем уважении к властям как светскую позицию в сфере патримониальной власти. Я называю светские ценности в этой сфере «неповиновением».

Что касается *власти государства*, то я измеряю ориентацию на дистанцирование от нее, используя показатели, выражающие доверие государственным институтам принуждения, а именно: (a) судам, (b) полиции и (c) армии. Я опираюсь на свои публикации (Welzel, 2006, 2007), в которых приводятся доказательства того, что низкая степень доверия этим социальным институтам указывает на отстраненную

²⁷ Разрушение мифа «священности» этих форм власти не означает, что ставится под сомнение их легитимность — скорее отношение слепой преданности уступает место критической отстраненности, которая подразумевает право выражать неудовольствие, если эти власти действуют несправедливо.

²⁸ Я не использую показатель «важность Бога», потому что он не подходит для измерения важности религии в тех культурах, где монотеистические религии с центральной фигурой Бога играли малую роль в истории. Лучший пример — это Китай и другие страны, находившиеся под его влиянием.

ориентацию по отношению к власти государства²⁹. Я назвал светские ценности в этой сфере -скептицизмом».

Для власти норм я измеряю отстраненную ориентацию с помощью показателей, отражающих определенную степень сопротивления по отношению к ожидаемым в обществе высказываниям о нарушающем социальные нормы поведении. Типы подобного поведения включают в себя: (а) безбилетный проезд в транспорте, (б) получение взятки и (с) уклонение от уплаты налогов. Отношение респондентов к этим типам поведения измерялось по шкале от 1 -никогда нельзя оправдать» до 10 «всегда можно оправдать». Распределения ответов в разных странах показали, что основная разграничительная линия проходит между респондентами, выбирающими ответ 1 (никогда нельзя оправдать), и теми, кто выбирает любой другой ответ. Такая модель распределения ответов предполагает, что ответы респондентов диктовались социальной желательностью: отказ от выбора варианта ответа 1 уже демонстрирует, что данный респондент меньше, чем другие, озабочен социальной желательностью и, таким образом, менее склонен говорить то, что от него/нее, очевидно, ожидается (Welzel, 2006, 2007а). Итак, я разделил ответы на две категории и трактовал все ответы, кроме 1, как проявления «релятивизма» — как я назвал светские ценности в сфере власти норм.

Каждый из рассмотренных выше показателей по отдельности не является совершенным индикатором светских ценностей в смысле отстраненности от власти, однако в сочетании друг с другом недостатки каждого из показателей компенсируются.

1.3.2. Эмансипативные ценности

Использовавшийся ранее индекс ценностей самовыражения основан на пяти показателях. Это (i) ощущение себя счастливым, (ii) доверие другим людям, (iii) подписание петиций, (iv) принятие гомосексуальности и (v) приоритет свободы и участия.

С учетом определения эмансипации, совокупность ориентаций, включенных в «ценности самовыражения», представляется излишне широкой. Например, ценности самовыражения включают счастье, но ощущение счастья — это не цен-

²⁹ Рейтинг доверия самый высокий — в наиболее авторитарных обществах. Возможно, и авторитарных обществах респонденты, желающие демократии, настроены критически по отношению к существующим там институтам, но не выражают это отношение, поскольку боятся. С другой стороны, у таких людей мало возможностей высказать их неудовлетворенность и они могут особенно стремиться сделать это, когда возможность представляется. Если оба этих импульса существуют, то они, очевидно, противоречат друг другу. Самый простой способ выхода из такого диссонанса — не отвечать на вопрос. Таким образом, если граждане стран с авторитарными режимами недовольны и хотели бы выразить это, но боятся санкции, можно ожидать, что среди них будет очень высокий уровень отказов от ответа на деликатные вопросы. Но это не так. Например, доля отказов от ответов на вопрос о доверии правительству — всего 3,6% в тех странах, которые классифицировались как недемократические в таблице 1.1 введения. Эта доля выше, чем в демократиях (1,2%) — но в любом случае доля не ответивших очень мала. Следовательно, вероятно, что и авторитарных обществах высокая степень доверия институтам в ответах на вопросы отражает реальное доверие властям. Это может во многих случаях объяснить стабильность авторитарных режимов: у них есть легитимная база. Такая интерпретация подтверждается тем фактом, что высокое доверие институтам в недемократических обществах положительно коррелирует с поддержкой мнения «военные должны управлять страной» (r 0,20, N 88573). Кроме того, граждане недемократических стран часто определяют функционирование правящих там режимов как демократическое. Отвечая на вопрос о том, что такое демократия, 47,5% граждан недемократических стран в сравнении с 17,6% граждан демократий поддерживают утверждение «религия берет власть, если правительство некомпетентно» как атрибут демократии. Сходным образом, 46,2% граждан недемократических стран в сравнении с 11,2% граждан демократий поддерживают утверждение «религиозные лидеры — главный авторитет в интерпретации законов» как атрибут демократии. Больше данных об этом паттерне приведено в главе 10.

ностная ориентация, а показатель эмоционального благополучия. Точно также и доверие людям и подписание петиций не измеряют ценностные ориентации. Доверие людям отражает оценку того, можно ли полагаться на других людей, а не ценность. Подписание петиций — это также не ценность, а действие. Таким образом, для измерения эмансипативных ценностей я исключил все, что не является индикатором ценностей, и сосредоточился на тех показателях, которые непосредственно относятся к теме эмансипации.

В моем понимании, эмансипативные ценности — это комбинация двух ориентаций:

(1) ориентация на свободу с акцентом на свободу выбора;

(2) эгалитарная трактовка этой освобождающей ориентации как равной свободы выбора или равенства возможностей.

Просмотрев анкету МИЦ для поиска вопросов, отмечающих акцент на свободе выбора или на равенстве возможностей, и ограничив поиск теми вопросами, которые использовались в нескольких волнах МИЦ, я обнаружил двенадцать показателей.

Их можно разделить на четыре сферы эмансипативных ориентаций, подчеркивающих важность автономии, выбора, равенства и голоса (высказывания своего мнения). Несмотря на то, что эти различия нельзя считать абсолютно четкими, ориентации на автономию и выбор в большей степени относятся к «освобождающему» аспекту эмансипации, а ориентации на равенство и высказывание — к «эгалитарному».

Автономия. Для измерения ориентации на автономию я использую три показателя, отражающие, считают ли респонденты (а) «независимость» и (б) «воображение» желательными для детей качествами и при этом не считают желательным качеством (с) «послушание».

Выбор. Чтобы измерить, насколько люди ценят свободу выбора в репродуктивной сфере, я использую три показателя, отражающие, насколько приемлемыми респонденты считают (а) «развод», (б) «аборт» и (с) «гомосексуальность»³⁰.

Равенство. Наиболее значимая сфера равенства — это гендерное равенство. Для измерения ориентации респондентов на гендерное равенство я использовал три показателя, отражающие, в какой степени респонденты не согласны с утверждениями, что (а) «образование важнее для мальчика, чем для девочки», (б) «когда рабочих мест не хватает, мужчины при наиме должны пользоваться приоритетом перед женщинами» и (с) «мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины».

Голос. Чтобы измерить, насколько респонденты ценят возможность людей высказывать свое мнение как фактор влияния на свое общество, я использовал три показателя из батареи Инглхарта (Inglehart, 1973), измеряющие материалистические/постматериалистические ориентации. Эти показатели демонстрируют, какую степень приоритета — первую, вторую или нулевую — респонденты придают (а) «защите свободы слова», (б) «учету мнения людей при принятии важных правительственных решений» и (с) «учету мнения людей на работе и в местных сообществах».

³⁰ Я знаю, что гомосексуальные предпочтения — это не только выбор людей, но и в определенной степени генетическая предрасположенность. Тем не менее гомосексуалы даже в самых толерантных обществах сталкиваются с дискриминацией. Это заставляет людей выбирать, насколько свободно и открыто они будут следовать своим сексуальным предпочтениям.

1.4. Конструирование индекса

Чтобы сконструировать индексы светских и эмансипативных ценностей, я нормализовал все двенадцать показателей в шкалы с минимумом 0 для наименьшей степени светской или эмансипативной ориентации и с максимумом 1 для максимальной выраженности этих ориентаций. Промежуточные значения — это дробные доли 1. Потом я усреднил значения показателей для получения более широких и детальных индексов, соответствующих определению светских и эмансипативных ценностей и сферам их проявления. Это было сделано в два этапа и отдельно для светских и для эмансипативных ценностей: на первом этапе я усреднил группы из трех показателей в под-индексы для различных сфер светских и эмансипативных ценностей; на втором этапе я усреднил под-индексы в единые полные индексы светских и эмансипативных ценностей. В таблице 2.1 показано, как это сделано для светских ценностей, а в таблице 2.2 — для эмансипативных. На уровне под-индексов, и, даже более того, на уровне полных индексов, мы получили очень детальные шкалы в диапазоне от 0 до 1.

Таблица 2.1. Измерение светских ценностей на данных МИЦ/ЕИЦ

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ	У1 Нагрузки	Уровень-1 КОНСТРУКТЫ	У2 Нагрузки	Уровень-2 КОНСТРУКТЫ
Низкий приоритет родительской гордости	0,68			
Низкая национальная гордость	0,68	Неповиновение	0,78	
Отрицание уважения авторитетов	0,68			
Неважность религии	0,84			
Отсутствие религиозных практик	0,81	Агностицизм	0,69	СВЕТСКИЕ ЦЕННОСТИ
Нерелигиозный человек	0,79			
Безразличие к взяточничеству	0,86			
Безразличие к жульничеству	0,82	Релятивизм	0,60	
Безразличие к уклонению от налогов	0,80			
Недоверие полиции	0,84			
Недоверие судам	0,83	Скептицизм	0,56	
Недоверие армии	0,73			
Тест Кайзера-Майера-Олкина	0,73		0,64	
Альфа Кронбаха	0,67		0,57	
Объясненная дисперсия	62%		44%	
N	147 871 респондентов из 95 обществ			

Примечание. Результаты иерархического факторного анализа с косинусальным вращением ('d. test oblimin') на первом уровне (дельта: 0,20) и без вращения на втором уровне. Факторный анализ проводился на объединенных данных индивидуального уровня из 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ, причем для каждой из стран использовались данные последнего опроса (1995—2005). Национальные выборы взвешены так, чтобы у них был одинаковый размер. Количество извлеченных факторов на каждом уровне определялось по критерию Кайзера. Использовалось попарное исключение переменных с пропущенными значениями.

Таблица 2.2. Инвариантность структуры светских ценностей

КОМПОНЕНТЫ:	ВЫБОРКИ:	
	Незападные выборки	Западные выборки
Индекс Неповиновения	0,70	0,69
Индекс Скептицизма	0,60	0,61
Индекс Агностицизма	0,50	0,60
Индекс Релятивизма	0,48	0,53
Тест Кайзера-Майера-Олкина	0,57	0,62
Объясненная дисперсия	33%	37%
<i>N</i>	103 713	44 158

Примечание: Приведены факторные нагрузки по первому и единственному измерению (фактору). Факторный анализ проводился для объединенных по странам данных индивидуального уровня из 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ, причем для каждой из стран использовались данные последнего опроса (1995—2005). Национальные выборки взвешены так, чтобы у них был одинаковый размер. Данные индивидуального уровня центрированы вычитанием среднего для страны по каждой переменной для каждого респондента. К категории «западных» относил выборки из обществ, вошедших в одну из четырех западных культурных зон в таблице 1.3 во введении. Выборки из всех остальных обществ классифицировались как «незападные».

В таблицах 2.1 и 2.2 также показаны результаты факторного анализа показателей и под-индексов. Они не раскрывают конструкцию индексов: при создании композиторных индексов не требуется, чтобы показатели отражали единое измерение. Этот анализ приводится лишь из любопытства, чтобы проверить, поддерживает ли размерностная логика ту организацию показателей и под-индексов, которая основывается на композиторной логике.

Я использовал двухэтапную процедуру расчета, поскольку она более гибкая. Для некоторых вопросов может представлять особый интерес специфический под-индекс светских или эмансипативных ценностей, а для других — полные индексы этих ценностей. При вычислении и под-индексов, и полных индексов я мог изменить подход, если это представлялось оправданным.

Поскольку показатели, используемые для построения различных под-индексов, имели шкалы с разным количеством вариантов ответа, под-индексы также имеют разные количества возможных значений в континууме от 0 до 1. Например, под-индекс автономии — это четырехпозиционная шкала от 0 до 1 (лишь с двумя промежуточными значениями 0,33 и 0,66), в то время как под-индекс выбора — это шкала с двадцатью восемью позициями (промежуточные значения с интервалом в 0,04 от 0 до 1). Может возникнуть подозрение, что эти различия могут привести к дисбалансу вклада под-индексов в полный индекс, но это не так. Напротив, четыре под-индекса эмансипативных ценностей оказывают примерно одинаковое влияние на полный индекс эмансипативных ценностей. То же верно и для четырех под-индексов светских ценностей. Подробности приводятся в приложении 2.

1.5. Размерность индекса

С концептуальной точки зрения, агностицизм, неповиновение, скептицизм и релятивизм отражают светское дистанцирование от «священных» источников власти. Это предполагает, но не обязательно означает, что все четыре компонента отражают единое, лежащее в их основе измерение. Так ли это — эмпирический вопрос. Иерархический факторный анализ, представленный в таблице 2.1, дает

на него ответ³¹. На первом этапе анализа я исследую структуру размерности двенадцати исходных показателей для всех респондентов из всех стран. Из таблицы видно, что эти показатели сгруппированы в четыре измерения: агностицизма, неповиновения, скептицизма или релятивизма; причем они объединяются именно тем способом, который был использован для вычисления под-индексов. Оценки респондентов по четырем измерениям были получены с использованием «косогоугольного» вращения, которое позволяет измерениям коррелировать. Это необходимо, чтобы понять, объединяются ли эти четыре измерения в единое измерение более высокого порядка на следующей стадии анализа. Как показывает таблица 2.1, именно это и произошло: существует единое мета-измерение — светские ценности — объединяющее четыре под-измерения.

Можно предположить, что принадлежность к единому измерению четырех под-индексов светских ценностей отражает уникальную западную модель, которая не характерна для других регионов мира. Это предположение легко проверить. Основываясь на схеме культурных зон, описанных во введении (см. таблицу 1.2), я разделяю данные МИЦ на западные и незападные выборки и проверяю размерность пространства под-индексов отдельно для этих двух групп выборок. Однако перед этим я сокращаю вариацию четырех под-индексов, оставив только вариацию на индивидуальном уровне внутри обществ³². Этот шаг устраняет корреляцию четырех под-индексов между обществами, которая сама по себе настолько ярко выражена, что может быть причиной одномерности. В таблице 2.3 показаны результаты: представлены факторные нагрузки четырех под-индексов для первого и единственного измерения. Поскольку измерение только одно — пространство четырех под-индексов одномерное. Это справедливо как для западных, так и для незападных выборок. Хотя тестовые статистики факторного решения для западных обществ несколько лучше — разница невелика. Таким образом, нет оснований считать концепт светских ценностей специфичным только для Запада.

Как мы увидим позже, большая систематичность, согласованность ответов на вопросы в западных обществах проявляется регулярно. Но мы также увидим, что это не отражение «западного смещения» анкет МИЦ, которые работают и в незападных обществах. На самом деле большая согласованность и систематичность ответов демонстрирует более высокий уровень когнитивной мобилизации западных респондентов, которая в свою очередь — результат более высокого уровня образования и других аспектов технологического прогресса в этих странах, а не специфической «западной ментальности».

³¹ Размеры выборок в разных странах различаются. Это смещает оценки, когда объединяются данные индивидуального уровня, давая странам с большим размером выборки больший вес. Такое смещение нежелательно, потому что различия размера выборок объясняются причинами, не представляющими теоретического интереса. Чтобы устранить эту проблему, выборки необходимо взвесить. Для этого есть два пути. Первый — использовать такие веса, чтобы выборка для каждой страны была пропорциональна доле мирового населения, живущего в этой стране. Такой подход уместен, если генеральная совокупность, для которой делаются выводы, определяется как мировое население. Альтернатива — использовать такие веса, чтобы национальные выборки были приведены к равному размеру. Этот подход уместен, если условия на уровне стран анализируются как источник вариации действий и поступков людей. В этом случае численность населения не имеет значения. Я использую в книге именно этот подход. Следовательно, когда используются объединенные данные индивидуального уровня, я взвешиваю выборку каждой страны, чтобы все национальные выборки были равного размера.

³² Это достигается вычитанием из ответов респондентов среднего для данного общества. Такой прием устраняет всю вариацию между обществами.

Таблица 2.3. Измерение эмансипативных ценностей на данных МИЦ/ЕИЦ

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ	У1 Нагрузки	Уровень-1 КОНСТРУКТЫ	У2 Нагрузки	Уровень-2 КОНСТРУКТЫ
Толерантность к абортам	0.86			
Толерантность к разводам	0.85	Выбор	0.77	
Толерантность к гомосексуальности	0.80			
Равенство для женщин: политика	0.81			
Равенство для жен- щин: Образование	0.77	Равенство	0.73	
Равенство для жен- щин: работа	0.72			
Приоритет участия в решениях: местных	0.77			ЭМАНСИПАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ
Приоритет участия в решениях: национальных	0.77	Голос	0.68	
Свобода слова	0.60			
Независимость — желательное качество	0.73			
Послушность — НЕ желательное качество	0.71	Автономия	0.60	
Воображение — желательное качество	0.50			
Тест Кайзера- Майера-Олкина	0.77		0.70	
Альфа Кронбаха	0.68		0.65	
Объясненная дисперсия	60%		50%	
N	152 315 респондентов из 95 обществ			

Примечание: Приведены результаты иерархического факторного анализа с косогольным вращением ('direct oblimin') на первом уровне (дельта: 0.20) и без вращения на втором уровне. Факторный анализ проводился на объединенных данных индивидуального уровня из 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ, причем для каждой из стран использовались данные последнего опроса (1995 – 2005). Национальные выборы взвешены так, чтобы у них был одинаковый размер. Количество извлеченных факторов на каждом уровне определялось по критерию Кайзера. Использовалось полярное исключение переменных с пропущенными значениями.

Тот факт, что автономия, выбор, равенство и голос соответствуют определению эмансипации, предполагает, но не обязательно означает, что эти четыре компонента отражают единое измерение (фактор), определяющее их. Для того чтобы проверить, так ли это, в таблице 2.4 приведены результаты еще одного иерархического факторного анализа, сходного с тем, который выполнен для светских ценностей и показан в таблице 2.3. Результаты схожи. На первом этапе анализа

двенадцать первоначальных показателей группируются в четыре измерения: автономии, выбора, равенства и голоса — в точности так, как они группировались для вычисления под-индексов. На втором этапе анализа четыре этих измерения объединяются в единый континуум эмансипативных ценностей.

Таблица 2.4. *Инвариантность структуры эмансипативных ценностей*

КОМПОНЕНТЫ:	ВЫБОРКИ:	
	Незападные выборки	Западные выборки
Индекс выбора	0.60	0.69
Индекс равенства	0.58	0.66
Индекс голоса	0.52	0.53
Индекс автономии	0.51	0.62
Тест Кайзера-Майера-Олкина	0.56	0.64
Объясненная дисперсия	30%	39%
N	109 233	43 082

Примечание: Приведены факторные нагрузки по первую и единственному измерению (фактору). Факторный анализ проводился для объединенных по странам данных индивидуального уровня из 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ, причем для каждой из стран использовались данные последнего опроса (1995—2005). Национальные выборки взвешены так, чтобы у них был одинаковый размер. Данные индивидуального уровня центрированы вычитанием среднего для страны по каждой переменной для каждого респондента. К категории «западных» я относил выборки из обществ, вошедших в одну из четырех западных культурных зон в таблице 1.3 во введении. Выборки из всех остальных обществ классифицировались как «незападные».

Таблица 2.4 демонстрирует, что одномерность четырех под-индексов — это не уникальный западный феномен. Несмотря на то, что факторное решение снова дает несколько лучшие тестовые статистики для западных выборок, структура, по сути, одна и та же — как для западных, так и для незападных данных. Как уже отмечалось ранее, более систематичный характер ответов западных респондентов не должен трактоваться как культурное смещение вопросов: он — свидетельство более высоких уровней когнитивной мобилизации в западных обществах. Это приводит и к более высокому уровню концептуальной организации в ответах западных респондентов, который проявляется в большей систематичности ответов. Это утверждение справедливо для всех видов вопросов, а не только для тех, которые могут особенно заинтересовать западных респондентов³³.

Основываясь на результатах таблиц 2.3 и 2.4, было бы оправданным следовать размерностной логике и извлечь общую дисперсию компонентов светских и эмансипативных ценностей. Тем не менее я предпочитаю композиторное конструирование индекса, поскольку оно основывается на концептуальной логике, не зависящей от специфических допущений относительно эмпирической согласованности компонентов индекса. Кроме того, композиторная логика предполагает, что важна сама комбинация компонентов — из чего следует, что уникальная вариация каж-

³³ Например, вряд ли можно утверждать, что, задавая людям вопрос об их доверии институтам правопорядка, таким как полиция или суды, можно привести в исследование какое-то западное смещение. Полиция и суды существуют практически в каждом обществе. Все же рейтинг и доверия этим двум институтам коррелируют сильнее в западных выборах ($r = 0.69$; $N = 45978$; $p < 0.001$), чем в незападных ($r = 0.35$; $N = 110745$; $p < 0.001$). Эти оценки получены из опросов в каждом из 95 обществ, участвовавших хотя бы один раз в МИЦ, выборки взвешены, чтобы выровнять их размер.

дого из компонентов должна полностью включаться в индекс. — а размерностная логика, напротив, предписывает ее отбрасывать.

В композиторной логике эмпирическая согласованность компонентов индекса становится объектом объяснения, а не аспектом процедуры измерения. Как мы увидим, это приводит к новым идеям. Поскольку центральная тема этой книги — эмансипация, последующее обсуждение фокусируется на эмансипативных ценностях.

2. Уточнение индекса эмансипативных ценностей

2.1. Эволюционирующие критерии эмансипации

Можно было бы легко придумать более совершенные показатели, отражающие секуляризацию и эмансипацию, но выбранные мною — были лучшими из имеющихся в МИЦ, кроме того, только эти показатели использовались в нескольких последовательных волнах.

Нужно отметить, что индикаторы ценностей, предложенные здесь, отражают эти ценности согласно критериям *нашей* эпохи. Например, если бы мы включили принятие гомосексуальности в число показателей эмансипативных ценностей пятьдесят лет тому назад — ни одно из обществ не продемонстрировало бы высоких оценок эмансипативных ценностей. Таким образом, в различные исторические периоды были различные критерии, по которым можно было оценить степень ориентации на эмансипацию индивида или общества. Эти критерии развивались, продвигая волну эмансипации все дальше вперед. Двести лет назад некто считался весьма эмансипированным, если поддерживал идею освобождения рабов и крепостных крестьян. Следовательно, недавняя актуализация некоторых тем, использованных мною для измерения эмансипативных ценностей, не является доказательством того, будто эмансипативные ценности не существовали в более ранние периоды. Они существовали, однако критерии, по которым ориентация индивида считалась эмансипативной, были менее строгими.

Если мы в конце концов окажемся в ситуации, когда индикаторы эмансипативных ценностей, предложенные здесь, уже не будут варьироваться, следует сделать вывод, что граница эмансипации, вероятно, продвинулась далеко вперед, и нам потребуется корректировать измерительные процедуры и индикаторы. Как мы, однако, увидим, мы пока еще далеки от этой ситуации.

2.2. Нормативная желательность

Ученые могут возразить, что оценивание и ранжирование обществ по шкале эмансипативных ценностей нельзя считать культурно-нейтральной процедурой, поскольку западные стандарты применяются к обществам, для которых они чужды. Если бы это было так, то индикаторы ценностей можно было бы отбросить как проявление интеллектуального империализма.

Однако мы не можем ограничиться предположениями, когда речь заходит о не-применимости измерения ценностей в незападных культурах: эту проблему необходимо исследовать. Вопрос о том, существуют ли и развиваются ли эмансипативные ценности в незападных культурах — эмпирический. Как покажет эта книга, эмансипативные ценности существуют и развиваются — благодаря технологическому прогрессу и другим процессам, расширяющим ресурсы, необходимые для действий

людей, — не только на Западе. Для того, чтобы доказать это утверждение, эмансипативные ценности необходимо измерить в различных культурах, опираясь на их одинаковое концептуальное определение, несмотря на тот факт, что эти ценности, действительно, поначалу стали заметным явлением именно на Западе.

Еще один вопрос: действительно ли эмансипативные ценности — это нормативно желательный феномен? Главы 5, 6, 9 и 12 продемонстрируют, что это так. Мы увидим, что эмансипативные ценности особенно подчеркивают гражданские нормы, которые благоприятствуют доверительному, честному и доброжелательному взаимодействию людей и повышают общее благополучие (главы 5 и 6). Также эмансипативные ценности способствуют давлению масс на власти в пользу демократизации и защиты окружающей среды, тем самым повышая качество демократии в обществе (глава 9) и улучшая экологию (глава 12). С нормативной точки зрения, гражданственный-гуманистический-демократический-экологический импульс эмансипативных ценностей весьма желателен.

2.3. Насколько эмансипативные ценности — западные?

Эмансипативные ценности априори определяются как сочетание ориентаций, подчеркивающих свободу выбора и равенство возможностей. Ответы респондентов на вопросы анкет МИЦ измеряются согласно этому теоретическому определению независимо от того, в какой степени эти показатели образуют согласованный синдром в сознании людей.

Подобная композиционная логика предпочтительнее размерностной при выделении двух условий: (1) комбинирование данных компонентов опирается на априорный теоретический смысл, (2) есть причины предполагать, что у этой комбинации имеются важные следствия, независимо от того, насколько тесно коррелируют между собой входящие в комбинацию показатели.

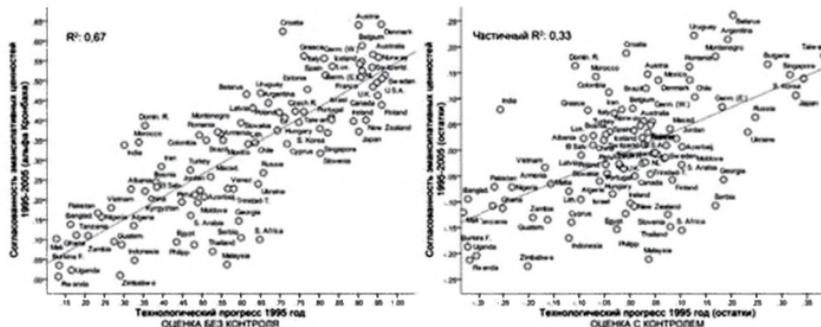
Это условия, соответствующие концепции эмансипативных ценностей. Как предполагает тезис последовательности в теории эмансипации, объединенное влияние ориентаций, формирующих эмансипативные ценности, вызывает важные следствия, потому что объясняет, насколько эффективно всеобщие свободы гарантируются в обществе. Для проверки этого предположения нам не нужно обременять концепцию эмансипативных ценностей требованием, чтобы их компоненты «отражали» у населения любой из стран согласованный синдром. В действительности мы можем трактовать степень согласованности компонентов как переменную, требующую объяснения.

Чтобы исследовать степень согласованности эмансипативных ценностей, мы оцениваем согласованность четырех вспомогательных ориентаций для каждого общества по отдельности, проверяем, согласованы ли эти компоненты и в какой степени, и можно ли объяснить различия обществ в этом отношении как систематическую вариацию, объясняющую степень когнитивной мобилизации. Один из способов для этого — рассчитать коэффициент *альфа* Кронбаха для четырех вспомогательных ориентаций³⁴. *Альфа* Кронбаха увеличивается с ростом средней корреляции между вспомогательными ориентациями. Таким образом, более высокие значения этого

³⁴ Аналогичный анализ для двенадцати компонентов индекса дал сходные результаты.

коэффициента показывают большую степень согласованности четырех вспомогательных ориентаций. Поскольку согласованность отражает степень когнитивной последовательности ориентаций в сознании респондентов, можно интерпретировать большую согласованность как меру концептуальной организации: представления людей об эмансипации лучше организованы, когда четыре ориентации в их сознании представляют собой согласованный синдром. Следовательно, в контексте композиторной логики альфа Кронбаха — это не мера качества индекса, а оценка его концептуальной организации³⁵. Подсчет коэффициентов альфа по отдельности для каждого общества позволяет сравнить степени концептуальной организации в них.

Используя данный подход, диаграмма слева на рисунке 2.1 показывает зависимость значения альфа в различных обществах от степени технологического прогресса, которая обсуждалась во введении. Поскольку эта мера основана на индикаторах образования, информации и знаний, ее можно, очевидно, интерпретировать как показатель когнитивной мобилизации. По вертикальной оси мы видим высокую вариацию коэффициента альфа: от почти нулевого в Руанде и Уганде — до относительно высокого (0,65) в Австрии и Дании.

Рисунок 2.1. Влияние технологического развития на степень согласованности эммансипативных ценностей

(до и после контроля на принадлежность обществ к Западу и их демократических традиций)

Данные: Все общества, для которых доступны данные о технологическом прогрессе, и участвовавшие хотя бы раз в МИЦ/ЕИЦ. Используются данные последнего опроса в период 1995—2005 гг. Представлено 92 общества, включая Андорру, Гонконг и Ирак, для которых отсутствуют данные о технологическом прогрессе. Диаграмма слева показывает эффекты влияния технологического прогресса на согласованность эммансипативных ценностей без контрольных переменных, диаграмма справа — те же эффекты, но с контролем принадлежности обществ к Западу и традиции демократии, иллюстрируя эффекты технологического прогресса, когда «западность» и традиция десятикратно зафиксированы на постоянном уровне. Например, положение Болгарии, Японии, России, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня справа вверху на правой диаграмме показывает, что когда технологический прогресс общества выше, чем предполагает отсутствие западной демократической традиции, эммансипативные ценности — более согласованные. Напротив, положение в левом нижнем углу Греции, Израиля, Латвии, Люксембурга и Польши на той же диаграмме предполагает, что, когда технологический прогресс общества ниже, чем предполагает наличие западной демократической традиции, эммансипативные ценности — менее согласованные.

³⁵ Меня интересуют не абсолютные значения коэффициента альфа Кронбаха, а только межнациональные различия этих значений. Меня также совершенно не интересует, превышает ли значение альфа какой-то стандартный порог (например, 0,70), рассматривающийся как достаточный для интеркорреляции показателей. Композиторная логика отвергает идею достаточной интеркорреляции показателей, поскольку эта логика не связывает качество измерения с допущением о достаточной корреляции.

Если кросс-национальная вариативность альфа-коэффициента в самом деле показывает различные степени концептуальной организации, мы должны сделать вывод, что для респондентов из африканских стран характерен наименьший уровень концептуальной организации. Но такое утверждение кажется расистским. Африканские и другие незападные общества могут показаться менее концептуально-организованными, поскольку в них задавались «западные» вопросы, а не из-за реального уровня концептуальной организации. Если это так, то принадлежность к Западу должна объяснять высокую долю межнациональной вариации альфа-коэффициента. Но вариации когнитивной мобилизации не должны быть значимыми, если мы учитываем различия между западными и незападными обществами. Если же когнитивная мобилизация продолжит положительно влиять на альфа-коэффициент, даже если учтены различия между Западом/не-Западом, можно сделать вывод, что ценности становятся более согласованными по мере роста концептуальной организованности представлений людей.

Таблица 2.5. Объяснение согласованности эмансипативных ценностей

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ:		
	Согласованность эмансипативных ценностей 1995—2005 (альфа Кронбаха для 4-х под-индексов)		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	0.19 (8.31) ***	-0.02 (-0.66)*	0.04 (1.19)†
Западные общества (бинарная)	0.23 (70.91)***		0.11 (3.52)***
Демократическая традиция 1995	0.09 (1.89) *		-0.01 (0.24)†
Технологический прогресс 1995		0.56 (13.60)***	0.42 (6.59)***
Скорректированный R ²	0.57	0.67	0.70
N (число наблюдений)	94	92	92

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты (β) с Т-критерием в скобках. Тестовые статистики для гетероскедастичности (тест Уайта), мультиколлинеарности (VIF) и влиятельных случаев (DFFITS) не обнаружили нарушений допущений обычной линейной регрессии. Уровни значимости: *p < 0.100; **p < 0.050; ***p < 0.005; † не значимо (p > .100). Данные включают все 95 стран, хотя бы один раз участвовавших в МИЦ/ЕИЦ использовались оценки эмансипативных ценностей последней волны опросов, если для этого периода были данные о технологическом прогрессе и традиции демократии. Данные о традиции демократии отсутствуют для Гонконга. Данные о технологическом прогрессе отсутствуют для Андорры, Ирана и Гонконга. Для Зимбабве значение технологического прогресса в 1995 г. оценено по данным 2005 г. с помощью обычной линейной регрессии. В категорию «западных» стран включались страны, относенные к одной из четырех западных культурных зон в таблице 1.3 введения.

Регрессионные модели, представленные в таблице 2.5, проверяют эти альтернативные возможности. Зависимая переменная — это степень согласованности эмансипативных ценностей в обществе, измеренная с помощью коэффициента альфа Кронбаха. Чтобы исследовать западное влияние, я использую две переменные. Одна из них — бинарная переменная, показывающая, принадлежит ли общество к одной из четырех западных культурных зон, показанных в таблице 1.2 введения. Однако поскольку это очень грубое различие, оно может плохо объяснять дисперсию. По этой причине я использую более тонкоструктурную

переменную для измерения силы западной традиции. Одно из знаковых изобретений западной культуры — либеральная демократия (Huntington, 1996). Следовательно, длительность существования демократии в данном обществе — мощный индикатор того, как долго это общество находилось под влиянием западной культуры. И если либеральная демократия — это институциональное воплощение эмансипативных ценностей, длительность существования либеральной демократии должна определять эти ценности и степень их согласованности. Для того, чтобы измерить длительность существования либеральной демократии, я использую значение индекса «запас демократии» [democracy stock] Герринга, Бонда, Барндта и Морено (Gerring, Bond, Barndt and Moreno, 2005) для 1995 г. Этот индекс измеряет исторически накопленный опыт демократии за определенный период времени данного общества, складывая ежегодные рейтинги демократии, которые предоставляются проектом Polity IV (Marshall & Jaggers, 2004). Авторы утверждают, что по сравнению с другими мерами демократии индекс «запаса демократии» обладает самым большим влиянием на теоретически ожидаемые последствия демократии. Я стандартизирую значения этого индекса в шкалу с минимумом 0 (отсутствие опыта демократии) и максимумом 1 (самый богатый опыт). Далее в книге я называю этот индекс «демократическая традиция». Среди обществ из выборки МИЦ нулевое значение индекса — у Саудовской Аравии. У США и Швеции, например, значение индекса — 1.0, а средние значения — около 0,50 — у Перу и Филиппин.

Как показывает модель 1 в таблице 2.5, оценивая степень согласованности эмансипативных ценностей в обществах в зависимости от их принадлежности к Западу и длительности демократической традиции, мы объясняем 57% дисперсии различий в степени согласованности компонентов индекса. Как показывают коэффициенты, увеличение демократической традиции на единицу вызывает увеличение согласованности эмансипативных ценностей на 0,09 единицы. — это очень слабое влияние. Однако сам факт принадлежности общества к Западу повышает согласованность эмансипативных ценностей на 0,23 единицы значения альфа-коэффициента. Это свидетельствует о существенном влиянии фактора принадлежности к Западу, что не должно удивлять, если мы вспомним, что специфика западных обществ во многом *определена* влиянием на их историю эмансипативных движений. Из этого исторического отпечатка следует, что эмансипативные ценности должны быть более согласованными в западных обществах. Ввиду этих результатов измерение эмансипативных ценностей выглядит как проявление «западоцентризма», оценивающего западные общества по чуждым им критериям.

Это одна из возможных интерпретаций. Другая же подразумевает, что согласованность эмансипативных ценностей — это в основном вопрос концептуальной организации, которая усиливается с ростом когнитивной мобилизации общества. В этом случае большая согласованность эмансипативных ценностей в западных обществах должна быть не столько результатом исторического опыта эмансипативных движений, сколько следствием их более выраженной когнитивной мобилизации *сегодня*. Другими словами, основная причина того, что эмансипативные ценности менее согласованы в западных обществах, заключается не в том, что они не принадлежат к Западу, а в том, что в них ниже когнитивная мобилизация, —

то есть по мере ее роста в незападных обществах эмансипативные ценности станут более согласованными.

Именно это демонстрирует правая диаграмма на рисунке 2.1: она показывает эффект влияния когнитивной мобилизации на согласованность эмансипативных ценностей, при контроле степени принадлежности общества к Западу. Следует обратить внимание на Японию, Сингапур, Южную Корею и Тайвань. В культурном отношении это определено незападные общества. Однако степень когнитивной мобилизации в этих обществах — выше, чем предполагает их «незападность», и это сопровождается большей согласованностью в них эмансипативных ценностей, чем опять-таки предполагает их «незападность». И наоборот: уровень когнитивной мобилизации в Греции, Израиле, Люксембурге, Мальте, Польше, Латвии и Литве³⁶ — ниже, чем предполагает их принадлежность к Западу, — соответственно, и степень согласованности эмансипативных ценностей в этих странах ниже, чем ожидается для западных обществ.

Говоря обобщенно, мы не обнаружили, что незападные общества являются систематическим исключением из логики, связывающей согласованность эмансипативных ценностей с когнитивной мобилизацией общества. Иначе незападные общества оказались бы статистическими выбросами, компактно сгруппированными в отдалении от линии регрессии на двух диаграммах на рисунке 2.1. Однако они не заняли положение выбросов: большинство из них (хотя и не все) просто сгруппировались на нижнем отрезке линии регрессии, и это означает, что эмансипативные ценности в незападных обществах менее согласованы потому, что в данных обществах ниже уровень когнитивной мобилизации. Следовательно, низкая согласованность эмансипативных ценностей в незападных обществах — это феномен развития, а не проявление их культурной специфики.

В подтверждение этой интерпретации третья модель в таблице 2.5 показывает, что эффект влияния демократической традиции на согласованность эмансипативных ценностей оказывается незначимым, а эффект влияния принадлежности к западным обществам снижается почти в два раза, если мы контролируем уровень когнитивной мобилизации в обществе. И, напротив, в этой модели когнитивная мобилизация сохраняет большую долю своего позитивного влияния на согласованность эмансипативных ценностей. Следовательно, основная причина для согласованности эмансипативных ценностей — это сегодняшний уровень когнитивной мобилизации. Факт существования эмансипативных движений в истории данного общества также оказывает некоторое влияние, но, очевидно, гораздо менее значимое. Все это означает, что хотя незападные общества стартовали с более низкого уровня согласованности эмансипативных ценностей, чем западные, они так же, как и западные общества, открыты для влияния когнитивной мобилизации, повышающей уровень согласованности эмансипативных ценностей.

Вывод: различия в согласованности эмансипативных ценностей между странами неправильно интерпретировать как обусловленное различиями культур

³⁶ В государствах Балтии демократическая традиция существовала в период между двумя мировыми войнами. Они культурно ориентированы на Скандинавию. Советский коммунизм был навязан им против их воли, и поэтому они были первыми республиками, которые освободились от советской империи, приняли либеральную демократию и вступили в союз с Западом. Их культурная самоидентификация — определено, западная. По этим причинам, я думаю, что их включение в культурную зону «Вернувшихся на Запад» оправдано.

разное качество измерения. Они отражают реальные различия в степени когнитивной мобилизации — интеллектуального компонента человеческой эмансипации. Эмансипация больше всего продвинулась в западных и других обществах. Так что если нас интересует глобальная диффузия данного процесса, у нас есть все основания для глобальных измерений эмансипативных ценностей.

2.4. Валидность измерения

Для композиторного индекса внутренняя согласованность — это не критерий качества, а то, что нуждается в объяснении. Однако внешняя валидность — это, несомненно, критерий качества композиторного индекса. Один из способов анализа внешней валидности — рассмотрение степени ассоциации индекса с его теоретически ожидаемыми коррелятами, включая как antecedенты, так и последствия.

Таблица 2.6. Корреляция эмансипативных ценностей и их компонентов с их предполагаемыми предтечами и последствиями

НЕЗАПАДНЫЕ опросы:	ЭЦ ИНДЕКС	АВТОНОМИЯ	РАВЕНСТВО	ВЫБОР	ГОЛОС	Ценности самовыражения	N
Официальное образование	0.28	0.17	0.17	0.16	0.13	0.17	113310
Информационная включенность	0.25	0.18	0.15	0.14	0.11	0.21	44357
Активность общественных движений	0.18	0.09	0.08	0.14	0.12	НЗ*	100891
Понимание демократии	0.25	0.06	0.25	0.19	0.08	0.11	40819
ЗАПАДНЫЕ опросы:	ЭЦ ИНДЕКС	АВТОНОМИЯ	РАВЕНСТВО	ВЫБОР	ГОЛОС	Ценности самовыражения	N
Официальное образование	0.31	0.24	0.18	0.24	0.15	0.29	51212
Информационная включенность	0.30	0.23	0.20	0.22	0.14	0.34	25680
Активность общественных движений	0.38	0.23	0.24	0.30	0.24	НЗ**	52326
Понимание демократии	0.37	0.24	0.26	0.32	0.15	0.30	22911
Уровень ОБЩЕСТВА:	ЭЦ ИНДЕКС	АВТОНОМИЯ	РАВЕНСТВО	ВЫБОР	ГОЛОС	Ценности самовыражения	N
Технологический прогресс	0.79	0.61	0.66	0.75	0.54	0.69	93
Демократические достижения	0.80	0.48	0.67	0.65	0.60	0.72	86
Развитие и достижения	0.84	0.58	0.72	0.76	0.59	0.73	86

Примечание: Приведены коэффициенты корреляции Пирсона (r). Корреляционный анализ, показанный в двух верхних панелях таблицы, рассчитан по данным индивидуального уровня по странам, участвовавшим хотя бы один раз в МИЦ/ЕИЦ; использовались самые последние данные (период 1995—2005 гг.). Количество обществ в двух верхних разделах таблицы — 95 для формального образовательного уровня и активности в общественных движениях и 50 для информационной включенности и понимания демократии (две последние перечислены доступны только начиная с пятой волны МИЦ).

Национальные выборы в верхних двух панелях взвешены, чтобы у них был равный размер. В нижней панели использованы средние для стран оценки ценностей из последнего по времени опроса и показаны их корреляции с технологическим прогрессом и традицией демократии, а также с фактором, сочетающим эти две переменные (технологию и демократию), измеренными в период с 1995 до 2005 гг. В категорию «западных» включены страны, входящие в одну из западных культурных зон в таблице 1.3. Выборы из всех остальных обществ классифицировались как «незападные». Все корреляции значимы на 0,001 уровне (двустороннем). Серым выделены коэффициенты, показавшие самую сильную ассоциацию с данным коррелятом эммансипативных ценностей.

* Не вычислялись: корреляции были бы частично тавтологичными, потому что ценности самовыражения включают компонент, относящийся к активности в общественных движениях, а именно — подписание петиций.

В таблице 2.6 представлены корреляции индекса эммансипативных ценностей (далее ИЭЦ), а также четырех его компонентов с их теоретически ожидаемыми коррелятами как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества. На индивидуальном уровне два коррелята — формальный уровень образования и информационная включенность — это ожидаемые предтечи, способствующие росту эммансипативных ценностей. Два других коррелята — активность социальных движений и понимание демократии — это ожидаемые последствия роста эммансипативных ценностей³⁷.

Чтобы быть уверенными в обоснованности выводов и для западных, и для незападных обществ, данные индивидуального уровня анализируются отдельно для западных и незападных выборов. На уровне общества технологический прогресс — ожидаемый антецедент, а переход к демократии — ожидаемое следствие эммансипативных ценностей. Вместе они сочетаются в стадии человеческой эммансипации в сферах возможностей и гарантий. Это третий коррелят на уровне общества³⁸.

Чтобы обосновать обобщение компонентов в ИЭЦ, нам нужно, чтобы полный индекс был связан с коррелятами так сильно, как связан самый сильно связанный с данным коррелятом компонент индекса. В большинстве случаев, однако, полный индекс должен быть связан с соответствующими коррелятами сильнее, чем его сильнейший компонент.

Таблица 2.6 показывает опять-таки более сильные корреляции для западных выборов, нежели для незападных. Более того, корреляции на уровне общества

³⁷ Официальный (формальный) уровень образования отражает самый высокий уровень образования, достигнутый респондентом, и закодирован в нисходящей последовательности в десятипозиционном шкале. Информационная включенность измеряет разнообразие источников, использующихся для получения информации, и закодирована в восходящей последовательности в десятипозиционном шкале. Активность в общественных движениях измеряет разнообразие различных общественных движений, в которых респондент участвует или находит возможным участвовать, и закодирована в нисходящей последовательности в семипозиционном шкале. Понимание демократии измеряет, насколько понимание демократии респондентом соответствует ее либеральному определению, и закодирована в восходящем порядке в многопозиционном шкале. Подробные сведения об этих и всех других переменных, используемых в данной главе, приведены в приложении 2, доступном в Интернете (<http://www.cambridge.org/ru/academic/subjects/politics-international-relations/comparative-politics/freedom-vs-human-empowerment-and-quest-emanicipation?format=PB&sbo=978110766483>).

³⁸ Используя индикаторы технологических достижений и перехода к демократии, описанные во введении, я беру их значения в тот момент, когда были измерены эммансипативные ценности. Человеческая эммансипация измерена как среднее технологических достижений и перехода к демократии, что отражает стадию эммансипации в сферах возможностей и гарантий. Это неполный показатель эммансипации, потому что он не включает сферу мотивации, представленную эммансипативными ценностями.

оказываются, как обычно, значительно сильнее, чем на индивидуальном уровне³⁹. Все остальные приведенные ниже выводы в равной степени относятся ко всем трем панелям таблицы.

Все корреляции в таблице 2.6 — положительные и статистически значимые. Если бы нам пришлось полагаться только на один компонент эмансипативных ценностей, лучшим решением был бы «индекс выбора». Среди четырех компонентов именно у него обычно самые сильные корреляции с предполагаемыми предтечами и следствиями эмансипативных ценностей; а на втором месте — «индекс равенства». Тем не менее во всех случаях, кроме одного, корреляции полного ИЭЦ, со всеми предполагаемыми antecedентами и следствиями выше, чем у всех его компонентов. В самом деле, нет ни одного примера, когда ИЭЦ был бы связан с предтечами и следствиями слабее, чем любой из его компонентов.

Во всех случаях ИЭЦ оказывается связанным с предполагаемыми предтечами и следствиями теснее, чем первоначальная весовая «ценностей самовыражения» Инглхарта и Вельцеля 2005 г. Это показано в публикации Вельцеля (Welzel, 2012).

Существуют другие индикаторы ценностей, используемые учеными для выявления наиболее ярких культурных различий между обществами. Например, Хофстеде (Hofstede, 2001 [1980]), Су, Динер, Оиши и Триандис (Suh, Diener, Oishi and Triandis, 1998) и Гельфанд, Бхавук, Нишии и Бехтольд (Gelfand, Bhawuk, Nishii and Bechtold, 2004) используют показатели «коллективизма-индивидуализма» для описания межкультурных различий: в коллективистических культурах авторитет группы важнее, чем права индивида; в индивидуалистических — наоборот. Еще одна мера коллективизма-индивидуализма под названием «укорененность-автономия» предложена Шварцем (Schwartz, 1992, 2004, 2007): укорененность описывает культуру, в которой индивиды подчеркивают свою принадлежность к тесно связанным группам, а автономия — культуру, в которой люди подчеркивают свою независимость от таких групп. Также Гельфанд с соавторами (Gelfand et al., 2011) описывают культурные различия в терминах «жесткости-мягкости»: «жесткие» культуры характеризует низкая толерантность к девиантному поведению, а «мягкие» — высокая толерантность.

С концептуальной точки зрения можно предположить, что коллективизм будет пересекаться с укорененностью и жесткостью, а индивидуализм — с автономией и мягкостью (Triandis, 1995). Также есть очевидная связь между данными показателями особенностей культуры и социальным развитием. Как показывает таблица 2.7, коллективизм, укорененность и жесткость последовательно ассоциируются с низкими уровнями развития, как демонстрируют более десяти показателей качества жизни в обществе, включая доход, образование, продолжительность жизни, гендерное равенство, главенство законов, мир, безопасность и демократию. И напротив: индивидуализм, автономия и мягкость последовательно ассоциируются с высокими уровнями развития.

³⁹ Тот факт, что аггредированные уровни демонстрируют более высокие корреляции, чем меры индивидуального уровня, — это не результат «ошибки агрегирования» (aggregation bias). Напротив, агрегирование устраняет случайную ошибку индивидуального уровня измерений и поэтому, раскрывает подлинную величину корреляции (по поводу часто неверно понимаемой проблемы «экологической ошибки» (ecological fallacy) см.: Inglehart & Welzel, 2005: 231–244).

Таблица 2.7. Корреляции индикаторов развития, связанных и не связанных с культурой

Корреляты (в 2000 г.):	Эмансипативные ценности (закодированы по возрастающей)					
	Все общества	Те же общества — жесткость/мягкость	Те же общества коллективизм/индивидуализм	Жесткость/мягкость (мягкость закодирована выше)	Коллективизм/Индивидуализм (индивидуализм закодирован выше)	Укорененность/Автономия (автономия закодирована выше)
Технологический прогресс	0.81*** (89)	0.87*** (32)	0.80*** (50)	0.36** (32)	0.76*** (50)	0.30*** (50)
Переход к демократии	0.79*** (88)	0.78*** (32)	0.84*** (48)	0.35* (32)	0.76*** (48)	0.47*** (46)
ВВП на душу населения	0.80*** (88)	0.79*** (26)	0.82*** (40)	0.11' (26)	0.80*** (40)	0.50*** (46)
Урбанизация	0.58*** (88)	0.73*** (31)	0.52*** (49)	0.45** (31)	0.50*** (49)	0.21' (49)
Образование в годах обучения	0.76*** (63)	0.73*** (31)	0.74*** (44)	0.30' (31)	0.76*** (44)	0.46*** (41)
Рождаемость	-0.49*** (85)	-0.48*** (29)	-0.53*** (44)	-0.46** (29)	-0.46*** (44)	-0.09' (44)
Детская смертность	-0.65*** (87)	-0.74*** (31)	-0.72*** (47)	-0.40** (29)	-0.57*** (47)	-0.20' (45)
Смертность, беглые поселенцев	-0.31** (86)	-0.32*** (32)	-0.32** (46)	0.08' (32)	-0.19' (46)	-0.12' (46)
Развитие людей	0.72*** (88)	0.86*** (31)	0.80*** (48)	0.36** (31)	0.69*** (48)	0.49*** (44)
Гендерная эмансипация	0.89*** (45)	0.86*** (22)	0.90*** (29)	0.29' (22)	0.82*** (29)	0.48*** (44)
Власть закона	0.76*** (92)	0.83*** (31)	0.81*** (49)	0.06' (31)	0.81*** (49)	0.45*** (49)
Порядок и стабильность	0.72*** (92)	0.75*** (31)	0.77*** (49)	0.19' (31)	0.73*** (49)	0.36*** (49)
Постоянный мир	0.66*** (89)	0.66*** (31)	0.70*** (49)	0.13' (31)	0.63*** (49)	0.29*** (48)
Родственные браки (пог.)	-0.71*** (51)	-0.64*** (23)	-0.66*** (33)	-0.57** (23)	-0.58*** (33)	-0.33' (28)
Активность общественных движений	0.71*** (48)	0.73*** (19)	0.82*** (30)	0.19' (19)	0.82*** (30)	0.52*** (46)

Примечание: Приведены коэффициенты корреляции Пирсона (r), в скобках — количество обществ. Показатель жесткости/мягкости взят из публикации (Gelfand et al., 2011), кодировка изменена на обратную. Показатель коллективизма/индивидуализма взят из публикации (Thornhill/Fincher et al., 2008), подробности его перекодировки приведены в приложении 2 (<http://www.cambridge.org/9781107664838>). Там же описаны источники всех данных этой таблицы. Укорененность/автономия — на основе вопросов Шварца, задававшихся в плато волне Мирового исследования ценностей (МИЦ). Уровни значимости (двусторонние) *p < 0.100; **p < 0.050; ***p < 0.005; ' на значимом р > .100. Коэффициенты во второй слева колонке помечены серым, если эмансипативные ценности для данного набора обществ связаны с соответствующим коррелятом сильнее, чем жесткость/мягкость. Коэффициенты в третьей слева колонке помечены серым, если эмансипативные ценности для данного набора обществ связаны с соответствующим коррелятом сильнее, чем коллективизм/индивидуализм. Корреляты, выделенные жирным шрифтом, представляют два других (помимо эмансипативных ценностей) компонента эмансипации людей.

Учитывая очевидную связь этих альтернативных показателей культуры с развитием общества, возникает логичный вопрос: возможно ли, что они — лучший индикатор культурного аспекта человеческой эмансипации, чем эмансипативные ценности? В таблице 2.7 рассматривается анализ, проверяющий такую возможность: в ней приводятся корреляции эмансипативных ценностей с широким кругом индикаторов развития общества, включая два наших индикатора человеческой эмансипации в сферах возможностей и гарантий: технологический прогресс и переход к демократии.

Неудивительно, что эмансипативные ценности коррелируют с технологическими достижениями и переходом к демократии, а также со всеми другими индикаторами развития так же, как и альтернативные индикаторы культуры. Корреляции всегда оказываются одного и того же знака и примерно сопоставимой величины, за исключением корреляций «жесткости-мягкости», которые существенно слабее. Сходство моделей корреляции для эмансипативных ценностей, индивидуализма и автономии обнадеживает: оно доказывает, что эмансипативные ценности отражают те же различия между обществами, что и другие показатели культуры. По сути, эмансипативные ценности отражают эти различия лучше для четырнадцати из пятнадцати индикаторов развития: во всех этих случаях эмансипативные ценности коррелируют с индикаторами развития сильнее, чем альтернативные индикаторы культуры. Это говорит о том, что эмансипативные ценности — предпочтительнее как индикатор культурной сферы человеческой эмансипации.

Это предположение верно еще по нескольким причинам. Во-первых, эмансипативные ценности доступны для девяноста пяти обществ по всему миру; другие меры охватывают существенно меньше стран. Во-вторых, эмансипативные ценности взяты из случайных национальных выборок, репрезентативных для обществ в целом — другие же культурные индикаторы получены из «удобных» выборок из специфических групп населения, таких как, например, студенты. Исключение — показатели «укорененности-автономии», которые были измерены в Европейском социальном исследовании (ESS — European Social Survey) и в МИЦ. Однако и в этом случае данные ограничены пятьюдесятью странами. В-третьих, только для эмансипативных ценностей доступны достаточно длинные временные ряды, поэтому среди существующих индикаторов культуры только они позволяют проследить изменения⁴⁰.

Исходя из всех перечисленных причин, мы можем заключить, что эмансипативные ценности — валидная и предпочтительная мера культурных различий, связанных с человеческой эмансипацией и другими аспектами развития.

2.5. Насколько реальные средние оценки для стран?

Предпочтения тех или иных ценностей — это свойство индивидов. Соответственно, мы измеряем ценности на индивидуальном уровне в репрезентативных для стран массовых опросах. Но мы часто объединяем эти показатели индивидуального уровня, чтобы оценить, насколько распространены те или иные ценности

⁴⁰ Я провел анализ литературы, чтобы найти другие кросс-культурные индикаторы, которые были бы связаны сильнее, чем эмансипативные ценности, с двумя сферами человеческой эмансипации: возможностями и гарантиями. Я обнаружил только еще два популярных индикатора: это личностные качества так называемой «большой пятёрки», измеряемые популярным личностным тестом, и «ориентации на социальное доминирование». Помимо того, что эти индикаторы доступны только для небольшого круга обществ, их связь с человеческой эмансипацией и социальным развитием существенно ниже, чем у эмансипативных ценностей.

в данном обществе. Когда мы это делаем, объектом исследования становятся уже не индивиды, а общество. При этом существенно изменяется и смысл ценностей. На индивидуальном уровне мы имеем дело с ценностными *предпочтениями*, характеризующими личность. На уровне общества мы фиксируем распространенность или *преобладание* ценностей, которые характеризуют различные культуры.

С точки зрения культуры степень преобладания различных ценностей в разных обществах — именно то, что мы хотим узнать. Фактически весь смысл опросов на репрезентативных национальных выборках заключается в том, чтобы оценить преобладание тех или иных ценностей в обществе в целом.

Некоторые ученые полагают, что преобладание ценностей — это вычислительное искажение, не отражающее никаких подлинных аспектов социальной реальности. Это может и не быть «социальным фактом» Дюркгейма. Однако это предположение крайне маловероятно, особенно в отношении ценностей. Ценности мотивируют действия, выражающие стремление к ним, вследствие чего люди демонстрируют и подают сигналы о своих ценностях через коммуникацию и другие формы социальной интеракции. Благодаря этому большинство людей представляет, какие ценности преобладают в том или ином обществе. Преобладание ценностей становится интуитивно понятным фактом (Stimson, 1999; Stimson, MacKuen & Erikson, 2002). Как элемент психологического климата общества преобладание каких-либо ценностей оказывает собственное — «экологическое» — влияние на людей, независимо от того, в какой степени сами индивиды предпочитают преобладающую ценность.

По этой причине важно исследовать эмансипативные ценности для изучения не только их эффектов на индивидуальном уровне, но также и их экологических, средовых эффектов. Это требует особого рассмотрения социального преобладания эмансипативных ценностей, таким образом придавая культуре то значение, какое она заслуживает, ведь культура — это феномен, присущий группе людей, обществу, проявляющийся именно в преобладании тех или иных ценностей.

Однако предположение, что преобладание тех или иных ценностей представляет собой культурный факт, который сходным образом ощущается большинством членов общества, опирается на особенности распределения ценностей в обществе. Это предположение более вероятно в случае колоколообразного распределения с единственным пиком, представляющим среднее по всем респондентам. В этом случае у нас есть реальная центральная тенденция — *культурная опорная точка*, вокруг которой распределены ценностные ориентации всех членов общества.

Вопрос заключается в том, соответствуют ли средние значения эмансипативных ценностей каждой из стран этому требованию. Рассмотрим также возможность того, что страна поляризована на две большие группы, одна из которых сильно ориентирована на эмансипативные ценности, а другая — нет. В этом случае у распределения будет два пика, а среднее расположится где-то между двумя этими полярными группами. В данной ситуации будет заблуждением полагать, что среднее представляет собой опорную культурную точку для данного общества, поскольку при таком распределении опорной точки нет. Чтобы среднее было значимым индикатором культурной опорной точки, распределения должны быть *унимодальными* (только с одним пиком) и *центрированными на среднем* — это

означает, что частоты значений должны понижаться по мере удаления от среднего. В какой мере этим требованиям соответствуют эмансипативные ценности?

Чтобы исследовать, как страны распределены относительно эмансипативных ценностей, я перекодировал непрерывный индекс эмансипативных ценностей, варьирующийся в диапазоне от 0 до 1, в десять восходящих категорий с равными интервалами, соответствующими одной десятой (0,10 пунктов) всего диапазона индекса. Например, категория «ЭЦ 01» объединяет респондентов со значениями индекса эмансипативных ценностей от 0 до 0,10; «ЭЦ 02» — респондентов со значениями от 0,11 до 0,20; и, наконец, «ЭЦ 10» — тех, у кого эти значения от 0,91 до 1.

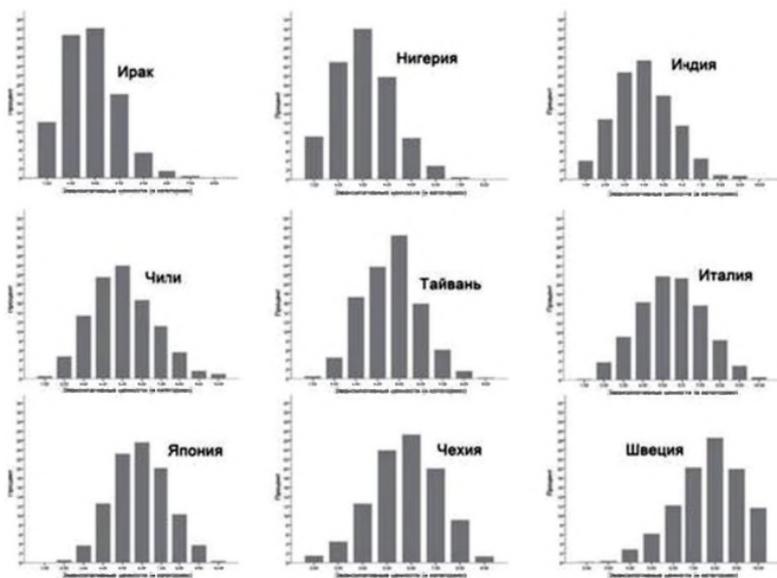

Рисунок 2.2. Унимодальные и центрированные вокруг среднего распределения эмансипативных ценностей

Используя эту классификацию, рисунок 2.2 показывает распределения ИЭЦ для респондентов из девяти стран. Ограниченный объем книги не позволяет привести распределения для каждой из девяноста пяти стран. По этой причине я отобрал только девять стран и расположил их в порядке возрастания слева направо и сверху вниз. Первым показано распределение для Ирака — страны с самой слабой степенью распространенности эмансипативных ценностей. Последней показана Швеция, в которой степень преобладания этих ценностей самая высокая. В середине мы находим распределения для Тайваня, где степень их распространенности средняя. Остальные страны расположены между тремя этими примерами. Как очевидно, все

девять стран демонстрируют унимодальные и сконцентрированные вокруг среднего распределения эмансипативных ценностей. Среди девяноста пяти стран, для которых можно было построить графики, нет ни одного исключения из этого правила. Средние значения эмансипативных ценностей по каждой из стран адекватно описывают культурные опорные точки обществ и поэтому являются валидными мерами степени распространенности этих ценностей.

Учитывая предыдущие результаты, я прихожу к выводу, что у индекса эмансипативных ценностей достаточно высокое качество по критериям теоретической обоснованности, логики конструирования, внешней валидности и центрированности распределения. Следовательно, мы можем сделать следующий шаг и рассмотреть реальные различия эмансипативных ценностей внутри обществ и между ними.

3. Вариация эмансипативных ценностей между странами и внутри стран

3.1. Вариация между странами

На рисунке 2.3 показано положение средних значений для каждой из наших девяноста пяти стран в пространстве светских и эмансипативных ценностей с использованием данных самого последнего опроса, проводившегося в каждой из стран. Учитывая, что внимание в этой книге сосредоточено главным образом на эмансипации людей, светские ценности интересуют нас только как контрастная среда, которая позволяет выявить эмансипативные ценности.

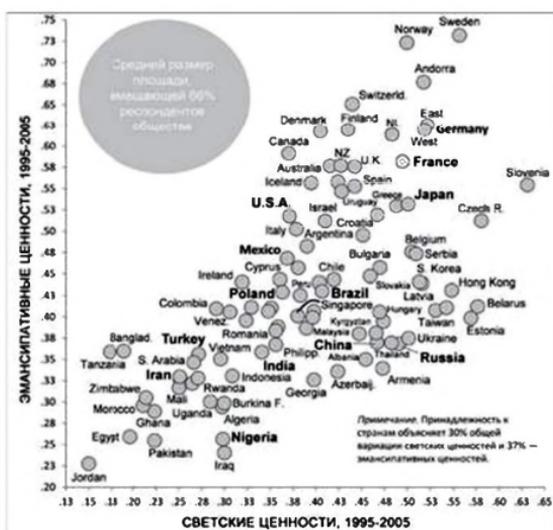

Рисунок 2.3. Новая культурная карта мира

Данные: Респонденты из 95 обществ, участвовавших хотя бы раз в МИЦ/ЕИЦ для каждого общества использовался последний из опросов. Общее число респондентов — 144 381. Общества, выделенные жирным шрифтом, — это страны с самым большим населением в своей культурной зоне или ее исторический центр. Здесь и далее в книге Германия анализируется как две выборки (Запад и Восток).

Два набора ценностей отчетливо связаны друг с другом. Коэффициент корреляции $r = 0.77$ ($p < 0.001$, двусторонняя)⁴¹. Соответственно, у светских ценностей и эмансипативных ценностей — 60% общей дисперсии. Несмотря на эту тесную связь, как мы увидим, есть веские причины, чтобы различать эти два набора ценностей.

Культурная дистанция между наименее эмансипированным населением таких стран, как Ирак, Иордания и Пакистан, и наиболее эмансипированным — Швеции, Норвегии и Швейцарии, очень велика: 0,50 пунктов шкалы. То же верно и для светских ценностей, где наблюдается столь же значительная разница между населением наименее светских стран — Иордании, Танзании и Бангладеш, и наиболее светских — Словении, Чехии и Беларуси.

Разумеется, различия средних значений по странам скрывают разобщенность внутри стран. В самом деле, можно обнаружить респондентов из каждого общества в любом углу карты культур на рисунке 2.2. Однако большая часть респондентов в каждой из стран сгруппирована рядом со средними — культурными опорными точками. Как показывает карта, средний размер орбит, внутри которых находятся две трети респондентов каждого из обществ, — это примерно 10% площади карты. Интересно, что размеры этих орбит различаются меньше, чем можно было бы ожидать, учитывая различия между маленькими и большими, гомогенными и гетерогенными обществами: «гравитационная орбита» Индии, очень большого и гетерогенного общества, сравнима с «гравитационной орбитой» Исландии — очень маленького и гомогенного общества⁴².

Диапазоны вариации светских ценностей и эмансипативных ценностей также близки. Вариация светских ценностей происходит в диапазоне от 0,15 до 0,65, а эмансипативных ценностей — от 0,20 до 0,75. В обоих случаях реальная эмпирическая вариация составляет примерно половину от теоретически возможной для данных шкал. Кроме того, популяция каждой из данных стран сосредоточена одинаково плотно вокруг опорных точек эмансипативных и светских ценностей: средние стандартные отклонения для стран — 0,18 для эмансипативных ценностей и 0,19 для светских ценностей. «Социальная сила притяжения» поглощает 30% дисперсии светских ценностей на индивидуальном уровне и 37% аналогичной дисперсии эмансипативных ценностей.

Рисунок 2.4 показывает «центры притяжения» и орбиты для десяти культурных зон. Притяжение обществ к опорным точкам культурных зон объясняет, соответственно, 62% и 72% дисперсии светских и эмансипативных ценностей между странами⁴³. Даже если анализировать полную дисперсию на уровне индивидов, культурные зоны объясняют 19% дисперсии светских ценностей и 27% — эмансипативных ценностей. Таким образом, мы наблюдаем уровневый паттерн гравитации:

(1) Ценности индивидов концентрируются вокруг опорных точек их стран, отражая тот факт, что национальные общества развиваются как целостности, оставляя

⁴¹ Корреляция индивидуального уровня двух наборов ценностей: $r = .38$.

⁴² В обеих выборках стандартные отклонения равны 0,20 для эмансипативных ценностей и 0,19 для светских ценностей для периода с 1995 по 2005 гг.

⁴³ Кластерный анализ, выделяющий десять кластеров обществ, наиболее близких по двум наборам ценностей, показал, что 70% обществ, относящихся к одинаковым культурным зонам, попадают в один и тот же кластер. Таким образом, категоризация культурных зон дает результат, близкий к результату статистической процедуры кластерного анализа.

сходный отпечаток на всех своих членах. Это частично гомогенизирует культуры внутри обществ.

(2) Опорные точки стран в свою очередь притягиваются к опорным точкам культурных зон, отражая тем самым тот факт, что общества, принадлежащие к одинаковым культурным зонам, формировались под влиянием сходных исторических факторов. Таким образом, общества из одних и тех же культурных зон находятся на схожих путях развития.

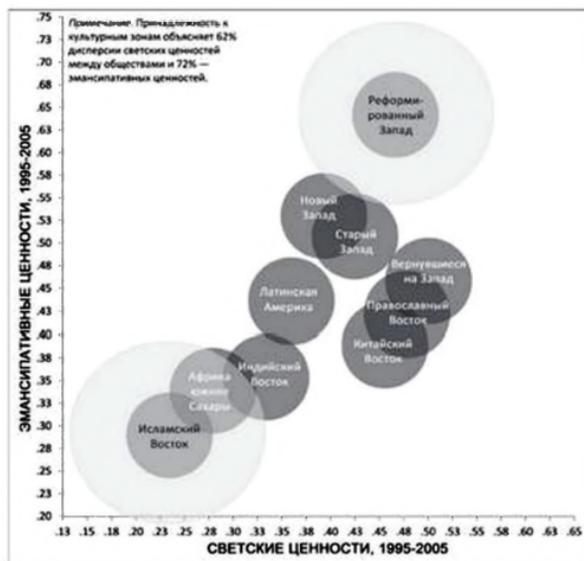

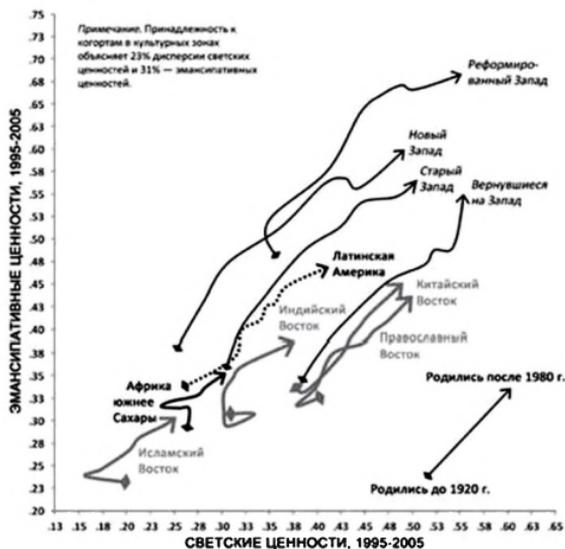
Рисунок 2.4. Зоны культур на мировой карте культур

Данные: Респонденты из 95 обществ, учествовавших хотя бы раз в МИЦ/ЕИЦ для каждого общества использовался последний из опросов. Общее число респондентов — 144381. Количество респондентов в различных культурных зонах: Исламский Восток — 21039, Индийский Восток — 16544, Китайский Восток — 8952, Православный Восток — 20727, Старый Запад — 12920, Реформированный Запад — 8150, Новый Запад — 8560, Вернувшиеся на Запад — 12796, Латинская Америка — 19184, Африка южнее Сахары — 17203. В каждой культурной зоне выборки введены до равного размера как одинаково важные элементы для агрегации, независимо от размера населения страны. Примечание: Круги вокруг Исламского Востока и Реформированного Запада показывают «орбиты», внутри которых находятся две трети респондентов, опрошенных в этих культурных зонах. Эти «орбиты» — почти одинакового размера для всех культурных зон.

Эти рассуждения предполагают, что ценности не статичны: они эволюционируют вместе с изменениями, которые сформировали культурные зоны. Хотя у нас и нет достаточно длинных временных рядов, чтобы проследить процесс изменения ценностей на больших временных промежутках, паттерны демографических когорт показывают важные закономерности. Они раскрывают направление изменений ценностей в прошлом данного общества (Inglehart, 1973, 1990, 1997, 2008; Inglehart & Welzel, 2005; Abramson, 2013). Такой вывод обоснован, потому что аль-

тернативная интерпретация когортных паттернов как эффектов жизненного цикла была окончательно опровергнута (Inglehart, 2008; Welzel, 2010; Abramson, 2013).

Исходя из этого, на рисунке 2.5 показана динамика ценностей на карте культур от самых старших к самым молодым когортам, отдельно для каждой из культурных зон. Самая старшая когорта в каждой культурной зоне включает людей, рожденных до 1920 г., а самая молодая — тех, кто родился после 1980 г. Между этими крайними точками траектории динамики ценностей показаны для последовательности когорт с десятилетними интервалами: от людей, рожденных между 1920 и 1930 гг. до тех, кто родился между 1970 и 1980 гг. Национальные выборки взвешены, чтобы они были одинакового размера в каждой культурной зоне. Для того чтобы сделать данные более сопоставимыми, я использую для каждого общества результаты последнего проведенного опроса.

Рисунок 2.5. Траектории движения демографических когорт на мировой карте культур
 Данные: Данные самого недавнего опроса в 95 обществах, хотя бы раз участвовавших в МИЦ/ЕИЦ. Национальные выборки в каждой культурной зоне взвешены до равного размера. Траектории показывают изменения ценностей от самой старшей когорты (люди, родившиеся до 1920 г.) до самой молодой когорты (люди, родившиеся после 1980 г.) — всего восемь когорт с интервалами в десять лет: когорта 1 — люди, родившиеся до 1920 г., когорта 2 — люди, родившиеся с 1921 по 1930 гг., когорта 3 — люди, родившиеся с 1931 по 1940 гг., когорта 4 — люди, родившиеся с 1941 по 1950 гг., когорта 5 — люди, родившиеся с 1951 по 1960 гг., когорта 6 — люди, родившиеся с 1961 по 1970 гг., когорта 7 — люди, родившиеся с 1971 по 1980 гг., когорта 8 — люди, родившиеся после 1980 г. Количество респондентов в культурных зонах показано на рисунке 2.4.

Если утверждение, что ценности старших когорт отражают культурную позицию страны в прошлом, верно, как предполагают существующие теории, то на рисун-

ке 2.5, действительно, изображены глобальные изменения культуры в последние восемьдесят лет (Inglehart & Abramson, 1999; Flanagan & Lee, 2003). Если мы согласимся с приведенным выше предположением, то вполне логично допустить, что изменение ценностей было однообразным: во всех культурных зонах это было движение от слабо выраженных светских и эмансипативных ценностей к сильно выраженным. Единственные различия — это стартовые точки и пройденная дистанция: стартовые точки ниже и пройденная дистанция меньше на Исламском Востоке и в Африке южнее Сахары, причем и сегодня эти культурные зоны находятся внизу диапазонов светских и эмансипативных ценностей. Более того, сейчас относительно других культурных зон они располагаются еще ниже, чем ранее. И все же тренд роста светских и эмансипативных ценностей очевиден даже среди стран Исламского Востока и Африки южнее Сахары.

Этот тренд выражен сильнее только для некоторых компонентов двух индексов ценностей, чем для других. В случае светских ценностей прогрессивная тенденция выражена сильнее всего для компонентов агностицизма и скептицизма. В случае эмансипативных ценностей — для компонентов выбора и равенства. Тем не менее прогрессивный когортный тренд отмечается, хотя и в меньшей степени, для всех компонентов двух наборов ценностей. Эти данные представлены в приложении 2.

Кластеризация стран в пространстве двух наборов ценностей также видна, если мы группируем общества по восходящим стадиям человеческой эмансипации. Напомним, что мы различаем три стадии человеческой эмансипации в отношении перехода к демократии: не-демократии, гибридные режимы и демократии. Точно так же, мы различаем три стадии человеческой эмансипации в терминах технологического прогресса: традиционные экономики, индустриальные экономики, экономики знаний. На рисунке 2.6 показаны центры притяжения для респондентов, живущих на трех стадиях человеческой эмансипации. Этот рисунок также показывает радиус орбит, внутри которых находятся две трети всех респондентов на каждой стадии. Диаграмма слева показывает это для стадий перехода к демократии, а правая — для стадий технологического прогресса.

Что касается стадий перехода к демократии, респонденты в *демократиях* обладают самыми высокими значениями светских ценностей (среднее: 0,45; стандартное отклонение: 0,08) и эмансипативных ценностей (среднее: 0,55; стандартное отклонение: 0,09). Напротив, у респондентов в *не-демократиях* — самые низкие значения светских (среднее: 0,32; стандартное отклонение: 0,11) и эмансипативных ценностей (среднее: 0,35; стандартное отклонение: 0,06). У респондентов в гибридных режимах — промежуточные значения по обоим индексам. Само собой, эти различия статистически значимы на 0,001 уровне (двусторонний критерий).

Для стадий технологического прогресса проявляется сходный паттерн. У респондентов в *экономиках знаний* — самые высокие значения светских ценностей (среднее: 0,45; стандартное отклонение: 0,07) и эмансипативных ценностей (среднее: 0,54; стандартное отклонение: 0,09). У респондентов из *традиционных экономик* — наиболее низкие значения светских ценностей (среднее: 0,29; стандартное отклонение: 0,07) и эмансипативных ценностей (среднее: 0,33; стандартное отклонение: 0,05). У респондентов из *индустриальных экономик* — промежуточные значения.

Если задать два вопроса: (а) какие ценности — эмансипативные или светские — варьируются сильнее в этих двух сферах человеческой эмансипации и (b) что больше влияет на вариацию двух наборов ценностей — переход к демократии или технологический прогресс, — то мы получим на них четкие ответы. Три стадии перехода к демократии объясняют 19 % дисперсии светских ценностей между странами и 55 % дисперсии эмансипативных ценностей; а три стадии технологического прогресса — 34 % дисперсии светских ценностей и 60 % эмансипативных ценностей. Эти данные позволяют сделать два вывода:

(1) технологический прогресс влияет на ценности людей сильнее, чем переход к демократии;

(2) эмансипативные ценности варьируются сильнее светских ценностей и в зависимости от стадии технологического прогресса, и в зависимости от стадии перехода к демократии.

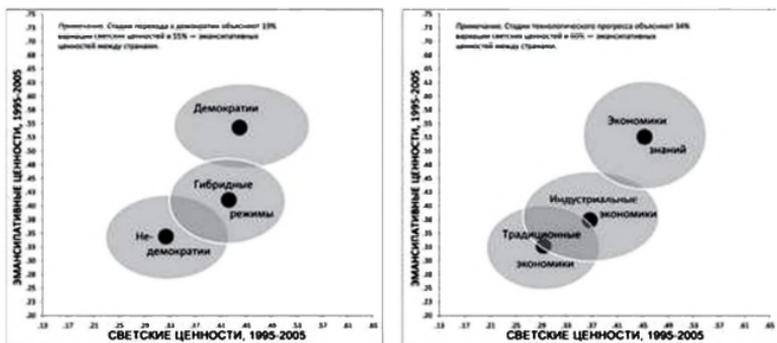

Рисунок 2.6. Глобальные различия ценностей в зависимости от перехода к демократии и технологического развития

Данные: Респонденты из 95 обществ, участвовавших хотя бы один раз в МИЦ/ЕИЦ; использовались данные самого недавнего опроса. Национальные выборки взвешены до равного размера (1000 респондентов). Затемненные эллипсы показывают «орбиты», внутри которых находятся две трети респондентов данной категории. На левой диаграмме количество респондентов: 38 000 — в 38 недемократических странах, 23 000 — в 23 странах с гибридными режимами, 33 000 — в 33 демократических странах. На правой диаграмме: 22 000 респондентов — в 22 традиционных экономиках, 30 000 — в 30 индустриальных экономиках, 42 000 — в 42 экономиках знаний. Чтобы узнать, к какой категории относятся различные страны, см. таблицу 1.1 во введении.

Эмансипативные ценности теснее, чем светские ценности, связаны с двумя другими (помимо мотивационной, которую они сами представляют) сферами эмансипации людей. Следовательно, эмансипативные ценности — более сильное, чем светские ценности, проявление человеческой эмансипации в сфере культуры.

Рисунки 2.3 и 2.4 показывают, что среди различных культурных зон Новый Запад — а внутри этой зоны, особенно США — отличается более низкий уровень светских ценностей, чем в других западных обществах. США также несколько уступают другим западным странам по силе эмансипативных ценностей. Но, если спроецировать на рисунке 2.3 линию регрессии, становится ясно, что ни Новый Запад

в целом, ни США в частности не являются статистическими выбросами из тренда положительной ассоциации между светскими и эмансипативными ценностями: эти общества оказываются внутри 95-процентного доверительного интервала корреляции между светскими и эмансипативными ценностями. С этой точки зрения, «американская исключительность» — это неоднозначная характеристика. С одной стороны, она верна, поскольку США — менее светское и менее эмансипативное общество, чем большинство других западных обществ. Но, с другой стороны, это некорректная оценка, потому что США соответствуют общему паттерну взаимосвязи светских и эмансипативных ценностей.

При подробном рассмотрении обнаруживается сильная гетероскедастичность этой взаимосвязи: вариация эмансипативных ценностей на высоких уровнях светских ценностей существенно выше, чем на низких уровнях светских ценностей. В самом деле, эта взаимосвязь похожа на паттерн, характерный для ситуации, когда переменная, расположенная на горизонтальной оси, действует как необходимое, но недостаточное условие для переменной, расположенной по вертикальной оси: очень высокие значения эмансипативных ценностей обнаруживаются, только если значения светских ценностей тоже высоки; однако значения эмансипативных ценностей не всегда высоки, если высоки светские ценности. Примером последнего положения могут служить общества Китайского Востока, Православного Востока и Вернувшиеся на Запад. На рисунках 2.3 и 2.4 видно, что в этих обществах высоки значения светских, но не эмансипативных ценностей.

Предположение, что светские ценности действуют как необходимое, но недостаточное условие для эмансипативных ценностей, соответствует тезису последовательного изменения ценностей Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005). Авторы утверждают, что переход от традиционных экономик к индустриальным приводит к росту светских ценностей, но затем этот процесс замедляется, и переход от индустриальных экономик к экономикам знаний вызывает рост уже не светских, а эмансипативных ценностей. Один из паттернов на рисунке 2.6 (правая диаграмма) подтверждает данный тезис: различия традиционных и индустриальных экономик — в два раза выше по светским ценностям, чем по эмансипативным (соответственно, 0,08 в сравнении с 0,04), в то время как различия индустриальных экономик и экономик знаний — выше как раз по эмансипативным ценностям (соответственно, 0,16 в сравнении с 0,08).

Идея светских ценностей как необходимого, но не достаточного условия развития эмансипативных ценностей имеет смысл. Эмансипация — это процесс, через который люди интернализируют контроль над своей жизнью. Чтобы это стало возможным, люди должны дистанцироваться от внешних источников власти. И в этом им помогают светские ценности. Очевидно, однако, что эта подготовительная работа светских ценностей не всегда завершается успехом: за ней не всегда следует рост эмансипативных ценностей. Я полагаю, что успех достигается только в том случае, если светские ценности являются результатом расширения ресурсов для действенной людей, однако светские ценности могут усиливаться и по другим причинам.

Это очевидно, если мы рассмотрим на рисунках 2.3 и 2.4 типы обществ, у которых высокие значения светских, но не эмансипативных ценностей. Все эти общества без исключения относятся или к Китайскому Востоку, или к Православному

Востоку, или к Вернувшимся на Запад. Господствующими идеологиями в этих культурных зонах были конфуцианство и коммунизм — обе, по сути, светские. Следовательно, общества, расположенные в нижней правой части рисунка 2.3, стали светскими не из-за роста ресурсов для действий, а по другим причинам. Это объясняет, почему высокий уровень светских ценностей в этих обществах не связан с высоким уровнем эмансипативных ценностей.

Данные результаты подтверждают, что светские ценности не связаны с человеческой эмансипацией так однозначно, как эмансипативные ценности. Поскольку человеческая эмансипация — главная тема этой книги, мы далее сосредоточим внимание на эмансипативных ценностях, а не на светских.

3.2. Вариация внутри стран

Различный социальный опыт влияет на мировоззрение людей. По этой причине я ожидаю обнаружить систематические различия ценностей у людей, обладающих определенным набором характеристик, который в свою очередь влияет на социальный опыт людей. К таким характеристикам относят социально-значимые биологические качества: пол, возраст и расу. К ним также относятся характеристики социально-экономического статуса человека, такие как: место жительства, род занятий, семейный доход и уровень образования.

Что касается эмансипативных ценностей, то, как следует из первой главы, члены групп с большим объемом ресурсов для действий сильнее ориентированы на эмансипативные ценности. Таким образом, можно ожидать, что респонденты с более социально одобряемым родом занятий, высоким семейным доходом и высоким уровнем образования будут предпочитать эмансипативные ценности. Поскольку такие группы сконцентрированы, как правило, в городах, а не в сельской местности, можно ожидать, что городские жители будут в большей степени ориентированы на эмансипативные ценности, чем сельские.

А как насчет выделяющихся этнических, языковых или религиозных меньшинств? Будут ли их ценности систематически отличаться от ценностей большинства? Теория эмансипации предполагает, что это зависит от социально-экономического статуса конкретных меньшинств по сравнению с большинством населения. Есть меньшинства, у которых он ниже, чем у большинства, но есть и такие, у которых он выше. Например, албанские и турецкие меньшинства в Юго-Восточной Европе, франкоговорящие группы в Канаде и Швейцарии, индейцы в Латинской Америке и афроамериканцы в США в среднем обладают более низким социально-экономическим статусом, чем большинство их сограждан. У них меньше ресурсов для действий, поэтому они должны меньше ориентироваться на эмансипативные ценности. С другой стороны, члены фламандского сообщества в Бельгии, каталонцы в Испании обладают в среднем более высоким статусом, чем большинство населения этих стран. Располагая большим количеством ресурсов для действий, эти меньшинства могут быть сильнее ориентированы на эмансипативные ценности, чем большинство их сограждан. Этот паттерн характерен не только для западных обществ. Так, китайские сообщества в Сингапуре и Малайзии должны в большей степени предпочитать эмансипативные ценности, чем малайское большинство в этих странах, так как в среднем их социально-экономическое положение лучше, чем у большинства.

Я предполагаю только одно исключение из этого правила. Если в прошлом группа с лучшими социально-экономическими условиями приобрела свой статус благодаря репрессиям, она может быть настроена реакционно. В этом случае она окажется менее ориентированной на эмансипативные ценности, несмотря на свой большой объем ресурсов для действий. Другими словами, если группа защищает свою монополию на определенные ресурсы, она будет ценить свободы только для себя, но не для других — в этом случае солидарность с другими людьми не проявится. Это должно ослабить эмансипативные ценности, потому что они направлены на всеобщие свободы. Возможный пример — белое меньшинство в Южной Африке. В среднем его члены располагают большими ресурсами для действий, чем темнокожее большинство, но исторически белые жители этой страны получили свой высокий статус посредством эксплуатации, что может ослабить их ориентацию на эмансипативные ценности. С целью обобщить эту идею, я выдвигаю следующую гипотезу: обладание ресурсами для действий подталкивает людей к предпочтению эмансипативных ценностей, только если эти ресурсы не были получены благодаря эксплуатации, оправдание и защита которой способствует реакционным воззрениям.

Что касается эффектов влияния возраста и гендера, то возможны противоречивые предположения. Из-за гендерной дискриминации женщины в среднем почти во всех обществах обладают меньшими ресурсами для действий, что должно ослабить их ориентацию на эмансипативные ценности. Но для преодоления дискриминации у женщин должен быть рациональный интерес к эмансипативным ценностям, особенно в отношении гендерного равенства. Это, напротив, должно усилить их ориентацию на эмансипативные ценности. Кроме того, исследования показывают, что женщины менее ориентированы на социальное доминирование, чем мужчины, и некоторые исследователи считают, что это различие закреплено эволюцией (Sidanius, Pratto & Bobo, 1994; Sidanius, Levin, Lin & Pratto, 2000). Поскольку эмансипативные ценности противоположны ориентации на социальное доминирование, сформированная эволюцией гендерная дифференциация может проявляться в большей ориентированности женщин на эмансипативные ценности.

Относительно эффектов влияния возраста также возможны противоречивые ожидания, в зависимости от того, считается ли возраст маркером эффектов жизненного цикла или когортных эффектов. Если возраст — это, в первую очередь, маркер эффектов жизненного цикла, то молодые люди должны ориентироваться на эмансипативные ценности меньше, чем люди старшего возраста в большинстве обществ. Причина в том, что у молодых людей обычно меньше ресурсов для действий: они еще не закончили получать образование или находятся в начале профессиональной карьеры, поэтому у них ниже доход, меньше сбережений и различного оборудования. С другой стороны, ученые указывают, что ценности людей определяются на стадии формирования личности в процессе социализации, а это примерно совпадает с подростковым возрастом и юностью (Inglehart, 1977; Dalton, 1996; Vollebergh, Idema & Raaijmakers, 2004). Если это верно, то, будут ли молодые люди ориентироваться на эмансипативные ценности больше, чем люди старшего поколения, будет зависеть от того, будет ли у них больше ресурсов для действий в период их юности по сравнению с предыдущим поко-

лением⁴⁴. Как мы уже знаем, объем доступных для людей ресурсов в последние десятилетия во всем мире расширился. Если эти условия были характерны для формативного периода социализации, тогда молодые люди должны предпочитать эмансипативные ценности в большей степени, чем люди старшего возраста.

С учетом вышесказанного, вопрос состоит в следующем: влияют ли гендер, демографические когорты, доход и образование на эмансипативные ценности *сходным образом во всех обществах*? Если это действительно так, возникает следующий вопрос: сближает ли принадлежность к одним и тем же социально-демографическим группам эмансипативные ценности людей, живущих в разных обществах?

Следующий набор диаграмм дает ответы на эти вопросы. На каждой из них показаны значения эмансипативных ценностей для двух противоположных групп в каждом обществе: с высоким и низким доходом, из старших и младших когорт, жителей городов и сельской местности. Если эти классификации построены на многопозиционных шкалах — я сопоставляю наиболее контрастные группы. Это должно повысить вероятность обнаружения реальных различий ценностей внутри обществ.

На каждой из диаграмм представлены «изолинии». Это диагональные линии, идущие из нижнего левого угла в правый верхний угол. Изолинии обозначают идентичные позиции по эмансипативным ценностям для двух сравниваемых групп. Таким образом, если две сравниваемые группы в данном обществе, например, женщины и мужчины, занимают одинаковые позиции по индексу эмансипативных ценностей, точка для данного общества будет находиться на изолинии. Вертикальное расстояние точки данного общества от изолинии показывает, на сколько пунктов шкалы эмансипативные ценности группы, размещенной по вертикальной оси, выше или ниже эмансипативных ценностей группы, отобразенной на горизонтальной оси. На каждом графике также показано две линии проекции. Они позволяют сопоставить наибольшую разницу эмансипативных ценностей *внутри* обществ с наибольшей разницей между обществами.

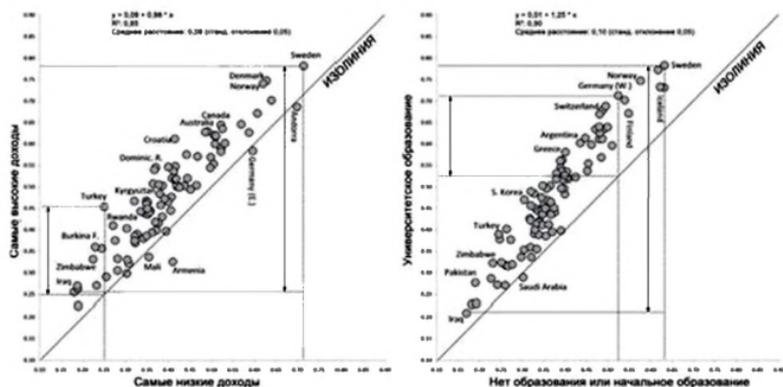
Графики в приложении 2 и на рисунках 2.7 и 2.8 демонстрируют удивительно схожие паттерны для всех стран мира. Один из графиков в приложении 2 показывает сопоставление эмансипативных ценностей мужчин и женщин для каждого общества. Эти точки находятся практически на прямой линии: и в тех обществах, в которых женщины наиболее сильно ориентированы на эмансипативные ценности, и в тех, где наиболее ориентированы женщины. Действительно, вариация этих ценностей между обществами на 98% идентична для женщин и мужчин. Мы также видим, что почти во всех из исследованных нами девяноста пяти стран женщины сильнее ориентированы на эмансипативные ценности, чем мужчины. Это очевидно исходя из того, что почти все точки, представляющие общества, расположены выше изолинии, — исключений очень немного.

То, что женщины в большей степени, чем мужчины, придерживаются эмансипативных ценностей, представляется «антропологической универсалией»⁴⁵. Однако

⁴⁴ Я предполагаю, что наряду с влиянием родителей эмансипативные ценности подростков определяются не столько теми ресурсами для действий, которыми располагают сами подростки, сколько тем, какие ресурсы в их представлении доступны для «типичного» взрослого из их референтной группы.

⁴⁵ Более высокие значения эмансипативных ценностей у женщин объясняются исключительно тем, что гендерное равенство — один из компонентов эмансипативных ценностей. Если этот компонент исключить, то гендерные различия эмансипативных ценностей становятся неоднозначными, небольшими и в основном незначительными.

эта разница между ориентированностью женщин и ориентированностью мужчин на эмансипативные ценности очень мала и почти не варьируется. В среднем, значения эмансипативных ценностей у женщин превышают значения у мужчин всего на 0,02, что находится в пределах ошибки выборки. Таким образом, дифференциация эмансипативных ценностей среди мужчин почти полностью воспроизводится и среди женщин (и наоборот), что означает: гендер ни в коей мере не способствует гомогенизации эмансипативных ценностей между обществами. Поэтому неудивительно, что самая большая гендерная разница, которую мы обнаружили в наших девятистах пяти странах (в Саудовской Аравии), в восемь раз меньше, чем самая большая разница предпочтения эмансипативных ценностей только женской частью населения различных стран. Среднее значение этих ценностей среди саудовских женщин — 0,32, среди саудовских мужчин — 0,25, эта разница в 0,07 статистически значима. А если сравнить средние значения для женщин из разных обществ, оказывается, что самая высокая ориентация на эмансипативные ценности — у шведских женщин (0,76), а у иракских женщин ее значение составляет лишь 0,18, что дает разницу в 0,58.

Рисунок 2.7. Межгрупповые различия по показателям эмансипативных ценностей по странам (полярные группы по уровню образования и дохода)

Данные: Респонденты с валидными данными из 95 обществ, участвовавших хотя бы один раз в МИЦ/ЕИЦ; использовались данные самого недавнего опроса (1995–2005 гг.).

Примечания: Длина линий проекции с двумя стрелками позволяет сравнить (а) небольшую разницу ИЭЦ между двумя противоположными группами внутри общества и (б) наибольшую разницу ИЭЦ между одной и той же группой в двух разных обществах. Видно, что второе значение существенно больше, чем первое.

Рассматривая различия эмансипативных ценностей среди демографических когорт, мы обнаруживаем еще большую степень однообразия паттерна дифференциации: во всех обществах без исключения люди, рожденные после 1970 г., больше ориентированы на эмансипативные ценности, чем те, кто родился до 1950 г. Это становится очевидным из того факта, что все точки-общества на соответствующем графике в приложении 2 расположены выше изолинии. И снова можно отметить, что гомогенизации эмансипативных ценностей в молодых когортах разных обществ

не произошло. Напротив, различия ценностей между обществами в старших когортах сохраняются и в молодых когортах. Общая вариация эмансипативных ценностей между обществами в самых молодых и самых старших когортах составляет 89%. Самая большая разница эмансипативных ценностей среди когорт внутри общества обнаружилась в Германии, где она составила 0,20: среднее значение ИЭЦ для немцев, рожденных после 1970 г. — 0,70, а для немцев, рожденных до 1950 г. — 0,50. Однако наибольшая разница уровня эмансипативных ценностей среди молодых когорт из разных обществ — в два с половиной раза выше и составляет 0,50: среднее значение ИЭЦ для молодых шведов — 0,75, а для молодых пакистанцев — 0,25.

Паттерны оказались сходными и для других различий эмансипативных ценностей, связанных с обладанием определенным набором характеристик, включая место жительства и род занятий, а также доход и образование (данные представлены в приложении 2). С очень немногочисленными исключениями мы обнаружили в наших более чем девяноста странах, что эмансипативные ценности выше у городских респондентов по сравнению с сельскими, у «белых воротничков» — в сравнении с «синими воротничками», у лиц с высоким доходом — в сравнении с теми, у кого низкий доход, и среди респондентов с университетским образованием в сравнении с теми, у кого низкий уровень образования. Это практически всеобщие паттерны. Еще раз повторяюсь, что групповые характеристики внутри обществ не гомогенизируют эмансипативные ценности, то есть не уменьшают их различия между обществами. Напротив, различия эмансипативных ценностей между обществами в одной группе в существенной степени воспроизводятся и в противоположной группе, что отражается в высокой общей дисперсии эмансипативных ценностей в противоположных группах: 77% для групп, различающихся по месту жительства, 96% — по роду занятий, 85% — по доходу и 90% — по образованию.

В любом случае, самое большое различие уровня эмансипативных ценностей для любой из групповых характеристик, даже если сравниваются наиболее контрастные группы, всегда гораздо меньше, чем наибольшее различие этих ценностей между обществами для людей, принадлежащих к одной и той же группе.

Данный паттерн сохраняется и в том случае, когда изучаются этнические, лингвистические и религиозные различия для каждой из стран. На рисунке 2.8 показаны такого рода различия, если они оказались существенными: сопоставляются значения наиболее важных меньшинств со значениями большинства населения.

Отражая специфику исторически сложившихся конфигураций меньшинств, рисунок 2.8 позволяет сопоставить различия между меньшинствами и большинством населения в данном обществе. В некоторых обществах это этнические различия: например, в Малайзии и Сингапуре наиболее значимое меньшинство — это этнические китайцы, в Южной Африке — этнические «белые», а в США — темнокожие. Некоторые из различий — языковые, например, между теми, кто говорит на французском и на фламандском языке в Бельгии или между франкоговорящими и англоговорящими в Канаде. Некоторые из различий — одновременно и языковые, и региональные: например, между итальянскими, французскими и немецкими кантонами в Швейцарии. Есть и этно-лингво-региональные различия: например, между курдами и турками в Турции, курдами и иракцами в Ираке, турками и болгарами в Болгарии. В других случаях основные различия — религиозные.

В Нидерландах и Германии это протестанты и католики, в Нигерии — христиане и мусульмане, в Индии — индуисты и мусульмане, в Иране — мусульмане-шииты и мусульмане-сунниты.

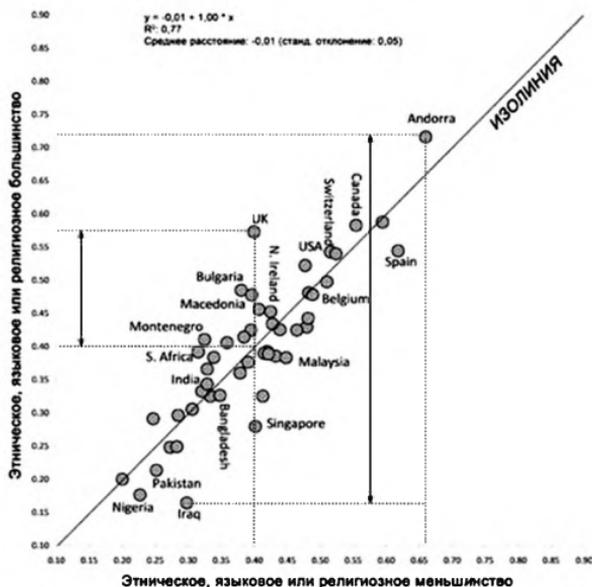

Рисунок 2.8. Межгрупповые различия по показателям эмансипативных ценностей по странам (этничность, язык, религия)

Данные: Респонденты из 95 обществ, участвовавших хотя бы раз в МИЦ; использовался самый недавний опрос. Показаны те общества, в которых существенная доля респондентов сообщила о принадлежности к достаточно многочисленному этническому, языковому или религиозному меньшинству.

Примечание: Длина отрезков линий проекции с двумя стрелками позволяет сравнить (а) наибольшую разницу ИЗЦ между большинством и меньшинством внутри общества и (б) наибольшую разницу ИЗЦ между респондентами, принадлежащими к большинству населения, в двух странах. Как и на предыдущей диаграмме, разница между обществами значительно превышает разницу внутри общества.

Паттерн этно-лингво-религиозных различий достаточно сложный. Он не позволяет сделать общий вывод о том, связана ли принадлежность к меньшинствам с сильными и слабыми эмансипативными ценностями. Но если известно, лучше или хуже экономическое положение меньшинства в сравнении с большинством, можно довольно точно предсказать, какими будут различия эмансипативных ценностей. Если положение меньшинств предпочтительнее — они в большей степени ориентированы на эмансипативные ценности, чем большинство населения.

Например, точка для Ирака отображает эмансипативные ценности курдского меньшинства в сравнении с иракскими арабами. Положение курдов улучшилось, так как после вторжения США в Ирак они перестали подвергаться притеснениям.

и, в отличие от арабов в Ираке, им не угрожают атаки террористов-самоубийц. Соответственно, среднее значение ИЭЦ для курдского меньшинства — 0,29, на 0,13 выше, чем для арабского большинства (0,16).

Обнаруживаются также и меньшинства, более, чем большинство, ориентированные на эмансипативные ценности, например, в Малайзии и Сингапуре. Там меньшинства — это этнические китайцы, экономическое положение которых лучше, чем у малайского большинства в этих обществах. По этой причине, среднее значение ИЭЦ для китайского меньшинства — 0,40 в Сингапуре и 0,45 в Малайзии, в сравнении с 0,26 и 0,38 соответственно для малайского большинства в этих двух обществах.

В Испании положение меньшинства занимают каталонцы, экономическое положение которых в среднем лучше, чем у кастильского большинства. Соответственно, среднее значение ИЭЦ для каталонского меньшинства — 0,62 в сравнении с 0,55 для кастильского большинства.

Экономическое положение албанских меньшинств в Македонии и Черногории, как и турецкого меньшинства в Болгарии, значительно хуже, чем у большинства населения, и в этом случае выясняется, что статус представителя меньшинства снижает ориентацию на эмансипативные ценности: в Македонии среднее для меньшинства 0,39, для большинства — 0,45, в Черногории — соответственно, 0,32 и 0,41.

Данный паттерн наиболее отчетливо проявился в Великобритании, где положение меньшинства занимают иммигранты из Индии, Пакистана и Бангладеш. В среднем их экономическое положение хуже, чем у «белого» большинства британцев, поэтому ориентация на эмансипативные ценности у представителей этого меньшинства ниже (0,40), чем у большинства (0,58). Эта разница ценностей — не просто результат импорта культурных различий через миграцию населения. Мигранты отличаются от «коренных» жителей по степени предпочтения эмансипативных ценностей из-за неодинакового доступа к ресурсам для действий: до контроля семейного дохода, образования и информационной включенности. Наличие одного родителя мигранта снижает уровень ИЭЦ на 0,05, а двух родителей — на 0,10, — небольшой, но значимый эффект. Однако если контролируются указанные выше переменные, то эти эффекты снижаются, соответственно, до 0,01 и 0,02. Это гораздо ниже, чем эффекты влияния ресурсов для действий на дисперсию эмансипативных ценностей⁴⁶.

Еще один яркий пример ситуации, когда представители меньшинства из-за своей худшей экономической ситуации менее ориентированы на эмансипативные ценности — это чернокожие граждане США: для них среднее значение ИЭЦ — 0,46, а для белого большинства — 0,53. То же относится и к франкоговорящим респондентам из Бельгии, Канады и Швейцарии.

Однако гипотеза о том, что экономически более благополучное меньшинство будет сильнее, чем большинство, ориентировано на эмансипативные ценности, подтверждается, только если меньшинство не приобрело свое превосходство благодаря эксплуатации большинства в историческом прошлом. Наиболее очевиден

⁴⁶ Это результаты многоуровневой регрессии на данных 50 000 респондентов из пятидесяти обществ. Анализ ограничивается только пятой волной ИИЦ, потому что вопросы о родителях-мигрантах по происхождению впервые задавались только в этой волне.

пример белого меньшинства в Южной Африке, говорящего на языке африкаанс и экономически гораздо более благополучного, чем представители темнокожего большинства населения. Очевидно, что меньшинство в этом случае обязано своим процветанием эксплуатации темнокожего большинства при режиме апартеида. Разница между средним ИЭЦ для белого большинства (0,31) и темнокожего меньшинства (0,39) статистически значима⁴⁷.

Случай Северной Ирландии также соответствует данному паттерну. Члены меньшинства, принадлежащие к Протестантской Свободной Церкви, экономически благополучнее представителей католического большинства, но это не приводит к большей ориентированности североирландских протестантов на эмансипативные ценности, поскольку и в этом случае благополучный статус меньшинства связан с историей репрессий против большинства. Соответствующие средние значения ИЭЦ — 0,42 для протестантского меньшинства и 0,45 для католического большинства.

Несмотря на эти сложные паттерны, в целом, остается верным, что различия в предпочтении эмансипативных ценностей между странами в основном сохраняются, если сравнивать меньшинства по значимым этническим, языковым и религиозным отличиям. В самом деле, различие между большинством респондентов в двух данных странах практически тождественное различию между странами по ИЭЦ в целом, на 77 % воспроизводится в предпочтениях меньшинств. Еще раз повторюсь, что наибольшее различие между меньшинством и большинством, которое мы обнаружили (0,17 в Великобритании) гораздо меньше, чем наибольшее различие средних эмансипативных ценностей между странами — 0,50.

Вариация эмансипативных ценностей внутри обществ зависит от принадлежности респондентов к различным социальным группам. Но эти различия ограничены отчетливыми «орбитами» вокруг «центра притяжения», опорной точки данной страны в пространстве эмансипативных ценностей. Таким образом, принадлежность к стране влияет на ценности людей гораздо сильнее, чем даже самые значимые социально-демографические различия внутри обществ. Сравнение ценностей на уровне обществ — оправданно и дает важные результаты.

Ключевые положения

Мы увидели, что эмансипативные ценности могут измеряться на индивидуальном уровне и на уровне общества. Результаты этих измерений демонстрируют значительные различия между обществами из различных культурных зон. Кроме того, различия в степени согласованности эмансипативных ценностей между обществами вызваны не прозападным культурным смещением их концепта, но отражают различия в степени когнитивной мобилизации обществ — интеллектуального аспекта человеческой эмансипации. Эти результаты подчеркивают валидность эмансипативных ценностей как индикатора менталитета, проявляющегося вместе с ростом эмансипации. Помимо этого, средние значения этих ценностей для населения данной страны — валидный индикатор культурной опорной точки данного общества для этих ценностей.

⁴⁷ Нужно отметить, что данный паттерн относится не ко всем белым южноафриканцам, а только к тем, кто был опрошен на языке африкаанс. Возможно, использование африкаанс отражает продолжающуюся идентификацию респондентов с апартеидом.

Взаимосвязь эмансипативных ценностей и светских ценностей не вполне линейная. Светские ценности — необходимое, но недостаточное условие. Эмансипативные ценности сильны, но не всегда, только в том случае, если светские ценности сильны. Если мы интерпретируем эмансипацию как процесс освобождения людей от внешней власти, чтобы получить внутренний контроль над своей жизнью, то это освобождение, проявляющееся в светских ценностях, представляется необходимым для процесса интернализации контроля, появляющегося с эмансипативными ценностями. Это обязательное, но недостаточное условие особенно если секуляризация достигается благодаря историческим силам, не связанным с процессом человеческой эмансипации. Примеры — конфуцианство и коммунизм: эти факторы повлияли на культурную позицию обществ таким образом, что тесная связь между светскими и эмансипативными ценностями оказалась разорванной. По этой причине эмансипативные ценности значительно лучше, чем светские, представляют культурный аспект процесса эмансипации людей. Это оправдывает сосредоточение основного внимания на них в следующих главах этой книги.

По сравнению с альтернативными показателями культуры, включая коллективизм — индивидуализм, укорененность — автономию, «жесткость» — «мягкость», черты личности «большой пятерки» и ориентации на социальное доминирование, — качество измерения эмансипативных ценностей выше, потому что для всех стран используются репрезентативные выборки. Кроме того, эмансипативные ценности сильнее, чем альтернативные индикаторы, коррелируют с другими индикаторами человеческой эмансипации. Следовательно, эмансипативные ценности — это наиболее валидный индикатор культурного аспекта человеческой эмансипации.

Некоторые социальные характеристики, такие как пол, демографические когорты, доход, образование и род занятий, сходным образом влияют на эмансипативные ценности, а именно: группы людей, члены которых контролируют больше ресурсов для действий, в большей степени ориентированы на эмансипативные ценности, чем группы, обладающие меньшим контролем над ресурсами, при условии, что группа с большей степенью контроля не получила свое преимущество благодаря эксплуатации других групп в прошлом. Однако подобные групповые характеристики не приводят к гомогенизации эмансипативных ценностей в разных обществах. Напротив, различия этих ценностей между обществами явно превосходят их вариацию внутри обществ. Этот паттерн демонстрирует, насколько сильно жизненные условия людей диктуются социальными факторами.

Наконец, средние значения эмансипативных ценностей для обществ существенно отличаются в различных культурных зонах. С одной стороны, это подчеркивает, что средние значения этих ценностей — важные индикаторы культурных различий. С другой стороны, нам в дальнейшем необходимо выявить, чем объясняются различия эмансипативных ценностей между культурными зонами. Эта проблема будет исследоваться в следующей главе.

Глава 3. Многоуровневые факторы

Нет дугой такой могучей силы, как идея, для которой настало время.
Зверегт Дирксен

Введение

В главе 1 объяснялась теоретическая значимость эмансипативных ценностей, а в главе 2 было показано, как эти ценности измеряются и как они распределяются в различных социальных группах и обществах. В трех разделах главы 3 будут изучены социальные силы, определяющие эмансипативные ценности на разных уровнях реальности: на уровне отдельных индивидов, на уровне обществ-стран и на уровне культурных зон.

В первом разделе пристальное внимание уделяется двум универсальным детерминантам эмансипативных ценностей: демографическим когортам и образованию. Я показываю, как эмансипативный импульс этих характеристик усиливается, если в обществе есть достаточные ресурсы для действий. Во втором разделе эта тема развивается с помощью многоуровневых моделей. Они показывают, что именно та часть ресурсов для действий, которая доступна для большинства людей в данном обществе, — а не те ресурсы, которых у каких-то индивидов больше, чем у других, — усиливает эмансипативные ценности. Среди трех типов ресурсов для действий материальные ресурсы усиливают эмансипативные ценности в меньшей степени, нежели интеллектуальные и коммуникативные. В третьем разделе рассматривается формирующее влияние культурных зон на эмансипативные ценности.

До сего времени ученые почти не пытались выяснить, какие именно характеристики культурных зон обладают таким формирующим влиянием. Как мы увидим, в действительности влияние культурных зон на эмансипативные ценности связано с различиями в объеме ресурсов для действий, которые на самом деле определяют ценности. Более того, тестируя «тезис источника» теории эмансипации, я показываю, что различия культурных зон в способности обеспечивать ресурсы для действий связаны с их природными ресурсами и особенностями.

1. Социальные детерминанты ценностей

В главе 2 было показано, что различные групповые характеристики дифференцируют эмансипативные ценности. Среди этих характеристик выделяются принадлежность к демографическим когортам и уровень образования. Эти два параметра особенно интересны, потому что они отражают социальные изменения: когорты постоянно замещают друг друга, уровень образования в последние тридцать лет постоянно повышается, и доступ к нему расширяется почти во всех странах мира (см. рисунок 1.1). Таким образом, представляется важным подробно проанализировать влияние демографических когорт и образования.

1.1. Демографические когорты

Ценности мотивируют людей использовать различные стратегии для управления своей жизнью (Kluckhohn, 1951; Rokeach, 1973; Schwartz, 1992): это долгосрочные ориентации, определяющие личную идентичность людей. Следовательно, изменить

ценности людей непросто. На самом деле, ценности людей изменить еще труднее по мере взросления индивида, потому что с возрастом увеличивается количество лет, которые люди посвятили реализации своей идентичности и определяющих ее ценностей (Inglehart, 1977, 1990; Flanagan, 1987; Flanagan & Lee, 2001; Flanagan & Lee, 2003). И, наоборот, ценности молодых людей трансформируются легче, чем у людей старшего возраста. Это приводит к определенным следствиям относительно эффектов ресурсов для действий на эмансипативные ценности: когда ресурсы для действий увеличиваются в равной степени для всех демографических когорт, эмансипативные ценности больше усиливаются у молодых когорт по сравнению со старшими. Следовательно, если увеличение объема ресурсов для действий способствует подьсму эмансипативных ценностей, этот процесс всегда проявится в исследованиях населения методом поперечных срезов, когда бы они ни проводились: в любой момент времени молодые когорты будут сильнее ориентированы на эмансипативные ценности, чем более старшие. И так, даже если у нас нет лонгитюдных данных, когортный паттерн даст представление о направлении и степени изменений ценностей, показывая, какими были ценностные ориентации общества в прошлом.

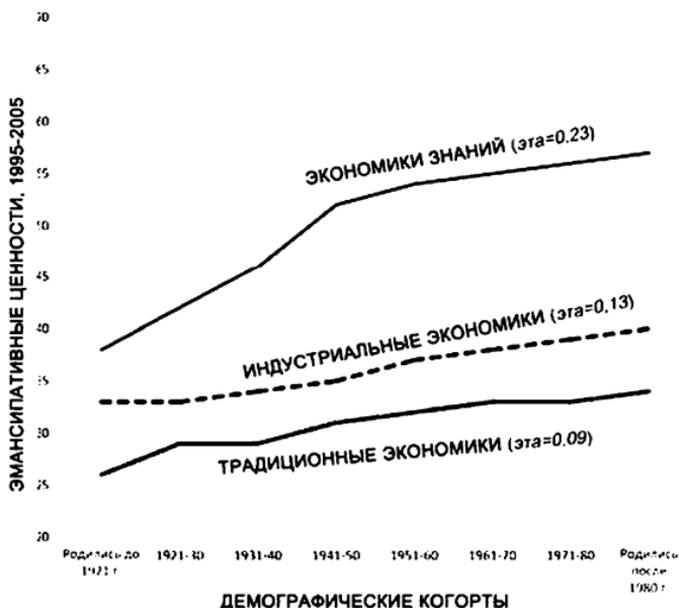
Рисунок 3.1 демонстрирует, как демографические когорты дифференцируют эмансипативные ценности людей во всех обществах, в которых люди контролируют разный объем ресурсов для действий. Чтобы различать общества с малым, средним и высоким объемом ресурсов для действий, я делю их на общества с традиционной экономикой, индустриальной экономикой и экономикой знаний. Очевидно, что люди во всех демографических когортах сильнее ориентированы на эмансипативные ценности, если они живут в более технологически развитых обществах. Независимо от принадлежности к той или иной когорте люди в экономиках знаний более ориентированы на эмансипативные ценности, чем респонденты из обществ с индустриальной или традиционной экономиками.

Интересно, что эффект влияния технологического прогресса на рост эмансипативных ценностей почти в два раза больше при переходе к экономике знаний от индустриальной экономики, чем при переходе от традиционной экономики к индустриальной. Таким образом, предполагается, что с ростом технологического прогресса его «предельное влияние» на эмансипативные ценности увеличивается.

Технологический прогресс повышает эмансипативные ценности независимо от того, к какой когорте по дате рождения принадлежат люди. Однако демографические когорты важны: молодые когорты, независимо от технологического прогресса, в большей степени, чем старшие, ориентированы на эмансипативные ценности во всех типах обществ. Это важный результат, который раскрывает общую тенденцию динамики эмансипативных ценностей.

Технологический прогресс не просто действует в том же направлении, что и эффект влияния демографических когорт, — он его усиливает. Замещение старших когорт молодыми в большей степени усиливает эмансипативные ценности в экономиках знаний ($\eta = 0,23$), чем в индустриальных экономиках ($\eta = 0,13$), а также в индустриальных экономиках в сравнении с традиционными экономиками ($\eta = 0,09$)⁴⁴.

⁴⁴ Эта (греческая; η) — мера ассоциации, подобная коэффициенту корреляции; высокие коэффициенты показывают более сильную ассоциацию. В отличие от корреляционного коэффициента r , η всегда имеет положительные значения, даже в случаях негативной ассоциации.

Рисунок 2.1. Влияние на эмансипативные ценности принадлежности к демографической когорте в зависимости от технологического развития

Данные: Респонденты с валидными данными из всех 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ, причём для каждого из обществ используются самые последние данные, а выборки взвешены до одинакового размера ($N = 1000$ в каждой из выборок). Количество наблюдений (N): 22 000 респондентов — в 22 традиционных экономиках, 30 000 — в 30 индустриальных экономиках, 42 000 — в 42 экономиках знаний.

Примечательно, что подъём эмансипативных ценностей с замещением когорт постепенно замедляется в экономиках знаний: вплоть до когорты респондентов, рожденных с 1941 по 1950 гг., этот подъём крутой, затем рост продолжается, но становится более пологим. Изменение крутизны тренда совпадает с появлением первой когорты, члены которой родились уже после двух мировых войн. Я интерпретирую этот паттерн так: в сегодняшних обществах знаний прирост ресурсов для действий был выше для послевоенных когорт по сравнению с довоенными, а затем, когда сравнялись ранние послевоенные когорты с более поздними, он уменьшился. Проще говоря, молодые взрослые в 1970 г. были богаче, образованнее и обладали большими ресурсами для коммуникации, чем молодые взрослые в 1940 г.; точно так же молодые взрослые в 2000 г. — богаче, образованнее и обладают большими коммуникативными ресурсами, чем та же когорта в 1970 г.; но прирост этих ресурсов в период с 1940 по 1970 гг. был существенно больше, чем в период с 1970 по 2000 гг.

1.2 Формальное образование

Технологический прогресс повышает контроль обычных людей над ресурсами для действий. Ресурсы для действий в свою очередь развивают человеческую эмансипацию, потому что расширяют возможности реализовывать свободы. Один из типов ресурсов для действий — это интеллектуальные ресурсы, и образование увеличивает этот тип ресурсов. Образование улучшает навыки людей перерабатывать информацию и самим принимать решения. Также образование дает людям больше информации о различных возможностях. Таким образом, люди с высоким уровнем образования обычно способны эффективнее пользоваться свободами. Кроме того, поскольку образование повышает осведомленность, образованные люди лучше понимают свои преимущества. Соответственно, образование повышает как реальную, так и осознаваемую полезность свобод. По этой причине образование способствует стремлению людей к достижению эмансипативных ценностей. Как показывает рисунок 3.2, это верно для всех культур, несмотря на большие различия в сущности и структуре образования в разных культурах.

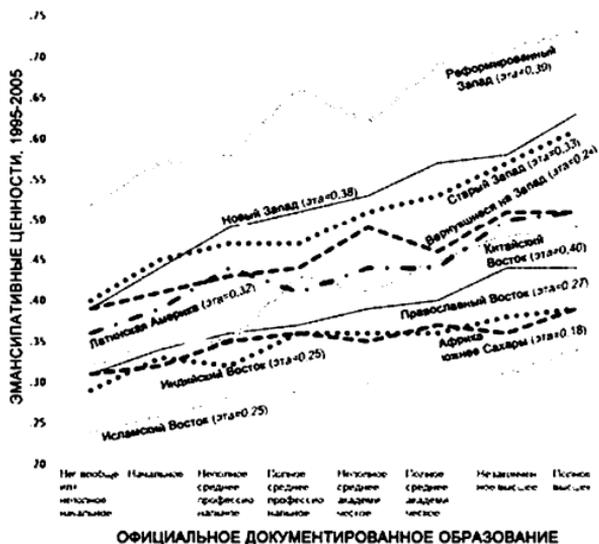

Рисунок 3.2. Влияние уровня образования на эмансипативные ценности в различных культурных зонах

Данные: Респонденты с валидными данными из всех 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ, причем для каждого из обществ используются самые последние данные, а выборки взвешены до одинакового размера ($N = 100$ в каждой из выборок). Количество наблюдений (N): 25 951 — Исламский Восток, 16 988 — Индийский Восток, 8 837 — Китайский Восток, 20 269 — Православный Восток, 13 471 — Старый Запад, 8 047 — Реформированный Запад, 8 466 — Новый Запад, 11 585 — Вернувшиеся на Запад, 17 007 — Африка южнее Сахары, 19 155 — Латинская Америка. Среднее стандартное отклонение для каждой из категорий образования — 0,20 пункта шкалы эмансипативных ценностей.

Хотя образование делает людей более эмансипированными в каждом обществе, это происходит только относительно «центра притяжения», опорной точки эмансипативных ценностей каждого общества. Например, обладание университетским дипломом может привести к росту ценностей респондента на 0,10 в сторону более эмансипированной позиции в сравнении с опорной точкой общества. Однако если опорная точка эмансипативных ценностей в обществе в одном случае — 0,25 (как в Ираке), а в другом — 0,75 (как в Швеции), эмансипативные ценности двух типичных выпускников университетов будут отличаться очень существенно: на 0,50 (0,35 для типичного иракского выпускника и 0,85 для типичного шведского).

Было бы упрощением предположить, что эффект образования на эмансипативные ориентации одинаков для каждого общества. В принципе, есть веские основания полагать, что даже если этот эффект будет одинаков по *направленности*, он не должен быть таковым по *силе*. Вместо этого эмансипативный эффект образования должен расти по мере преобладания образованности в обществе.

Причина этого — *социальное взаимное обогащение [social cross-fertilization]*. Если у какой-либо характеристики индивида есть сущностный импульс, подобный эмансипативному импульсу образования, он становится тем сильнее, чем данная характеристика (например, образование) преобладает в обществе. Это феномен социального взаимного обогащения: преобладающая в обществе образованность увеличивает внутренний эмансипативный импульс на уровне индивидов, и в итоге их эмансипативные ценности становятся сильнее, чем предполагает уровень образования в отдельности (см. вставку 3 ниже).

Вставка 3: Социальное взаимное обогащение и взаимные блага

Социальное взаимное обогащение — это распространенный феномен, который, однако, часто игнорируется. Взаимное обогащение типично для взаимных благ [*reciprocal goods*], которые растут через взаимное признание. Акцент на всеобщих свободах, который определяет эмансипативные ценности, — как раз такой случай: уважать свободы других людей легче, если другие люди отвечают тем же и в свою очередь уважают свободы окружающих.

Мы видели, что в каждом обществе индивиды с высоким уровнем образования сильнее ориентировались на эмансипативные ценности, чем люди с невысоким образовательным уровнем. — следовательно, это эмансипативная тенденция, присущая образованию. Взаимное обогащение в этом случае означает, что эмансипативная тенденция индивидуального образования усиливается благодаря преобладанию образованности в обществе данного индивида.

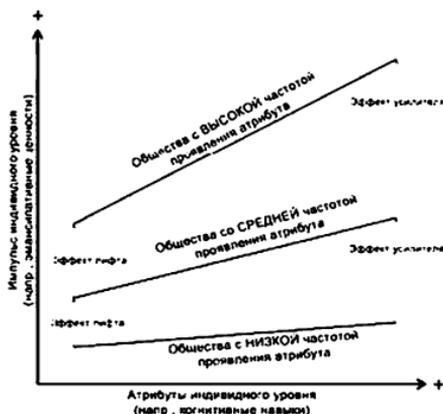
Это происходит через два механизма: социальное подтверждение среди людей высокообразованных и социальное заражение среди людей с невысоким образованием. Оба механизма действуют при условии, что большинство лю-

дей (а) подают сигналы о своих социальных характеристиках и (б) получают сигналы от других людей, что позволяет достаточно четко понимать, какие характеристики преобладают в обществе.

Таким образом, когда образование и образованность начинают преобладать в обществе, эмансипативные тенденции, присущие образованию, чаще посылают сигналы, и эти сигналы чаще принимаются. Люди с высоким уровнем образования особенно сильно ощущают поддержку своих эмансипативных тенденций и поэтому следуют им свободнее. Это механизм *социального подкрепления*. Оно «усиливает» эмансипативные тенденции высокого образования. На гипотетической линейной диаграмме, представленной на рисунке 3.3, эффект усилителя [*amplifier effect*] отображен изменением углов наклона линий тренда от обществ с меньшим преобладанием образования к обществам с его большим преобладанием, — это означает, что в последних разница образовательного уровня двух индивидов вызывает большую разницу их эмансипативных ценностей. В многоуровневых моделях усилительные эффекты проявляются как вариация «наклонов» линий трендов: углов, отображающих, как эффект образования на эмансипативные ценности повышается с распространением образованности в обществе.

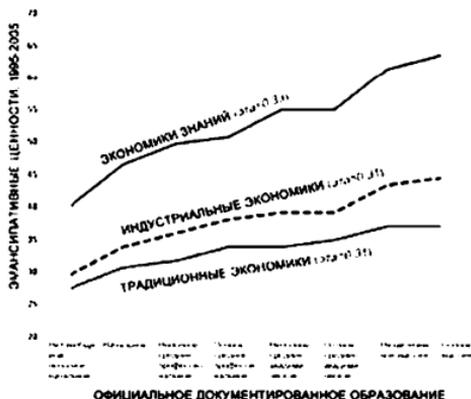
По мере того как образование становится более распространенным, каждый индивид чаще подвергается влиянию эмансипативных эффектов образования. Это подразумевает и сокращение сегмента людей, чей низкий уровень образования не содержит эмансипативного импульса. Чтобы не отстать от окружающего их общества, даже эти люди начинают перенимать некоторые эмансипативные тенденции. Это механизм *социального заражения*. Оно «приподнимает» эмансипативные ценности каждого индивида выше того уровня, который обуславливает его собственный образовательный уровень. На гипотетической диаграмме на рисунке 3.2 эффект лифта [*elevator effect*] отображается увеличением высоты расположения линий трендов от обществ с низким уровнем образования до обществ с высоким уровнем. В многоуровневых моделях эффект лифта проявляется в увеличении значения свободных членов регрессионного уравнения (интерсептов): уровень (интерсепт), при котором образование начинает влиять на эмансипативные ценности, растет с ростом степени преобладания образования в обществе.

И эффект усилителя, и эффект лифта повышают степень влияния данной характеристики в сравнении с уровнем ее присутствия у индивидов. В этом смысле мы имеем дело с подлинными эффектами контекста, через которые и следует анализировать культурные феномены. Культура, по своей сути, контекст: она указывает на распространенность тех или иных паттернов социальных характеристик и их психологические тенденции.

Рисунок 3.3. Концепция социального взаимного обогащения

Примечание: Эта концептуальная схема иллюстрирует часто встречающийся, но недостаточно теоретически осмысленный феномен: кросс-фертилизацию импульса атрибута на индивидуальном уровне благодаря преобладанию того же атрибута на уровне общества. Кросс-фертилизация проявляется в эффектах усилителя и лифта. Эффект лифта происходит, когда социальное преобладание атрибута повышает его импульс у всех индивидов, независимо от того, обладают ли они сами этим атрибутом. Эффект усилителя происходит, когда социальное преобладание атрибута усиливает его импульс у носителей атрибута. Эффект усилителя отражает механизм социального подтверждения, а эффект лифта — механизм социального заражения.

Рисунок 3.4. Влияние уровня образования на эманципационные ценности в зависимости от технологического развития

Данные: Респонденты с валидными данными из всех 95 обществ, хотя бы один раз участвовавших в опросах ИИЦ/ЕИЦ, причем для каждого из обществ используются самые последние данные, а выборки взвешены до одинакового размера ($N = 1000$ в каждой из выборок). Количество наблюдений (N): 22 000 респондентов — в 22 традиционных экономиках, 30 000 — в 30 индустриальных экономиках, 42 000 — в 42 экономиках знаний.

Логика социального взаимного обогащения предполагает две гипотезы относительно того, что происходит, когда образование начинает превалировать: во-первых, уровень эмансипативных ценностей каждого индивида становится выше, чем предполагает его/ее уровень образования (эффект лифта); во-вторых, повышение уровня образования индивида еще больше усиливает его/ее эмансипативные ценности (эффект усилителя).

Чтобы проверить эти гипотезы, на рисунке 3.3 представлена трехэтапная категоризация технологического прогресса, рассматриваемого в качестве своеобразного индикатора (заместителя), отражающего степень образованности общества: образование *наименее* распространено и значимо в *традиционных экономиках*, *более* распространено в *индустриальных экономиках* и *преобладает* в *экономиках знаний*.

С учетом этих различий на рисунке 3.4 можно обнаружить поразительные закономерности. Ориентация людей всех образовательных уровней на эмансипативные ценности возрастает по мере увеличения распространенности образования, от традиционных экономик к индустриальным и, наконец, — к экономикам знаний. Этот пример подтверждает гипотезу лифта.

Кроме того, преобладание образования усиливает эмансипативные импульсы индивидов. Например, в традиционных экономиках разница в ориентации на эмансипативные ценности между наименее образованным людьми (то есть теми, у кого вообще нет образования, или теми, у кого только начальное образование) и наиболее образованными (обладателями университетского диплома) — только 0,09 пункта шкалы. Это гораздо меньше, чем стандартное отклонение (0,20 пункта шкалы) в каждой из образовательных категорий. Напротив, в экономиках знаний разница эмансипативных ценностей между наименее и наиболее образованными людьми более чем в два раза превышает аналогичную разницу в традиционных экономиках (0,22). Индустриальные экономики занимают положение между экономиками знаний и традиционными: в них разница эмансипативных ценностей между наименее и наиболее образованными людьми составляет 0,15 пункта шкалы. Этот результат подтверждает гипотезу усилителя.

2. Материальные, интеллектуальные и коммуникативные ресурсы

Технологический прогресс способствует увеличению ресурсов для действий, доступных людям, включая материальные, интеллектуальные и коммуникативные ресурсы. Тезис последовательности эмансипативной теории предполагает, что эмансипативные ценности появляются как следствие роста контроля людей над ресурсами для действий. Однако данный тезис ничего не сообщает о том, какой тип ресурсов — материальные, интеллектуальные или коммуникативные — вносит наибольший вклад в подъем эмансипативных ценностей. Это открытый вопрос.

Для ответа на этот вопрос мы должны рассмотреть эффекты влияния трех типов ресурсов. Поскольку технологический прогресс тесно связан со всеми тремя типами, нам необходимо найти отдельные индикаторы материальных, интеллектуальных и коммуникативных ресурсов как на уровне индивидов, так и на уровне общества.

Начнем с уровня общества. Я использую валовый национальный продукт на душу населения (ВВП) с коррекцией по паритету покупательной способности

как индикатор материальных ресурсов. Чтобы измерить интеллектуальные ресурсы общества, я использую среднюю продолжительность получения образования индивидом из данного общества. Как индикатор коммуникативных ресурсов я использую долю людей, обладающих доступом к Интернету, на 1000 человек населения. Для каждого из этих индикаторов используются значения на 2000 г., подробности можно найти в приложении 3.

Хотя показатели этих трех типов ресурсов для действия в значительной степени перекликаются между собой (частично совпадают)⁴⁹ у них все же есть и значимая доля специфической дисперсии⁵⁰. Поэтому возможно, что их «объяснительная сила» относительно подъема эмансипативных ценностей различается. Это именно то, что мы находим в трех отдельных регрессионных моделях⁵¹, где зависимой переменной было значение эмансипативных ценностей для различных обществ в 2000 г. ВВП на душу населения объяснил 57 % дисперсии эмансипативных ценностей ($r = 0,76$, $N = 80$), продолжительность получения образования — 64 % ($r = 0,80$, $N = 60$), а доступ к Интернету — 67 % ($r = 0,82$, $N = 80$). Таким образом, «объяснительная сила ВВП» на душу населения немного ниже по сравнению с остальными. Соответственно, материальные ресурсы оказываются несколько менее значимы, чем интеллектуальные и коммуникативные.

На уровне индивидов этот вывод также подтвердился. На этом уровне я использую доход домохозяйств респондентов как индикатор материальных ресурсов, их формальное образование как индикатор интеллектуальных ресурсов, подключение к источникам информации как индикатор коммуникативных ресурсов. Из-за случайной ошибки измерения корреляции для данных индивидуально-го уровня — значительно ниже, чем на уровне общества, — соответственно ниже и объяснительная сила. С другой стороны, это также означает значительно более низкую коллинеарность, поэтому мы можем тестировать эффект влияния всех трех типов ресурсов для действий на эмансипативные ценности одновременно. Но сначала рассмотрим регрессионные модели для каждого типа ресурсов по отдельности. В этих моделях доход домохозяйств объясняет 4 % дисперсии эмансипативных ценностей ($r = 0,20$; $N = 300\,156$), формальное образование — 8 % ($r = 0,29$; $N = 260\,223$) и подключение к источникам информации — 17 % ($r = 0,41$; $N = 69\,381$)⁵². В регрессионной модели, включающей все три индикатора одновременно, мы получили аналогичные результаты. Они опять отчетливо показывают, что материальные ресурсы обладают меньшим влиянием на ИЭЦ, чем интеллектуальные и коммуникативные ресурсы.

⁴⁹ Корреляция технологического прогресса с количеством лет образования $r = 0,93$ ($N = 93$), доступом к Интернету $r = 0,81$ ($N = 139$) и ВВП на душу населения $r = 0,84$ ($N = 136$). Следовательно, технологический прогресс — это включающий индикатор степени преобладания всех трех типов ресурсов для действий. В факторном анализе все три показателя — количество лет образования, доступ к Интернету и ВВП — представляют единое измерение (фактор) ресурсов для действий. Этот фактор объясняет 90 процентов вариации своих трех компонентов. Технологический прогресс коррелирует с этим фактором на уровне $r = 0,95$ ($N = 88$).

⁵⁰ В зависимости от того, какую пару из трех индикаторов мы выбираем, неперекрывающаяся (уникальная) дисперсия составляет от 10 до 30 %.

⁵¹ Регрессия, включающая все три типа ресурсов как предикторы, дает неоднозначные результаты из-за слишком высокой мультиколлинеарности (фактор инфляции дисперсии VIF — существенно выше 5,0).

⁵² Количество наблюдений отличается так сильно из-за того, что подключение к источникам информации было впервые использовано только в пятой волне МИЦ.

Проблема с анализом на уровне общества и анализом на индивидуальном уровне по отдельности заключается в том, что они не могут показать, как ресурсы для действий этих двух уровней взаимодействуют, определяют эмансипативные ценности. Для того чтобы оценить эти интеракции, мы должны построить многоуровневые модели, в которых эффекты на индивидуальном уровне и на уровне общества оцениваются одновременно.

Таблица 3.1. Материальная, интеллектуальная и коммуникативная эмансипация как объяснение эмансипативных ценностей

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Эмансипативные ценности				
	Материальная эмансипация ^a	Интеллектуальная эмансипация ^a	Коммуникативная эмансипация	Комбинированная эмансипация ^a	Комбинированная эмансипация II
Константа	0,43*** (55,9)	0,43*** (47,1)	0,44*** (47,4)	0,46*** (47,5)	0,46*** (46,3)
Эффекты на уровне общества:					
ВВП на душу населения	0,51*** (5,9)				
Количество лет обучения		0,46*** (9,7)			
Доступ к Интернету			0,61*** (9,2)		
Технологический прогресс ^b				0,52*** (9,1)	0,41*** (9,9)
Эффекты индивидуального уровня:					
Женский пол	0,02*** (10,5)	0,02*** (11,5)	0,03*** (11,2)	0,03*** (11,5)	0,03*** (11,5)
Межуровневые интеракции:					
Год рождения (индексированный)	0,14*** (19,9)	0,11*** (12,3)	0,09*** (10,1)	0,07*** (6,8)	0,07*** (7,2)
ВВП на душу населения	0,28*** (5,0)				
Количество лет обучения		0,28*** (6,6)			
Доступ к Интернету			0,14*** (2,6)		
Технологический прогресс ^b				0,28*** (4,4)	0,17*** (4,8)
Доход домохозяйства	0,09*** (16,6)			0,02*** (3,6)	0,02*** (3,7)
ВВП на душу населения	НЗ				
Количество лет обучения					
Доступ к Интернету					
Технологический прогресс ^b				НЗ	НЗ
Формальное образование		0,12*** (19,0)		0,10*** (12,0)	0,10*** (12,6)
ВВП на душу населения					

ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Эмансипативные ценности

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Эмансипативные ценности				
	Материальная эмансипация*	Интеллектуальная эмансипация*	Коммуникативная эмансипация	Комбинированная эмансипация*	Комбинированная эмансипация II
Количество лет обучения		0.11*** (4.2)			
Доступ к Интернету					
Технологический прогресс *				0.21*** (4.5)	0.12*** (5.1)
Информационная включенность			0.08*** (15.7)	0.04*** (11.0)	0.04*** (11.0)
ВВП на душу населения					
Количество лет обучения					
Доступ к Интернету			НЗ		
Технологический прогресс *				-13	НЗ
Уменьшение ошибки:					
Дисперсии ЗП внутри общества	08% (05%)	13% (09%)	08% (05%)	12% (08%)	12% (08%)
Дисперсии ЗП между обществами	57% (20%)	60% (21%)	71% (25%)	79% (28%)	77% (27%)
Дисперсии эффекта возраста	36%	41%	13%	31%	40%
Дисперсии эффекта дохода	0	0	0	0	0
Дисперсии эффекта образования	0	13%	0	28%	35%
Дисперсии эффекта инф. включен.	0	0	0	0	0
Вся объясненная дисперсия	25%	30%	30%	36%	35%
N (количество наблюдений)	128908 индивидов в 81 обществе	116390 индивидов в 62 обществах	58272 индивидов в 45 обществах	41808 индивидов в 33 обществах	41808 индивидов в 33 обществах

* Модели материальной и интеллектуальной эмансипации используют данные всех обществ, участвовавших в двух последних волнах МИЦ, используя для каждой из стран данные последнего опроса (2000 – 2005 гг.); национальные выборы были взвешены до равного размера. В других моделях использовались данные только пятой волны МИЦ (2005 г.), потому что вопросы для оценки информационной включенности появились только в этой волне.

† В первой комбинированной модели вместо технологического прогресса я использовал среднее трех переменных – ВВП на душу населения, количество лет образования и доступа к Интернету – для измерения обобщенных ресурсов для действий на уровне общества. Во всех моделях переменные на уровне общества использовались за тот год, когда проводился опрос.

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты (b) со значениями t-критерия в скобках. Модели рассчитаны в HLM 6.01. Переменные на уровне общества центрированы вычитанием глобального среднего; переменные индивидуального уровня (кроме женского пола) центрированы вычитанием средних для стран. Уменьшение ошибки вычисляется по изменению компонента случайной вариации в сравнении с пустой моделью (моделью без независимых переменных). 65% общей дисперсии эмансипативных ценностей – внутри общества и 35% – между обществами. Уровни значимости: *p < 0.050; **p < 0.010; ***p < 0.001; НЗ – не значимо (p > 0,050).

В таблице 3.1 показаны пять многоуровневых моделей для оценки взаимного влияния эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне и на уровне общества. Как стандартные контрольные демографические переменные эти модели включают биологический пол и индексированную версию года рождения респондентов, в которой более высокие значения соответствуют более позднему году рождения⁵³. На основе вышесказанного оцениваются следующие пять моделей:

(1) *модель материальной эмансипации*, в которой ВВП на душу населения используется как индикатор материальных ресурсов на уровне общества, а доход домохозяйства — как индикатор индивидуального уровня;

(2) *модель интеллектуальной эмансипации*, в которой средняя продолжительность получения образования — это индикатор интеллектуальных ресурсов на уровне общества, а документированное образование респондента — индикатор на индивидуальном уровне;

(3) *модель коммуникативной эмансипации*, использующая индекс количества Интернет-провайдеров на 100 тыс. населения как индикатор коммуникативных ресурсов на уровне общества, а показатель подключения к источникам информации, описанный в главе 1, — как индикатор индивидуального уровня;

(4) *первая комбинированная модель*: в этой модели три показателя на уровне общества объединены в общий индекс ресурсов для действий, а все три показателя ресурсов для действий индивидуального уровня включены по отдельности⁵⁴;

(5) *вторая комбинированная модель*: она такая же, как и первая модель, однако вместо обобщенного индекса уровня ресурсов для действий на уровне общества в нее включен показатель технологического прогресса. Это сделано для того, чтобы проверить может ли быть технологический прогресс приемлемой заменой для всех трех показателей ресурсов для действий.

Эти модели не предполагают, что ресурсы для действий одинаковым образом влияют на эмансипативные ценности во всех обществах. Вместо этого они построены на допущении, что сила эффектов будет варьироваться в зависимости от того, насколько доступен данный ресурс для членов этого общества. Это допущение вытекает из идеи социального взаимного обогащения (см. вставку 3, стр. 133). Например, высокообразованный индивид получает больше пользы и возможностей от свобод, чем менее образованный; однако если в обществе много других людей с высоким образовательным уровнем, высокообразованный индивид получает общую пользу от свобод вместе со многими другими людьми. В этом случае акцент на равных свободах, который появляется вместе с эмансипативными ценностями, должен быть сильнее, чем в обществе, где высокообразованный индивид получает уникальную пользу от свобод, потому что полученный им/ей высокий уровень образования редко встречается в данном обществе.

Для проверки данного предположения мы разделяем индивидуальное обладание ресурсами и ресурсы, преобладающие в обществе. Это достигается центрированием всех переменных индивидуального уровня с помощью вычитания из них

⁵³ Максимум этого индекса равен 1,0, если респондент родился в 1990 г., а минимум — 0, если год рождения респондента — 1900.

⁵⁴ Переменные на уровне общества суммируются, поскольку слишком высокая коллинеарность не позволяет разделить и оценить их эффекты одновременно в одной модели; напротив, коллинеарность на индивидуальном уровне — значительно ниже, поэтому все три переменные можно включать в модель одновременно.

среднего для данного общества; в итоге для каждого индивида получаются показатели, измеряющие насколько и в каком направлении его/ее личные ресурсы для действий отличаются от типичной для данного общества ситуации. Такая процедура изолирует эффект каждой переменной индивидуального уровня от всего, что могло бы повлиять на средние значения этих переменных на уровне общества. Это эквивалентно модели «фиксированных для страны эффектов». Полезное свойство таких моделей заключается в том, что они уменьшают смещение оценок из-за не включенных в модель переменных.

Для того чтобы интерпретировать регрессионные коэффициенты в таблице 3.1, нужно иметь в виду, что все переменные нормализованы в шкалу с диапазоном от теоретического минимума, равного нулю, до теоретического максимума, равного единице. Для таких нормализованных шкал нестандартизованные коэффициенты различных независимых переменных можно непосредственно сравнивать, сопоставляя их влияние на эмансипативные ценности. А именно коэффициенты показывают, какую долю наблюдаемого значения данной независимой переменной нужно добавить к константе или вычесть из нее, чтобы получить ожидаемое значение эмансипативных ценностей для данного респондента. Например, регрессионный коэффициент независимой переменной 0,30 сообщает нам, что мы должны добавить к константе 0,3 от наблюдаемого значения этой переменной, чтобы узнать ожидаемое значение эмансипативных ценностей для данного респондента. Можно также сказать, что регрессионные коэффициенты показывают нам, в каком соотношении значения независимой переменной преобразуются в различия эмансипативных ценностей.

При рассмотрении моделей человеческой эмансипации, представленных в таблице 3.1, первое, что привлекает внимание, — значимое и последовательное влияние женского пола на эмансипативные ценности. Нужно признать, что этот эффект по величине — незначительный: принадлежность к женщинам добавляет к константе эмансипативных ценностей 0,02—0,03 (а константа варьируется от 0,43 до 0,46). Однако этот эффект весьма устойчив и сохраняется, если контролируются другие характеристики индивидуального уровня, включая ресурсы для действий⁵⁵.

Еще один очевидный результат состоит в том, что у показателей ресурсов для действий на уровне общества значительно более высокие коэффициенты, чем у аналогичных переменных индивидуального уровня. Например, увеличение на одну единицу преобладания интеллектуальных ресурсов в обществе повышает эмансипативные ценности на 0,46 пункта шкалы, а рост на одну единицу интеллектуальных ресурсов индивидов повышает их эмансипативные ценности только на 0,11 пункта шкалы. Такая же закономерность была обнаружена для материальных и коммуникативных ресурсов. Таким образом, уровень ресурсов для действий, который свойственен большинству людей в каком-либо обществе, усиливает эмансипативные ценности гораздо больше, чем дополнительные личные ресурсы.

Подтверждая эти результаты, нижние строки таблицы 3.1 показывают, что компоненты наших моделей на уровне общества объясняют в 2—5 раз большую долю

⁵⁵ Этот эффект более высоких эмансипативных ценностей у женщин объясняется исключительно тем компонентом индекса эмансипативных ценностей, который отражает равенство.

общей дисперсии эмансипативных ценностей, чем компоненты индивидуального уровня. Эти результаты подтверждают, что теория эмансипации обоснованно подчеркивает значение *совместной* пользы и возможностей, получаемых людьми от свобод. Свободы — взаимное благо, оценка которого — продукт взаимного обогащения и взаимного признания. Такое взаимное благо может развиваться только на основе общей, а не индивидуальной полезности.

Широкая распространенность в обществе каждого из трех типов ресурсов для действий повышает эмансипативные ценности людей выше того уровня, который обусловлен их личными ресурсами для действий. Это еще один пример «эффекта лифта», объясненного выше (см. вставку 3, стр. 133).

В случае интеллектуальных ресурсов мы также обнаруживаем «эффект усилителя»: собственные интеллектуальные ресурсы индивида в большей степени усиливают его/ее эмансипативные ценности, если респондент живет в обществе, в котором интеллектуальные ресурсы более широко распространены. Это очевидно из позитивной интеракции между формальным образованием на индивидуальном уровне и средней продолжительностью получения обучения на уровне общества.

Мы уже видели на рисунке 3.1, что молодые когорты предпочитают эмансипативные ценности в большей степени, чем старшие. В таблице 3.1 этот результат отражен в однородном позитивном эффекте влияния индекса года рождения на эмансипативные ценности. В первой модели, например, мы добавляем к константе 0,14 от показателя индекса года рождения респондента, чтобы получить его/ее ожидаемое значение эмансипативных ценностей: если респондент родился в 1990 г., то у индекса года рождения максимальное значение (1), и мы добавляем именно 0,14 к константе. Таким образом, рост на единицу индекса года рождения усиливает эмансипативные ценности на 0,14. Это означает, что мы добавляем примерно 0,05 пункта шкалы к эмансипативным ценностям, если год рождения сдвигается на тридцать лет (примерная разница между поколениями) в сторону современности. Эффект может показаться небольшим, но это *чистый* эффект года рождения, при условии, что все остальные переменные зафиксированы.

Хотя эффект влияния года рождения на эмансипативные ценности всегда положительный, его сила варьируется в зависимости от распространенности в обществе данного типа ресурсов для действий. Это очевидно из позитивной интеракции года рождения со степенью распространенности в обществе каждого из ресурсов для действий: более поздний год рождения усиливает эмансипативные ценности, но это происходит еще в большей степени в обществах, где люди богаче, образованнее и имеют больший доступ к информации.

Вернемся к нашему первоначальному вопросу: какие ресурсы для действий важнее для эмансипативных ценностей? Прежде всего, все три типа ресурсов значимо влияют на них. Причем этот эффект проявляется и на индивидуальном уровне, и на уровне общества, хотя типичное распределение ресурсов для действий на уровне общества усиливает эмансипативные ценности больше, чем ресурсы, находящиеся в личном распоряжении индивидов.

И все же, есть заметная разница в относительной важности трех ресурсов для действий. Как показано в нижних строках таблицы 3.1, модель материальной эмансипации объясняет меньшую долю дисперсии эмансипативных ценностей внутри

обществ, чем модель интеллектуальной эмансипации (8% в сравнении с 13%), а также меньшую долю дисперсии эмансипативных ценностей между обществами, чем модели интеллектуальной и коммуникативной эмансипации (57% в сравнении с 60% и 71%). Из трех типов ресурсов для действий материальные ресурсы относительно менее важны, чем интеллектуальные и коммуникативные.

Конечно, наибольшая доля дисперсии эмансипативных ценностей (79% на уровне обществ и 39% общей дисперсии на обоих уровнях) объясняется, когда в модель включены все три типа ресурсов. Это показывает первая комбинированная модель в таблице 3.1. В этой модели предиктор на уровне общества — среднее трех типов ресурсов для действий, а на индивидуальном уровне эти три типа ресурсов включены в модель одновременно и как отдельные показатели. Вторая комбинированная модель идентична первой, за исключением того, что вместо среднего трех типов ресурсов на уровне общества в нее включен показатель технологического прогресса. Поскольку предиктор на уровне общества в этой модели дает результат почти идентичный предыдущей модели (объясненная дисперсия — всего на 1% ниже), можно обоснованно заключить, что технологический прогресс — отличный индикатор комбинации всех трех типов ресурсов для действий.

3. Формирующее влияние культурных зон

Эмансипативные ценности существенно варьируются в зависимости от культурных зон. Из общей дисперсии эмансипативных ценностей на уровне индивидов культурные зоны объясняют значимую долю — 26,6%. А если рассматривать средние значения индекса эмансипативных ценностей для стран-обществ, то культурные зоны объясняют 72,4% дисперсии. Этот паттерн отражает две закономерности:

(1) люди интернализируют ценности посредством влияния «опорных точек», «центров притяжения ценностей» в их обществах;

(2) сходство траекторий развития обществ, принадлежащих к одной и той же культурной зоне, сближает «опорные точки» ценностей в них.

Культурные зоны охватывают все аспекты сходства принадлежащих к ним обществ, даже те, о которых мы не знаем. Культурные зоны — это всеобъемлющая категория по отношению к социальным характеристикам, воплощенным в обществах, входящих в эти культурные зоны.

Благодаря всеохватности данной категории вывод о том, что культурные зоны объясняют большую долю дисперсии ценностей людей, — это просто признание значимости истории. Сама неспецифичность формирующего влияния культурных зон подталкивает нас к тому, чтобы выяснить, каковы конкретные существенные характеристики культурных зон, сближающие ценности обществ, принадлежащих к этим культурным зонам.

3.1. Как объяснить формирующее влияние культурных зон

Чтобы верно оценить формирующее влияние культурных зон на ценности обществ разных стран, нам нужна модель экзогенного группирующего эффекта культурных зон. Иначе, оценка этого эффекта будет во многом тавтологией: среднее значение эмансипативных ценностей в каждом обществе вносит свой вклад в среднее значение ценностей для его культурной зоны. Следовательно,

неизбежно, что значения эмансипативных ценностей для десяти культурных зон будут объяснять, по меньшей мере, какую-то долю дисперсии девяноста пяти средних значений этих ценностей для стран. Чтобы избежать этой тавтологии, мы должны задать вопрос: «В какой степени среднее значение эмансипативных ценностей в данном обществе объясняется средними значениями всех других обществ, входящих в ту же культурную зону?». Это вполне уместный вопрос, поскольку, если культурные зоны обладают реальным кластеризующим влиянием на эмансипативные ценности, то тогда степень ориентации общества на эти ценности определяется его принадлежностью к той или иной культурной зоне. Другими словами, степень предпочтения эмансипативных ценностей в этом обществе определяется не столько *собственными* характеристиками данного общества, сколько характеристиками, общими с *другими* странами в данной культурной зоне.

Для того чтобы изолировать только контекстуальную часть группирующего влияния культурной зоны на эмансипативные ценности, я приписал каждому обществу контекстуальное значение этих ценностей для культурной зоны: это усредненное значение средних всех других стран, принадлежащих к той же культурной зоне. Контекстуальные значения для культурной зоны (КЗКЗ) специфичны для каждого общества, и даже у обществ, входящих в одну и ту же культурную зону, они различаются. На следующем шаге я выясняю, в какой степени КЗКЗ эмансипативных ценностей объясняют национальные средние значения (НСЗ) этих ценностей. Такой анализ позволяет нам оценить реальное контекстуальное группирующее влияние культурных зон. Как показывает таблица 3.2, КЗКЗ объясняют 68,9% дисперсии НСЗ эмансипативных ценностей⁵⁶.

Таблица 3.2. Дисперсия средних страновых показателей эмансипативных ценностей, объясняемая их кластеризацией по культурным зонам

ПРЕДИКТОРЫ:	Объясненная дисперсия (%) НС эмансипативных ценностей	Отношения соответствия объясненной дисперсии (68,9 = 1)	N (Общества)
Истинные КЗКЗ эмансипативных ценностей ¹	68,9	1,0	95
Ожидаемые КЗКЗ эмансипативных ценностей ² , для -инструментов-:			
Время после неолитической революции	00,0	0,00	90
Частота гена 5-HTTLPR-Gene	00,0	0,00	49
Личностные профили «большой пятерки»	00,0	0,00	51
«Мягкость» культуры	03,0	0,04	33
Биоклимат	11,3	0,16	91
Женская фертильность	22,0	0,32	85

⁵⁶ Для вычисления средних значений эмансипативных ценностей по культурным зонам каждая национальная выборка была перевзвешена таким образом, чтобы все страны имели равное число респондентов. Средние, рассчитанные на фактических размерах национальных выборок, дают сходные результаты.

ПРЕДИКТОРЫ:	Объясненная дисперсия (%) НС эманипативных ценностей	Отношения соответствия объясненной дисперсии (68,9 = 1)	N (Общества)
Длительность существо- вания государства	23,0	0,33	85
Средняя температура	29,7	0,43	91
Патрилокальность домохозяйств	42,0	0,61	89
ВВП на душу населения (логарифм)	43,3	0,63	94
Защищенность от болезней	44,6	0,65	91
Традиция демократии	46,7	0,69	93
Частоты генов Val ¹⁵⁶ Met-COMT	48,9	0,71	50
Смертность -белых- поселенцев	49,4	0,72	85
ВАПК — условие	49,4	0,72	93
Культурный индивидуализм	50,1	0,73	77
Родственные браки	52,5	0,76	64
Протестантизм-ислам	52,6	0,76	89
Технологический прогресс	62,1	0,90	91

КЗКЗ – контекстные значения культурных зон.

НС — национальные средние значения.

¹ Всем обществам приписывается среднее значение эманипативных ценностей других обществ той же культурной зоны: это «истинные» КЗКЗ эманипативных ценностей. Предсказательная сила этих значений относительно собственных значений эманипативных ценностей для данного общества показывает степень кластеризации внутри зоны этих ценностей, которая равна 68,9%.

² Я вычислял «ожидаемые» КЗКЗ эманипативных ценностей с помощью КЗКЗ соответствующей инструментальной переменной (приписывая всем странам среднее значение данного «инструмента» для всех других обществ в той же культурной зоне). Потом я вычислял «ожидаемую» предсказательную силу КЗКЗ в отношении наблюдаемого значения эманипативных ценностей данного общества и сравнивал ее с предсказательной силой «истинного» КЗКЗ этих ценностей.

Следующий вопрос таков: какие именно конкретные характеристики культурных зон объясняют их группирующую силу? Чтобы на него ответить, я вычисляю контекстуальные значения для культурной зоны по ряду конкретных характеристик, по которым культурные зоны могут различаться. Эти характеристики могут объяснять большую долю кластеризующего влияния культурных зон на эманипативные ценности. На базе КЗКЗ по каждой из этих характеристик я объясняю эманипативные ценности в наших девяноста пяти обществах и привожу объясненную дисперсию в левой колонке таблицы 3.2. Потом я рассчитываю, в какой степени эти объясненные дисперсии соответствуют тем, что были получены на основе наблюдаемых значений эманипативных ценностей для культурных зон, и привожу соотношение этих двух объясненных дисперсий в средней колонке таблицы 3.2. Характеристика с самым высоким коэффициентом соответствия для культурной зоны определяет эманипативные ценности для данного общества ближе всего к значению, устанавливаемому в соответствии с принадлежностью данного об-

щества к культурной зоне. Именно эта характеристика объясняет большую долю кластеризующего влияния культурных зон на эмансипативные ценности. Перед обсуждением результатов из таблицы 3.2 в следующем разделе описываются специфические характеристики, которые, возможно, объясняют кластеризующее влияние культурных зон на эмансипативные ценности.

3.2. Конкретные объяснения эффектов культурных зон

Культурные зоны различаются по многим характеристикам, которые, возможно, влияют на пути их развития. Мы можем расположить эти характеристики в порядке, отражающем то, насколько давно они появились. В начале классификации, таким образом, окажутся природные особенности, которые не изменялись в недавнем прошлом. Они представляют собой более или менее постоянные различия между культурными зонами. Эти природные особенности, возможно, сработали как начальный толчок, запустивший разнообразные долговременные специфические траектории развития обществ (McNeill, 1990; Diamond, 1997; Landes, 1998; Nolan & Lenski, 1999).

Среди таких природных особенностей, рассматривающихся в публикациях по проблемам развития, климат привлекает все большее внимание (Diamond, 1997; Gallup & Sachs, 2000; Dell, Jones & Olken, 2011). Это вполне оправданно, если допустить, что климат находится в начале пути развития обществ от сельского хозяйства к городской цивилизации, а затем к технологическому прогрессу. Технологический прогресс и другие аспекты развития нуждаются в городской цивилизации как в стартовой платформе для развития. Цивилизации в свою очередь требуют прибавочную сельскохозяйственную продукцию, позволяющую прокормить городское население. Вот почему климатические условия так важны: они влияют (а) на возможность производства прибавочной сельскохозяйственной продукции, (б) на то, какой тип сельскохозяйственного производства для этого подходит, и (с) на то, сколько избыточной сельскохозяйственной продукции можно произвести на данном уровне технологии (Fernandez-Armesto, 2002).

Чрезмерный холод и жара, например, делают пустыни и полярные области непригодными для растений. Отсутствие растений в этих районах делает их непригодными для сельского хозяйства. Без сельского хозяйства не могут появиться городские цивилизации (Diamond, 1997). Следующий после температуры фактор, ограничивающий аграрный потенциал, — это засушливость. При отсутствии постоянных источников пресной воды невозможно производить прибавочную сельскохозяйственную продукцию в достаточном объеме, чтобы прокормить городское население (Weischet & Cavides, 1993). Исторически засуха исключила возможность развития городской цивилизации в обширных регионах Африки южнее Сахары и Средней Азии (Midlarsky, 1999). Даже во влажных тропиках качество почвы не подходит для выращивания большинства пищевых растений, необходимых для того, чтобы прокормить городское население⁵⁷. Исключение — это рис, растение, выращивание

⁵⁷ Это может показаться парадоксом, учитывая разнообразие флоры тропических дождевых лесов. Однако, как убедительно показали Уэйчет и Кавидес (Weischet and Cavides, 1993), а также Галлуп и Сакс (Gallup and Sachs, 2000), земля, расчищенная от тропических дождевых лесов, быстро и сильно иссушается солнцем, а сезонные сильные дожди смывают почву. Кроме того, тропические высокие температуры ускоряют жизненный цикл растений, которым не хватает питательных веществ в почве.

которого, однако, требует такой координации труда, что делает необходимым оссбый регламентированный зид сельского хозяйства. Я называю этот тип *регламентированным семейно-коллективным культивированием*. Этот тип ведения сельс-ого хозяйства стал преобладающим в субтропиках, особенно в аллювиальных регионах, где централизованная система ирригации дает возможность получать большие урожаи (Март, 1986). В самом деле, аллювиальные регионы в Месопотамии, Египте, Индии и Китае стали колыбелями городской цивилизации (McNeill, 1990; Fernandez-Armesto, 2002). Но, хотя масштабная ирригация требует определенного уровня организации и технологии, ирония заключается в том, что ее эксплуататорская сущность душит творческий потенциал людей, препятствуя таким образом дальнейшему развитию (Wittfogel, 1957; Jones, 1987; Solomon, 2011). Система организации труда этого типа аграрного производства метко названа Пауэлсоном (Powe son, 1987) «насиленным феодализмом». Напротив, редкое сочетание умеренно прохладных температур с постоянными сезонными осадками в Северо-Восточной Европе послужило основой для развития кардинально иной системы аграрного производства: *автономного семейного фермерства*. По мнению Пауэлсона, этот тип сельского хозяйства установил «контрактный феодализм» — систему организации труда, в которой отношения землевладельца и крестьянина не такие деспотичные: у семейных ферм больше автономии, и крестьянство, очевидно, обладает большими возможностями для брьбы за свои права (Landes, 1998). В самом деле, начиная с позднего Средневековья борьба за права стала характерной чертой западной цивилизации и определяющим элементом ее зарождающегося духа эмансипации (McNeill, 1990; Finer, 1999; Grayling, 2007).

Мне представляется вполне вероятным, что дух эмансипации западной цивилизации зародился в Северо-Восточной Европе в контрактном семейном фермерстве, которому в свою очередь благоприятствовали специфические климатические условия: сочетание умеренных прохладных температур, достаточно регулярных осадков и постоянно доступных для навигации водных путей (Chirot, 1986). Это условие «водной автономии в прохладном климате» (ВАПК-условие) дало фермерским домохозяйствам большую автономию, чем они смогли бы когда-либо получить в аграрных системах централизованной ирригации. ВАПК-условие также повышает продуктивность аграрного труда: по мнению Гэллага и Сакса (Gallup & Sachs, 2000), отдача аграрного труда в прохладных районах с достаточным количеством дождей в четыре раза выше, чем в тропиках, и в три раза выше, чем в сухих регионах. Как демонстрируют эти авторы, преимущество в производительности прохладных и дождливых регионов не объясняется большими технологическими и финансовыми ресурсами: при контроле различий этих показателей развития преимущество ВАПК-зон в производительности сохраняется — оно присуще их *природным условиям*.

Предлагая автономное существование и большую отдачу от труда, ВАПК-условие обеспечивает среду, богатую возможностями. Эти возможности приводят к большей начальной полезности реализации свобод и толерантности к ним. Я рассматриваю эти природные факторы и возможности как начальное «семя», развитие которого привело к принятию эмансипативных идеалов западной цивилизацией. Данное предположение — элемент моей теории эмансипации. Это тезис источника теории эмансипации (см. главу 11, где приведен детальный анализ этого тезиса).

В моем понимании, природные особенности не детерминируют человеческие возможности. Скорее, они открывают коридор возможностей, в котором развивается человеческая субъектность. Совершаемый тем или иным обществом выбор не может вывести это общество за пределы данного коридора возможностей, однако он определяет, будет ли общество двигаться по «полу» коридора или по его «потолку» (Lal, 1998).

Рисунок 3.5 иллюстрирует эту идею в отношении взаимосвязи, которая детально обсуждается в главе 11: влияние ВАПК-условия на технологический прогресс общества — наиболее близкая детерминанта эмансипативных ценностей. ВАПК-условие дается природой и выражает преобладание прохладных температур, достаточного количества дождей и доступа к пригодным для навигации водным путям⁵⁸. Как показывает линия тренда на рисунке 3.5, степень наличия ВАПК-условия благоприятствует технологическому прогрессу общества. Действительно, среди 145 обществ, для которых доступны оба показателя, влияние ВАПК-условия объясняет 73 % вариации индекса технологического прогресса. Тем не менее общества, несмотря на общую тенденцию, распределены в довольно широком коридоре. Ширина этого коридора показана верхней и нижней границами 95-процентного доверительного интервала на рисунке 3.5. Таким образом, каждый уровень ВАПК-условия позволяет обществам располагаться на различных уровнях технологического прогресса: некоторым на нижней границе, а другим — на верхней. Все же очень немногие общества оказываются за границами коридора.

То, почему именно ВАПК-условие влияет на технологический прогресс, обсуждается в главе 11. Тем не менее из рисунка 3.6 очевидно, что культурные зоны существенно различаются по этому параметру. Таким образом, эти различия — возможная причина неодинакового уровня технологического прогресса и других аспектов развития, включая эмансипативные ценности. И действительно, большинство западных обществ имеют значение ВАПК-условия около 0,80 (за исключением Швейцарии, у которой это значение 0,50). Единственные незападные общества с высоким значением ВАПК-условия — это Япония и Уругвай. У большинства восточных обществ это значение существенно ниже и находится в диапазоне от 0,30 до 0,50. Со средним значением 0,10 Африка южнее Сахары характеризуется минимальным ВАПК-условием. Исключение — Южная Африка, у которой значение ВАПК-условия 0,40. С учетом этих значений кажется возможным, что эмансипативные ценности отличаются в разных культурных зонах, потому что культурные зоны отличаются по уровню ВАПК-условия — возможной первопричине развития, приводящего к эмансипативным ценностям.

⁵⁸ Я измеряю ВАПК-условие, вычисляя долю территории общества, находящейся в зоне умеренно прохладных и дождливых зон, минус доля жарких и сухих зон. Затем я добавляю к этому показателю точное количество дождей в самый сухой сезон на территории страны и долю территории, которая находится на расстоянии не более 100 км от незамерзающих водных путей. Индекс достигает максимума 1, если вся территория страны находится в зоне с умеренной прохладной температурой и достаточным количеством дождей, если количество дождей в самый сухой сезон достигает самого высокого уровня (например, 200 мм на Соломоновых островах) и если вся территория расположена в пределах 100 км от незамерзающих водных путей. Данные взяты из Гарвардского Географического проекта (Harvard Geography project by Gallor, Mellinger and Sachs, 2010). Подробности конструирования индекса описаны в главе 11 и приложении 11.

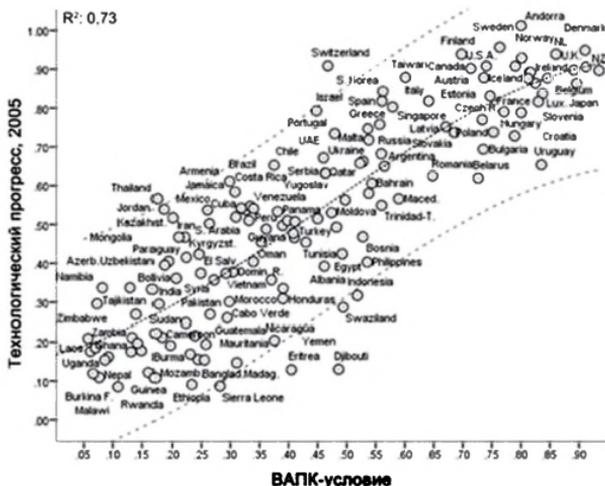

Рисунок 3.5. Влияние прохладного климата на технологическое развитие

Данные: Все 142 общества, для которых есть данные и о технологическом прогрессе, и по ВАПК-условию. Индекс ВАПК обобщает данные о (в) среднегодовой температуре (инвертирован), (б) количестве дождевых осадков в разные сезоны и (с) наличии незамерзающих водных путей на территории общества. Эти данные заимствованы у Галлапа, Меллингера и Сакса (Gallup, Mellinger & Sachs, 2010) и обобщены в индекс, варьирующийся от 0 до 1: процедура построения индекса подробно описана в приложении 11.

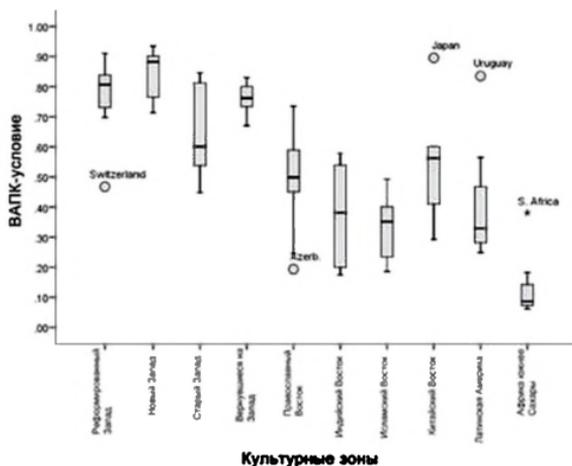

Рисунок 3.6. Влияние прохладного климата в различных культурных зонах
Данные: см. примечание к рисунку 3.5.

У нас есть основания для того, чтобы поставить климатические условия в начале пути исторических зависимостей, в ходе которых сформировались определенные культуры и определяющие их ценности. Ван де Флиэрт (Van de Vliert, 2008, 2012a, b) заходит еще дальше, приписывая климату *прямое* влияние на ценности. Он утверждает, что общества, живущие в условиях средних температур, далеко выходящих за пределы зоны комфорта для людей (то есть +22 градуса по Цельсию), должны инвестировать больше ресурсов в технологию, чтобы справиться с термальными проблемами своей жизненной среды. Похожую идею высказал Ванханен (Vanhanen, 2009). Общества, столкнувшиеся с подобной проблемой, «программируются» внешней средой фокусировать внимание на развитии технологий — Ванханен называет это «фокус на развитии». При прочих равных условиях фокус на развитии не только облегчает технологический прогресс — он также ускоряет подъем эмансипативных ценностей³⁹. Эти рассуждения предполагают, что эмансипативные ценности отличаются в культурных зонах, потому что культурные зоны отличаются по своему «биоклимату», то есть по термальной дистанции от зоны комфорта для людей. Для проверки этой гипотезы я использую биоклиматические данные Ван де Флиэрта⁴⁰.

Согласно биоклиматической теории, удаление от зоны температурного комфорта в обоих направлениях — и холода, и жары — влияет на технологическое развитие. Соответственно, технический прогресс и эмансипативные ценности растут в форме U-образной кривой за пределами зоны термального комфорта. У других авторов — иные идеи о влиянии климата на развитие. Вместо того чтобы предполагать *криволинейную* связь температуры и развития, многие ученые утверждают, что развитие проявляет тенденцию расти *линейно* по мере снижения температуры. И действительно, существуют убедительные доказательства того, что и продуктивность земли, и производительность труда увеличиваются по мере снижения среднегодовых температур (Deschenes & Greenstone, 2007; Graff Zivin & Neidell, 2010). Более того, наличие сезонных заморозков также положительным образом отражается на производительности сельского хозяйства (Masters & Wiebe, 2000)⁴¹. Кроме того, лонгитюдное исследование Делла, Джоунса и Олкена (Dell, Jones & Olken, 2011) обнаружило, что влияние температур на аграрную продуктивность распространяется и на экономическое благосостояние в целом. Даже небольшие флуктуации температуры непосредственно влияют на развитие. Таким образом, если прохладный климат способствует развитию, он также должен влиять и на культурные особенности, связанные с развитием, — особенно на эмансипативные ценности. В этом случае эмансипативные ценности в культурных зонах различаются потому, что среднегодовые температуры в этих зонах разные. Чтобы проверить эту гипотезу, я использовал

³⁹ Ван де Флиэрт тестирует это предположение по отношению к «ценностям самовыражения», определенным Инглхартом и Вельцелом (Inglehart & Welzel, 2005). Поскольку эмансипативные ценности представляют собой улучшенную меру ценностей самовыражения, рассуждения Ван де Флиэрта должны относиться также и к ним. Сходным образом Ван де Флиэрт обсуждает в основном денежные ресурсы. — я думаю, однако, что его логика даже больше подходит для технологических ресурсов.

⁴⁰ Я благодарю Эверта Ван де Флиэрта за то, что он поделился со мной своими данными.

⁴¹ Прохладные температуры замедляют истощение питательных веществ в почве и повышают отдачу от труда. Конечно, тенденция прохладных температур повышать аграрную продуктивность связана только с сезонными заморозками: в вечной мерзлоте выращивать растения невозможно.

данные Делла, Джоунса и Олкена (Dell, Jones & Olken, 2011) о среднегодовых температурах в различных обществах⁶².

Существует ряд авторов, отмечающих косвенное влияние климата на культуру. Например, теория «опасности болезней» Торнхилла, Финчера и их коллег (Fincher, Thornhill, Murray & Schaller, 2008) предполагает, что умеренно холодные среднегодовые температуры снижают угрозу жизни людей от не-зоонозных болезней⁶³. Меньшая угроза болезней в свою очередь снижает потребность групп в изоляции как защитном механизме от инфекций, что существенно влияет на структуру социализации. В частности, большая безопасность и защищенность от болезней делает полезным не изолирование от внешних групп, а напротив, поиск контакта с ними. Это предположение позволяет сформулировать еще один вариант тезиса источника: кроме ВАПК-условия, большая степень защищенности от болезней представляет собой еще один природный фактор, делающий полезными реализацию свобод и толерантность к ним⁶⁴. Если это верно, общества с большей степенью природной защищенности от болезней оказались с самого начала на пути развития, более благоприятном для свободы и эмансипации. Чтобы проверить эту гипотезу, я использовал данные Марри и Шаллера (Murray & Schaller, 2011) о степени подверженности обществ болезням, вызванным климатическими условиями⁶⁵. Эти данные измеряют, в какой степени природная среда общества угрожает людям различными инфекционными болезнями, а не то, какая доля популяции, действительно ими заболевает. Это важно, потому что результаты измерения последнего эндогенны по отношению к технологическому прогрессу: технологически развитые общества обладают более эффективными медицинскими и гигиеническими условиями и оборудованием, которые предотвращают распространение инфекций, даже если для этого есть природный потенциал. Измерение *природной* болезнетворной нагрузки позволяет избежать данной эндогенности⁶⁶. Поскольку меня интересует именно защищенность от болезней, я преобразовал показатели Марри и Шаллера так, чтобы более высокие значения показывали меньшую угрозу болезней.

Теорию «опасности болезней/защищенности от болезней» Торнхилла и Финчера можно связать с теорией «кровного родства» или «родственных браков» Вудли и Белла (Woodley & Bell, 2013). Суть этой теории в том, что паттерн родственных браков проявляется в закрытости круга социальных связей, когда люди предпочитают заключать браки с дальними родственниками, а не с теми, с кем не состоят в родстве. Очевидно, что такой паттерн представляет собой еще один аспект закрытости социальных групп, сходный с эффектом, описанным теорией опасности болезней⁶⁷. Неудивительно, что Вудли и Белл (Woodley & Bell, 2013)

⁶² Я благодарю Мелиссу Делл, поделившуюся со мной этими данными.

⁶³ Микробы, вызывающие не-зоонозные болезни, не нуждаются в животном-носителе. Спонижением среднегодовых температур жизнеспособность (и опасность) возбудителей этих болезней снижается.

⁶⁴ ВАПК условие и меньшая опасность болезней — взаимно пересекающиеся благоприятные возможности: поскольку ВАПК-условие связано с низкими среднегодовыми температурами, оно приводит к снижению опасности болезней. В количественном выражении, по данным 165 обществ, для которых имелись оба показателя, ВАПК условие объясняет 51 % вариации защищенности от болезней.

⁶⁵ Я благодарю Рэнди Торнхилла, привлекшего мое внимание к статье Марри и Шаллера.

⁶⁶ То, что это вполне вероятно, показывает тот факт, что в 92 обществах, для которых имеются показатели и опасности болезней, и эмансипативных ценностей, эти показатели коррелируют: $r = 0,65$ ($p < 0,001$).

⁶⁷ В пользу этого предположения свидетельствует корреляция между предпочтением родственных браков и опасностью болезней в тех 71 обществах, в которых есть данные по обоим показателям: $r = -0,50$ ($p < 0,001$).

обнаружили связь «родственных браков» с рядом таких социальных коррелятов, как низкая защищенность от болезней и, особенно, дефицит демократии. Эти результаты позволяют предположить, что тенденция родственных браков приводит к снижению эмансипативных ценностей, поскольку эти ценности тесно связаны с демократией (как покажет глава 8)⁶⁸. Следовательно, эмансипативные ценности могут варьироваться в разных культурных зонах, поскольку степень предпочтения родственных браков в этих зонах неодинакова. Чтобы протестировать данную возможность, я использую материалы Вудли и Белла о предпочтении родственных браков в различных обществах.

Еще один возможный фактор влияния на эмансипативные ценности я назвал «теорией женской неприкосновенности» (Hudson, Ballif-Spanvill, Caprioli & Emmett, 2012). Там, где угроза болезней, вызванных климатическими условиями, благоприятствует родственным бракам, закрытость групп для «чужаков», не-родственников усиливается. Это облегчает контроль мужчин над женской сексуальностью и усиливает патриархальные тенденции. Поскольку патриархат несовместим с эмансипативными ценностями, эти ценности должны быть слабы там, где силен патриархат. Негативная связь между исламом и эмансипативными ценностями подтверждает это предположение (Alexander & Welzel, 2011)⁶⁹. Ключевое проявление патриархального уклада — это патрилокальное формирование домохозяйств: феномен, проявляющийся в том, что семейные пары вместо того, чтобы создавать собственные домохозяйства, живут в домохозяйстве родителей мужа. На основе данных МИЦ мы можем измерить степень распространенности патрилокальных домохозяйств, рассчитав долю женатых мужчин, живущих вместе со своими родителями⁷⁰. Используя этот показатель, я проверяю возможность вариации эмансипативных ценностей в культурных зонах из-за различной степени распространенности в них патрилокальности.

Еще один показатель патриархата — высокий уровень рождаемости. Причина в том, что, если рождаемость высока, жизнь женщин в основном ограничивается репродуктивной функцией, а их радиус активности почти не выходит за пределы домохозяйства. Как следствие, жизнь вне дома монополизирована мужчинами. Чтобы оценить влияние фертильности я использовал данные индикаторов мирового развития Мирового банка (World Development Indicators — World Bank, 2010)

⁶⁸ В самом деле, предпочтение родственных браков и эмансипативные ценности отрицательно коррелируют, по данным 51 стран, в которых доступны оба показателя: $r = -0,74$ ($p < 0,001$).

⁶⁹ Эти авторы показывают позитивную и устойчивую связь между исламом на индивидуальном уровне и на уровне общества, с одной стороны, и патриархальными ценностями, с другой. Однако поскольку патриархальные ценности измерялись как показатель, обратный равенству как аспекту эмансипативных ценностей, эти результаты подразумевают негативную связь между исламом и эмансипативными ценностями. Проверив этот вывод, я установил, что процент мусульман в обществе коррелирует негативно с ориентацией на эмансипативные ценности: $r = -0,57$ ($p < 0,001$; $N = 91$), а принадлежность индивидов к исламу коррелирует с ними также негативно, но слабее: $r = -0,24$ ($p < 0,001$; $N = 254\,000$). Однако корреляция между исламом и эмансипативными ценностями снижается до $-0,30$ (частный коэффициент корреляции), если контролировать технологический прогресс (коэффициент частной корреляции которого с эмансипативными ценностями $-0,73$). На индивидуальном уровне связь между исламом и эмансипативными ценностями становится незначимой ($-0,03$), если контролируется преобладание ислама в обществе.

⁷⁰ Есть вероятность, что супруги женатых мужчин живут в отдельных домохозяйствах. Я предполагаю, однако, что их доля во всех обществах очень мала. В большинстве случаев семейная жизнь подразумевает проживание под одной крышей.

о коэффициенте фертильности женщин в 1980 г.⁷¹ Чтобы избежать проблемы эндогенности, я специально выбрал показатель фертильности за период, предшествовавший подъему эмансипативных ценностей. Фертильность также интересна еще по нескольким причинам. «Объединенная теория роста» (Galor, 2012) постулирует, что развитие зависит от изменений жизненной стратегии, проявляющихся в отказе от инвестиций времени в максимизацию количества потомков в пользу продвижения инноваций. Один из аспектов этой стратегии — контроль рождаемости. На этом фоне кажется вероятным, что возможности, связанные с ВАПК-условием, поощряют больший контроль над рождаемостью, что в свою очередь способствует технологическому прогрессу — самому непосредственному источнику эмансипативных ценностей. Следовательно, эмансипативные ценности могут различаться в культурных зонах отчасти потому, что в этих зонах разная степень контроля рождаемости. Чтобы проверить это предположение, я измеряю контроль рождаемости как показатель, обратный уровню рождаемости в обществе.

Все больше ученых предполагают, что генетические факторы могут играть роль в развитии общества (Hatemi & McDermott, 2012). Вариации частоты двух генов в различных обществах привлекли особенное внимание: 'Val^{108/158}Met' полиморфизм COMT (Катехол-О-метилтрансфераза) гена и версия гена 5-HTTLPR с длинным аллелем. Оба гена влияют на систему вознаграждения у людей, изменяя уровни эмиссии стимулирующих гормонов: в случае гена COMT это дофамин; в случае гена HTTLPR — серотонин. Данные из «банка частоты аллелей» (ALFRED) Йельского университета позволяют предположить, что частота обоих генов варьирует в разных популяциях (см.: alfred.med.yale.edu). Более того, представляется, что оба гена могут быть связаны с личностными чертами, делающими людей более восприимчивыми к эмансипативным ценностям. В случае гена COMT есть позитивная корреляция с двумя комплексами личностных качеств из «большой пятерки»: «открытость» и «экстраверсия». Аналогичным образом, преобладание в популяции гена COMT отрицательно связано с личностной чертой, которая снижает восприимчивость людей к эмансипативным ценностям: «невротизм» (Stein, Fallin, Schork & Gelernter, 2005; Wichers et al., 2008)⁷². В свою очередь ген HTTLPR в варианте с длинным аллелем позитивно коррелирует с культурным индивидуализмом — личностной чертой, которая также должна повышать предпочтение эмансипативных ценностей (Chiao & Blizinski, 2010).

То, почему именно гены, предрасполагающие людей к определенным личностным чертам, преобладают в каких-то обществах, а в других — нет, может быть объяснено тезисом источника теории эмансипации. Когда природные воз-

⁷¹ Коэффициенты корреляции фертильности женщин с родственными браками $r = 0.63$ ($p < 0.004$; $N = 68$) и с патрилокальным домохозяйством $r = 0.32$ ($p < 0.004$; $N = 80$), корреляция двух последних показателей между собой $r = 0.70$ ($p < 0.001$; $N = 46$). Таким образом, эти три перечисленные представляют собой единое измерение, отражающее синдром патриархальной закрытости группы. Факторные нагрузки: 0.92 для родственных браков и 0.82 для патрилокальных домохозяйств и фертильности женщин ($N = 42$ общества). Общая вариация этих трех перечисленных составляет 73%. Если объединить все три перечисленные в единый показатель патриархальной закрытости группы, то он коррелирует на уровне $r = -0.65$ с защищенностью от болезней и на уровне $r = -0.82$ с ВАПК-условием ($p < 0.001$; $N = 42$). Поскольку опасность болезней и ВАПК-условие во времени возникли значительно раньше, чем патриархальная закрытость групп, очевиден вывод: отсутствие возможностей, связанных с ВАПК-условием и защитой от болезней, вызывает патриархальную закрытость групп.

⁷² Два других комплекса личностных черт — это «добродетельность» и «добросовестность». Определение и описание личностных черт «большой пятерки» смотрите в публикации: Matthews, Deary, & Whiteman (2003).

возможности, такие как ВАПК-условие, усиливают полезность свобод, личностные черты, побуждающие людей требовать, утверждать и использовать свободы, становятся полезными. Открытость (к новому опыту), экстраверсия и индивидуализм — именно такие личностные черты, они предрасполагают людей следовать своим внутренним мотивам, что влечет за собой использование свобод. Люди с такими личностными чертами получают конкурентное преимущество и по этой причине оказываются более успешными. Как образцы для подражания они становятся предпочитаемыми партнерами и, вследствие этого, воспроизводятся в больших пропорциях. Следовательно, гены, предрасполагающие людей к личностным чертам, делающим их более восприимчивыми к эмансипативным ценностям, начинают преобладать в популяциях, где природные особенности увеличивают полезность свобод. Если это так, эмансипативные ценности должны различаться в культурных зонах отчасти потому, что культурные зоны различаются по распространенности таких генов, как COMT и HTTLPR. Чтобы проверить это предположение, я использовал данные Чиао и Близински (Chiao & Blizinski, 2010), собравших информацию о частоте гена HTTLPR в различных популяциях. Эквивалентные данные по гену COMT взяты из готовящейся к публикации работы Инглхарта, Понарина и Вельцеля. Частоты этих генов доступны для пятидесяти обществ⁷³.

Если приведенные выше соображения имеют долю истины, то демографические частоты открытости, экстраверсии, невротизма и индивидуализма — более непосредственные причины склонности популяции к эмансипативным ценностям, чем частота генов. Чтобы проверить эту возможность, я использовал данные о демографических вариациях личностных типов Шмитта и его коллег (Schmitt et al., 2012) и данные о преобладании культурного индивидуализма Хофстеде (Hofstede, 2001 [1980]), а также Су, Динэра, Оиши и Триандиса (Suh, Diener, Oishi & Triandis, 1998). Что касается типов личности, я рассчитал объединенный усредненный индекс распространенности открытости, экстраверсии и показателя, обратного невротизму, для каждого из обществ. Значение этого показателя увеличивается с ростом открытости и экстраверсии и снижается с повышением невротизма.

Еще одна черта обществ, предположительно поддерживаемая средой с богатыми возможностями, это «мягкость» культуры: она противоположна жесткости и измеряет толерантность общества к девиантному поведению. Поскольку эмансипативные ценности включают в себя этот тип толерантности, будет очевидным предположить, что общества с «мягкой» культурой более предрасположены к принятию этих ценностей. Если это так, то эмансипативные ценности различаются в культурных зонах отчасти потому, что культурные зоны варьируются по степени «мягкости». Чтобы протестировать эту возможность, я использовал данные о степени «мягкости» примерно тридцати обществ из публикации: Gelfand et al. (2011).

Природные условия и личностные черты, которым они предположительно благоприятствуют, — это в чистом виде экзогенные условия: они находятся вне

⁷³ Я интерпретирую эти данные очень острожно по двум причинам. Во-первых, не вполне понятно, оценивались ли частоты генов на эквивалентных выборках в соответствующих популяциях. Во-вторых, пока мы не знаем механизм отбора, который мог бы объяснить, почему частота разных аллелей генов варьируется в разных популяциях. Тем не менее я считаю оправданным привести данные о существовании связи между генами и культурой и рассуждать о ее причинах.

контроля общества⁷⁴. Кроме того, данные факторы относятся к такому отдаленному прошлому, что они размещаются в начале каузальной «воронки», ведущей к появлению эмансипативных ценностей. По этой причине должны быть более непосредственные причины этих ценностей. Продолжая поиски в прошлом, хотя уже не в таком отдаленном, как время, когда формировались природные условия существования общества, следует выделить исторические «прорывы», поднимавшие общества на новую ступень развития. Среди таких ранних прорывов есть два, привлекающие к себе в последнее время внимание: появление сельского хозяйства и становление государства. Например, Паттерман (Putterman, 2008) утверждает, что общества, в которых сельское хозяйство появилось раньше, и по сей день оказываются более развитыми. Бокстет, Чанда и Паттерман (Bockstette, Chanda & Putterman, 2002) считают, что это относится и к «древности государства» — показателю исторической устойчивости государственных образований. Таким образом, чем раньше в истории общества появились сельское хозяйство, производящее прибавочный продукт, и государство — тем более развитым оказывается данное общество. Поскольку эмансипативные ценности — сущностный элемент развития, время появления сельского хозяйства и государства должно также влиять на эти ценности. Другими словами, возможно, что эмансипативные ценности неодинаковы в различных культурных зонах из-за различного времени появления в обществах сельского хозяйства и государства. Чтобы проверить это предположение, я использовал данные об этих двух факторах из публикации: Putterman (2008) и Bockstette, Chanda & Putterman (2002).

Все еще анализируя прошлое, но приближаясь к настоящему, можно отметить два институциональных наследия колониальной эпохи. Аджимоглу, Джонсон и Робинсон (Acemoglu, Johnson & Robinson, 2001) обращают внимание на специфическое наследие колониальной эры: «инклюзивные институты», относящиеся к доступу к рынку и политическому представительству. Эти авторы утверждают, что степень принятия обществами инклюзивных институтов в колониальную эпоху объясняет их уровень развития по сей день. Инклюзивные институты появились в позднем Средневековье благодаря распространенному тогда в Западной Европе «контрактному» типу феодализма (Powelson, 1987) или тому, что Норт, Уоллис и Уайнгаст (North, Wallis & Weingast, 2010) называют «порядками открытого доступа». Из Европы, где они появились, инклюзивные институты были перенесены в те области колоний, где европейцы могли селиться в существенных количествах, потому что их смертность там была низкой. Таким образом, Аджимоглу, Джонсон и Робинсон используют исторические данные о смертности «белых» поселенцев как показатель распространенности инклюзивных институтов и показывают, что те общества, где смертность «белых» поселенцев исторически была низкой, сейчас более развиты. Опять-таки, поскольку эмансипативные ценности тесно связаны с развитием, смертность «белых» поселенцев должна также влиять на способность обществ принимать эти ценности. Другими словами, возможно, что эмансипативные ценности отличаются в различных культурных зонах, поскольку в этих зонах различаются показатели смертности «белых» поселенцев. Чтобы проверить эту ги-

⁷⁴ В будущей ситуации может измениться с ростом технологических возможностей и развитием геной инженерии, но пока этого не происходит.

потезу, я использую данные о смертности, опубликованные Аджимоглу, Джонсоном и Робинсоном (Acemoglu, Johnson & Robinson, 2001).

Ключевое проявление «инклюзивных институтов» — это демократия. В самом деле, ряд авторов утверждают, что эмансипативные ценности эндогенны для демократии (Vanhanen, 2003; Hadenius & Teorell, 2005). Эта позиция основана на идее «институционального обучения» как аспекта социализации: люди принимают ценности, воплощенные в институтах их обществ (Rustow, 1970; Jackman & Miller, 1998). Если это утверждение верно, понятно, что институтам требуется время, чтобы вызывать социализирующий эффект. Соответственно, демократия должна формировать ценности, существуя продолжительное время, а не в момент своего появления. Как показали Герринг, Бонд, Барндт и Морено (Gerring, Bond, Barndt & Moreno, 2005), демократия действительно влияет на другие социальные институты, если она устойчива и существует достаточно долго. Тогда эмансипативные ценности различаются в культурных зонах, поскольку последние различаются по своим демократическим традициям. Чтобы протестировать это предположение, я использовал индекс традиции демократии, описанный подробно в главе 2.

Помимо институционального наследия в литературе по проблематике развития подчеркивается значение идеологического наследия (Lal, 1998). Черная вдохновение в работах Макса Вебера, различные авторы предполагают, что эмансипативная специфика западной цивилизации основывается на индивидуалистическом и эгалитарном наследии протестантизма (Dumont, 1986; Lal, 1998). Напротив, характерные для ислама традиции патриархата, иерархии и подчинения авторитетам часто трактуются как антитеза эмансипативным традициям протестантизма (Huntington, 1996; Kurup, 2004). Таким образом, можно предположить, что эмансипативные ценности различаются в культурных зонах, потому что эти зоны различаются по степени влияния на них протестантизма и ислама. Чтобы проверить эту гипотезу, я использовал данные о доле протестантов и мусульман в 1980-х гг. в различных обществах, используя базу данных «Качества Правительства» (Quality of Governance Institute, 2012). Следуя публикации Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005), я сконструировал индекс соотношения протестантизма/ислама, вычитая долю мусульман из процентной доли протестантов в обществе. Значение этого индекса становится более высоким и положительным в той мере, в какой доля протестантов превышает долю мусульман, и негативным в обратной ситуации⁷⁵.

Наконец, тезис последовательности теории эмансипации предполагает, что самая непосредственная причина эмансипативных ценностей — это контроль над ресурсами для действий. Если это верно, то эмансипативные ценности могут различаться в культурных зонах, потому что в этих зонах для типичных индивидов различаются доступность и объем ресурсов для действий. Чтобы оценить ресурсы для действий, доступные большинству людей в обществах, я использовал индекс технологического прогресса и ВВП на душу населения. Если технологический прогресс отражает все три типа ресурсов для действий в равной мере, то ВВП на душу населения — прежде всего, показатель материальных ресурсов. Поскольку пред-

⁷⁵ Использование набора бинарных фиктивных переменных, отражающих исторический отпечаток протестантизма, ислама, католицизма, православия, буддизма или конфуцианства, дало более слабые результаты.

полагается, что для роста эмансипативных ценностей необходимы все три типа ресурсов для действий, я выдвигаю гипотезу, что технологический прогресс объясняет большую долю вариации эмансипативных ценностей в культурных зонах, чем ВВП на душу населения.

Разнообразные факторы и условия, рассмотренные выше, ни в коей степени не являются взаимоисключающими. Мы должны рассматривать их принадлежность к различным этапам пути по «каузальной воронке» к эмансипативным ценностям. Их принадлежность к разным стадиям развития этих ценностей зависит от того, насколько их появление отдалено по времени: корневые причины — самые древние, непосредственные — самые недавние; промежуточные причины находятся в среднем временном интервале. В начале, таким образом, находятся благоприятные природные условия, включая ВАПК-условие и защищенность от болезней, которые увеличивают полезность реализации свобод и толерантности по отношению к ним. Медленно, но устойчиво эти факторы благоприятствуют отбору эмансипативных черт личности, таких как индивидуализм. Эмансипативные черты предрасполагают людей к тому, чтобы требовать свобод, стремиться к их утверждению и использованию. Когда такие личностные черты начинают преобладать, идеологические и институциональные традиции, проникнутые «эмансипативным духом», укореняются легче. Особенно ярко это проявляется в протестантской религии и представительских институтах. Богатые возможностями общества — безопаснее и терпимее, они смещают акцент со стремления иметь много детей на развитие индивидуальных навыков и с роста населения на технологический прогресс. В результате технологического прогресса люди получают контроль над ресурсами для действий, которые в итоге подталкивают их к принятию эмансипативных ценностей в той форме, которая нам известна в современном постиндустриальном обществе.

На следующем шаге мы оцениваем для каждого из упомянутых выше условий то, какую долю «кластеризующего влияния» культурных зон на эмансипативные ценности они объясняют. А именно я вычисляю, в какой степени среднее значение данного условия в культурной зоне общества объясняет степень предпочтения эмансипативных ценностей в данном обществе. Эти оценки показаны в левой колонке таблицы 3.2. Ключевой вопрос — насколько велика объяснительная сила данного условия по сравнению с объяснительной силой эмансипативных ценностей для конкретной культурной зоны. Данные об этой степени соответствия приводятся в средней колонке таблицы 3.2.

С учетом того, насколько давно появилось данное условие, его объяснительная сила дает ориентир для оценки его «истинного» статуса как причины кластеризующего влияния данных культурных зон по отношению к эмансипативным ценностям. Например, если очень давно появившийся фактор, такой как ВАПК-условие, показывает более высокую объяснительную силу, чем какой-то близкий по времени фактор, это весомый аргумент для низкой оценки истинного статуса близкого по времени фактора. Резюмируя: когда близкий по времени фактор обладает меньшей объяснительной силой, чем давно появившийся фактор, это снижает истинный статус недавно появившегося фактора и усиливает истинный статус давно появившегося.

3.3. Результаты теста

Если мы проанализируем данные таблицы 3.2, учитывая вышеизложенное, первое, что мы увидим: ВАПК-условие является наиболее древним фактором. Тем не менее различия ВАПК-условия между культурными зонами объясняют 49,4 % дисперсии эмансипативных ценностей между странами. Это соответствует 72 % кластеризующего влияния культурных зон на эмансипативные ценности. Это больше, чем у многих других, более близких по времени факторов, включая генетический профиль населения, личностные профили населения, степень «мягкости» культуры, время, прошедшее с начала развития земледелия и формирования государства, традицию демократии и даже ВВП. Это ставит под сомнение статус перечисленных выше условий как причин кластеризующего влияния культурных зон на эмансипативные ценности. Более того, ни одно из условий, возникших так же давно, как ВАПК-условие, не обладает большей объяснительной силой. По сути, биоклимат, среднегодовые температуры и защищенность от болезней уступают ВАПК-условию по объяснительной силе. Только смертность «белых» поселенцев — фактор, сравнимый с ВАПК-условием по давности появления и объяснительной силе. Нужно также отметить высокую отрицательную корреляцию ВАПК-условия и смертности «белых» поселенцев: $r = -0,71$ ($p < 0,001$; $N = 93$). Это вполне понятно. Исторически показатели смертности «белых» поселенцев были высокими там, где ВАПК-условия были хуже, поскольку белые люди развивались в благоприятных ВАПК-условиях в Европе и хуже выживали в том климате, где эти благоприятные условия отсутствовали. Таким образом, нет сомнений, что во взаимосвязи условий среды и смертности именно среда является причиной. Таким образом, данные таблицы 3.2 подтверждают истинный статус ВАПК-условия как корневой причины кластеризующего влияния культурных зон по отношению к эмансипативным ценностям.

Если это так, мы должны относить к непосредственным условиям эмансипативных ценностей только те факторы, которые ближе к ним по времени, чем ВАПК-условие, и превосходят ВАПК-условие по своей объяснительной силе. Есть только четыре фактора, удовлетворяющие этому требованию. В порядке возрастания объяснительной силы это следующие: культурный индивидуализм, родственные браки, протестантизм или ислам и технологический прогресс. Из этих четырех условий протестантизм или ислам и, особенно, технологический прогресс обладают наибольшей объяснительной силой. Это объясняется тем, что для двух упомянутых факторов есть данные для большего количества стран: для еще двадцати стран — в сравнении с информацией о родственных браках и для еще десяти стран — в сравнении с информацией о культурном индивидуализме.

Коэффициенты, полученные с помощью двухшаговой регрессии по методу наименьших квадратов и представленные в таблице 3.3, показывают, что соотношение протестантизм/ислам и технологический прогресс полностью исчерпывает кластеризующее влияние культурных зон на эмансипативные ценности. На первом шаге регрессии я использовал контекстные оценки протестантизма против оценок ислама и технологического прогресса для предсказания значений эмансипативных ценностей для культурных зон. Вместе эти два фактора предсказывают 96 % кластеризующего влияния культурных зон на эмансипативные ценности, причем технологический прогресс объясняет большую долю дисперсии. Рисунок 3.7

иллюстрирует 96-процентное перекрытие зон наблюдаемых и предсказанных этими двумя факторами значений эмансипативных ценностей для культурных зон. Это говорит нам о том, что культурные зоны кластеризуют эмансипативные ценности, поскольку культурные зоны различаются по протестантизму и исламу и технологическому прогрессу. Затем, когда на втором шаге регрессии мы используем предсказанные для культурных зон значения эмансипативных ценностей для объяснения средних значений этих ценностей для стран, мы объясняем 73 % дисперсии. Этот процент даже превышает кластеризующее влияние культурных зон на эмансипативные ценности, оценка которого — 68,9%.

Таблица 3.3. Причины кластеризации эмансипативных ценностей по культурным зонам (двухшаговая регрессия по методу наименьших квадратов)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:	
	Шаг 1: Истинное КЭКЗ эмансипативных ценностей	Шаг 2: Истинные НС эмансипативных ценностей
Константа	0.29 (340.66) ***	0.00 (0.11)'
Истинное КЭКЗ протестантизм-ислам	0.10 (16.89) ***	
Истинное КЭКЗ технологический прогресс	0.26 (200.08) ***	
Ожидаемое КЭКЗ эмансипативных ценностей		0.97 (150.19) ***
Остаточное КЭКЗ эмансипативных ценностей		0.49 (10.63)'
Скорректированный R ²	0.96	0.73
N (обществ)	87	87

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты (b), в скобках — значения t-критерия. Уровни значимости: *p < 0.100; **p < 0.050; ***p < 0.005; ' не значимо (p > 0.100). Данные включают все общества с validными данными по всем перечисленным, использованным в данном анализе, участвовавшие хотя бы однажды в опросах МИЦ/ЕИЦ; значения эмансипативных ценностей брались из последнего по времени опроса.

КЭКЗ — контекстные значения культурных зон.

НС — национальные средние значения.

На первом шаге регрессии истинные значения КЭКЗ для технологического прогресса и религиозных традиций использовались для вычисления ожидаемых и остаточных значений КЭКЗ эмансипативных ценностей. На втором шаге эти ожидаемые и остаточные значения КЭКЗ использовались для объяснения истинных НС эмансипативных ценностей.

Представленные выше результаты предполагают, что две силы определяют центр притяжения, или опорную точку, эмансипативных ценностей в обществах. В меньшей степени эти опорные точки зависят от религиозного наследия, которое когда-то внесло «семена» эмансипативных ценностей в культуру обществ. — это проявляется во влиянии фактора протестантизма по сравнению с исламом. В большей степени — от ресурсов для действий, которые обеспечивают людям технологический прогресс.

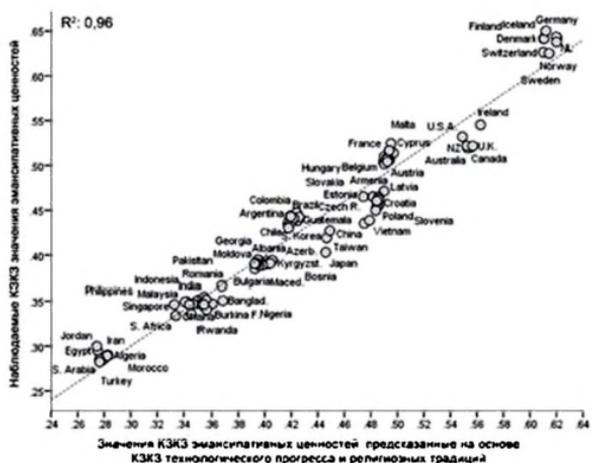

Рисунок 3.7. Наблюдаемые и предсказанные показатели эммансипативных ценностей в различных культурных зонах

Примечание: Контекстные значения для культурных зон (КЭКЗ) приписывают каждому из обществ среднее значение данной переменной для всех остальных обществ в той же культурной зоне. Таким образом, значение по вертикальной оси показывает для каждого общества среднее значение для всех остальных обществ в той же культурной зоне. Значение по горизонтальной оси показывает предсказанные значения этих КЭКЗ для каждого общества, рассчитанные на основе показателей технологического прогресса и религиозных традиций всех остальных обществ. Проще говоря, график показывает, насколько хорошо контекстное значение эммансипативных ценностей для данной культурной зоны предсказывается контекстными условиями технологического прогресса и религиозных традиций в данной культурной зоне.

Кластеризующее влияние культурных зон на эммансипативные ценности полностью объясняется различиями и культурных зон по протестантизму, исламу и технологическому прогрессу. Следовательно, нам нет необходимости учитывать всю совокупность различий между культурными зонами, чтобы объяснить влияние культурных зон на ценности. Мы можем сосредоточить внимание только на двух специфических факторах. Конечно, такое ограничение не дает нам никакой информации о том, почему именно культурные зоны отличаются по протестантизму, исламу и технологическому прогрессу. Но тезис «источника» теории эммансипации дает возможный ответ. Там, где ВАПК-условие благоприятно, оно дает возможность автономного существования фермерским домохозяйствам и обеспечивает высокую отдачу сельскохозяйственного труда; это условие также повышает защищенность от болезней. Вместе ВАПК-условие и защищенность от болезней создают богатую возможностями среду, которая увеличивает полезность реализации свобод и толерантности по отношению к ним. Когда полезность свобод возрастает, инвестирование времени в развитие навыков и творческих способностей приносит больше благ. Напротив, инвестирование времени в воспитание многочисленных детей влетает за собой высокие издержки. Соответственно, инвестиции домохозяйств перенаправляются с максимизации рождаемости на продвижение инноваций. Исторически население регионов с благоприятным ВАПК-условием,

высокой защищенностью от болезней и большим контролем над рождаемостью должно было быть более восприимчивым к идеологиям, содержащим эмансипативный импульс, таким как протестантизм, и менее — к идеологиям с патриархальным импульсом, таким как ислам. Совместно эти два фактора — преобладание протестантизма над исламом и технологический прогресс — в итоге «взрастили» эмансипативные ценности.

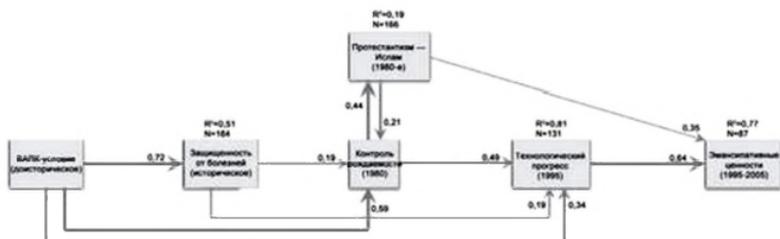

Рисунок 3.8. Хронологическая путевая модель тезиса источника из теории эмансипации

Примечание: Приведены стандартизованные регрессионные коэффициенты (бета), полученные из ряда упорядоченных по времени пошаговых регрессий. Каждая из регрессий использовала все переменные, расположенные слева от зависимой переменной, как независимые переменные; все незначимые эффекты исключались из модели. Все показанные эффекты значимы на 0,005 уровне. Диагностические статистики для гетероскедастичности (тест Уайта), мультиколлинеарности (VIF) и влиятельных случаев (DFFIT) не обнаружили никаких нарушений допущений для обычных регрессий, рассчитанных по методу наименьших квадратов. Исключение из анализа стран, в которых отсутствовали значения для каких-либо переменных, уменьшило размер выборки до 83 случаев. Путевая модель, рассчитанная для этой выборки в AMOS, в которой оценивались коэффициенты для всех путей, показанных на диаграмме, дала сходные значения путей коэффициентов, все статистики согласия модели и данных (GFI, CFI, IFI) превысили приемлемый порог в 0,90.

Я буду обсуждать эти положения, опираясь на исторические данные, в главе 11. Но я бы хотел уже сейчас подчеркнуть, что полученные результаты полностью подтверждают все приведенные выше положения. Это хорошо видно на путевой диаграмме на рисунке 3.8. То, что мы видим, это результат отдельных упорядоченных во времени регрессий, в каждую из которых включены все общества, для которых имелись данные о нужных переменных⁷⁶. Основной путь влияния проходит от ВАПК-условия, время появления которого не известно, к контролю рождаемости в 1980 г., затем к технологическому прогрессу в 1999 г. и, наконец, к эмансипативным ценностям в 2000—2005 гг., с долями объясненной дисперсии, равными 67 % (контроль над рождаемостью), 81 % (технологический прогресс) и 77 % (эмансипативные ценности). В главе 11 последовательность развития эмансипативных ценностей, показанная на рисунке 3.8, рассматривается в историческом контексте: в ней обсуждается, когда именно и почему ВАПК-условие стало влиять на ценности. Пока мы ограничимся ключевым выводом: тезис «источника» теории эмансипации дает вероятное и подтвержден-

⁷⁶ Для того чтобы оценить степень соответствия данным всей модели, показанной на путевой диаграмме на рисунке 3.8, необходимо оставить в выборке только те общества, для которых есть данные обо всех использованных переменных. Это сокращает размер выборки до 83 обществ. Интегрированная путевая модель с теми же путями, что и на рисунке 3.8, для 83 обществ дает сходные результаты. Критерий согласия для всей интегрированной модели — выше порога 0,90 для приемлемой модели.

ное данными объяснение различий между культурными зонами, связанными с процессом человеческой эмансипации.

Обратите внимание на то, что путевая модель на рисунке 3.8 — вероятностная, а не детерминистическая: она объясняет большую часть, но не всю дисперсию развития обществ. Благоприятные возможности создают коридоры возможностей, за пределы которых общества не могут выйти. Но тот выбор, который делает каждое общество: будет ли оно двигаться ближе к «полу- или «потолку» коридора, — может приводить к серьезным различиям.

Ключевые положения

Эмансипативные ценности формируются на различных уровнях социальной реальности, включая (в возрастающем порядке агрегирования): индивидов, национальные общества/страны и культурные зоны. Большие ресурсы для действий, и особенно большие интеллектуальные ресурсы, усиливают эмансипативные ценности на всех этих уровнях. Однако эмансипативный импульс ресурсов для действий сильнее всего действует на уровне общества. Именно *общие* ресурсы для действий, доступные для большинства членов общества, а не индивидуальные ресурсы, превышающие этот общий уровень, усиливают эмансипативные ценности. Это подтверждает правильность акцента теории эмансипации на совместной, *общей* полезности.

Ресурсы для действий также объясняют сильное формирующее влияние культурных зон на эмансипативные ценности обществ: эти ценности кластеризуются в культурных зонах, и кластеризация объясняет две трети вариации эмансипативных ценностей между странами. Что неудивительно, поскольку культурные зоны — всеобъемлющая категория, которая охватывает исторически сложившуюся общность, характерную для государств, принадлежащих к ним. Однако когда мы пытаемся объяснить, какие именно характеристики культурных зон объясняют их формирующее влияние, оказывается, что это степень технологического прогресса — показатель, сочетающий все три типа ресурсов для действий. Следовательно, культурные зоны определяют эмансипативные ценности в основном потому, что различаются по степени технологического прогресса.

Конечно, это не отвечает на вопрос о том, почему культурные зоны различаются по степени технологического прогресса, но предварительные результаты предполагают, что «изначальными семенами» были благоприятные природные условия, которые усиливали полезность реализации свобод и толерантного отношения к ним. Когда и почему эти семена «взошли», обсуждается в главе 11.

Глава 4. Отслеживание изменений

Изменяющиеся ценности трансформируют практически каждый важный аспект общества — от экономических мотивов до роли религии и политических институтов.

Рональд Инглхарт

Введение

Я рассматривал источники вариации эмансипативных ценностей в перспективе поперечных срезов. Теперь настало время рассмотреть эти ценности в лонгитюдном измерении. Я анализирую изменения ценностей с течением времени, отслеживая рост эмансипативной ориентированности за последние десятилетия и в последних поколениях.

Ученые вложили больше усилий в анализ культурных различий, чем культурных изменений (Triandis, 1995; Hofstede, 2001 [1980]; Schwartz, 2006). Исключениями являются исследования Инглхарта и нескольких других авторов, занимавшихся именно изменениями культуры (Inglehart & Abramson, 1999; Flanagan & Lee, 2003; Inglehart & Welzel, 2005; Inglehart, 2008; Abramson, 2013). Результаты этой группы исследователей улучшили понимание того, как эффекты жизненного цикла, эффекты периода и когортные эффекты совместно влияют на изменения ценностей. Один из ключевых результатов таков: связанные с возрастом различия в ценностях объясняются не тем, что люди изменяют их, становясь старше. — они проявляются потому, что люди из новых поколений живут в постоянно улучшающихся условиях. Если кратко, когортные эффекты доминируют над эффектами жизненного цикла.

Еще один важный результат: люди периодически изменяют свои ценности с учетом экономических циклов, но эти корректировки происходят вокруг относительно стабильных опорных точек, которые различают поколения в каждом экономическом цикле (Inglehart & Welzel, 2005: 101; Welzel, 2007b; Inglehart, 2008). Более того, и различия между когортами, и периодические корректировки ценностей соответствуют единому принципу — лестнице полезности свобод: когда условия жизни ухудшаются, падает полезность свобод, и ценности становятся менее эмансипативными; напротив, когда условия жизни становятся более благоприятными, возрастает полезность свобод, и ценности становятся более эмансипативными. Следовательно, различия эмансипативных ценностей разных когорт отражают подъем поколений по лестнице полезности свобод, а периодические корректировки этих ценностей отражают циклические флуктуации вверх и вниз по этой лестнице (Welzel, 2007b; Inglehart, 2008).

В настоящее время этот паттерн хорошо изучен на основе такого компонента эмансипативных ценностей как «голос», более известного как постматериализм. Но «голос» — это только один из четырех компонентов эмансипативных ценностей наряду с «выбором», «равенством» и «автономией». Таким образом, данная глава посвящена изменениям всего комплекса эмансипативных ценностей. Кроме того, вопрос каузальности в предыдущем анализе еще не исследован с надлежащей строгостью. По этой причине в данной главе рассмотрение и объяснение изменений эмансипативных ценностей сфокусировано на каузальности.

Это делается двумя способами. Опираясь на данные об изменениях эмансипативных ценностей, представленных в первом разделе, второй раздел рассматривает динамическую модель изменений, объясняющую недавний рост эмансипативных ценностей. Затем, в третьем разделе, используются текущие когортные паттерны для оценки уровня эмансипативных ценностей в прошлом, за периоды, для которых отсутствуют опросные данные. Основываясь на полученных оценках, я моделирую тест временной последовательности, оценивая доминирующие направления динамики трех элементов человеческой эмансипации: ресурсов для действий, эмансипативных ценностей и прав человека. Результаты этого теста подтверждают тезис последовательности теории эмансипации: от ресурсов для действий к эмансипативным ценностям и затем к правам человека.

Перед тем как я начну анализ, нужно сделать одну методологическую оговорку. МИЦ/ЕИЦ — это не панельное исследование, в котором повторно интервьюируются одни и те же люди. Следовательно, в этом проекте невозможно исследовать изменения ценностей на уровне индивидов. Мы можем анализировать только данные на уровне общества в целом, исследуя, как *средние* для общества ценностные ориентации изменялись с течением времени. Однако если нас интересуют изменения культуры, то такое ограничение не должно беспокоить. Культура — это не свойство индивидов: она атрибут обществ. Как коллективное свойство, она проявляется в опорной точке ценностных ориентаций, к которой «притягивается» большинство членов данного общества. Как показано в главах 2 и 3, среднее значение эмансипативных ценностей для общества — это валидный показатель его опорной точки или культурного центра притяжения: среднее значение измеряет наиболее типичные ценностные ориентации для данного населения. Центры притяжения ценностей в различных обществах — мощный фактор, как мы уже убедились. Причина заключается в том, что ценности людей определяются наиболее типичными условиями жизни в их обществах. Именно эта общность условий влияет на агрегированные показатели, такие как средние для обществ. Следовательно, когда мы анализируем изменения ценностей и их детерминанты на уровне общества, мы не допускаем экологической ошибки или других методологических ошибок.

1. Подъем эмансипативных ценностей

Приведенные ниже данные сфокусированы на статистически значимых изменениях эмансипативных ценностей. Для национальных выборок размером около 1000 респондентов изменения ценностей во времени значимы, если они превышают порог в 0,05 пунктов шкалы.

С 1981 по 2008 гг. в рамках МИЦ проведено около 250 опросов в разных странах мира. В 140 случаях мы можем измерить изменения эмансипативных ценностей от предыдущей волны опросов к следующей. Эти изменения в основном относятся к пятилетнему периоду. Среди статистически значимых изменений в 8 случаях — изменения негативные, а в 44 — позитивные. Таким образом, в пятилетний период случаев роста эмансипативных ценностей — в пять раз больше, чем случаев их снижения. Подробности этих и последующих количественных данных можно найти в приложении 4.

В 75 случаях мы можем измерить изменения эмансипативных ценностей по данным трех волн МИЦ. Обычно эти изменения охватывают десятилетний период. Из статистически значимых изменений для этого временного горизонта 4 случая — негативные, а 41 — позитивные. Таким образом, для десятилетнего временного горизонта случаев роста эмансипативных ценностей — в десять раз больше, чем случаев их снижения.

В еще 50 случаях мы можем измерить изменения эмансипативных ценностей в четырех волнах на протяжении пятнадцати или более лет. Среди значимых изменений в 3 случаях — они негативные, а в 30 — позитивные. Снова случаев роста эмансипативных ценностей — в три раза больше, чем случаев снижения. Наконец, в 14 случаях мы можем измерить изменения эмансипативных ценностей в пяти волнах, охватывающих четверть века. Из этих 14 случаев — все значимые и позитивные. Вывод очевиден: эмансипативные ценности становятся более распространенными. В целом, данные об изменениях подтверждают восходящий тренд эмансипативных ценностей, как подсказывал когортный паттерн на рисунке 2.5 в главе 2.

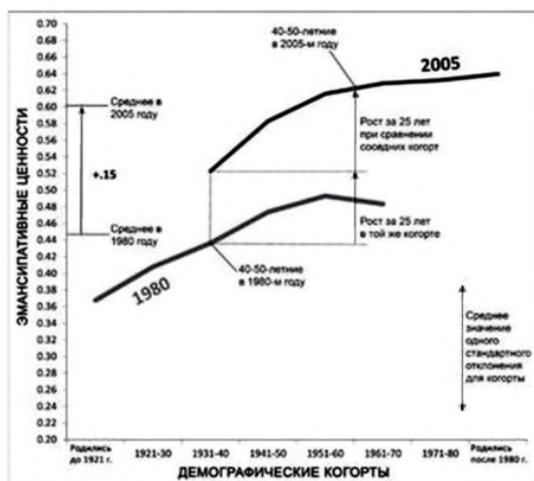

Рисунок 4.1. Рост эмансипативных ценностей между когортами и внутри когорт (экономики знаний, примерно 1980–2005 гг.)

Данные: Самые ранние и самые поздние опросы МИЦ для Австралии, Канады, Франции, Западной Германии, Италии, Японии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, США, Великобритании. Все выборки взвешены до равного размера.

Концепция человеческой эмансипации направлена на процессы развития, протекающие, между тем, очень медленно. Такие процессы заметны только в долгосрочной перспективе. По этой причине последующий анализ сосредоточен на тех обществах, для которых доступны данные за достаточно длительный срок. Сначала я рассмотрю четырнадцать обществ, участвовавших в МИЦ в течение 25 лет, затем — пятьдесят обществ, наблюдавшихся по меньшей мере десять лет.

Концентрируя внимание на более продолжительных периодах, мы меньше рискуем перепутать тренды с циклами⁷⁷.

Подъем эмансипативных ценностей наиболее выражен в постиндустриальных экономиках знаний. Давайте для начала сосредоточим внимание именно на этих обществах, где паттерн представлен наиболее отчетливо. Рисунок 4.1 сужает анализ до одиннадцати обществ с экономиками знаний, для которых существуют данные с 1980 по 2005 гг.⁷⁸ В этих обществах за двадцатипятилетний период рост эмансипативных ценностей составил 0,15 пункта шкалы⁷⁹. Этот рост соответствует почти третьей части всего диапазона вариации эмансипативных ценностей между странами.

Рост эмансипативных ценностей можно разделить на два компонента:

(1) *межкогортный* компонент — рост эмансипативных ценностей за промежуток времени между двумя последовательными когортами;

(2) *внутрикогортный* компонент — рост эмансипативных ценностей за определенный промежуток времени внутри одних и тех же когорт.

Межкогортный рост заметен в восходящем наклоне обеих линий на рисунке 4.1: и в 1980 г., и в 2005 г. мы наблюдаем рост эмансипативных ценностей от пожилых когорт до более молодых. Как показывает уменьшение наклона линий трендов, тенденция большей ориентированности на эмансипативные ценности молодых когорт в сравнении со старшими постепенно снижается, особенно для когорт, родившихся между 1950 и 1960 гг.

Несмотря на очевидное затухание межкогортного роста, эмансипативные ценности отчетливо росли в период с 1980 по 2005 гг. Этот рост происходил в *каждой* когорте: линия для 2005 г. расположена выше линии для 1980 г. у *каждой* когорты. Вертикальное расстояние между линиями для 1980 и 2005 гг. показывает внутрикогортный рост.

Сравнение межкогортного и внутрикогортного роста демонстрирует, что они одинаковы. Самая старшая когорта, участвовавшая в опросах как в начале, так и в конце периода наблюдений, — это когорта респондентов, родившихся в период между 1930 и 1940 гг. В период с 1980 по 2005 гг. эмансипативные ценности этой когорты выросли с 0,44 до 0,53 шкальных пунктов — то есть на 0,09 за двадцать пять лет. В 1980 г. членам этой когорты было от сорока до сорока пяти лет. Через двадцать пять лет, в 2005 г., у респондентов того же возраста (40—45 лет) значение эмансипативных ценностей стало 0,62 — олять-таки, рост в 0,09 в сравнении с теми людьми, которым было 40—45 лет в 1980 г. Следовательно, есть прирост эмансипативных ценностей в 0,09 шкального пункта, объясняющийся двадцатипятилетней разницей времени измерения в одной и той же когорте. Кроме того, существует прирост в 0,09 шкального пункта из-за разницы возраста в двадцать

⁷⁷ Представим, что переменная циклически растет и снижается при долгосрочном восходящем тренде. Далее представьте, что вы измеряете ее изменения за какой-то промежуток времени и первое измерение приходится на восходящий этап цикла, а второе — на нисходящий. Чем больше интервал времени, в течение которого вы будете проводить измерения, тем менее вероятно, что вы пропустите тренд: если период измерений достаточно длительный, то рост накапливается, и вы обнаружите восходящий тренд, даже если первое измерение пришлось на восходящий этап цикла, а второе — на нисходящий.

⁷⁸ Точные даты: 1981—1983 и 2005—2008 гг. Для краткости я их округлил.

⁷⁹ Национальные выборки были взвешены до равного размера. Если использовать веса, пропорциональные численности населения, размер роста эмансипативных ценностей останется таким же.

пять лет между когортами. Эти приросты между когортами и внутри когорт — одинакового размера.

В приложении 4 приводятся изменения для четырех вспомогательных компонентов, на основе которых вычисляется обобщенный показатель эмансипативных ценностей. Эти изменения по направлению и размеру сравнимы с изменениями обобщенного индекса эмансипативных ценностей. То есть описанный паттерн изменений не обусловлен каким-то конкретным компонентом эмансипативных ценностей — это общая для всех компонентов тенденция.

Более того, изменения ценностей в период с 1980 по 2005 гг., показанные на рисунке 4.1, — это не результат кратковременных флуктуаций с временного минимума в 1980 г. к временному максимуму в 2005 г. Напротив, данные различия показывают тенденцию постоянного движения с течением времени к более устойчивым эмансипативным ценностям. Это становится очевидным, когда мы отображаем эмансипативные ценности в последовательности всех пяти волн МИЦ от 1980 до 2005 гг. Этот график также показан в приложении 4.

Подъем эмансипативных ценностей наиболее ярко выражен в экономиках знаний. Но даже если мы анализируем экономики других типов, случаев статистически значимого роста эмансипативных ценностей больше, чем случаев их снижения. Кроме того, рисунок 2.5 показал, что когортный паттерн обществ из всех десяти культурных зон указывает на рост эмансипативных ценностей. И все же величина роста варьируется: есть также случаи стагнации, и даже случаи значимого снижения ИЗЦ. Эти вариации вызывают вопрос: можем ли мы объяснить направление и размер изменений эмансипативных ценностей?

2. Модель динамического сдвига

2.1. Анализ динамической связи

Если тезис *последовательности* теории эмансипации верен, тогда направление и размер изменений степени распространенности эмансипативных ценностей — это реакция на направление и размер изменений доступности ресурсов для действий в обществе.

Как мы уже видели в главе 3, технологический прогресс — лучший индикатор сочетания всех трех типов ресурсов для действий, включающий интеллектуальные, материальные и коммуникативные ресурсы. К несчастью, показатель технологического прогресса не доступен в достаточно длинных временных рядах, чтобы установить его динамическую связь с эмансипативными ценностями⁸⁰. Альтернативные индикаторы ресурсов для действий на уровне общества включают в себя широту доступа к Интернету, среднюю продолжительность получения образования одного человека и ВВП на душу населения. Доступ к Интернету не подходит для лонгитюдного анализа, поскольку распространение Интернета — недавний феномен, не существовавший до 1990 г. Продолжительность получения образования также доступно не для всех стран: мы потеряем более двенадцати обществ, если построим лонгитюдный анализ на этом показателе. Таким образом, ВВП на душу населения — единственный показатель с достаточно широким охватом пространства и времени.

⁸⁰ Самые ранние данные относятся к 1995 г. С этого времени данные были доступны только для еще одного временного периода, когда писалась эта книга.

Как мы видели в главе 3, среди трех типов ресурсов для действий у ВВП на душу населения — самое слабое влияние на эмансипативные ценности. Но это относительно утверждение. Несмотря на то, что ВВП на душу населения — самый слабый фактор среди трех типов ресурсов, он тем не менее достаточно сильно влияет на эмансипативные ценности. Кроме того, ВВП на душу населения сильно коррелирует с другими типами ресурсов для действий⁸¹. Следовательно, за неимением лучших индикаторов приемлемо исследовать влияние ресурсов для действий на эмансипативные ценности, используя ВВП на душу населения⁸².

ВВП на душу населения и эмансипативные ценности, как мы уже знаем, тесно связаны. Однако эта связь основана исключительно на использовании данных поперечных срезов, что не позволяет оценить динамическую взаимосвязь этих двух переменных. Это проблема, потому что связь двух любых переменных может быть каузальной, только если они *совместно изменяются*. Чтобы это было верным, изменения, а не только *уровни* этих двух переменных, должны быть связаны (Harrison, 1987; Alexander & Welzel, 2009). Динамическая связь — это не окончательное доказательство каузальности; тем не менее это ее предпосылка⁸³. Следует установить, есть ли динамическая связь между ВВП на душу населения и эмансипативными ценностями. Чтобы сделать это, я проверю, связаны ли изменения эмансипативных ценностей с изменениями ВВП на душу населения в ожидаемом направлении, и, если да, является ли эта связь статистически значимой⁸⁴.

В соответствии с тезисом *последовательности* теории эмансипации, люди изменяют свои ценности, реагируя на изменения своего контроля над ресурсами для действий. Этот тезис предполагает, что значимые изменения ресурсов для действий непосредственно влияют на условия жизни людей и по этой причине немедленно замечаются людьми. Следовательно, заметные изменения ресурсов для действий вызывают реакцию людей, которые в ответ на эти изменения изменяют степень своей ориентации на эмансипативные ценности (хотя ценности молодых когорт изменяются сильнее, чем ценности более старших когорт). С учетом сказанного выше, модель не предполагает существование конкретного временного лага изменений ценностей в ответ на изменения ресурсов для действий. С этой точки зрения, причина того, что обычно ценности изменяются медленно, связана не с тем, что они могут изменяться только через смену поколений: ценности обычно изменяются медленно потому, что ресурсы

⁸¹ ВВП на душу населения для 2000 г. коррелирует с количеством лет обучения: $r = 0,86$ ($N = 95$) и с доступом к Интернету: $r = 0,89$ ($N = 170$).

⁸² Это тем более верно для выборки, не включающей ориентированные на получение ренты нефтяные экономики — богатые, но не расширяющие доступ к интеллектуальным и коммуникативным ресурсам для обычных людей в той же степени, что и к материальным ресурсам. Эти экономики отсутствуют в моей выборке.

⁸³ Отметим, что для существования каузальной связи между двумя изменениями не требуется, чтобы один изменения завершились раньше других. Вполне возможно, что в паре двух одновременных изменений одно является ведущим, а другое — ведомым. Зонак и понижение температуры происходят одновременно, но зонак — причина, а изменение температуры — следствие. В мире политики Стилсон (Stimson, 1999) показывает это для изменения общественного мнения и политики: они одновременны, но влияние общественного мнения на политику более значимо.

⁸⁴ Со времени публикации Кронбаха и Ферби (Cronbach & Furby, 1970) анализ значений изменений был дискредитирован. Но недавно выросло количество публикаций, реабилитирующих анализ значений и изменений как надежный, валидный и важный для понимания динамики взаимосвязей (Liker, Augustyniak & Duncan, 1985; Allison, 1990; Miller & Kane, 2001).

для действий также изменяются медленно, что характерно для любых постепенных процессов развития. По этой причине я выбираю показатели изменений эмансипативных ценностей и ВВП на душу населения для каждого общества, совпадающие по времени⁸⁵. Например, когда изменение эмансипативных ценностей измеряется в период от 1980 до 2005 гг., изменение ВВП на душу населения берется за тот же период⁸⁶.

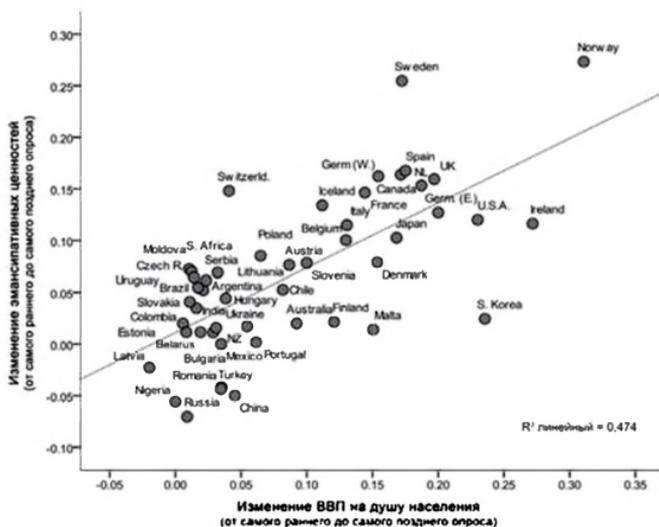

Рисунок 4.2. Влияние экономического роста на рост эмансипативных ценностей

Данные: Все общества, хотя бы два раза участвовавшие в опросах МИЦ/ЕИЦ в временном промежутке не менее десяти лет. Изменение ВВП на душу населения рассчитано как разница реального ВВП на душу населения, приведенная в доллары США (базовый год — 2000), со времени первого опроса до времени последнего. Значения ВВП индексированы: 1.0 эквивалентно 70 000 долларов. Рост ВВП на душу населения Китая кажется меньшим, чем ожидаемый, потому что это рост абсолютных значений ВВП на душу населения, а не процент роста. Для большинства обществ изменения относятся примерно к периодам с 1990 по 2000 гг., с 1995 по 2005 гг. или с 1990 по 2005 гг. Для одиннадцати обществ с экономикой значими, проанализированных на рисунке 4.1 (плюс Аргентина и Венгрия), это период с 1980 по 2005 гг. Обратите внимание, что, в отличие от одномерного анализа, в двумерном — не нужно контролировать различия в продолжительности периодов наблюдений, поскольку две переменные всегда относятся к одному и тому же периоду в данном обществе.

Рисунок 4.2 иллюстрирует, каким образом изменения эмансипативных ценностей за период не менее десяти лет взаимосвязаны с изменениями ВВП

⁸⁵ Я также рассчитал регрессионные модели, представленные ниже, используя показатели изменений ВВП на душу населения, замеренные на десять лет раньше, чем изменения эмансипативных ценностей. Эти модели показали более слабые и менее значимые эффекты влияния изменений ВВП на изменения эмансипативных ценностей. Это поддерживает мое утверждение, что эмансипативные ценности реагируют немедленно на изменения ресурсов для действий.

⁸⁶ Показатели ВВП, использованные для вычисления изменений за какое-то время, должны быть сравнимыми. По этой причине они должны быть основаны на одном и том же опорном годе. Я выбрал как опорный 2000 й год.

на душу населения за тот же период⁸⁷. Этот анализ сграницивается только пятьюдесятью обществами, для которых есть лонгитюдные данные достаточной продолжительности⁸⁸. Мы видим отчетливую позитивную связь между изменениями ВВП на душу населения и изменениями эмансипативных ценностей: зная направление и размер изменений ВВП на душу населения, мы можем объяснить почти 50% направления и объема изменений эмансипативных ценностей. В среднем рост ВВП на душу населения примерно на 0,15 пунктов шкалы за пятнадцать лет вызывает рост эмансипативных ценностей примерно на 0,10 пунктов шкалы за тот же период. Это соответствует приросту ВВП на душу населения примерно на 10 000 долларов США за весь период или на 670 долларов за год.

Есть два выброса: у Южной Кореи рост эмансипативных ценностей меньше, а у Швеции больше, чем значение, предсказываемое ростом ВВП на душу населения в этих обществах. С другой стороны, в Норвегии произошел такой экстремальный рост ВВП, что она представляет собой критический случай для предположения, что значительное увеличение материального богатства вызывает соответствующий рост эмансипативных ценностей⁸⁹. Норвегия подтверждает это предположение, демонстрируя рост эмансипативных ценностей в 0,27 шкальных пунктов — самый большой во всех исследованных обществах. Напротив, снижение эмансипативных ценностей — скромное и обнаруживается в небольшом числе обществ, где рост материального богатства не превышал 0,05 шкальных пунктов или произошло его уменьшение. Последнее верно для некоторых постсоветских обществ, включая Россию, для которой наш период наблюдений совпал с шоковой трансформацией общественного устройства. Таким образом, хотя взаимосвязь между ростом материального богатства и ростом материальных ценностей ни в коей мере нельзя считать детерминистической, она вполне заметна.

Очевидно, существует динамическая, связь между материальным богатством и эмансипативными ценностями. Однако перед тем как приписывать ей каузальность следует обратить внимание на три проблемы. Первая относится к ошибке из-за пропущенных переменных, вторая — к эндогенности и третья — к реципрокности.

2.2. Решение проблем пропущенных переменных, эндогенности и реципрокности

Начнем с первой проблемы: мы должны убедиться, что динамическая связь не вызывается изменениями какой-то пропущенной «третьей» переменной, объясняющей изменения как материального богатства так и эмансипативных ценностей. Возможный кандидат на роль «третьей» переменной — демократизация. Хедениус и Теорелл (Hadenius & Teorell, 2005), например, предполагают, что

⁸⁷ При одномерном сравнении изменений эмансипативных ценностей в различных обществах необходимо стандартизировать продолжительность временных периодов, в течение которых фиксируются изменения. Однако в многомерном анализе сопоставляем изменения эмансипативных ценностей с сопутствующими изменениями других переменных, которые измерены за точно такой же период, что и у эмансипативных ценностей, различия между временными периодами контролируются.

⁸⁸ Средняя продолжительность периода наблюдений от наиболее раннего до наиболее позднего — 15 лет, и для большинства обществ она соответствует периоду начиная с 1990 по примерно 2005 гг.

⁸⁹ С 1980 по 2005 гг. ВВП на душу населения Норвегии вырос на 0,30 шкальных пунктов, что соответствует росту на 21 000 долларов США в ценах 2000 г. Это ежегодный рост ВВП на душу населения на 840 долларов за указанный период.

эмансипативные ценности появились в процессе демократизации. Аргументы этих авторов подразумевают, что связь между демократическими институтами и эмансипативными ценностями существует, потому что институциональные изменения вызывают изменения ценностей. Если это верное предположение, то массовое расширение прав человека, сопровождавшее глобальную волну демократизации, объясняет рост эмансипативных ценностей. Следовательно, динамическая связь между материальным богатством и этими ценностями будет зависеть от расширения прав человека и исчезнет, как только мы начнем контролировать эту «третью» переменную. Для того чтобы проверить эту возможность, я рассчитал регрессию с зависимой переменной «изменение эмансипативных ценностей» одновременно от двух независимых переменных: изменения материального богатства и изменения прав человека. Чтобы измерить изменения прав человека, я использовал индекс гражданских прав, упоминавшийся во введении и подробно описанный в главе 8.

Вторая проблема связана с эндогенностью. Для того чтобы интерпретировать динамическую связь между материальным богатством и эмансипативными ценностями как влияние изменений богатства на сопутствующие изменения ценностей, мы должны убедиться, что изменения богатства не эндогенны по отношению к ценностям в начале изменений. В том случае если эндогенность имеет место, изменения материального богатства вызываются эмансипативными ценностями, которые уже существуют перед началом этих изменений. Тогда каузальность будет действовать в противоположном направлении. Чтобы исключить эту возможность, мы должны включить уровень эмансипативных ценностей до начала наших изменений в число предикторов. Таким образом мы учтем и «исключим» эндогенную дисперсию в изменениях богатства и выделим их экзогенный компонент (King, Keohane & Verba, 1994; Pascarella & Wolniak, 2004)⁹⁰. То же самое происходит с изменениями прав человека: контролируя уровень эмансипативных ценностей до начала изменений, мы выделяем часть дисперсии изменений гражданских прав, экзогенную по отношению к эмансипативным ценностям.

Когда рассчитывается регрессия эмансипативных ценностей в конце периода изменений на набор предикторов, включающий значение этих ценностей в начале периода, модель объясняет именно изменения эмансипативных ценностей. Это верно по следующей причине: если начальный уровень зависимой переменной включается в число предикторов ее значения на выходе, все остальные предикторы оценивают уровень зависимой переменной на выходе в той степени, в которой он сместился относительно стартового уровня (Pike, 2004)⁹¹. Следовательно, наша

⁹⁰ Отвечая на недавнюю критику, Ахен (Achen, 2001), Кил и Келли (Keele & Kelly, 2006) оправдывают использование зависимых переменных с лагом в авторегрессионных моделях в большинстве случаев.

⁹¹ Регрессия изменений эмансипативных ценностей на группу предикторов, включая начальный уровень этих ценностей (модель изменений значений), эквивалентна регрессии уровня эмансипативных ценностей в конце периода изменений на эти предикторы опять таки включающие начальный уровень эмансипативных ценностей (авторегрессионная модель). Это верно для размера, направления и значимости эффектов всех предикторов, кроме начального уровня эмансипативных ценностей: у этой переменной негативный эффект — в модели изменений значений, отражающей инвертированное соотношение наличия и притока, но позитивный эффект — в авторегрессионной модели, отражающей «самосохранение» или «увечивание» ценностей по времени. В обоих случаях коэффициенты других предикторов интерпретируются как сдвиг, который они вызывают у эмансипативных ценностей с начала до окончания периода наблюдения.

модель показывает, в какой степени и в каком направлении изменения материального богатства и изменения гражданских прав смещают результирующий уровень эмансипативных ценностей по сравнению с их начальным уровнем.

Более того, зависимая переменная с лагом вместе с тем отражает любые предшествующие влияния на эмансипативные ценности, включая те, о которых мы пока не знаем. По этой причине включение зависимой переменной с лагом частично решает проблему ошибок из-за пропущенных переменных.

Третья проблема, которую нужно рассмотреть, — реципрокность. Одновременные изменения пары переменных не говорят нам о том, какая из них ведущая (причина), а какая — ведомая (следствие). Этот недостаток информации создает возможность неверного определения направления каузальности: мы можем поменять местами причину и следствие. Чтобы исключить эту возможную ошибку, нужно рассмотреть также и модель с обратным направлением каузальности. Цель такой модели — удостовериться, что влияние не окажется более сильным в направлении, обратном нашей гипотезе.

Однако такой метод дает возможность сделать правильный вывод, только в том случае, если мы устраним симметрию между двумя одновременными изменениями. Симметрия означает, что взаимосвязь пары переменных выглядит одинаково в обоих направлениях влияния, если только мы не включим в модель дополнительные источники детерминации, которые, возможно, устранят симметрию. Два источника детерминации действительно помогают «распутать» симметрию в том случае, если степень влияния этих источников на переменные пары различается. Эти источники — автономная и гетерономная детерминация. Под автономной детерминацией я понимаю то, насколько сильно каждая из переменных пары детерминируется *собственными* более ранними значениями. Гетерономная детерминация означает, насколько сильно каждая из них детерминируется *третьей* переменной. Автономная и гетерономная детерминация дополняют *реципрокную* (взаимную) детерминацию переменных в паре. По сути, реципрокная детерминация двух парных переменных уменьшается с ростом автономной и гетерономной детерминации. Интересное соображение состоит в том, что уменьшение реципрокной детерминации более выражено только для одной из двух парных переменных, если у нее сильнее, чем у другой, автономная и гетерономная детерминация. Причина проста: большая автономная и гетерономная детерминация одной из парных переменных делает эту переменную менее подверженной влиянию другой. Следовательно, система из двух регрессий, в которых меняется направление влияния (каузальности) в паре переменных, причем обе регрессии включают автономные и гетерономные детерминанты зависимой переменной, сделает реципрокность в паре *асимметричной*: переменная с более сильной автономной и гетерономной детерминацией продемонстрирует более сильное влияние на другую парную переменную, чем влияние на первую переменную этой второй при обратном направлении каузальности. Для данной пары реципрокных переменных этот метод идентифицирует ту из них, которая сильнее влияет на другую. Таким способом мы сможем различить среди двух сопутствующих изменений ведущее и ведомое, причину и следствие.

Это вполне логично. Если в паре сопутствующих изменений одно в большей степени определяется своей собственной динамикой или динамикой третьей переменной — именно эта переменная вызывает сопутствующие изменения другой переменной в этой паре. Для того чтобы смоделировать эту логику, мы оценим разнонаправленную и динамическую систему уравнений, которая определяет каждую из двух реципрокных переменных в более поздний момент времени T_2 как функцию:

(а) самой переменной в более раннее время T_1 , чтобы учесть автономную детерминацию;

(б) изменений третьей переменной с начального момента времени T_1 до более позднего времени T_2 , чтобы учесть гетерономную детерминацию;

(с) изменений парной переменной начального момента времени T_1 до более позднего времени T_2 , чтобы учесть реципрокную детерминацию.

Итак, если мы будем трактовать эмансипативные ценности и материальное богатство как парные переменные, а права человека — как третью переменную, и если мы обозначим первую переменную как V , вторую как W , а третью — как E , регрессионные коэффициенты — как b и ошибку — как ε , мы можем записать динамическую систему реципрокных уравнений так:

Автономная детерминация	Гетерономная детерминация	Реципрокная детерминация
Ур. (1) $V(T_2) = c + b_1 \times V(T_1) +$	$b_2 \times \Delta E(T_2 - T_1) +$	$b_3 \times \Delta W(T_2 - T_1) + \varepsilon$
Ур. (2) $W(T_2) = c + b_1 \times W(T_1) +$	$b_2 \times \Delta E(T_2 - T_1) +$	$b_3 \times \Delta V(T_2 - T_1) + \varepsilon$

Предположим, что материальное богатство в большей степени определяется своим предыдущим значением или предыдущими изменениями прав человека, чем эмансипативные ценности определяются своим предыдущим значением и предшествующими изменениями прав человека. Это будет означать, что $W(T_2)$ в уравнении (1) сильнее детерминируется $W(T_1)$ и $\Delta E(T_2 - T_1)$, чем $V(T_2)$ в уравнении (2) детерминируется $V(T_1)$ и $\Delta E(T_2 - T_1)$. Из этого будет следовать, что $\Delta W(T_2 - T_1)$ в уравнении (1) сильнее влияет на $V(T_2)$, чем $\Delta V(T_2 - T_1)$ в уравнении (2) влияет на $W(T_2)$. Другими словами, сопутствующие изменения материального богатства и эмансипативных ценностей — асимметрично реципрокные: изменения материального богатства в большей степени детерминируют изменения эмансипативных ценностей, чем изменения эмансипативных ценностей детерминируют изменения материального богатства. Такая асимметрия реципрокной динамики этих двух переменных проявится в том, что коэффициент b_3 в уравнении (1) будет более значим и будет обладать большим детерминирующим влиянием, чем коэффициент b_3 в уравнении (2)⁹².

⁹² Сила детерминирующего влияния отображается в частном R-квадрате, именно по этой причине в таблице 4.1 в скобках показаны частные R-квадраты для каждой переменной. Частный R-квадрат — это квадрат частного коэффициента корреляции.

2.3. Результаты

Таблица 4.1 показывает, что мы обнаружили после эмпирической проверки нашей модели⁹³. Очевидно, что предшествующие изменения прав человека не влияют значимо как на материальное богатство, так и на эмансипативные ценности. И хотя и материальное богатство, и эмансипативные ценности значимо детерминированы своими собственными предшествующими значениями, этот эффект сильнее для богатства, чем для ценностей: предшествующий уровень ценностей объясняет 56% их последующего значения, а предыдущий уровень богатства — 74% их последующего значения. Это означает, что богатство в большей степени самодетерминировано, чем ценности, что в свою очередь подразумевает, что богатство в меньшей степени подвержено влиянию предшествующих изменений ценностей, чем ценности — предшествующим изменениям богатства. Соответственно, изменения ценностей объясняют 28% дисперсии последующего значения богатства, в то время как изменения богатства объясняют 48% дисперсии последующего значения ценностей. На самом деле, складывается впечатление, что в совместной эволюции богатства и ценностей изменения богатства влияют на ценности больше, чем изменения ценностей на богатство.

Таблица 4.1. Реципрокная система изменений материального благополучия и эмансипативных ценностей

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ:	
	Эмансипативные ценности в момент T_2^*	ВВП на душу населения в момент T_2^*
Константа	0.02'	0.03'
Зависимая переменная в момент T_1^*	0.97(0.56)***	1.12(0.74)***
Δ Права человека, T_1 до T_2	-0.00(0.00)'	-0.04(0.04)'
Δ ВВП на душу нас., T_1 до T_2	0.65(0.48)***	
Δ Эмансипативные ценности, T_1 до T_2		0.60(0.28)***
Скорректированный R^2	0.72	0.89
N	49	49

Примечание: Приведены стандартизованные регрессионные коэффициенты с частными R квадратами в скобках. Δ -переменные измеряют изменения со времени самого раннего опроса до времени последнего опроса для всех обществ, для которых временной промежуток между этими опросами — не менее десяти лет. Для большинства обществ — это примерно периоды с 1990 до 2000 гг., с 1995 до 2005 гг. или с 1990 до 2005 гг. Для одиннадцати обществ значений, проанализированных на рисунке 4.1 (плюс Аргентина и Венгрия), временной охват — примерно с 1980 по 2005 гг. Обратите внимание, что, в отличие от одномерного анализа, в многомерном анализе различия временного охвата не нужно контролировать, если все используемые переменные относятся к одному и тому же временному диапазону для данного общества.

Модель включает каждое общество только один раз, поэтому серийных корреляций быть не может.

Диагностика регрессии на гомоскедастичность (тест Уайта), мультиколлинеарность (VIF) и влияющие случаи (DFFITS) не обнаружила нарушений допущений для регрессии.

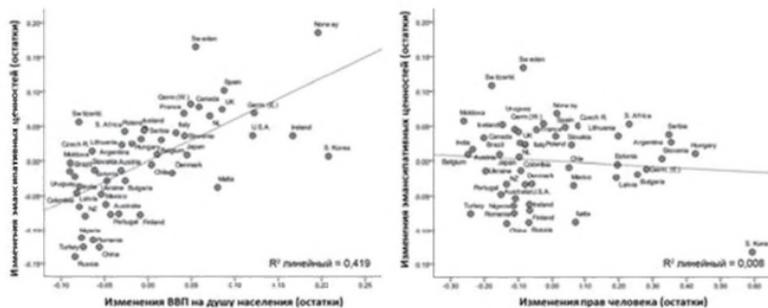
Уровни значимости: ' $p > 0.100$. * $p < 0.100$. ** $p < 0.050$. *** $p < 0.005$.

* T_2 : Время проведения последнего из доступных опросов.

* T_1 : Время проведения самого раннего из доступных опросов.

⁹³ Поскольку я тестирую реципрокную систему уравнений, а не два отдельных уравнения, я использую процедуру seemingly unrelated regression в STATA. Логика этого метода описана в (Greene, 2003: 378—425).

Второй важный результат, представленный в таблице 4.1, заключается в том, что предшествующее значение прав человека совсем не влияет на последующие значения этой переменной. Этот результат противоречит утверждению, что эмансипативные ценности эндогенны по отношению к демократическим институтам. Два частных графика регрессии на рисунке 4.3 сопоставляют различия эффектов влияния изменений материального богатства и изменений прав человека на последующие значения ценностей.

Рисунок 4.3. Влияние экономического роста и демократизации на рост эмансипативных ценностей (другая независимая переменная контролируется)

Данные: Все общества, хотя бы два раза участвовавшие в опросах МИЦ/ЕИЦ с временным промежутком не менее десяти лет. Для большинства обществ изменения относятся примерно к периодам с 1990 по 2000, с 1995 по 2005 или с 1990 по 2005 гг. Обратите внимание, что негативное значение изменений по оси ВВП для Китая на левой диаграмме не означает негативного уровня роста для Китая. Оно показывает, что абсолютный ВВП на душу населения Китая рос меньшими темпами, чем предполагает значение изменений прав человека. Это понятно, если учесть, что права человека в Китае практически не менялись (они оставались стабильными на очень низком уровне), и что абсолютный ВВП на душу населения в Китае вырос меньше, чем предполагает его высокий рост в процентном отношении (начальный уровень доходов был очень низким). А большинство других обществ со стабильным уровнем прав человека показали больший рост абсолютного ВВП на душу населения, чем Китай. С этой точки зрения, абсолютный доход на душу населения в Китае в реальности вырос меньше, чем предполагает стабильность прав человека. Этим объясняется небольшой отрицательный остаток.

Случаи, иллюстрирующие различие эффектов влияния богатства и прав человека, — те, в которых изменения этих двух переменных не соответствуют друг другу. Такие случаи имеют решающее значение при проверке того, являются ли эмансипативные ценности результатом (а) роста богатства, не сопровождавшегося расширением прав человека, или (б) расширения прав человека, не сопровождавшегося ростом богатства.

Все экономики знаний в нашей выборке принадлежат к первой группе: в этих устойчивых демократиях не наблюдается существенного расширения прав человека, но за тот же период существенно выросло богатство. Типичные представители данной группы — Исландия, Германия, Япония и США. Теперь, если усиление эмансипативных ценностей — результат расширения прав человека, но не роста материального богатства, в этих обществах не должно быть роста эмансипативных ценностей. Однако именно в этих обществах как раз и произошел существенный рост эмансипативных ценностей.

С другой стороны, существует ряд обществ, в которых глобальная волна демократизации привела к глубокому расширению прав человека, в то время как за период наблюдений материальное богатство существенно не увеличилось. Этот паттерн характерен для многих постсоветских обществ, включая страны Прибалтики, Белоруссию, Россию и Украину, и общества в Африке южнее Сахары, такие как Нигерия. Если эмансипативные ценности — результат расширения прав человека, а не роста материального богатства, в этих обществах должен был бы произойти заметный рост этих ценностей. Однако снова эмансипативные ценности изменились в унисон с материальным богатством, а не с правами человека: произошла их стагнация, а не рост⁹⁴.

Могут ли эти результаты быть дефектами, полученными из-за смещения в результате отбора пятидесяти конкретных обществ, участвовавших в этом анализе? Если рассмотреть характеристики выборки, это представляется маловероятным: выборка включает общества из всех регионов мира, которые весьма разнообразны как по начальным уровням, так и по характеру изменений интересующих нас переменных. Кроме того, в каждом регионе мира и культурной зоне выборки присутствуют общества с самым большим населением и большими экономиками: Франция и Италия в Старом Западе, Германия и Великобритания на Западе, прошедшем Реформацию, США и Австралия в Новом Западе, Польша и Венгрия в Вернувшихся на Запад, Россия и Украина в Православном Востоке, Турция в Исламском Востоке, Индия в Индийском Востоке, Китай и Япония в Китайском Востоке, Бразилия и Аргентина в Латинской Америке и Нигерия и Южная Африка — в зоне Африки южнее Сахары. Таким образом, вряд ли источники представленных результатов — ошибка и сдвиг выборки⁹⁵.

Правда, возможно, что данные результаты точны только для конкретного периода времени, который рассматривался в анализе, а именно — в основном 1990-е и начало 2000-х гг. Таким образом, чтобы установить, что полученные паттерны можно обобщить и на другие периоды времени, мы должны расширить временную перспективу.

3. Долгосрочная модель, упорядоченная по времени

Предыдущий анализ подвел нас близко к каузальной интерпретации, показав, что существует динамическая взаимосвязь между эмансипативными ценностями и их детерминантами — необходимое условие для работы каузального механизма. Однако, хотя модель динамического сдвига фокусируется на самом продолжительном периоде, для которого есть наблюдения, это все еще относительно короткий и недавний промежуток времени. Следовательно, паттерн, обнаруженный с помощью этой модели, дает недостаточно возможностей для временных обобщений. Это вызывает вопрос: каким образом можно установить каузальность на более

⁹⁴ Стагнация эмансипативных ценностей в постсоветских обществах может быть причиной их возвращения к авторитаризму.

⁹⁵ Несомненно, некоторые регионы (например, Африка южнее Сахары, Ближний Восток) представлены недостаточно, а другие (например, Европа) — напротив, чрезмерно, если учитывать их долю от общего числа стран мира. Допуская, что включенные в выборку общества типичны для своих регионов, это смещение можно было бы скорректировать с помощью весов. Однако взвешивание и использование взвешенной регрессии по методу наименьших квадратов не дали существенно отличающихся результатов.

широкой временной базе? В данном случае ключевые проблемы — это временной порядок и направление влияния.

У нас есть три элемента человеческой эмансипации: ресурсы для действий, эмансипативные ценности и права человека, и все они тесно связаны друг с другом. Какие бы меры этих трех элементов мы ни использовали, они всегда коррелируют друг с другом на уровне выше $r = 0,75$.

Но корреляция — это не каузальность. Чтобы исследовать каузальность, нужны лонгитюдные данные, позволяющие увидеть, что было до того, и что произошло позже. Три главных элемента — ресурсы для действий, эмансипативные ценности и права человека — переплетены в реципрокной системе человеческой эмансипации. По этой причине эффекты могут одновременно действовать в разных направлениях. В модели динамического сдвига я сфокусировал внимание на объяснении эмансипативных ценностей. Однако в тесте временного порядка мы можем делать обобщения не только во временной перспективе, но и анализировать всю систему человеческой эмансипации, рассматривая каждый из ее элементов как функцию двух других. Это позволяет установить, является ли система эмансипации симметрично реципрокной (то есть действующей с одинаковой силой в обоих направлениях), или есть доминирующие направления влияния.

3.1. Обобщенная модель, упорядоченная по времени

Если бы у нас были лонгитюдные данные, то в идеале я бы проанализировал каждый из трех элементов человеческой эмансипации, измеренный в начальный момент T_0 , как функцию двух других элементов, измеренных в более ранний момент времени T_1 . Таким способом я тестирую, оказывает ли предиктор в момент T_1 влияние на значение результирующего элемента в момент T_0 . Однако чтобы проверить, является ли эффект влияния элемента-предиктора в самом деле экзогенным, мы должны проверить, зависит ли он от предыдущих значений результирующего элемента. Это достигается с помощью включения в набор предикторов значений результирующего элемента в еще более ранний момент времени T_2 . Такой прием «перебрасывает» эндогенность элементов-предикторов в результирующий элемент (King, Keohane & Verba, 1995: 251). Кроме того, включение показателей результирующего элемента с лагом частично разрешает проблему ошибки пропущенных переменных, потому что показатели с лагом отражают прошлые эффекты влияния всех факторов на результирующий элемент, включая и те, о которых мы не знаем.

Иными словами, я тестирую, влияют ли значения элемента А, измеренные раньше, чем значения элемента В, на элемент В, независимо от эффекта влияния значений элемента В, измеренных ранее значений элемента А, на элемент А. Потом я делаю то же самое в противоположном направлении и проверяю, влияют ли более ранние значения В на более поздние значения А, контролируя зависимость В от более ранних значений А. Если оба эффекта значимы — это реципрокная система каузальности. Но даже если система реципрокная, она может быть асимметрично реципрокной, с более сильным направлением влияния в одном направлении по сравнению с другим.

Я распространяю эту логику с двух элементов человеческой эмансипации на три элемента, моделируя каждый элемент как результат влияния более ранних зна-

чений двух других, принимая во внимание зависимость более ранних значений элементов-предикторов от еще более ранних значений результирующего элемента. Итак, пусть буквы R, V, и E обозначают ресурсы для действий, эмансипативные ценности и права человека. Мы тестируем следующие три модели:

$$(1) R(T_0) = c + b_1 \times V(T_{-1}) + b_2 \times E(T_{-1}) + b_3 \times R(T_{-2}) + \varepsilon$$

$$(2) V(T_0) = c + b_1 \times R(T_{-1}) + b_2 \times E(T_{-1}) + b_3 \times V(T_{-2}) + \varepsilon$$

$$(3) E(T_0) = c + b_1 \times V(T_{-1}) + b_2 \times R(T_{-1}) + b_3 \times E(T_{-2}) + \varepsilon$$

Примечание: c — это константа, b_1 — b_3 — регрессионные коэффициенты, и ε — это ошибка.

Помеченные серым части уравнений отмечают направление влияния, которое постулируется тезисом *последовательности* теории эмансипации. В соответствии с ним ресурсы для действий должны положительно влиять на эмансипативные ценности, а потом эти два элемента вместе должны положительно влиять на права человека, причем эффект влияния эмансипативных ценностей должен быть сильнее. И наоборот: эффект влияния прав человека на эмансипативные ценности должен быть намного слабее, чем эффект противоположного направления, если мы контролируем ресурсы для действий. Иными словами, если права человека отделены от ресурсов для действий, они должны влиять на эмансипативные ценности намного слабее, чем те влияют на права человека.

3.2. Замещающие переменные для объединенных по времени данных базы поперечных срезов

Можем ли мы создать базу данных для тестирования этой модели с более широким временным охватом? Наиболее предпочтительный показатель ресурсов для действий — технологический прогресс, однако он отсутствует до 1995 г. По этой причине мы использовали ВВП на душу населения как замещающий показатель — это оказалось приемлемо для моделей динамического сдвига, рассчитанных выше, если нас интересуют недавние периоды времени. Однако для периода до 1960-х гг. нет данных о ВВП на душу населения для достаточного количества стран: данные временных рядов показателей развития Мирового банка тогда еще не собирались.

Однако Ванханен (Vanhanen, 2003) предоставил показатели ресурсов и показатели демократии в независимых странах для более ранних периодов, начиная с 1850—60-х гг. Временные интервалы в этих данных — десятилетия с 1850—1860 по 1990—2000 гг. Это относительно большие временные интервалы, но когда мы имеем дело с человеческой эмансипацией, мы сталкиваемся с медленно разворачивающимся процессом. По этой причине существенный прогресс становится заметным, только когда проходит достаточное время, что оправдывает использование широких временных интервалов. Из показателей Ванханена мы можем создать замещающие переменные ресурсов для действий и прав человека.

Начнем с ресурсов для действий. Я использую оценки уровня грамотности и уровня урбанизации данного общества из базы данных Ванханена. В современном мире уровень грамотности мало различается в разных обществах, но несколько десятилетий назад это было не так. Мое предположение заключается

в том, что в обществах с более высоким уровнем грамотности — больше ресурсов для действий, отражающих интеллектуальные навыки. Большой уровень урбанизации в свою очередь отражает более плотное и дифференцированное население; и это означает наличие больших объемов ресурсов для действий в аспекте коммуникативных возможностей. Чтобы скомбинировать два вышеупомянутых показателя, я взвешиваю уровень образования общества с помощью уровня его грамотности, перемножая эти показатели. Таким образом, если уровень урбанизации 0,60 (60%) и уровень грамотности 0,50 (50%), результирующее значение замещающего показателя ресурсов для действий будет $0,50 \times 0,60 = 0,30$. Вслед за Ванханеном я использую мультипликативную, а не аддитивную комбинацию, поскольку полагаю, что интеллектуальные и коммуникативные ресурсы не просто дополняют, а усиливают друг друга. То, что такой показатель — приемлемая замена для индикатора ресурсов для действий, очевидно из того факта, что он коррелирует в 2000 г. с индикатором технологического прогресса на уровне $r = 0,91$ ($N = 180$; $p < 0,001$, двухсторонний). Корреляция аддитивной комбинации грамотности и урбанизации с технологическим прогрессом — более чем на 0,10 ниже.

Как замещающий показатель для прав человека я использую индекс демократизации Ванханена, стандартизованный в шкалу от 0 до 1 (0 означает полное отсутствие демократии, 1 — ее максимальный уровень). Этот индекс основан на двумерном определении «полиархии» Даля (Dahl, 1973) как интеракции (а) политической включенности/участия и (б) политической конкуренции/плюрализма. Политическая включенность/участие измеряется как доля проголосовавших на национальных парламентских выборах (рассчитывается для взрослого населения с постоянным местом жительства); политическая конкуренция/плюрализм — это количество мест в парламенте, не принадлежащее крупнейшей партии. После стандартизации эти два индекса перемножаются, и в результате получается общий индекс демократизации. Отметим, что у этого индекса есть особое свойство: если уровень участия — 100%, потому что все избиратели голосуют, но плюрализм равен нулю, потому что все голоса получает одна партия (ситуация, очень близкая к тому, что было в странах прежнего советского блока), — значение индекса демократизации будет равно нулю. Мультипликативный принцип комбинирования трактует компоненты участия и плюрализма как необходимые, но недостаточные условия демократии, что и было предусмотрено изначальным определением этого понятия Далем.

Вероятно, высокая степень и участия, и плюрализма требует действенной институционализации прав человека. Следовательно, индекс демократизации — приемлемый альтернативный индикатор прав человека, если непосредственные показатели последних не доступны. Эмпирически это очевидно из того факта, что показатель гражданских прав, использовавшийся в предыдущем разделе, коррелирует с индексом демократизации Ванханена в 2000 г. на уровне $r = 0,88$ ($N = 170$; $p < 0,001$, двухсторонний)⁹⁶.

⁹⁶ Еще один показатель демократии с широким временным охватом — индекс демократии-автократии (democracy autocracy index) из проекта «Polity Project». Использование этого индекса в место индекса Ванханена для анализа, представленного в таблице 4.2, даст более слабые результаты: права человека слабее детерминируются эмпирическими ценностями и ресурсами для действий и, в свою очередь, как и раньше, сами не оказывают значимого влияния ни на эмпирические ценности, ни на ресурсы для действий. Более слабый паттерн, обнаруженный для замещающей переменной проекта «Polity», перепроверяется с тестом на валидность Александера и Вельцеля (Alexander & Welzel, 2011). Сходный результат показан также в конце главы 8.

Данные об эмансипативных ценностях не доступны для обществ до 1981 г., но даже сейчас они есть только для примерно двадцати пяти обществ. Однако предшествующий анализ предполагает, что когортные различия эмансипативных ценностей демонстрируют «отпечатки» изменений ценностей в прошлом данного общества. Удивительный в своей простоте основной паттерн заключается в том, что молодые когорты более ориентированы на эмансипативные ценности, чем старшие. Как показано на рисунке 2.5, эта закономерность является кросс-культурной универсалией. Различия проявляются лишь в том, насколько отчетливо выражен этот паттерн. Мы видели, что более сильные эмансипативные ценности молодых когорт — это определенно не эффект жизненного цикла: эти когортные различия отражают изменения ценностей при смене поколений. Если это утверждение верно, то когортные различия дают веское основание для оценки того, насколько слабее были эмансипативные ценности в прошлом данного общества. Следовательно, мы можем оценить, насколько слабее они были десятилетие тому назад, рассчитав, насколько слабее были эти ценности среди представителей когорты, которая на десять лет старше, чем самая молодая. Таким же образом мы можем оценить, насколько слабее были эмансипативные ценности данного общества два, три, четыре и даже пять десятилетий тому назад, рассчитав, насколько слабее эти ценности у когорт, которые старше самой молодой когорты на соответствующее количество десятилетий. Таким способом мы получим ретроспективные оценки для каждого общества, для которого известны современные значения эмансипативных ценностей, а также когортные различия этих ценностей. Ограничившись когортами, включающими не менее пятидесяти респондентов в каждом обществе, мы можем заглянуть на шесть десятилетий тому назад, охватив последовательность десятилетий с 1940—1950 по 1990—2000 гг.

К несчастью, мир сложен, и необходимо принять во внимание еще две вещи. Сначала следует отметить, что ретроспективные оценки, выведенные исключительно из различий между когортами в недавних исследованиях, проведенных методом поперечных срезов, игнорируют тот факт, что эмансипативные ценности растут не только за счет смены поколений. Как показывает рисунок 4.1, эти ценности также растут благодаря временному тренду внутри каждой из когорт. Не учитывая этот тренд, мы определенно переоцениваем уровень эмансипативных ценностей всех обществ в прошлом. По сути, мы переоцениваем его тем больше, чем к более давним десятилетиям обращаемся, потому что с каждым добавленным десятилетием мы упускаем все большую долю указанного тренда. Чтобы скорректировать эту ошибку, мы должны вычесть из ретроспективных оценок средний рост эмансипативных ценностей за десятилетие, умножив его на количество десятилетий. По приблизительной оценке, рост этих ценностей за последнее десятилетие внутри когорт в среднем был равен 0,05 пунктов шкалы⁹⁷.

⁹⁷ В группе из десяти развитых постиндустриальных демократий эмансипативные ценности росли на 0,05 от среднего значения 0,51 до среднего значения 0,56 в период с 1990 по 2000 год. Для этого расчета выборки в десяти обществах были взвешены до равного размера в следующих странах: Канада, Франция, Германия (Западная), Италия, Япония, Нидерланды, Норвегия, Швеция, США и Великобритания.

Это предполагает вычитание 0,05 из ретроспективной оценки за каждое десятилетие, отделяющее ее от настоящего⁹⁸.

Вторая проблема связана с тем, что временной тренд определенно не был однообразным для всех обществ. Общества, располагающиеся сегодня на верхнем уровне эмансипативных ценностей, очевидно, «забрались» на этот уровень благодаря более активному эмансипативному тренду, чем в обществах, находящихся сегодня на более низком уровне этих ценностей. Следовательно, недавно достигнутый уровень эмансипативных ценностей показывает, насколько сильным был эмансипативный тренд в данном обществе. Это позволяет нам вычислить отдельные десятилетия вычитаемые значения для каждого общества, а не вычитать одно и то же значение для всех обществ. Мы находим эти, взвешивая для каждого из обществ гостоянное вычитаемое значение 0,05, опираясь на показатели последнего измерения уровня эмансипативных ценностей в данном обществе⁹⁹. В результате, найденные нами особые для каждого из обществ десятилетние вычитаемые значения оказываются больше для тех обществ, у которых на сегодняшний день наиболее высокий уровень эмансипативных ценностей. Непосредственное следствие такой корректировки заключается в следующем: те общества, в которых эмансипативные ценности на сегодняшний день существенно различаются, в прошлом были гораздо ближе друг к другу. Такой вывод на интуитивном уровне кажется вполне вероятным. Постматериалистические ориентации, например, стали массовым феноменом только в конце 1960-х гг., да и то лишь в наиболее развитых постиндустриальных обществах. Точно так же, общества, которые сегодня представляются нам наиболее передовыми по гендерным нормам и сексуальным свободам, в прошлом были, вероятно, хотя и не такими традиционными, как большинство традиционных обществ сегодня, но все же более близкими к ним.

На рисунке 4.4 сравниваются различные ретроспективные оценки эмансипативных ценностей в различных культурных зонах. Диаграмма слева демонстрирует оценки, полученные исключительно на основе сегодняшних когортных различий, диаграмма справа — оценки после вычитания особых для каждой из стран десятилетних значений. Мы видим, что хотя на левой диаграмме эмансипативные ценности в западных обществах в равной степени отличны от аналогичных ценностей в незападных обществах в течение всего периода, на правой диаграмме они бли-

⁹⁸ Есть разумные основания предположить, что данный временной тренд — относительно недавний феномен, связанный с ростом экономики знаний в постиндустриальную эру. Это предполагает, что эмансипативный тренд набирал скорость, начав с нулевого уровня после окончания Второй мировой войны. Чтобы построить модель для этого предположения, я использовал фактор замедления в прошлом, чтобы тренд замедлялся с каждым следующим десятилетием по направлению к прошлому. Если тренд стартовал с нулевой отметки, а потом последовательно приближался к уровню роста 0,05 в последнее десятилетие, то фактор замедления должен составлять 0,01 для каждого десятилетия в прошлом. Таким образом, я предполагаю, что десятилетний рост эмансипативных ценностей составлял 0,05 пунктов шкалы с 1990 по 2000 гг., 0,04 — с 1980 по 1990 гг., 0,03 — с 1970 по 1980 гг., 0,02 — с 1960 по 1970 гг., 0,01 — с 1950 по 1960 гг. и ноль с — 1940 по 1950 гг. Результаты регрессии в таблице 4.2 основаны на оценках с использованием этого дефлятора. Если его не использовать, эффекты снижаются, но выводы относительно паттерна детерминации среди трех элементов человеческой эмансипации остаются прежними.

⁹⁹ У западных обществ, в которых эмансипативный тренд наиболее сильно выражен, средние значения эмансипативных ценностей около 0,60 пунктов шкалы. Я приравниваю 0,60 к 1,0 и стандартизирую все остальные значения по отношению к этому. Потому я использую эти стандартизованные значения как веса, на которые я умножаю десятилетнее понижающее значение, равное 0,05.

же к значениям для незападных обществ в начале периода оценивания¹⁰⁰. Кроме того, на правой диаграмме мы видим существенно более крутой рост эмансипативных ценностей во всех культурных зонах по сравнению с оценками, основанными лишь на когортном паттерне. По причинам, указанным выше, я предполагаю, что правая диаграмма отражает изменения культуры в прошлом более точно.

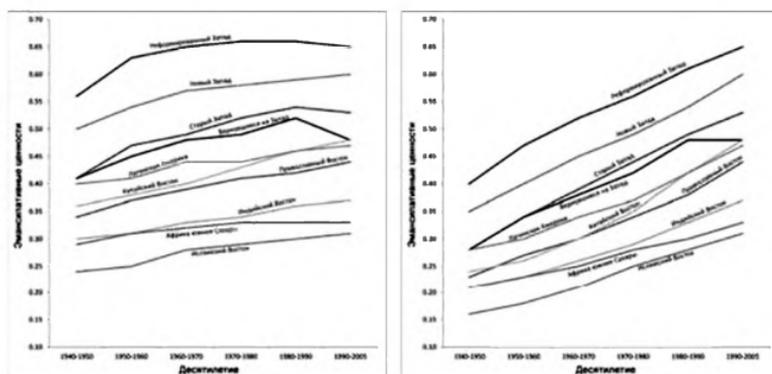

Рисунок 4.4. Различия в ретроспективных оценках эмансипативных ценностей между культурными зонами (без корректировки и с корректировкой тренда)

Примечание: Описание логики процедуры ретроспективного оценивания приводится в разделе 3.2 главы 4. Детальная документация представлена в приложении 4. Анализ включает все общества, участвовавшие в опросах ЕИЦ/МИЦ (N 95). Принадлежность общества к культурным зонам можно узнать из таблицы 1.3 введения. Чтобы получить оценки для культурных зон, выборки во всех обществах были взвешены до равного размера.

Итак, ретроспективные оценки эмансипативных ценностей для данного десятилетия рассчитываются на основе трех видов информации:

(1) *когортные различия*: мы вычитаем из современного значения эмансипативных ценностей разницу между этими ценностями для самой молодой когорты и когорты, рожденной на несколько десятилетий раньше, с учетом того, насколько далеко отстоит в прошлом тот период, для которого нам нужны эти оценки;

(2) *десятилетний тренд*: мы также учитываем, что значение эмансипативных ценностей было на 0,05 меньше для каждого шага в прошлое длиной в десятилетие, и вычитаем эти значения;

(3) *результурующий уровень*: мы используем результирующий (современный) уровень эмансипативных ценностей каждого общества, чтобы корректировать снижение ретроспективных значений на 0,05, предполагая, что для более высокого результирующего уровня характерен более крутой тренд роста.

По сути, эта процедура оценивания отражает то, что эмансипативные ценности росли (а) благодаря смене когорты, (б) эмансипативному тренду во всех когортах,

¹⁰⁰ На левой диаграмме культурная зона с самыми низкими эмансипативными ценностями — Исламский Восток, и с самыми высокими — Реформированный Запад, — отличались друг от друга в начале периода оценивания на 0,35 пунктов шкалы. На обеих диаграммах в конце периода оценивания разница между ними — 0,40 пунктов шкалы.

крутизна которого различалась. (с) в зависимости от результирующего уровня эмансипативных ценностей. В приложении 4 приводятся технические подробности этой процедуры оценивания, а также ряда альтернативных процедур.

Исходя из этих соображений, я рассчитал имитационную модель и оценил эмансипативные ценности для девяноста четырех обществ в период, равный шести десятилетиям. Для семидесяти четырех из них у нас также были замещающие показатели ресурсов для действий и прав человека, приведенные в приложении 4. Теоретически это обобщает до 444 наблюдений обществ с шагом длиной в десятилетие в базе данных упорядоченных по времени поперечных срезов. Однако поскольку не все общества были независимыми странами во всех десятилетиях с 1940 по 2000 гг., замещающие показатели ресурсов для действий и прав человека также существуют не для всех десятилетий. По этой причине у нас нет результатов наблюдений за шесть десятилетий для всех обществ, а есть лишь результаты в среднем 4,5 различных наблюдений. Это оставляет нас с результатами только 333 наблюдений за обществами с шагом в десятилетие. Как показывает таблица с репликационными данными в приложении 4, семьдесят четыре общества, включенные в эту базу данных, не являются смещенной выборкой: они представляют все регионы мира, включают страны с самым большим населением в каждом из регионов, и все три интересующие нас переменные обладают в них достаточно высокой вариацией.

3.3. Результаты

Используя эти обновленные базы данных, я представляю результаты наблюдений на рисунке 4.5, где показано, как ресурсы для действий, эмансипативные ценности и права человека росли от первой декады наблюдений (1940—1950 гг.) до последней декады (1990—2000 гг.) для каждой из десяти культурных зон. Совершенно очевидно, что элементы человеческой эмансипации эволюционировали совместно, также можно видеть и прогресс для каждого элемента в отдельности: мы можем наблюдать глобальную долгосрочную тенденцию роста человеческой эмансипации.

На рисунке 4.5 представлены два графика, соответствующие двум механизмам модели человеческой эмансипации, изображенной на рисунке 1.1 в главе 1. Левая диаграмма показывает механизм «оценки полезности», благодаря которому расширяющиеся ресурсы для действий способствуют росту эмансипативных ценностей. На правой диаграмме показан механизм «кодификации ценностей», благодаря которому рост эмансипативных ценностей приводит к расширению прав человека. На обеих диаграммах рост по двум направлениям — сопутствующий. Во взаимосвязи эмансипативных ценностей и гражданских прав, однако, рост ценностей обычно предшествует расширению гражданских прав. Это становится очевидным из модели, показывающей, что линии трендов сначала смещаются вправо и уже затем круто поднимаются вверх. Это в особенности является очевидным для обществ двух экскоммунистических зон: Православного Востока и Возвращенного Запада. Во второй зоне мы особенно можем видеть нарастание эмансипативных ценностей в течение довольно долгого периода времени до тех пор, пока крах советского империализма не открыл ворота для демократизации. После того как это произошло, права человека в этих обществах стремительно

расширились, к чему их уже давно подталкивали эмансипативные ценности, и что уже давно бы произошло, если бы не «вето» Красной армии. То, что мы видим здесь, — это глубинная причина падения коммунизма советского типа — его обострившиеся противоречия с ценностями общества.

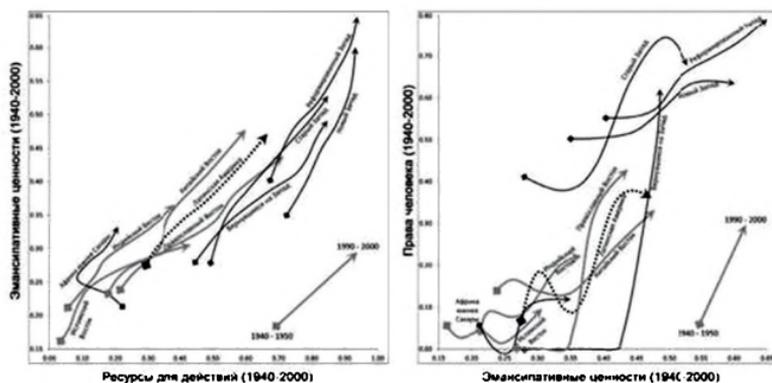

Рисунок 4.5. Козволюция трех компонентов эмансипации человечества в различных культурных зонах (1940—2000 г.)

Примечание: «Хвост» стрелки — это позиция культурной зоны в десятилетии 1940—1950; а «голова» стрелки — это ее позиция в десятилетии 1990—2000. Путь от хвоста до головы отображает десятилетия между 1940—1950 и 1990—2000 в восходящем временном порядке. Значение трех переменных для каждой культурной зоны — это среднее в данном десятилетии для обществ, принадлежащих к соответствующей культурной зоне, с равными весами для всех обществ. Вычисление средних с помощью пропорциональных численности населения стран, дает сходные результаты, потому что именно страны с большим населением определяют тренд для своей культурной зоны. Эмансипативные ценности для предыдущих десятилетий оценены по разнице этих ценностей между когортами в самом последнем опросе, с использованием специфических для каждого из обществ коррекций тренда (подробно описанных в приложении 4).

Диаграмма справа на рисунке 4.5 раскрывает еще один исторический паттерн. Связь эмансипативных ценностей и прав человека похожа на то, что мы видим слева, в том смысле, что и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе рост эмансипативных ценностей приносит с собой расширение прав человека как в западных, так и в незападных обществах. Однако рост эмансипативных ценностей в незападных обществах произошел относительно недавно и связан с резким расширением прав человека, а их более медленный рост в западных обществах связан с тем, что в них ценности уже изначально были на высоком уровне. Скорее всего, высокий уровень прав человека на Западе обусловлен эмансипативными движениями, в частности, Просвещения, и борьбой за гражданские права, навеянные этими движениями, на ранних этапах развития. С другой стороны, когда западные общества начали испытывать влияние усилившихся эмансипативных ценностей, они использовали свою власть, чтобы не допустить подобных процессов в обществах, которые они колонизировали. Даже после окончания колониального периода западные общества длительное время поддерживали авторитарные

режимы в Латинской Америке, Африке и Азии. Следовательно, из-за препятствий, воздвигнутых колониализмом и неоколониализмом, эмансипативные ценности в незападных обществах должны были преодолеть более высокий порог, чтобы добиться такого расширения прав человека, как в западных обществах.

Таблица 4.2. Хронологический тест компонентов человеческой эмансипации (с использованием замещающих переменных)

Предикторы с лагом	Зависимая переменная в момент времени T_0		
	Ресурсы для действий ^a	Эмансипативные ценности ^b	Гражданские права ^c
Ресурсы для действий в момент T_{-1}		0,07 (4,17)***	0,26 (1,76)*
Эмансипативные ценности в момент T_{-1}	0,08 (0,70)'		0,93 (4,80)***
Права человека в момент T_{-1}	-0,00 (0,09)'	0,01 (0,90)'	
Зависимая переменная в момент времени T_{-2}	0,93 (29,20)***	0,89 (15,60)***	0,33 (1,50)'
Константа	0,14 (3,72)***	0,08 (5,90)***	-0,21 (-3,40)***
Скорректированный R ²	0,93	0,91	0,70
N (наблюдений)	232	260	253
N (обществ)	68	74	74
N (десятилетий)	макс. 4, мин 3,4	макс. 4, мин 3,5	макс. 4, мин 3,4

Примечание: Объединенные и упорядоченные по времени регрессии на данных поперечных срезов со скорректированными для панели стандартными ошибками, рассчитанные в STATA 11.2. Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты, в скобках — значения t-критерия, скорректированные для панели. T_{-1} — это десятилетие, предшествующее десятилетию (T_0); T_{-2} — это десятилетие, предшествующее моменту T_0 .

Тесты на гетероскедастичность (тест Уайта), влиятельные случаи (OFTIs) и мультиколлинеарность (VIF) не обнаружили нарушения допущения для регрессий, рассчитанных методом наименьших квадратов. Уровни значимости (двусторонние): * $p < 0,100$, ** $p < 0,050$, *** $p < 0,005$. Используются данные для всех обществ с валидными данными по всем используемым в анализе переменным.

^a Коэффициенты в первой колонке представляют уравнение (1) из раздела 3.1. Замещающая переменная для ресурсов для действий — это комбинированный и индексированный показатель уровней грамотности и урбанизации общества в данную декаду из базы данных Ванханена (2003).

^b Коэффициенты в этой колонке представляют уравнение (2) из раздела 3.1. Эмансипативные ценности для данной декады оценены на основе современного паттерна этих ценностей для различных когорт со специфическими корректировками тренда для каждого общества, что подробно показано в приложении 4.

^c Коэффициенты в этой колонке представляют уравнение (3) из раздела 3.1. Замещающий показатель для прав человека в обществе в данную декаду — это индекс демократизации Ванханена для этого десятилетия. См. Vanhanen, 2003. Процедуры измерения и данные приведены в приложении 4.

Отражая этот исторический паттерн, регрессии, представленные в трех колонках таблицы 4.2, исследуют каузальные взаимоотношения между тремя элементами человеческой эмансипации с помощью показателей, описанных в модели, из раздела 3.1. Я использую упорядоченную по времени базу данных, в которую включены семьдесят четыре общества, для каждого из которых представлено до шести повторных наблюдений. Эти повторные наблюдения органи-

зованы по десятилетиям, начиная с 1940—1950 гг. и заканчивая 1990—2000 гг. Значения коэффициентов получены с использованием скорректированных для панельных данных стандартных ошибок (Beck & Katz, 1995; Beck, 2001).

Таблица 4.2 показывает, что на ресурсы для действий в момент T_0 не влияют ни эмансипативные ценности, ни права человека в момент T_{-1} , если контролируется зависимость этих элементов от ресурсов для действий в момент T_{-2} . На эмансипативные ценности, впрочем, оказывают независимое и положительное влияние ресурсы для действий, но не права человека. Права человека в свою очередь детерминированы и ресурсами для действий, и эмансипативными ценностями, но эффект влияния на них эмансипативных ценностей значительно сильнее.

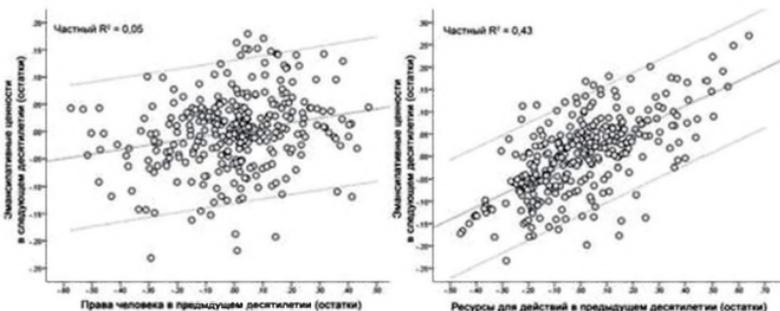

Рисунок 4.6. Частные эффекты ранее имевшихся ресурсов и прав человека на последующий уровень эмансипативных ценностей (объединенные и упорядоченные по времени регрессии на данных поперечных срезов с коррекцией стандартных ошибок для панели)

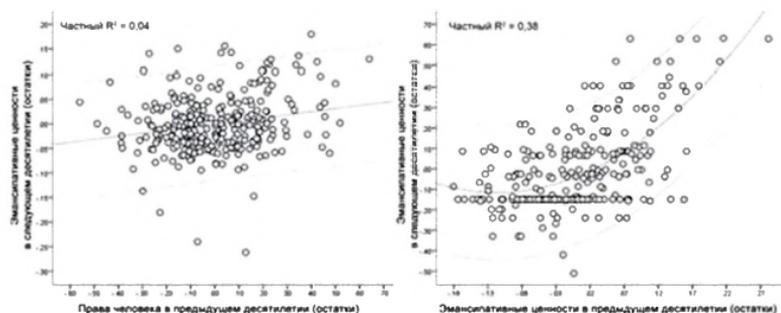
Примечание: Данные из упорядоченной по времени матрицы поперечных срезов для 74 обществ за шесть десятилетий с 1940—1950 гг. до 1990—2000 гг. ($N = 306$), описанной в разделе 3.2 главы 4 и приведенной для репликации в приложении 4. Частные графики для регрессий эмансипативных ценностей, оцененных для данного десятилетия на основе значений ресурсов для действий и прав человека в предыдущем десятилетии.

Два графика частных регрессий на рисунке 4.6 иллюстрируют различное влияние ресурсов для действий и прав человека на эмансипативные ценности. Хотя регрессионный коэффициент эффекта влияния ресурсов для действий на эмансипативные ценности не особенно велик, у него очень маленькая стандартная ошибка, и он, следовательно, объясняет значительную долю пропорции последующей дисперсии эмансипативных ценностей, а именно 45%. Напротив, права человека объясняют только 7% последующей дисперсии эмансипативных ценностей.

Следует отметить, что эти результаты обобщают временной паттерн для исследованных шести десятилетий: последовательность $T_{-2} - T_{-1} - T_0$ не относится ни к какой конкретной последовательности трех декад: она описывает последовательность трех любых десятилетий в период от 1940—1950 гг. до 1990—2000 гг., охватывающий полстолетия¹⁰¹. Также необходимо особо подчеркнуть, что на основе этой

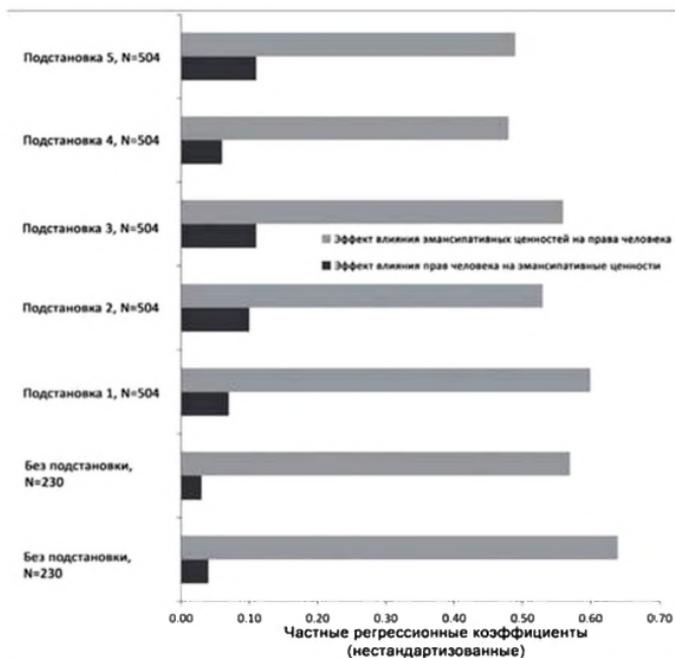
¹⁰¹ Есть четыре ганих последовательности из трех десятилетий: (1) 1940—50—1950—60—1960—70; (2) 1950—60—1960—70—1970—80; (3) 1960—70—1970—80—1980—90; (4) 1970—80—1980—90—1990—2000.

имитационной модели можно сделать вывод, что связь между эмансипативными ценностями и правами человека — однонаправленная: ценности влияют на права человека, но обратного влияния нет. Два графика частных регрессий на рисунке 4.7 иллюстрируют этот результат. На диаграмме слева мы видим, что права человека в прошлом десятилетии объясняют лишь незначимые 4% дисперсии эмансипативных ценностей следующего десятилетия, однако в противоположном направлении эмансипативные ценности прошлого десятилетия объясняют 38% дисперсии прав человека в следующем десятилетии. Интересно, что, как показывает наложенная на график квадратичная кривая, эмансипативные ценности благоприятствуют правам человека по мере увеличения предельной отдачи. Импульс к освобождению эмансипативных ценностей становится более мощным по мере укрепления этих ценностей. Этот паттерн не соответствует выводам ряда публикаций, утверждающих, что ценности эндогенны по отношению к институтам. Чтобы продемонстрировать надежность данных результатов, рисунок 4.8 показывает, что происходит, когда мы переопределяем различными способами систему из трех уравнений, представленную в таблице 4.2, используя «внешне не связанные уравнения регрессии» (seemingly unrelated regressions) и «множественные подстановки» (multiple imputations). В диаграмме внимание сосредоточено на сравнении эффектов влияния прав человека на ценности в уравнении (2) с эффектами влияния ценностей на права человека в уравнении (3). Технические подробности этих моделей приведены в приложении 4, поэтому здесь их можно опустить. Вывод ясен: связь между эмансипативными ценностями и правами человека всегда гораздо сильнее, если мы оцениваем эффект влияния более ранних ценностей на более поздние права человека.

Рисунок 4.7: Асимметрия между реципрокными влияниями предшествующих показателей прав человека на последующий уровень эмансипативных ценностей и предшествующих значений эмансипативных ценностей на последующий уровень прав человека (регрессия на данных поперечных срезов, объединенных и упорядоченных по времени, с коррекцией стандартных ошибок для панели)

Примечание: Данные из упорядоченной по времени матрицы поперечных срезов для 74 обществ за шесть десятилетий с 1940—1950 до 1990—2000 гг. ($N = 255$), описанной в разделе 3.2 главы 4 и приведенной для репликации в приложении 4. Частные графики построены для системы регрессий в двух противоположных направлениях: диаграмма слева показывает влияние предшествующих прав человека на последующие ценности, диаграмма справа — влияние предшествующих ценностей на последующие права человека. -- оценены для данного десятилетия на основе значений ресурсов для действий и прав человека в предыдущем десятилетии. В обеих регрессиях контролируются эффекты предшествующих независимых переменных на их зависимость от более ранних, чем они сами, значений зависимой переменной.

Рисунок 4.8. Сравнение реципрокных влияний эмансипативных ценностей и прав человека в альтернативных спецификациях системы из трех уравнений, представленной в таблице 4.2. Примечание: Каждая пара линеек на графике представляет одну из спецификаций системы из трех уравнений, приведенную в таблице 4.2. Использована база данных объединенных и упорядоченных по времени годовых срезов, описания в разделе 3.2 главы 4, использующая показатели заместители для ресурсов для действий и прав человека, а также ретроспективные оценки эмансипативных ценностей 84 обществ за шесть десятилетий. Линейки на графике сравнивают частные эффекты влияния более ранних эмансипативных ценностей на более поздние права человека в уравнении (2) таблицы 4.2 с частными эффектами влияния более ранних прав человека на более поздние эмансипативные ценности в уравнении (3) этой таблицы. Пять верхних пар линеек показывают результат множественных подстановок пропущенных значений в исходной матрице данных. Вторая снизу пара линеек отображает «внешне не связанные уравнения регрессии» (SUR) системы трех уравнений на исходной базе данных. Самая нижняя пара показывает частные эффекты влияния из таблицы 4.2. Техническая документация приводится в приложении 4.

Ключевые положения

Данная глава была посвящена подъему эмансипативных ценностей. В соответствии с моделью человеческой эмансипации этот подъем наиболее выражен в экономических знаниях. Тем не менее почти во всех обществах, для которых есть временной ряд продолжительностью не менее десяти лет, мы могли наблюдать рост эмансипативных ценностей. Кроме того, когортные паттерны во всех десяти культурных зонах мира продемонстрировали тренд постепенного усиления этих ценностей.

Для того чтобы проверить тезис последовательности теории эмансипации, я использовал модель динамического сдвига для небольших временных перио-

дов и модель, упорядоченную по времени, для периода в пятьдесят лет. Модель динамического сдвига показывает, что усиление эмансипативных ценностей хорошо объясняется степенью увеличения дохода на душу населения (с помощью индикатора материальных ресурсов для действий и замещающей переменной для других типов ресурсов для действий). Напротив, расширение прав человека не объясняет рост эмансипативных ценностей. Этот результат опровергает не раз высказывавшееся в публикациях соображение, будто эмансипативные ценности «эндогенны» для демократии.

Долгосрочную модель, упорядоченную по времени, следует интерпретировать с осторожностью. Это, скорее, мысленный эксперимент, основанный на гипотетических оценках эмансипативных ценностей для прошлых десятилетий, а не на реальных результатах наблюдений в эти десятилетия. Однако если считать, что гипотетические оценки основаны на обоснованных предположениях и приемлемы, получаются важные выводы. В первую очередь, что существует постоянный и долгосрочный глобальный тренд человеческой эмансипации и усиления каждого из ее трех компонентов, включая эмансипативные ценности. Более того, если рассмотреть, что является причиной этого, а что — следствием, мы увидим четкую каузальную закономерность: ресурсы для действий детерминируют эмансипативные ценности; затем ресурсы для действий и эмансипативные ценности совместно детерминируют права человека; права человека в свою очередь сами не оказывают непосредственного влияния ни на ресурсы для действий, ни на эмансипативные ценности.

Эти результаты предполагают, что объективная полезность, проявляющаяся в ресурсах, определяет субъективные ценности; а эти субъективные ценности в свою очередь определяют правовые гарантии, проявляющиеся в правах человека. Именно эту закономерность и предполагает тезис последовательности теории эмансипации.

Согласно данным результатам, институты, гарантирующие всеобщие свободы, дополняют процесс человеческой эмансипации, но не инициируют его. Очень важно это отметить, потому что данный вывод противоречит все более популярной точке зрения, согласно которой «инклюзивные институты» являются главной причиной развития (Acemoglu & Robinson, 2012).

Из представленных выше результатов следует вывод, что эндогенного объяснения ресурсов для действий внутри системы человеческой эмансипации не существует. Таким образом, чтобы объяснить возникновение ресурсов для действий, нам нужно привлечь экзогенные факторы, не входящие в сам процесс человеческой эмансипации. Этот аспект концепции эмансипации затрагивает вторую ключевую гипотезу теории эмансипации — тезис источника, который подробно рассматривается в главе 11.

Часть В. Эмансипативные ценности как гражданская сила

Глава 5. Внутренние качества

Счастье — не что-то готовое. Оно результат ваших собственных действий.

Далай Лама

Введение

Тезис последовательности теории эмансипации основывается на следующем допущении: свободы имеют полезность для людей, так как наши интеллектуальные способности дают нам возможность выбирать курс действий для достижения важных целей. Однако наши потенциальные возможности выбора тех действий, которые являются для нас более предпочтительными, не всегда можно реализовать. Нам нужно иметь контроль над ресурсами для действий, чтобы быть способными делать то, что нам нравится. Контроль над ресурсами для действий непосредственно связан с жизненными условиями. Тяжелые жизненные условия означают, что большая часть ресурсов для действий — вне нашего контроля; благоприятные условия жизни дают противоположный эффект.

Свободы всегда воплощают в себе потенциальную полезность: в любой момент люди могут получить пользу от свобод, если располагают необходимыми для этого ресурсами для действий. Однако реальная полезность свобод варьируется, потому что контроль людей над ресурсами для действий также варьируется. Устойчивость потенциальной полезности свобод — это источник стремления людей к свободам; вариация реальной полезности свобод — причина, по которой люди действуют для их достижения.

Путь к свободам лежит через последовательность механизмов приспособления, показанных на рисунке 1.2 в главе 1. Поскольку люди развивались как склонный к кооперации вид, они не проходят через эту последовательность по отдельности. Прохождение данной последовательности — социально укорененный процесс, в ходе которого люди корректируют свои общие ценности с учетом совместных полезностей и на этой основе достигают общего чувства благополучия¹⁰².

¹⁰² «Общее» ощущение благополучия — это не метафора. Напротив, если мы рассмотрим данные о распределении показателей удовлетворенности жизнью из опросов МИЦ, эти распределения удивительным образом группируются вокруг национальных средних значений. Эта близость друг к другу индивидуальных оценок благополучия показывает, что у населения каждой из стран на самом деле есть ощущение общей степени благополучия.

Такое коллективное движение через последовательность механизмов приспособления может стабилизировать равновесие того или иного общества. Однако существует два состояния равновесия (эквilibриума), как показано на рисунке 1.2, одно из них поддерживает угнетение людей, другое — развивает человеческую эмансипацию. Оба эквilibриума формируют всю социальную структуру общества.

В этой главе мы изучаем последовательность механизмов приспособления, уделяя особое внимание мотивации людей и уровням их благосостояния, которые становятся максимально общими в процессе приспособления. Мы проводим исследование в четыре этапа. Первый раздел кратко описывает последовательность механизмов приспособления. Второй — переводит эту последовательность в гипотезы, которые можно проверить. Третий раздел описывает переменные и показатели, использованные в анализе. В четвертом — приводятся результаты. Как всегда, завершает главу резюме ее ключевых положений.

1. Связь благополучия и полезности

Как уже говорилось в главе 1, человеческий разум — это продукт длительного процесса эволюции мозга. Эволюция сформировала мозг как устройство, стремящееся к полезности. Эволюция «сумела» добиться этого, связав субъективное благополучие людей с объективной полезностью. Поскольку люди понимают свои полезности как совместные, у них появляется и совместное ощущение благополучия. Следовательно, не только индивиды, но и целые общества переходят через последовательность механизмов приспособления. Иными словами, логика полезности, лежащая в основе этой последовательности механизмов приспособления, определяет не только мировоззрение индивидов, но и коллективный образ мышления.

Связь нашего субъективного благополучия с объективными полезностями поддерживает контакт нашей жизни с реальностью. Иногда эта связь может быть потеряна: индивиды и даже целые общества могут оказаться в ловушке, делая то, что наносит им вред. Тем не менее время наказывает за приверженность вредным практикам, обрекая общества на неудачи и упадок, но вознаграждает полезные практики успехами и процветанием (Diamond, 2005). Распределяя санкции и награды, время таким образом производит своего рода «отбор». Этот отбор происходит в пользу практик, обеспечивающих и индивидуальную, и общую выгоду от их применения (Wilson, 2009). Однако когда возникает противоречие общих и индивидуальных интересов, общая выгода оказывается важнее индивидуальной: потому как если большинство индивидов преследуют собственные интересы в ущерб интересам своей группы, эта группа оказывается в невыгодном положении, конкурируя с другими группами. В итоге ее подчинят или она распадется. Таким образом, в долговременной перспективе групповой отбор отдает приоритет поведению, нацеленному на сотрудничество, а не эгоистичному поведению (Bowles & Gintis, 2011). Преобладание сотрудничества над эгоизмом в определенных группах нацелило человеческую эволюцию на *общие, совместные*, а не *уникальные* для индивидов полезности. Соответственно, и человеческая система мотивации была сформирована таким образом: наше ощущение

благополучия связано с поиском совместных полезностей (Kaplan, Gurven & Lancaster, 2007). Функционирование этой связи «благополучие — полезность» жизненно важно для процветания обществ и людей. Чтобы поддерживать эту связь, индивиды и группы должны реализовывать последовательность приспособительных функций, показанную на рисунке 1.2 в главе 1. Давайте кратко повторим стадии этой последовательности.

Во-первых, человеческий разум должен распознать полезности, воплощенные в данных обстоятельствах, и оценить их (механизм оценивания). Во-вторых, разум должен инициировать действия, направленные на реализацию ценных полезностей (механизм активации). В-третьих, разум должен получить удовлетворение от успешно реализованных полезностей (механизм удовлетворения). В-четвертых, удовлетворенность запускает обратную связь с началом цикла, стабилизирующую ценность распознанных полезностей (механизм обратной связи). В-пятых, механизм солидарности гарантирует, что последовательность приспособления не будет действовать так, что изолированные индивиды станут стремиться к своим индивидуальным полезностям и выгодам, пытаясь улучшить лишь собственное благосостояние. Напротив, мы имеем дело с включенными в группы индивидами, стремящимися к общим полезностям, имеющим определенную ценность для группы, сотрудничая друг с другом, и достигая совместного ощущения благополучия. Опять-таки не только мировоззрение индивида, но и коллективный образ мышления формируется через последовательность стадий приспособления.

Последовательность механизмов приспособления делает человеческое стремление к свободам адаптивным по отношению к жизненным условиям, которые мы в данный момент не можем контролировать. В зависимости от присутствия или отсутствия этого давления жизненных условий адаптация может происходить в двух противоположных направлениях, как показывают два идеальных типа равновесия-эквilibриума, показанных на рисунке 1.2: «дремлющий» эквilibриум, в котором стремление к свободам не реализуется, и «живой» эквilibриум, в котором оно активно реализуется.

«Дремлющий» эквilibриум стабилизирует угнетение людей; «живой» эквilibриум продвигает человеческую эмансипацию. Источник обоих типов эквilibриума — контроль над ресурсами для действий. Если большинство людей не обладают контролем над основными ресурсами для действий, то они полагают, что свободы малополезны для них в данной ситуации. Соответственно, люди в этом случае не ценят свободы и не предпринимают действий для их достижения. Это проявляется в слабости их эмансипативных ценностей. Если эмансипативные ценности слабы, жизненные стратегии людей фокусируются на материальном благосостоянии, приобретении материальных благ и увеличении дохода. Это *внешняя* стратегия, потому что она детерминируется экстермальными, внешними необходимостями. В данной ситуации стремление к свободам приносит мало удовлетворения, и это, через обратную связь с ценностями, закрепляет слабую ориентацию на эмансипативные ценности.

Если, напротив, большинство людей контролируют значительную часть ресурсов для действий, они признают высокую полезность свобод. Соответственно, они больше ценят свободы: появляются эмансипативные ценности. Под влия-

нием эмансипативных ценностей люди отказываются подчиняться внешнему контролю и вместо этого сами определяют для себя цели. Такая возможность самоопределения поддерживает *внутренние* жизненные стратегии людей, нацеленные на ощущение удовлетворения. Приоритет переходит с материального на *эмоциональное* благополучие и с внешних жизненных обстоятельств на *внутреннее* качество жизни. Эта ориентация на выбранные самими людьми цели неизбежно подразумевает реализацию свобод. Следовательно, реализация свобод становится источником удовлетворенности. Полученное удовлетворение через обратную связь укрепляет ценности людей: оно усиливает приверженность к эмансипативным ценностям. Люди проходят эту последовательность стадий не как разобщенные индивиды, а в тесном взаимодействии с себе подобными. Таким образом, люди признают *общие* полезности, проистекающие от *равных* свобод, *совместно* ценят эти свободы, *предпринимают совместные* действия, чтобы утвердить ценные для них свободы и испытывать *общее* ощущение благополучия от достижения успеха.

Как внешние, так и внутренние стратегии приводят к удовлетворению, если они достигают поставленных целей. Однако потенциал удовлетворенности у стратегий разный. Как указывает Хеди (Headey, Muffels, and Wagner, 2012), различные стратегии вовлекают людей в разные типы «игр», и природа игры предлагает различные возможности для получения удовлетворения ее участниками. Внешние стратегии сосредотачивают энергию людей на достижении материального благосостояния. Игра, в которую они играют в этом случае — конкуренция за материальные блага — это *игра приобретения*. Поскольку материальные вещи — это «конкурентные блага», приобретение — игра с нулевой суммой, в которой одна сторона выигрывает, а другая — проигрывает. В играх приобретения удовлетворенность одной группы уравновешивается неудовлетворенностью другой группы. Таким образом, игры приобретения делают *коллективное* благополучие и выигрыш маловероятными (если они вообще возможны в этом случае). Даже тем людям, которые выигрывают, успех может не приносить внутреннего удовлетворения. Материальные приобретения могут удовлетворять наши стремления к потреблению и признанию статуса, но они не могут принести ощущения самореализации — глубочайшего источника удовлетворенности для обладающих сознанием существ. Чувство самореализации достижимо, только если реализуются наши таланты и способности. Самореализация вызывает сильные позитивные эмоции и глубоко переживается (Maslow, 1988 [1954]).

Самореализация сосредотачивает энергию людей на другом типе игры, таком, который нацелен на раскрытие и совершенствование талантов индивидов: это *игра процветания*. В отличие от игр приобретения игры процветания часто синергические, а не конкурентные. Таланты дополняют друг друга, и даже если сходные таланты встречаются, как в оркестре, они часто взаимно обогащают друг друга в процессе достижения общих целей, от чего выигрывают все. Подлинное чувство удовлетворения возникает у индивида от достижения чего-то большего, от служения высшей цели, которое делает лучше жизни других людей. Таким образом, внутренние стратегии не только приносят большую удовлетворенность индивиду, но также полезны для общества. Часть этой пользы — *общее* для людей

ярко выраженное ощущение благополучия. Доброжелательность, возникающая, когда много людей посвящают себя неэгоистическим общим целям, создает мягкий климат, поднимающий уровень благополучия каждого индивида выше того уровня, который обусловлен его/ее личными обстоятельствами. Социальное взаимное обогащение должно быть ярко выраженным феноменом в этом случае. Внутренние стратегии — это взаимное благо, требующее взаимного признания, чтобы оно могло дать плоды. Игры процветания — это игры доброжелательности, и их моральный ресурс быстро истощается, если другие люди не отвечают взаимностью. Альтруистическое поведение в среде, где преобладают эгоисты, быстро сходит на нет (Axelrod, 1986).

Люди не обладают абсолютной степенью свободы для того, чтобы сделать приоритетными внутренние, а не внешние стратегии, даже если они поняли, что у первых более высокий потенциал для удовлетворенности. Чтобы быть устойчивыми, внутренним стратегиям необходима благоприятная, поддерживающая их социальная среда. Кроме того, внешние стратегии полезнее, когда приходится иметь дело с нехваткой ресурсов. Если ежедневная жизнь — это борьба за нужные вещи и блага, приоритет материальной основы жизни абсолютно функционален. И все же эмоциональные качества жизни обладают более высоким потенциалом удовлетворения. По этой причине, если блага перестают быть дефицитом, стратегии меняются: внешние уступают место внутренним¹⁰³. Таким образом, внешнее благосостояние остается приоритетом, только пока это необходимо, в то время как внутреннее — становится приоритетом сразу же, как только это оказывается возможным. Другими словами, внешнее благосостояние эволюционно «запрограммировано» как средство для достижения внутреннего благополучия, являющегося конечной целью. Как элемент эволюционного программирования высокая ценность внутреннего благополучия встраивает стремление к свободам в систему мотивации людей.

2. Гипотезы

Три допущения могут быть переформулированы в три гипотезы относительно эволюции ценностных приоритетов, жизненных стратегий и ощущения благополучия. Вот эти гипотезы:

(1) *гипотеза оценивания*. Расширение доступа к ресурсам для действий вызывает подъем ориентации на эмансипативные ценности:

(2) *гипотеза активации*. Когда эмансипативные ценности становятся более распространенными, доминирующие жизненные стратегии меняют фокус — с внешнего, ориентированного на материальные обстоятельства, на внутренний, ориентированный на эмоциональные качества:

(3) *гипотеза удовлетворенности*. Когда внутренние жизненные стратегии начинают превалировать, ощущение общего благополучия становится более распространенным.

¹⁰³ Индивиды могут «зреть», привыкая к используемым стратегиям, поэтому стратегии легче изменяются со сменой поколения, чем на протяжении жизненного пути одного поколения. Чтобы проверить эту гипотезу, нужны панельные данные, но таких данных для сравнительных кросс-культурных исследований пока нет.

Из этих трех последовательных гипотез первая уже была подтверждена в главе 3. Данная глава сфокусируется на двух следующих гипотезах. Как это было и в случае с первой гипотезой, я предполагаю, что вторая и третья гипотезы также требуют двух допущений. Во-первых, люди проходят через гипотетические процессы, о которых идет речь, «в потоке» своего общества, а не как разобщенные индивиды. По этой причине мы обнаруживаем более сильные связи между общими ресурсами, ценностями и стратегиями по сравнению с теми индивидуальными ресурсами, ценностями и стратегиями, которые отличают людей от того, что характерно и типично для их общества. Во-вторых, наша гипотетическая последовательность не является спецификой западных культур — напротив, ее действующая логика укоренена в эволюции и, следовательно, культурно-инвариантна.

3. Данные и показатели

Приведенный выше тезис, предполагающий существование культурно-инвариантных механизмов, действующих в разных культурах, очевидно, противоречит концепции культурного релятивизма. Приверженцы этой теории возражат, что мои предположения отражают западную логику, неприменимую к незападным культурам. Действительно, две популярные концепции — концепция азиатских ценностей (Yew, 1994) и концепция столкновения цивилизаций (Huntington, 1996) — подразумевают, что акцент на равных свободах, присущий эмансипативным ценностям, — это культурно-специфическая черта обществ с сильными западными традициями. Какая из двух точек зрения верна: универсализм развития или культурный релятивизм? Чтобы окончательно ответить на этот вопрос, нужно исследовать, влияет ли на постулированные нашими гипотезами связи сила западных традиций. Если связи сохраняются при контроле последней переменной — они не специфические для Запада, а универсальные. Если же нет — эти взаимосвязи специфичны для западных культур и, следовательно, не универсальны.

Как я утверждаю в главе 2, сила западных традиций проявляется в исторической устойчивости демократии. Чтобы измерить устойчивость демократии, я использую уже упоминавшийся индекс «запаса демократии» 1995 г. (Gerring et al., 2005). Богатство демократических традиций, которое данный индекс отражает, является аспектом демократии, наиболее сильно влияющим на другие социальные феномены. Как и в предыдущих главах, я называю индекс запаса демократии «демократическими традициями» и интерпретирую его как показатель силы западной культуры в обществе¹⁰⁴.

Как альтернативу я использую замещающую бинарную переменную, отражающую принадлежность общества (кодируется 1) или не-принадлежность (кодируется 0) к одной из четырех западных культурных зон, описанных во введении.

Для вывода о том, что культурный релятивизм верно описывает реальность, показатель демократических традиций или показатель принадлежности к Западу

¹⁰⁴ Я экспериментировал с индексом культурной глобализации (Dreher, Gastor & Marten, 2008), измеряющим плотность на душу населения магазинов IKEA и ресторанов McDonalds в обществе. Но этот индекс дал более слабые результаты, чем индекс демократических традиций.

должны устранять предполагаемые гипотезой эффекты. А именно влияние эмансипативных ценностей на внутренние стратегии достижения благополучия и влияние внутренних стратегий его достижения на общее ощущение благополучия должны действовать только в обществах, принадлежащих к западным традициям, но не за их пределами. В этом случае предполагаемые нашей гипотезой эффекты должны исчезнуть или существенно уменьшиться, если мы контролируем демократические традиции или принадлежность к Западу.

Чтобы измерить ощущение общего благополучия людей, я использую вопрос об общей удовлетворенности жизнью — переменную V22 из интервью МИЦ¹⁰⁵. Формулировка этого вопроса была следующей:

«Учитывая все обстоятельства, насколько Вы в данное время удовлетворены Вашей жизнью? Используя эту карточку, на которой 1 означает что Вы «совершенно не удовлетворены», а 10 означает, что Вы «полностью удовлетворены», как Вы оцениваете Вашу удовлетворенность жизнью в целом?»

Я нормализовал ответы в диапазон от 0 для наименее удовлетворенных — до 1 для самых удовлетворенных. После такой перекодировки промежуточные ответы изначальной шкалы в диапазоне от 1 до 10 стали дробными долями 1.

Есть масса публикаций, в которых утверждается, что общее благополучие — это результат интеграции удовлетворенности различными сферами жизни (см. обзор: Veenhoven, 2000; Lykken, 2000; Diener, Lucas & Scollon, 2006; Fischer & Voer, 2011). Среди этих различных сфер ключевая — материальное благополучие. Чтобы измерить материальное благополучие, я использовал вопрос об удовлетворенности финансами — переменная V68 в интервью МИЦ:

«Насколько вы удовлетворены финансовым положением Вашего домохозяйства? Пожалуйста, используйте эту карточку, которая поможет Вам выбрать ответ».

На карточке респондентам предъявлялась шкала от 1 до 10, которую я, опять-таки, нормализовал в диапазон от 0 (минимальный уровень материального благополучия) до 1 (максимальная степень материального благополучия).

Еще одна сфера общего благополучия — эмоциональное благополучие, то есть ощущение счастья. Для измерения эмоционального благополучия я использовал вопрос о счастье — переменную V10 из МИЦ:

«В целом, Вы бы сказали, что Вы: очень счастливы, скорее счастливы, не очень счастливы или совершенно несчастливы?»

Я перекодировал ответы так: 0 — «совершенно несчастлив», 0,33 — «не очень счастлив», 0,66 — «скорее счастлив» и 1 — «очень счастлив».

Удовлетворенность жизнью и ощущение счастья иногда комбинируются в общий индекс субъективного благополучия (Inglehart, Foa, Peterson & Welzel, 2008). Однако такое решение размывает различия между эмоциональным аспектом благополучия (ощущение счастья) и общим ощущением благополучия (удовлетворенность жизнью). В контексте этой главы важно сохранить данное различие, потому что меня интересует, какой именно вклад вносит эмоциональное и материальное благополучие в общее ощущение благополучия в различных

¹⁰⁵ Номера переменных, упомянутые здесь и ниже, соответствуют номерам переменных в главном опроснике волны 5 МИЦ.

обстоятельствах. Предположение о том, что их влияние зависит от обстоятельств, поддерживается тем фактом, что корреляция между ощущением счастья и удовлетворенностью жизнью в различных обществах существенно различается: она варьируется от низкой ($r = 0,14$ в Замбии) до высокой ($r = 0,60$ в Греции) и при этом статистически значима во всех национальных выборках. Учитывая, что эти различия могут отражать культурно-специфическое понимание счастья, важно исследовать предполагаемые эффекты, контролируя возможное влияние принадлежности к Западу.

Материальное благополучие относится к *внешним* условиям жизни, которые не являются характеристиками самих людей. По этой причине я трактую материальное благополучие как внешнее благополучие. Эмоциональное, напротив, описывает внутреннее состояние сознания индивида. Поэтому я трактую *эмоциональное* благополучие как *внутреннее* благополучие.

Анализ субъективных оценок успешности как внешних, так и внутренних стратегий не дает нам информации о том, каков вклад каждой из этих сфер в общее представление о благополучии людей. Это также не говорит нам о том, насколько люди ориентированы на различные сферы благополучия. Кроме того, в интервью МИЦ респондентам не задаются прямые вопросы о том, в какой степени их внешнее и внутреннее благополучие вносят свой вклад в их общее благополучие.

Тем не менее мы можем оценить, как внешнее и внутреннее благополучие влияют на общее благополучие, измеряя связь удовлетворенности в отдельных сферах и общего благополучия. Поступая таким образом, мы делаем вывод об относительной важности удовлетворенности в отдельно взятых сферах исходя из ее близости к общему благополучию. У данного подхода есть преимущество: поскольку респонденты не пытались сознательно воспроизвести эту степень близости в своих ответах, полученные паттерны, очевидно, не являются дефектами, объясняющимися социальной желательностью ответов. Данный вывод обоснован, поскольку соответствующие вопросы разбросаны в разных местах опросника МИЦ и не задаются последовательно друг за другом. Таким образом, у нас есть «невяный» психологический показатель, который не подвержен искажениям, вызванным социальной желательностью ответов.

На основе только что описанных данных и переменных я проверяю перечисленные выше гипотезы, анализируя кросс-культурную вариацию ценностей, стратегий и благополучия на уровне общества и на уровне индивидов.

4. Результаты

4.1. Гипотеза активации

В таблице 5.1 показаны две многоуровневые модели, в которых зависимая переменная — приоритетность внутреннего благополучия для респондентов. Я предполагаю, что эмансипативные ценности повышают приоритетность внутреннего благополучия двумя способами: (а) в одних и тех же обществах у индивидов с более сильными эмансипативными ценностями приоритетность внутреннего благополучия выше; (б) преобладание эмансипативных ценностей в обществе поднимает приоритетность внутреннего благополучия выше того уровня, который предполагают их эмансипативные ценности.

Таблица 5.1. Многоуровневая модель, объясняющая приоритеты благополучия

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (ЗП):			
	Приоритетность внутреннего благополучия			
	Модель 1		Модель 2	
	b	S. E.	b	S. E.
Константа	0.80***	0.00	0.80***	0.00
Эффекты на уровне общества:				
Западное общество (бинарная)	0.03**	0.01		
Традиции демократии			0.03'	0.02
Степень преобладания СЦ ^a	0.09*	0.05	0.11*	0.05
Степень преобладания ЗЦ ^b	0.16**	0.06	0.18***	0.06
Эффекты на уровне индивидов:				
Год рождения (индексированный)	-0.00'	0.01	0.00'	0.00
Пол — женский	0.01*	0.00	0.01*	0.00
Формальное образование	0.01***	0.00	0.02***	0.00
Ощущение внешнего благополучия	0.12***	0.01	0.12***	0.01
Степень преобладания СЦ ^a	0.03***	0.01	0.03***	0.01
Межуровневые взаимодействия:				
Степень преобладания ЗЦ ^b	0.02**	0.01	0.02**	0.01
Западное общество	0.01'	0.01		
Традиции демократии			0.02'	0.02
Уменьшение ошибки (%):				
Дисперсия ЗП внутри обществ	16.5		16.5	
Дисперсия ЗП между обществами	57.1		55.7	
N	114 274 респондентов в 73 обществах			
Примечание: Многоуровневые модели рассчитаны в HLM 6.02. Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты (b) и их робастные стандартные ошибки. Переменные индивидуального уровня центрированы с помощью вычитания средних для конкретных стран. Переменные уровня общества центрированы с помощью вычитания среднего по всем странам. Уменьшение ошибки рассчитано как процентное сокращение случайной вариации в сравнении с пустой моделью (моделью без зависимых переменных).				
Данные представляют 95 обществ, хотя бы раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ; используются данные по следящего опроса. Временной диапазон: 1995–2005 гг. Национальные выборки взвешены до равного размера с сохранением общего количества респондентов (N).				
Уровни значимости: *p > 0.100; **p < 0.100; ***p < 0.050; ****p < 0.005.				
^a СЦ – светские ценности.				
^b ЗЦ – эмансипативные ценности.				

Обе гипотезы подтвердились. Среди индивидов, живущих в одном и том же обществе, повышение на одну единицу эмансипативных ценностей приводит к росту на 0,03 приоритета внутреннего благополучия. Хотя это, конечно, маленький эффект, но он значимый и положительный во всех случаях, независимо от принадлежности общества к Западу и традиций демократии. Другими словами,

даже в незападных обществах, не обладающих демократическими традициями, усиление эмансипативных ценностей приводит к некоторому росту ориентации на внутреннее благополучие. Этот эффект стабилен и при контроле пола, года рождения, образования и светских ценностей.

Эффект влияния собственной ориентации индивидов на эмансипативные ценности — устойчивый, но очень небольшой. Напротив, эффект влияния степени преобладания эмансипативных ценностей в обществе значительно сильнее: рост преобладания эмансипативных ценностей на единицу вызывает повышение приоритетности внутреннего благополучия в данном обществе на 0,20. Таким образом, эмансипативные ценности влияют на стратегии достижения благополучия через их преобладание в обществе значительно сильнее, чем через индивидуальное предпочтение этих ценностей. Иными словами, для того, чтобы внутреннее благополучие было приоритетным для индивида — важнее, чтобы он/она разделяли ориентацию на эмансипативные ценности со многими другими людьми¹⁰⁶. Соответственно, внутренний импульс эмансипативных ценностей — это результат взаимного обогащения за счет взаимного разделения этих ценностей. Это, по сути, вполне вероятно: трудно свободно следовать внутреннему импульсу эмансипативных ценностей, если человек, приверженный им, оказывается в изоляции. Причина в том, что внутренние стратегии развивают индивидуальность и своеобразие, к которым окружающие люди не всегда относятся толерантно, если эмансипативные ценности в обществе не распространены. Следовательно, внутренний импульс этих ценностей должен быть широко распространен в обществе, чтобы он принес плоды. Этот результат остается устойчивым и в том случае, если контролируются светские ценности, западная культура и традиции демократии. Он объясняет почти 60% дисперсии ориентаций на внутренние стратегии между обществами.

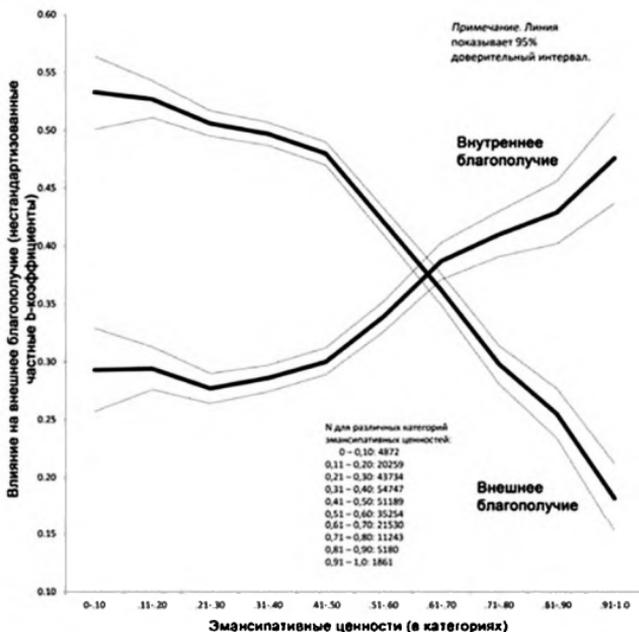
Стоит особенно заметить, что ни принадлежность к Западу, ни традиции демократии не оказывают значимого влияния на приоритетность внутренних жизненных стратегий. Указанные выше переменные также не влияют в значительной мере и на то, в какой степени индивидуальный уровень эмансипативных ценностей предсказывает приоритетность внутренних стратегий. Последнее вполне очевидно, так как не значима интеракция этих двух переменных с эмансипативными ценностями на уровне индивидов.

На рисунке 5.1 респонденты из всех обществ, участвовавших в опросах МИЦ, сгруппированы в десять восходящих категорий по степени ориентации на эмансипативные ценности, описанные выше. Вертикальная ось на рисунке 5.1 отражает одновременное влияние *внешнего* и *внутреннего* благополучия на *общее* благополучие, проявляющееся в регрессионных коэффициентах этих двух типов благополучия. Эти эффекты показаны отдельно для каждой из десяти восходящих категорий эмансипативных ценностей.

Рисунок 5.1 демонстрирует очень отчетливый паттерн. На уровне эмансипативных ценностей от 0 до 0,50 пунктов шкалы эффект влияния внутреннего благопо-

¹⁰⁶ Данный вывод верен, поскольку переменные (характеристики) индивидуального уровня центрированы относительно среднего значения в конкретном обществе. Это исключает межстрановую вариацию и сводит индивидуальные переменные к их внутривариационной вариации. Более того, центрированные значения эквивалентны моделям с фиксированными страновыми эффектами. Такие модели снижают риск получения искаженных оценок из-за пропущенных переменных странового уровня.

лучия колеблется в районе 0,30, в то время как влияние внешнего благополучия немного снижается (от 0,55 до 0,50). Однако когда сила эмансипативных ценностей возрастает (от 0,50 до 1,0), эффект влияния внешнего благополучия на общее благополучие резко снижается от 0,50 до 0,15. В то же самое время эффект влияния внутреннего благополучия резко возрастает (от 0,30 до 0,48). На уровне эмансипативных ценностей от 0,60 до 0,70 эффекты влияния внешних и внутренних ценностей оказываются одинаковыми. В самой высокой из десяти категорий эмансипативных ценностей мы обнаруживаем обратное по сравнению с самой низкой категорией соотношение эффектов внешних и внутренних ценностей. Следовательно, эмансипативные ценности изменяют стратегии достижения благополучия людей, повышая приоритетность внутреннего благополучия и снижая приоритетность внешнего¹⁰⁷.

Рисунок 5.1. Влияние эмансипативных ценностей на приоритеты благополучия

Данные: Представлены 95 обществ, хотя бы раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ; используются данные по следного опроса. Временной диапазон: 1995—2005 гг. Национальные выборки взвешены до равного размера с сохранением общего количества респондентов (N).

¹⁰⁷ Сильные эффекты, представленные на рисунке 5.1, не противоречат слабым эффектам индивидуального уровня в многоуровневых моделях. Причина в том, что большинство людей в каждой из категорий эмансипативных ценностей на рисунке 5.1 — это люди из разных обществ, в то время как слабые индивидуальные эффекты в многоуровневых моделях относятся к людям из одних и тех же обществ.

4.2. Гипотеза удовлетворенности

Согласно гипотезе удовлетворенности, приоритетная стратегия достижения благополучия влияет на общий уровень благополучия людей. Соответственно, приоритетность внутренней стратегии вносит больший вклад в общее благополучие, чем приоритетность внешней. Интересный вопрос заключается в том, влияет ли приоритетная стратегия достижения благополучия на уровень общего благополучия сама по себе, независимо от успешности достижения благополучия в приоритетной сфере. Это важное соображение, поскольку если стратегия влияет на общее благополучие только через ее успешность, то все, что нам нужно, — учитывать ощущение благополучия в данной сфере. В этом случае для нас не важно, насколько данная сфера приоритетна. Чтобы выяснить это, нам нужно различать общее ощущение благополучия и приоритетность сферы. Тогда мы сможем посмотреть, влияет ли приоритетность сферы на общее благополучие в дополнение к влиянию ощущения благополучия. Только если такое дополнительное влияние существует, можно будет обоснованно заключить, что важно также и то, что именно мы считаем важным. Проще говоря, вопрос в том, действительно ли «само путешествие может быть наградой».

Для ответа на этот вопрос обсудим ряд фактов. Начнем с того, что у большинства людей ощущение внешнего благополучия относительно низкое, в то время как ощущение внутреннего благополучия — относительно высокое. В самом деле, глобальное среднее значение внешнего благополучия — 0,49 единицы шкалы (стандартное отклонение — 0,29; $N = 206516$), в то время как для внутреннего благополучия среднее — 0,67 (стандартное отклонение — 0,25). Таким образом, у двух третей респондентов ощущение внутреннего благополучия выше по сравнению с внешним. Также для двух третей респондентов чувство общего благополучия ближе к ощущению внешнего, а не внутреннего благополучия. Большая близость общего благополучия к внешнему отражает более высокую приоритетность внешнего благополучия. Однако поскольку значение внешнего благополучия обычно низкое, его приоритетность снижает и общее ощущение благополучия.

Напротив, когда люди отдают приоритет внутреннему благополучию, это «подтягивает» их общее ощущение благополучия к внутреннему чувству благополучия, обычно высокому. Следовательно, приоритетность внутреннего благополучия позитивно влияет на общее чувство благополучия, связывая его с той сферой благополучия, в которой, очевидно, легче достигнуть удовлетворенности. Но эта связь, как будет показано, зависит от ценностей.

Двухуровневые модели в таблице 5.2 демонстрируют, что рассуждения выше верны и обоснованны. Эти модели объясняют общее чувство благополучия с помощью различных предикторов на уровне общества и на уровне индивида. На уровне общества мы измеряем преобладание определенного уровня чувства благополучия в обществе и его приоритетность, используя средние значения данных переменных. На индивидуальном уровне мы измеряем, в каком направлении и в какой степени ощущения внешнего и внутреннего благополучия респондентов и их приоритетность отклоняются от средних для общества значений. Поступая так, мы редуцируем переменные индивидуального уровня, сохраняя их вариацию только внутри общества. Это помогает разделить эффекты на уровне общества

и на индивидуальном уровне. Таким способом мы обнаруживаем, в какой степени та или иная переменная влияет на общее ощущение благополучия людей, когда ее высокое значение характерно для всего общества, в сравнении с ситуацией, когда высокие значения встречаются лишь у отдельных индивидов.

Таблица 5.2. Многоуровневая модель, объясняющая общее благополучие

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ (ЗП): Степень общего благополучия			
	Модель 1		Модель 2	
	<i>b</i>	S. E.	<i>b</i>	S. E.
Константа	0,62***	0,00	0,63***	0,00
Эффекты на уровне общества:				
Западное общество (бинарная)	-0,01 [*]	0,01		
Традиции демократии			-0,03 [*]	0,01
Чувство внешнего благополучия	0,88***	0,03	0,88***	0,03
Чувство внутреннего благополучия	0,17***	0,03	0,17***	0,02
Приоритетность внешнего благополучия	-0,70***	0,04	-0,69***	0,04
Приоритетность внутреннего благополучия	0,24***	0,04	0,22***	0,04
Эффекты на уровне индивидов:				
Год рождения (индексированный)	0,00 [*]	0,00	0,00 [*]	0,00
Пол — женский	0,00 [*]	0,00	0,00 [*]	0,00
Формальное образование	0,01**	0,00	0,01**	0,00
Чувство внешнего благополучия	0,47***	0,02	0,47***	0,02
Чувство внутреннего благополучия	0,29***	0,02	0,29***	0,02
Межуровневые взаимодействия:				
Приоритетность внешнего благополучия	-0,39***	0,02	-0,39***	0,02
Западное общество	0,08 [*]	0,04		
Традиции демократии			0,14 [*]	0,08
Приоритетность внутреннего благополучия	0,35***	0,02	0,35***	0,02
Западное общество	-0,02 [*]	0,04		
Традиции демократии			0,08 [*]	0,06
Уменьшение ошибки (%):				
— Дисперсия ЗП внутри обществ	56,8		54,3	
— Дисперсия ЗП между обществами	93,8		93,8	

N

114274 респондентов в 73 обществах

Примечание: Многоуровневые модели рассчитаны в HLM 6.02. Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты (*b*) и их робастные стандартные ошибки. Переменные индивидуального уровня центрированы с помощью вычитания средних для конкретных стран. Переменные уровня обществ центрированы с помощью вычитания среднего для всех стран. Объясненная дисперсия рассчитана как процентное сокращение соотношения случайной вариации в сравнении с пустой моделью.

Данные представляют 95 обществ, хотя бы раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ; используются данные последнего опроса. Временной диапазон: 1995–2005 гг. Национальные выборы взвешены до равного размера с сохранением общего количества респондентов (*N*).

Уровни значимости: ^{*}*p* > 0,100; ^{*}*p* < 0,100; ^{**}*p* < 0,050; ^{***}*p* < 0,005.

Анализ коэффициентов в таблице 5.2 показывает, что рост на единицу среднего значения *внешнего* благополучия для населения данной страны повышает общее чувство благополучия на 0,95 единицы. Вклад *внутреннего* благополучия значительно ниже: рост его среднего для населения страны на единицу повышает чувство общего благополучия лишь на 0,12. В то время как повышение индивидуального чувства *внешнего* благополучия индивида на единицу повышает его общее ощущение благополучия на 0,45. Вклад *внутреннего* благополучия снова ниже: рост на единицу ощущения *внутреннего* благополучия индивида повышает общее чувство благополучия на 0,30. В сочетании друг с другом рост *внешнего* благополучия на уровне общества и на уровне индивида повышают общее благополучие индивида на 1,40. Для *внутреннего* благополучия аналогичный эффект составляет лишь 0,42. Эти данные предполагают, что *внешнее* благополучие гораздо важнее, чем *внутреннее*.

Однако рассуждения выше не принимали во внимание влияние приоритетности двух сфер благополучия. Если его учесть, мы получим абсолютно иной результат. Рост на единицу среднего для населения данной страны значения приоритетности внешнего благополучия *снижает* общее чувство благополучия на 0,73 единицы; а повышение на единицу значения приоритетности *внешнего* благополучия для индивида *снижает* общее чувство благополучия на 0,39. Следовательно, приоритетность внешнего благополучия почти полностью устраняет позитивное влияние высокого уровня внешнего благополучия на общее благополучие. Конкретнее, рост общего благополучия на 1,40, полученный благодаря *высокому уровню* внешнего благополучия, теряет 1,12 из-за *приоритетности* внешнего благополучия. В итоге чистый рост общего благополучия от увеличения на единицу уровня и приоритетности внешнего благополучия на уровне общества и индивидуальном уровне составляет лишь 0,28. Следовательно, ощущение внешнего благополучия у людей низкое, поэтому когда они ориентируются именно на эту сферу благополучия, их общее чувство благополучия снижается.

Напротив, рост на единицу средней для общества приоритетности *внутреннего* благополучия вызывает повышение общего чувства благополучия на 0,21 единицы, а рост приоритетности *внутреннего* благополучия для индивида дает увеличение общего чувства благополучия на 0,36 единицы. Следовательно, *приоритетность* внутреннего благополучия усиливает позитивный эффект от повышения внутреннего благополучия индивида для общего благополучия. В цифрах, повышение общего благополучия на 0,42 единицы от роста на единицу чувства внутреннего благополучия увеличивается еще на 0,57 единицы, если внутреннее благополучие является *приоритетной* сферой. Это дает чистый рост общего благополучия на 0,99 единицы от роста чувства внутреннего благополучия и его приоритетности на единицу на индивидуальном уровне и на уровне общества. Таким образом, позитивный эффект от роста внутреннего благополучия для общего благополучия выше в 3,5 раза, чем эффект от роста внешнего благополучия, и составляет 0,99 в сравнении с 0,28.

Эти оценки получены при контроле показателей традиций демократии в обществах и их принадлежности к Западу. Поскольку описанный эффект не зависит от культурно-специфических факторов, его можно считать универсальным паттер-

ном. Действительно, ни принадлежность к Западу, ни традиции демократии сами по себе не влияют на общее благополучие, а также не влияют в значительной степени на связь приоритетности внутреннего благополучия для людей и их ощущения общего благополучия. Последнее очевидно из незначимости коэффициента интеракции этих двух переменных при оценке влияния на приоритетность внутреннего благополучия на индивидуальном уровне.

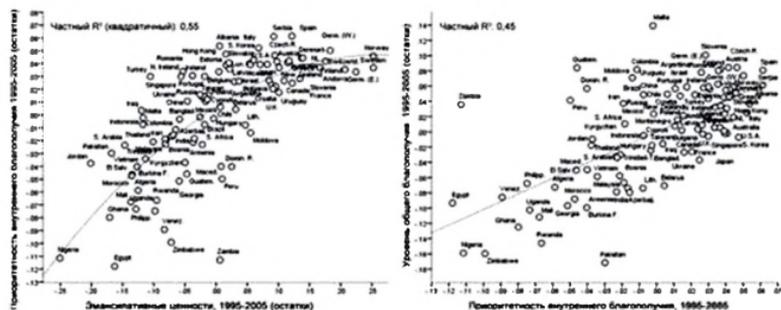

Рисунок 5.2: Причины и следствия внутреннего и внешнего приоритетов благополучия

Пояснение 1: Если уровень внутреннего благополучия населения контролируется и сохраняется постоянным, средняя приоритетность внутреннего благополучия оказывается выше при преобладании эмансипативных ценностей. Эта тенденция объясняет 55 % дисперсии между странами.

Пояснение 2: Если уровень внутреннего благополучия населения контролируется и сохраняется постоянным, средний уровень общего благополучия оказывается выше в тех случаях, когда средняя приоритетность внутреннего благополучия сильнее. Эта тенденция объясняет 45 % дисперсии между странами.

Данные: Представлены 95 общества, хотя бы раз участвовавших в опросах МИЦ/ЕИЦ; используются данные последнего опроса. Временной диапазон: 1995 – 2005 гг.

Рисунок 5.2 иллюстрирует результаты на уровне общества двух многоуровневых моделей. Диаграмма слева показывает влияние эмансипативных ценностей на приоритетность внутреннего благополучия; а диаграмма справа — эффект влияния приоритетности внутреннего благополучия на общее благополучие. На обеих диаграммах представлены частные эффекты: эти эффекты получены при контроле ощущения внутреннего благополучия в каждом обществе. Таким способом мы разделяем приоритетность внутреннего благополучия и достигнутый уровень ощущения внутреннего благополучия. В результате мы видим, что эмансипативные ценности повышают приоритетность внутреннего благополучия независимо от того, в какой степени уровень ощущения внутреннего благополучия влияет на эту приоритетность (диаграмма слева). Таким же образом приоритетность внутреннего благополучия повышает ощущение общего благополучия независимо от вклада собственно ощущения внутреннего благополучия (диаграмма справа). В обоих случаях есть несколько выбросов, не соответствующих общему паттерну. Например, среди обществ с таким же уровнем внутреннего благополучия, как в Замбии и Зимбабве, эти две страны отличает то, что для соответствия общему паттерну в них должна быть или существенно более высокая приоритетность внутреннего благополучия или значительно более слабые эмансипативные ценности.

Замбия — явный выброс от взаимосвязи между приоритетностью внутреннего благополучия и общим ощущением благополучия, так же, как Пакистан, Гватемала и Мальта. Но эти выбросы представляют собой просто несколько отдельных случаев, а не общую закономерность. Следовательно, нет смысла рассуждать о причинах их странного положения на диаграмме. Главное — большинство обществ хорошо соответствуют общему паттерну.

Наши результаты получены по выборке обществ из всех регионов мира с высокой степенью культурного разнообразия. Они описывают кросс-культурный, а не культурно-специфический паттерн. Данный вывод обоснован, поскольку многоуровневые модели демонстрируют, что ни традиции демократии, ни принадлежность к Западу не изменяют эффект влияния эмансипативных ценностей на стратегии достижения благополучия или на эффекты влияния этих стратегий на общее ощущение благополучия¹⁰⁸. Мы бы не получили таких результатов, если бы концепция культурного релятивизма была верна. В этом случае упомянутые выше эффекты должны были бы систематически усиливаться благодаря принадлежности к Западу и, напротив, исчезать в незападных обществах. Однако, как мы видим, этого не происходит. Следовательно, лестница полезности свобод, действительно, является основополагающим эволюционным принципом, определяющим культурно-инвариантным способом мотивацию людей. Это важное замечание, поскольку оно подтверждает универсальность концепции человеческой эмансипации.

Ключевые положения

В этой главе проверялось, действительно ли лестница полезности свобод является основополагающим принципом, определяющим мотивацию людей в том направлении, которое предполагает теория эмансипативных ценностей. Как именно это происходит, было показано на схеме последовательности механизмов приспособления, изображенной на рисунке 1.2 в главе 1. Поскольку начальный механизм этой последовательности — механизм оценивания — был уже протестирован, и результат оказался положительным, в данной главе особое внимание уделялось двум другим механизмам. Механизм активации постулирует, что эмансипативные ценности способствуют выбору внутренних, а не внешних стратегий достижения благополучия, смещая фокус с материальных условий на эмоциональные качества. Следующий механизм — механизм удовлетворенности — предполагает, что внутренние стратегии обеспечивают большую степень ощущения общего благополучия, чем внешние стратегии. Кроме того, я предположил, что в этом контексте важную роль играет социальное взаимное обогащение, поскольку эмансипативные ценности и внутренние стратегии — это взаимные блага, которым необходимо взаимное признание, чтобы давать результат. Соответственно, я ожидал, что эмансипативные ценности и внутренние стратегии продемонстрируют предполагаемые гипотезами эффекты в основном в тех случаях, когда эти ценности и стратегии распространены

¹⁰⁸ Это очевидно благодаря незначимости межуровневых интеракций в многоуровневой модели. Незначимость этих коэффициентов доказывает, что ни традиции демократии, ни принадлежность к Западу не изменяют характер влияния эмансипативных ценностей на приоритетность внутреннего благополучия, а также влияние приоритетности внутреннего благополучия на общее чувство благополучия.

в данном обществе, а не тогда, когда они существуют индивидуально и присущи лишь отдельным людям.

Кросс-культурные и многоуровневые данные, полученные по репрезентативным выборкам в странах по всему миру, отчетливо подтвердили все приведенные выше предположения. Контроль принадлежности к Западу и традиций демократии в моделях показал, что эти механизмы нельзя считать специфичными для западных культур.

Данные результаты имеют особую важность, потому что они доказывают универсальную поведенческую значимость эмансипативных ценностей для поведения людей: эти ценности изменяют жизненные стратегии людей. И так происходит во всех случаях, когда эти ценности достаточно широко представлены в обществе. По мере распространения в обществе эмансипативных ценностей они помогают людям следовать своим внутренним импульсам. Это усиливает гражданскую активность и затрудняет ее контроль извне. Внутренний импульс эмансипативных ценностей вызывает целый ряд следствий. Важнее всего то, что когда люди стремятся следовать своим внутренним побуждениям и терпимо относятся к таким же стремлениям других, командная система во всех социальных сферах — экономике, политике и религии — утрачивает контроль над людьми. Как покажут следующие главы, внутренний импульс эмансипативных ценностей позволяет разрешать дилеммы коллективных действий, потому что он усиливает мотивацию людей высказывать их общую озабоченность различными проблемами, инициировать общественные движения и присоединяться к ним, а также противостоять давлению властных структур (см. главу 7). Таким образом, внутренний импульс эмансипативных ценностей подрывает легитимность диктатуры и авторитарной политики и способствует появлению в обществе таких убеждений, которые поддерживают и ценят демократию за внутренне присущие ей свободы (см. главы 8 и 10). Последнее, но не менее важное соображение: внутренний импульс эмансипативных ценностей является источником мотивации для глобальной «революции прав», которая способствует человеческой эмансипации в целом, но особенно помогает подвергающимся дискриминации социальным группам, таким как женщины и гомосексуалы (см. главу 9).

Глава 6. Позитивный индивидуализм¹⁰⁹

Я верю, что любой человеческий разум
получает удовольствие, делая добро другому.
Томас Джефферсон

Введение

Глава 4 показала рост эмансипативных ценностей как в постиндустриальном мире, так и за его пределами. Кроме того, в главе 5 я продемонстрировал, что распространение эмансипативных ценностей сопровождается глубокими изменениями жизненной стратегии людей. В свете этих результатов очевидно, что эмансипативные ценности представляют собой значимый феномен. Следовательно, важно понять следствия роста этих ценностей. Если этого не сделать, мы можем упустить суть изменений глобальной культуры.

Эффекты и последствия эмансипативных ценностей вызвали острые дебаты, главный предмет которых — верная интерпретация явления модернизации и одного из главных аспектов модернизации — индивидуализации. Дискуссия отражает принципиальные разногласия исследователей социума, спорящих о том, находится ли индивидуализация в гармонии или конфликте с природой человека; снижает ли она или повышает благосостояние людей; нужно ли ее считать проклятием или благословением для общества. Эмансипативные ценности, подчеркивающие значение свободы выбора и равенства возможностей, воплощают суть, «дух» индивидуализации: как было показано в главе 2, эти ценности тесно коррелируют с показателями индивидуализма на уровне общества в целом. Соответственно, дискуссия о позитивных и негативных аспектах индивидуализации непосредственно связана с эмансипативными ценностями.

В данной главе рассматривается упомянутое выше противоречие и проводится эмпирический тест, позволяющий его разрешить, при этом используется ряд новых показателей, отражающих данные, впервые полученные в глобальном кросс-культурном масштабе в пятой волне МИЦ. Эти показатели можно разделить на три категории, каждая из которых позволяет отделить *просоциальные*, позитивные ориентации от *антисоциальных*, негативных. Просоциальные ориентации вызывают позитивные эффекты, потому что они отражают заботу о благосостоянии всего общества, а не только непосредственно индивида и той группы, к которой он принадлежит. В свою очередь антисоциальные ориентации вызывают негативные эффекты, поскольку в их случае забота о благосостоянии общества отсутствует. Первый тип ориентаций я также называю *гражданственными*¹¹⁰, а второй — *антигражданственными*.

Первая группа показателей раскрывает гражданственную/антигражданственную позицию респондентов с помощью вопросов о том, насколько важно заботиться о других людях и окружающей среде, и выявляет их *благожелательную*

¹⁰⁹ Ранее предварительный вариант некоторых идей этой главы был опубликован в статье автора (Welzel, 2010).

¹¹⁰ Автор использует прилагательное, которое буквально можно перевести как «програжданственный», но это было бы излишним, поскольку русское прилагательное «гражданственный» — это, очевидно, именно «програжданственный», поэтому префикс «про-» далее не используется. — Прим. пер.

(неэгоистическую) или эгоистическую ориентацию. Вторая группа показателей относится к тому, насколько респонденты верят другим людям, и выявляет их ориентации на *доверие* или *недоверие*. — то есть ко второму аспекту гражданской/антигражданственной позиции. Третья группа показателей отражает последний аспект гражданской/антигражданственной позиции с помощью вопросов о том, насколько респонденты приветствуют различия между людьми, — противопоставляя гуманистическую ориентацию ксенофобской.

Я выдвигаю гипотезу, заключающуюся в том, что эмансипативные ценности представляют собой позитивную, «просоциальную» версию индивидуализма, и по этой причине они связаны с гражданскими ориентациями во всех трех категориях.

Когда гражданственный индивидуализм доминирует, трансформируется природа социального капитала. Действительно, я утверждаю, что гражданственный индивидуализм приводит к кардинальной трансформации: доминирование навязанных аффилиаций, приковывающих нас к жестко заданным группам, сменяется добровольными аффилиациями, позволяющими нам по своему желанию свободно присоединяться к тем или иным группам или выходить из них. Следовательно, индивидуализация не разрушает социальный капитал — она трансформирует его природу: он становится качеством, не сковывающим, а освобождающим (этот неочевидный вывод специально рассматривается в заключении, обратите особое внимание на рисунок С.2). Подобная трансформация соответствует логике человеческой эмансипации и тесно связана с появлением эмансипативных ценностей.

Настоящая глава подразделена на четыре раздела. В первом рассматриваются различные, в том числе противоречащие друг другу, представления об индивидуализме. Во втором разделе описывается, каким образом эти представления можно подвергнуть эмпирическому тесту. В третьем разделе я представляю данные и переменные, использованные для упомянутого выше теста. В четвертом представлены результаты. В заключение я резюмирую ключевые идеи главы.

1. Гражданственность и индивидуализм: есть ли между ними противоречие?

Если обратиться к Александру Токвилю¹¹¹ (Тоcquille, 1994 [1837]), можно определить «гражданственность» как позитивный менталитет, для которого характерна забота о благосостоянии социума помимо собственного благополучия индивида и той узкой группы, к которой он непосредственно принадлежит. В этом понимании гражданственность включает в себя следующее:

(1) *неэгоистическая ориентация по отношению к другим людям и окружающей среде;*

(2) *доверительная ориентация, помогающая преодолевать межгрупповые границы;*

¹¹¹ Токвиль, Алексис Клерель де (1805—1859; французский историк, социолог и политический деятель; лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел (1849); в 1831—1932 гг. совершил путешествие в США, результатом которого стали сочинения «Демократия в Америке» (1835), «Старый порядок и революция» (1856); осознавал неизбежность буржуазных преобразований, с либерально-консервативных позиций подверг критике буржуазные идеи свободы и равенства; отвергал необходимость Великой французской революции; считается классиком и консервативной, и либеральной политической мысли. «Демократия в Америке» содержит многочисленные наблюдения относительно американской экономической культуры (отношение к риску, богатству, банкротству и т. д.).

(3) гуманистическая ориентация, приветствующая разнообразие, и различия между социальными группами.

Этим аспектам гражданской ориентации предшествовали концепция «демократического характера» [democratic character], предложенная Гарольдом Дуайтом Лассуэллом (Lasswell, 1951), а также введенное Милтоном Рокичем понятие «открытого разума» [open-mind] (Rokeach, 1968). С этого времени гражданственная ориентация рассматривалась как ключевой психологический атрибут процветающего гражданского общества, берегущего и развивающего социальный капитал (Almond & Verba, 1963; Dahl, 1973; Putnam, 1993; Verba, Schlozman & Brady, 1995; Uslaner, 2002, 2004). Распространению гражданственных ориентаций в наибольшей степени препятствуют архаичные инстинкты внутригруппового фаворитизма и дискриминации аутсайдеров, принадлежащих к внешним группам (Porrer, 1971 [1962]). Дискуссия ведется о том, облегчает ли рост эмансипативных ценностей распространение гражданственных ориентаций или, напротив, затрудняет.

Флэнеган и Ли (Flanagan & Lee, 2003) придерживаются второй точки зрения. Эти авторы считают эмансипативные ценности¹¹² антигражданственными, так как отождествляют присущий этим ценностям индивидуализм с эгоизмом. По их мнению, эмансипативные ценности делают людей эгоцентричными и снижают их заинтересованность в благополучии других. Флэнеган и Ли утверждают, что эмансипированные люди «представляются, в сущности, более корыстными (263) и что эмансипативные ценности не только разрушают лояльность людей к сообществу, но также их желание жертвовать чем-либо для других индивидов» (267). Они делают вывод, что рост эмансипативных ценностей поддерживает «тенденцию политики развития узких интересов». Подтверждая тезис Патнема (Putnam, 2000) о снижении гражданского участия, эти авторы утверждают, что эгоистический тренд эмансипативных ценностей приводит к распаду социальных аффилиаций, социального капитала и гражданского общества.

Инглхарт и Вельцель (Inglehart & Welzel, 2005: 141—144, 293—295) интерпретируют эмансипативные ценности абсолютно иначе. Они также считают эмансипативные ценности индивидуалистическими, но при этом не рассматривают индивидуализм как деструктивный фактор. Инглхарт и Вельцель определяют индивидуализм как ориентацию, которая рассматривает каждого человека как, прежде всего, ценную автономную личность, а не как члена группы (Renaut, 1971; Lukes, 1973; Dumont, 1986). Поскольку подобный подход рассматривает всех людей на равных основаниях, он отвергает представление о якобы непреодолимых групповых различиях. По этой причине индивидуализм допускает существование универсальной формы гуманизма, который преодолевает межгрупповые границы и помогает людям больше заботиться о других, даже если эти другие далеки от них и на них не похожи. Забота о других членах своей непосредственной группы представляет собой первичную, начальную форму коллективизма. Коллективизм в этой первичной форме не связан с гуманизмом: это просто групповой эгоизм. В отличие от коллективизма, гуманизм включает

¹¹² По их терминологии — либертарианские ценности (libertarian values).

в себя уважение к другим людям и заботу о других, даже если данный индивид с ними непосредственно не взаимодействует. Гуманизм в этом смысле, действительно, требует ощущения индивидуализма. С этой точки зрения, эмансипативные ценности — это гражданственные ценности не вопреки, а *благодаря* тому, что они воплощают индивидуализм.

Дебаты о природе индивидуализма восходят еще к классикам социологии (Durkheim, 1988 [1893]; Toennies, 1955 [1887]). По терминологии Уэлмана (Wellman, 1979), исследователи социума с самого начала разошлись во взглядах на индивидуализм: некоторые понимали его как «потерю сообщества» (Freud, 2005 [1930]; Riesman, 2001 [1961]; Putnam, 2000), другие — как «освобожденное сообщество» (Simmel, 1984 [1908]; Florida, 2002; Turner & Maryanski, 2008). Интерпретация Флэнеганом и Ли эмансипативных ценностей как антигражданственных — это пример трактовки индивидуализма как «потери сообщества». Она предполагает, что люди не используют те свободы, которые им дает индивидуализм, просоциальными способами. Концепция «потери сообщества» подразумевает особое понимание человеческой природы, а именно: обычные люди, якобы, лишены способности к саморегуляции, поэтому они нуждаются в дисциплинирующем влиянии групповых связей, удерживающем их от разных видов антисоциального поведения.

Напротив, интерпретация Инглхартом и Вельцелем эмансипативных ценностей как гражданственных соответствует концепции «освобожденного сообщества». С их точки зрения, индивидуализация освобождает: это происходит тогда, когда ослабевают экзистенциальные ограничения, и люди освобождаются от зависимости, от узких, унифицированных и закрытых групп поддержки, которые они сами не выбирали. Таким образом, индивидуализация дает людям свободу и возможность присоединяться к настолько широким, разнообразным и открытым сообществам, насколько это соответствует их желаниям. Индивидуализм в данном понимании наделяет людей «гражданственной субъектностью» в том смысле, что дает им возможность формировать свою социальную среду. Следовательно, индивидуализация не подрывает, но трансформирует общество, изменяя способ аффилиации благодаря переходу от навязанной принадлежности к избранной. Фердинанд Тённис (Toennies, 1955 [1887]) описал этот процесс как переход от «общины» [*Gemeinschaft*] к «обществу» [*Gesellschaft*].

Дискуссия об истинной природе индивидуализма ведется также в психологии. Гарри Триандис (Triandis, 1995) включает корысть в свое определение индивидуализма, следуя примеру Герта Хофстеде (Hofstede, 2001 [1980]), объявившего «эгоизм» неотъемлемым аспектом индивидуализма. Кагицибаши (Kagitcibasi, 1997, 2005) и Шварц (Schwartz, 2004), напротив, сужают понятие индивидуализма до «автономии» и возражают против смешения в понятие «индивидуализм» автономии и эгоизма. Оба этих автора утверждают, что индивидуальная автономия может проявляться как в неэгоистичной, так и в эгоистичной формах, и поэтому не должна сводиться лишь к одному из этих двух возможных вариантов. То, какая форма преобладает и при каких обстоятельствах, должно быть предметом эмпирического исследования, а не аксиоматических определений.

С позиций теории эмансипации, индивидуализация — это также процесс расширения возможностей и полномочий, человеческой эмансипации, поскольку индивидуализация снижает зависимость людей от групп поддержки, которые они не выбирали, и в то же время повышает их шансы на присоединение к группам, соответствующим их предпочтениям, или на формирование таких групп. Таким образом, индивидуализация вовсе не отменяет склонность людей объединяться с себе подобными — напротив, она дает свободу объединяться или отделяться подобно выбору людей. В результате социальные отношения, преданность группе, коллективные аффилиации в большей степени соответствуют желаниям людей. Когда это происходит, действительная ценность общества возрастает.

До сей поры дискуссия велась на чисто теоретической основе. Не было систематизированных данных, дающих возможность проверить, действительно ли эмансипативные ценности представляют собой гражданственную, просоциальную форму индивидуализма, связанную с неэгоистической, доверительной и гуманистической ориентациями. В эмпирическом плане «истинная» природа эмансипативных ценностей остается неразрешенной проблемой, заслуживающей внимательного изучения, особенно с учетом их роста. Анализ, представленный в этой главе, проверяет, как именно эмансипативные ценности соотносятся с гражданственными ориентациями, включая благожелательность, доверие и гуманизм. Если эмансипативные ценности антигражданственные, они будут связаны с корыстью и эгоизмом — а не с благожелательностью, с недоверием — а не с доверием, с ксенофобией — а не с гуманизмом. Если же эмансипативные ценности гражданственные — зависимости будут противоположны описанным выше.

2. Аналитическая стратегия

Для того чтобы разрешить спор о гражданской или антигражданственной природе эмансипативных ценностей, я исследую, каким образом эмансипативные ценности связаны с тремя проявлениями гражданственности: благожелательностью, или неэгоистичностью, доверием и гуманизмом. Чтобы получить результаты, позволяющие сделать обобщения, я изучаю эти связи в широком кросс-культурном контексте, анализируя данные, собранные по всему миру, опираясь на результаты пятой волны Мирового исследования ценностей МИЦ, проведенной в 2005—2008 гг. Я ограничился анализом только этой волны МИЦ, потому что только в ней задавались вопросы, которые подходили для измерения благожелательной, доверительной и гуманистической ориентации. Мы располагаем данными 56 000 респондентов из пятидесяти стран, расположенных в разных частях света, как описано в приложении 6. Поскольку в число исследованных пятидесяти стран входят и страны с самым большим населением в каждой глобальной и культурной зоне, эти данные представляют 80 % мирового населения. По этой причине можно не опасаться, что наши результаты могут быть искажены из-за неадекватного отбора стран.

Мы исследуем связь эмансипативных ценностей с тремя индикаторами гражданственности, используя многоуровневые модели. Эти модели оценивают

связь между эмансипативными ценностями и тремя индикаторами гражданственности одновременно на индивидуальном уровне и на уровне общества в целом с использованием ряда дополнительных контрольных переменных. В свете результатов, представленных в предшествующих главах, мы ожидаем, что проявится феномен взаимного обогащения: гражданственные или анти-гражданственные импульсы предпочтений эмансипативных ценностей индивидами будут дополнительно усилены в случае преобладания эмансипативных ценностей в данном обществе.

3. Понятия и их измерение

3.1. Гражданственные ориентации

3.1.1. Благожелательность

Инструментом для измерения благожелательности-неэгоистичности послужила сокращенная (10 вопросов) версия «инструмента для измерения личностных ценностей» Шаломы Шварца (1992, 2004, 2007). Предполагается, что он позволяет измерять десять личностных ценностей, включая *власть, достижения, гедонизм, стимуляцию, самостоятельность, универсализм, благожелательность, традиции, конформность и безопасность*.

Ряд исследований показал, что эти ценности структурированы по двум координатам или континуумам (Schwartz & Boehnke, 2004; Fontaine, Poortinga, Delbeke & Schwartz, 2008). Первая из них противопоставляет ценности власти и достижений ценностям благожелательности и универсализма. Шварц характеризует эту координату как конфликт между «самоутверждением» (власть, достижения) и «самопреодолением» (благожелательность, универсализм). Такая трактовка возможна, так как власть и достижения — это цели, ориентированные на повышение собственного статуса, в то время как ценности благожелательности и универсализма — это более широкие ориентации, за пределами своего «эго». Поэтому можно описать эту координату как континуум между *корыстью* (самоутверждением) и *благожелательностью, неэгоистичностью* (самопреодолением).

Второе измерение противопоставляет традиции и безопасность на одном полюсе, самостоятельности и стимуляции — на другом. Шварц описывает это измерение как конфликт между «укорененностью», «встроенностью» (конформностью, безопасностью) и «автономией» (самостоятельностью, стимуляцией). Это адекватное описание, но данное измерение можно также трактовать как противопоставление *коллективизма индивидуализму*: цели, связанные с самостоятельностью и стимуляцией, подчеркивают актуализацию потенциала, способностей индивида, в то время как конформность и безопасность подразумевают уважение норм и авторитета сообщества. Поскольку индивидуализм/коллективизм — это широко распространенные понятия, я отдаю предпочтение именно этим терминам.

В сокращенной (10 вопросов) версии инструмента для измерения личностных ценностей использовалась следующая формулировка:

«Теперь я кратко опишу некоторых людей. Пожалуйста, используйте карточку и для каждого описания укажите: данный человек — очень на Вас похож, похож на Вас, чем-то похож на Вас, не похож на Вас, совсем не похож на Вас?»

Варианты ответов кодируются от 1 до 5, от «очень похож на меня» до «совсем не похож на меня». Десять описаний были такими (названия в квадратных скобках не зачитывались):

V80. [Самостоятельность] Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем.

V81. [Власть] Для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей.

V82. [Безопасность] Жизнь в безопасности очень важна для этого человека, он избегает всего, что может сулить опасность.

V83. [Гедонизм] Для этого человека важно хорошо проводить время, «баловать» себя.

V84. [Благожелательность] Для этого человека важно помогать ближним, заботиться об их благополучии.

V85. [Достижения] Для этого человека важно быть очень успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях.

V86. [Стимуляция] Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к захватывающим событиям.

V87. [Конформность] Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди бы не одобрили.

V88. [Универсализм] Для этого человека важно заботиться об окружающей среде и природе.

V89. [Традиции] Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии.

Распространенной практикой является центрирование рейтингов, присвоенных респондентами каждому из приведенных выше показателей. Иными словами, вычитался средний рейтинг ценностей для данного респондента из всех его оценок. Результирующие рейтинги представляют собой отклонения от среднего рейтинга ценностей для данного респондента¹¹³. Ценности, которым респонденты присваивают высокий рейтинг, получают высокие положительные значения; аналогичным образом, низкие негативные значения свидетельствуют о низком рейтинге ценностей. Таким способом можно исследовать *приоритетность различных ценностей* для данного респондента. Это важно, потому что ассоциативно-опозиционная структура ценностей демонстрирует *относительную* приоритетность ценностей, а не их *абсолютную* поддержку или отвержение респондентами.

В отличие от эманиплативных ценностей, инструмент, измеряющий личностные ценности, основывается не на композиторной логике [compository logic], а на размерностной [dimensional logic] (см. вставку 1, стр. 89). Это означает, что сочетания ценностей отображаются и измеряются не на основе их теоретического определения, а они отражают связи между ценностями, существующие в сознании и восприятии респондентов. Поскольку инструмент для измерения личностных ценностей обычно используется именно таким образом, я следую этой устоявшейся практике¹¹⁴.

¹¹³ Технически это делается так: из рейтинга каждой из ценностей вычитается средний рейтинг данного респондента по всем ценностям, которые им оценивались.

¹¹⁴ Используя композиторную логику, я также вычислил сочетания ценностей «индивидуализм — коллективизм», и «благожелательность — эгоистичность» на основе их концептуальных определений. Затем я повторил представленный ниже анализ, используя композиторные, а не координатные индексы. — результаты существенно не изменились.

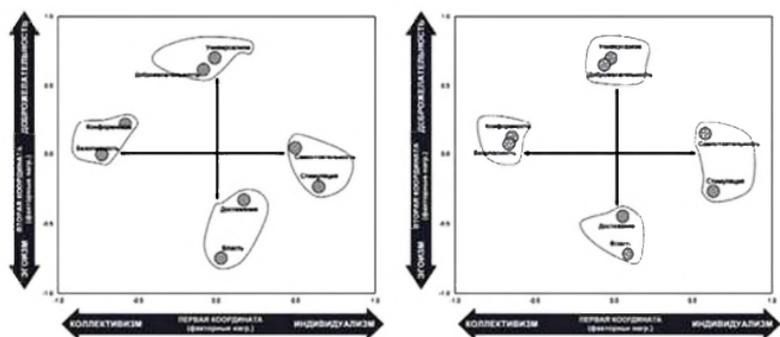

Рисунок 6.1. Пространство личностных ценностей

Использованные данные: 65623 респондентов из 51 страны, участвовавших в пятой волне МЦ (2005), с валидными данными ответов на вопросы о личностных ценностях. Выборки для стран взвешены так, чтобы размеры выборок для всех стран были одинаковыми, а общее число респондентов не изменилось. Оценки восьми показателей для каждого респондента центрированы с помощью вычитания среднего по всем восьми показателям для данного респондента.

Левая диаграмма на рисунке 6.1 показывает двухфакторную структуру центрированных личностных ценностей, полученную с помощью факторного анализа с вращением по методу «варимакс», в котором использованы агрегированные по странам данные уровня индивидов пятой волны МЦ. Как и ожидалось, структура ценностей представляет собой двумерное пространство с координатами «индивидуализм — коллективизм» и «благожелательность — эгоизм»¹¹⁵. Оценки по фактору «индивидуализм — коллективизм» и по фактору «благожелательность — эгоизм» были сохранены для каждого респондента как две отдельные переменные. У этих переменных факторных оценок — нулевые средние и единичные стандартные отклонения.

Вероятно, пространственная структура на левой диаграмме рисунка 6.1 показывает, как личностные ценности связаны и поляризованы у респондентов из различных стран. Эта структура, возможно, не описывает корректно то, как ценности связаны и поляризованы у людей, живущих в одной стране. Подобное расхождение между структурами ценностей, основанными на анализе различий между обществами и различий ценностных ориентаций внутри обществ, противоречило бы идее единой структуры ценностей. Чтобы проверить, обоснованы ли подобные опасения, я отделил дисперсию оценок ценностей внутри стран от дисперсии, представляющей различия между странами, и повторил тот же факторный анализ. Результаты представлены на правой диаграмме рисунка 6.1. Как показывает эта диаграмма, структура личностных ценностей, по сути, оказалась такой же, как и ранее. Структура ценностей между странами не отличается от структуры ценностей внутри стран. Следовательно, мы можем использовать единую модель для оценки личностных ценностей

¹¹⁵ Факторные нагрузки традиций и гедонизма по координате «индивидуализм — коллективизм» невысоки, и по этой причине эти два показателя не использовались при вычислении факторных оценок респондентов по этой координате.

3.1.2. Доверие

Помимо «слабожелательности — неэгоистичности» еще одно проявление гражданственности — это доверие. Доверие другим людям — ключевой компонент социального капитала и ресурс, необходимый для преодоления препятствий, мешающих коллективным действиям (Fukuyama, 2000; Hardin, 2002; Uslaner, 2002). В самом деле, ученые рассматривают доверие другим людям как важный психологический фактор, способствующий мирным и добровольным действиям, поддерживающим гражданское общество. В свою очередь, гражданское общество рассматривается в публикациях обществоведов как основной источник давления на правительство, заставляющий его действовать ответственно и реагировать на запросы граждан (Putnam, 1993; Anheier, Glasius & Kaldor, 2001; Fung, 2003; Warren, 2001; Bernhard & Karakoc, 2007). По мнению ученых, особенно в ситуациях коллективных действий, преодолевающих межгрупповую разобщенность и границы, общество нуждается именно в *объединяющем*, «наводящем мосты» доверии [*bridging trust*] по отношению к незнакомцам, а не в *связывающем*, *ограничивающем* доверии [*bonding trust*] по отношению к знакомым и близким людям (Fukuyama, 1995, 2000; Hardin, 2002; Uslaner, 2002). В таятой волне МИЦ впервые использовалась батарея вопросов, позволяющих различить связывающее и объединяющее доверие. Я использую эти данные, чтобы исследовать, как эмансипативные ценности связаны с объединяющим доверием.

Вопросы с доверии сформулированы так:

-Я хочу спросить Вас, насколько Вы доверяете людям, представляющим различные группы. Скажите, пожалуйста, доверяете ли Вы людям из данной группы полностью, до некоторой степени, не очень, или абсолютно не доверяете?*

Первые три из упомянутых в опросе шести групп относятся к людям, которые близки респонденту и лучше знакомы с ним, а именно: «Ваша семья» (V125), «Ваши соседи» (V126) и «люди, с которыми Вы лично знакомы» (V127). Доверие к близким и знакомым людям отражает внутригрупповые связи и служит показателем *связывающего* доверия. Следующие три группы, о которых задаются вопросы, характеризуют людей, которые обычно не близки и мало знакомы респондентам: «люди, которых Вы встретили впервые» (V128), «люди, исповедующие другую религию» (V129), и «люди другой национальности» (V130). Включение малознакомых людей в круг доверия — это проявление преодолимых межгрупповых границ и показатель *объединяющего* доверия. Для каждой из этих переменных уровень доверия кодировался так: «абсолютно нет» — 0, «не очень» — 0,33, «до некоторой степени» — 0,66 и «полностью» — 1,0.

Доверие к людям в целом расположено между доверием к близким и малознакомым/незнакомым людям. Измеряют такое доверие два дополнительных вопроса: вопрос V23 звучит как «большинству людей можно доверять» или «нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми». Вопрос V47 представляет собой шкалу из 10 баллов, где 1 соответствует варианту «большинство людей использовали бы Вас в своих интересах» (1), а 10 — «не стали бы так поступать в силу своей порядочности» (10). Обе переменные были перекодированы в шкалы от 0 до 1.

Теперь, когда измерены все три типа доверия, можно их суммировать в показатель обобщенного доверия, используя весовые коэффициенты. Весовой коэффициент доверия близким равен 1, доверия людям в целом — 2, а доверия

малознакомым/незнакомым — 3. Результат, полученный, путем сложения этих трех показателей затем делится на сумму весов. Таким образом, обобщенное доверие варьируется в диапазоне от 0 до 1. Этот показатель имеет почти нормальное распределение со средним в 0,46 и стандартным отклонением в 0,18. Детально процедура создания индекса описана в приложении 6.

Отметим, что обобщенное доверие не является латентной переменной в том смысле, что все его компоненты являются взаимозаменяемыми частями единого измерения. Это не означает, что респондент, доверяющий близким, одновременно доверяет незнакомым и людям в целом. На самом деле, я предполагаю, что эти компоненты доверия часто не связаны друг с другом. Однако такая ситуация как раз и оправдывает суммирование: только респонденты с высоким доверием всем трем категориям действительно обладают обобщенным доверием. Если обобщенное доверие определяется через доверие в различных сферах, тогда такая процедура оправдана и не важно, насколько показатели доверия разным категориям пересекаются друг с другом. Иными словами, я следую композиторной логике конструирования индексов.

3.1.3. Гуманизм

В дополнение к благожелательной, неэгоистической ориентации и обобщенному доверию, третий показатель гражданственности — гуманистическая ориентация. Я определяю гуманизм как ориентацию, проявляющуюся в отказе судить о людях по их происхождению и приветствующую вместо этого разнообразие человеческих качеств (Arriah, 2006). Изучив интервью МИЦ, я выделил три вопроса, соответствующих этому определению. Они измеряют, в какой степени респонденты: (1) принимают или отвергают идею значимости сходства как критерия для предоставления гражданства, (2) ценят этническое разнообразие и (3) одобряют помощь бедным людям в других странах. Как и ранее, я сконструировал композиторные индексы, отражающие поддержку респондентами этих идей. Они измеряют ориентации респондентов на основе теоретически определенных критериев и независимо от того, какова эмпирическая структура этих ориентаций в сознании и восприятии респондентов.

Вопрос, использовавшийся для выяснения принятия или отвержения идеи сходства как критерия для предоставления гражданства, формулировался так:

-По Вашему мнению, насколько важны следующие требования для лица, которое хотело бы стать гражданином Вашей страны? Определите для каждого из требований, считаете ли Вы его очень важным, скорее важным, или не важным.

Респондентам предлагали оценить четыре критерия. Я рассматриваю три критерия — «иметь предков из моей страны» (V217), «родиться на территории моей страны» (V218) и «принять обычаи моей страны» (V219) — как показатель приверженности идее гражданства на основе сходства: они требуют, чтобы граждане страны были схожи по происхождению или культуре. Чтобы измерить, отвергает ли респондент эту идею, я кодировал каждый показатель в порядке роста несогласия, приписав значение 0 ответу «очень важно», 0,33 — «скорее важно» и 1,0 — «не важно»¹¹⁶. И, напротив, критерий «подчиняться законам моей страны»

¹¹⁶ Схема перекодировки предполагает, что ответ «скорее важно» — ближе к «очень важно», чем к «не важно».

(V220) не требует от потенциальных сограждан сходства по происхождению или культуре. Этот критерий определяет гражданство в терминах приверженности законам и нормам страны, а не происхождения. В действительности, критерий приверженности требованиям закона выражает по-настоящему гражданственный идеал предоставления гражданства, особенно, если другие три критерия респондентом отвергаются¹¹⁷. По этой причине я кодировал показатель «подчиняться законам моей страны» в порядке роста поддержки этого мнения, приписав значение 0 ответу «не важно», 0,66 — «скорее важно» и 1,0 — «очень важно». Затем я вычислял среднее значение по четырем показателям критериев гражданства для каждого респондента. Такая процедура дает индекс с десятью возможными значениями — с минимумом 0 и максимумом 1,0 — отражающий степень отказа респондентов от идеи предоставления гражданства на основе сходства.

Вопрос, использовавшийся для измерения позитивного или негативного отношения к этническому разнообразию, формулировался так:

«Обращаясь к вопросу этнического разнообразия, с каким из взглядов на него Вы согласны? Пожалуйста, используйте эту шкалу, чтобы указать Вашу позицию: 1 — «этническое разнообразие разрушает единство страны», 10 — «этническое разнообразие обогащает жизнь».

Я перекодировал ответы на этот вопрос в индекс с десятью значениями от 0 — минимум поддержки до 1,0 — максимальная поддержка этнического разнообразия.

Чтобы измерить то, в какой степени респонденты поддерживают помощь бедным в различных странах мира, интервью пятой волны МИЦ включало следующий вопрос (V178):

«Если задуматься о проблемах Вашей страны, стоит ли ее лидерам сделать приоритетной задачей сокращение бедности во всем мире, или следует отдать приоритет решению проблем Вашей страны? Используйте шкалу, в которой 1 означает «главный приоритет — уменьшение бедности во всем мире», а 10 означает «главный приоритет — решение проблем моей страны».

Я перекодировал эти ответы в шкалу, в которой минимум 0 соответствовал ответу «решение проблем моей страны», а максимум 1 — ответу «помогать бедным во всем мире». Дробные значения меньше 1 соответствовали промежуточным градациям мнений.

Анализ взаимосвязей между тремя индикаторами, представляющими (1) несогласие с идеей предоставления гражданства на основе сходства, (2) позитивное отношение к этническому разнообразию и (3) солидарность с бедными людьми во всем мире, показал, что все эти три индикатора представляют собой единый континуум или измерение: факторные нагрузки равны, соответственно, 0,71, 0,69 и 0,43¹¹⁸. С учетом этих результатов может быть оправданным использование общей вариации этих трех индексов для построения единой шкалы, в которой весом каждого из индексов будет его факторная нагрузка. Однако, опираясь

¹¹⁷ В подтверждение этого мнения можно отметить, что по результатам факторного анализа — как по отдельным странам, так и по всей выборке — критерий «подчиняться законам моей страны» или входил в общий фактор с остальными тремя критериями, но с противоположным по знаку факторным весом, или выделялся в отдельный фактор.

¹¹⁸ Анализ основан на агрегированных по странам индивидуальных данных: $N = 55071$ респондентов из 50 стран; единственный выделенный фактор объясняет 38% дисперсии.

на определение гуманистической ориентации, каждый из трех ее компонентов представляется одинаково важным, независимо от его доли, общей с другими компонентами вариации. Следовательно, если мы хотим измерить гуманизм соответствующим его теоретическому определению способом, предпочтительнее композиторная логика. Таким образом, я решил усреднить три компонента, придав им одинаковые веса (см. вставку 1, стр. 89). Средние значения для стран по индексу гуманизма могут быть дробью от 0 до 1 и приводятся в приложении 6.

3.2. Контрольные переменные

Обычно в многомерных моделях год рождения, пол и формальное (официальное) образование используются как контрольные социально-демографические переменные. В контексте данного анализа эти переменные сами по себе не представляют особого интереса — они служат лишь для проверки устойчивости моделей.

Поскольку анализ в этой главе сфокусирован на гражданственных ориентациях, будет обоснованно предположить, что права человека способствуют развитию этих ориентаций. По крайней мере это вероятно с точки зрения «теории институционального обучения»: поскольку права человека воплощают гражданственные нормы, они прививают эти нормы людям, которые социализируются в условиях предоставления им этих прав (Rustow, 1970; Jackman & Miller, 1998). Следовательно, гражданственные ориентации будут процветать в обществах, в которых права человека хорошо институционализированы. Возможно также, что эффекты влияния институционализированной гражданственности настолько мощные, что влияние эмансипативных ценностей на гражданственные ориентации будет малозначимым. Чтобы проверить эту возможность, я включил права человека во все модели в качестве контрольных переменных на уровне общества. Чтобы измерить права человека, я применил индекс гражданских прав, уже использовавшийся в предыдущих главах и подробно описанный в главе 8. Я использовал его среднее значение за пять лет, предшествовавших опросу¹¹⁹.

Еще одна переменная, занимающая видное место в исследованиях гражданственности, — это членство в добровольных ассоциациях. Обычно предполагается, что членство в таких ассоциациях развивает гражданственные ориентации, причем как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества (van Deth, 2006; Paxton, 2007; van der Meer, Grotenhuis & Scheepers, 2009). Еще раз следует повторить, что эффект участия в гражданских инициативах может быть таким сильным, что влияние эмансипативных ценностей окажется незначимым и на индивидуальном уровне, и на уровне общества.

На индивидуальном уровне я измерял членство в ассоциациях как суммарный показатель участия респондента в организациях, действующих во благо общества, делая акцент на активном участии, а не на пассивном членстве. Вопрос об участии в ассоциациях задавался так:

«Сейчас я зачитаю список добровольных организаций. Пожалуйста, ответьте о каждой из них, являетесь ли Вы ее активным участником, неактивным участником или вообще не участвуете в организации этого типа?»

¹¹⁹ Я перепроверил все модели, используя показатель демократических традиций вместо индекса гражданских прав. Но этот показатель в целом дал более слабые эффекты влияния социальных институтов.

Четыре из упомянутых в опросе организаций создавали общественные блага не только для своих непосредственных участников, но для более широкого сообщества: «художественные, музыкальные или досуговые организации» (V26), «экологические организации» (V29), «гуманитарные или благотворительные организации» (V31) и «организации потребителей» (V32). Для каждой подобной ассоциации я кодировал неучастие как 0, неактивное членство — 0,50 и активное участие — 1,0. Затем я вычислял среднее для четырех типов ассоциаций. В итоге получился индекс с двенадцатью возможными значениями, варьирующимися от 0 — для тех, кто не участвовал ни в одной из четырех типов организаций, до 1,0 — для тех, кто активно участвовал во всех четырех. Конструкция этого индекса опирается на обширный круг публикаций, подчеркивающих (а) важность именно активного, а не пассивного участия, (б) важность ассоциаций, производящих общественные блага для широкого круга лиц, а не только блага для своих непосредственных участников (van Deth, 2006; Morales & Geurts, 2007; Mackerle-Bixa, Meyer & Strunk, 2009)¹²⁰.

Членство в ассоциациях используется как контрольная переменная и на индивидуальном уровне, и на уровне общества. На уровне общества в целом членство в ассоциациях измеряет уровень активности в добровольных организациях для данного общества. В качестве показателя я использовал среднее значение для данной страны индивидуальных индексов участия в ассоциациях ее граждан¹²¹.

4. Результаты

4.1. Связь эмансипативных ценностей с индивидуализмом и благожелательностью

На рисунке 6.2 показано движение от слабых к более сильным эмансипативным ценностям в пространстве, где горизонтальная ось представляет собой континуум от индивидуализма до коллективизма, а вертикальная — континуум от благожелательности до эгоизма¹²². Респонденты, относящиеся к каждой из десяти категорий эмансипативных ценностей, размещены на диаграмме в соответствии с их средними значениями по координатам «индивидуализм — коллективизм» и «благожелательность — эгоизм».

Из рисунка видно, что, как и ожидалось, переход от слабых эмансипативных ценностей к сильным связан с движением от коллективизма к индивидуализму. Однако эта зависимость слабее для низших категорий эмансипативных ценностей от ЭЦ01 до ЭЦ05 в сравнении с высшими категориями от ЭЦ06 до ЭЦ10. Иными словами, вариация степени дефицита эмансипативных ценностей оказывает меньшее влияние на «коллективизм — индивидуализм», чем вариация степени их преобладания. Что касается координаты «благожелательность — эгоизм», то дифференциация по различным категориям эмансипативных ценностей оказалась

¹²⁰ Я проверял и другие обобщенные показатели членства в ассоциациях. Ни один из этих альтернативных показателей не продемонстрировал более сильных эффектов влияния на гражданственность, чем тот, который я использовал в своем анализе.

¹²¹ Использование процента респондентов в данной стране, которые являются активными участниками или просто членами одной, двух, трех или всех четырех включенных в анализ ассоциаций, ни в одной из моделей не выявило более сильных эффектов влияния на гражданственность ориентации в сравнении с использованием средних значений для стран.

¹²² Окружность в одно стандартное отклонение на рисунке 6.2 показывает средний размер области, которая вмещает две трети респондентов, относящихся к данной категории эмансипативных ценностей.

менее выражена в сравнении с координатой «коллективизм — индивидуализм». И опять-таки при движении от ЭЦ01 до ЭЦ05 дифференциация значительно ниже, чем при движении от ЭЦ06 до ЭЦ10. Следовательно, импульс эмансипативных ценностей, способствующий движению в направлении индивидуализма-благожелательности, проявляется сильнее, когда респонденты поднимаются выше среднего значения шкалы, а это порог, отделяющий недостаточно выраженные эмансипативные ценности от преобладающих.

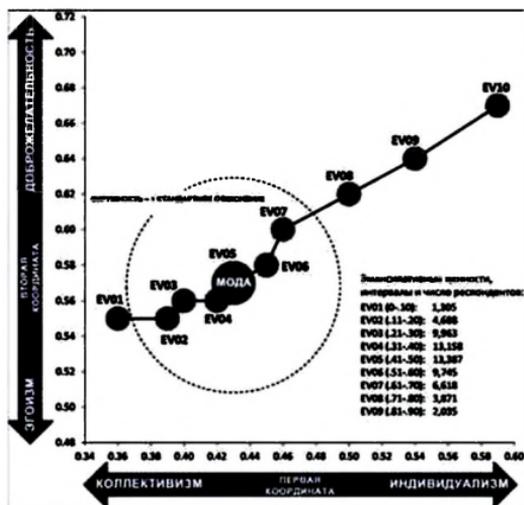

Рисунок 6.2. Траектория эмансипативных ценностей в пространстве личностных ценностей МЦ (2005 г.). Использовались данные: Респонденты с валидными данными из 51 страны, участвовавшей в пятой волне МЦ (2005 г.). Выборки для стран взвешены, чтобы они были одинакового размера.

Этот результат противоречит антигражданственной интерпретации эмансипативных ценностей. Сторонники этой интерпретации утверждают, что слишком сильный акцент на этих ценностях способствует эгоизму: это означало бы, что связь эмансипативных ценностей с эгоизмом должна быть особенно выраженной на высших уровнях этих ценностей. Представленные выше результаты, однако, демонстрируют прямо противоположное.

Что касается континуума «благожелательность — эгоизм», рисунок 6.3 иллюстрирует комбинированный эффект степени предпочтения эмансипативных ценностей на уровне индивида со степенью их преобладания в обществе. Чтобы сделать эти эффекты более отчетливыми, я рассмотрел эффекты влияния эмансипативных ценностей на уровне индивидов отдельно для стран с разной степенью преобладания этих ценностей. Проще говоря, я объединил уровни преобладания эмансипативных ценностей в три широких категории, как это показано в приложении 6. Первая категория, названная «слабо эмансипированные общества», охватывает

страны, в которых индекс преобладания эмансипативных ценностей варьируется в диапазоне от 0,23 до 0,37. Вторая категория — «умеренно эмансипированные общества» — включает страны, в которых индекс преобладания эмансипативных ценностей лежит в диапазоне от 0,38 до 0,47. Наконец, к «сильно эмансипированным обществам» относятся страны, в которых размах индекса — от 0,48 до 0,73. Границы категорий выбраны эмпирически, так чтобы каждая категория включала равное количество индивидов и обществ.

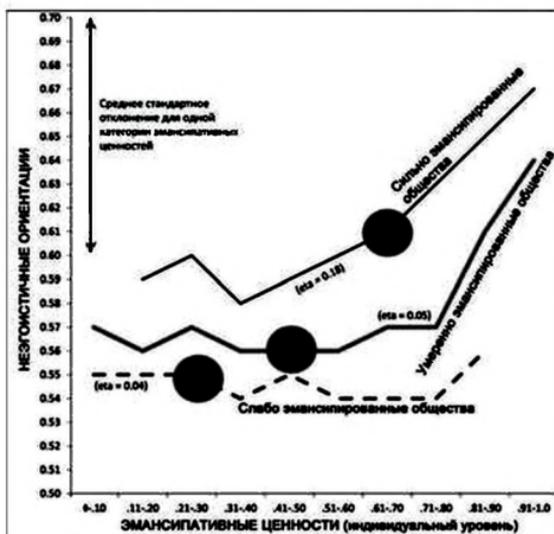

Рисунок 6.3. Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на иезгоистические ориентации. Использовались данные Респонденты с валидными данными из 51 страны, участвовавшей в опросах пятой волны МИЦ (2005). Выборки для стран взвешены, чтобы получить выборки одинакового размера ($N = 1000$ для каждой из стран). Количество наблюдений: слабо эмансипированные общества (индекс эмансипативных ценностей ниже 0,37) — 17 000 респондентов из 17 стран: Буркина Фасо, Китай, Египет, Гана, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, Иордания, Мали, Мокко, Фоссия, Руанда, Таиланд, Турция, Украина, Вьетнам; умеренно эмансипированные общества (индекс ЭЦ в диапазоне 0,37 — 0,48) — 15 000 респондентов из 15 стран: Бразилия, Болгария, Чили, Колумбия, Кипр, Малайзия, Мексика, Молдова, Польша, Румыния, Южная Африка, Северная Корея, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Замбия; сильно эмансипированные общества (выше 0,48) — 20 000 респондентов из 20 стран: Андорра, Аргентина, Австралия, Канада, Финляндия, Франция, Германия (Восточная), Германия (Западная), Италия, Япония, Нидерланды, Норвегия, Сербия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, США, Великобритания, Уругвай.

Используя эту классификацию, рисунок 6.3 показывает для слабо, умеренно и сильно эмансипированных обществ, каким образом эмансипативные ценности индивидов связаны с координатой «благожелательность — эгоизм». В слабо эмансипированных обществах переход от слабых к сильным эмансипативным ценностям для координаты «благожелательность — эгоизм» — это линия, параллельная оси абсцисс. Иными словами, в слабо эмансипированных обществах нет связи между эмансипативными ценностями и благожелательностью иезгои

стичностью. Этот результат противоречит антигражданственной интерпретации эмансипативных ценностей, предполагающей негативную корреляцию этих ценностей с благожелательностью. В умеренно эмансипированных обществах нет связи между эмансипативными ценностями и благожелательностью в диапазоне от ЭЦ02 до ЭЦ06, но при переходе от ЭЦ06 до ЭЦ09 эта связь становится позитивной, что приводит к заметному росту благожелательности-неэгоистичности на уровне ЭЦ09. В сильно эмансипированных обществах связь эмансипативных ценностей и благожелательности — позитивная почти во всем диапазоне эмансипативных ценностей, за исключением интервала между первой и второй категориями. Следовательно, социальное преобладание эмансипативных ценностей высвобождает и усиливает неэгоистичный импульс индивидуальных предпочтений этих ценностей.

Более того, преобладание эмансипативных ценностей в обществе увеличивает благожелательность-неэгоистичность людей, поднимая ее выше уровня, которого можно было бы ожидать, опираясь только на индивидуальный уровень предпочтения этих ценностей. Это очевидно из того факта, что если у респондентов одинаковый личный уровень предпочтения эмансипативных ценностей, то уровень благожелательности-неэгоистичности выше у тех из них, кто живет в обществах, где эмансипативные ценности более выражены, преобладают. Таким образом, если эмансипативные ценности широко распространены, люди оказываются более благожелательными, независимо от их личного уровня предпочтения эмансипативных ценностей.

В таблице 6.1 представлены данные многоуровневого анализа, использованного для тестирования статической устойчивости результатов пространственного анализа. Модель, показанная в таблице 6.1, исследует эффект влияния эмансипативных ценностей на «индивидуализм — коллективизм», а показанная справа — эффект их влияния на «благожелательность — эгоизм», с использованием различных контрольных переменных¹²³. Рассматривая эффекты на уровне общества, мы можем оценить, влияет ли и в каком направлении преобладание эмансипативных ценностей на средние уровни «индивидуализма — коллективизма» и «благожелательности — эгоистичности». Как видно из обеих моделей, более высокий уровень преобладания эмансипативных ценностей в обществе повышает средние уровни индивидуализма и благожелательности-неэгоистичности в этом обществе. Эти эффекты примерно одинаково сильны: рост преобладания эмансипативных ценностей на одну единицу повышает и индивидуализм, и благожелательность примерно на 1,5 единицы.

Некоторые характеристики на уровне общества в целом могут поглощать эффекты влияния преобладающих эмансипативных ценностей на индивидуализм и благожелательность-неэгоистичность. Это характерный для данной страны уровень участия в добровольных ассоциациях и прав человека в ней. Однако влияние преобладающих эмансипативных ценностей сохраняется, даже если мы контролируем две упомянутые выше переменные. Более того, эффекты эман-

¹²³ Чтобы быть последовательными в использовании индексов от 0 до 1,0, переменные факторных значений для «индивидуализма — коллективизма» и «благожелательности — эгоистичности» были стандартизованы в шкалы от 0 до 1, в которых максимум 1 представляет, соответственно, полюса индивидуализма и благожелательности.

сипативных ценностей перекрывают эффекты членства в ассоциациях и прав человека: последние переменные оказываются незначимыми после включения в модель эмансипативных ценностей.

Таблица 6.1. Влияние эмансипативных ценностей на индивидуализм и альтруизм (многоуровневые модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:	
	Индивидуализм (шкала с диапазоном от 0 до 1)	Доброжелательность (шкала с диапазоном от 0 до 1)
Константа	.46***	.56***
Эффекты на уровне общества:		
Преобладание ЭЦ*	.22 (5.40)***	.21 (3.58)***
Членство в ассоциациях	.13 (3.61)***	НЗ
Права человека	-.03 (-2.23)*	.04 (1.85)*
Эффекты на индивидуальном уровне:		
Пол — женский	-.03 (-13.68)***	.02 (12.44)***
Год рождения (индексирован)	.11 (12.32)***	-.14 (-17.05)***
Формальное образование	.02 (6.46)***	.01 (2.23)*
Членство в ассоциациях	.05 (6.34)***	.02 (4.45)***
Межуровневые интеракции:		
Преобладание ЭЦ*	.13 (13.87)***	.03 (3.56)***
Преобладание ЭЦ*	.47 (4.98)***	.16 (2.36)**
Членство в ассоциациях (уровень общества)	НЗ	НЗ
Гражданские права	НЗ	.10 (3.19)**
Уменьшение ошибки:		
Дисперсия ЗП внутри обществ	10.5 %	06.0 %
Дисперсия ЗП внутри обществ	56.3 %	48.6 %
Дисперсия эффекта влияния ЭЦ**	48.7 %	50.6 %
N (число наблюдений)	61 429 респондентов из 49 стран	
Примечания: Значения, приведенные в таблице, — это нестандартизованные регрессионные коэффициенты (b), в скобках показаны значения t критерия Стьюдента, рассчитанные на основе робастных стандартных ошибок. Переменные индивидуального уровня центрированы с помощью вычитания среднего для респондента. Переменные на уровне общества центрированы с помощью вычитания среднего по всем странам. Иерархические линейные модели рассчитаны с помощью HLM 6.01. 82.1% дисперсии «доброжелательности — эгоистичности» — это вариация внутри обществ, 18% дисперсии — это различия между обществами. Уменьшение ошибки рассчитывалось как изменение компонента случайной вариации в сравнении с «пустой» моделью, в которой нет независимых переменных.		
Данные включают респондентов из 51 страны, с валидными данными из пятой волны МИЦ (2005 г.). Выборки стран взвешены так, чтобы они были равного размера, а общее количество респондентов во всей выборке не менялось. Уровни значимости: *p < .100; **p < .050; ***p < .005; НЗ = не значимо (p > .100).		
* ЭЦ — Эмансипативные ценности.		

Что касается эффектов индивидуального уровня, я обнаружил, что предпочтения респондентами эмансипативных ценностей также влияет на их индивидуализм и благожелательность, причем в том же направлении, что и преобладание эмансипативных ценностей на уровне общества. Другими словами, респонденты, предпочитающие эмансипативные ценности, оказываются более индивидуалистичными и благожелательными-неэгоистичными. В численном выражении рост предпочтения индивидом эмансипативных ценностей на единицу повышает его индивидуализм на 0,49 и благожелательность на 0,08. И для индивидуализма, и для благожелательности-неэгоистичности эффекты влияния предпочтения респондентами эмансипативных ценностей усиливаются, если эти ценности преобладают в его стране. Это очевидным образом следует из положительной интеракции предпочтения индивидами эмансипативных ценностей и степени преобладания этих ценностей в обществе.

В модели, объясняющей индивидуализм, есть также другие переменные, значимо на него влияющие. Это членство в добровольных ассоциациях — как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества. На обоих уровнях членство в ассоциациях вызывает значимый сдвиг ориентаций в направлении индивидуализма, а не коллективизма. Это может показаться удивительным, если рассматривать членство в ассоциациях как коллективный опыт: в этом контексте членство в ассоциациях должно быть благоприятным для коллективизма, а не для индивидуализма. Однако мы знаем по результатам большого количества исследований, что участие в добровольных организациях требует также ощущения субъектности (способности управлять своим поведением), самоэффективности (веры в эффективность собственных действий) и силы характера (Verba, Nie & Kim, 1978; Sniderman, 1975; Verba, Schlozman & Brady, 1995). Поскольку перечисленные выше личностные феномены — это элементы индивидуализма, не должен вызывать удивления тот факт, что членство в ассоциациях укрепляет индивидуализм, а не коллективизм. По этой причине индивидуализм — это вовсе не антисоциальное явление, как часто предполагается.

Формальный уровень образования также укрепляет индивидуализм; кроме того, респонденты старших возрастных групп и женщины — в среднем менее индивидуалистичны, чем, соответственно, более молодые респонденты и мужчины. Разница между степенью индивидуализма мужчин и женщин значительна: женщины уступают мужчинам по этому показателю 0,39 шкальных пункта. Вероятно, это отражает тот факт, что женщины в каждом обществе в меньшей степени ощущают себя в безопасности, чем мужчины, и по этой причине более склонны полагаться на защиту коллектива.

Более поздние годы рождения, напротив, приводят к усилению индивидуалистической ориентации. Поскольку год рождения был стандартизован в шкалу от 0 до 1, в которой 1900-й г. р. соответствует 0, а 1990-й г. р. — максимальному значению 1, регрессионный коэффициент 0,11 для года рождения означает, что респондент, родившийся в 1990 г., на 0,11 пункта шкалы более индивидуалистичен, чем респондент, родившийся в 1900 г., если влияние всех других независимых переменных контролируется. В главе 4 был показан сходный эффект для эмансипативных ценностей, и я также показал, что это влияние возраста

отражает скорее принадлежность к когорте людей, рожденных в определенные годы, а не влияние этапа жизненного цикла. А именно, молодые респонденты более эмансипированы не потому, что с возрастом эмансипативные ценности становятся менее привлекательными: дело в том, что в молодых поколениях произошел подъем эмансипативных ценностей. На фоне этих результатов сильная связь индивидуализма с эмансипативными ценностями доказывает, что и в случае индивидуализма возрастные различия отражают скорее когортный эффект, а не эффект стадии жизненного цикла. Вероятно, происходит рост индивидуализма с выходом на социальную арену новых поколений.

Для модели, где зависимая переменная «благожелательность — неэгоистичность», эмансипативные ценности — это единственный значимый предиктор на уровне общества. На индивидуальном уровне женский пол и год рождения по-прежнему дают значимые эффекты, но знаки меняются. Женщины более благожелательны (на 0,09 пункта шкалы), чем мужчины. Это может быть отражением того факта, что женщины практически во всех обществах в процессе социализации осваивают роли, предполагающие заботу о других людях, что делает женщин менее эгоистичными (Chafetz, 1988; Hakim, 2003). Возможно и альтернативное объяснение: более сильная неэгоистическая ориентация и благожелательность женщин может быть результатом естественно развившегося «принципа феминности», делающего женщин в большей степени ориентированными на солидарность (Jordan et al., 1991; Sidanius, Pratto & Bobo, 1994; Sidanius, Lin, Lin & Pratto, 2000).

Более поздний год рождения оказывает выраженное негативное влияние на благожелательность-неэгоистичность: при контроле всех остальных независимых переменных респондент, рожденный в 1990 г., оказывается на 0,52 пункта шкалы более эгоистичным, чем тот, кто родился в 1900 г. В противоположность результатам, полученным для индивидуализма, это, вероятно, не когортный эффект. Когортный эффект означал бы в этом случае, что со сменой поколений уменьшается степень благожелательности-неэгоистичности. Но такая возможность несовместима с ростом эмансипативных ценностей по мере смены поколений, а также с тем фактом, что эти ценности благоприятны для неэгоистичности. Следовательно, влияние возраста в случае благожелательности-неэгоистичности — это, вероятно, эффект влияния жизненного цикла: люди с возрастом становятся менее эгоистичными. Это на самом деле возможно. Старшие по возрасту люди обычно уже нашли себя и свое место в обществе — следовательно, они менее озабочены стремлением выделиться и заявить о себе. Однако пока мы не получим более длинные временные ряды, в которых будут измерены личностные ценности, мы не сможем доказать истинность этой интерпретации. Пока она остается теоретически возможной, но не доказанной.

В любом случае, приведенные результаты доказывают, что по мере роста эмансипативных ценностей люди становятся именно более благожелательными и менее эгоистичными. Данный результат — это первое подтверждение гражданской интерпретации эмансипативных ценностей на эмпирическом материале. Теперь перейдем к следующему тесту.

4.2. Связь эмансипативных ценностей с доверием и гуманизмом

Рисунки 6.4 и 6.5 показывают сочетание эффектов влияния эмансипативных ценностей на обобщенное доверие (рисунок 6.4) и гуманистические ориентации (рисунок 6.5) на обоих уровнях: индивидуальном и общества в целом. Об эффектах индивидуального уровня можно судить по углам наклона линий трендов, которые идут вверх, когда мы переходим от респондентов со слабой ориентацией на эмансипативные ценности к респондентам с сильной ориентацией на них, независимо от того, преобладают ли данные ценности в обществе, которое представляет респондент. Эффекты на уровне общества в целом показывает разница высот линий трендов: линии тем выше, чем более преобладают в обществе эмансипативные ценности. Интеракции между эффектами влияния этих ценностей на уровне общества в целом и индивидуальном уровне показываются различиями углов наклона линий трендов: угол становится больше с увеличением степени преобладания эмансипативных ценностей. Это показывает, что импульсы индивидуальных эмансипативных ценностей респондентов, побуждающие их к доверию и благожелательности, усиливаются по мере того, как повышается распространенность этих ценностей в обществах, куда включены эти респонденты. Эти эффекты повышения и усиления — еще одно доказательство в пользу феномена взаимообогащения: импульсы, источником которых служат индивидуальные предпочтения эмансипативных ценностей, дополнительно усиливаются в случае преобладания этих ценностей в социуме.

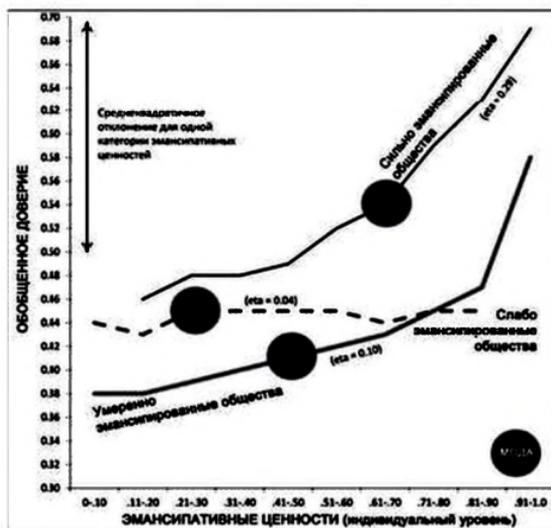
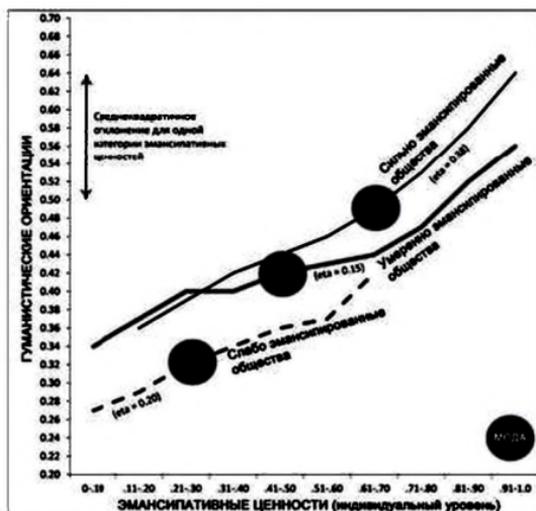

Рисунок 6.4. Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на обобщенное доверие
Использовавшиеся данные: Те же, что на рисунке 6.3, см. примечание к нему.

Рисунок 6.5. Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на гуманистические ориентации
Использованные данные: те же, что на рисунке 6.3, см. примечание к нему.

Многоуровневые модели, показанные в таблице 6.2, подтверждают предыдущие результаты анализа. Мы видим, что как индивидуальные предпочтения эмансипативных ценностей, так и преобладание этих ценностей в обществе, повышают и доверие, и гуманизм. В обоих случаях индивидуальные предпочтения эмансипативных ценностей слабее влияют, соответственно, на доверие и гуманизм, чем степень преобладания этих ценностей в обществе. Например, увеличение степени преобладания эмансипативных ценностей в обществе на одну единицу дает рост доверия на 0,32 единицы, в то время как повышение на единицу индивидуальных предпочтений этих ценностей вызывает увеличение доверия лишь на 0,16. Аналогичным образом, повышение на единицу степени преобладания эмансипативных ценностей в обществе повышает доверие на 0,54 единицы, а гуманизм — лишь на 0,15 единицы. Эмансипативные ценности в большей степени влияют на доверие и гуманизм через преобладание этих ценностей в обществе, чем через индивидуальные предпочтения. Кроме того, преобладание эмансипативных ценностей в социуме усиливает эффекты индивидуальных предпочтений этих ценностей на доверие и гуманизм: увеличение на одну единицу произведения предпочтений эмансипативных ценностей на уровне общества и на индивидуальном уровне дополнительно повышает доверие на 0,49 и гуманизм на 0,38.

Эти результаты подчеркивают взаимообогащающую роль эмансипативных ценностей. Именно эффект предпочтения этих ценностей, разделяемых членами данного общества, в большей степени, чем индивидуальные уникальные предпо-

чения, высвобождает гражданственные импульсы эмансипативных ценностей¹²⁴. Снова отметим, что это подтверждает важность социального аспекта теории эмансипации с ее упором на общие полезности и ценности.

Таблица 6.2. Влияние эмансипативных ценностей на доверие и гуманизм (многоуровневые модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:	
	Обобщенное доверие (шкала)	Гуманистические ориентации (шкала)
Константа	.47 (48.55)***	.41 (67.60)***
<i>Эффекты на уровне общества:</i>		
Преобладание ЭЦ*	.35 (2.02)**	.58 (6.26)***
Членство в ассоциациях	.21 (1.83)*	НЗ
Права человека	НЗ	НЗ
<i>Эффекты на индивидуальном уровне:</i>		
Пол — женский	.01 (-1.97)*	.02(7.26)***
Год рождения (индексирован)	-.10 (-9.79)***	НЗ
Формальное образование	.05 (5.84)***	.04 (5.63) ***
Членство в ассоциациях	.05 (6.08)***	НЗ
<i>Межуровневые интеракции:</i>		
Преобладание ЭЦ*	.13 (10.23)***	.15 (11.73)***
Преобладание ЭЦ*	.48 (2.74)***	.75 (4.78)***
Членство в ассоциациях (на уровне общества)	.41 (-2.27)**	НЗ
Права человека	.11 (2.13)**	НЗ
<i>N (количество наблюдений)</i>	56 471 респондентов из 49 стран	40 476 респондентов из 41 страны
<i>Уменьшение ошибки:</i>		
Дисперсия ЗП внутри общества	05,0%	07,0%
Дисперсия ЗП между обществами	33,9%	73,3%
Дисперсия эффекта влияния ЭЦ*	47,0%	53,2%

Примечания: Значения, приведенные в таблице, — это нестандартизованные регрессионные коэффициенты (b), в скобках показаны значения t- критерия Стьюдента, рассчитанные на основе робастных стандартных ошибок. Переменные индивидуального уровня центрированы с помощью вычитания среднего для респондента. Переменные на уровне общества центрированы с помощью вычитания среднего по всем странам. Иерархические линейные модели рассчитаны с помощью HLM 6.01. 82,1 % дисперсии-благожелательности — эгоистичности, — это вариации внутри обществ, 18 % дисперсии — это различия между обществами. Уменьшение ошибки рассчитывалось как изменение компонента случайной вариации в сравнении с «пустой» моделью, в которой нет независимых переменных. Данные включают респондентов из 51 страны, с валидными данными из пятой волны МИЦ (2005 г.). Выборки стран взвешены так, чтобы они были равного размера, а общее количество респондентов во всей выборке не менялось. Уровни значимости: *p < .100; **p < .050; ***p < .005; НЗ = не значимо (p > .100).

* ЭЦ — Эмансипативные ценности.

¹²⁴ Это обоснованный вывод, потому что на индивидуальном уровне значения индекса эмансипативных ценностей центрированы вычитанием среднего значения для данного общества и представляют собой отклонение предпочтений респондента от среднего для его общества. Таким способом эффект уникальных индивидуальных предпочтений отделяется от эффекта того, насколько эмансипативные ценности поддерживаются обществом в целом.

Обращаясь к контрольным переменным в таблице 6.2, а именно — полу, году рождения, формальному уровню образования, членству в ассоциациях и правам человека, — можно отметить, что они также влияют или на доверие, или на гуманизм, или на обе эти переменные, но для всех контрольных переменных их эффект влияния оказывается ниже, чем у эмансипативных ценностей. Это особенно примечательно в случаях членства в ассоциациях и прав человека, поскольку в большинстве публикаций эти переменные считаются самыми сильными источниками гражданственности. Тем не менее полезные эффекты влияния эмансипативных ценностей на гражданственность оказались более впечатляющими¹²⁵.

Ключевые положения

Результаты, представленные в этой главе, подтверждают гражданственную природу эмансипативных ценностей. Эти ценности, несомненно, оказывают позитивное влияние на объединяющее доверие и гуманистические ориентации. Что касается благожелательности-неэгоистичности, связь оказывается более сложной, но и в этом случае эмансипативные ценности скорее увеличивают, чем уменьшают благожелательность. Можно отметить два проявления этого эффекта: во-первых, на уровне общества в целом взаимосвязь между эмансипативными ценностями и благожелательностью — сильная и положительная; во-вторых, на индивидуальном уровне данная взаимосвязь растет от нулевой до сильной положительной по мере того, как эмансипативные ценности начинают превалировать в данном обществе.

Взаимосвязь между эмансипативными ценностями и гражданственными ориентациями, как и ранее, следует логике взаимообогащения. На индивидуальном уровне мы видим, что эмансипативные ценности обладают значимыми гражданственными импульсами, но эти импульсы остаются слабыми, если не получают социального подтверждения, как это происходит в обществах, где эмансипативные ценности мало распространены. Гражданственные импульсы, содержащиеся в этих ценностях, — это реципрокное благо: чтобы они реализовались, им необходима поддержка, широкое признание эмансипативных идеалов в обществе.

Эмансипативные ценности тесно связаны с индивидуализмом, и в то же время они сами связывают индивидуализм с просоциальными ориентациями. Эти ценности способствуют распространению позитивной, конструктивной формы индивидуализма. Эгоцентрические формы индивидуализма также могут существовать, но они — не то, что измеряют эмансипативные ценности. Напротив, гражданственная продуктивность этих ценностей делает их мощным источником социального капитала. В самом деле, полученные результаты предполагают, что эмансипативные ценности представляют собой моральный ресурс, привносящий гражданственную силу в современное общество. Исходя из этого можно ожидать, что эмансипативные ценности придадут энергию гражданскому обществу, и это проявится в росте активностей коллективных действий и социальных движений. В следующей главе эти предположения будут детально рассмотрены.

¹²⁵ В качестве примечания: эффекты влияния эмансипативных ценностей на благожелательность, доверие и гуманизм оказываются значимыми и в том случае, если в модель добавляется показатель технологического прогресса или другие индикаторы экономического развития. Это показано в дополнительном анализе в приложении 6.

Если на вашей стороне правда — вы не боитесь.
Женщина, участница мирных протестов в Египте

Введение

Большую часть истории человечества обычные люди не играли активной роли в политике. У них отсутствовали ресурсы, а также ценности, необходимые людям, чтобы высказывать свои требования. Политика была исключительно игрой для элит. Идея, что социальные институты могут быть приспособлены к запросам людей, и что люди могут действовать для реализации своих требований, представлялась невероятной. Модернизация, однако, радикально изменила ситуацию. Возросший уровень благосостояния, грамотности и возможности для коммуникации, открывшиеся для широких сегментов населения, дали обществу возможности и мотивацию, чтобы высказывать требования и действовать для их реализации. Там, где это происходит, общества пронизаны гражданской активностью. Первые признаки этих коренных изменений проявились с либеральными революциями семнадцатого и восемнадцатого веков (Markoff, 1996; Grayling, 2007; Tilly & Wood, 2009).

С тех пор мы видим, как то в одной, то в другой стране общественные движения начинают кампании по борьбе за права человека (Clark, 2009; Carter, 2012). В зрелых демократиях общественные движения становятся источником непрерывного влияния на правительства и оказывают постоянное давление на избираемых чиновников (Tarrow, 1998; McAdam, Tarrow & Tilly, 2003; Meyer, 2004; Kriesi, 2009; Keane, 2011). В новых демократиях общественные движения нередко мобилизовали людей, выступавших против недемократических режимов, настолько мощно, что их давление было достаточным для начала перехода к демократии (Foweraker & Landman, 1997; Karatnicky & Ackerman, 2005; Schock, 2005; Ulfelder, 2005; Welzel, 2007a; Teorell, 2010).

Как только стали проводиться кросс-культурные опросы в 1970-х гг., ученые отметили расширение активности общественных движений, которые предъявляют властям требования граждан (Barnes & Kaase et al., 1979; Norris, 2002; Dalton, 2004; Inglehart & Welzel, 2005). Общественные движения часто и все в большей степени полагаются на невооруженные протестные действия: забастовки, бойкоты, демонстрации, блокады, сидячие забастовки, петиции и другие совместные действия, позволяющие людям высказывать свои требования (Tarrow, 1998; Schock, 2005; Carter, 2012).

Везде, где широко распространены ненасильственные общественные движения, мы находим динамичное и влиятельное гражданское общество: активные действия граждан, определяющих круг социально-значимых проблем, нуждающихся в обсуждении и решении. Следовательно, активность общественных движений — это главное проявление человеческой эмансипации граждан, роста их влияния и полномочий, и именно это вызывает интерес к подобным движениям.

¹²⁶ Некоторые идеи этой главы были уже опубликованы предварительного в менее проработанной и теоретически обоснованной форме в статье Вельцеля и Дойча (Welzel & Deutsch, 2012).

В данной главе утверждается, что связь общественных движений и человеческой эмансипации граждан очевидна, если принять во внимание основной источник воодушевления участников общественных движений: эмансипативные ценности. Я выдвигаю гипотезу, что как индивидуальные предпочтения эмансипативных ценностей, так и их преобладание в обществе в целом поддерживают активность общественных движений (далее: АОД).

Можно предположить, что влияние ценностей на поведение возможно, если признать, что человеческие действия по крайней мере частично — намеренные, и что ценности определяют такие намерения. Когда совместные действия людей, заявляющих о своих требованиях, происходят часто, это свидетельствует о том, что сформировалось сообщество, члены которого считают важным выражать свою позицию. Если люди ценят такую возможность — это уже само по себе является эмансипативной ценностью. Таким образом, связь АОД с эмансипативными ценностями представляется самоочевидной. В данной главе приводится теоретический и эмпирический анализ этой связи.

Обычно люди высказывают требования потому, что хотят изменить то, что вызывает у них недовольство. По этой причине публикации, посвященные проблеме депривации, рассматривают АОД как показатель недовольства людей (Gurr, 1970; Muller, 1979; Opp, 1990, 1994). Этот подход, безусловно, полезен для объяснения проявлений коллективного насилия. Однако те АОД, которые я имею в виду, отличаются от насильственных коллективных действий. Это мирные действия, и они не характерны для обездоленных групп населения в странах с тяжелыми условиями жизни. Такое наблюдение может казаться парадоксальным, но АОД наиболее типичны для процветающих обществ. Действительно, существует сильная положительная корреляция между практически каждым индикатором качества жизни, будь это уровень благосостояния, продолжительность жизни, длительность образования, показатели «хорошего правительства» или субъективное благополучие, с одной стороны, и проявлениями АОД, с другой (Welzel, Inglehart & Deutsch, 2005). Можно сделать вывод, что люди тем чаще высказывают свои мнения, чем меньше у них поводов для критики.

Подобная же логика сохраняется и внутри общества. В АОД обычно участвуют вовсе не представители самых обездоленных групп. Несомненно, некоторые представители обездоленных групп, такие как живущие в гетто иммигранты, время от времени участвуют в бунтах и в других спонтанных всплесках коллективного насилия (Snow, Vliegenhart & Corrigan-Brown, 2007). Но не эти группы служат основным источником мирных акций протеста. Такие действия характерны для репертуара действий людей образованных, информированных, имеющих много контактов и относительно обеспеченных (Inglehart, 1990; Norris, 2002). Создается впечатление, что чаще всего мы слышим голоса именно тех людей, у которых мало поводов для критики.

Если высказывание требований рассматривается как результат депривации, подобный феномен кажется парадоксальным, но если рассматривать высказывание требований как признак условий, наделяющих людей правами и полномочиями, становится ясно, что в позитивной связи АОД и процветания общества ничего парадоксального нет. В данной главе используется эта взаимосвязь, при-

чем особое внимание уделяется ее элементу, на который прежде обращали мало внимания. — влиянию эмансипативных ценностей на АОД.

В первом разделе главы обсуждаются теоретические аспекты взаимосвязи между эмансипативными ценностями и АОД, а также дизайн эмпирического анализа этой взаимосвязи. Во втором разделе описывается база данных и показатели, использованные для реализации дизайна исследования. В третьем — излагаются результаты и показывается, в каком направлении и в какой степени эмансипативные ценности детерминируют АОД на индивидуальном уровне и на уровне общества в целом. Специальный акцент делается на динамике этой взаимосвязи, которая учитывает изменение как ценностей, так и коллективных действий с течением времени. Я завершаю главу резюме ее ключевых положений.

1. Теория: ценности и действия

1.1. Ценности, нормы и интересы

Действия людей — только отчасти намеренные, а ценности — это центральный элемент намерений людей. Ценности играют существенную роль, направляя действия людей на важные цели (Triandis, 1995; Schwartz, 2004). Когда мы фокусируем внимание на коллективных действиях, направляющей силой являются общие ценности, которые разделяются широкими сегментами общества.

Коллективные действия направляют не только общие ценности, но также социальные нормы и групповые интересы. Однако в сравнении с нормами и интересами ценности — это особенно мощный мотивирующий фактор действий.

Социальные нормы направляют действия через внешние санкции. В отсутствие внешних санкций нормы теряют свое влияние на действия. Исключения составляют случаи, когда люди интернализуют, усвоили нормы, но тогда норма становится ценностью, и это уже не просто норма. Чтобы закрепить направляющую силу нормы в отсутствие санкций, норме необходимо стать ценностью (Lai, 1998).

Отличие от норм ценности — это интернализированные идеалы, определяющие внутреннюю структуру предпочтений людей. По этой причине ценности не нуждаются во внешних санкциях, чтобы направлять действия: это основа способности людей к саморегуляции. Таким образом, ценности — это моральный ресурс, от которого общество может получить пользу. Например, можно обойтись меньшими затратами на мониторинг выполнения правовых норм, если ценности побуждают людей добровольно им следовать (Axelrod, 1986; Coleman, 1990).

Помимо социальных норм и общих ценностей коллективные действия также направляются групповыми интересами. Однако в сравнении с интересами у ценностей есть мотивационное преимущество. Оно сохраняется, пока интересы выполняют преимущественно инструментальную, практическую функцию. Групповые интересы всегда появляются с инструментальной целью: добиться для какой-то группы преимущества по сравнению с конкурирующими группами. Проблема заключается именно в инструментальном происхождении групповых интересов: инструментальность связывает действия, заявляющие о групповых интересах, с оценкой потенциальных затрат и выгод для реализации этих интересов, если действия будут успешными. Чем больше размер группы, тем большая доля ее участников в результате таких расчетов приходит к выводу, что их личный вклад

в вероятность группового успеха — незначим (Olsen, 1987 [1965]). По этой причине большинство членов группы не участвуют в действиях, заявляющих о групповых интересах. Если у данной группы нет мощной организации, то в подобном случае об ее интересах некому будет позаботиться. Следовательно, коллективные действия, зависящие от оценки затрат и выгод, регулярно блокируются, не реализуются (Coleman, 1990; Ostrom, 1990).

Полезно задуматься об обстоятельствах, помогающих групповым интересам преодолеть мотивационный блок: чтобы это произошло, инструментальный, утилитарный аспект интересов должен отступить на второй план. Интересы в итоге должны стать неотъемлемым элементом социальной идентичности людей, и в этом случае заявление об интересах группы приобретает собственную ценность. Другими словами, когда интересы укореняются в идентичностях людей, это делает их самоценными, и тогда коллективные действия уже не связываются с оценкой возможных затрат и выгод. Следовательно, мы вернулись к исходному пункту: чтобы преодолеть мотивационную блокаду норм и интересов, нужно укоренить их как ценности в системе внутренних предпочтений людей.

Ценности — это важные элементы нашей личной идентичности. По этой причине попытка реализации важных для нас целей становится самоценной, даже если действия окажутся безуспешными и не позволят достигнуть важной для нас цели. Выражение, экспрессия ценностей через действия позволяет индивидам выстраивать свою идентичность, поэтому целенаправленные действия приобретают экспрессивную полезность. Благодаря такой экспрессивной полезности, ценности менее подвержены ситуациям, когда коллективные действия блокируются.

Основываясь на этих соображениях, я прихожу к выводу, что целенаправленная мотивация АОД в большей степени связана с внутренними ценностями индивидов, чем с внешними нормами или инструментальными интересами. Среди ценностей, которые могут потенциально выступать в роли мотивов АОД, я придаю особое значение эмансипативным ценностям. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, АОД в истории человечества были особенно влиятельны, когда они выражали эмансипативные требования, особенно если это были требования предоставления равных прав обездоленным группам населения (Markoff, 1996; Foweraker & Landman, 1997; Tarrow, 1998; Clark, 2009; Carter, 2012). Это предполагает, что эмансипативные ценности — главный источник мотивации для наиболее энергичных АОД. Во-вторых, независимо от специфики высказываемого требования, тот простой факт, что люди берут ситуацию в свои руки и предъявляют общие требования, — это уже акт эмансипации, освобождения. По самой своей природе, этот акт будет более привлекательным для людей, уже принявших эмансипативные ценности.

1.2. Связь между ценностями и действиями

Если связь между эмансипативными ценностями и АОД существует в той форме, которую я предполагаю, эта связь окажется смертельной угрозой для диктаторов, которой они будут стараться избежать любой ценой. Поскольку эмансипативные ценности нацелены на права человека, которые диктаторы отрицают, эти ценности, когда они появляются в тоталитарных обществах, лишают диктатуру

легитимности. Когда АОД требует эмансипативных ценностей в обществе, где правит диктатор, уже сам этот факт сигнализирует о том, что режим потерял контроль над обществом. В самом деле, АОД с эмансипативными ценностями часто свергали диктатуры и запускали успешный переход к демократии (Schock, 2005; Ulfelder, 2005; Thompson, 2006; Welzel, 2007a). К примерам относятся события в Португалии в 1974 г., в Аргентине в 1983 г., в Южной Корее в 1987 г., в Чехословакии в 1989 г., в Тунисе в 2011 г.

Диктаторы могут применять две стратегии для того, чтобы разорвать связь между эмансипативными ценностями и АОД: идеологическую пропаганду и усиление репрессий. Однако обе эти стратегии работают только до тех пор, пока не включается двигатель процесса человеческой эмансипации, расширяющей ресурсы для эффективных действий. Нет сомнений в том, что диктатуры вкладывают значительные усилия в пропаганду. Цель таких усилий — препятствовать появлению у членов данного общества желания обрести гражданские права, в которых режим им отказывает. По этой причине любой диктаторский режим попытается препятствовать распространению эмансипативных ценностей. Но у пропаганды есть свои ограничения. Насколько мне известно, диктаторам не удалось разрушить лестницу полезности свобод: они не смогли заставить людей отказаться от стремлений к свободам и правам, когда увеличение ресурсов для совместных действий сделало приобретение этих прав и свобод вероятным исходом. Это очевидно из анализа, представленного в главе 4: как он показал, дефицит прав человека не подавляет эмансипативные ценности, если расширяются ресурсы для совместных действий людей. Отрицание гражданских прав и оправдывающая это пропаганда не способны помешать людям ценить свободу, как только рост ресурсов для коллективных действий превращает эмансипативные цели в реальную возможность.

Вторая стратегия диктатур, нацеленная на разрушение связи ценностей-действий, — повышение риска репрессий для участников АОД. Это достигается демонстрацией того, что угроза репрессий реальна и достоверна. Я, однако, выдвигаю гипотезу, что, когда эмансипативные ценности становятся широко распространенными, разрушить связку ценности-действия с помощью повышения риска репрессий — не так легко. Периферийные предпочтения, обладающие незначительной внутренней ценностью для индивида, как раз легко блокировать и помешать их реализации в действиях. Но это не так для ценностей, потому что они являются внутренними убеждениями людей. Внутренние ценности воодушевляют людей, убеждая в том, что их действия оправданы с точки зрения морали и справедливы, а ощущение оправданности и справедливости повышает воспринимаемую полезность реализации этих ценностей в действиях, экспрессии. Для эмансипативных ценностей экспрессивная полезность еще выше, потому что реализация собственных ценностей в действиях — это сам по себе акт эмансипации, освобождения. Эмансипативные ценности, таким образом, воплощают в себе экспрессивную полезность исключительной мощи. И когда убежденность в их полезности разделяет широкий круг людей — эффект солидарности часто преодолевает барьер риска. Следовательно, как я предполагаю, рост угрозы репрессий не разрывает связь ценность-действие, если эмансипативные ценности широко распространены. Как мы увидим, истинная причина того, что репрессии подавляют АОД, — это слабость эмансипативных ценностей.

Можно также высказать возражение, что АОД в демократических и недемократических обществах — это два разных явления, потому что в недемократических обществах такие действия связаны с гораздо более высоким риском наказания, в том числе поскольку они часто направлены против находящегося у власти режима. В демократиях АОД, напротив, защищена законом; к тому же, общественные движения в таких странах почти никогда не требуют смены режима. С этой точки зрения можно сделать вывод, что нужно проводить отдельные исследования АОД в демократических и недемократических обществах. Я, однако, утверждаю, что лучше проводить сравнительные исследования АОД в обществах, находящихся на разных уровнях демократии, но при этом принимать во внимание различия между этими обществами как потенциальные детерминанты АОД. Это предпочтительнее, если предположить, что эмансипативные ценности мотивируют АОД как в демократических, так и в недемократических общественных системах. Если АОД появляются в недемократических обществах, эмансипативные ценности мотивируют эти коллективные действия, требуя гражданских прав, которые режим отрицает. Если они усиливаются в демократиях — эмансипативные ценности мотивируют АОД требовать совершенствования, расширения и неукоснительной поддержки прав человека. Таким образом, эмансипативные ценности мотивируют АОД, фокусируя внимание на гражданских правах в любых типах социальных систем, где эти ценности становятся преобладающими. Из данных предположений также следует, что *связь ценности-действия* между эмансипативными ценностями и АОД разрывается из-за недостаточной и неполной демократии. Чтобы проверить это предположение, данная связь должна быть исследована в обществах, находящихся на разных уровнях демократии, причем уровень демократии должен быть одной из переменных-предикторов.

Реализация эмансипативных ценностей в АОД требует многих факторов. Один из них — активисты в социальных сетях, обладающие навыками и ресурсами для инициирования массовых кампаний. Однако активистам легче мобилизовать сограждан в тех обществах, где эмансипативные ценности относительно широко распространены, поскольку призывы к людям высказывать свои мнения в полной мере соответствуют этим ценностям. Более того, поскольку мы знаем, что эмансипативные ценности усиливаются среди людей, обладающих существенными ресурсами для коллективных действий, люди, разделяющие эти ценности, не только стремятся, но и способны действовать. Кроме того, в тех сообществах, где у людей сильна мотивация и способность действовать, активистов больше. Вполне вероятно, что общество способных действовать и мотивированных людей оказывается «плодородной почвой» для расцвета АОД.

По всем вышеупомянутым причинам я предполагаю, что эмансипативные ценности — главный источник вдохновения АОД. Я выдвигаю гипотезу, что индивиды, разделяющие эмансипативные ценности, с большей вероятностью иницируют АОД и присоединяются к АОД; причем данная тенденция в большей степени выражена в тех обществах, где большинство людей разделяет эти ценности: экспрессивные импульсы, присущие собственным эмансипативным ценностям людей, усиливаются, если такие ценности в обществе преобладают. — и это еще один пример взаимного обогащения.

Перед тем как перейти к обзору недавних результатов исследований АОД, следует сделать одну оговорку. Вполне понятно, что каждый случай АОД — это уникальный феномен, специфичный для данных обстоятельств, места и времени. Из этого несомненного факта может вытекать предложение исследовать АОД с точки зрения перспективы истории событий [event-history]. Типичный для этого подхода вопрос: почему данный случай АОД произошел в определенном месте и в определенное время? Но у подобного подхода есть и существенный пробел. Вместо того чтобы спрашивать, почему люди участвуют в конкретном АОД в данном месте и в данное время, не менее уместный вопрос — выяснить, почему в некоторых обществах люди в целом больше участвуют в АОД, независимо от специфики места и времени. С точки зрения исследований истории событий интереснее первый вопрос, однако данная книга написана на основе эволюционного подхода, а в его контексте важнее второй вопрос: почему некоторые люди в целом больше участвуют в АОД, независимо от специфики конкретного случая, места и времени? А также: почему в некоторых обществах подобных людей оказывается больше, так что зарегистрированный уровень АОД в них выше? Для ответа на вопросы такого типа мы должны искать системные факторы, не связанные со спецификой конкретного случая АОД. Приведенный ниже обзор сфокусирован на исследованиях, инициированных именно этим типом вопросов.

1.3. Стандартная модель АОД

Исследований, которые бы проверяли конкурирующие теории на основе широких сравнительных данных из разных стран, мало¹²⁷. Еще меньше таких исследований, которые использовали при этом многоуровневый подход, с целью проверки того, как индивидуальные личностные черты и условия на уровне общества одновременно определяют характер действий людей. Одно из исключений — проведенное в 2010 г. исследование Далтона, Ван Сикла и Уэлдона (Dalton, van Sickle & Weldon, далее — DVW). В настоящее время исследование DVW является наиболее широким анализом АОД, использовавшим данные четвертой волны МИЦ и охватившим около 50 стран по всему миру.

DVW разработали модель АОД, демонстрирующую, как АОД способствуют эмансипации людей. Модель показывает, как проявления человеческой эмансипации на индивидуальном уровне и на уровне общества поддерживают и укрепляют АОД. Однако модель DVW оказывается неполной в своем центральном аспекте.

Из трех компонентов человеческой эмансипации — ресурсов, ценностей и права — модель DVW на уровне общества включает только два компонента, оставляя за рамками на этом уровне ценностный компонент. В свете ранее представленных нами результатов это очевидный недостаток. Предыдущие главы представили многочисленные доказательства того, что эмансипативные ценности важны не только как атрибут индивидов. Важнее то, в какой степени они преобладают среди населения. Взаимное обогащение, с которым мы неоднократно сталкивались в предыдущих главах, убедительно это доказывает. Таким образом, игнорирование того, как преобладание эмансипативных ценностей мотивирует АОД, неизбежно

¹²⁷ Среди исключений можно отметить: Roller & Wessels (1996), Welzel (1999), Norris (2002: гл. 10), Inglehart & Catterberg (2003), Inglehart & Welzel (2005: гл. 9).

приводит к завышенной оценке эффектов влияния других компонентов человеческой эмансипации, а именно ресурсов и прав человека.

По этим причинам я перепроверил модель АОД, предложенную DVW. После представления данных и показателей я делаю четыре шага. Во-первых, я расширяю модель DVW, применив ее к новым данным пятой волны МИЦ. Это показывает, возможно ли воспроизвести результаты модели на иной выборке стран и через несколько лет. Репликация, действительно, подтверждает результаты модели DVW. Во-вторых, я модифицирую модель DVW, включив в нее показатель преобладания эмансипативных ценностей как дополнительный предиктор АОД на уровне общества. Это не только дает более сильные результаты, но также изменяет их в одном важном аспекте: среди трех компонентов человеческой эмансипации ценности играют самую важную роль в активизации, «подпитке» АОД. В-третьих, я тестирую устойчивость связи ценность-действие на всей совокупности стран, участвовавших в МИЦ, проверяя, ослабляет ли эту связь повышение риска репрессий. Как мы увидим, этого в реальности не происходит. В-четвертых, я делаю новый шаг, моделируя изменения АОД как функцию изменений эмансипативных ценностей, анализируя динамические эффекты, позволяющие каузальную интерпретацию. Как станет очевидно, взаимосвязь между ценностями и действиями в самом деле динамична: рост эмансипативных ценностей приводит к соответствующему росту АОД, даже если другие предикторы контролируются.

2. Данные и показатели

2.1. Данные

Репликация выводов, полученных для определенного набора стран в течение определенного периода времени, с использованием новых данных важна для укрепления уверенности в предыдущих результатах. DVW тестировали свою модель, используя четвертую волну МИЦ, проводившуюся в почти пятидесяти странах в период примерно с 1999 по 2001 гг. Пятая волна МИЦ проводилась с 2005 по 2008 гг. также примерно в пятидесяти странах, но двадцать из них не входили в четвертую волну, что приводит к существенным отличиям выборок стран в четвертой и пятой волнах¹²⁸. После успешной репликации модели DVW на данных пятой волны я модифицирую модель и тестирую ее снова на полной выборке стран, участвовавших в МИЦ, используя последние данные для каждой из стран. Около восьмидесяти стран, включенных в этот анализ, представляют более 90% мирового населения. На последнем шаге я использую уже лонгитюдные данные, выявляя закономерности согустствующих друг другу изменений эмансипативных ценностей и АОД. На этом этапе база исследования сужается примерно до пятидесяти стран, для которых есть данные за достаточный период времени, а именно не менее, чем десять лет. Тем не менее, даже эта, меньшая по размеру, выборка охватывает все десять культурных зон мира, включая страны с наибольшей численностью населения из каждого мирового региона. Более того, анализируемые общества представляют полный диапазон вариации всех интересующих нас переменных.

¹²⁸ Страны, участвовавшие в пятой, но не участвовавшие в четвертой волне МИЦ, — это: Андорра, Австралия, Бразилия, Буркина-Фасо, Колумбия, Кипр, Гана, Гватемала, Ирак, Малайзия, Мали, Новая Зеландия, Норвегия, Руанда, Швейцария, Тайвань, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Зимбабве.

Таким образом, маловероятно, что результаты этой главы могут быть следствием смещенной, нерепрезентативной выборки стран.

2.2. Зависимая переменная: мирные проявления АОД

Анализ АОД на базе опросных данных не ставит задачу объяснить, почему люди присоединяются к специфическим АОД с конкретной целью в конкретное время и в конкретном месте. Исследование АОД на основе опросных данных не подразумевает интереса к особенностям *единичного*, конкретного случая АОД. Вместо этого их цель — объяснить закономерности, выходящие за пределы специфики каждого АОД. Главные вопросы, представляющие в этом случае интерес: почему определенные типы АОД становятся элементом *репертуара действий* людей и почему расширяются репертуары действий всего населения различных стран? С точки зрения концепции человеческой эмансипации, интересный аспект репертуаров действий — их постоянная доступность: репертуары могут активироваться для *различных целей в разное время*. Таким образом, репертуары действий выходят за рамки конкретных времени и места, и именно по этой причине они являются одним из факторов человеческой эмансипации.

DVW анализируют содержащий шесть позиций индекс, измеряющий, в каком количестве из пяти видов АОД респондент участвует¹²⁹. Эти виды активности включают: «подписание петиций», «присоединение к бойкотам», «участие в мирных демонстрациях», «присоединение к несанкционированным забастовкам» и «занятие зданий или фабрик»¹³⁰.

В опросах МИЦ не выяснялась ни цель конкретных АОД, ни когда именно эти акции происходили. Для измерения репертуара действий это преимущество. Ни то, насколько недавно или давно респондент совершил данное действие, ни его цель не имеет значения, если вопрос в том, входит или нет данное действие в *репертуар* респондента. Для репертуара действий важно только, действовали ли люди когда-либо подобным образом, или по меньшей мере допускают ли они такую возможность. Если ответ положительный, данное действие входит в репертуар действий респондентов. Если речь идет лишь о намерении действовать, данное действие по крайней мере входит в воображаемый репертуар респондента, а это важное предварительное условие для того, чтобы оно стало элементом реально *практикуемого* репертуара. Если какое-то действие входит в репертуар, люди могут по своей воле использовать его для разных целей и в разное время.

Несколько отступив от спецификации модели DVW, я использовал индекс АОД, сконструированный мною (Welzel, 2010). Такое решение было неизбежным, потому что в пятой волне МИЦ из интервью были исключены две наименее популярные акции: «присоединение к несанкционированным забастовкам» и «занятие зданий

¹²⁹ Эти исследователи (Dutton, van Sickle & Weldon, 2010: 62, fn. 39) сообщают о значимой и довольно сильной корреляции использованного ими индекса АОД, измеренного на основе опросных данных МИЦ, и реально наблюдавшейся активности АОД, по данным базы данных World Handbook database, за тот же период времени. Это соответствие предполагает, что показатели АОД на основе опросных данных отображают реальную активность общественных движений.

¹³⁰ Вопрос, использованный в МИЦ для получения этой информации, был следующим: «Теперь посмотрите, пожалуйста, на эту карточку. Я прочту названия некоторых форм политической акции, в которых люди могут принимать участие, и я бы хотел, чтобы Вы мне сказали о каждой из них, принимали ли Вы в таких акциях участие, могли бы принять участие, или не стали бы в ней участвовать ни при каких обстоятельствах».

или фабрик». Это оставляет всего три вида АОД: «подписание петиций», «присоединение к бойкотам» и «участие в мирных демонстрациях»¹³¹.

Причин для того, чтобы не включать два других вида активности, было три. Во-первых, несанкционированные забастовки и занятия зданий выделяются как наименее популярные формы АОД. В самом деле, несанкционированные забастовки и занятия зданий — это в большинстве стран акции, в которых участвовала такая минимальная доля респондентов (обычно менее 5%), что это оказывается в пределах ошибки выборки. Включение таких акций в репертуар действий по этой причине не добавит в модель систематическую вариацию. Во-вторых, эти акции (особенно «занятия зданий») близки к порогу, отделяющему насильственные действия от мирных, поэтому их включение не соответствует ориентации нашего анализа на мирные акции. В-третьих, из-за этой концептуальной разницы несанкционированные забастовки и занятия зданий последовательно получают более низкие факторные нагрузки в факторе АОД¹³². По этим причинам, если не учитывать несанкционированные забастовки и занятия зданий, при измерении АОД теряется немного информации. Это даже дает выигрыш концептуальной четкости, потому что оставшиеся три вида действий менее сомнительны в отношении насилия.

С помощью петиций, бойкотов и демонстраций я создал две версии индекса АОД. В первой версии «участвовал» кодировалось как 1, а все остальные ответы — как 0, и усреднение кодов по трем видам действий давало индекс с четырьмя градациями: 0 — ни одного вида активности, 0,33 — один вид, 0,66 — два, и 1 — все три¹³³. Второй вариант использует преимущество, связанное с тем, что нам также известно, «может ли» респондент участвовать в такой акции, что показывает его готовность действовать. Принять к сведению эту информацию стоит по нескольким причинам.

Используя понятие репертуаров действий, сообщение о готовности действовать не следует игнорировать, поскольку эта готовность показывает нечто важное: соответствующее действие психологически уже включено в репертуар, даже если на практике респондент его еще не использовал. Таким образом, сообщение об участии в акциях, сообщение о готовности в них участвовать и сообщение об отказе участвовать представляют собой разные пункты единого континуума: отсутствие в репертуаре, в случае отказа; предполагаемый, но еще не использованный репертуар, в случае готовности; и реализованный на практике репертуар, в случае реальных действий. При измерении репертуара готовность по этой причине должна учитываться не так, как отказ, и их не следует объединять в нулевой

¹³¹ В пятой волне МИЦ использовались две формы интервью (каждая — в половине случаев). В форме А формулировка была изложена: «мирные» демонстрации ... вместо «разрешенных» демонстраций. В форме В была сохранена первоначальная формулировка ... «разрешенные». Никаких систематических различий в зависимости от того, какое из прилагательных использовалось, обнаружено не было. Тем не менее, в следующих волнах будет постоянно использоваться формулировка «мирные демонстрации». Она лучше подходит для описания запрещенных, но мирных демонстраций в недемократических странах.

¹³² Факторные нагрузки для первой волны МИЦ (1981 — 1983 гг.), рассчитанные на объединенных по всем странам данных индивидуального уровня, таковы: 0,79 (петиции), 0,77 (бойкоты) 0,75 (демонстрации), 0,71 (несанкционированные забастовки), 0,61 (занятия зданий). В следующих волнах факторные нагрузки существенно отклонялись от приведенных выше.

¹³³ Иногда высказывается возражение, что петиции нужно исследовать отдельно, потому что они очень легкой вид активности. Это верно для тех людей, кто только подписывает петицию, но петиции также нужно организовать ... а это совсем нелегко. Так что если много людей подписывают петицию, это означает, что много людей организует их. Следовательно, аргумент в пользу того, что петиции отличаются, поскольку это легкое действие, неверен, если мы рассматриваем петиции как характеристику общества.

категории. Готовность по меньшей мере должна получить какой-то вес в индексе репертуара АОД. Но также понятно, что у готовности вес должен быть меньше, чем у реального действия, и разница между потенциальным и практическим репертуаром должна учитываться.

Поэтому я приписал готовности вес больше нуля, но все же, ближе к отказу от данного действия. Конкретно отказ кодировался как 0, готовность — как 0,33 и действие — как 1,0 для каждой из трех АОД. Потом я усреднял оценку по всем трем акциям. Эта процедура дает более детальный индекс, чем первый вариант, также варьирующийся от 0 до 1. Второй вариант индекса отражает репертуар АОД респондента, включая как потенциальный, так и практический репертуар, но практическим действиям придается существенно больший вес.

Все приведенные ниже результаты оказались практически идентичными для обоих вариантов индекса АОД. Это неудивительно, поскольку на индивидуальном уровне корреляция двух индексов составила $r = 0,93$ для объединенных данных по всем странам, участвовавшим в МИЦ ($N = 231\,068$, для каждой страны использовались самые свежие данные). Тем не менее я представляю данные для второго варианта индекса АОД, потому что он принимает во внимание больше информации и качество шкалы у него выше: тест надежности¹³⁴ дает для него коэффициент альфа Кронбаха = 0,69 для трех видов активности, если готовность действовать принимается во внимание, а для первого варианта альфа ниже: 0,58¹³⁵.

Как уже упоминалось, три вида АОД представляют собой лишь одно измерение, но размерность индекса не должна нас заботить. Даже если бы три типа АОД не оказались одним измерением во всех исследованных обществах, композиторное определение репертуаров действий позволяет обобщить эти виды активности в единый индекс: репертуары *определяются* именно разнообразием включенных в них видов активности, *независимо* от того, насколько сильно эти виды активности коррелируют и идентичны ли эта корреляция во всех странах. Композиторная логика уместна, если у измеряемого концепта есть априорное теоретическое определение (см. Схему 1, стр. 77). Поскольку это именно такой случай, я измеряю реакции людей, сопоставляя их с заранее определенным теоретическим стандартом, а не с тем, какова структура их размерности.

2.3. Объясняющие переменные

В модели DVW как потенциальные детерминанты АОД используются два аспекта человеческой эмансипации на уровне общества: ресурсы и права человека. А именно DVW операционализируют ресурсы для действий людей, используя валовой внутренний продукт на душу населения в данной стране в год опроса. Это соответствует традиции концепции «мобилизации ресурсов» в теории общественных движений: АОД более распространены в обществах, в которых экономи-

¹³⁴ Результаты получены на объединенной выборке данных индивидуального уровня с третьей по пятую волны МИЦ, включающие 240 000 респондентов из почти 90 стран.

¹³⁵ В пятой волне МИЦ про АОД задавался еще один вопрос: уточнялось для каждого из АОД - происходило ли это за последние пять лет. Вариант индекса АОД, учитывающий намерения, объясняет столько же дисперсии, сколько не учитывающий их вариант (56 %), если ограничиться АОД последними пятью годами. Таким образом, версия, учитывающая намерения, — не менее валидный индикатор репертуара действий, чем индекс, основанный на реальных действиях. Эти результаты получены на объединенных по всем странам данных на индивидуальном уровне.

ческое процветание наделяет большими ресурсами для действий более широкие сегменты населения (McCarthy & Zald, 1977). Что касается прав человека, то DVW использовали индекс «главенства закона» [rule of law] из базы данных «хорошего правительства» [good governance] Всемирного Банка в год опроса. Этот показатель отражает подход к исследованию общественных движений, получивший название «структуры возможностей»: АОД чаще встречается в обществах, где более широкие и реализуемые на практике права человека открывают возможности для действий (Meyer, 2004).

Участие в АОД зависит не только от ситуации и показателей на уровне общества, но также от индивидуальных характеристик респондентов. Таким образом, модель DVW рассматривает образование как личный ресурс участия. Это соответствует множеству публикаций, в которых показано, что образование — одна из наиболее сильных детерминант участия в АОД на индивидуальном уровне (Bagnes & Kaase, 1979; Verba, Schlozman & Brady, 1995; Inglehart & Catterberg, 2003). Кроме того, DVW операционализируют членство в ассоциациях как личную возможность для участия, следуя еще одному популярному в публикациях предположению: более активные участники АОД обладают лучшей сетью контактов, а следовательно, и большими возможностями (Putnam, 2000; Norris, 2002).

Принимая во внимание психологические факторы, DVW вводят в анализ еще две дополнительные переменные на индивидуальном уровне: левую ориентацию и постматериалистические ценности. Опираясь на опубликованные результаты, DVW ожидают, что и постматериалистические ценности, и левые ориентации будут усиливать участие в АОД (Opp, 1990; Bernhagen & Marsh, 2004).

Наконец, модель DVW использует «теорию недовольства» [grievance theory]. Сторонники этой теории утверждают, что основной мотив участия в АОД — это неудовлетворенность какими-то социальными дефектами или сбоями системы (Walker, Wong & Kretzschmar, 2002). Модель DVW измеряет недовольство на основе личной неудовлетворенности индивида и его политической неудовлетворенности. Точнее, степень удовлетворенности жизнью используется как универсальный индикатор личной неудовлетворенности, а доверие парламенту — как обратный индикатор политического недовольства.

Я воспроизвожу модель DVW на данных пятой волны МИЦ, используя несколько модифицированный индекс АОД, который был описан выше. Воспроизводя модель DVW на новых данных, я делаю следующий шаг, расширяющий теоретический масштаб модели. Это достигается благодаря включению в модель на уровне общества показателя преобладания ценностей. Для измерения ценностей я не использую краткую версию индекса постматериализма. Как мы уже видели, делая акцент на высказанных мнениях людей, постматериализм включает только два из двенадцати показателей широкого конструкта эмансипативных ценностей. Следовательно, широкий конструкт эмансипативных ценностей — это более мощный предиктор АОД, чем его более узкий аналог (доказательства представлены в таблице 2.6 в главе 2).

Кроме этого существенного изменения в дизайне модели DVW, я переопределил две переменные индивидуального уровня и две переменные на уровне общества, что представляется мне оправданным. На уровне общества я заменил индекс

«главенства закона» на индекс гражданских прав, представленный во введении и подробно прсанализированный в главе 8. Причина заключается в том, что главенство закона — менее валидный показатель прав человека, чем гражданские права. Благоприятные показатели главенства закона в той форме, в какой их использует Всемирный банк — это просто показатель эффективности обеспечения правопорядка. Обеспечение правопорядка может быть весьма эффективным даже в недемократических государствах, таких как Сингапур, и в этом случае это вовсе не показатель гарантии прав на социальные действия, а наоборот, показатель отсутствия таких грав. Напротив, индекс гражданских прав — это прямой показатель прав человека, к тому же обладающий более высокой валидностью в сравнении с альтернативами. Правота последнего утверждения демонстрируется в главе 8.

Я заменил валовой внутренний продукт на душу населения на уже упоминавшийся ранее индекс технологического прогресса. ВВП на душу населения высок в некоторых странах-экспортерах нефти. В этих случаях ВВП на душу населения отражает патримониальные государственные структуры, скорее, подавляющие активность населения, чем повышающие вероятность высказывания людьми их требований (Ross, 2001; Conrad & DeMerit, 2013). Кроме материальных ресурсов важны также интеллектуальные и коммуникативные. Как показано в главе 3, индекс технологического прогресса — это хороший показатель всех трех типов ресурсов: материальных, интеллектуальных и коммуникативных. ВВП на душу населения — напротив, мера только материальных ресурсов.

Что касается переменных индивидуального уровня, вместо использования недоверия парламенту, я использовал недоверие правительству как индикатор политического недовольства. Причина такой замены — предположение, что обычно правительства чаще оказываются в центре внимания, и по этой причине вероятнее, что именно они, а не парламенты, окажутся объектом недовольства (Catterberg, 2003). Далее, я счел левую ориентацию проблематичным показателем, особенно для кросс-культурной базы данных, включающей страны, в которых левая и правая ориентации понимаются по-разному или не представляют собой такие четкие идеологические категории, как в типичном западном контексте (Bernhagen & Marsh, 2007). По этой причине я заменил левые ориентации на показатель интереса к политике. Во многих публикациях было показано, что последний показатель — важная психологическая детерминанта политической активности, включая АОД (Heitzman et al., 2009).

Я специально тестировал устойчивость связи ценность-действие. Для этой цели я расширил сравнительный анализ, включив в него все общества с валидными данными, когда-либо участвовавшие в опросах МИЦ. Это позволило расширить базу данных с примерно пятидесяти до восьмидесяти стран. Ключевой вопрос — устойчивость связи ценность-действие при повышении риска репрессий. Чтобы исследовать эту тему, я заменил индекс гражданских прав на прямой показатель риска репрессий по «шкале политического террора» Гибни, Вуда и Корнета (Gibney, Wood & Cornett, 2008).

Последний представленный в главе анализ лонгитюдный. Он рассматривает совместную динамику эмансипативных ценностей и АОД. Поскольку МИЦ — не панельное исследование, эту динамику можно было анализировать только на уровне

общества в целом. Поэтому я использую дельта-переменные, которые измеряют изменения эмансипативных ценностей, гражданских прав, ресурсов для действий и АОД, начиная с самого раннего и заканчивая самым недавним опросом, если между ними прошло не менее десяти лет. Минимальный временной период был выбран, чтобы получить индикаторы изменений, с большей вероятностью отражающие долговременные тренды, а не краткосрочные циклы¹³⁶. Изменения ресурсного компонента человеческой эмансипации измерялись с помощью ВВП на душу населения вместо индекса технологического прогресса, потому что последний показатель отсутствует для достаточно продолжительных временных рядов. Я также стандартизировал каждую переменную в шкалу с минимальным значением 0 и максимальным 1 с дробными промежуточными позициями¹³⁷.

3. Результаты

3.1. Воспроизведение модели DVW на данных пятой волны МИЦ

Многоуровневые модели в приложении 7 воспроизводят исследование DVW на данных пятой волны МИЦ. Несмотря на некоторые различия в операционализации зависимой переменной, а также в выборке и во времени проведения опросов, модели в приложении 7 подтверждают результаты DVW по четырем пунктам. Во-первых, в обществах с более широкими правами человека и более обильными ресурсами индивиды активнее участвуют в АОД. Во-вторых, левые ориентации и постматериалистические ценности оказывают некоторое влияние на АОД, однако эти эффекты усиливаются, если права человека шире, а ресурсы обильнее. В-третьих, формальное образование и членство в ассоциациях достаточно сильно влияют на АОД, причем эти эффекты инвариантны в обществах с разными уровнями прав человека и ресурсов. В-четвертых, показатели недовольства, такие как личная неудовлетворенность и недовольство политикой, влияют очень слабо или вообще не влияют на все АОД.

Выводы на основе модели DVW подтвердились на другой выборке стран и в другой период времени. Включение АОД в репертуар людей — это в основном результат влияния двух ключевых компонентов человеческой эмансипации: ресурсов для коллективных действий и прав человека.

3.2. Расширение модели DVW

Есть две возможности улучшить модель DVW. Во-первых, и это наиболее важно, можно расширить ее теоретическую базу, включив в нее ценностный компонент человеческой эмансипации не только на уровне индивидов, но и на уровне об-

¹³⁶ Если переменная демонстрирует циклические флуктуации на восходящей линии тренда, зафиксировать реальный рост тем легче, чем дальше отстоят друг от друга две точки измерений. В этом случае, даже если более раннее измерение пришлось на восходящую ветвь цикла, а более позднее — на нисходящую, рост все равно удастся зафиксировать, если он имел место. Конечно, более точный метод — изолировать тренды от циклов с помощью вычисления скользящих средних. Но у нас было недостаточно точек измерения, чтобы это сделать.

¹³⁷ Есть еще только одно отличие моей модели от модели DVW: я заменил их индекс членства в группах на индекс активности в клубах, представленный в главе 5. DVW учитывали в индексе членство во всех ассоциациях, о которых задавался вопрос. С учетом публикации, показывающей, что ассоциации отличаются по типу и эффектам, я считал такую процедуру неубедительной (van der Meer, Grolenhuus & Scheepers, 2009). С точки зрения теории социального капитала следует сфокусировать внимание на членстве в ассоциациях, организованных горизонтально и предоставляющих социальные блага. Также нужно расценивать активное участие выше, чем пассивное.

щества в целом. DVW операционализируют постматериалистические ценности как ценностный компонент человеческой эмансипации, но включают его в модель только на индивидуальном уровне, а не на уровне общества. При этом упускается из вида, что ценностные ориентации — это не только свойства личности отдельных людей. *Степень преобладания ценностей в обществе* — также важный контекстуальный атрибут психологического климата социума. Это стало очевидным благодаря нашим неоднократным наблюдениям феномена взаимного обогащения: импульс, присущий индивидуальным ориентациям, проявляется свободнее, если данная ориентация преобладает в обществе. Таким образом, если постматериалистические ориентации располагают людей к выражению совместных требований, этот импульс проявится свободнее, если постматериализм преобладает в обществе. Соответственно, я расширю модель DVW, включив в нее агрегированный показатель преобладающей ориентации.

Во-вторых, постматериализм — это компонент более широкого понятия эмансипативных ценностей, и я выдвигаю гипотезу, что активирующий импульс оказывается мощнее, если опираться на этот более широкий концепт. Поэтому я заменяю постматериализм на эмансипативные ценности на обоих уровнях анализа.

После этих модификаций таблица 7.1 представляет три альтернативные модели:

(1) *модель прав человека*, использующую индекс гражданских прав вместо индекса главенства закона;

(2) *модель ресурсов*, использующую альтернативный индикатор ресурсов для социальных действий, а именно индекс технологического прогресса вместо ВВП на душу населения;

(3) *модель ценностей*, использующую степень преобладания эмансипативных ценностей.

Таблица 7.1. Повторный анализ стандартной модели активности общественных движений на данных пятой волны МИЦ (неконкурирующие модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ:		
	Активность социальных движений (Индекс АОД)		
	Модель1 (Права человека)	Модель2 (Ресурсы)	Модель3 (Ценности)
Константа	.29 (20.9)***	.30 (17.2)***	.29 (24.1)***
<i>Эффекты на уровне общества:</i>			
Права: гражданские права	.47 (6.4)***		
Ресурсы: технологический прогресс		.27 (3.5)***	
Ценности: преобладание ЭЦ*			.91 (9.6)***
<i>Эффекты на индивидуальном уровне:</i>			
Неудовлетворенность жизнью	.03 (3.9)***	.03 (3.9)***	.03 (3.9)***
<i>Межуровневые интеракции:</i>			
Недоверие правительству	.04 (4.7)***	.04 (4.7)***	.04 (4.6)***
Права: гражданские права	НЗ		
Ресурсы: технологический прогресс		НЗ	

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ:		
	Активность социальных движений (Индекс АОД)		
	Модель1 (Права человека)	Модель2 (Ресурсы)	Модель3 (Ценности)
Ценности: преобладание ЗЦ*			НЗ
Членство в ассоциациях	.16 (12.3)***	.16 (12.5)***	.16 (12.3)***
Права: гражданские права	НЗ		
Ресурсы: технологический прогресс		НЗ	
Ценности: преобладание ЗЦ*			НЗ
Формальное образование	.12 (12.2)***	.12 (11.8)***	.12 (11.8)***
Права: гражданские права	.09 (1.9)*		
Ресурсы: технологический прогресс		НЗ	
Ценности: преобладание ЗЦ*			НЗ
Интерес к политике	.22 (18.6)***	.22 (18.1)***	.22 (18.2)***
Права: гражданские права	.17 (3.1)**		
Ресурсы: технологический прогресс		.12 (2.3)*	
Ценности: преобладание ЗЦ*			.25 (2.6)**
Преобладание ЗЦ*	.22 (12.2)***	.22 (13.0)***	.22 (14.2)***
Права: гражданские права	.52 (6.4)***		
Ресурсы: технологический прогресс		.46 (7.1)***	
Ценности: преобладание ЗЦ*			.90 (7.3)***
Уменьшение ошибки:			
Дисперсия зависимой пер. внутри обществ	18%	18%	18%
Дисперсия зависимой пер. между обществами	49%	25%	61%
Дисперсия эффекта влияния интереса к политике	15%	10%	10%
Дисперсия эффекта влияния эмансипативных ценностей	46%	53%	62%
N (число наблюдений) 54 664 респондентов в 46 обществах			
Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты, в скобках — значения t-критерия на основе робастных стандартных ошибок. Уровни значимости: НЗ $p > 0,100$ (не значимо), * $p < 0,100$, ** $p < 0,050$, *** $p < 0,005$. Переменные индивидуального уровня центрированы вычитанием среднего для страны, переменные уровня общества — вычитанием среднего по всем странам. Процентное уменьшение ошибки как изменение компонента случайной вариации в сравнении с «пустой» моделью, в которой нет независимых переменных. Модель рассчитана с помощью НМ 6.01. Использованы данные всех стран и респондентов с валидными данными, участвовавших в пятой волне МИС (2005); выборки по странам взвешены так, чтобы они были одинакового размера.			
* ЗЦ — эмансипативные ценности.			

Изменение спецификации переменных индивидуального уровня дало прирост объясненной дисперсии в 5%: объясненная вариация АОД внутри обществ возросла с 13 до 18%. Оказалось, что эффект интереса к политике в два раза сильнее, чем эффект левой ориентации ($b = 0,22$ в сравнении с $0,09$), в то время

как предпочтение эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне активирует АОД почти в три раза сильнее, чем предпочтение постматериалистических ценностей ($b = 0,22$ в сравнении с $0,08$). Недоверие парламенту не оказывает значимого влияния, а недоверие правительству такой эффект (хотя и слабый) продемонстрировало.

Сравнивая компоненты трех моделей на уровне общества, можно сделать очевидный вывод, что права человека, ресурсы и ценности действуют в одинаковом направлении. Так что можно отметить три специфических, но взаимосвязанных элемента человеческой эмансипации — что не вызывает удивления. Таким образом, права, ресурсы и ценности усиливают активизирующие АОД эффекты как интереса к политике, так и эмансипативных предпочтений на индивидуальном уровне: политические интересы и эмансипативные предпочтения усиливают АОД в большей степени, когда гражданские права шире, технологический прогресс выше и эмансипативные ценности преобладают. Но если сравнить относительную силу этих эффектов, становится очевидным, что преобладание эмансипативных ценностей объясняет существенно большую долю дисперсии АОД между странами (а именно 62%), чем права человека (49%) или технологический прогресс (25%). Преобладание эмансипативных ценностей — это также мощнейший усилитель активирующего импульса этих ценностей на индивидуальном уровне.

Примечательно, что гражданские права — действительно, более сильный индикатор прав человека, чем индекс главенства закона: гражданские права в таблице 7.1 объясняют большую долю дисперсии АОД между странами (а именно, 49%), чем аналогичный показатель индекса главенства закона в приложении 7 (44%). Технологический прогресс в свою очередь сравним по силе — как индикатор возможностей в обществе — с ВВП на душу населения: технологический прогресс в таблице 7.1 объясняет почти такую же долю дисперсии АОД между странами, как ВВП на душу населения в приложении 7. Следовательно, мы можем использовать оба этих индикатора, и все же я считаю индекс технологического прогресса предпочтительнее по уже упомянутым теоретическим причинам.

Существенные различия дисперсии, объясненной с помощью трех индикаторов человеческой эмансипации на уровне общества, предполагают, что эти индикаторы не настолько сильно коррелируют, чтобы было невозможно различить их эффекты влияния. В самом деле, диагностика коллинеарности показала, что показатель vi^2 остается в допустимых пределах (ниже 5,0) для любой пары из этих трех индикаторов. Поэтому я еще раз рассчитал регрессионные модели, включив в них пары индикаторов человеческой эмансипации как предикторы. Результаты этих конкурирующих моделей показаны в таблице 7.2.

Как демонстрирует таблица 7.2, если в модели есть показатель преобладания эмансипативных ценностей — ни права человека, ни ресурсы не влияют на АОД в обществе. Этот результат — важная коррекция модели DVW: гражданские права и ресурсы для действия, как кажется, увеличивают АОД, но лишь потому, что они связаны с преобладающими эмансипативными ценностями. Если же эта связь учитывается в модели — и ресурсы, и права демонстрируют гораздо более слабые или даже незначимые эффекты влияния на АОД.

Таблица 7.2. Повторный анализ стандартной модели активности общественных движений на данных пятой волны МИЦ (конкурирующие модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Активность общественных движений		
	Модель 1 (Права vs. Ресурсы)	Модель 2 (Ресурсы vs. Ценности)	Модель 3 (Ценности vs. Права)
Константа	.30 (21.0)***	.30 (24.2)***	.30 (24.7)***
Эффекты на уровне общества:			
Права: гражданские права	.53 (5.4)***		НЗ
Ресурсы: технологический прогресс	НЗ	НЗ	
Ценности: преобладание ЭЦ*		.99 (9.1)***	.70 (4.6)***
Эффекты индивидуального уровня:			
Неудовлетворенность жизнью	.03 (3.8)***	.03 (3.8)***	.03 (3.9)***
Недоверие правительству	.04 (4.9)***	.04 (4.9)***	.04 (4.6)***
Членство в ассоциациях	.15 (11.9)***	.15 (11.9)***	.16 (12.3)***
Формальное образование	.11 (11.5)***	.11 (11.5)***	.12 (12.2)***
Межуровневые интеракции:			
Интерес к политике	.22 (19.1)***	.22 (18.8)***	.22 (18.6)***
Права: гражданские права	НЗ		НЗ
Ресурсы: технологический прогресс	НЗ	НЗ	
Ценности: преобладание ЭЦ*		НЗ	НЗ
Преобладание ЭЦ*	.23 (13.1)***	.23 (14.9)***	.22 (14.2)***
Права: гражданские права	.37 (2.5)**		НЗ
Ресурсы: технологический прогресс	НЗ	НЗ	
Ценности: преобладание ЭЦ*		.88 (4.3)***	.85 (3.4)***
Уменьшение ошибки:			
Дисперсия зависимой пер. внутри обществ	17%	17%	17%
Дисперсия зависимой пер. между обществами	48%	61%	62%
Дисперсия эффекта влияния интереса к политике	15%	11%	13%
Дисперсия эффекта влияния эманиплативных ценностей	45%	59%	60%
N (количество наблюдений)	54 664 респондентов из 46 обществ		
Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты, в скобках — значения t-критерия на основе робастных стандартных ошибок. Уровни значимости: НЗ $p > 0.100$ (не значимо), * $p < 0.100$, ** $p < 0.050$, *** $p < 0.005$. Переменные индивидуального уровня центрированы вычитанием среднего для страны, переменные уровня общества — вычитанием среднего по всем странам. Процентное уменьшение ошибки как изменение компонента случайной вариации в сравнении с «пустой» моделью, в которой нет независимых переменных. Модель рассчитана с помощью HLM 6.01. Использованы данные всех стран и респондентов с валидными данными, участ вовавших в пятой волне МИЦ (2005); выборы по странам взвешены так, чтобы они были одинакового размера.			
* ЭЦ — эманиплативные ценности.			

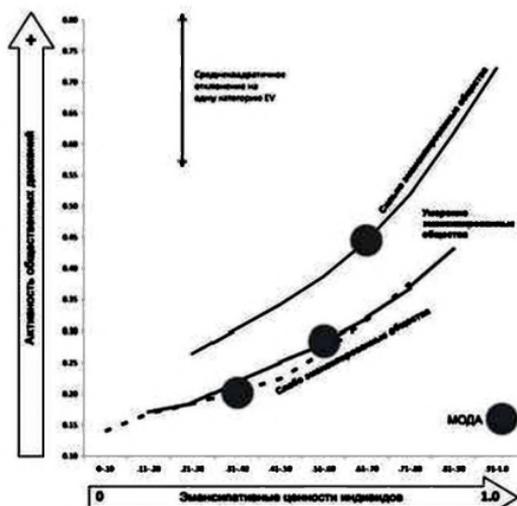

Рисунок 7.1. Многоуровневые эффекты эмансипативных ценностей на активность общественных движений

Использованные данные: Респонденты с валидными данными, участники 232 опросов, проведенных с первой по пятую волну МИЦ в период с 1980 по 2005 гг. Выборки всех стран взвешены так, чтобы они были равного размера ($N = 1000$ per survey). Количество наблюдений: слабо эмансипированные общества — 60 000 респондентов, участвовавших в 63 опросах (с 4, 5, 20 и 18 опросами в волнах 1, 2, 3, 4 и 5); умеренно эмансипированные общества — 91 000 респондентов, участвовавших в 91 опросе (с 13, 20, 16, 26 и 16 опросами в волнах 1, 2, 3, 4 и 5); сильно эмансипированные общества — 78 000 респондентов, участвовавших в 78 опросах (с 2, 17, 16, 21 и 22 опросов в волнах 1, 2, 3, 4 и 5).

Может возникнуть подозрение, что эти результаты — артефакт, объясняющийся спецификой выборки стран в пятой волне МИЦ, но это не так. Если опираться на полные данные всех волн МИЦ, включающие все 240 опросов с первой волны до пятой, мы все равно обнаруживаем, что эмансипативные ценности вызывают рост АОД. Это показывает рисунок 7.1. Чтобы упростить картину, общества на диаграмме разделены на три категории, которые были введены в главе 6: слабо, умеренно и сильно эмансипированные. На основе такой категоризации диаграмма в доступной форме показывает сочетание эффектов влияния эмансипативных ценностей на АОД на индивидуальном уровне и на уровне общества и отражает три закономерности.

Во-первых, независимо от преобладания в обществах эмансипативных ценностей мы видим устойчивый эффект на индивидуальном уровне: независимо от слабой, умеренной или сильной степени эмансипации общества у индивидов в этих обществах шире репертуар АОД, если они лично предпочитают эмансипативные ценности. Во-вторых, независимо от личного отношения индивидов к эмансипативным ценностям виден и стабильный эффект на уровне общества: у индивидов, живущих в обществах с высокой степенью предпочтения эмансипативных ценностей, репер-

туар АОД шире. В-третьих, преобладание в обществе эмансипативных ценностей усиливает активирующий импульс индивидуальных предпочтений эмансипативных ценностей: если сравнивать индивидов со слабым и сильным предпочтением эмансипативных ценностей, рост АОД оказывается выше для тех из них, кто живет в странах с преобладающими эмансипативными ценностями.

Влияние предпочтения эмансипативных ценностей очевиднее, когда сопоставляются сильно и умеренно эмансипированные общества, чем при сравнении умеренно и слабо эмансипированных обществ. Этот феномен уже знаком из результатов анализа в предыдущих главах: различия в нижней половине шкалы индекса эмансипативных ценностей менее значимы, чем различия в верхней половине. Влияние эмансипативных ценностей возрастает при переходе от их дефицита к их преобладанию.

Рисунок 7.1 демонстрирует, что комбинированный эффект влияния эмансипативных ценностей на АОД на индивидуальном уровне и на уровне общества — это не артефакт последней волны МИЦ, но результат, подтверждающийся на всей совокупности данных МИЦ. Еще раз повторюсь, что данный эффект остается устойчивым при контроле уровней прав человека и ресурсов. Это доказывает ряд дополнительных многоуровневых моделей, приведенных в приложении 7.

3.3. Репрессии и мобилизация

Наличие или отсутствие гражданских прав не влияет на АОД, если контролируется степень предпочтения эмансипативных ценностей. Это может удивить, поскольку вполне вероятно, что отсутствие гражданских прав может подавлять АОД. Причина проста: при отсутствии гражданских прав общественные движения не охраняются законом, а иногда и просто запрещены, поэтому их участники рискуют оказаться жертвами различных и непредсказуемых репрессий. В самом деле, в публикациях сторонников теории структур политических возможностей утверждается, что риски, связанные с нарушениями прав человека, в существенной степени снижают АОД (Opp, 1994; Francisco, 1995, 2005; Davenport, 2005, 2007; Tilly, 2007). Модель 1 в таблице 7.1 действительно подтверждает, что АОД снижается при ограничениях прав человека: этот вывод прямо следует из позитивного эффекта влияния гражданских прав на АОД. Однако отмеченный выше эффект — неустойчивый: если контролируется степень распространения эмансипативных ценностей, эффект влияния гражданских прав на АОД оказывается незначимым.

Такой результат предполагает, что негативный эффект угрозы репрессий — условный: угроза репрессий снижает АОД, только если сопровождается низким уровнем эмансипативных ценностей в обществе. И напротив, экспрессивный импульс эмансипативных ценностей поддерживает социальные действия даже при высоком риске репрессий, особенно, если чувство солидарности при широком распространении эмансипативных ценностей усиливается.

Однако пока это только предположение. Чтобы непосредственно его проверить, я заменил индекс гражданских прав на прямой индикатор угрозы репрессий, по «шкале политического террора» Гибни, Вуда и Корнета (Gibney, Wood & Cornett, 2008). Используя данные отчетов «Международной амнистии» (Amnesty International) и другие источники, эта шкала измеряет степень нарушения гражд-

данских прав государством, а также уровень терроризма неправительственных субъектов. Подробности построения описаны в приложении 7 (см. также Davenport & Armstrong, 2004; Conrad & DeMeritt, 2013).

Теперь мы расширим результаты, включив в анализ все общества, в которых проводились опросы МИЦ, причем для каждой из стран будут использованы самые последние данные. Соответственно, я использую оценку данной страны по шкале «политического террора» в тот год, когда в ней проводился последний опрос. Среди обществ с самым низким уровнем репрессий (оценка 0) мы обнаруживаем такие страны, как Швеция или Великобритания; а среди обществ с наиболее высоким уровнем (оценка 1) — Беларусь или Иран.

Таблица 7.3. Роль угроз репрессий (многоуровневые модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Активность общественных движений (Индекс АОД)		
	Модель1 (Риск)	Модель2 (Ценности)	Модель3 (Риск — Ценности)
Константа	.29 (20.9)***	.29 (24.1)***	.29 (39.8)***
Эффекты на уровне общества:			
Риск репрессий	-.27 (-6.0)***		НЗ
Преобладание ЭЦ*		.91 (9.6)***	1.09 (10.1)***
Эффекты индивидуального уровня:			
Неудовлетворенность жизнью	.03 (3.9)***	.03 (3.9)***	.03 (3.9)***
Недоверие правительству	.04 (4.7)***	.04 (4.6)***	.04 (4.6)***
Число в ассоциациях	.16 (12.3)***	.16 (12.3)***	.16 (12.3)***
Формальное образование	.12 (12.2)***	.12 (11.8)***	.12 (11.8)***
Межуровневые интеракции:			
Интерес к политике	.22 (18.6)***	.22 (18.2)***	.21 (33.3)***
Риск репрессий	-.17 (-3.1)**		-.17 (-3.7)***
Преобладание ЭЦ'		.25 (2.6)**	НЗ
Преобладание ЭЦ*	.22 (12.2)***	.22 (14.2)***	.28 (19.7)***
Риск репрессий	-.39 (-5.3)***		НЗ
Преобладание ЭЦ'		.90 (7.3)***	.99 (5.0)***
Уменьшение ошибки:			
Дисперсия зависимой пер. внутри обществ	18%	18%	18%
Дисперсия зависимой пер. между обществами	29%	61%	61%
Дисперсия эффекта влияния интереса к политике	15%	10%	10%
Дисперсия эффекта влияния эмансипативных ценностей	47%	62%	62%
N (количество наблюдений)	194 414 респондентов из 88 обществ		

Примечание: Приведены стандартизованные регрессионные коэффициенты, в скобках - значения t критерия на основе робастных стандартных ошибок. Уровни значимости: $N3 p > 0,100$ (не значимо), * $p < 0,100$, ** $p < 0,050$, *** $p < 0,005$. Переменные индивидуального уровня центрированы вычитанием среднего для страны, переменные уровня общества - вычитанием среднего по всем странам. Процентное уменьшение ошибки как изменение компонента случайной вариации в сравнении с «пустой» моделью, в которой нет независимых переменных. Модель рассчитана с помощью NLM 6.01. Используются данные всех стран и респондентов с валидными данными, участвовавших хотя бы раз в МИЦ; для каждой страны использовались данные самого недавнего опроса (1995–2005 гг.). Риск репрессий измеряется для года опроса для каждой страны; выборки по странам взвешены так, чтобы они были одинакового размера, не изменяя общее N .

---

* ЗЦ: эмансипативные ценности.

Как показывает пезвая модель из таблицы 7.3, если эффект влияния репрессий не контролируется другими переменными, ожидания, представленные в публикациях, подтверждаются. Риск репрессий снижает уровень АОД в обществе. Количественный эффект таков: повышение риска на одну единицу снижает АОД на 0,27. Нет нужды подчеркивать, что это весьма значимый эффект. Кроме того, хотя угроза репрессий не устраняет эффект эмансипативных предпочтений на АОД, она его ослабляет: эмансипативные предпочтения в меньшей степени поддерживают АОД в странах, где риск велик. Это очевидно из негативной интеракции между угрозой репрессий и индивидуальными предпочтениями эмансипативных ценностей. В количественном выражении увеличение на одну единицу индивидуальных предпочтений эмансипативных ценностей повышает АОД на 0,22 единицы, но мы должны вычесть из этой оценки 0,39 единицы, учитывающую интеракцию индивидуальных эмансипативных ценностей и риска репрессий в соответствующем обществе. Что это означает? Предположим, что оценка предпочтения эмансипативных ценностей данного индивида — 0,60, а значение угрозы репрессий для данного общества — также 0,60 (это близко к оценке угрозы репрессий для России). В этом случае эмансипативные ценности индивида увеличивают его АОД на $(0,22 \times 0,60 =) 0,14$ пункта, но в свою очередь негативная интеракция с угрозой репрессий снижает АОД на $(0,39 \times 0,60 \times 0,60 =) 0,14$ пункта. Таким образом, негативная интеракция с риском репрессий может легко устранить позитивный эффект индивидуальных эмансипативных ценностей на АОД.

Однако эти результаты опять-таки неустойчивы. Как показывает модель 3 в таблице 7.3, если контролируется уровень преобладания эмансипативных ценностей в обществе, угроза репрессий перестает влиять на АОД. Это верно в двух отношениях. Во-первых, угроза репрессий снижает АОД не сама по себе, а только в том случае, если сопровождается низкой степенью распространения в данном обществе эмансипативных ценностей. Это очевидно из того факта, что негативный эффект влияния репрессий на уровне общества на АОД в модели 1 оказывается незначимым, если мы контролируем в модели 3 степень преобладания эмансипативных ценностей. Итак, угроза репрессий сама по себе не ослабляет активизирующий импульс эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне. Еще раз повторим, что угроза репрессий дает такой эффект, если сопровождается низким уровнем распространенности эмансипативных ценностей. Это подтверждается тем, что негативная интеракция угрозы репрессий с эмансипативными ценностями на индивидуальном уровне в модели 1 оказывается незначимой, если мы контролируем уровень социального преобладания этих ценностей, как это сделано в модели 3. В то же время мы отмечаем усиление активизирующего импульса эмансипативных ценностей индивидуального уровня, если

эти ценности также преобладают в обществе. Иными словами, эмансипативные ценности индивида легче реализуются в действиях, если многие другие люди также предпочитают эмансипативные ценности, — еще одно подтверждение феномена взаимного обогащения. На данную тенденцию никак не влияет угроза репрессий. Иными словами, более высокий риск репрессий не разрывает связи ценности-действия, когда широкое распространение эмансипативных ценностей создает эффект солидарности, который стремится к реализации в коллективных действиях.

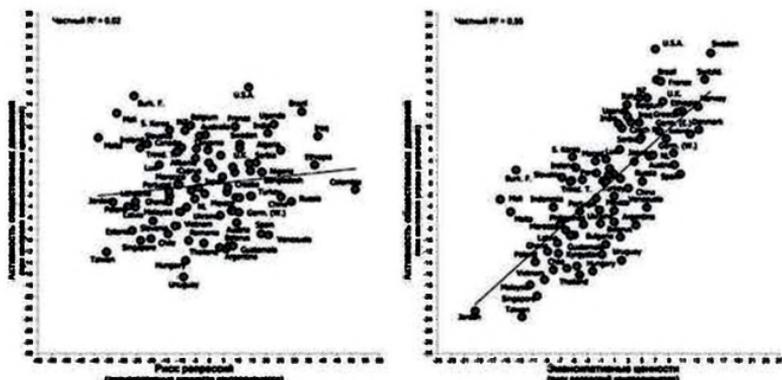

Рисунок 7.2. Частные эффекты риска репрессий и эмансипативных ценностей на активность общественных движений

Использованные данные: Все 95 стран с валидными данными, хотя бы один раз участвовавшие в опросах МИЦ; для каждой страны использовались данные самого последнего опроса ($N = 88$).

Пояснения к графику 1: График показывает, есть ли связь между степенью угрозы репрессий и активностью общественных движений, если контролируется влияние уровня эмансипативных ценностей в данном обществе. Высокая степень рассеивания стран вокруг линии регрессии, почти параллельной оси абсцисс, показывает, что такой связи нет. Следовательно, угроза репрессий не влияет на активность общественных движений, если исключено влияние эмансипативных ценностей.

Пояснения к графику 2: График показывает, влияет ли уровень эмансипативных ценностей на активность общественных движений, если контролируется угроза репрессий. Невысокая степень рассеивания стран вокруг линии регрессии и ее большой угол наклона доказывают, что такое влияние есть. Следовательно, эмансипативные ценности действительно влияют на активность общественных движений независимо от риска репрессий.

Частные графики регрессии на рисунке 7.2 — это визуальное представление данных результатов. Диаграмма слева показывает, что когда мы контролируем степень преобладания эмансипативных ценностей, угроза репрессий уже более не снижает АОД. Напротив, как показывает диаграмма справа, преобладание эмансипативных ценностей существенно повышает АОД, даже если контролировать риск репрессий. Конечно, угроза репрессий и эмансипативные ценности связаны между собой: там, где эмансипативные ценности преобладают, риск репрессий оказывается невысоким, и наоборот¹³⁸. Однако это соответствие не идеально — существует довольно много исключений из него.

¹³⁸ Более конкретно, эмансипативные ценности и угроза репрессий достаточно сильно коррелируют: $r = -0.66$ ($N = 89$; $p < .001$), и доля их общей дисперсии — 44%.

Рассмотрим, например, положение на диаграмме Бразилии и Сингапура. Сингапур на левой диаграмме расположен слева, и это означает, что в этой стране угроза репрессий ниже, чем в других обществах с тем же уровнем эмансипативных ценностей. Итак, если более низкий риск репрессий поощряет АОД независимо от эмансипативных ценностей, тогда в Сингапуре должно быть больше проявлений АОД, чем в других обществах на том же уровне эмансипативных ценностей. Низкая позиция Сингапура на вертикальной оси показывает, что это не так. Напротив, расположение Бразилии справа показывает, что угроза репрессий в этой стране выше, чем в других странах на таком же уровне эмансипативных ценностей. Опять-таки, если более высокий риск репрессий подавляет АОД независимо от эмансипативных ценностей, тогда в Бразилии должно быть меньше проявлений АОД, чем в других обществах при таком же уровне эмансипативных ценностей. Однако высокая позиция этой страны по вертикальной оси показывает, что это не так. Следовательно, угрозы репрессий в этой стране не влияют на АОД, если учитываются эмансипативные ценности. То, что это в целом верное утверждение, очевидно с учетом широкого рассеивания стран вокруг линии регрессии на левой диаграмме рисунка 7.2.

Напротив, расположение Сингапура слева на правой диаграмме рисунка 7.2 означает, что в Сингапуре более слабые эмансипативные ценности в сравнении с другими странами на том же уровне угрозы репрессий. Если слабые эмансипативные ценности снижают АОД независимо от угрозы репрессий, в Сингапуре должно быть меньше проявлений АОД, чем в других обществах с тем же уровнем угрозы репрессий. И в самом деле, низкое положение Сингапура по вертикальной оси подтверждает, что это так. Напротив, расположение Бразилии справа показывает, что в данной стране эмансипативные ценности сильнее, чем в других странах с таким же уровнем угрозы репрессий. Если более сильные эмансипативные ценности поощряют АОД независимо от угрозы репрессий, уровень АОД в Бразилии должен быть выше, чем в других странах с тем же уровнем угрозы репрессий. Высокая позиция Бразилии по вертикальной оси подтверждает эти ожидания. Как показывает компактное расположение стран вокруг линии регрессии, в целом верно следующее: если в данной стране эмансипативные ценности сильнее, чем в других обществах с тем же уровнем угрозы репрессий, в ней будет значительно больше проявлений АОД.

Подведем итог: два частных графика регрессии с впечатляющей убедительностью демонстрируют две вещи: (1) на одинаковых уровнях эмансипативных ценностей более высокая угроза репрессий не снижает АОД, а более низкая — не повышает (диаграмма слева); (2) при сходных уровнях угрозы репрессий более сильные эмансипативные ценности на уровне общества существенно повышают, а более слабые — снижают АОД.

Репрессии и эмансипация связаны негативно, как и ожидалось. Но это не означает, что эмансипативные ценности распространяются в ответ на ослабление репрессий. Верно, скорее, обратное: эмансипативные ценности появляются, когда расширяются ресурсы для социальных действий, даже если риск репрессий высок. Когда это происходит, эмансипативные ценности поощряют АОД, требующие гражданских прав; а когда эти права уже гарантированы — как следствие этого, снижается и риск репрессий (Conrad & DeMeritt, 2013). Это приводит к негатив-

ной связи между угрозой репрессий и эмансипативными ценностями, которую выявляет сравнительный анализ методом поперечных срезов. В главе 9 приводятся доказательства существования подобного механизма: многие режимы, репрессивный характер которых в течение долгого времени приводил к высоким рискам для гражданских активистов, — такие как Южная Корея, Чили и бывшая Чехословакия, — расширили гражданские права, реагируя на бурный рост АОД, поддерживавшийся усилением эмансипативных ценностей. После этого угроза репрессий снизилась как побочное следствие упрочения гражданских прав, гарантированных в процессе демократизации.

3.4. Динамическая перспектива

Ранее никто не использовал лонгитюдный анализ данных МИЦ для проверки того, подтверждаются ли определенные гипотезы о причинах АОД в динамической перспективе. Это серьезный недостаток, потому что в отсутствие динамических взаимосвязей каузальность не может быть установлена. Итак, как выглядят лонгитюдные доказательства?

Если отобрать страны, для которых АОД может быть оценена за весь период от первой до пятой волны МИЦ (это примерно период с 1980 до 2005 гг.), то останется лишь около десяти постиндустриальных обществ, представленных на рисунке 3.3. Если мы взвесим выборки в этих странах до равного размера, а затем посмотрим, как развивалась в них АОД с 1989 по 2005 гг., — мы получим картину, представленную на рисунке 7.3. Как и на рисунке 3.3, мы сгруппировали респондентов в демографические когорты по годам рождения, используя десятилетние интервалы; более старшие когорты расположены слева, а молодые — справа.

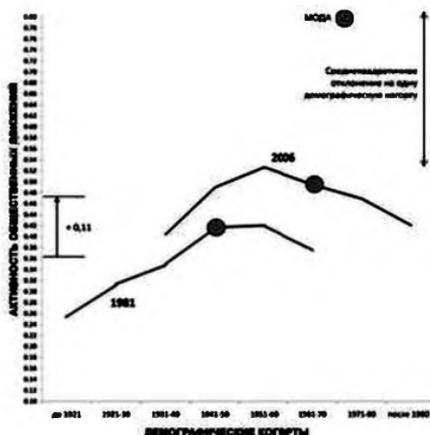

Рисунок 7.3. Подъем активности общественных движений в экономиках знаний (1980—2005 гг.) Использовались данные: первая и пятая волны МИЦ для Австралии, Канады, Франции, Западной Германии, Италии, Японии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, США и Великобритании. Каждая из национальных выборок взвешена, чтобы выборки были равного размера, а общее количество (N) не изменилось.

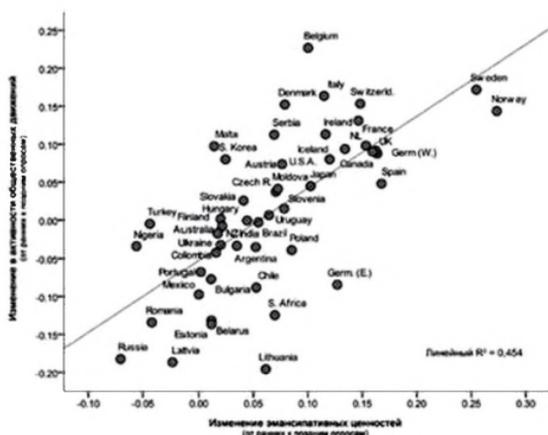
Дополняя предыдущие результаты Вельцеля, Инглхарта и Дойч (Welzel, Inglehart & Deutsch, 2005), рисунок 7.3 представляет сходный когортный эффект в форме перевернутой буквы «U». Очевидно, люди из когорт среднего возраста — активнее, чем респонденты молодого и старшего возраста. Это может интерпретироваться как эффект жизненного цикла: обычно люди находятся на пике карьеры и семейных обязанностей в среднем возрасте, и более активное участие в коллективных действиях вызывает у них более выраженное побуждение заявлять свои требования вместе с единомышленниками. Однако эффекта жизненного цикла нет в том смысле, что репертуар действий людей снижался бы при переходе на следующие стадии этого цикла. Это с очевидностью следует из того факта, что все когорты, включая более старшие, расширяли свой репертуар действий с увеличением возраста в период с 1980 по 2005 гг. В среднем, репертуар АОД вырос на 0,11 пункта шкалы за этот двадцатипятилетний период. Этот рост статистически значим. Он также единообразен, поскольку затрагивает все когорты, между которыми в этом отношении нет никаких различий: кривая 1980 г. просто поднимается на более высокий уровень в 2005 г., практически не изменяя формы. В этом отношении рост АОД напоминает рост эмансипативных ценностей для тех же обществ и в тот же период времени, представленный на рисунке 3.3.

Перед тем как исследовать это сходство, позвольте мне добавить несколько уточнений относительно характера изменений, представленных на рисунке 7.3. Как показывает приложение 7, такая же картина получается для трех типов активности, входящих в индекс АОД: петиций, демонстраций, бойкотов. — если анализировать их по отдельности. Хотя у этих трех типов активности разный уровень участия (петиции — гораздо более распространенный тип, чем демонстрации и бойкоты), форма кривых у них одинаковая. Все три демонстрируют инвертированную U-образную зависимость для когорт, выстроенных от более ранних к более поздним. Уровень активности для всех трех вырос за двадцать пять лет с 1980 до 2005 гг. на одинаковую величину, которая не зависит от принадлежности к той или иной демографической когорте. Кроме того, отмеченный рост — это не циклический артефакт. В принципе, возможно, что опросы в постиндустриальных обществах могли проводиться в период спада мобилизационного цикла в 1980 г. и его подъема в 2005 г. В этом случае рост АОД не был бы монотонным и равномерным — а он именно таков. Как показывает приложение 7, АОД постоянно росла в течение пяти последовательных волн МИЦ. Это не означает, что циклическая динамика полностью отсутствует, но если она и заметна, то это скорее флуктуации тренда равномерного роста.

Можно ли расширить выборку стран, чтобы показать, что изменения эмансипативных ценностей были мотивационным фактором, определявшим изменения АОД? Да. Для этой цели я рассмотрю все страны, принимавшие участие в волнах МИЦ с первой по пятую, и выберу те, которые участвовали не менее чем в двух волнах. Дополнительное ограничение: будут отобраны лишь те страны, в которых прошло не менее десяти лет между самой ранней и самой поздней волнами опроса. Мы получим примерно сорок стран, которые были представлены в главе 4 (см. рисунок 4.4). Я ограничиваю анализ только обществами с существенной

временной динамикой, поскольку меня интересуют не краткосрочные мобилизационные циклы, а последовательная динамика репертуара действий людей.

Исходя из этих предпосылок, рисунок 7.4 показывает, как изменения АОД связаны с изменениями эмансипативных ценностей. Очевидно, что в большинстве обществ произошел рост, а не снижение уровня эмансипативных ценностей в период от наиболее раннего до наиболее позднего из имеющихся опросов. Исключения: Эстония, Латвия, Мексика, Нигерия, Румыния, Россия и Турция. Как мы видим на рисунке 4.4, во всех этих странах в исследуемый период времени, если и происходил рост ВВП на душу населения, то он был незначительным¹³⁹. Более того, ни одна из этих стран не входит в категорию обществ «экономики знаний», как показывает таблица 1.1 во введении.

Рисунок 7.4. Влияние изменений эмансипативных ценностей на изменение активности общественных движений

Использованные данные: Все 50 обществ с валидными данными, где опросы МИЦ проводились хотя бы дважды с временным промежутком не менее десяти лет ($N = 49$, потому что в Китае не было данных об АОД в самой первой волне опроса). Временной период данных для большинства стран: с 1990 до 2000 гг., с 1995 до 2005 гг., или с 1990 до 2015 гг. Для одиннадцати обществ с «экономикой знаний», представленных на рисунке 7.3 (плюс Аргентина и Венгрия), временной период наблюдений — с 1980 до 2005 гг. Обратите внимание, что в отличие от одномерного анализа, различия в продолжительности временного периода наблюдений в двухмерном анализе не нужно контролировать, если обе переменных для данного общества относятся к одному и тому же периоду времени.

Большинство обществ, испытавших рост эмансипативных ценностей в период от наиболее раннего до наиболее позднего опроса, также демонстрируют рост АОД (см. рисунок 7.4). Исключения: Восточная Германия, Польша, Литва, Чили, Аргентина и Южная Африка. В этих обществах произошло небольшое или существенное снижение АОД, несмотря на значительный рост эмансипативных ценностей. Во всех этих

¹³⁹ Рисунок 4.2 показывает, что это верно также для Китая (который демонстрировал исключительный рост ВВП в процентном отношении, но поскольку это все еще бедное общество, абсолютный показатель роста ВВП на душу населения был весьма умеренным). Китай не включен в анализ на рисунке 7.4, потому что вопросы об АОД в этой стране не задавались до пятой волны.

странах самый ранний опрос был в период перехода к демократии, что сопровождалось экстраординарным восходящим циклом массовой мобилизации, во время которой уровень АОД был исключительно высоким, а когда переход завершился — снизился до нормального. Это в данном случае отразилось в снижении АОД, что отметили Инглхарт и Каттерберг (Inglehart & Catterberg, 2003) и назвали «упадком после медового месяца» (post-honeymoon decline).

Фактор перехода к демократии не отменяет, но определенно ослабляет сильную и позитивную связь между изменениями эмансипативных ценностей и изменениями АОД. Следовательно, нам необходимо исследовать эффект влияния этих ценностей на изменения АОД, зафиксировав как константу изменения гражданских прав. Кроме того, поскольку мы видели в главе 4, что изменения эмансипативных ценностей зависят от динамики ВВП на душу населения, нам следует протестировать эффект влияния изменений этих ценностей на изменения АОД, зафиксировав как константу изменения ВВП на душу населения. Другими словами, динамика влияния эмансипативных ценностей на АОД должна исследоваться при контроле в модели гражданских прав и изменений ВВП на душу населения¹⁴⁰. Сделав это, мы протестируем, в какой из трех сфер — ресурсы, права, ценности — прогресс человеческой эмансипации больше способствует проявлениям АОД.

Учитывая эти соображения, я следую логике, описанной в главе 4, и определяю модель динамики изменений, в которой значение зависимой переменной в период последнего опроса (то есть в момент времени T_2) моделируется как функция (1) собственного значения и значения зависимой переменной во время первого опроса (то есть момента T_1), и (2) изменений в период от T_1 до T_2 интересующих нас независимых переменных.

Точнее, я моделирую АОД в момент времени T_2 как функцию:

(1) уровня АОД в момент времени T_1 ;

(2) изменений эмансипативных ценностей, ВВП на душу населения и гражданских прав в период времени от T_1 до T_2 .

В отличие от предыдущего анализа, эта модель — динамическая по двум причинам. Во-первых, для объяснения АОД в момент времени T_2 мы используем запаздывающую переменную или лаг — то есть АОД в момент времени T_1 — в числе предикторов. Включение в модель запаздывающей зависимой переменной означает, что мы объясняем АОД в момент T_2 , учитывая влияние значения АОД в момент T_1 . Эта процедура делает модель динамичной, потому что мы в действительности объясняем именно изменения АОД, то есть то, в какой степени уровень АОД в момент T_2 оказывается выше или ниже уровня той же переменной в момент T_1 . Эффект запаздывающей зависимой переменной показывает, в какой степени АОД остается стабильной в период от момента T_1 до момента T_2 ¹⁴¹. Второй аспект, делающий мо-

¹⁴⁰ Технологический прогресс — это лучший индикатор изменений ресурсов для социальных действий, однако и не мог его использовать из-за отсутствия для него погонимых данных.

¹⁴¹ Ответивший феномен «самоувековечивания» уровня АОД в обществе (проявляющееся в сильном эффекте влияния более раннего уровня АОД на последний измеренный уровень) показывает, что индекс АОД измеряет долгосрочные различия в устойчивом репертуаре действий, а не кратковременные флуктуации циклов коллективных акций. Исключение из этого обобщения представляют собой общества, где опросы проводились во время перехода к демократии, который обычно сопровождается беспрецедентным пиком АОД. Примером могут служить данные об АОД в странах Балтии волны МИЦ 1990 г.

дель динамичной. — это включение в нее как предикторов не абсолютных значений, а изменений независимых переменных. Это позволяет оценить, в какой степени изменения этих переменных в период от момента T_1 до момента T_2 сдвигают значение АОД в момент T_2 выше или ниже уровня АОД в исходный момент T_1 .

У включения в модель запаздывающей зависимой переменной есть еще два преимущества. Первое заключается в том, что мы устраним эндогенность из модели: эффекты влияния других независимых переменных на АОД в момент T_2 оцениваются при условии независимости значений этих переменных от уровня АОД в момент T_1 . Во-вторых, запаздывающая зависимая переменная содержит в себе все эффекты влияния на предыдущий уровень АОД, в том числе переменных, которые мы не измеряем и не включаем в модель. Таким образом, мы решаем проблему возможной недоверности результатов из-за отсутствия в модели каких-то пропущенных независимых переменных.

Поскольку все три независимые переменные — эмансипативные ценности, ВВП на душу населения и гражданские права — нормализованы в диапазоне от 0 до 1, показатели изменений каждой из них будут в диапазоне от -1 до +1, причем негативные значения показывают снижение, а позитивные — рост соответствующей переменной в период времени от T_1 до T_2 .

Таблица 7.4. Динамическая модель подъема активности общественных движений

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Активность общественных движений в момент T_2 ¹
Константа	.08(1.92)*
Зависимая переменная в момент T_1 ²	.61(5.35)***
Δ Гражданские права с T_1 до T_2	-.10(-2.17)**
Δ ВВП на д.н. с T_1 до T_2	.32(1.99)*
Δ Преобладание ЭЦ ³ с T_1 до T_2	.72(3.96)***
N (количество наблюдений)	48
Скорректированный R ²	0.73

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты, в скобках — значения t-критерия на основе робастных стандартных ошибок. Уровни значимости: $N3 p > 0.100$ (не значимо), * $p < 0.100$, ** $p < 0.050$, *** $p < 0.005$. Значения тестов на гетероскедастичность (тест Уайта), мультиколлинеарность (VIF) и диагностики влияния случаев (DFITs) не показали нарушений допущений для обычной регрессии, рассчитанной по методу наименьших квадратов. Данные включают все общества, участвовавшие в опросах МИЦ/ЕИЦ хотя бы дважды, если период между наиболее ранним опросом (T_1) и наиболее поздним (T_2) составлял не менее десяти лет. Для большинства стран промежуток от T_1 до T_2 — это годы с 1990 до 2000, или с 1995 до 2005, или с 1990 до 2005. Для одиннадцати стран — экономики значимы, представленных на рисунке 4.1 (плюс Аргентина и Венгрия), период времени анализа — примерно 1980—2005 гг. Обратите внимание, что в отличие от одномерного анализа, различия периодов времени наблюдения в многомерном анализе нет необходимости контролировать, если все переменные относятся к одному и тому же периоду времени для данного общества.

Модель включает каждое общество/страну только один раз, поэтому соразличных корреляций в ней быть не может.

¹ T_1 : момент самого раннего из имеющихся опросов.

² T_2 : момент самого позднего из имеющихся опросов.

³ ЭЦ — эмансипативные ценности.

Анализ, представленный в таблице 7.4, демонстрирует предыдущие результаты в динамической перспективе. Что мы обнаружили? Как показывает коэффициент сдвига (константа), в среднем в сорока восьми обществах уровень АОД немного

повысился — на 0,08 пункта, что незначительно превышает порог значимости. Таким образом, в сравнении с результатом для двенадцати постиндустриальных обществ, показанных на рисунке 7.3, мы видим, что на более широкой и разнообразной выборке обществ изменения АОД менее выражены.

Это отчасти может объясняться демобилизационным эффектом: в ряде исследованных стран права человека существенно расширились в результате смены режимов под влиянием АОД (Ulfelder, 2005; Weizel, 2007a). Примерами могут служить Аргентина, страны Балтии, Чили, Чешская республика, Южная Корея, Украина и другие страны. После окончания перехода к демократии уровень АОД в них снизился до нормального. Соответственно, мы видим, что расширение гражданских прав негативно влияет на АОД: она понижается на 0,10 при изменении гражданских прав на единицу. Таким образом, если гражданские права расширились максимально, то есть на +1,0 пунктов шкалы (что практически и произошло в Чехии и Словакии), АОД снизится на 0,10 пункта шкалы.

Изменения ВВП на душу населения влияют на АОД в противоположном положительном направлении: когда ВВП на душу населения растет в период от первого до последнего опроса, уровень АОД в последнем опросе повышается на 0,32 от изменения значения ВВП по сравнению с этим уровнем в момент первого опроса. Однако позитивный эффект роста ВВП менее значим, чем негативный эффект расширения гражданских прав.

Напротив, изменения эмансипативных ценностей показали более сильный и более значимый эффект влияния на АОД, чем изменения гражданских прав. Как и в случае с изменениями ВВП на душу населения, этот эффект позитивный. В количественном выражении рост эмансипативных ценностей повышает АОД в последнем опросе на 0,72 от изменения значения ценностей. Усиление этих ценностей показывает даже более сильный эффект влияния на АОД, чем в двумерном анализе на рисунке 7.4, где *b*-коэффициент для изменений эмансипативных ценностей был 0,60. Ключевая разница между результатами анализа на рисунке 7.4 и в таблице 7.4 заключается в том, что во втором случае эффект влияния изменений эмансипативных ценностей контролируется изменениями гражданских прав. Контроль изменений гражданских прав позволяет учесть в модели эффект постпереходной демобилизации. Это делает динамический эффект влияния эмансипативных ценностей сравнимым для обществ с разной динамикой изменений политического режима. Очевидно, это делает эффект более заметным.

Динамическая регрессия в таблице 7.4 доказывает то, что показывали предыдущие модели на данных поперечных срезов: среди трех компонентов человеческой эмансипации эмансипативные ценности оказываются наиболее важным фактором, детерминирующим АОД. Для активизации людей именно ценностный компонент человеческой эмансипации является центральным.

Ключевые положения

Репликация стандартной модели активности общественных движений на другой выборке МИЦ и в иной период времени в целом подтверждает важный вывод: активность социальных движений в большей степени определяется эмансипацией людей, чем их недовольством. Однако еще один важный результат состоит в том,

Часть С. Демократизирующее воздействие эмансипативных ценностей

Глава 8. Пожалование прав народу¹⁴²

Защитники режима любого типа утверждают, что он — демократия, и боятся того, что они не смогут больше использовать это слово, если оно будет связано с одним конкретным значением.

Джордж Оруэлл

Введение

В главе 7 был продемонстрирован важный результат: большинство общественных движений вдохновляют эмансипативные ценности. И в прошлом, и сегодня борьба общественных движений за права людей была движущей силой демократии (Markoff, 1996; Foweraker & Landman, 1997; Ackerman & Karatnyski, 2005; Tilly, 2007). На этом фоне представляется странной тенденция некоторых ученых редуцировать понятие демократии и ограничивать его только конкурентными выборами, а затем проследить, как они влияют на права людей (Davenport & Armstrong, 2004; Bueno de Mesquita et al., 2005; Conrad & DeMeritt, 2012). Я вовсе не утверждаю, что данная взаимосвязь выборов и демократии не важна — как раз наоборот.

Проблема, однако, возникает, когда эту взаимосвязь трактуют как взаимодействие двух отдельных понятий: демократии и прав. В конечном итоге это означает отчуждение демократии от прав, хотя на самом деле права человека — это суть демократии. Данная точка зрения активно отстаивается Бретшнайдером (Brettschneider, 2007), и в этой главе я приведу аргументы в поддержку его позиции с точки зрения концепции человеческой эмансипации. Я предлагаю индикаторы демократии, которые намеренно сфокусированы на гражданских правах. Такой подход — анализ «снизу-вверх» — определяет демократию через ее составляющие элементы. Он, по своей сути, близок идее демократии — понятию, выстроенному по восходящему (снизу-вверх) принципу. Подобная точка зрения естественным образом опирается на концепцию эмансипации.

Эта концепция рассматривает демократию как институциональное проявление власти людей. По этой причине она связывает демократию с двумя доинституцио-

¹⁴² Эта глава во многом построена на моей совместной работе с Эми Александер и Рональдом Инглхартом на тему «эффективной демократии» (cf. Alexander & Welzel, 2011; Alexander, Inglehart & Welzel, 2012).

нальными проявлениями власти людей — ресурсами для действий и эмансипативными ценностями, — рассматривая их как социальный фундамент, на котором основывается демократия. Таким образом, те показатели демократии, которые теснее связаны с ресурсами для действий и эмансипативными ценностями, лучше отражают социальные основы демократии. Они — более валидные меры демократии с точки зрения человеческой эмансипации.

Насколько уместно оценивать показатели демократии прежде всего через призму эмансипации? В первом разделе данной главы дается ответ на этот вопрос и предлагаются пять различных аргументов, объясняющих, почему оценка демократии по критерию человеческой эмансипации представляется обоснованной. Затем я описываю новый индекс «гражданских прав», уже использовавшийся ранее в этой книге как показатель институциональной власти людей. Я подробно объясняю, как именно и почему этот индекс сконструирован именно так. Цель состоит в том, чтобы создать индекс, который отражал бы связанную с эмансипацией природу демократии в большей степени, чем другие ее индикаторы. Во втором разделе я проверяю, соответствует ли индекс данной цели, — и ответ оказывается утвердительным. В третьем разделе обсуждается направление каузальности связи демократии и доинституциональных проявлений власти людей. Мы увидим, что эти проявления — предшественники демократии, а не ее следствия. Четвертый раздел показывает, почему укорененность демократии в доинституциональных явлениях эмансипации так легко не заметить, и почему концепция человеческой эмансипации позволяет не попасть в эту ловушку. Конкретно я показываю, что озабоченность ученых предпочтением демократии массами маскирует тот факт, что эти предпочтения влияют на системную демократию тогда и только тогда, когда они опираются на эмансипативные ценности. Напротив, не укорененные предпочтения не влияют на системную демократию. В заключение я привожу резюме ключевых положений главы.

1. Измерения демократии

1.1. Власть людей как ключевой смысл демократии

В своем буквальном значении «власть народа» — идеал, вдохновляющий демократию, — это *предоставление обычным людям полномочий и возможности управлять своими собственными жизнями* (Macpherson, 1977; Holden, 1992; Philpott, 1995; Sen, 1999; Canovan 2006). Конкретный вклад демократии в достижение этой цели имеет *институциональную природу*. Следовательно, функциональность демократии ограничена тем, чего можно достичь, создавая правовые нормы. Эти правовые нормы прежде всего включают в себя «*демократические гражданские права*» (Kymlicka, 1995). Я называю их гражданскими правами [civic entitlements]. Они выстраивают общество на основе прав граждан-избирателей (Saward, 2006). Права — это гарантии. Они обеспечивают эмансипацию людей в том смысле, что позволяют им пользоваться правами как в частной, так и в публичной сферах жизни (Dahl, 2000: 45; Held, 2006: 265).

Существуют различные понимания демократии, и многие из них оспариваются (Held, 2006: 2). Однако я утверждаю, что «*власть людей*» — это ключевое значение данного понятия, на котором базируется большинство его других смыслов. Это утверждение можно обосновать на основе четырех подходов:

(1) *популярные представления* о демократии обычных людей в разных странах мира;

(2) *мнения о демократии социальных активистов*, проявляющиеся в целях, за которые борются демократические движения в прошлом и настоящем;

(3) *конституционные представления*, проявляющиеся в положениях и приоритетах моделей конституционной демократии;

(4) *научные представления о демократии* ведущих ученых.

Начнем с представлений о демократии обычных людей по всему миру: обширные данные исследовательских проектов Global Barometers Surveys и МИЦ показали: первое, о чем вспоминают люди, когда задумываются о демократии, — это права, предоставляющие людям возможность самим управлять своей частной жизнью и участвовать в управлении общественной жизнью (Dalton, Shin & Jou, 2007; Diamond, 2008). Абсолютно не правы некоторые ученые, утверждающие, будто обычные люди рассматривают демократию в первую очередь как средство перераспределения (Voix, 2003; Acemoglu & Robinson, 2006). В реальности перераспределение — наименее популярное представление о демократии (см. подробные данные в главе 10). Данные опросов вполне определенно показывают, что, если люди слышат слово «демократия» — в Африке, Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке или в Европе, — они в первую очередь подчеркивают гражданские права, которые обеспечивает их эмансипация. По всему миру «власть людей» — это главное значение демократии для большинства респондентов¹⁴³.

Анализ целей демократических движений прошлого и настоящего приводит к тому же выводу. Истоки современной демократии — либеральные революции восемнадцатого столетия (Grayling, 2007: 6). Это были народные восстания против тирании, которые отложились в нашей коллективной памяти, поскольку они утвердили права людей, имеющие огромное историческое значение. Наиболее очевидными проявлениями этого процесса стали американская *Декларация Независимости* 1776 г. и французская *Декларация прав человека и гражданина* 1789 г. (Finer, 1999; O'Donnell, 2004; Donnelly, 2006). Эти декларации дали право значительным слоям населения управлять своей частной жизнью и контролировать государственное управление. Но это достижение утвердило лишь *частичную демократию*, поскольку большинство взрослого населения, включая рабочих и женщин, все еще были лишены избирательного права. Тем не менее установление частичной демократии — ключевой предшественник полной демократии: оно позволило части населения выдвинуть более широкие демократические требования, которые были реализованы, когда избирательное право было предоставлено всем взрослым гражданам в конце XIX в. (Markoff, 1996; McAdam, Tarrow & Tilly, 2003)¹⁴⁴.

С тех пор борьба людей за демократию продолжалась и расширялась. В устойчивых демократиях движения за гражданские права и равные возможности продолжают бороться за более полную реализацию потенциала демократии (Tarrow, 1998). В недемократических обществах движения борцов за гражданские права требуют у вла-

¹⁴³ Я уточняю данный вывод в главе 10. Пока достаточно сказать, что способствующие эмансипации аспекты демократии являются ее ключевым значением во всех уголках мира — как в демократических, так и в недемократических обществах.

¹⁴⁴ Точная дата введения всеобщего (для мужчин и женщин) избирательного права — 1893 г., когда это произошло в Новой Зеландии.

стей заменить автократию демократией (Huntington, 1991; Schock, 2005; Thompson, 2006). Начиная с Американской революции и заканчивая сегодняшними «цветными» революциями, борьба людей за демократию нацелена на приобретение прав, позволяющих людям самим управлять своей жизнью (Ackerman, 1991, 1998; Markoff, 1996; Foweraker & Landman, 1997; Karatnycky & Ackerman, 2005; Canovan, 2006).

Если рассмотреть структуру текстов конституций, те из них, которые могут служить примерами демократии, включая конституции США, Франции или Германии, начинаются с прав человека (Ackerman, 1991; Canovan, 2006; Donnelly, 2006). Такой порядок приоритетов сигнализирует: основа демократии — это гражданские права. В терминах конституционных приоритетов ключевой смысл демократии — власть народа, людей.

В политической теории существует широкий спектр концепций демократии — от минималистского понимания «электоральной демократии» Шумпетера (Schumpeter, 2003 [1943]) до максималистских представлений о «сильной демократии» Барбера (Barber, 1984). И все же каждая из концепций включает в себя по меньшей мере какие-то гражданские права как центральный элемент. Даже в предельно минималистском понимании электоральной демократии ее основа — гражданские права, в этом случае понимаемые как равные права каждого индивида свободно голосовать на регулярных и конкурентных выборах. Как бы ни отличались различные понимания демократии по своему охвату, у всех них есть одна общая черта: в условиях демократии у людей больше прав, чем в недемократических условиях (Held, 2006: 263). Таким образом, можно сказать, что различные концепции демократии по-разному представляют, как далеко может простираться власть народа, но все они согласны с тем, что власть людей, народа — ее ключевой смысл.

В дополнение к буквальному пониманию термина «демократия» четыре подхода приходят к одинаковому выводу относительно (1) доминирующего среди населения понимания демократии, (2) требований демократических движений прошлого и настоящего, (3) порядка приоритетов в модели конституций и (4) понятий демократии в политической теории: все они подразумевают, что «власть людей» — это ключевая идея демократии. Поскольку власть людей институционализируется через предоставление членам общества права реализовывать свои свободы, «гражданские права», определяющие эти свободы по закону, формируют институциональное ядро демократии. «Власть народа через гражданские права» — это, следовательно, наиболее лаконичное определение демократии.

Демократия — это институциональный элемент человеческой эмансипации. Данное утверждение является одновременно и уточнением, и ограничением. Как строго институциональный феномен демократия действует на основе доинституциональных элементов эмансипации. В концепциях демократии Хабермаса («дискурсивная демократия»: Habermas, 1996) и Хельда («космополитическая демократия»: Held, 1993) различные доинституциональные аспекты человеческой эмансипации обсуждаются как условия, которые должны присутствовать до того, как демократические институты смогут реализовать свою цель, связанную с эмансипацией людей. Роулс в своей книге «Теория справедливости» (Rawls, *Theory of Justice*, 1971), а также Даль в книге «Демократия и ее критики» (Dahl, *Democracy and Its Critiques*, 1989), как и все представители либеральной тради-

ции, подчеркивают это. Таким образом, демократическая теория поддерживает «социально-укорененную» концепцию демократии (Merkel, 2004), в которой роль демократии рассматривается в контексте доинституциональной эмансипации. Эти доинституциональные факторы эмансипации имеют как материальную, так и ментальную природу. В материальном плане они включают в себя такие вещи, как ресурсы для участия, в ментальном — ценности участия (Verba, Schlozman & Brady, 1995; Dahl, 2000: 69). В концепции человеческой эмансипации они названы ресурсами для действий и эмансипативными ценностями.

1.2. Гражданские права как инструменты демократии первого порядка

С точки зрения человеческой эмансипации представляются неверными две концепции демократии: «электоральный редукционизм» и «неупорядоченный эклектизм». Электоральный редукционизм проявляется тогда, когда ученые ограничивают смысл демократии, сводя его лишь к регулярным, конкурентным и честным выборам. С точки зрения власти людей это редукционизм, поскольку выборы — лишь один из многих институциональных инструментов эмансипации, основанных на разных гражданских правах, включающих в числе других и право голосовать. Перспектива власти людей предполагает операционализацию демократии, охватывающую все институциональные инструменты, способствующие эмансипации людей, а не только выборы. Все больше публикаций на тему «электорального авторитаризма» поддерживают эту точку зрения (Levitsky & Way, 2002, 2010; Bunce & Wolchik, 2010).

Неупорядоченный эклектизм имеет место, когда ученым не удается определить суть демократии, и они вместо этого приводят каталог ее наблюдаемых черт, не делая попытки упорядочить их на основе инструментальной ценности для основополагающей идеи демократии. Эклектичные каталоги подобного типа могут включать такие черты, как: конкурентные выборы, многопартийные системы, плюрализм ассоциаций, свободу прессы, власть закона и ряд гражданских прав. Проблема подобного «перечислительного» подхода в том что, если гражданские права вообще упоминаются, они просто указываются в числе других пунктов. Перечислительный подход упускает из вида, что гражданские права обладают большей инструментальной ценностью для ключевой идеи демократии — власти людей, чем любые другие институциональные аспекты демократии. Гражданские права — это первостепенные инструменты демократии, потому что они непосредственно способствуют человеческой эмансипации. Другие институциональные элементы демократии, такие как независимое право, существуют для защиты гражданских прав или для обеспечения их должного функционирования. Такие элементы демократии косвенно, а не непосредственно способствуют власти людей. Они — инструменты демократии второго порядка (Brettschneider, 2007). Власть людей предполагает более сфокусированную операционализацию демократии, сконцентрированную на первостепенных инструментах, а не на эклектичном перечислении инструментов разного порядка.

Понимание демократии как «власти людей, реализованной через гражданские права», решает эту проблему. Такое понимание демократии шире, чем электоральный редукционизм, но более сфокусированно, чем неупорядоченный эклектизм.

Институциональный элемент, наиболее непосредственно способствующий реализации идеи власти людей — это гражданские права. Это именно сущностная цель гражданских прав — расширить возможности тех, кто ими пользуется, обеспечив им право пользоваться определенными формами свободы. Для достижения эмансипации людям, живущим в обществах с государственной организацией, нужны две формы свободы: свобода следовать своим личным предпочтениям в собственной частной жизни и свобода добиваться учета своих политических предпочтений в публичной сфере жизни (Beetham, 1999; O'Donnell, 2004; Saward, 2006; Williams, 2006). Первая форма свободы — частная и гарантируется правами на автономию; вторая форма — публичная и гарантируется правами на участие. Это различие напоминает предложенную Берлином (Berlin, 2006 [1957]) дифференциацию «негативной» и «позитивной» свободы. Для институционализации власти людей в полной мере оба типа свободы должны быть предоставлены в равных пропорциях.

Кто-то может возразить, что демократия — выше любых политических концепций, и в этом случае для нее достаточно только прав на участие, а права на автономию не нужны. Однако демократическая идея участия людей в политике имеет смысл, только если люди считаются автономными личностями, у которых есть возможность понять и выразить свои предпочтения. Следовательно, личная автономия важна даже для минималистского понимания демократии и нуждается в защите с помощью своего собственного набора прав (Dahl, 1989: 104—105). Соответственно, демократия требует реализации прав на автономию в такой же степени, как и прав на участие. Как верно отмечает Бретшнайдер (Brettschneider, 2007: 8, fn. 4), «демократия и права не противоречат друг другу, но являются элементами согласованной, объединенной теории самоуправления».

С точки зрения эмансипации людей гражданские права, как личные, так и политические, представляют собой ключевой инструмент для определения демократии¹⁴⁵. Таким образом, фокус на гражданских правах — это верная интерпретация ключевого смысла демократии (Beetham, 1999; Sen, 1999; O'Donnell, 2004; Williams, 2006).

1.3. Последовательная природа демократии

Предположим, что полный список известных гражданских прав включает пять прав на автономию и пять прав на участие, причем все они одинаково важны. Пять прав на автономию могут включать в себя свободу выбирать, (1) как зарабатывать и тратить свои деньги, (2) какую получать информацию и какие источники информации использовать, (3) к какой религии или вере принадлежать или не принадлежать (4) где жить, и (5) с кем жить и как. Пять прав на участие могут включать в себя свободу (1) публично выражать свои политические предпочтения, (2) проводить кампании в пользу этих предпочтений, мобилизовывать поддержку и организовывать сторонников, (3) подавать судебные иски против политических властей при нарушениях ими гражданских прав, (4) участвовать в выборах в го-

¹⁴⁵ Я включил социальные права в мою концепцию гражданских прав, но с более низким статусом, потому что с точки зрения человеческой эмансипации социальные права, в отличие от прав на участие и прав на автономию, не могут сами по себе быть целью. Вместо этого функция социальных прав — строго компенсаторная: они помогают людям реализовать свои права на участие и автономию, выполняя роль средств, а не цели.

Отметки 0,25 и 0,75 — это также понятные и осмысленные точки отсечения. Отметка 0,75 отделяет демократии, находящиеся ближе к максимуму (выше 0,75), от тех, что ближе к нейтральному значению (ниже отметки 0,75). Первую категорию можно классифицировать как более «полные» демократии, а вторую — как «неполные». Упрощая, мы можем их называть «полными» и «неполными» демократиями, понимая при этом, что степень полноты демократии варьируется внутри обеих этих категорий. Среди скорее автократических, чем демократических режимов отметка 0,25 действует сходным образом, отделяя более «полные» автократии (ниже отметки 0,25) от «неполных» автократических режимов (выше отметки 0,25). Снова для краткости мы можем называть их «неполными» и «полными» автократиями, хотя степень полноты автократии внутри этих двух категорий также будет варьироваться.

Обобщая вышесказанное, континуум институционализированных гражданских прав можно разделить на четыре зоны:

(1) *полные автократии*: значения гражданских прав от 0 до 0,25 пункта шкалы;

(2) *неполные автократии*: значения гражданских прав от 0,25 до 0,50 пункта шкалы;

(3) *неполные демократии*: значения гражданских прав от 0,50 до 0,75 пункта шкалы;

(4) *полные демократии*: значения гражданских прав от 0,75 до 1,0 пункта шкалы.

Степень власти людей определяет не только различие между автократией и демократией, но и дифференциацию режимов *внутри* этих категорий, оценивая степень полноты автократичности и демократичности обществ. Демократии тем полнее, чем ближе они к максимуму гражданских прав. Автократии тем жестче, чем они ближе к минимуму гражданских прав. Таким образом, различия, отличающие автократии от демократий, и различия, отличающие полные и неполные версии этих двух категорий режимов, располагаются в одном и том же континууме объема гражданских прав. Категоризация обществ возможна после идентификации их положения на этом континууме. В противоположность утверждению Сартори (Sartori, 1984) категоризация следует за оценкой положения на континууме, а не наоборот.

Автократии в смысле категоризации определяются тем фактом, что они отрицают больше гражданских прав, чем гарантируют. Но даже автократии отличает степень отрицания ими гражданских свобод. Может показаться семантическим парадоксом различать автократии по степени недостатка в них демократии, но такой способ мышления по сути логичен, учитывая, что категоризация общества как автократического выводится на основе его значения индекса демократии. Действительно, если автократии определяются отсутствием демократии, их дифференцирование по степени отсутствия демократии имеет смысл.

1.4. Условная мера гражданских прав

В концепции человеческой эмансипации права на личную автономию и права на политическое участие совместно формируют гражданские права (Brettschneider, 2007). В совокупности права на личную автономию и права на политическое участие определяют не только электоральную демократию, но и либеральную демократию в ее сущностном смысле (Ottaway, 2003).

На основании этой предпосылки очевидно, что для оценки демократичности общества мы должны измерить, в какой степени в нем гарантируются права на личную автономию и на политическое участие. Растущее число публикаций на тему «нелиберальных демократий» [illiberal democracies] (Collier & Levitsky, 1997; Zakaria, 1997) и «электорального авторитаризма» [electoral authoritarianism] (Diamond, 2002; Levitsky & Way, 2002) напоминает нам о том, что когда какой-либо из этих двух наборов базовых прав недостаточно институционализирован, мы имеем дело с какой-то версией «гибридного режима», который в полной мере не является ни демократическим, ни автократическим (Ottaway, 2003; Merkel, 2004).

Если рассматривать права на автономию как индикатор личной «свободы» и права на участие как индикатор политической «включенности» — демократия в любом из существенных смыслов этого слова может означать только, что и те, и другие права в достаточной степени гарантированы, сочетая высокую степень личной свободы и политической включенности¹⁴⁶. Дефицит любой из этих двух характеристик проявляется как неудача в создании демократии, и вместо нее появляется какая-то неполная форма автократии, а именно, «инклюзивная автократия» — когда права на участие в достаточной степени гарантированы, а права на автономию — нет, или «либеральная автократия» — когда права на автономию в достаточной мере гарантированы, а права на участие — нет. Когда же ни один из двух наборов прав в достаточной степени не гарантирован, мы сталкиваемся с полной формой автократии, которая не нуждается в дополнительных определениях. Таким образом, мы получаем еще одну типологию, представленную на рисунке 8.2:

(1) *чистые автократии* — это автократии в полном смысле слова, потому что в них отрицается большая часть прав на автономию и на участие, и оценка для обеих сфер — ниже 0,50;

(2) *либеральные автократии* предоставляют больше прав на автономию, но отрицают большинство прав на участие, оценка для первой сферы — выше 0,50, а для второй — ниже;

(3) *инклюзивные автократии* отрицают большую часть прав на автономию, но предоставляют большую часть прав на участие, оценка — ниже 0,50 для первых, но выше 0,50 для вторых;

(4) *минимальные демократии* предоставляют большую часть прав на автономию и на участие, и оценки для обеих сфер — выше 0,50. Поскольку превышение среднего значения континуума для обеих сфер прав — это очень скромное требование, здесь уместно говорить о демократиях в минимальном смысле.

Кроме классификации режимов существенный интерес вызывает также и расположение режима в континууме гражданских прав, представленном на рисунке 8.1. Для этой цели нам нужны точные оценки гражданских прав для данного режима, которые нужно рассчитать на основе оценок прав на автономию и на участие. Предполагая, что точные оценки прав на автономию и участие варьируются в диапазоне от 0 до 1, есть две возможности рассчитать по ним общий показатель

¹⁴⁶ Конечно, что именно означает «достаточная» — не самоочевидно. Для простоты предположим, что это означает, что гражданские права гарантированы для более, чем половины известных прав в каждой из сфер, и это означает, что в обоих случаях мы превышаем порог, отделяющий отсутствие от достаточности. Если обе сферы прав измеряются по шкале от 0 до 1, тогда значение 0,51 или выше — это порог достаточности.

гражданских прав: можно использовать или среднее, или произведение оценок прав автономии и участия. Эти два способа могут дать сильно отличающиеся значения. Рассмотрим общество, для которого оценка прав участия — 0,80, а прав на автономию — 0,40. Усреднив эти две оценки, мы получим показатель гражданских прав, равный 0,60 пунктов шкалы. Это значение классифицирует данное общество как «исполную демократию» в континууме гражданских прав на рисунке 8.1. Но если мы перемножим две оценки составляющих, мы получим значение индекса гражданских прав, равное 0,32, — и тогда общество будет классифицироваться как «неполная автократия». Поскольку два способа комбинирования дают такие разные результаты, вопрос выбора подходящего способа важен.

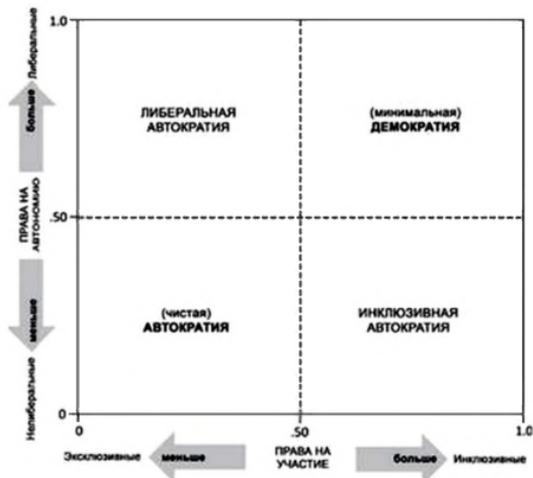

Рисунок 8.2: Типология режимов на основе прав на личную автономию и прав на гражданское участие

Примечание: Предполагается, что середина шкалы для обеих сфер прав отделяет зону дефицита (меньше среднего значения) от зоны достаточности (выше среднего). Таким образом, дефицит в обеих сферах приводит к чистой автократии, дефицит в одной из сфер — к смягченным формам автократии, а достаточный уровень прав в обеих сферах — к демократии в ее минимальном смысле.

Вставка 4: Индексы на основе условных и комплементарных комбинаций

По логике конструирования композиторского индекса (см. вставку 1 на стр. 89) показатели двух или более атрибутов комбинируются в общий индекс, если они «формируют» комбинацию атрибутов, обеспечивающую важные эмпирические следствия. Важным вопросом является комбинаторная логика, согласно которой атрибуты работают вместе. Есть две возможности: *аддитивная комбинация*, использующая *дополняющие друг друга вклады*, или *мультипликативная комбинация*, построенная на *взаимно обуславливающих друг друга вклады*.

Например, если мы думаем, что вклады прав на автономию (ПА) и прав на участие (ПУ) в демократию — взаимодополняющие, это подразумевает, что вклад каждого из компонентов не зависит от вклада другого: рост ПА дает одинаковый вклад в демократию на каждом из уровней ПУ. Аналогично рост ПУ дает одинаковый вклад в демократию на каждом из уровней ПА. Такое предположение делает обоснованной аддитивную комбинацию через усреднение ПА и ПУ.

Однако если мы думаем, что вклад одного компонента зависит от вклада другого: ПА дает больший вклад в демократию, когда уровень ПУ выше, и наоборот, — тогда это условные вклады, усиливающие или ослабляющие друг друга. Такое предположение оправдывает мультипликативную комбинацию ПА и ПУ, потому что умножение — это математическое выражение взаимного обуславливания. Если используются шкалы от 0 до 1, умножение эквивалентно взвешиванию: дефицит одного из компонентов действует как понижающий вес для другого.

Усреднение оценок для двух сфер прав имело бы смысл, если бы у нас были основания рассматривать права на автономию и участие как *взаимодополняющие* в отношении объединяющего их конструкта — демократии. В этом случае вклад одного из компонентов не уменьшался бы из-за дефицита другого. Умножение, напротив, имеет смысл, если у нас есть основания предположить, что два показателя представляют концептуально различные сферы, которые не просто дополняют, но обуславливают друг друга, так что права на участие вносят больший вклад в демократию, если в обществе больше прав на автономию, и наоборот. При таком предположении мы не считаем, что дефицит в одной сфере может компенсироваться достаточностью прав в другой. И умножение гарантирует, что такого не случится: дефицит в каждой из сфер действует как понижающий вес для другой сферы. Следовательно, мультипликативные модели отображают необходимую, но не достаточную условную связь компонентов (Goertz, 2006).

В данном случае я считаю предположение о такой условной связи убедительным. Права на автономию *не являются дополнительными* по отношению к правам на участие. Напротив, права на автономию делают права на участие более эффективными, и наоборот: привычка к реализации прав в одной из сфер жизни повышает эффективность реализации прав в другой сфере. Таким образом, частная и публичная сферы прав обуславливают эффективность использования другой сферы из этой пары. Следовательно, я использую условную логику, которая вводит понижающий вес для прав на участие в гражданские права, если наблюдается дефицит прав на автономию, и наоборот. Это достигается с помощью перемножения оценок для двух групп прав.

Можно обосновать уместность условной логики и с другой точки зрения. Давайте еще раз рассмотрим предположительный режим с оценкой 0,80 для прав на участие и 0,40 — для прав на автономию. Согласно классификации, приведенной на рисунке 8.2, это «урезанная» версия автократии, а именно — инклюзивная автократия. Если усреднить две оценки, то показатель гражданских прав

будет равен 0,60, что относится к зоне неполной демократии на рисунке 8.1. Мы сталкиваемся с очевидным противоречием и непоследовательностью: автократия и демократия — несовместимые категории. Вычисление произведения двух оценок прав позволяет избежать данной непоследовательности. Когда используется произведение показателей прав на участие и прав на автономию — только демократии, показанные на рисунке 8.2, получают оценки гражданских прав, которые определяют их в зону демократий на рисунке 8.1 (хотя и не всегда, как мы позже увидим).

1.5. Индикаторы и их комбинация

Для поиска индикаторов гражданских прав очевидный выбор — это рейтинги свободы Freedom House. У этих рейтингов — два компонента. Первый — «гражданские свободы» [civil liberties] — примерно соответствует правам на автономию. Вторым — «политические права» [political rights] — в основном соответствует правам на участие. Таким образом, для измерения гражданских прав можно следовать обычной практике и просто усреднить рейтинги гражданских свобод и политических прав Freedom House¹⁴⁷. Однако, учитывая сказанное в предыдущем разделе, эта процедура не подходит, поскольку она трактует разные сферы прав как взаимодополняющие, хотя на самом деле это не так. По этой причине мультипликативная комбинация гражданских свобод и политических прав предпочтительнее (см. Welzel, 2006: 882 для более подробного обоснования этого вывода).

Перед тем как использовать интерактивную комбинацию прав на автономию и прав на участие, можно улучшить качество рейтингов Freedom House (FH), дополнив их информацией из другого источника — проекта Сингранелли и Ричардса ('Cingranelli and Richards (CIRI) human rights data project', см. Cingranelli & Richards, 1999, 2010). В этом проекте для каждого из общества с 1981 г. рассчитывается 8-балльный индекс «прав на неприкосновенность» [integrity rights] и 10-балльный индекс политических «прав на эмансипацию». Различия между этими двумя наборами прав сходно с уже описанным для индексов FH: права на неприкосновенность CIRI соответствуют гражданским свободам FH и права на политическую эмансипацию CIRI — политическим правам FH¹⁴⁸.

Существенное различие между индексами FH и CIRI — в методе получения информации. Как указано в ежегодных отчетах Freedom House (Freedom House, 2010), FH использует для рейтинга обществ не официальные документы, а суждения региональных экспертов. Этой процедуре свойственны все достоинства и недостатки субъективных экспертных оценок, как показали Боллен и Пахтон (Bollen & Paxton, 2000). Индексы CIRI, напротив, созданы с опорой на документы, в которых фиксируются нарушения прав человека, в частности, на доклады Государственного Департамента США и Международной Амнистии (Amnesty International), и используют стандартизованную схему кодировки, чтобы перевести

¹⁴⁷ Это делается после изменения их полярности (так чтобы более высокое значение означало больше прав) и после стандартизации шкал в диапазон с минимумом 0 и максимумом 1.

¹⁴⁸ Например, в период с 2000 по 2005 гг. права на неприкосновенность CIRI сильнее коррелируют с гражданскими свободами FH ($r = 0,68, p < 0,001, N = 187$), а права на эмансипацию CIRI — с политическими правами FH ($r = 0,84, p < 0,001, N = 188$); чем коррелируют друг с другом права на неприкосновенность и на эмансипацию CIRI ($r = 0,53, p < 0,001, N = 187$).

информацию из этих документов в значения индексов, измеряющие, в какой степени определенные типы прав соблюдаются в обществе. Если у обоих методов есть смещения оценок, то различие методов — это на самом деле преимущество, поскольку при их объединении влияние смещений уменьшается. Соответственно, я комбинирую эти два метода, рассчитывая среднее индексов гражданских свобод FH и прав на неприкосновенность CIRI, и получаю *объединенный индекс прав на автономию* для каждого года и каждого общества, для которых есть данные по обоим исходным индексам. Аналогично я рассчитываю среднее индексов политических прав FH и прав на эмансипацию CIRI и получаю *объединенный индекс прав на участие* для каждого года и каждого общества, для которых есть данные обоих исходных индексов¹⁴⁹.

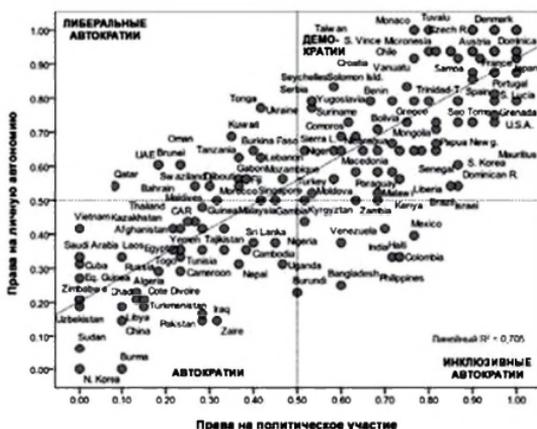

Рисунок 8.3. Распределение режимов в пространстве двух видов прав (2000 г.)
Данные: Все страны мира с валидными данными (N = 154).

Рисунок 8.3 показывает соотношение прав на участие и прав на автономию в 2000 г.¹⁵⁰ Показаны все страны мира, для которых доступны оба вышеуказанных показателя. Как и можно было ожидать, между двумя группами прав существует значимая положительная корреляция. В самом деле, у них 70 % общей дисперсии. Связь двух групп прав также проявилась в том, что большинство обществ расположены в нижнем левом или верхнем левом квадрантах, что отражает преобладание обществ, которые или *последовательно лишают* своих граждан прав (общества нелиберальные и исключающие участие), или *последовательно предоставляют* оба набора прав (общества либеральные и инклюзивные). Напротив, либеральные автократии, которые наделяют людей правами на автономию, но лишают прав

¹⁴⁹ Для обеих комбинаций это сделано после стандартизации индексов в шкалы с минимумом 0 и максимумом 1,0.

¹⁵⁰ Диаграммы рассеяния — примерно такие же для всех других лет с 2000 г. по 2010 г. — последний год, для которого были доступны данные в момент написания книги.

на участие, редки — они чаще встречаются среди нефтедобывающих монархий Ближнего Востока¹⁵¹. Инклюзивные автократии, предоставляющие гражданам права на участие, но лишаящие их прав на автономию, также редки и чаще встречаются в Южной Азии и Латинской Америке.

Тем не менее соответствие между двумя группами прав не абсолютное. Почти треть дисперсии прав на автономию не объясняется правами на участие и наоборот; мы также видим на рисунке 8.3, что на каждом уровне прав на участие права на автономию колеблются в диапазоне примерно 0,40 единицы шкалы. В средней зоне значений прав на участие, а именно, в диапазоне от 0,30 до 0,70, права на автономию колеблются даже в еще большем диапазоне: 0,60 единицы шкалы.

Из распределения следует, что взвешивание прав на участие с учетом прав на автономию дает индекс гражданских прав с большей вариацией, чем у каждого из двух компонентов по отдельности или их простого среднего. А именно в 2000 г. коэффициенты вариации для всех обществ были: 0,41 — для прав на автономию, 0,51 — для прав на участие, 0,44 — для их среднего, а для произведения — 0,72¹⁵². Взвешивание двух групп прав с помощью значений друг друга в реальности означает уменьшение их значения в случае низкого значения другого показателя. Это неизбежно дает более низкие значения гражданских прав для почти любого сочетания прав на участие и прав на автономию в сравнении со средним значением этих двух показателей. В самом деле, если среднее по всем странам для усредненных прав на автономию и участие равно 0,63, то среднее для взвешенных значений — 0,46. Понижающий эффект особенно выражен для (а) обществ в среднем диапазоне двух групп прав и (б) обществ с разнородными значениями для двух групп прав. Такие понижающие эффекты полностью соответствуют условной логике комбинации показателей.

Рисунок 8.4. Индекс прав человека

Примечание: Аддитивная комбинация используется, чтобы устранить смещения индикаторов, предположительно измеряющих одну и ту же группу прав. Мультипликативная комбинация используется, чтобы скорректировать показатели для данной группы прав при дефиците прав другой группы.

Рисунок 8.4 обобщает то, как я комбинировал информацию FH и CIRI о различных группах прав в индекс гражданских прав. На первом уровне обобщения я комбинировал перекодированные версии индекса эмансипации CIRI и индекса

¹⁵¹ Я предполагаю, что если бы мы включили права в женщин в индекс для прав на автономию, нефтедобывающие монархии уже не выглядели бы либеральными. Когда я писал эту книгу, мне не хватило времени, чтобы внести это уточнение. Это задача на будущее. Отдельный анализ прав женщин приводится в главе 9.

¹⁵² Коэффициент вариации — это отношение стандартного отклонения переменной к ее среднему. Этот коэффициент предполагает, что стандартные отклонения можно сравнивать только при равенстве средних.

политических прав FH аддитивно, рассчитывая их среднее. Получившийся индекс оценивает значение гарантированных законом и предоставляемых на практике прав на участие. Я также объединял аддитивно перекодированные версии индекса прав на неприкосновенность CIRI и индекса гражданских свобод FH, рассчитав их среднее. Результирующий индекс оценивает значение гарантированных законом и предоставляемых на практике прав на автономию. На этом уровне обобщения я выбираю аддитивные комбинации, потому что объединяемые индексы оценивают одни и те же сферы прав, хотя и различными методами. Аддитивные комбинации компенсируют при объединении смещение оценок, свойственное каждому из методов измерения.

На втором уровне я комбинирую права на политическое участие и права на личную автономию мультипликативным способом, потому что в этом случае мы объединяем разные сферы прав, которые обуславливают друг друга. Математическое выражение для взаимной обусловленности компонентов — это умножение.

Александр и Вельцель (Alexander and Welzel, 2011) используют такую же условную логику: они модифицируют оценки гражданских прав, используя показатель главенства закона, для измерения того, что они называют «эффективной демократией». Их индекс эффективной демократии коррелирует с индексом гражданских прав: $r = 0,90$ ($p < 0,001$, $N = 185$) в 2000-м году¹⁵³, и параметры распределения этих двух индексов сходны. Если есть выбор, я бы предпочел индекс эффективной демократии, потому что он обеспечивает более строгие показатели демократии, чем представленный здесь индекс гражданских прав (обоснование смотрите в публикации: Alexander, Inglehart & Welzel, 2012). Тем не менее для анализа в этой книге я использую индекс гражданских прав, потому что он покрывает больший период времени, начиная с 1981 года. Это необходимое условие для лонгитюдного анализа, представленного в последующих главах¹⁵⁴.

2. Результаты измерений

2.1. Паттерны распределений

Для оценки значений индекса гражданских прав (далее ИГП) мы проанализировали, соответствует ли эмпирическое распределение индекса в обществах теоретическим предположениям. ИГП сконструирован так, чтобы он показывал важность *полноты* гражданских прав. При таком измерении важности полноты прав *неполные* гражданские права практически приравниваются к отсутствию прав. Таким образом, ИГП должен трактовать ситуацию наличия неполных прав как близкую к ситуации отсутствия прав и далекую от реализации полных прав. Из этого следует, что оценки полных демократий по ИГП должны выделяться: они должны располагаться на рисунке 8.2 дальше от других типов режимов, чем последние друг от друга. Иными словами, шаг от неполной автократии к демократии должен быть шире, чем шаг от полной автократии к неполной, если подчеркивается значение *полноты* гражданских прав. Это неизбежное следствие из условной логики ИГП.

¹⁵³ Значение корреляции примерно такое же и для других лет.

¹⁵⁴ Один из компонентов индекса эффективной демократии (Alexander & Welzel, 2011) — индекс главенства закона Мирового банка доступен лишь с 1996 г., что ограничивает возможности для лонгитюдного анализа.

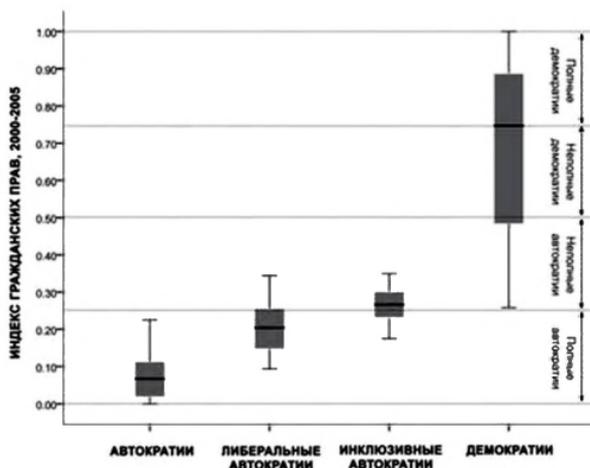

Рисунок 8.5. Типы режимов (демократии/автократии) и их показатели по Индексу гражданских прав (2000 г.).
 Данные: Все общества в разных странах мира с валидными данными (N = 180).

Рисунок 8.5 использует типологию режимов с рисунка 8.2 и показывает среднее, стандартные отклонения и диапазон значений ИГП для каждого из четырех типов режимов. На рисунке также показано положение этих значений в диапазоне зон режимов, ранее представленных на рисунке 8.1. В основном эмпирическое распределение ИГП соответствует теоретическим задачам этого индекса. Значения ИГП для полной автократии и двух типов неполных автократий отличаются незначительно: среднее для автократий — 0,08 единицы шкалы, что без сомнений полностью соответствует зоне автократии на рисунке 8.1. Среднее для либеральных автократий — 0,19 и также попадает в зону автократий на рисунке 8.1. Среднее для инклюзивных автократий — 0,27. Оно немного выше, но опять-таки попадает в «автократическую» зону рисунка 8.1, хотя и соответствует положению *неполных* автократий. Общества, относящиеся к этим трем категориям режимов, тесно группируются вокруг средних значений ИГП для своих категорий. Для демократий же характерны существенно иные результаты. Здесь среднее равно 0,75, что намного выше, чем в случае всех недемократических категорий режимов. В самом деле, демократии, если проанализировать их положение на рисунке 8.2, — это единственная категория режимов, среднее значение ИГП для которых на рисунке 8.1 оказывается в зоне демократии, причем как раз на границе между неполными и полными демократиями. Однако при создании рисунка 8.2 мы исходили из минимального определения демократии: для попадания в эту категорию было достаточно, чтобы оценки данного общества для обеих категорий прав были выше 0,50. Это все еще допускает большую вариацию значений ИГП

среди условно обозначенных как демократические режимы: от 0,26 до 1,0¹⁵⁵. Чтобы демократия попала в реальную демократическую зону на рисунке 8.1, она должна по обеим группам прав получить оценки выше 0,70.

Паттерн распределения на рисунке 8.5 соответствует необходимым параметрам качества измерений ИГП: разница между обществами с отсутствующими и недостаточными гражданскими правами намного больше, чем между обществами с неполными и достаточными гражданскими правами. Как и подразумевает условная логика, значения ИГП подчеркивают важность полноты гражданских прав.

2.2. Переоценка глобального тренда демократизации

Измерение гражданских прав условным способом понижает вклад в общий индекс прав на участие, если прав на автономии недостаточно, и наоборот. В результате ИГП устанавливает высокие стандарты для уровня демократизации общества. При использовании этого высокого стандарта глобальная волна демократизации последних десятилетий уже не выглядит так впечатляюще, как при использовании менее строгих показателей демократии. Чтобы продемонстрировать это, на двух графиках, представленных на рисунке 8.6, показан процент обществ во всему миру, которые представляют (а) четыре типа режимов согласно нашей типологии (график слева) и (б) четыре зоны значений ИГП (график справа), для временного промежутка с 1981 по 2010 гг.¹⁵⁶

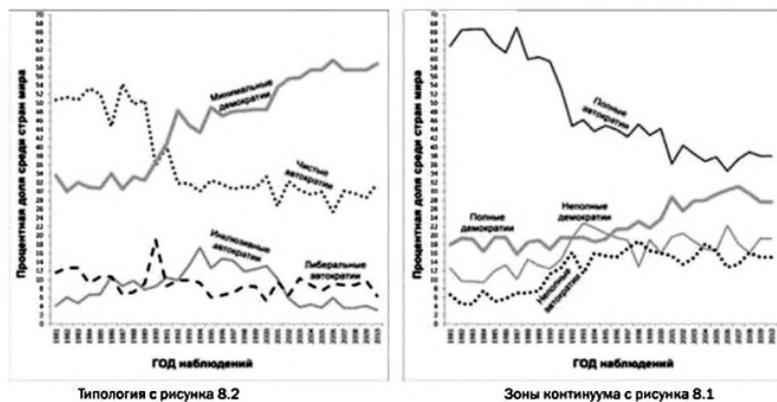

Рисунок 8.6. Распространение глобальной волны демократизации по данным индекса гражданских прав (1981—2010 гг.)
Данные: Все общества в разных странах мира с валидными данными (N = 180).

¹⁵⁵ Значение ИГП, равное 0,26 — это минимальное возможное значение для демократии по определению, используя формулу на рисунке 8.2: требование, чтобы значения для прав и на автономии, и на участие были не менее, чем 0,51, дает как раз такое значение ИГП: $(0,51 \times 0,51 \div 0,26)$.

¹⁵⁶ Когда был завершен этот анализ, более свежие данные еще не были доступны.

Согласно левому графику среди двух «смягченных» версий автократии не наблюдается заметной динамики. С 1981 по 2010 гг. доля обществ в этих двух категориях равна примерно 20%. Значимые изменения видны в случае чистых автократий и минимальных демократий. До 1988 г. чистые автократии составляли около 50%, а демократии — около 30%. Но затем в течение всего трех (!) лет они поменялись местами: доля автократий снизилась до 30%, а демократий — выросла до 50%. После этого доля автократий опустилась до отметки 25%, а демократий — приблизилась к 60%. Такой паттерн известен ученым, изучающим тренд глобальной демократизации, поскольку он в значительной степени напоминает описанный Доренсплитом (Doogenspleet, 2000) «глобальный взрыв демократии».

Однако демократии, представленные на левом графике рисунка 8.6, являются таковыми лишь в минимальном смысле этого слова. Поэтому многие из них не смогут выдержать проверки по критерию *полноты*, что отразится в их значениях ИГП. В этом смысле они окажутся неполными демократиями. Следовательно, тренд демократизации станет выглядеть скромнее, если мы проследим его по четырем диапазонам шкалы, использованной на рисунке 8.1. Это отражено на правой диаграмме рисунка 8.6, который показывает явное падение доли полных автократий, особенно заметное в начале 1990-х гг., когда рухнул коммунизм советского типа. В целом доля полных автократий снизилась почти на 30% примерно с 65% в 1981 г. до 38% в 2010 г. Но это снижение не было компенсировано соответствующим ростом доли полных демократий. В реальности их доля выросла лишь на 10%: с 18% в 1981 г. до 28% в 2010 г. Это резко контрастирует с представленным на левой диаграмме результатом, где демократии в минимальном смысле этого слова составили явное большинство мировых обществ. Напротив, полные демократии, если следовать использованному на рисунке 8.1 определению, не оказались в большинстве. Их все еще меньше, чем полных автократий. Более того, выявились другие режимы, выигравшие от сокращения доли полных автократий, а именно, гибридные режимы: их доля выросла на 9% — с 7% в 1981 г. до 16% в 2010 г.; а доля неполных демократий выросла на 6% — с 13% до 19% за тот же период. В любом случае с точки зрения полноты гражданских прав полных демократий сегодня меньше, чем согласно стандартному подходу к анализу тренда глобальной демократизации.

В целом паттерны распределения ИГП соответствуют условной логике, на основе которой индекс построен. Как предполагает эта условная логика, различие между полным лишением населения гражданских прав или их неполным предоставлением менее существенно, чем различие между этими двумя вариантами, с одной стороны, и полной демократией, с другой. Именно предоставление полных гражданских прав имеет значение.

2.3. Взаимосвязи эмансипации и демократии

Главный критерий эффективности измерения — это «номологическая валидность», то есть оценка того, насколько данный показатель связан с другими феноменами, которые сами не являются элементами данного показателя, но представляют собой его теоретически ожидаемые корреляты (Adcock & Collier, 2001; Denton, 2008).

ИГП — это, по сути, мера демократии, и поэтому номологическая валидность ИГП должна оцениваться по критериям, относящимся к демократии. Демократия связана с властью народа, людей, поэтому человеческая эмансипация — это ключевое связующее звено демократии с другими аспектами реальности. По логике номологической валидности индекс демократии — тем более валидный показатель власти людей, чем теснее он связан с другими, доинституциональными аспектами человеческой эмансипации. Соответственно, мы можем оценить внешнюю валидность различных индексов демократии, проанализировав, насколько тесно они связаны с доинституциональными аспектами человеческой эмансипации. Чем теснее индекс коррелирует с ними, тем лучше он способен отражать предположительную связь демократии со способствующими эмансипации характеристиками общества.

Концепция человеческой эмансипации продолжает особую традицию в политической теории, согласно которой демократия рассматривается как социально укорененный режим, обусловленный специфическими чертами социального контекста (Lipset, 1959, 1960; Dahl, 1973; Putnam, 1993). В соответствии с данной традицией теории модернизации ученые делают акцент на различных социально-экономических факторах, обуславливающих наличие демократии (Bollen & Jackman, 1985; Burkhart & Lewis-Beck, 1994; Vanhanen, 1997, 2003; Boix, 2003; Boix & Stokes, 2003; Acemoglu & Robinson, 2006). Подход, ориентированный на значимость гражданской культуры, напротив, подчеркивает важность определенных социально-культурных факторов как детерминант демократии (Lasswell, 1951; Almond & Verba, 1963; Putnam, 1993; Verba, Schlozman & Brady, 1995; Inglehart, 1997).

Как показано на рисунке 1.1, концепция человеческой эмансипации интегрирует социально-экономические и социально-культурные условия в единую схему, согласно которой каждое из условий представляет собой особый способствующий эмансипации фактор в социальном контексте демократии. На рисунке 8.7 каузальная последовательность, представленная на рисунке 1.1, преобразована в модель уровней-оболочек. В центре этой модели я расположил гражданские права. Как проявление обеспечивающего эмансипацию политического режима гражданские права укоренены в способствующем эмансипации социально-культурном контексте. Наиболее отчетливое проявление такого контекста — это преобладание эмансипативных ценностей, поскольку эти ценности вдохновляют людей, создавая способствующую эмансипации мотивацию, побуждающую людей взять свою жизнь в собственные руки. В свою очередь эмансипативные ценности укоренены в способствующем эмансипации социально-экономическом контексте, основанном на широко распространенных ресурсах для действий, включающих интеллектуальные навыки, материальное оборудование и коммуникативные возможности. Лучший индикатор всех трех типов ресурсов — это индекс технологического прогресса, описанный во введении. Таким образом, как социальный институт, обеспечивающий человеческую эмансипацию, демократия должна отражать способствующие эмансипации качества своего доинституционального контекста.

Данная схема объединяет две группы условий и их ядро — демократию — в единую структуру, рассматривающую человеческую эмансипацию как интегрирующую тему.

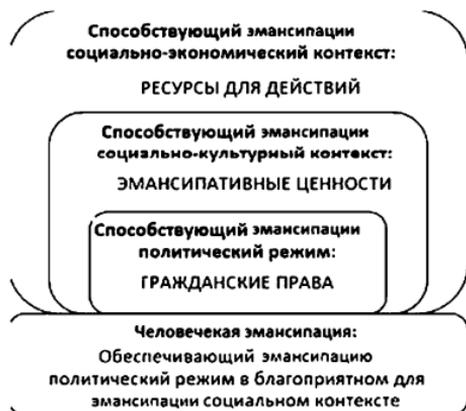

Рисунок 8.7. Структурная модель уровней человеческой эмансипации

С точки зрения концепции человеческой эмансипации ИГП можно рассматривать как номологически валидную меру демократии, если этот индекс тесно связан с технологическим прогрессом и эмансипативными ценностями. Но для вывода о том, что ИГП — это наиболее валидная мера демократии, данный индекс должен коррелировать с технологическим прогрессом и эмансипативными ценностями сильнее, чем каждый из его четырех компонентов или их среднее.

Для выявления упомянутой выше связи неважно, являются ли гражданские права предтечей или следствием технологического прогресса и эмансипативных ценностей. В любом случае эта связь показывает, в какой степени ИГП отражает способствующие человеческой эмансипации факторы в социальном контексте — демократии или как их antecedent, или как их следствие.

Однако тезис последовательности теории эмансипации предполагает, что, скорее, способствующие эмансипации контексты обуславливают демократию, а не демократия обуславливает эти контексты. Это именно так по следующей причине: поскольку демократия дает людям возможность пользоваться свободами, она может быть полезным инструментом для людей, если и только если они и способны, и хотят пользоваться свободами. Это достаточно жесткое условие: оно требует наличия обеспечивающих эмансипацию социально-экономических и социально-культурных условий. Эти условия, проявляющиеся в технологическом прогрессе, усиливают способности людей пользоваться свободами. Способствующие эмансипации социально-культурные условия, проявляющиеся в эмансипативных ценностях, усиливают стремление людей пользоваться свободами. Чтобы реализовать свою связанную с эмансипацией цель, демократическим институтам необходим доинституциональный контекст, который уже воплощает в себе способствующие эмансипации качества.

Тезис последовательности предполагает, что демократия обусловлена способствующими эмансипации качествами своего социального контекста, но не про-

изводит сама этот контекст. Доказательства, поддерживающие это предположение, были представлены в главе 4 (см. снова таблицу 4.3). Рассмотрение демократии как явления, обусловленного способствующими эмансипации качествами ее социального контекста, подразумевает, что она связана с предыдущими, а не с последующими показателями социального контекста. Для проверки данного предположения важна временная последовательность. По этой причине я анализирую связь различных показателей демократии с показателями технологического прогресса и эмансипативных ценностей, измеренными на десять лет раньше, чем показатели демократии. Я выбираю этот достаточно большой период времени, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно временной последовательности. Если мы сможем установить связь между демократией и ее предполагаемыми предтечами в указанной временной последовательности, мы на следующем шаге исследуем каузальные аспекты этой связи. Ключевой вопрос здесь — это эндогенность: оказывают ли технологический прогресс и эмансипативные ценности влияние на последующий уровень демократии независимо от влияния на них предшествующего уровня демократии? Для ответа на этот вопрос нужно изолировать долю общей дисперсии технологического прогресса и эмансипативных ценностей, независимую от предыдущего состояния демократии, и рассмотреть, продолжает ли эта независимая дисперсия влиять на последующее состояние демократии, — в этом случае мы получим доказательство истинно экзогенного влияния.

Таблица 8.1 показывает корреляции нулевого порядка показателей технологического прогресса и эмансипативных ценностей 1995 г.¹⁵⁷, с одной стороны, и различных показателей гражданских прав в 2005 г., с другой. Результат очевиден: хотя показатели всех компонентов гражданских прав связаны значимо и положительно с технологическим прогрессом, и с эмансипативными ценностями, ИГП коррелирует с ними ($r = 0,69$, $N = 136$ и $r = 0,83$, $N = 79$, соответственно) сильнее, чем любой из четырех компонентов индекса и чем все их аддитивные комбинации. Следовательно, среди различных возможностей сочетания компонентов гражданских прав в общий индекс мультипликативная комбинация ИГП наиболее валидна.

Таблица 8.1. Корреляция эмансипирующих социальных условий 1995 г. с расширением прав человека в 2005 г.

2005 г. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:	1995 г. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЭМАНСИПАЦИИ	
	Технологический прогресс	Эмансипативные ценности
FN Права человека	0.64*** (136)	0.70*** (80)
FN Политические права	0.61*** (136)	0.68*** (80)
CIRI Права на неприкосновенность	0.56*** (136)	0.59*** (80)

¹⁵⁷ В реальности показатели эмансипативных ценностей взяты из волны МИЦ со второй по четвертую и охватывают период с 1990 по 2000 гг. Однако середина этого периода — 1995 г., поэтому значения для второй волны 1990 г. и четвертой волны 2000 г. были заменены на ожидаемые значения для третьей волны (1995 г.).

2005 г. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:	1995 г. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЭМАНСИПАЦИИ	
	Технологический прогресс	Эмансипативные ценности
CIRI Права на эмансипацию	0.52*** (136)	0.70*** (80)
FN Гражданские + Политические права ^a	0.63*** (136)	0.69*** (80)
CIRI Права на неприкосновенность + эмансипация ^b	0.61*** (136)	0.71*** (80)
Права на личную автономию ^c	0.66*** (136)	0.70*** (80)
Права на политическое участие ^c	0.59*** (136)	0.71*** (79)
Среднее — права человека ^d	0.64*** (136)	0.73*** (79)
Индекс прав человека ^e	0.69*** (136)	0.75*** (79)

Примечание: Приведены коэффициенты корреляции Пирсона (*r*), в скобках указано количество обществ с validными данными. Самые сильные корреляции выделены серым. Пересекающееся *N* для гражданских прав и эмансипативных ценностей меньше 95, так как я включил в анализ только ценности, измеренные в третьей и четвертой волнах МИЦ (1990–1995 гг.). Это сделано для того, чтобы измерения ценностей относились к более раннему времени, чем измерения гражданских прав.

FN — Freedom House; CIRI — Singranelli and Richards.

^a Среднее гражданских и политических прав FN.

^b Среднее для прав на неприкосновенность и прав на политическую эмансипацию CIRI.

^c Среднее для гражданских прав FN и прав на неприкосновенность CIRI.

^d Среднее для политических прав FN и прав на политическую эмансипацию CIRI.

^e Среднее a) и b).

^f Произведение a) и b).

Следующий вопрос — насколько хорош ИГП в сравнении с альтернативными мерами демократии, использующимися в сравнительных политических исследованиях. Измеряет ли ИГП связь демократии с социальными условиями, способствующими эмансипации, так же хорошо, как альтернативные меры? Если использовать показатели 2005 г. в качестве общей базы данных, мы видим, что ИГП превосходит индекс «автократии-демократии» проекта Polity (Marshall & Jaggers, 2004). Коэффициенты корреляции ИГП — с технологическим прогрессом $r = 0,69$ и с эмансипативными ценностями $r = 0,83$, а у индекса «автократии-демократии» — соответственно, 0,53 и 0,65¹⁵⁸. ИГП также превосходит и показатель демократических традиций Герринга с коллегами (Gerring et al., 2005): коэффициент корреляции индекса «автократии-демократии» с двумя факторами человеческой эмансипации — соответственно, 0,57 и 0,70. ИГП также показывает такой же хороший результат, как «индекс демократизации» Ванханена (Vanhanen, 2003), у которого обе соответствующие корреляции равны 0,77. То же верно и для индекса «права на высказывание и подотчетность» Мирового банка (Kaufman, Kraay & Mastruzzi, 2008). Показатель этого индекса за 2005 г. коррелирует с прогрессом

¹⁵⁸ Приведенные здесь корреляции демократии с технологическим прогрессом основаны на данных от 128 до 133 обществ, а корреляции с эмансипативными ценностями — на данных от 78 до 81 обществ. Все приведенные корреляции значимы на 0,001 уровне.

сом на уровне 0,77, а с эмансипативными ценностями — 0,78. На том же уровне «индекс демократии» 2005 г. журнала «The Economist», для которого корреляция с факторами человеческой эмансипации — соответственно 0,71 и 0,80.

Однако последние два индекса не могут рассматриваться как полноправные конкуренты, потому что они включают в себя индикаторы культуры¹⁵⁹. По этой причине они расширяют определение демократии за пределы институциональной сферы. Это нежелательно по трем причинам. Во-первых, демократия определена как институциональный концепт, следовательно, ее показатели должны быть строго ограничены институциональными характеристиками. Во-вторых, включение показателей культурного контекста демократии в сам индикатор меры демократии лишает нас возможности исследовать связь между демократией и ее контекстом. По этой же причине корреляция между демократией и ее культурным контекстом превращается, по сути, в тавтологию, если культурный контекст включается в индикатор меры демократии.

Среди индикаторов демократии с явным институциональным фокусом только один превосходит ИГП в измерении связи демократии со способствующими эмансипации социальными условиями. Это индекс «эффективной демократии» Александер и Вельцеля (Alexander & Welzel, 2010): значение этого индекса в 2005 г. коррелирует на уровне 0,81 с технологическим прогрессом и на уровне 0,85 с эмансипативными ценностями. Но данные для составления этого индекса доступны только с 1996 г., потому что один из его компонентов — показатель «главенства закона» Мирового банка — за более ранний период отсутствует. Следовательно, индекс «эффективной демократии» не может использоваться для лонгитюдного анализа. Поэтому в последующем анализе я использую ИГП.

3. Подтверждение социальной укорененности демократии

3.1. Устранение эндогенности

Мы показали в главе 4, что сильная связь между эмансипативными ценностями и гражданскими правами существует не потому, что эмансипативные ценности эндогенны по отношению к гражданским правам, как утверждают некоторые ученые (Hadenius & Teorell, 2005). С помощью показателей, использованных в данной главе, мы можем подвергнуть предположение об эндогенности еще одному, более строгому тесту. До этого мы использовали значения технологического прогресса и эмансипативных ценностей для 1995 г., чтобы предсказывать значения индекса гражданских прав на десять лет позже, предполагая каузальное влияние двух этих факторов на гражданские права. Но мы можем также сопоставить показатели технологического прогресса и эмансипативных ценностей 1995 г. с показателями гражданских прав, измеренными на десять лет раньше — в 1985 г. После этого мы можем установить, с каким значением гражданских прав — гредшествующим или последующим — сильнее связаны показатели технологического прогресса и эмансипативных ценностей. Более сильная связь с *предшествующими* значениями гражданских прав соответствует предположению, что технологический прогресс и эмансипативные ценности являются в основном *следствиями* гражданских прав.

¹⁵⁹ «Индекс демократии» журнала «The Economist», и индекс «права на высказывание и подотчетность» Мирового банка используют данные МИЦ, частично пересекающиеся с эмансипативными ценностями.

В обратном случае: если *последующие* значения гражданских прав будут связаны с технологическим прогрессом и эмансипативными ценностями сильнее, чем предшествующие, это будет означать, что два упомянутых фактора — это причины, а не следствия существования гражданских прав.

Мы можем сделать еще и следующий шаг. Возможно, существует по крайней мере частичная эндогенность, проявляющаяся в том, что технологический прогресс и эмансипативные ценности в какой-то степени зависят от предыдущих значений гражданских прав. Если такая эндогенность присутствует, то возможно отделить и изолировать неэндогенные доли дисперсии технологического прогресса и эмансипативных ценностей (King, Keohane & Verba, 1994). Потом мы можем проверить, оказывают ли неэндогенные доли дисперсии этих переменных значимое и положительное влияние на последующее значение гражданских прав, контролируя тенденцию «самоувековечивания» уровня гражданских прав. Для достижения этой цели рассчитывается регрессия, в которой зависимая переменная — гражданские права в 2005 г., независимые — значения технологического прогресса и эмансипативных ценностей в 1995 г., а показатель эмансипативных ценностей в 1985 г. используется как контрольная переменная. Включение показателя гражданских прав в 1985 г. в регрессию решает три проблемы:

(1) мы выделяем и исключаем «самоувековечивание» гражданских прав, анализируя только ту часть их дисперсии, которая не зависит от предыдущего значения этой переменной;

(2) мы выделяем неэндогенные доли дисперсии технологического прогресса и эмансипативных ценностей и исследуем только те эффекты этих переменных, на которые не влияет предшествующий уровень гражданских прав;

(3) контроль предыдущего уровня гражданских прав включает в себя влияние всех предыдущих факторов, которые не представлены в модели отдельными переменными. Поэтому, в данном случае, возможное смещение оценок из-за пропущенных переменных не является проблемой.

Вся описанная выше процедура — это консервативный тест на эндогенность, потому что он предполагает, что гражданские права в 1985 г. сами по себе *полностью* экзогенные: мы предполагаем, будто на эти права несколько не влияли еще более ранние значения технологического прогресса и эмансипативных ценностей. Данная процедура предполагает максимально возможную степень эндогенности двух этих факторов, устанавливая жесткий критерий для обнаружения их неэндогенных эффектов влияния на гражданские права. Если, несмотря на эти жесткие требования, нам удастся выявить неэндогенный эффект, мы можем без опасений сделать вывод, что обнаруженный эффект — действительно экзогенный.

Таблица 8.2 показывает результаты проведенного анализа. Они очевидны: эффекты нулевого уровня влияния технологического прогресса ($b = 0,70$) и эмансипативных ценностей ($b = 0,81$) на *последующие* значения гражданских прав сильнее, чем зависимость этих двух факторов от предыдущих значений гражданских прав ($b = 0,65$ для технологического прогресса и $b = 0,71$ для эмансипативных ценностей). Кроме того, даже после устранения частичной зависимости технологического прогресса и эмансипативных ценностей от предшествующего уровня гражданских прав эти два фактора оказывают сильное значимое и положительное

влияние на последующий уровень гражданских прав (для технологического прогресса $b = 0,50$, а для эмансипативных ценностей $b = 0,73$). Эти результаты также означают, что мы можем интерпретировать технологический прогресс и эмансипативные ценности как аспекты социального контекста демократии, которые на самом деле обуславливают ее, а не вызываются ею.

Таблица 8.2. Влияние эмансипирующих социальных условий на последующее расширение прав человека (до и после устранения эндогенности)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:	
	2005 Права человека до устранения эндогенности ^a	2005 Права человека после устранения эндогенности ^b
1995 Технологический прогресс	0.70*** (128)	0.49*** (128)
1990—95 Эмансипативные ценности	0.81*** (79)	0.63*** (79)

Примечание: Приведены парные коэффициенты корреляции (r) в среднем столбце и многомерные частные коэффициенты корреляции (частные r) в правом столбце. в скобках — количество наблюдений.
^a Права человека в 2005 г. коррелированы по отдельности с технологическим прогрессом в 1995 г. и эмансипативными ценностями в 1990—1995 гг.
^b Рассчитаны по отдельности регрессии прав человека в 2005 г. на технологический прогресс в 1995 г. и эмансипативные ценности в 1990—1995 гг., однако в обе регрессии включены права человека в 1985 г. как дополнительный предиктор. Таким образом, мы анализируем эффекты влияния технологического прогресса и эмансипативных ценностей на права человека за десять лет, контролируя зависимость этих двух переменных от значения прав человека десять лет (или от пяти до десяти лет) тому назад. Это позволяет изолировать эндогенный эффект для этих переменных.

3.2. Раскрытие культурной укорененности

Последние данные показывают, что массовые предпочтения демократии на самом деле малозначимы. Например, Инглхарт (Inglehart, 2003: 54) показывает, что массовые предпочтения демократии объясняют лишь небольшую долю дисперсии демократических институтов в различных странах. Этот тезис подтверждает и исследование Фейлса и Пирса (Fails & Pierce, 2008), где авторы показывают, что после добавления в модель нужных контрольных переменных, массовые предпочтения демократии не оказывают никакого влияния на ее последующий уровень, что воспроизводит также ранее опубликованные мною результаты (Weizel, 2006, 2007a).

Однако и Инглхарт (Inglehart, 2003), и Вельцель (Weizel, 2007a) подчеркивают, что (1) высказанные людьми предпочтения относительно типа политического устройства не способны служить индикатором их истинных предпочтений демократии, (2) истинные предпочтения демократии зависят от ценностей, (3) если же учесть надлежащие показатели ценностей, обнаруживается их сильное и устойчивое влияние на последующий уровень демократии даже при наличии порядка полутора десятка контрольных переменных. Последние результаты дополнительно подтвердили эти выводы.

Чтобы проиллюстрировать это, я создал индекс «демократических предпочтений», который приписывает респонденту минимальную оценку 0 при выполнении двух условий: респондент (а) безоговорочно поддерживает утверждения, что «управление страной армией» и «наличие сильного лидера, которому нет нужды

беспокоиться о парламентах и выборах — это «хорошие идеи», и (b) безоговорочно отвергает утверждение, что «демократическая система» — это «хорошая идея». Максимум индекса 1 соответствует обратной конфигурации мнений, и нейтральное значение «0.50» описывает одинаковую степень принятия/отвержения демократии и ее авторитарных альтернатив¹⁶¹. Следовательно, данный индекс противопоставляет предпочтение демократии авторитарным альтернативам, что является общепринятой практикой исследований (Klingemann, 1999; Shin & Tusalem, 2007).

Однако модель человеческой эмансипации предполагает, что демократические предпочтения отражаются в институционализированных в обществе гражданских правах, если и только если эти предпочтения основаны на эмансипативных ценностях. Демократические предпочтения, не основанные на этих ценностях, не влияют на реальные гражданские права. Если разделить демократические предпочтения на две части — соответствующие эмансипативным ценностям и не связанные с ними — мы разделим подкрепленные, укорененные в ценностях, и неподкрепленные демократические предпочтения: та их доля, которая соответствует эмансипативным ценностям, — основана на этих ценностях, подкреплена¹⁶²; а не соответствующая им — не подкреплена¹⁶². Для каждого из респондентов подкрепленные и неподкрепленные демократические предпочтения рассчитаны таким способом, что они варьируются от минимума 0 до максимума 1. Основываясь на этом, я рассчитал для каждого общества два средних значения: для подкрепленных и неподкрепленных демократических предпочтений¹⁶³.

Эти определения легли в основу рисунка 8.8, демонстрирующего два частных графика для регрессий, объясняющих гражданские права с помощью неподкрепленных и подкрепленных («укорененных») предпочтений демократии. График слева показывает частную корреляцию гражданских прав с неподкрепленными предпочтениями демократии; график справа — с подкрепленными предпочтениями. Очевидно, что гражданские права в обществе никак не зависят от неподкрепленных демократических предпочтений: регрессионная линия на левом графике практически горизонтальная, и общества заспиределены в ее окрестностях неупорядоченно. Незначительный восходящий тренд исчезнет полностью, если исключить из выборки Мальту и Гану. Экстремальное положение этих обществ

¹⁶⁰ Если вместо среднего использовать процентный индекс, измеряющий долю тех респондентов в стране, которые безоговорочно поддерживают демократию и одновременно решительно отвергают ее авторитарные альтернативы, получается такой же паттерн, как и при более описанном анализе.

¹⁶¹ Поскольку демократические предпочтения и эмансипативные ценности измеряются в одинаковой шкале: от 0 до 1, доля дисперсии демократических предпочтений, соответствующая эмансипативным ценностям, — это само значение этих ценностей, если демократические предпочтения оказываются выше их (это верно для 88.9% от всех 240 000 респондентов, для которых измерены обе эти переменные). Если же демократические предпочтения слабее эмансипативных ценностей, подкрепленная часть дисперсии — это само значение демократических предпочтений.

¹⁶² Та часть демократических предпочтений, которая превосходит уровень эмансипативных ценностей, — это разница, полученная при вычитании из оценки демократических предпочтений значения этих ценностей. Для 11.1% респондентов, чьи демократические предпочтения не превышают их эмансипативные ценности, это значение было приравнено к 0.

¹⁶³ Две вновь созданные переменные распределены нормально как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества, и отрицательно коррелируют; соответствующие коэффициенты равны -0.44 и -0.54. Почти идентичные результаты были получены при разделении соответствующих и не соответствующих ценностям долей демократических предпочтений, для этого были рассчитаны их регрессии на эмансипативные ценности, а предсказанные значения и остатки были сохранены как две переменные.

превращает их во «влиятельные случаи», которые сдвигают линию регрессии. Кроме того, мы видим, что если демократические предпочтения остаются «неукорененными», они не оказывают никакого положительного влияния на гражданские права в обществе. В обществах, где демократические предпочтения лишены эмансипативной ценностной опоры, как в случае Бангладеш, в Ираке, Марокко или Танзании, гражданские права ничего не выигрывают. График справа, напротив, показывает ярко выраженный положительный эффект влияния подкрепленных, «укорененных» демократических предпочтений на гражданские права, хотя и с понижающейся предельной отдачей. В целом сила подкрепленных массовых предпочтений демократии объясняет почти 60% дисперсии гражданских прав, измеренных позже (чем предпочтения демократии). Хотя встречаются и «выбросы» — например, Беларусь, Мали и Мальта, — у них нет каких-то общих особенностей; за исключением этих изолированных случаев, все общества в достаточной степени хорошо описываются общим паттерном.

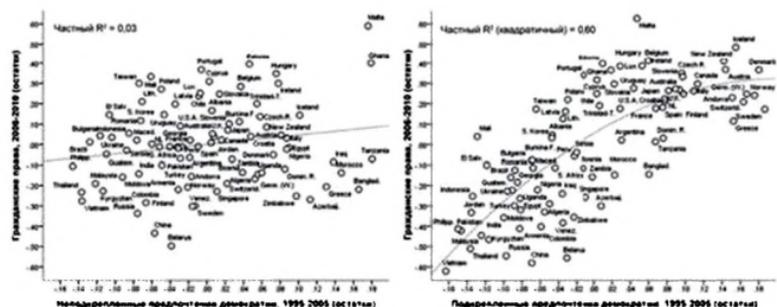

Рисунок 8.8. Частные эффекты подкрепленных и не подкрепленных ценностями предпочтений демократии на гражданские права

Пояснение 1: График показывает, коррелируют ли на одном и том же уровне «подкрепленных» ценностями демократических предпочтений «неподкрепленные» предпочтения с гражданскими правами. Как показывает широкий разброс стран и почти горизонтальная линия регрессии, такой корреляции нет. Таким образом, если «подкрепленные» демократические предпочтения контролируются, «неподкрепленные» предпочтения не улучшают ситуацию с гражданскими правами.

Пояснение 2: График показывает, коррелируют ли на одном и том же уровне «неподкрепленных» ценностями демократических предпочтений «подкрепленные» предпочтения с гражданскими правами. Как показывает относительно узкий разброс стран вокруг восходящей линии регрессии, такая корреляция есть. Таким образом, если «неподкрепленные» демократические предпочтения контролируются, «подкрепленные» предпочтения улучшают ситуацию с гражданскими правами.

Данные: Все общества с валидными данными, участвовавшие хотя бы в одном опросе МИЦ; использованы данные последнего опроса ($N = 87$). Подкрепленные предпочтения демократии — это часть демократических предпочтений, соответствующая уровню эмансипативных ценностей, неподкрепленные предпочтения — это часть предпочтений, превосходящая уровень эмансипативных ценностей.

Результаты, демонстрирующие на левом графике рисунка 8.8 необходимость дополнительного связующего звена между предпочтениями респондентами демократии и институционализированной демократией, соответствуют сходным результатам, полученным Хейдениусом и Тиореллом (Hedzius & Teorell, 2005), а также Фейлсом и Пирс (Fails & Pierce, 2008). Эти авторы скептически относятся

к любым объяснениям демократии с использованием массовых предпочтений и рекомендуют исследователям отказаться от предположения о тесной связи между типами политических режимов и массовыми предпочтениями (O'Donnell & Schmitter, 1986; Higley & Burton, 2006).

Однако эта рекомендация ошибочна, поскольку в этом случае игнорируются различия между подкрепленными и неподкрепленными предпочтениями демократии. Как предполагается в недавних публикациях о «демократах с предпочтениями» [democrats with adjectives], стандартные показатели демократических установок неэффективны: они измеряют не имеющие отношения к реальной мотивации предпочтения, которые не приводят к массовым действиям для достижения целей демократии. Причина в том, что такие предпочтения не основаны на ценностях, «не укоренены» в них (Schedler & Sarsfield, 2006; см. также Bratton & Mattes, 2001; Mattes & Bratton, 2007; Rose & Shin, 2001; Shin & Tusalem, 2007). Как показали Инглхарт и Вельцель (Inglehart & Welzel, 2005: 263—270; Welzel, 2007), стандартные показатели предпочтений не отражают, в какой мере демократические стремления людей основаны на эмансипативных ценностях. Если мы не используем эмансипативные ценности для проверки прочности и обоснованности демократических ориентаций, они могут выражать лишь поддержку модного термина, хотя связанные с ним свободы в реальности людьми не ценятся. В этом случае неудивительно, что демократические предпочтения людей не побуждают их действовать в поддержку гражданских прав. В результате гражданские права не связаны с подобными высказываемыми в опросах установками.

В данный момент истории демократию предпочитают почти повсеместно, поэтому важно не само по себе предпочтение демократии, сколько его причина. Надлежащая причина, согласно концепции человеческой эмансипации, — это то, что люди хотят демократии, поскольку они ценят свободы, через которые она наделяет их правами и влиянием. Именно это измеряют эмансипативные ценности.

Ключевые положения

С точки зрения концепции эмансипации цель демократии — институционализация власти людей. Эта цель реализуется прежде всего через гражданские права. Гражданские права одинаково важны в двух взаимозависимых сферах: права на участие в политике и права на личную автономию. Чтобы операционализировать взаимозависимость двух этих сфер прав, я разработал индекс гражданских прав, в котором значения для двух упомянутых сфер скомбинированы мультипликативным, а не аддитивным способом. Измерительные качества индекса гражданских прав тестировались, и был получен положительный результат. Мы показали, что когда мы измеряем демократию через гражданские права, то демократия представляет собой социально-укорененный режим, который отражает эмансипацию в социальном контексте демократии, включая ресурсы для действий и эмансипативные ценности. Мы также продемонстрировали, что демократия воплощает в себе способствующие эмансипации аспекты социального контекста скорее не как *причина*, а как *следствие* этих качеств.

Также стало очевидно, что массовые предпочтения демократии были необоснованно объявлены незначимыми для демократии по той причине, что ученые

ошибочно интерпретировали заявленные в опросах предпочтения демократии респондентами как требования населением демократии. В то время, когда предпочтение демократии ее авторитарным альтернативам стало обычным явлением, вопрос уже не в том, предпочитают ли люди демократию: важна причина, по которой они ее предпочитают, а именно являются ли для них ценностью свободы, предоставляемые демократией. Последнее зависит от полноты интернализации людьми эмансипативных ценностей.

В конечном итоге демократия может быть полностью понята только в более широком контексте человеческой эмансипации. Разработанная для институционализации власти людей, демократия — это социально-укорененный режим, зависящий от обеспечивающих эмансипацию качеств доинституциональной основы демократии. Человеческая эмансипация — это интегрированный феномен: он обозначает способствующие росту полномочий и влияния людей качества политического режима, существующие в способствующем эмансипации социальном контексте, который дает людям возможность реализовывать свободы и побуждает их к этому. Для того чтобы развить эти идеи, в следующей главе проводится более обобщенный анализ *динамических взаимоотношений* между эмансипативными ценностями и гражданскими правами в *обоих направлениях* влияния.

Глава 9. Революция прав¹⁶⁴

Попытки стигматизировать и, во многих случаях, криминализировать искушение применения насилия — все это проявилось в целой лавине кампаний борьбы за «права»: гражданские права, женские права, детские права, права гомосексуалов и права животных. Эти движения появились в изобилии во второй половине двадцатого века, и я буду называть их революциями прав.

Пинкер, 2011

Введение

Человеческая эмансипация — это освобождение от внешнего доминирования. Это требует равных свобод, и такие свободы гарантируются гражданскими правами. Ирония заключается в том, что хотя сейчас проблема гражданских прав привлекает большое внимание, большую часть истории человечества она не обсуждалась. Только с появлением доиндустриального капитализма, начиная с отмены рабства и феодальных привилегий и предоставления прав простым людям, дифференциация прав и постепенное наделение ими новых групп людей и территорий становятся главным трендом развития и знаковой темой для модернизации (Marshall, 1950; Моун, 2010). Эта тенденция очевидна при рассмотрении ряда судьбоносных документов, начиная с закона «О неприкосновенности личности», принятого Британским парламентом в 1640 г., и «Билля о правах», принятого в 1776 г. в США, и заканчивая «Всеобщей декларацией прав человека» 1948 г. и «Конвенцией ООН о правах инвалидов» 2006 г. (Donnelly, 2003; Ishaq, 2008).

Тенденция расширения прав простых людей в еще большей степени усилилась в последние десятилетия, которые некоторые авторы назвали *революцией прав* (Epp, 1998; Franck, 2000; Ignatieff, 2000; Pinker, 2011). Революция прав ярко проявилась в активизации дискуссий о правах на международной арене (Moravcsik, 2000; Landman, 2005, 2006; Simmons, 2009; Pegrum, 2010), предоставлении прав гражданам в процессе демократизации (Foweraker & Landman, 1997; Beetham, 1999; Donnelly, 2003; Brettschneider, 2007) и предоставлении прав подвергающимся дискриминации группам, прежде всего, женщинам (UNIFEM, 2000; Walter, 2001; Strom, 2003; Coleman, 2004). В самое последнее время права получают все более заметные на социальной арене группы лесбиянок и геев, бисексуалов и транссексуалов (ЛГБТ) (Ungar, 2000; Mertus, 2007; Smith, 2008; Wilson, 2009).

Революция прав представляет собой тренд усиления человеческой эмансипации в институциональной сфере. Еще одно проявление этого тренда заметно в сфере культуры. Мы видим, как массовые ценности становятся более эмансипативными: усиливается ориентация на свободу выбора и равенство возможностей.

Одновременное расширение гражданских прав и рост эмансипативных ценностей — это не простое совпадение. Обе тенденции связаны с ростом влияния общественных движений, участники которых поддерживают требования расширения прав и ссылаются при этом на эмансипативные ценности (Markoff, 1996; Foweraker & Landman, 1997; Risse, Ropp & Sikkink, 2011). Гражданские права

¹⁶⁴ Я благодарен Эми Александер и Рональду Инглхарту за их существенную помощь при подготовке этой главы, а также Роберту Фоз за его содержательные комментарии.

и эмансипативные ценности внутренне связаны благодаря своему общему фокусу на эмансипации. Гражданские права способствуют человеческой эмансипации, поскольку расширяют права для всех, отменяя эксклюзивные групповые привилегии. Эмансипативные ценности способствуют эмансипации, поскольку мотивируют людей стремиться к более широким правам.

Связь между эмансипативными ценностями и гражданскими правами — это ключевое проявление взаимодействия культуры и институтов. Как признавали авторитетные социологи — Вебер (Weber, 1958 [1904]), Парсонс (Parsons, 1964), Коулмен (Coleman, 1990), связь культура-институты — это сила, формирующая общество. Понимание этой связи равноценно пониманию общества.

Институты — это официальные правила, определяющие модели функционирования общества. Ключевой компонент этих правил — права, которыми обладают или не обладают члены общества. Культура — это представления об институтах в сознании людей. В том числе, ценности, приписываемые людьми тем правам, которыми они наделены или обделены. Таким образом, изучая связь между ценностями и правами, мы исследуем ключевые аспекты взаимодействия культуры и институтов.

Различные теории предполагают, что общества поддерживают те или иные институты только до тех пор, пока их поддерживает культура, пока социальные акторы верят в ценность этих институтов (Almond & Verba, 1963; Parsons, 1964; Easton, 1965; Eckstein, 1966, 1998). В этом смысле *институты зависят от ценностей*. Но данная зависимость меняется: она тем выше, чем в большей степени функционирование институтов требует добровольной приверженности людей (Coleman, 1990). И эта необходимость в добровольной приверженности людей у институтов усиливается (Elias, 1984 [1939]). Причина заключается в одной из главных трансформаций, связанных с модернизацией, — индивидуализацией (Bell, 1973; Beck, 2002). Последняя актуализирует внутреннюю мотивацию людей — самомотивацию — и освобождает их от групповых ограничений, которые они сами не выбирали, а также снижает степень их конформности, подверженности индивидов давлению группы (Wellman, 1979; Florida, 2002). Контроль поведения людей переходит от внешних источников власти к самим людям, поведение направляют их собственные ценности, — а это процесс эмансипации (Flanagan & Lee, 2003). По мере усиления эмансипативного тренда правителям становится все труднее использовать свою власть, руководить поведением людей. Они все в большей степени вынуждены уговаривать людей и убеждать их. Политические решения, включая решения, определяющие права людей для достижения собственных целей, все больше и больше нуждаются в добровольной поддержке людей. Следовательно, ценности людей оказывают все большее влияние на определение их прав. Эта тенденция занимает центральное положение в процессе человеческой эмансипации.

Из вышеприведенных соображений следует, что гражданские права зависят от эмансипативных ценностей. Таким образом, гражданские права и эмансипативные ценности развиваются согласованно, потому что ценности определяют права в большей степени, чем права определяют ценности. Это важное предположение, потому что оно противоречит все более популярной идее, будто социальные институты — источник всего развития общества (North, Wallis & Weingast, 2009; Acemoglu & Robinson, 2012).

Ранее не анализировалось, как изменения эмансипативных ценностей соотносятся с изменениями гражданских прав с позиции их взаимного влияния. Это также не делалось и в отношении взаимосвязи ценностей и прав подвергающихся дискриминации социальных групп — в первую очередь женщин. Отсутствует также анализ динамики взаимоотношений между ценностями и правами с точки зрения их *обоюдного, реципрокного* влияния, а именно того, как изменения этих двух переменных связаны друг с другом в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В данной главе представлен такой анализ. Для каузальной интерпретации связей в концепции человеческой эмансипации это необходимое дополнение, потому что каузальность подразумевает динамическое понимание механизма изменений: изменения предположительной результирующей, зависимой переменной на выходе вызываются изменениями предположительной независимой переменной на входе. Я проверяю, что вызывает сопутствующие изменения прав и ценностей: динамика ценностей или динамика прав. Проводя этот тест, я учитываю и третью возможность: сопутствующие изменения прав и ценностей могут иметь связь, но вызывается она какими-то внешними факторами.

Значительное количество публикаций по проблемам прав построено на предположении о взаимной обусловленности прав и ценностей (Donnelly, 2003; Freeman, 2003; Beitz, 2009). Таким образом, существует запрос на исследования этой взаимной обусловленности, однако исследований, тестирующих *альтернативные* паттерны обусловленности на большой выборке стран, нет. Действительно, нет ни одного примера сравнительного межнационального анализа взаимодействия прав и ценностей (а) в *обоих* направлениях, (b) в *динамике* с фокусом на сопутствующих изменениях, (c) для *различных* сфер прав, (d) с контролем наличия *возможных сторонних* причин.

Данная глава представляет такой анализ в пяти разделах. В первом разделе приводится теоретическое обсуждение того, какой тип взаимообусловленности следует с наибольшей вероятностью ожидать для ценностей и прав. Во втором — описываются методы для тестирования гипотез и кратко представлена выборка стран с использованием лонгитюдных данных МИЦ. В третьем разделе приведены переменные. В четвертом — описываются результаты. Глава завершается обсуждением следствий из этих результатов.

1. Теория: взаимосвязь ценностей и прав

1.1. Направление влияния

История гражданских прав — это история общественных движений, борющихся за права (Markoff, 1996; Foweraker & Landman, 1997; Schock, 2005; Tilly, 2007). Это неудивительно: предоставление прав расширяет круг тех, кому они доступны, а это всегда означает устранение привилегий, в которых заинтересованы люди, ранее ими пользовавшиеся. Вот почему социальным группам, лишенным привилегий, чем бы они ни определялись: полом, расой, классом, — почти всегда приходится бороться за свои права. Однако, чтобы социальные слои, подвергающиеся дискриминации, были готовы бороться за свои права, нужны изменения ценностей.

Большая часть истории человечества — это история обществ, сохранявших стабильность, несмотря на ужасающее неравенство (Noian & Lenski, 1999). Причина

в том, что в процессе социализации представителей дискриминируемых слоев учили смиряться со своим положением. Для того чтобы сломать этот паттерн, необходимо изменение ценностей: дискриминация должна начать восприниматься как нелегитимная сначала самими обездоленными группами, а потом — более широкими слоями населения. В противном случае требования прав не будут заявлены или не удастся мобилизовать для них массовую поддержку (Taggaw, 1998; McAdam, Tarrow & Tilly, 2003). Появление и поддержка требований прав зависит от сопутствующих изменений ценностей.

Существует много доказательств, демонстрирующих, что лишенные прав группы продолжают мириться с дискриминацией долгое время даже после того, как права им были предоставлены по закону. Например, ученые приводят многочисленные примеры того, что гендерное неравенство продолжает существовать, потому что женщины продолжают верить в свою «неполноценность», несмотря на то, что формально закон гарантирует им равные права (Rowlands, 1995; Kabeer, 1999; Sen, 1999; Nussbaum, 2000). Следовательно, права часто неэффективны, поскольку им не хватает сопутствующих изменений ценностей, необходимых, чтобы люди действительно начали протестовать, сталкиваясь с нарушениями их прав. Учитывая обилие данных, подтверждающих этот паттерн, противоположная идея, что предоставление прав — главная причина изменения ценностей, поддерживающих права, представляется невозможной.

Тезис последовательности концепции эмансипации выдвигает такое же предположение. Подвергающиеся дискриминации люди начинают верить в свои права не потому, что эти права им гарантированы. Напротив, вера в свои права обычно появляется именно тогда, когда эти права отрицаются. Кроме того, тезис последовательности предполагает, что процесс борьбы за права происходит лишь при выполнении обязательного условия: люди должны приобрести ресурсы для действий, которые нужны, чтобы в реальности пользоваться правами. Только тогда индивиды видят пользу в правах и желают их получить. Получая ресурсы для действий, они также усиливают свою позицию в переговорах: теперь они способны поставить под сомнение привилегии, лишаящие их прав. Следовательно, главная причина изменения ценностей в поддержку прав — это расширение ресурсов, включающих в себя навыки, оборудование и ресурсы для коммуникации: это повышает пользу от прав независимо от того, обладают уже ими люди или нет. Субъективные ценности меняются в ответ на изменения объективной полезности.

Изменения ценностей могут вызывать изменения прав, когда существуют механизмы для реализации массовых ценностей в социальных институтах. Я представляю себе по меньшей мере два таких механизма: голосование избирателей в обществах с достаточно свободными выборами и активное участие людей в общественных движениях, независимо от того, присутствуют свободные выборы в данном обществе или нет.

1.2. Каузальные механизмы

Чтобы продемонстрировать механизмы реализации ценностей в социальных институтах в широком круге обществ на протяжении достаточно длительного времени, требуется сложный и дорогостоящий дизайн исследования, превышающий

возможности данного проекта. Так что нам придется считать этот механизм на данный момент «черным ящиком» и тестировать гипотезы относительно наблюдаемых результатов его функционирования. Тем не менее я приведу некоторые аргументы относительно специфики функционирования такого механизма, которые представляются вероятными и подкрепляются данными.

В обществах со свободными выборами появляющиеся новые ценности становятся известными благодаря опросам общественного мнения, масс-медиа и выборам. Когда новые ценности уже нельзя игнорировать, кандидаты во время выборов будут строить на них свои избирательные кампании. Если эти ценности эмансипативные — права, вероятно, будут входить в повестку кампаний кандидатов. Если новые ценности становятся общепринятыми, «культурным мейнстримом» — кандидаты набирают большинство голосов. Затем права закрепляются законами. Исследования соответствия политических предпочтений избирателей и их избираемых представителей в демократиях доказывают, что этот механизм на самом деле работает (Schmitt & Wessels, 2003; Dalton, 2006; Lax & Philipps, 2012). Как показывают данные, полученные в США, он работает таким способом, что изменения общественного мнения приводят к изменениям политики, а не наоборот (Page & Shapiro, 1992; Stimson, 1999; Stimson, MacKuen & Erikson, 2002). Это особенно убедительно подтвердили исследования политики в отношении абортов и однополых браков, затрагивающие две специфические сферы прав, уже упомянутые в данной главе: права женщин и права ЛГБТ.

В полуавторитарных режимах, где власти активно манипулируют «конкуренными» выборами, рост эмансипативных ценностей может не вызывать улучшений в сфере прав. Причина — в самой сути функционирования авторитарных структур: защита властей предрасположена от желаний и стремлений масс. Это представляется еще более верным для откровенно авторитарных режимов, в которых вообще не проводятся конкурентные выборы. Однако, как показано в совместном исследовании с Завадской (Zavadskaya & Welzel, 2013), обладатели власти в полуавторитарных режимах защищены от влияния масс в меньшей степени, чем можно предположить. Действительно, массовые протесты против мошенничества на выборах и поражение обладающих властью кандидатов существенно более вероятны в тех странах, где произошел рост эмансипативных ценностей. Даже в условиях откровенно авторитарных режимов массовые протесты часто приводили к их изменениям в сторону демократизации (Thompson, 2004; Ackerman & Karatnycki, 2005; Schock, 2005; Ulfelder, 2005). По определению такие трансформации режимов сопровождаются расширением прав¹⁶⁵. Как я доказал ранее (Welzel, 2007a), массовые протесты против авторитарных режимов сильнее, и у них больше вероятности на успех, если их мотивируют эмансипативные ценности. Это дополняет результаты, представленные в главе 7, продемонстрировавшие, что эмансипативные ценности вдохновляют мирные массовые протесты, даже если есть угроза репрессий.

Если авторитарные режимы не получают поддержки от каких-то внешних сил, они в меньшей степени, чем люди обычно полагают, защищены от стремлений масс. Чаще всего такие режимы сохраняют власть не потому, что они подавляют

¹⁶⁵ Это верно согласно приведенному ранее определению, поскольку права играют центральную роль в моем определении демократии (см. главу 8).

стремление масс получить права, но потому, что они большую часть времени не сталкиваются с подобным стремлением. Одна из причин этого заключается в том, что питательная почва для такого стремления — эмансипативные ценности — еще не созрела. В поддержку этой точки зрения данные МИЦ показывают, что в некоторых авторитарных обществах — таких как Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, Вьетнам, — люди вполне позитивно оценивают сложившуюся ситуацию с гражданскими правами¹⁶⁶. Есть одна поразительная закономерность, связанная с этим паттерном: там, где люди удовлетворены, несмотря на дефицит прав, — эмансипативные ценности слабы. Это видно на рисунке 9.1: по данным 85 стран, представленных на графике, слабость эмансипативных ценностей объясняет 58% дисперсии удовлетворенности людей недостаточными правами¹⁶⁷. Следовательно, суждения людей о ситуации с правами больше сообщают нам об их субъективных ценностях, чем о том, как обстоит объективная ситуация с правами¹⁶⁸.

Эти результаты показывают, что полуавторитарные и авторитарные структуры не защищают власти от массовых стремлений граждан получить права. Эти структуры выживают не потому, что они подавляют стремление масс получить права: причина в том, что большую часть времени власти просто не сталкиваются с этим стремлением. Но когда эмансипативные ценности вызывают стремление к правам, авторитарные барьеры начинают уступать под давлением общественных движений. Следовательно, в авторитарной среде потребуется больше времени,

¹⁶⁶ Можно предположить, что из-за боязни репрессий респонденты в авторитарных системах оценивают ситуацию с правами положительно, хотя не удовлетворены ею. С другой стороны, людей в таких обществах нечасто просят высказать свое мнение, и поэтому они могут особенно желать сделать это, когда предоставляется такая возможность. Если эти два импульса противоречат друг другу, самым легким выходом будет отказ от ответа. В этом случае следует ожидать самой большой доли отказов от ответа в наиболее авторитарных обществах из участвовавших в МИЦ. Однако, по данным таблицы I.1 введения, в обществах из категории «недемократических» доля отказов от ответа составляет 3,2%. Столь малая доля отказов опровергает предположение, будто люди положительно оценивают ситуацию с правами, хотя на деле неудовлетворены ею. Иными словами, я полагаю, что многие люди действительно удовлетворены ситуацией с правами, как они и ответили. Данную интерпретацию легче примирить с тем фактом, что большую часть времени репрессивные режимы не испытывают давления со стороны масс, требующих расширения прав, хотя иногда такое и бывает. Очевидно, что репрессивный характер режимов не может объяснить этого факта. Но можно предположить, что различия в степени удовлетворенности правами объясняются распространенностью эмансипативных ценностей: в некоторых авторитарных обществах ориентация на эти ценности растет быстрее. Там, где эмансипативные ценности стали более выраженными, они поощряют активность общественных движений несмотря на угрозу репрессий, как было показано в главе 7.

¹⁶⁷ На вертикальной оси рисунка 9.1 приведены данные по вопросу МИЦ (V164) о том, насколько, по мнению респондента, в его/ее стране уважаются гражданские права, с диапазоном ответов от «абсолютно не уважаются» до «уважаются в полной мере». Я перекодировал четырехпозиционную шкалу в шкалу от 0 (не уважаются до 1,0 (полностью уважаются), посчитал среднее для каждого общества и вывел из него оценку гражданских прав для того же года (также в диапазоне от 0 до 1). Это дало индекс различия, для которого большие позитивные значения показывают, насколько оценки прав респондентами выше, чем реальная оценка ситуации (перооценка реальной ситуации), в большие отрицательные — насколько ниже (недооценка реальной ситуации).

¹⁶⁸ Возможное альтернативное объяснение: оценка ситуации с правами людей показывает, что они знают о правах, и в этом случае включенность в коммуникации и формальное образование должны быть факторами, определяющими ошибки людей в оценке ситуации с правами. На самом деле при использовании объединенных для всех стран индивидуальных данных пятой волны МИЦ, охватывающей 53 000 респондентов из пятнадцати стран, формальное образование слабо коррелирует с ошибками в оценке прав на уровне $r = -0,08$, а включенность в коммуникации — на уровне $r = -0,18$. Эмансипативные ценности, напротив, коррелируют с ошибками в оценке прав сильнее: $r = -0,34$, а также превосходят два других предиктора в модели множественной регрессии. Я не смог найти более сильного коррелята для ошибок в оценке прав, чем эмансипативные ценности. Следовательно, я считаю обоснованным вывод о том, что эти ошибки в оценке прав децентрализируют удовлетворенность ситуацией дефицита прав у людей с низким эмансипативными ценностями. Это вполне возможно: для того, кто не разделяет эмансипативные ценности, права менее важны. Следовательно, выше вероятность, что такой респондент будет удовлетворен ситуацией дефицита прав.

чем в демократической, для формирования связи между изменениями ценностей и правами, но и в авторитарных режимах она сформируется тоже, и когда это произойдет — мы увидим распад авторитаризма. По той же логике в авторитарных системах, остающихся стабильными и не расширяющими гражданские права, скорее всего, не произойдет роста эмансипативных ценностей, и именно по этой причине им легко удается не расширять гражданские права.

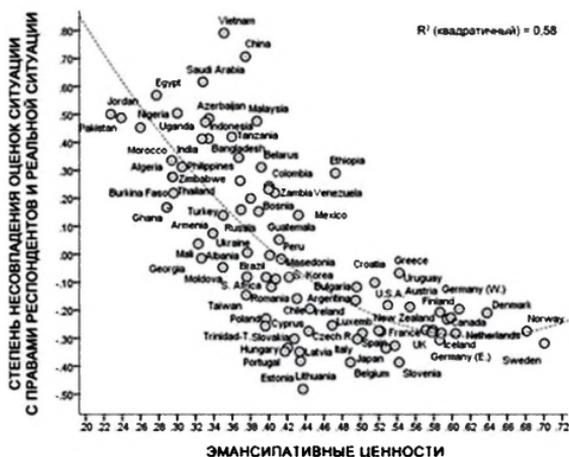

Рисунок 9.1. Эмансипативные ценности и ошибочные оценки прав

Примечание: Анализ включает 84 общества, участвовавшие в опросах МИЦ; для каждого из них используются самые последние данные. Временной период варьируется с 1995 до 2005 гг. По вертикальной оси показана разница между рейтингом ситуации с правами человека в данном обществе, по мнению респондентов, и действительным рейтингом данного общества в год опроса. У этого индекса разницы теоретический минимум $-1,0$ — в том случае, если все респонденты сочли ситуацию в данном обществе наилучшей, хотя в реальности она наилучшая; теоретический максимум $+1,0$ — если все респонденты сочли ситуацию с правами наилучшей, а в реальности она наихудшая. Стоит отметить, насколько близки к последней ситуации Вьетнам, Китай и Саудовская Аравия. Как показывает сравнение этой диаграммы с рисунком 10.6 в главе 10, оценки респондентами прав и демократии больше сообщают нам об ожиданиях людей, чем о реальной ситуации.

Итак, если все эти утверждения неверны, и изменения ценностей и прав сопутствуют друг другу только в демократических обществах, мы не обнаружим их соответствия друг другу в выборке, включающей все типы режимов, в том числе полуавторитарные и авторитарные. Следовательно, чтобы проверить, есть ли соответствие эмансипативных ценностей расширению гражданских прав в разных режимах, наша выборка и должна включать разные режимы, а не только демократии.

2. Методы

Чтобы исследовать связь между изменениями ценностей и прав, нам нужны лонгитюдные данные для измерения этих изменений. Но как решить, какое из двух сопутствующих изменений является ведущим? Для ответа на этот вопрос

мы используем такой же подход, который применялся для моделей динамического сдвига в главе 4¹⁶⁹.

Основная идея — рассчитать систему рецiproкных регрессий: первая оценит влияние изменений ценностей на изменения прав, а вторая — обратный эффект, — а затем сравнить регрессионные коэффициенты. Однако этот метод даст решающие результаты, только если мы сможем устранить симметрию в рецiproкной связи между этими двумя парными переменными. Для этого нам нужно «нарушить» рецiproкную детерминацию парных переменных. Это можно сделать, включив в модель дополнительные источники детерминации, причем такие, которые потенциально могут по-разному влиять на парные переменные. Если на одну из парных переменных эти другие источники детерминации, действительно, влияют сильнее, ее детерминация снизится в большей степени, чем у второй переменной пары. Это делает рецiproкность *асимметричной*: более сильный эффект рецiproкной детерминации окажется для той переменной, на которую меньше влияют внешние источники. Таким образом, обнаруживая асимметрию в рецiproкной взаимосвязи, мы можем определить, какое из двух сопутствующих изменений является ведущим, а какое — ведомым.

Для анализа асимметрии в рецiproкной детерминации изменений ценностей и прав мы вводим два дополнительных источника детерминации: (1) автономную детерминацию и (2) гетерономную детерминацию.

Автономная детерминация показывает, в какой степени каждое из двух сопутствующих изменений определяется своей собственной инерцией, что показывает временная автокорреляция. Гетерономная детерминация показывает, в какой степени каждое из двух сопутствующих изменений определяется «третьими» силами извне рецiproкной системы. Если у одного из двух сопутствующих изменений более высокая автономная и гетерономная детерминация, то у этого изменения ниже рецiproкная внутрисистемная детерминация, а второе изменение, напротив, в большей степени определяется внутрисистемными факторами. Тогда рецiproкность становится асимметричной; это проявится в том, что одно из двух изменений будет сильнее влиять на другое, и это покажут коэффициенты двух разнонаправленных регрессий.

Таким образом, мы рассчитаем систему рецiproкных регрессий с учетом автономной и гетерономной детерминации обеих переменных, отражающих изменения. На первом шаге мы рассмотрим, как изменения ценностей и изменения прав влияют друг на друга, контролируя для обеих переменных их автономную детерминацию. В формальной терминологии, мы моделируем права в момент T_2 как функцию (1) прав в момент T_1 и (2) изменения ценностей в период от T_1 до T_2 . И наоборот, мы моделируем ценности в момент T_2 как функцию (1) ценностей в момент T_1 и (2) изменения прав в период от T_1 до T_2 . Пусть V обозначает ценности, R — права, c — константу и ϵ — ошибку. Мы запишем такие уравнения регрессий:

¹⁶⁹ Обратите внимание: для того, чтобы между двумя изменениями существовала причинная связь, необязательно, чтобы одно из них было завершено до того, как начнется другое. Вполне возможно, что в паре двух одновременно происходящих изменений одно — ведущее, причина, а второе — следствие. Закат и понижение температуры происходят одновременно, но именно закат приводит к снижению температуры, а не наоборот. В мире политики Стимсон (Stimson, 1999) показал то же самое для изменений общественного мнения и политики: они изменяются одновременно, но изменения мнений в большей степени определяют политику, чем наоборот.

$$(1a) \quad R(T_2) = c + b_1 \times R(T_1) + b_2 \times \Delta V(T_2 - T_1) + \varepsilon$$

$$(1b) \quad V(T_2) = c + b_1 \times V(T_1) + b_2 \times \Delta R(T_2 - T_1) + \varepsilon$$

В обоих моделях мы объясняем зависимую переменную, контролируя ее предыдущий уровень, что эквивалентно объяснению изменения зависимой переменной: мы объясняем ее последующий уровень как сдвиг в сравнении с предыдущим уровнем¹⁷⁰. Соответственно, коэффициент b_2 в первом уравнении показывает нам, в какой степени изменения ценностей смещают последующий уровень прав в сравнении с их первоначальным уровнем¹⁷¹. Сходным образом коэффициент b_2 во втором уравнении демонстрирует, в какой степени изменения прав смещают последующий уровень ценностей в сравнении с их первоначальным уровнем¹⁷². Если одна из переменных, оценивающих изменения, демонстрирует более высокую автономную детерминацию с течением времени, она менее подвержена влиянию другой переменной пары, и это означает, что именно она детерминирует реципрокную взаимосвязь.

На втором шаге мы включаем в модели *внешние* изменения как возможные факторы влияния на одну или обе переменные, фиксирующие изменения *внутри* реципрокной системы. Пусть E обозначает вектор изменений внешних переменных, тогда мы расширим модели следующим образом:

$$(2a) \quad R(T_2) = c + b_1 \times R(T_1) + b_2 \times \Delta V(T_2 - T_1) + b_3 \times \Delta E(T_2 - T_1) + \varepsilon$$

$$(2b) \quad V(T_2) = c + b_1 \times V(T_1) + b_2 \times \Delta R(T_2 - T_1) + b_3 \times \Delta E(T_2 - T_1) + \varepsilon$$

Если изменение ценностей детерминирует реципрокную систему сильнее, чем изменение прав, коэффициент b_2 в уравнении (2a) будет выше, а также уровень статистической значимости будет также выше, чем в уравнении (2b).

Эти уравнения не являются независимыми друг от друга. Они представляют собой реципрокную систему. Это приводит к смещенным оценкам, если ошибки двух уравнений коррелируют. Чтобы скорректировать это возможное смещение, я использую алгоритм Zellнера (Zellner, 1962) под названием «внешние не связанные уравнения регрессии» (Siravastava & Gilles, 1987; Greene, 2002).

Заметим, что эти модели решают проблему эндогенности. Если ценности — это эндогенный аспект прав, и предшествующий уровень прав детерминирует последующие изменения ценностей, то уравнение (2a) учитывает это, контролируя эффект влияния прав на изменения ценностей в момент T_1 . В итоге мы оцениваем эффект влияния изменений ценностей, независимый от влияния прав. Это же верно и в обратном направлении: в уравнении (2b) мы оцениваем эффект влияния изменений прав, независимый от влияния ценностей¹⁷³.

¹⁷⁰ Отвечая на критику Ахена (Achen, 2001), Кили и Келли (Keele & Kelly, 2005) обосновывают правомерность использования зависимых переменных с лагом в авторегрессионных моделях в большинстве случаев.

¹⁷¹ В ответ на критику Кронбаха и Ферби (Cronbach & Furby, 1970), в недавних публикациях реабилитируется анализ значений изменений как правомерный метод оценки динамической взаимосвязи (Liker, Augustyniak & Duncan, 1985; Allison, 1990; Miller & Kane, 2001).

¹⁷² Использование разницы уровней (дельты) как зависимой переменной дало такие же коэффициенты для всех независимых переменных в этих моделях, за исключением зависимой переменной с лагом.

¹⁷³ Тем не менее я провел тест Дурбина-Ву-Хаусмана (Durb n-Wu Hausman) для проверки того, являются ли изменения ценностей в уравнении (2a) и изменения прав в уравнении (2b) эндогенными (Davidson & MacKinnon, 1993). Как показано в приложении 9, результаты негативные: эндогенность отсутствует. Следовательно, использовать инструментальные переменные для изменения ценностей или изменения прав не нужно, двухэтапная регрессия по методу наименьших квадратов в данном случае не требуется.

Еще одно преимущество подобной системы уравнений заключается в том, что она устраняет смещения оценок из-за пропущенных независимых переменных. Это верно, потому что включение в систему зависимых переменных с лагом учитывает любые предыдущие влияния на зависимую переменную, включая и те, которые были вызваны отсутствующими в моделях независимыми переменными.

Я рассчитал модели в двух вариантах: краткосрочном и долгосрочном. В краткосрочную модель были включены все страны, которые участвовали в исследованиях МИЦ хотя бы дважды. Для этих стран мы проанализировали все изменения между двумя последовательными волнами МИЦ. Эта комбинация общества-волны дала нам 130 наблюдений. Напротив, в долгосрочной модели мы проанализировали изменения прав, ценностей и внешних переменных от самого раннего имеющегося опроса до самого позднего, если волны разделяло не менее десяти лет. Это ограничило выборку пятьюдесятью странами.

Краткосрочные и долгосрочные модели взаимно дополняют друг друга. Краткосрочная модель охватывает больше наблюдений, но более короткий период; для долгосрочной модели верно обратное. Если одинаковый паттерн проявится в обеих моделях — мы можем быть более уверены в обоснованности результатов.

После представления результатов регрессионных моделей я проверяю результаты на правдоподобность, тестируя предположения, которые должны подтвердиться, если изменения ценностей детерминируют изменения прав, а не наоборот. Во-первых, я расширяю временную перспективу в прошлое, оценивая значения ценностей для 1975 г., то есть того времени, когда еще не произошло существенного расширения прав в результате тренда глобальной демократизации. Во-вторых, проверяю, обнаруживается ли сходный паттерн реципрокности взаимосвязи ценностей и прав во вновь появившейся сфере прав, а именно, в правах ЛГБТ.

В долгосрочных моделях мы анализируем изменения ценностей от наиболее раннего до наиболее позднего опроса при условии, что их разделяет хотя бы десять лет. Это позволяет сохранить в выборке лишь 50 стран из 95, участвовавших в исследованиях МИЦ: эта же выборка использовалась в моделях динамического сдвига в главе 4. Как показывают данные приложения 4, в этой сокращенной выборке нет ошибки смещения, вызванного выборкой. Пятьдесят стран представляют все регионы мира, охватывают все культурные зоны и отражают глобальное разнообразие уровней развития и типов режимов. Выборка включает в себя самые крупные страны по численности населения и размеру экономики для каждого региона.

В краткосрочных моделях мы трактуем изменения между любыми двумя последовательными волнами МИЦ как наблюдение. Это позволяет увеличить размер выборки. В таблицах приложения 9 приведены списки всех обществ, включенных в обе упомянутые выше выборки.

3. Данные и переменные

3.1. Общие и специфические для конкретных групп гражданские права

В широком смысле, гражданские права охватывают все права, предоставленные обычным людям с целью превращения их из лишенных прав индивидов в наделенных правами акторов. В этом широком смысле гражданские права

включают и права, предоставленные членам подвергающихся дискриминации групп, таких как женщины и члены ЛГБТ-сообществ. Такие специфические права не противоречат общим правам, но уточняют и дополняют их. И общие, и специфические для групп гражданские права вдохновлены одной идеей: человеческой эмансипацией.

В последующем анализе я использую термин «гражданские права» в значении общих гражданских прав, не принадлежащих какой-либо специфической группе. От них отличаются специфические для групп гражданские права, в частности, женщин и ЛГБТ, которые я также анализирую. Есть и другие специфические для групп права, такие как права инвалидов или детей. Однако для них отсутствуют данные, подходящие для лонгитюдного анализа на широкой выборке стран.

3.1.1. Общие гражданские права

Для измерения гражданских прав я использую индекс гражданских прав, описанный и обоснованный в главе 8. В нашей выборке минимальный уровень гражданских прав представлен Китаем (0), Вьетнамом (0,01), Беларусью (0,05), Нигерией (0,06) и Египтом (0,07). Максимальный уровень наблюдается в Исландии (1,0), Нидерландах (0,99), Норвегии (0,97) и Швеции (0,95). Среднее значение (0,64) — это уровень Южной Африки.

Изменения в правах от наиболее ранней до наиболее поздней волны исследований для большинства обществ в нашей выборке относятся к периоду с 1990 по 2005 гг. За этот период соотношение позитивных сдвигов к негативным — 30 к 19. Средний сдвиг равен +0,26 и обнаружен в Болгарии и Уругвае. Самый большой негативный сдвиг, равный -0,17, произошел в Турции. В сравнении с 1990 г. — моментом первого наблюдения в этой стране — негативные изменения соответствовали ограничению прав, связанному с подъемом исламизма. Самый большой позитивный сдвиг (+0,74) произошел в Венгрии. Она была единственной коммунистической страной, участвовавшей в опросе 1981 г., поэтому позитивный сдвиг в ней отражает переход от авторитарного коммунистического режима к демократии уровня 2005 г. Важно отметить, что все эти сдвиги отражают изменения реальной практики предоставления прав, а не наличие их формальных гарантий.

3.1.2. Специфические для конкретных групп гражданские права

3.1.2.1. Женщины

Проект «Данные о правах человека» Сингранелли и Ричардса использует отчеты о правах человека Госдепартамента США и Международной Амнистии (Cingranelli & Richards, 1999; 2010). В этом проекте рассчитаны индексы для различных сфер прав. Каждый индекс измерен на многопозиционной порядковой шкале, в какой степени права данной сферы уважаются в повседневной практике данного общества. Приводятся отдельные индексы для политических, экономических и гражданских прав женщин. Список прав, включенных в каждую из упомянутых сфер, приведен в приложении 9.

Я усреднил и стандартизировал все эти индексы в общий индекс женских прав с минимумом 0 и максимумом 1. Самый низкий уровень женских прав — в Нигерии

(0,19), а самый высокий — в Норвегии (1,0). Средний уровень (0,62) наблюдался в Испании и Италии. За период наблюдений положительных сдвигов было больше, чем негативных, в соотношении 18 к 11. Средний размер сдвига равен +0,14, ближе всего к нему — Новая Зеландия. Самый большой негативный сдвиг (-0,22) произошел в Польше. Как и в других посткоммунистических обществах, ситуация с правами женщин в этой стране ухудшилась в сравнении с относительно равными правами для женщин и мужчин в коммунистических обществах. Самый большой положительный сдвиг (+0,33) произошел в США.

3.1.2.2. Лесбиянки, геи, бисексуалы и транссексуалы (ЛГБТ)

Недавно появилась сфера прав, относящаяся к ЛГБТ. Поскольку эта сфера новая, лонгитюдных данных для нее нет, но именно по этой причине мы знаем, что эмансипативные ценности уже были на подъеме еще до того, как эта сфера стала заметной. Таким образом, я интерпретирую любую связь между эмансипативными ценностями и правами ЛГБТ как влияние ценностей на права. Если мы обнаружим такой эффект, это повысит вероятность того, что эмансипативные ценности являются на самом деле источником влияния, вызвавшим расширение прав, связанное с человеческой эмансипацией.

Я использую данные Международной комиссии по правам геев и лесбиянок (2010), в которых кодировалось как 0 — отсутствие и как 1 — присутствие правового признания отношений людей одного пола, легализация однополых браков, прав ЛГБТ на усыновление/удочерение детей, доступ ЛГБТ в вооруженные силы, антидискриминационные законы и защита законом тех, кто заявляет о своей сексуальной идентичности. Это дает семибалльный индекс, который я нормализовал в диапазоне от 0 до 1.

Самое низкое значение индекса прав ЛГБТ в нашей выборке (0) обнаружилось в Алжире и Вьетнаме. Самое высокое (1) — в Бельгии, Швеции и Нидерландах. Среднее значение индекса прав ЛГБТ (0,52) — это уровень Чехии, Японии и Перу. Поскольку более ранних данных не существует, значения для изменений невозможно рассчитать.

3.2. Контрольные переменные

Как контрольные я включил в модель переменные, которым придается большое значение в литературе о демократизации. Причина очевидна: улучшение ситуации с правами — это главное достижение и цель демократизации. Три фактора, по данным исследований, сильнее всего влияющих на демократизацию, — это экономическое развитие (Voix, 2003; Teorell, 2010), глобальные связи (Rudra, 2005; Levitsky & Way, 2010) и экзогенное «заражение» (Starr, 1991; Weijert, 2005; Gleditsch & Ward, 2006).

3.2.1. Экономическое развитие

С точки зрения человеческой эмансипации экономическое развитие важно, потому что оно расширяет доступные людям ресурсы для действий. Обычно я предпочитаю использовать описанный ранее индекс технологического прогресса как показатель ресурсов для действий. Однако для этого индикатора отсутствуют

временные ряды, и поэтому его нельзя использовать в лонгитюдном анализе. По этой причине я пользуюсь наиболее популярным индикатором экономического развития: ВВП на душу населения (Вагго, 1997). Как меру человеческого развития в широком смысле Программа развития ООН (2011) продвигает «индекс человеческого развития» (ИЧР) — комбинированный индикатор экономического процветания, образования и продолжительности жизни. Для оценки того, насколько развитие благоприятствует женщинам, та же программа предлагает «индекс гендерного развития» (ИГД), который представляет собой соотношение ИЧР для женщин и мужчин.

В анализе были использованы попеременно все три вышеупомянутых индикатора, но приводятся самые сильные результаты, полученные для ВВП на душу населения. Результаты для ИГД и ИЧР буквально идентичны результатам, полученным при использовании логарифма ВВП на душу населения. Эти результаты приведены в приложении 9. Они не показали никаких изменений паттерна реципрокного взаимодействия ценностей и прав в сравнении с результатами для ВВП на душу населения.

Я использовал индексированные значения ВВП на душу населения для паритета покупательной способности в долларах, приведенные к ценам 2000 г. Данные взяты из базы «Индикаторы мирового развития» (World Bank, 2008). Максимальный уровень ВВП (70000 долларов США в Норвегии) получил значение 1. Минимальное значение индекса ВВП на душу населения получено для Нигерии (0,02). Среднее значение ВВП на душу населения — 0,21 (Польша). За период наблюдения позитивные сдвиги превосходили негативные в соотношении 42 к 2. Самый большой негативный сдвиг равен -0,02 (Латвия), позитивный — +0,31 (Норвегия). Средний сдвиг — +0,09 (он равен приросту порядка 6000 долларов США примерно за двадцатилетний период).

3.2.2. Глобальные связи

Для того чтобы измерить связи данного общества с глобальными сетями обмена, я использовал индекс глобализации Дрехера, Гастона и Мартенса (Dreher, Gaston & Martens, 2008). Этот индекс обобщает информацию о степени интеграции общества в социальные, экономические и политические сети глобального обмена, что подробно приведено в приложении 9. Самое низкое значение (0,38) получено для Беларуси — изолированного прибежища автократии в Европе. Самое высокое (0,93) — для Бельгии, в которой размещены ключевые международные организации. Среднее значение индекса (0,70) — это уровень Аргентины.

За период наблюдения нет ни одного примера негативного сдвига глобальных связей. Самый большой позитивный сдвиг +0,35 произошел в Словении — первой постюгославской республике, интегрированной в Европейский Союз. Среднее значение сдвига, равное +0,17, было обнаружено в Чили, Чехии и Японии.

3.2.3. «Экзогенное заражение»

Сдвиги прав или ценностей могут запускаться сходными сдвигами в соседних странах. Причина очевидна: ни одно общество не существует в вакууме, на него влияет то, что происходит в его окружении. Однако страны также включены

в культурные зоны, описанные во введении. Эти зоны представляют собой кластеры обществ с общим историческим наследием, и можно предположить, что общества заимствуют тренды изменений в основном от других стран той же культурной зоны.

Для учета данного соображения я создал переменные, приписывающие каждой стране средние значения изменений ценностей и прав для всех других стран из той же культурной зоны. Я также приписал каждой стране скорректированное значение изменений ценностей и прав, то есть средние значения изменений, взвешенных для численности населения соответствующих стран. Это сделано из тех соображений, что тренды в странах с большим населением привлекают больше внимания, и, следовательно, повышается вероятность того, что они будут влиять и на тренды изменений в других обществах из той же культурной зоны. Однако результаты для средних, скорректированных с учетом численности населения, оказались слабее, чем результаты для простых средних. По этой причине таблицы в следующем разделе приводятся для простых средних.

4. Результаты

4.1. Визуальные результаты

Начнем с рассмотрения двумерных связей между ценностями и правами. На рисунке 9.2 представлена эта взаимосвязь для гражданских прав, а на рисунке 9.3 — для женских прав. На обоих рисунках сравниваются взаимосвязи в период самого раннего опроса (слева) и самого позднего (справа). Эти наблюдения разделяют десять или более лет, но для большинства обществ самое раннее наблюдение относится к 1990 г., а самое позднее — к 2005 г.

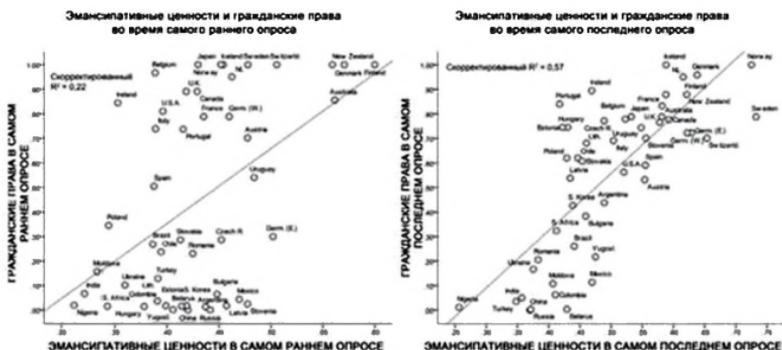

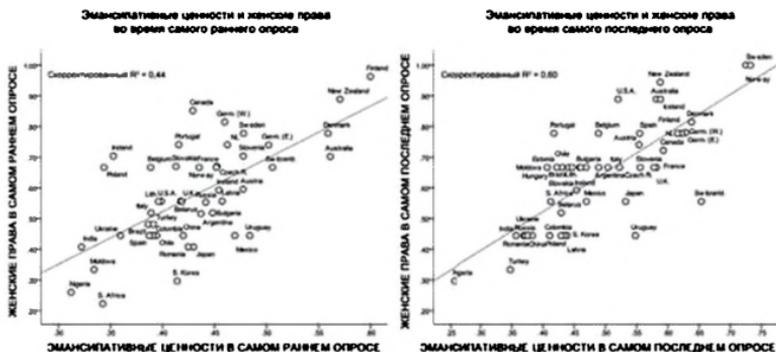
Рисунок 9.2. Динамика взаимосвязи между эмансипативными ценностями и гражданскими правами

Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие не менее двух раз в опросах МИЦ/ЕИЦ с разницей не менее, чем в десять лет.

Для гражданских прав сила связи ценностей и прав растет со временем: пересекающаяся дисперсия ценностей и прав для первого наблюдения равна 22%, а для

последнего — 57%¹⁷⁴. Рассуждая логически, соответствие двух переменных может улучшаться с течением времени, только если обе переменные сближаются или одна из них сближается с другой. Отметим, что эмансипативные ценности в среднем выросли на 0,07 пункта шкалы, а гражданские права — на 0,26. Это означает, что существенное улучшение соответствия двух переменных — в основном результат динамики той из них, которая больше изменилась, а именно прав. Иными словами, права стали в большей степени соответствовать ценностям, чем ценности — правам.

В самом деле, группа молодых демократий, включающая Аргентину, Венгрию, Южную Корею, Мексику, Словению и Болгарию, представляет собой выбросы и находится в нижнем правом углу на левой диаграмме рисунка 9.2. Положение этих обществ показывает, что во время ранних опросов в них наблюдался дефицит гражданских прав в сравнении с эмансипативными ценностями. Для Словении и Болгарии, где первые наблюдения относятся к 1990 г., это ситуация начала перехода к демократии. Для Аргентины, Венгрии и Южной Кореи, где первые данные получены в 1981 г., это период до перехода к демократии. Это также верно для Мексики, где первый опрос проведен в 1990 г. Время последнего опроса — это примерно 2005 г., когда переход к демократии в этих странах уже был завершен, и ситуация с гражданскими правами существенно улучшилась. В результате гражданские права изменились в направлении большего соответствия эмансипативным ценностям, которые в свою очередь, мало изменились за этот период: они более стабильны.

Рисунок 9.3. Динамика взаимосвязи между эмансипативными ценностями и правами женщин. Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие не менее двух раз в опросах МИЦ/ЕИЦ с разницей не менее десяти лет.

Рисунок 9.3 иллюстрирует почти столь же заметное усиление связи ценностей и прав женщин: от 44% до 60%¹⁷⁵. Но хотя эмансипативные ценности в среднем выросли на 0,07, права женщин расширились на 0,15% — в два раза больше.

¹⁷⁴ Сходный паттерн, хотя менее яркий, мы обнаружили в выборке 130 наблюдений краткосрочных изменений: общая дисперсия выросла с 46% до 61%.

¹⁷⁵ В выборке из 130 наблюдений для краткосрочных изменений связь выросла лишь на 5%: с 60% до 65%.

Это показывает, что большая часть усиления связи ценностей и прав — результат изменения прав. Опять-таки права корректируются ценностями в большей степени, чем ценности — правами. Подтвердят ли этот вывод результаты реципрокной системы регрессий, предложенной ранее? Результаты для этой системы показаны в таблицах 9.1—9.4.

4.2. Результаты регрессионного анализа

Три модели в левой части таблицы 9.1 объясняют состояние гражданских прав в момент T_2 с помощью их собственного значения в момент T_1 и изменений ценностей в период от T_1 до T_2 . В правой части направление каузальности — обратное, значение ценностей в момент T_2 объясняется их собственным значением в момент T_1 и изменениями прав в период от T_1 до T_2 . Выделенные серым регрессионные коэффициенты в левой части таблицы показывают, в какой степени изменения ценностей детерминируют рост прав выше их изначального уровня. Выделенные серым регрессионные коэффициенты в правой части таблицы показывают, в какой степени изменения прав детерминируют рост ценностей выше их изначального уровня.

Таблица 9.1. Система динамических взаимосвязей
(модель долгосрочных изменений гражданских прав)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:					
	Гражданские права в момент T_2			Эмансипативные ценности в момент T_2		
	Модель 1-1	Модель 1-2	Модель 1-3	Модель 2-1	Модель 2-2	Модель 2-3
Константа	0.40(8.1)***	0.25(2.4)**	0.10(0.9)'	0.06(0.4)'	0.00(0.1)'	0.14(1.8)*
Зависимая переменная (ЗП) в момент T_1	0.41(4.2)***	0.47(4.0)***	0.64(5.8)***	0.99(6.3)***	0.94(7.3)***	0.71(3.9)***
$\Delta(T_2 - T_1)$ Эмансипативные ценности	0.82(1.7)*	1.10(2.0)**	0.91(2.1)**			
$\Delta(T_2 - T_1)$ Гражданские права				-0.08(-2.1)**	0.01(0.3)	-0.02(-0.4)
$\Delta(T_2 - T_1)$ Экономическое развитие		-0.08(-0.2)'			0.65(6.7)***	
$\Delta(T_2 - T_1)$ Глобальные связи		0.57(1.6)'	0.59(1.8)*		-0.10(-0.9)'	-0.03(-0.2)'
Экзогенные изменения ЗП			0.48(3.7)***			0.84(3.8)***
Скоррел. R ²	0.54	0.57	0.66	0.49	0.74	0.62
N	49	48	48	49	48	48

Примечание: Приведены стандартизованные регрессионные коэффициенты со значениями t-критерия в скобках. Коэффициенты рассчитаны в процедуре *sureg*-пакета STATA для каждой из трех систем из двух уравнений (Модели 1-1 и 2-1, 1-2 и 2-2, 1-3 и 2-3). Δ -переменные измеряют изменение от первого опроса в момент T_1 до последнего опроса в момент T_2 . Для каждого общества момент T_2 отстоит не менее чем на 10 лет от момента T_1 . Поскольку каждый год в обществ появляется в этой базе данных только один раз, тест для серийных корреляций проводить не нужно. Диагностика гетероскедастичности (White Test), мультиколлинеарности (VIF) и влиятельных случаев (DFFITS) для каждой из моделей не выявила нарушений допущений для регрессии OLS (по методу наименьших квадратов). T_1 — год проведения наиболее раннего из доступных опросов (в основном, 1990 или 1995). T_2 — годы проведения последнего из доступных опросов (в основном, 2000 или 2005).
Уровни значимости: * $p > 0.100$, * $p < 0.100$, ** $p < 0.050$, *** $p < 0.005$.

Мы сравниваем коэффициенты в двух частях таблицы, относящихся к той же паре уравнений. Таким образом, мы сравниваем выделенные серым коэффициенты (а) в моделях 1-1 и 2-1, (b) в моделях 1-2 и 2-2 и (c) в моделях 1-3 и 2-3.

Модели 1-1 и 2-1 показывают реципрокную систему без внешнего контроля. В этой конфигурации изменение ценностей оказывает значительное положительное влияние на права, повышая их значение на 0,82 пункта от изменения ценностей. Этот эффект значим на уровне 0,08. И наоборот: изменение прав оказывает, хотя и значимое, но слабое и негативное влияние на ценности, равное 0,08 от изменения ценностей. При использовании только автономной детерминации обеих переменных в качестве контрольной переменной динамика взаимосвязи между ценностями и правами положительна только в одном направлении: от ценностей к правам.

Сохранится ли этот эффект, если контролировать возможные «третьи» причины? Для ответа на этот вопрос мы добавляем в каждую из моделей две из трех контрольных переменных¹⁷⁶. После этого эффект влияния изменения ценностей становится более сильным и значимым. Это происходит, потому что изменение ценностей коррелирует с изменениями контрольных переменных, хотя некоторые из них не влияют на изменения прав. Таким образом, изменения ценностей включают в себя некоторые не имеющие отношения к правам изменения, снижающие эффект влияния ценностей на права. Включив в модель изменения контрольных переменных, мы очищаем изменения ценностей от подобных эффектов. Иными словами, эффект влияния изменений ценностей на изменения прав лучше выявляется при прочих равных условиях, что реализуется с помощью контрольных переменных.

Напротив, эффект влияния изменений прав становится положительным, но незначимым, при добавлении контрольных переменных в модели¹⁷⁷. Причина перемены знака и отсутствия значимости эффекта более сложная. Дополнительный анализ показал, что существенные улучшения ситуации с гражданскими правами часто сопровождаются временным ухудшением показателя экономического развития: одна из причин — в том, что перед завершением трансформации режима в сторону демократизации создается рискованный инвестиционный климат. Поскольку экономическое развитие детерминирует изменения ценностей (как показано в главе 4), небольшой негативный эффект влияния улучшения ситуации с правами на экономическое развитие отражается в небольшом негативном влиянии на изменения ценностей. Но когда мы контролируем экономическое развитие, этот негативный эффект исчезает — это ложный эффект, проявляющийся из-за способа влияния улучшения прав на экономическое развитие.

Воспроизводя этот анализ на выборке краткосрочных изменений, мы имеем дело с меньшими сдвигами, однако количество наблюдений возрастает в два раза. В таблице 9.2 показаны результаты. Как и раньше, продемонстрированы силь-

¹⁷⁶ Включение всех трех контрольных переменных сразу исчерпало бы все степени свободы в случае небольшой выборки для краткосрочных изменений.

¹⁷⁷ Эти результаты также сохраняются для третьей возможной комбинации внешних контрольных переменных: экономического развития и «внешнего заражения», а также когда мы добавляем дополнительный предиктор, отражающий временную длительность дельта-переменных. Для экономии места соответствующие модели приведены в приложении 9.

ные положительные и значимые эффекты изменения ценностей во всех моделях. Эффект изменения прав в этот раз также положительный и становится значимым при включении в модель внешних контрольных переменных. Соответственно, улучшение прав более значимо влияет на изменения ценностей при прочих равных условиях, что достигается с помощью включения в модели внешних контрольных переменных. Но, несмотря на значимость, эффекты влияния прав слабые. Самый заметный из них повышает показатели ценностей на 0,09 от изменения прав.

Таблица 9.2. Система динамических взаимосвязей
(модель краткосрочных изменений гражданских прав)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:					
	Гражданские права в момент T_2			Эмансипативные ценности в момент T_2		
	Модель 1 1	Модель 1 2	Модель 1 3	Модель 2 1	Модель 2 2	Модель 2 3
Константа	0.16(6.4)***	0.11(3.8)**	0.09(3.2)***	0.01(0.3)'	0.04(1.7)'	0.05(2.4)**
Зависимая переменная (ЗП) в момент T_1	0.76(19.7)***	0.84(21.0)***	0.80(22.0)***	1.04(23.2)***	0.96(21.5)***	0.88(16.5)***
$\Delta(T_2 - T_1)$ Эмансипативные ценности	1.06(3.6)***	0.99(3.8)***	1.30(4.7)***			
$\Delta(T_2 - T_1)$ Гражданские права				0.03(1.4)'	0.08(2.8)**	0.06(2.5)**
$\Delta(T_2 - T_1)$ Экономическое развитие		-0.46(1.3)'			0.52(4.7)***	
$\Delta(T_2 - T_1)$ Глобальные связи		0.15(0.8)'	0.06(0.3)'		-0.15(-2.4)**	0.11(1.3)***
Экзогенные изменения ЗП			0.73(5.5)***			1.30(4.9)***
Скорректи. R^2	0.79	0.85	0.83	0.80	0.83	0.83
Критерий Дурбина-Уотсона	1.70	1.80	2.00	1.70	1.80	2.00
N	133	126	131	133	126	131

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты со значениями t-критерия в скобках. Коэффициенты рассчитаны в процедуре `-sureg`, пакета STATA для каждой из трех систем из двух уравнений (модели 1-1 и 2-1, 1-2 и 2-2, 1-3 и 2-3). Δ -переменные измеряют изменение от первого опроса в момент T_1 до последнего опроса в момент T_2 . Наблюдения включены в базу данных временных рядов, построенных на поперечных срезах, в которой каждое общество представлено несколько раз.

Диагностика гетероскедастичности (White Test), мультиколлинеарности (VIF) и влиятельных случаев (DFFiTs) для каждой из моделей не выявила нарушений допущений для регрессии OLS (по методу наименьших квадратов).

T_1 — год предшествующего опроса.

T_2 — год последующего для момента t опроса.

Уровни значимости: * $p > 0.100$. ** $p < 0.100$. *** $p < 0.050$. **** $p < 0.005$.

Основной вывод остается прежним: ценности всегда оказывают значимое и положительное влияние на права; в противоположном направлении — от прав к ценностям — эффекты всегда слабые и не всегда являются значимыми и положительными.

Таблица 9.3. Система динамических взаимосвязей
(модель долгосрочных изменений прав женщин)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ					
	Женские права в момент T_2			Эмансипативные ценности в момент T_2		
	Модель 1-1	Модель 1-2	Модель 1-3	Модель 2-1	Модель 2-2	Модель 2-3
Константа	0.24(4.3)***	0.28(3.8)***	0.27(3.2)***	-0.08(-1.2)*	-0.01(-0.1)†	0.03(0.4)†
Зависимая переменная (ЗП) в момент T_1	0.52(5.1)***	0.48(4.5)***	0.48(4.5)***	1.30(8.3)***	1.06(8.3)***	0.93(5.9)***
$\Delta(T_2 - T_1)$ Эмансипативные ценности	1.50(6.9)***	1.30(4.3)***	1.50(6.8)***			
$\Delta(T_2 - T_1)$ Права женщин				0.33(4.7)***	0.16(2.9)***	0.30(5.2)***
$\Delta(T_2 - T_1)$ Экономическое развитие		0.02(0.1)†			0.56(5.7)***	
$\Delta(T_2 - T_1)$ Глобальные связи		-0.01(-0.01)†	-0.01(-0.1)†		-0.08(-0.9)†	-0.01(-0.1)†
Экзогенные изменения ЗП			-0.07(-0.4)†			0.77(4.0)***
Скорр. R^2	.57	.60	.58	.51	.75	.65
N	46	46	46	46	46	46

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты со значениями t-критерия в скобках. Коэффициенты рассчитаны в процедуре `sureg` пакета STATA для каждой из трех систем из двух уравнений (модели 1-1 и 2-1, 1-2 и 2-2, 1-3 и 2-3). Δ -переменные измеряют изменение от первого опроса в момент T_1 до последнего опроса в момент T_2 . Для каждого общества момент T_1 отстоит не менее, чем на 10 лет, от момента T_2 . Поскольку каждое из обществ появляется в этой базе данных только один раз, тест для серийных корреляции проводить не нужно. Диагностика гетероскедастичности (White Test), мультиколлинеарности (VIF) и в значительных случаях (DFFITs) для каждой из моделей не выявила нарушений допущений для регрессии OLS (по методу наименьших квадратов).

T_1 — год самого раннего проведенного опроса.

T_2 — год самого позднего проведенного опроса.

Уровни значимости: † $p > 0.100$. * $p < 0.100$. ** $p < 0.050$. *** $p < 0.005$.

Теперь рассмотрим взаимосвязь ценностей и женских прав. В таблице 9.3 проанализирована эта взаимосвязь в долгосрочной перспективе, что сходно с анализом, представленным в таблице 9.1. Во всех трех парах моделей изменения ценностей влияют на права значительно сильнее, чем изменения прав на ценности. Как показывает величина регрессионных коэффициентов, изменения ценностей влияют на права в пять раз сильнее, чем права влияют на ценности. Это верно и для моделей без контрольных переменных, и для моделей с контрольными переменными.

В таблице 9.4 показан паттерн реципрокности для краткосрочной перспективы, представленной в таблице 9.3. Опять-таки, реципрокный паттерн явно асимметричный: влияние ценностей на права сильнее, чем в обратном направлении. И снова это верно и для моделей с внешними контрольными переменными, и для моделей без них.

Таблица 9.4. Система динамических взаимосвязей
(модель краткосрочных изменений прав женщин)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:			Эмансипативные ценности в момент T_t		
	Женские права в момент T_t					
	Модель 1-1	Модель 1-2	Модель 1-3	Модель 2-3	Модель 2-3	Модель 2-3
Константа	0.10 (3.8)***	0.10 (3.4)***	0.10 (3.3)**	0.00 (0.4) +	0.03 (1.5) +	0.04 (2.0)**
Зависимая переменная (ЗП) в момент T_t	0.83 (18.3)***	0.81 (17.8)***	0.82 (18.1)***	10.06 (23.9)***	0.97 (21.6)***	0.90 (170.2)***
$\Delta(T_t - T_{t-1})$ Эмансипативные ценности	0.97 (5.8)***	0.73 (4.2)***	0.98 (5.8)***			
$\Delta(T_t - T_{t-1})$ Женские права				0.20 (4.8)***	0.14 (3.4)***	0.19 (4.9)***
$\Delta(T_t - T_{t-1})$ Экономическое развитие		0.40 (1.8)*			0.40 (3.6)***	
$\Delta(T_t - T_{t-1})$ Глобальные связи		-0.13 (-1.3)'	0.09 (0.6)'		-0.16 (-2.4)***	-0.11 (-1.8)'
Экзогенные изменения ЗП			-0.11 (-0.5)'			10.09 (4.3)***
Скорр. R^2	0.75	0.78	0.75	0.80	0.84	0.83
Критерии Дурбина-Уотсона	2.10	2.00	2.10	2.10	2.00	2.10
N	126	122	126	126	122	126

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты со значениями t-критерия в скобках. Коэффициенты рассчитаны в процедуре `-sureg-` пакета STATA для каждой из трех систем из двух уравнений (модели 1-1 и 2-1, 1-2 и 2-2, 1-3 и 2-3). Δ -переменные измеряют изменение от первого опроса в момент T_t до последнего опроса в момент T_t . Наблюдения включены в базу данных временных рядов, построенных на поперечных срезах, в которой каждое общество представлено несколько раз.

Диагностика гетероскедастичности (White Test), мультиколлинеарности (VIF) и влиятельных случаев (DFFITs) для каждой из моделей не выявила нарушений допущений для регрессии OLS (по методу наименьших квадратов).

T_t -- год предшествующего опроса.

T_{t-1} -- год последующего опроса.

Уровни значимости: * $p < 0.100$, ** $p < 0.100$, *** $p < 0.050$, **** $p < 0.005$.

О собственных эффектах влияния контрольных переменных можно сказать следующее. Экономическое развитие имеет значимое положительное влияние только на ценности, но *никогда* не оказывает влияния на права. Этот результат еще убедительнее подтверждает модель человеческой эмансипации, чем тест временной последовательности, представленный в главе 4. Согласно тезису *последовательности эмансипативной теории*, экономическое развитие вызывает рост эмансипативных ценностей, поскольку расширяет ресурсы для действий. Оказывая подобный эффект, экономическое развитие повышает полезность свобод, которую подчеркивают эмансипативные ценности. Более того, поскольку давление масс, требующих гарантий свобод, нуждается в появлении ценностей, подчеркивающих значимость этих свобод, эффект влияния экономического развития на расширение прав реализуется через влияние экономического развития на эмансипативные ценности. По этой

причине экономическое развитие не влияет на улучшение ситуации с правами, если мы контролируем рост эмансипативных ценностей.

Что касается других контрольных переменных, то «заражение» всегда оказывает значимое положительное влияние на ценности, но не всегда — на права. Если контролировать развитие или «заражение», глобализация обычно не оказывает значимого влияния на права, и хотя ее влияние на ценности значимо, эффекты слабые (и иногда негативные). В любом случае ценности детерминированы этими внешними факторами сильнее, чем права. Это объясняет, почему ценности менее чувствительны к изменениям прав, чем права — к изменениям ценностей. Следовательно, ценности оказываются движущей силой динамики реципрокной взаимосвязи с правами.

Как показано в приложении 9, эти результаты воспроизводятся и в серии альтернативных моделей с иными спецификациями. Результаты из приложения и таблицы 9.5 особенно интересны с учетом проблематики общественных движений. Они показывают, что рост активности общественных движений влияет на улучшение ситуации с правами меньше, чем рост эмансипативных ценностей. Это может удивить, если исходить из предпосылки, что улучшения прав требуют давления масс, связанного с активностью общественных движений. Согласно такому предположению, эффект усиления влияния эмансипативных ценностей должен быть условным: он зависит от проявления этих ценностей в активности общественных движений. Но в главе 7 было показано, что это условие выполняется: возрастающие эмансипативные ценности на самом деле приводят к повышению активности общественных движений, даже при угрозе репрессий. Однако не все действия общественных движений мотивируются эмансипативными ценностями. Следовательно, для улучшения ситуации с правами важна не сама по себе активность общественных движений, но то, мотивируется ли она эмансипативными ценностями. Регрессионная модель, представленная в приложении и таблице 9.5, демонстрирует это. Если мы разделим рост активности общественных движений на два компонента: компонент, предсказанный усилением эмансипативных ценностей, и не предсказанный ими компонент, — оказывается, что только предсказанный компонент улучшает ситуацию с правами. Имеет значение только активность общественных движений, вдохновленная эмансипативными ценностями.

4.3. Расширения модели

4.3.1. Расширение временного охвата

Мы видели, что изменения ценностей и прав сопутствуют друг другу. Но могут быть периоды, когда они расходятся, и между ними возникает более или менее выраженное несоответствие. Если мы сможем проследить в прошлом, когда именно это несоответствие стало заметным, что мы должны ожидать в следующий период, когда ценности в самом деле будут детерминировать изменения прав? Ясно, что именно: начальное несоответствие ценностей и прав вызовет изменение прав, которые приблизятся к уровню ценностей. Напротив, ценности не подчиняются этой логике, поскольку они изменяются согласно другим причинам, таким как экономическое развитие.

В определенном смысле, представленные на рисунке 9.2 данные уже подтверждают данный прогноз. Согласно приведенной слева диаграмме, в начале периода

наблюдений гражданские права существенно отставали от ценностей в Балтийских странах, в Восточной Германии Венгрии, Болгарии, Южной Корее, Аргентине, Словении и Мексике. Но, как мы видим на диаграмме справа, после завершения трансформации режимов, гражданские права существенно расширились во всех этих обществах до такого уровня, что они стали лучше соответствовать ценностям.

Если мы задумываемся о том, когда несоответствие эмансипативных ценностей и гражданских прав было особенно существенным, лучшим кандидатом будет время начала глобального тренда демократизации. Это примерно 1975 г. (Huntington, 1991). Вероятность несоответствия в это время велика, потому что во время холодной войны правых и левых диктаторов поддерживали две сверхдержавы. Поддержка извне искусственно защищала эти режимы от внутреннего давления. Получая доступ к «незаработанным ресурсам» (Conrad & DeMeritt, 2013), они могли себе позволить не обращать внимания на растущее стремление масс к расширению прав, если оно возникало под влиянием роста эмансипативных ценностей. Это интуитивно почувствовал Хантингтон (Huntington, 1984: 214), когда писал, что с учетом их экономических и культурных особенностей некоторые общества в Восточной Европе, особенно Чехословакия, «определенно были бы демократиями (Венгрия и Польша, вероятно, тоже), если бы не veto советского присутствия» [скобки использованы в оригинале]. В применении к нашей концепции этот тезис предполагает, что в начале тренда глобальной демократизации, примерно в 1975 г., существовало явное несоответствие между эмансипативными ценностями и гражданскими правами, особенно в авторитарных режимах. Очевидно, это несоответствие было глубинной причиной немедленного начала тренда демократизации, как только сверхдержавы устранили защитные барьеры, охранявшие авторитарные режимы от внутреннего давления.

К несчастью, у нас нет данных об эмансипативных ценностях для 1975 г. Однако мы хорошо знаем о том, насколько сильна автокорреляция этих ценностей и в какой степени различия между демографическими когортами влияют на скорость их изменения. Следовательно, мы можем использовать длительность промежутка времени от первого измерения эмансипативных ценностей в данном обществе до 1975 г., для того чтобы оценить, какими они были в 1975 г. В приложении 9 подробно описан примененный мною алгоритм. У нас есть также замещающая переменная для значения гражданских прав в каждом из обществ в 1975 г., основанная на сочетании рейтингов гражданских и политических прав Freedom House. Как подробно описано в приложении 9, этим значениям были приспаны понижающие веса, чтобы они были эквивалентны более консервативным оценкам гражданских прав.

На рисунке 9.4 представлены результаты мысленного эксперимента на основе этих оценок: на графике показано соотношение гражданских прав и оценок эмансипативных ценностей в 1975 г. Можно видеть, что уровень прав значительно ниже уровня ценностей в тех странах, в которых еще не произошла смена режима. Это особенно заметно для обществ, которые были тогда коммунистическими, таких как Южная Корея, Уругвай и Чили. Но в 1975 г. к этой группе присоединилась Испания. В это время Испания еще не перешла к демократии¹⁷⁸. Но это уже

¹⁷⁸ Он начался после смерти генерала Франко 22 ноября 1975 г.

произошло во время нашего первого реального исследования в 1981 г.: в этом году уровень гражданских прав в Испании в сравнении с ценностями уже был достаточно высоким (см. диаграмму слева на рисунке 9.2). Эти критические случаи показывают, что существенный рост прав происходит благодаря тенденции приводить права в соответствие с ценностями людей.

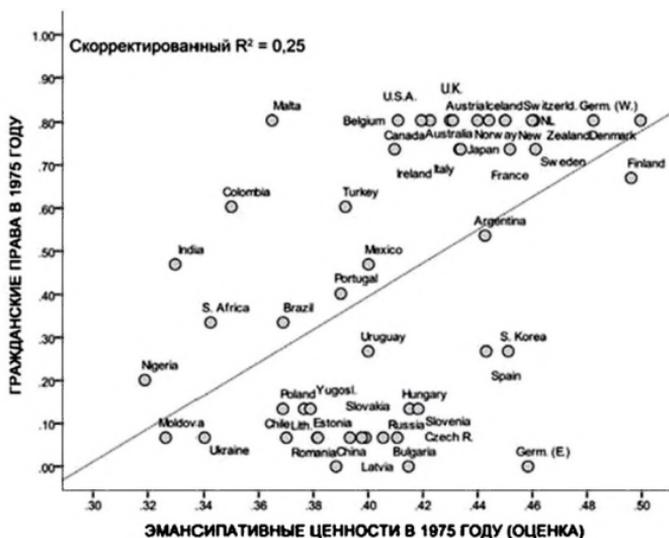

Рисунок 9.4. Оценка связи между эмансипативными ценностями и гражданскими правами в 1975 г. Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие не менее двух раз в опросах МИЦ/ЕИЦ с промежутком времени не менее десяти лет.

Проверим непосредственно предположение о том, что несоответствие ценностей и прав вызывает последующее изменение прав, но не ценностей, направленное на уменьшение несоответствия. Мы измеряем степень несоответствия с помощью остатков для гражданских прав в 1975 г., которые не объясняются уровнем эмансипативных ценностей в этом году. Две диаграммы на рисунке 9.5 показывают размер несоответствия по горизонтальной оси. Несоответствие тем больше, чем выше уровень дефицита прав в сравнении с ценностями. Заметим, что несоответствие измерено до начала глобальной волны демократизации. По вертикальной оси на диаграмме слева показаны для каждого общества изменения ценностей после 1975 г. до 2005 г. Сходным образом, вертикальная ось на правой диаграмме показывает взаимосвязь для каждого общества изменений прав после 1975 г. до 2005 г. Итак, мы видим упорядоченную во времени взаимосвязь, показывающую, как несоответствие ценностей-прав в 1975 г. приводило к изменению этих двух переменных через много лет после 1975 г.

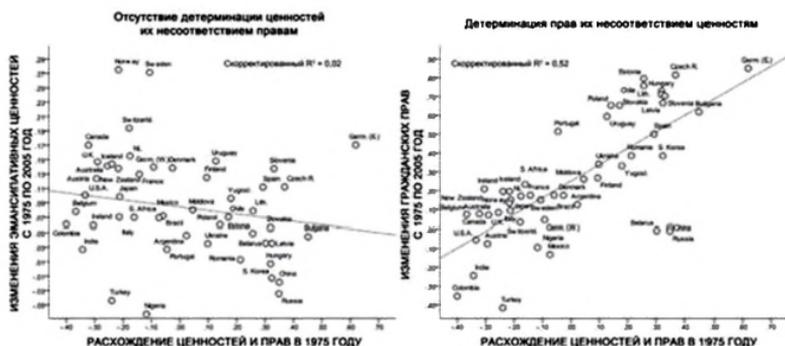

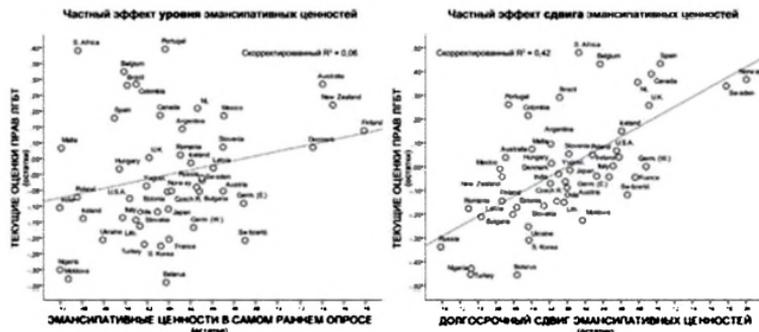
Рисунок 9.5. Изменения ценностей и прав как функция начального несоответствия ценностей и прав. Данные: 50 обществ с валдными данными, участвовавшие не менее двух раз в опросах МИЦ/ЕИЦ с промежуток времени не менее десяти лет.

Результаты вполне ясны: чем больше права в 1975 г. отставали от уровня эмансипативных ценностей, тем больше права расширились после 1975 г. Иными словами, права изменялись в сторону уменьшения несоответствия ценностям. Эта тенденция объясняет 52% расширения прав в период с 1975 по 2005 г. Напротив, ценности не изменялись как функция степени несоответствия ценностей-прав: изменения ценностей после 1975 г. не объясняются несоответствием ценностей-прав в 1975 г. Результаты данного мысленного эксперимента показали, что в реципрокной взаимосвязи ценностей и прав именно ценности являются ведущим фактором, а права — ведомым.

4.3.2. Расширение сферы прав

В длительной перспективе ценности и права должны изменяться в соответствии друг с другом в любой сфере прав, отражающей тенденцию человеческой эмансипации. Одна из таких сфер — это права ЛГБТ. Они недавно стали сферой правового регулирования, поэтому современные права ЛГБТ — это следствие подъема эмансипативных ценностей. Но связаны ли они систематически с этими ценностями?

Рисунок 9.5 показывает, что на современные права ЛГБТ оказал сильное положительное влияние рост эмансипативных ценностей с момента первого наблюдения. Этот результат устойчив при контроле и показателей развития, и глобализации (см. приложение 9, где приведены дополнительные тесты устойчивости). В конечном итоге эмансипативные ценности так же сильно связаны с правами ЛГБТ, как и с правами женщин и гражданскими правами. Временной порядок этой взаимосвязи не оставляет сомнений относительно ее направления. Права ЛГБТ появились совсем недавно, гораздо позже усиления эмансипативных ценностей в результате смены поколений. Следовательно, тесная связь между ними доказывает влияние ценностей на права, а не наоборот.

Рисунок 9.6. Эманипационные ценности и права ЛГБТ (статический и динамический эффекты)
 Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие не менее двух раз в опросах МИЦ/ЕИЦ с промежуток времени не менее десяти лет.

Ключевые положения

Получено четыре результата. Во-первых, тесная реципрокная взаимосвязь между ценностями и правами — реальность, потому что она сохраняется и после контролирования в модели внешних влияний. Во-вторых, эта реципрокность, взаимообусловленность — глубоко асимметричная: она гораздо сильнее проявляется во влиянии ценностей на права, чем в противоположном направлении. В-третьих, даже несмотря на то, что на ценности в значительной степени влияют экономическое развитие и «внешнее заражение», ценности оказывают независимый эффект на права, поглощающий большую часть эффекта упомянутых внешних факторов. В-четвертых, реципрокный эффект влияния прав на ценности — слабый, и, тем не менее, положительный и значимый, особенно для женских прав. Это хорошая новость для правозащитников: формулируя права и требуя их, они вносят свой вклад в цикл человеческой эманипации.

Значимая роль ценностей соответствует предположениям концепции человеческой эманипации. Права не отражают того, чего хотят люди — они экзогенны по отношению к желаниям людей. Ценности, напротив, непосредственно отражают желания людей. Человеческая эманипация подразумевает, что ценности людей приобретают больший вес в развитии общества. Таким образом, в тех сферах, на которые влияет тенденция человеческой эманипации, ценности людей должны обладать большим эффектом, особенно на права.

Большую часть истории человечества желания людей не имели значения, потому что у обычных людей не было ни средств, ни умения размышлять о своих ценностях, определять и реализовывать их такими способами, чтобы бросить вызов властям. Человеческая эманипация изменила это, и благодаря ей обычные люди обрели способности и желание действовать как субъекты своих ценностей. Это позволило людям «сесть в водительское кресло истории», как заметил много лет назад Норберт Элиас.

Глава 10. Парадокс демократии¹⁷⁹

Демократия — это теория, утверждающая, что обычные люди знают, чего они хотят, и должны получить это без всякого снисхождения.

Г. Л. Менкен

Введение

Тренды глобальной демократизации последних десятилетий сделали доступными для сравнительных опросных исследований обширные регионы мира. Исследователи использовали эту возможность и проанализировали ответы респондентов на вопросы о том, в какой степени они хотят демократии. Очевидно, абсолютное большинство людей почти во всех обществах стремятся к ней, даже там, где еще сохранились авторитарные практики (Klingemann, 1999; Inglehart, 2003).

Однако сама универсальность желания демократии представляет собой парадокс. Несмотря на преобладание этого желания, большинство политических режимов в мире — это «дефектные демократии», «гибридные режимы», возобновленные или продолжающие существовать варианты автократии. Глава 8 продемонстрировала это (см. также: Rose, 2009; Alexander & Welzel, 2011; Levitski & Way, 2010). Похоже, что массовое стремление к демократии легко уживается с дефицитом демократии и даже ее отсутствием. В самом деле, как мы видели в главе 8, знание о том, какой процент населения демонстрирует сильное стремление к демократии, предсказывает менее 30% дисперсии реального уровня демократии.

Этот парадокс вызывает сомнения в том, действительно ли желание демократии — лучший инструмент для оценки готовности населения к демократии. Вполне вероятно, что за универсальным желанием демократии скрываются глубокие различия в ее понимании (Schedler & Sarsfield, 2006). Сходные различия могут относиться к тому, насколько люди готовы защищать свои демократические желания и стремления и действовать, чтобы их реализовать (Welzel, 2007b). Таким образом, исследователи приходят к выводу, что нужно уточнять специфику желания людьми демократии, ее понимание и то, какие ценности мотивируют желание демократии.

Одно из таких уточнений было предложено в главе 8 и подтверждено убедительными результатами. Если желание демократии сопоставляется с эмансипативными ценностями, то их предсказательная сила относительно реального уровня демократии в обществе возрастает с 30 до 70%. Ки и Шин (Qi & Shin, 2011) сообщили о сходных результатах: предсказательная сила стремления к демократии существенно возрастает, если эти желания сопровождаются критическими оценками существующих социальных институтов. Этот вывод соответствует результатам данной главы, хотя мы также увидим, что эмансипативные ценности — это причина критической оценки людьми социальных институтов.

Причина того, почему поддержка желания демократии эмансипативными ценностями значительно повышает силу таких демократических стремлений, связана с самой природой этих ценностей. Эмансипативные ценности подчеркивают свободу выбора и равенство возможностей — именно эти идеалы вдохновляют

¹⁷⁹ Я благодарен Алехандро Морено, который был соавтором предыдущей, пока не опубликованной версии этой главы.

стремление к демократии (Dahl, 2000; Held, 2006). Кроме того, эмансипативные ценности создают внутреннее побуждение действовать во имя поддерживаемых ими свобод. Это было показано в главе 7. Таким образом, если желание демократии оторвано от эмансипативных ценностей, люди стремятся к демократии не ради равных для всех свобод, определяющих демократию, но по каким-то другим причинам. Соответственно, люди не готовы в этом случае защищать свободы. В такой ситуации власти могут удовлетворить желание демократии, пропагандируя якобы демократические достижения, которые в реальности таковыми не являются.

Это положение предполагает две гипотезы. Во-первых, эмансипативные ценности вряд ли влияют на силу желания людьми демократии, потому что подобное желание почти повсеместно сильное. Во-вторых, эти ценности изменяют природу желания демократии таким образом, что они становятся совместимыми только с либеральной демократией. Хотя эти гипотезы и представляются правдоподобными, они никогда не тестировались, поскольку до недавнего времени для этого не было данных. Последняя волна МИЦ изменила эту ситуацию. В ней впервые задавался вопрос о том, как люди определяют «демократию».

На основе этого и других вопросов о демократии в данной главе демонстрируется, что эмансипативные ценности действительно определяют демократические желания людей причем двумя способами. Во-первых, более сильные эмансипативные ценности побуждают людей определять демократию в ее либеральном понимании, то есть как равные для всех свободы, с помощью которых происходит человеческая эмансипация. Во-вторых, люди с сильной ориентацией на эмансипативные ценности критически оценивают качество демократии в своем обществе. В итоге эмансипативные ценности порождают критическое либеральное желание демократии. Важно, что критический либеральный импульс эмансипативных ценностей независим от двух других источников влияния: (а) когнитивной мобилизации людей и (б) их социализации в условиях демократии. Наконец, критический либеральный импульс этих ценностей объясняет, почему широко распространенное желание демократии может сосуществовать с недостаточной демократией или ее отсутствием: там, где это происходит, демократическим устремлениям недостает критически-либеральной основы, которую создают эмансипативные ценности.

Чтобы обосновать эти выводы, глава разделена на четыре раздела. В первом представлена теоретическая концепция, на которую опирается мой анализ: демократическая мобилизация. Эта концепция предполагает, что для возможности влиять на режим данного общества, взгляды людей на демократию должны быть сформированы так, чтобы они способствовали мобилизации людей в движения, нацеленные на демократические реформы. Во втором разделе описываются новые показатели трех разных аспектов взглядов людей на демократию: понимание того, что означает демократия, оценка качества демократии в обществе, сила желания демократии. В третьем разделе сформулированы гипотезы, описывающие, как, по моему мнению, эмансипативные ценности влияют на эти взгляды. В четвертом — представлены результаты. Завершает главу резюме ее ключевых положений.

1. Теория: демократическая мобилизация

Индивиды, обладающие властью, сильно заинтересованы в ее сохранении. Для властных элит вполне естественно сопротивляться демократическим реформам, потому что они способствуют передаче власти простым людям. Такие реформы обычно требуют мобилизации общественного давления на власти (Foweraker & Landman, 1997; McAdam, Tarrow & Tilly, 2003; Schock, 2005; Ulfelder, 2005). Это было продемонстрировано и для ситуаций введения демократических процедур в недемократических режимах, и для реализации таких процедур в демократических режимах (Welzel, 2007a).

Население может быть мобилизовано для различных преобразований, демократических или недемократических, в зависимости от того, какие взгляды преобладают в массах. Для демократической мобилизации важны три характеристики.

Во-первых, желание демократии должно быть широко распространенным, иначе людей не удастся мобилизовать для реализации каких-либо целей. *Во-вторых*, люди должны верно понимать, что такое демократия, иначе их можно мобилизовать для реализации целей, пропагандируемых «во имя демократии», включая и недемократические. *В-третьих*, люди должны оценивать качество демократии в своем обществе как недостаточное: в противном случае они будут считать, что их желание демократии уже сбылось и не станут участвовать в общественных движениях.

Для анализа этих трех аспектов отношения к демократии в пятой волне МИЦ задавалась серия вопросов, сконструированных для оценки (1) степени либеральности взглядов людей на демократию, (2) степени критичности их оценки демократии и (3) силы их желания демократии. Эти вопросы позволяли конкретизировать желания людьми демократии и на этой основе оценить потенциал демократической мобилизации.

2. Измерение взглядов людей на демократию

2.1. Либеральное понимание демократии

Знания о том, насколько сильно люди желают демократии, бесполезны, если нам неизвестно, как они ее понимают. Только если это понимание соответствует либеральному определению демократии, мы можем быть уверены в том, что демократические устремления людей не будут мобилизованы для недемократических целей «во имя демократии». Следовательно, нам необходимо измерить, какой смысл люди вкладывают в понятие демократии.

В пятой волне МИЦ респондентов просили указать, насколько они согласны или не согласны с десятью различными смыслами демократии. Все они были сформулированы как короткие утверждения, которые нужно было оценить по шкале от 1 — абсолютное несогласие, до 10 — полное согласие. Формулировки этого и всех остальных вопросов, использованных в данной главе, приведены в приложении 10. Десять утверждений представляют четыре различных интерпретации:

(1) *либеральная интерпретация*: равные права для всех людей;

(2) *социальная интерпретация*: справедливое перераспределение;

(3) *популистская интерпретация*: обеспечение «хлеба с маслом» и «закона и порядка»;

(4) *авторитарная интерпретация*: властные полномочия для военных и религиозных лидеров.

Из этих четырех интерпретаций — только либеральная и социальная приемлемы как «подходящие» определения демократии с точки зрения политической теории. Либеральное понимание особенно популярно в политической теории и поддерживается такими видными теоретиками, как Ролз (Rawls, 1971), Даль (Dahl, 1973), Сартори (Sartori, 1984), Хантингтон (Huntington, 1991) и Сен (Sen, 1999). В реальном мире либеральная демократия — это доминирующая форма демократии (Diamond, 2008).

Социальное понимание демократии вызывает больше дискуссий, в зависимости от того, отдает ли предпочтение автор рыночно-либеральной или социально-либеральной версии демократии (Held, 2006). Как идеальный тип рыночно-либеральная версия наделяет индивидов только личными и политическими правами, но не социальными. Этот идеал демократии основан на убеждении, что индивиды сами ответственны за свое благополучие. Социально-либеральная версия, напротив, предполагает, что благополучие людей зависит от обстоятельств, которые они не могут контролировать, что наделяет их правом на компенсацию за незаслуженные лишения (Marshall, 1950). Несмотря на указанные расхождения относительно социальных прав, рыночно-либеральная, и социально-либеральная версии демократии поддерживают и личные, и политические права. Эти права отражают минимальный консенсус среди теоретиков демократии.

Конечно, повсеместное использование термина «демократия» в публичном дискурсе не всегда соответствует теории демократии. Действительно, многие люди не знакомы с этой теорией. Следовательно, они усваивают то понимание демократии, которое доминирует в дискурсе их общества. Особенно в тех обществах, где авторитарные правители используют термин «демократия» в своих интересах и контролируют средства массовой информации, у индивидов может быть весьма искаженное понимание этого термина. Кроме того, именно потому, что термин «демократия» используется в различных контекстах в разных смыслах, люди могут наполнять его тем содержанием, которое они считают желательным политическим результатом. По крайней мере это представляется вполне реальной возможностью, заслуживающей исследования.

Для этой цели в опросник МИЦ были включены вопросы о различных смыслах демократии, которые, несмотря на явные расхождения с политической теорией, могут поддерживаться респондентами, даже если они ошибочны. Эти вопросы относятся к тем аспектам политики, которые многие люди высоко ценят и по этой причине могут считать атрибутами демократии, хотя они могут и не иметь ничего общего с ее определением в демократической теории. Эти утверждения также ссылаются на аспекты политики, которые авторитарные и популистские политические деятели могут пропагандировать как якобы свойства демократии. Поэтому они также были включены в список вопросов.

Как показано на рисунке 10.1, либеральная интерпретация представлена четырьмя утверждениями о свободных выборах, голосовании на референдумах, гражданских свободах и равных правах. Социальная интерпретация представлена двумя утверждениями, относящимися к государственным льготам и пере-

распределению доходов. Популистская — двумя утверждениями, относящимися к экономическому росту — «хлеб с маслом», и борьбе с преступностью — «закон и порядок». Наконец, авторитарную интерпретацию раскрывают два утверждения о желательности участия военных и религиозных авторитетов в управлении.

		НОМЕР СУЖДЕНИЯ О ДЕМОКРАТИИ									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
УРОВЕНЬ ОБЩЕНИЯ	I	Свободные выборы	Равные права	Гражданские свободы	Референдумы	Региональные авторитеты	Участие военных	«Хлеб с маслом»	«Закон и порядок»	Экономическое переворачивание деловой активности	Государство вмешивается в благосостояние
	II	ЛИБЕРАЛЬНОЕ (либеральное) определение					АНТИЛИБЕРАЛЬНОЕ (авторитарное) определение		НЕ-ЛИБЕРАЛЬНОЕ (популистское) определение		СОЦИАЛЬНО-СОМЕСТИМОЕ (социальное) определение
	III	ЛИБЕРАЛЬНОЕ или АНТИЛИБЕРАЛЬНОЕ определение									
	IV	ЛИБЕРАЛЬНОЕ или АЛЬТЕРНАТИВНОЕ определение									

Рисунок 10.1. Обобщение популярных определений демократии

Примечание: Использование в качестве критериев демократии утверждений «хлеб с маслом» и «закон и порядок» как нелиберальных не означает, что они несовместимы с демократией. Однако они не являются определяющими качествами либеральной демократии: «хлеб с маслом» и «закон и порядок» могут предоставляться любыми типами режимов — как демократическими, так и нет. Для сравнения: перераспределительное понимание демократии включено в ее социально-либеральное определение, но исключено из рыночно-либерального определения. Следовательно, если не сводить определение демократии к одному из двух упомянутых вариантов, нельзя определить, соответствует перераспределительное понимание демократии к рыночно-либеральному определению или нет. Только сам демократический процесс может определить, в какой точке диапазона от рыночно-либерального до социально-либерального идеала демократии располагается данное общество.

Факторный анализ, результаты которого показаны в таблице 10.1, воспроизвел эти различные понимания демократии¹⁸⁰. Либеральное понимание проявилось на позитивном полюсе первого фактора; авторитарное — на отрицательном полюсе того же фактора; популистское и социальное понимания представлены своими отдельными факторами. Социальное понимание оказалось самым слабым измерением с наименьшей долей вариации показателей понимания демократии. Социальное понимание демократии также в наименьшей степени детерминировано высказанным респондентами предпочтением демократии¹⁸¹; в регрессии, где степень предпочтения демократии — зависимая переменная, а различные понимания демократии — независимые переменные, социальное и популистское понимания демократии вместе объяснили менее 1% дисперсии предпочтения демократии. Напротив, либеральное понимание в противопоставлении с авторитарным объяснили 18%¹⁸². Эти результаты явно противоречат известной модели демократии. Согласно этой модели предпочтением демократии населением мотивировано заинтересованностью типичного избирателя в перераспределении (Voix, 2003; Acemoglu & Robinson, 2006). Если бы это было верно, социальное понимание демократии доминировало бы в детерминации предпочтения демократии. Но это не так ни в одном обществе, участвовавшем в опросах МИЦ, включая

¹⁸⁰ Отметим, что рейтинги каждого респондента центрированы с помощью вычитания среднего для рейтинга всех утверждений. Эта процедура выделяет приоритетность каждого из пониманий, что важно для выявления структуры связей между утверждениями.

¹⁸¹ Для этого анализа я использовал индекс предпочтения демократии, представленный в главе 8.

¹⁸² В регрессии использованы данные 54024 респондентов из пятидесяти обществ, представляющих все десять культурных зон мира.

общества с высокой степенью неравенства, подобные Бразилии, или бедные, как Буркина Фасо.

Таблица 10.1. Эмпирически выявленные измерения популярных определений демократии

ПОКАЗАТЕЛИ:	ИЗМЕРЕНИЯ:		
	Измерение 1: Либеральное или авторитарное определение	Измерение 2: Популистское определение	Измерение 3: Социальное определение
Свободные выборы	0.63		
Равные права	0.60		
Гражданские свободы	0.53		
Голосование на референдумах	0.50		
Участие военных	-0.70		
Религиозные авторитеты	-0.73		
Хлеб с маслом		.76	
Закон и порядок		.73	
Экономическое перераспределение			.68
Государство всеобщего благополучия			.62
Объясненная вариация	24%	14%	12%
N	58 524 респондентов из 50 обществ		
Примечание: Приведены факторные веса. Показатели стандартизованы с помощью средней для данного респондента оценки всех десяти показателей. В факторном анализе применено вращение по методу Варимакс с использованием критерия Кайзера. Использованы объединенные данные индивидуального уровня для всех стран, участвовавших в пятой волне МИЦ (примерно 2005 г.). Национальные выборки взвешены до равного размера с сохранением общего N.			

Один из способов группировки представлений людей о демократии в меньшее количество обобщенных показателей — использование факторного анализа. На этой основе мы можем приписать каждому респонденту факторную оценку по каждому из измерений (факторов), показывающую его положение в соответствующем континууме. Если так поступить, мы будем измерять представления людей о демократии так, как они организованы в сознании людей, независимо от теоретических определений демократии.

Однако меня не интересует, как именно представления о демократии организованы в сознании людей безотносительно к концептуальным представлениям теории.

Такой подход не соответствует такому по своей сути нормативному понятию, как демократия. Поэтому я не воспользовался размерностной логикой и вместо этого предпочел композиционную логику конструирования индекса, описанную во вставке 1 (стр. 89). То есть я измеряю, как представления людей о демократии, соотнося с теоретическими, заранее определенными критериями. Если какие-то представления респондентов отличаются от того, что предписывают критерии, то такие представления получают более низкую оценку. Если же другие представления людей соответствуют критериям — они, напротив, будут оценены выше.

Я использую либеральное определение демократии как норму по двум причинам: во-первых, оно воплощает в себе освобождающую идею человеческой эмансипации, которая представляет собой вдохновляющее ядро демократии; во-вторых, оно наиболее убедительно обосновано в политической теории (Sen, 1999; Dahl, 2000; Held, 2006; Brettschneider, 2007).

В соответствии с критериями либеральной демократии авторитарные представления антилиберальны: смысл демократии меняется на противоположный, если ее определяют как власть военных или религиозных лидеров. Демократия, напротив, однозначно означает подчинение военных и религиозных лидеров гражданской и светской власти. Популистское понимание демократии алиберально: экономический рост и борьба с преступностью могут рассматриваться как предпосылки или как результаты демократии, однако они не определяют демократию. Ни экономический рост, ни борьба с преступностью не являются эксклюзивными свойствами демократии. И демократии, и недемократии могут демонстрировать или не демонстрировать экономический рост, пытаться или не пытаться предотвращать преступления, — в любом случае не это определяет, являются ли они демократиями. Таким образом, как авторитарное, так и популистское понимание демократии конкурируют с либеральным, — это его *альтернативные* понимания, и именно так к ним и следует относиться. Из этого следует, что можно квалифицировать интерпретацию демократии индивидом как однозначно либеральную, только если она подчеркивает либеральный смысл демократии и одновременно отвергает ее авторитарное и популистское понимание.

Социальное понимание демократии необязательно является элементом ее либерального понимания, но оно полностью совместимо с либеральным пониманием. Если индивид одновременно поддерживает и гражданские свободы, и справедливое перераспределение как значения демократии, то он предпочитает социально-либеральное понимание демократии (Held, 2006). Если же некто поддерживает гражданские свободы, но отвергает справедливое перераспределение как смысл демократии, то он предпочитает рыночно-либеральное понимание демократии. Следовательно, нельзя сужать либеральное понимание демократии лишь к одному из этих двух вариантов. Это приводит к ясному выводу: если исследователь хочет измерить преобладание либерального определения над конкурирующими, но не над совместимыми определениями демократии, — социальное понимание демократии нельзя учитывать ни в пользу либерального понимания, ни против него. В практических терминах это означает, что мы должны измерять понимание демократии, не отдавая предпочтения ни ее рыночно-либеральной, ни социально-либеральной модели.

Понимание индивидом демократии является истинно либеральным в той степени, в какой он/она поддерживает либеральное понимание демократии и отвергает нелиберальные ее понимания. Таким образом, я рассчитываю среднее для поддержки индивидом четырех либеральных пониманий демократии, а потом вычитаю из этого значения среднее значение поддержки четырех нелиберальных пониманий демократии данным респондентом. Алгоритм вычисления этой и других переменных подробно описан в приложении 10. Я стандартизирую результирующий индекс разницы пониманий в диапазоне от 0 до 1. Минимум 0 отражает полное преобладание нелиберального понимания демократии над либеральным; максимум 1 показывает прямо противоположное. Значение 0,50 свидетельствует, что оба понимания поддерживаются в равной степени.

2.2. Критичность в оценке демократии

Если люди считают качество демократии в своем обществе достаточным, даже при абсолютно либеральном понимании демократии их не удастся мобилизовать для демократических реформ. Таким образом, в пятой волне МИЦ респондентам предлагали оценить качество демократии по десятибалльной шкале от 1 («абсолютно не демократическое общество») до 10 («полностью демократическое общество»). Я также перекодирую ответы на этот вопрос в шкалу от 0 до 1.

Однако нельзя сделать вывод о том, насколько критичны оценки людей, без их сравнения с реальным качеством демократии в обществе. Я использую информацию о реальном качестве демократии из индекса гражданских прав, описанного в главе 8. Значения индекса гражданских прав за пять лет до опроса и в год опроса использованы в качестве критерия для определения того, насколько критично респонденты оценивают качество демократии. Оценки людей менее критичны, если они высоко оценивают ее качество в своем обществе в сравнении с ее реальным качеством. Аналогичным образом, оценки тем более критичны, чем они ниже в сравнении с реальным качеством демократии. Критичность оценок в этом смысле показывает силу *демократических ожиданий* людей. По крайней мере, это верно, если люди хотят демократии, а как нам известно, это желание повсеместное.

Следуя этим соображениям, я рассчитал, насколько оценки людьми качества демократии в их обществе выше или ниже ее реального уровня, вычитая первое из второго. Это очевидное решение, поскольку оба показателя измерены по одинаковой шкале. Как подробно описано в приложении 10, я перекодирую результирующий индекс в диапазон от 0 до 1. Для финального индекса минимум 0 соответствует наименее критичным оценкам: респондент оценивает качество демократии в своем обществе как отличное, хотя в реальности — оно наихудшее. Максимум 1 соответствует наиболее критическим оценкам: респондент низко оценивает качество демократии, хотя в реальности оно высокое. Среднее, равное 0,50, соответствует совпадению оцениваемого и реального качества демократии.

2.3. Уточнение желания демократии

Третий аспект отношения людей к демократии заключается в том, насколько сильно они хотят жить в условиях демократии. В опросе МИЦ об этом задавался еще один вопрос со шкалой ответов от 1 («совсем не важно» жить в условиях

демократии) до 10 («очень важно»). Как и раньше, я перекодирую ответы в шкалу с диапазоном от 0 до 1.

Желание демократии важно для демократической мобилизации, потому что при его отсутствии невозможно мобилизовать людей действовать для каких-либо целей во имя демократии. Но желание демократии нуждается в уточнении. Нужно уточнить, насколько либерально понимание демократии, потому что мы знаем, что желание демократии может быть мобилизовано только для либеральных целей. Это желание также нужно сопоставить с критичностью оценок демократии, поскольку мы знаем, что желание демократии может быть мобилизовано, только если люди считают, что в их обществе существует дефицит демократии.

Следуя этой логике, я конкретизирую желание людьми демократии в два этапа. На первом шаге я взвешиваю силу желания демократии с учетом степени либеральности понимания людьми демократии. Результирующий индекс — это условный показатель демократических желаний, показывающий, насколько сильно люди желают демократии, *при условии*, что они ее понимают в либеральных терминах. Индекс принимает минимальное значение 0, если респондент не желает жить в условиях демократии, или у него/нее — абсолютно нелиберальное понимание демократии. Максимальное значение 1 присваивается индексу при выполнении двух условий: если респондент и сильно желает жить в демократии, и у него/нее — однозначно либеральное понимание демократии. Промежуточные значения обоих критериев соответствуют дробным значениям индекса.

На втором шаге я корректирую либерально-демократическое стремление к демократии с учетом того, насколько критически респонденты оценивают демократию, выдвигая еще одно дополнительное условие, заключающееся в следующем: люди должны (а) не только определять демократию в либеральных терминах, но и (б) оценивать качество демократии в их обществе как недостаточное. Это *критически-либеральное* желание демократии.

Критически-либеральное желание демократии принимает минимальное значение, равное 0, если респондент совсем не хочет жить в демократии, *или* понимает демократию в абсолютно нелиберальном смысле, *или* абсолютно некритически относится к качеству демократии. Индекс достигает максимума 1, если респондент сильно желает жить в демократии и понимает демократию однозначно в либеральных терминах, и максимально критично относится к качеству демократии. Промежуточным значениям по каждому из этих критериев соответствуют дробные значения индекса.

Я ни в коей мере не полагаю, что желание людьми демократии, их понимание демократии и их оценка демократии представляют собой взаимозаменяемые элементы единого обобщенного измерения. Критически-либеральное желание демократии не следует трактовать как латентную переменную. Напротив, это намеренно созданный многомерный конструкт, взвешивающий желание демократии с учетом существенных качеств этого желания именно по той причине, что эти качества не присущи автоматически самому желанию демократии. Используя этот подход, я снова следуя логике конструирования индекса, описанной во вставке 4 (стр. 270).

3. Гипотезы

Я рассчитываю подтвердить четыре гипотезы. Они, как я считаю, описывают базовые импульсы эмансипативных ценностей. Главное предположение таково: поскольку эмансипативные ценности подчеркивают важность равных свобод для всех, характеристики демократии, относящиеся к этим свободам, становятся особенно притягательными под влиянием эмансипативных ценностей. Это предположение позволяет сформулировать четыре гипотезы:

(1) эмансипативные ценности «очищают» желания демократии людей, связывая их с однозначно либеральным пониманием демократии¹⁸³;

(2) эмансипативные ценности связывают желание демократии с критической оценкой качества демократии в обществе;

(3) эмансипативные ценности вызывают этот эффект как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества, но при этом включается механизм взаимного обогащения: критически-либеральный импульс эмансипативных ценностей индивидов усиливается в ситуации преобладания этих ценностей в обществе;

(4) влияние эмансипативных ценностей на демократические ориентации не зависит от когнитивной мобилизации людей, а также от их социализации в условиях демократии.

Самая важная контрольная переменная на уровне общества — это демократические традиции. С точки зрения «обучения демократии» весьма вероятно ожидать выраженный эффект демократических традиций на восприятие демократии. Соответственно, приобретение «надлежащих» взглядов на демократию должно быть результатом социализации в условиях долгосрочного коллективного опыта функционирования демократических институтов (Rustow, 1970; Jackman & Miller, 1998; Rohrschneider & Peffley, 2003). Для проверки этого предположения я использую «индекс демократических традиций», рассмотренный в главе 2. Индекс измеряет накопленный данным обществом исторический опыт демократии. Как описано в главе 2, индекс демократических традиций — это также и показатель западных культурных традиций. Таким образом, при использовании этого индекса нам не нужны дополнительные показатели для измерения культурных различий между западными/незападными обществами: они уже измерены данным индексом, так как у западных обществ в среднем гораздо более длительные демократические традиции, чем у незападных. В самом деле, кросс-культурные различия в демократических традициях показывают 81 % совместной дисперсии с переменной «десять глобальных культурных зон» и 51 % с дихотомической переменной «западные/незападные общества». Поэтому, учитывая демократические традиции, я проверяю, связаны ли предполагаемые эффекты влияния эмансипативных ценностей с западным культурным контекстом или нет.

На индивидуальном уровне некоторые исследователи придают взглядам людей на демократию в первую очередь когнитивный смысл: они у людей отражают то, что они знают о демократии (Shin & Tusalem, 2007; Norris, 2011). Таким образом,

¹⁸³ Коллега однажды отверг эту гипотезу как тавтологическую. Я согласен с тем, что в этой гипотезе есть высокая доля очевидности. Однако это не делает ее тавтологичной — она просто логична. Есть концептуальное различие между тем, что люди ценят в жизни, и их идеалами демократии. Чтобы эти представления соединились, людям нужно преодолеть эту границу. Каким бы очевидным ни казался этот переход, то, что он происходит — не что-то самоочевидное. Следовательно, стоит это продемонстрировать.

на индивидуальном уровне мы тестируем эффект влияния эмансипативных ценностей на взгляды относительно демократии в сравнении с влиянием когнитивных переменных, включая уровень образования, политические интересы и включенность в информационные сети. Пол и возраст включены в модель как обычные контрольные переменные.

Я представляю результаты в три этапа. Во-первых, я демонстрирую, что уточненные показатели желаний людьми демократии позволяют обнаружить различия, которые не выявить другими способами. Это показано на столбчатых диаграммах, демонстрирующих, как отличаются желания демократии у населения различных культурных зон мира. Цель этого анализа — показать, что желания людьми демократии, действительно, существенно различаются, что подчеркивает необходимость объяснения. На втором этапе предлагаются и используются гистограммы для анализа сочетания эффектов влияния эмансипативных ценностей индивидуального уровня и уровня общества на желания людьми демократии. На третьем этапе этот анализ расширяется с помощью многоуровневых регрессионных моделей, в которых эффекты индивидуального уровня контролируются с помощью эффектов переменных когнитивной мобилизации, а эффекты на уровне общества — с помощью эффектов влияния демократических традиций.

4. Результаты

4.1. Различия между культурными зонами

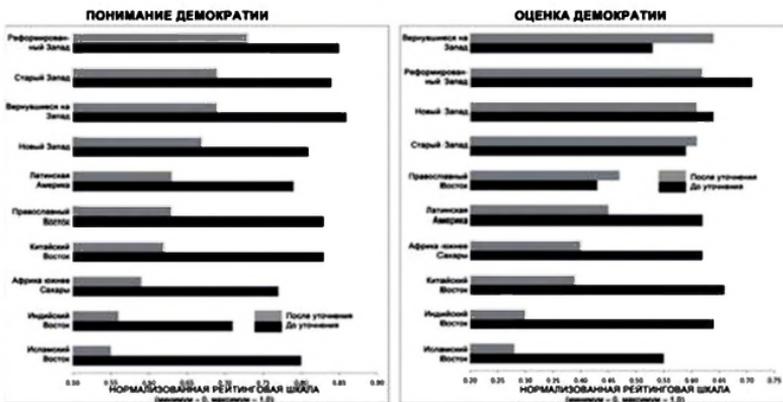

Рисунок 10.2. Понимание и оценка демократии в различных культурных зонах (до и после уточнения понятия демократии)

Данные: То же, что на рисунке 10.3, см. примечание к нему. На левой диаграмме показано, насколько либерально понимают респондентами демократии. «До уточнения» — показывает, в какой степени они согласны с четырьмя либеральными утверждениями о демократии. «После уточнения» — показывает, в какой степени они согласны с либеральными утверждениями и в то же время отвергают четыре нелиберальных высказывания. Правая диаграмма показывает, насколько демократичным респонденты считают свое общество. «До уточнения» — это просто прямая оценка демократичности. «После уточнения» — это оценка респондентов в сравнении с «истинным» уровнем демократии в их обществах: более высокие значения соответствуют более критическим оценкам.

Левая диаграмма на рисунке 10.2 показывает для каждой из культурных зон степень либерализма в понимании демократии до уточнения этого понятия (светло-серые прямоугольники) и после уточнения (темно-серые прямоугольники). До уточнения степени либеральности понимания людьми демократии кажется, что особых различий нет, что подтверждает результаты предыдущих исследований (Dalton, Jou & Shin, 2009). В самом деле, степень либеральности в понимании демократии оказывается выше 0,70 для каждой из культурных зон. Дисперсия между культурными зонами составляет всего 4 %.

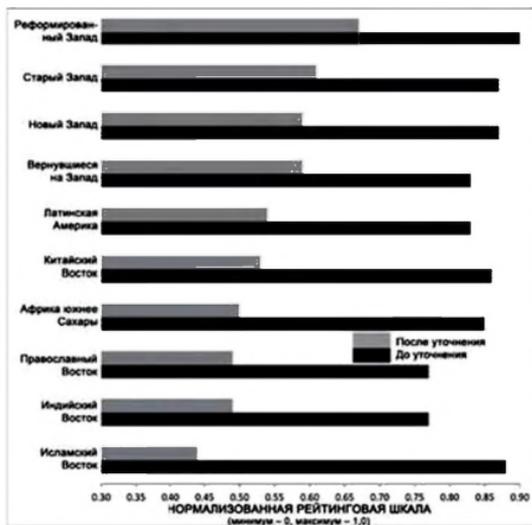

Рисунок 10.3. Желание демократии в различных культурных зонах (до и после уточнения понятия демократии)

Данные: Respondенты с валидными данными из 50 обществ, участвовавших в пятой волне МИЦ (примерно 2005 г.). Национальные выборы извешены до равного размера ($N = 1000$ для каждого общества). Распределение обществ по культурным зонам: Исламский Восток — Египет, Иран, Иордания, Марокко, Турция; Индийский Восток — Индия, Индонезия, Малайзия, Таиланд; Православный Восток — Болгария, Молдова, Румыния, Россия, Сербия, Украина; Китайский Восток — Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань; Старый Запад — Андорра, Кипр, Франция, Италия, Испания; Реформированный Запад — Финляндия, Западная Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария; Новый Запад — Австралия, Канада, Новая Зеландия, США; Вернувшиеся на Запад — Восточная Германия, Польша, Словения; Африка южнее Сахары — Буркина Фасо, Гана, Мали, Руанда, Южная Африка, Замбия; Латинская Америка — Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика, Перу, Тринидад и Тобаго, Уругвай.

Примечание: «До уточнения» — оценивается просто желание демократии. «После уточнения» — оценивается желание демократии при условии однозначно либерального понимания демократии.

Картина резко меняется, когда мы уточняем, действительно ли речь идет об однозначно либеральном понимании демократии. Рейтинги резко снижаются. Кроме того, они снижаются в разной степени, и разница между культурными зонами становится явно выраженной. Конкретнее степень либерального или нелибераль-

ного понимания демократии варьируется от высокого либерального значения 0,74 для Реформированного Запада до 0,55 пункта шкалы на Исламском Востоке. Если учитывать, насколько однозначно либеральным является понимание демократии, то оказывается, что около 20% дисперсии на индивидуальном уровне объясняется культурными зонами. Понимание демократии людьми Исламского Востока, Индийского Востока и Африки южнее Сахары нельзя считать однозначно либеральным. Разница этих культурных зон и Запада в этом отношении — велика.

Сходный вывод можно отнести и к желаниям демократии. На рисунке 10.3 для каждой культурной зоны показана средняя степень желания демократии до уточнения его содержания (светло-серые прямоугольники) и после уточнения (темно-серые прямоугольники). До уточнения опять-таки кажется, что желание демократии — одинаково сильное во всем мире. Во всех культурных зонах это значение — 0,77 или выше. Опять-таки дисперсия желания демократии между культурными зонами составила лишь 4%. После уточнения того, насколько желание демократии связано с ее либеральным пониманием, картина резко меняется. Уровни желания существенно снижаются, и наблюдаются большие различия между культурными зонами. Как это было ранее, респонденты с Реформированного Запада демонстрируют сильное желание демократии в ее либеральном понимании: значение индикатора — 0,67. И опять-таки респонденты с Исламского Востока показывают самое низкое значение данного индикатора — 0,44. Снова существенно возрастает доля дисперсии, объясненная принадлежностью к культурным зонам, — от 4% до 20%.

Диаграмма справа на рисунке 10.2 показывает для каждой культурной зоны, как люди оценивают качество демократии в своем обществе до уточнения понятия демократии (светло-серые прямоугольники) и после (темно-серые прямоугольники). Паттерн оказывается знакомым. До уточнения рейтинги во всех культурных зонах высоки (выше 0,50 везде, кроме Православного Востока) и варьируются меньше, чем после уточнения. Соответственно, люди во всех культурных зонах считают свои общества скорее демократическими. Это включает и респондентов с Исламского Востока, что представляется странным, если учесть, что правящие там режимы во время опросов трудно было считать демократическими, за исключением Турции. Очевидно, что оценка многими людьми качества демократии была завышенной. Они оценивали качество демократии не критически¹⁸⁴. Если уточнить рейтинги с учетом того, насколько критически оценивают респонденты

¹⁸⁴ Это соответствует результатам главы 9: там мы обнаружили, что многие люди, живущие в авторитарных обществах с ограниченными гражданскими правами, тем не менее позитивно оценили ситуацию с гражданскими правами в своих обществах (см. рисунок 9.1). Корреляция между рейтингами гражданских прав и демократии для объединенных по всем странам данных индивидуального уровня (45 000 респондентов из 43 обществ) оказалась равна $r = 0,62$. Аналогичная корреляция на уровне общества: $r = 0,85$ ($N = 43$). Некритические рейтинги как гражданских прав, так и демократии отрицательно и сильно коррелируют с эманипацивными ценностями, позволяя предположить, что слабые эманипацивные ценности способствуют некритическим оценкам. На индивидуальном уровне корреляции эманипацивных ценностей с некритическими суждениями о гражданских правах и демократии равны, соответственно: $r = -0,38$ и $r = -0,40$. На уровне общества — аналогичные корреляции: для гражданских прав $r = -0,68$ ($N = 80$) и для оценки демократии $r = -0,82$ ($N = 50$). То, что некритические оценки хорошо предсказываются слабостью эманипацивных ценностей, следует сопоставить с еще одним фактом: очень низким уровнем отказов от ответа на эти оценочные вопросы даже в авторитарных обществах (см. примечание в главе 9). В совокупности эти два аргумента опровергают распространяемую точку зрения, будто в авторитарных обществах их граждане настроены критично, но не решаются высказать свое истинное мнение, опасаясь репрессий.

демократию относительно реального качества демократии, то обнаруживается огромная разница между наиболее критическим рейтингом в зоне Вернувшихся на Запад (0,64) и наименее критическим — в зоне Исламского Востока (0,27).

Действительно, существует большой культурный контраст между исламскими и западными обществами в сфере демократических ориентаций. Было время, когда это оспаривалось (Inglehart & Norris, 2003). Однако этот контраст становится явным, если мы уточним и скорректируем поверхностные показатели взглядов людей на демократию.

4.2. Эффекты влияния эмансипативных ценностей без контрольных переменных

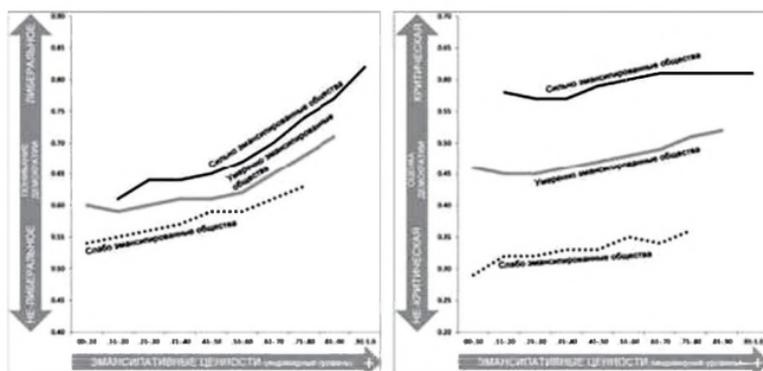
Различия взглядов людей на демократию определяются не самими по себе культурными зонами, а различиями в них эмансипативных ценностей. В самом деле, культурные зоны в одинаковой степени различаются и по эмансипативным ценностям, и по взглядам людей на демократию, демонстрируя тот же самый разрыв между западными/незападными обществами. Таким образом, если мы заменим культурные зоны их средними значениями эмансипативных ценностей, эти средние объяснят всю дисперсию взглядов людей на демократию, которая, как казалось, объяснялась культурными зонами¹⁸⁵. С учетом этого результата стоит рассмотреть подробнее, как именно эмансипативные ценности определяют взгляды людей на демократию.

Эти ценности могут влиять на желания людьми демократии двумя способами. Во-первых, собственные предпочтения индивидом эмансипативных ценностей могут влиять на желание демократии независимо от того, в какой степени эти ценности распространены в обществе данного респондента. Во-вторых, степень преобладания эмансипативных ценностей в обществе респондента может влиять на его/ее желание демократии независимо от того, насколько сильно сам респондент ориентирован на эти ценности. Иными словами, эмансипативные ценности могут определять желания демократии и через их индивидуальные предпочтения, и через их преобладание в обществе.

Чтобы представить визуально влияние эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне, мы сгруппировали респондентов в десять восходящих категорий по значениям индекса эмансипативных ценностей. Чтобы показать эффект влияния эмансипативных ценностей на уровне общества, мы разбили общества на категории по степени преобладания в них этих ценностей: «сильно», «умеренно» и «слабо» эмансипированные. Данная классификация уже была представлена в главе 5.

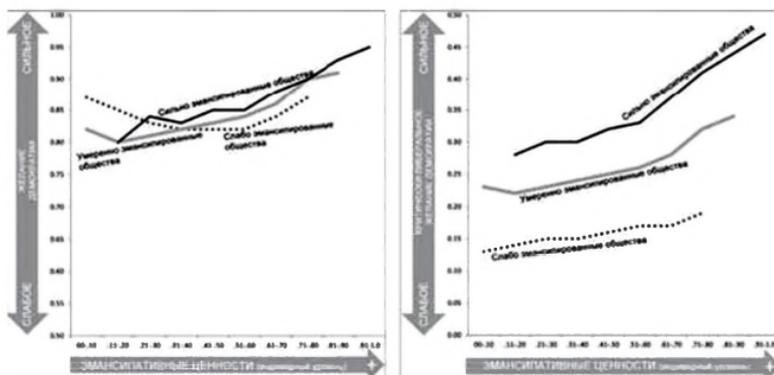
На основе этих категорий, на левой диаграмме рисунка 10.5 по вертикальной оси показана сила желания респондентами демократии, а на горизонтальной — сила их эмансипативных ценностей, отдельно для «слабо», «умеренно» и «сильно» эмансипированных обществ.

¹⁸⁵ Если рассчитать регрессию степени либеральности взглядов людей на демократию на набор бинарных переменных, представляющих культурные зоны (используя Новый Запад как опорную категорию), мы объясним 20% дисперсии мнения 63914 респондентов из пятидесяти обществ. Если заменить бинарные переменные на переменную, в которой каждому респонденту приписано среднее значение эмансипативных ценностей для его/ее культурной зоны, мы объясним точно такую же долю дисперсии степени либеральности представлений о демократии. Таким образом, культурные зоны объясняют понимание людьми демократии, потому что в них варьируется ориентация на эмансипативные ценности. Схожие результаты были получены для критичности оценок демократии респондентами.

Рисунок 10.4. Многоуровневые эффекты эммансипативных ценностей на либеральность суждений и критичность в оценках демократии

Данные: Все респонденты с валидными данными из 50 обществ, участвовавших в пятой волне МИС (2005 г.). Выборки взвешены до равного размера ($N = 1000$ для каждого общества). «Слабо» эммансипированные общества (индекс ниже 0,37) включают: Буркина Фасо, Китай, Египет, Гану, Индию, Индонезию, Иран, Ирак, Иорданию, Мали, Марокко, Россию, Руанду, Таиланд, Турцию, Украину, Вьетнам; «умеренно» эммансипированные общества (индекс от 0,37 до 0,48) включают: Бразилию, Болгарию, Чили, Колумбию, Кипр, Малайзию, Мексику, Молдову, Польшу, Румынию, Южную Африку, Южную Корею, Тринидад и Тобаго, Замбию; «сильно» эммансипированные общества (индекс выше 0,48) включают: Андорру, Аргентину, Австралию, Канаду, Финляндию, Францию, Германию (Восточную), Германию (Западную), Италию, Японию, Нидерланды, Норвегию, Сербию, Словению, Испанию, Швецию, Швейцарию, США, Великобританию, Уругвай.

Рисунок 10.5. Многоуровневые эффекты эммансипативных ценностей на неопределенные и на критически-либеральные желания демократии
Данные: Те же, что и на рисунке 10.4, см. примечание к нему.

Сила стремления к демократии последовательно превышает отметку 0,80. Независимо от того, слабо, умеренно или сильно эмансипировано общество, эмансипативные ценности не влияют на выраженность стремления. Как показывают углы наклона кривых, более сильная ориентация индивидов на эмансипативные ценности, если и влияет на желание демократии, то слабо. И так происходит, только если эти ценности в обществе распространены выше определенного уровня: в слабо эмансипированных обществах линейной связи между эмансипативными ценностями и демократическими желаниями индивидов нет — зависимость U-образная.

Но если рассмотреть понимания демократии, обнаруживается другой паттерн. Левая диаграмма на рисунке 10.4 иллюстрирует, как предпочтения людьми эмансипативных ценностей влияют на либеральное понимание демократии. Снова это показано отдельно для «слабо», «умеренно» и «сильно» эмансипированных обществ. В каждом из трех типов обществ мы видим заметный восходящий наклон кривой, показывающий, что более сильные эмансипативные предпочтения индивидов обуславливают более либеральное понимание демократии, и это происходит независимо от степени преобладания эмансипативных ценностей в их обществе. И все же преобладание этих ценностей в обществе значимо в двух отношениях. Во-первых, независимо от того, насколько сильно сами индивиды ориентированы на эмансипативные ценности, им более свойственно либеральное понимание демократии при преобладании этих ценностей в их обществе. Это следует из того факта, что кривая в «слабо» эмансипированных обществах располагается ниже, чем в «умеренно» эмансипированных, а последняя в свою очередь находится ниже, чем кривая для «сильно» эмансипированных обществ. Во-вторых, когда эмансипативные ценности преобладают в обществе, собственная ориентация индивидов на эти ценности сильнее влияет на их предпочтение либерального понимания демократии. Это очевидно из того факта, что углы наклона трех кривых становятся более крутыми при переходе от «слабо» к «умеренно» и, наконец, к «сильно» эмансипированным обществам. Совместно эффекты влияния эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне и на уровне общества изменяют степень либерального понимания демократии примерно на 0,28 пункта шкалы.

Правая диаграмма на рисунке 10.4 иллюстрирует, как эмансипативные ценности влияют на критичность оценок респондентами демократии. Снова мы видим сильные эффекты. Сочетание эффектов влияния эмансипативных ценностей индивидуального уровня и уровня общества изменяет критичность оценки демократии примерно в такой же степени, как и либеральное понимание демократии, а именно на 0,32 пункта шкалы. Но, в отличие от либерального понимания демократии, на критичность ее оценки гораздо сильнее влияет преобладание эмансипативных ценностей в обществе в сравнении с их индивидуальным предпочтением. Это следует из большого расстояния между кривыми, хотя у них очень маленькие углы наклона (все же есть слабый восходящий тренд). Причина данного паттерна заключается в том, что критичность оценки измеряется относительно реального уровня демократии в обществе, который для каждого общества — константа. Поэтому различия между обществами более выражены, чем различия внутри обществ.

Степень либеральности понимания людьми демократии и критичности при оценке демократии — это ключевые факторы, конкретизирующие стремление респондентов к демократии. Поскольку эмансипативные ценности сильно влияют на эти два фактора, они также должны влиять и на конкретизированное, а именно, критически-либеральное желание демократии. Правая диаграмма на рисунке 10.5 демонстрирует, что так и есть. Сочетание эффектов влияния эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне и на уровне общества варьирует критически-либеральное желание демократии в пределах 0,32 пункта шкалы. Отметим, что в критически-либеральном желании демократии сочетаются черты и ее либерального понимания, и критической оценки. Следовательно, должны проявиться и сильные вариации либерального понимания демократии индивидуального уровня, и сильные вариации критичности ее оценки на уровне общества. Кривые на графике и достаточно крутые (свойство либерального понимания), и достаточно далеко отстоят друг от друга (свойство критичности оценки).

Следующий вопрос заключается в том, насколько устойчивы эти результаты, и сохраняются ли они, если контролировать другие возможные факторы влияния на желание людьми демократии, а именно длительность демократических традиций и когнитивную мобилизацию индивидов.

4.3. Эффекты влияния эмансипативных ценностей после добавления контрольных переменных

Многоуровневые модели в таблице 10.2 подтверждают предыдущие результаты и после включения в эти модели контрольных переменных. Мы сосредоточимся на последней модели, потому что она объясняет наиболее конкретизированный взгляд на демократию: критически-либеральное желание демократии. Среднее значение критически-либерального желания демократии равно 0,27 — это примерно четверть от возможного максимума.

Таблица 10.2. Влияние эмансипативных ценностей на взгляды населения на демократию (многоуровневые модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:				
	Сила желания демократии	Либерализм в понимании демократии	Критичность в оценке демократии	Либеральное желание демократии	Критически-либеральное желание демократии
Константа	0.58(81.7)***	0.67(119.6)***	0.45(40.8)**	0.58(81.7)***	0.27(37.4)***
Эффекты уровня общества:					
Демократические традиции	Н.З.	Н.З.	0.12(2.4)**	Н.З.	0.07(2.1)*
Преобладание ЗЦ	0.58(5.4)***	0.55(6.6)***	0.70(5.9)***	0.58(5.4)***	0.68(8.3)***
Эффекты индивидуального уровня:					
Женский пол	-0.01(-3.3)***	-0.01(-4.6)***	-0.01(-2.4)**	-0.01(-3.3)**	-0.01(-5.5)***
Биологический возраст	0.10(6.0)***	0.05(6.9)***	Н.З.	0.10(6.0)***	0.05(6.3)***

ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:

ПРЕДИКТОРЫ:	Сила желания демократии	Либерализм в понимании демократии	Критичность в оценке демократии	Либеральное желание демократии	Критически-либеральное желание демократии
Межуровневые интеракции:					
Официальное образование	0.07(9.7)***	0.05(9.3)***	н.з.	0.07(9.7)***	0.03(8.0)***
Демократические традиции	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Преобладание ЭЦ	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Интерес к политике	0.06(7.2)***	0.01(2.3)**	-0.04(-7.6)***	0.06(7.2)***	0.01(2.3)**
Демократические традиции	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Преобладание ЭЦ	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Информационная включенность	0.06(6.6)***	0.02(3.6)***	н.з.	0.06(6.6)***	0.02(4.2)***
Демократические традиции	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Преобладание ЭЦ	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Предпочтение ЭЦ	0.15(9.5)***	0.12(10.4)***	0.04(4.0)***	0.15(9.5)***	0.11(11.5)***
Демократические традиции	н.з.	0.10(1.8)*	0.11(2.1)*	н.з.	0.08(1.9)*
Преобладание ЭЦ	0.77(3.7)***	0.32(2.1)**	-0.31(-2.2)*	0.77(3.7)***	0.30(2.6)**
Уменьшение ошибки:					
Дисперсия ЗП внутри общества	5.3%	9.2%	3.2%	10.1%	9.1%
Дисперсия ЗП между обществами	8.9%	70.5%	69.3%	66.6%	80.9%
Дисперсия в эффектах влияния ценностей	27.9%	45.9%	7.7%	45.1%	48.5%
N (количество наблюдений)	44 201 респондентов из 45 обществ				
Примечание: Модели рассчитаны в HLM 6.01. Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты; в скобках — значения t-критерия, рассчитанные на основе робастных стандартных ошибок. Переменные индивидуального уровня центрированы относительно государственных средних; переменные уровня обществ центрированы относительно среднего по всем странам.					
Сокращения: ЭЦ — эмансипативные ценности.					
Данные включают все общества из пятой волны МИЦ (2005 г.) с валидными данными. Выборки стран взвешены до равного размера.					

Среди индивидов из одних и тех же обществ увеличение на единицу эмансипативных ценностей дает увеличение на 0,11 критически-либерального желания демократии. Это пока самый сильный вклад в критически-либеральное желание демократии — сильнее, чем эффекты влияния информационной включенности, интереса к политике и формального образования. Это примечательно, потому

что три упомянутые выше переменные — это важные индикаторы когнитивной мобилизации. Можно предположить, что эти переменные способствуют большей осведомленности об определяющих чертах демократии, и благодаря этой осведомленности люди становятся более критичными. Как показывают положительные коэффициенты, это верно для всех трех переменных. Однако эффекты эмансипативных ценностей явно превосходят эффекты когнитивных переменных. Даже в сочетании с информационной включенностью, интерес к политике и формальное образование влияют на критически-либеральное желание демократии меньше, чем эмансипативные ценности. Таким образом, ориентации на демократию — это, скорее, оценочное, чем когнитивное явление: ответы респондентов на вопросы о демократии отражают в меньшей степени, что люди знают о демократии, и в большей — какой они хотели бы ее видеть.

Преобладание эмансипативных ценностей в обществе оказывает влияние на представления о демократии в том же направлении что и индивидуальные предпочтения этих ценностей. Конкретнее рост на единицу социального преобладания эмансипативных ценностей повышает критически-либеральные желания на 0,68. Это гораздо более сильное и значимое влияние, чем у демократических традиций общества. Рост на одну единицу со стороны последней переменной приводит к повышению критически-либеральных желаний демократии лишь на 0,07. Следовательно, критически-либеральные желания демократии нельзя считать просто следствием социализации в условиях продолжительных демократических традиций.

Более того, социальное преобладание эмансипативных ценностей усиливает эффект влияния на критически-либеральное желание демократии индивидуальных предпочтений этих ценностей: рост на единицу произведения эмансипативных ценностей индивидуального и общественного уровня повышает критически-либеральные желания демократии дополнительно на 0,30. Это видно из значения коэффициента интеракции и социального преобладания эмансипативных ценностей и индивидуальных предпочтений этих ценностей. Существование данной интеракции иллюстрирует механизм взаимного обогащения (см. вставку 3, стр. 133): если у атрибута индивидуального уровня есть какая-то внутренняя тенденция, она усиливается, если данный атрибут преобладает в обществе. В данном случае критически-либеральный потенциал эмансипативных ценностей свободнее развивается и реализуется, когда эти ценности преобладают в обществе.

Как и в предыдущих главах, можно заключить, что эмансипативные ценности влияют на другие социальные феномены в большей степени через преобладание в обществе, чем через их индивидуальное предпочтение: общая для общества ориентация на эти ценности имеет большее значение, чем ориентация на них отдельных индивидов. Этот паттерн подтверждает важность значения, которое теория человеческой эмансипации придает совместным, общим полезностям — основе принципа солидарности.

Как показывают модели в таблице 10.2, сходные результаты получены и для составляющих критически-либерального желания: либерального понимания демократии и критической оценки демократии. Только неуточненное желание демократии (см. первую модель в таблице 10.2) выделяется, показывая гораздо

более слабый паттерн детерминации. Лишенное критически-либерального фундамента стремление к демократии — малозначимый феномен. В таблице 10.2 это проявляется как слабый паттерн детерминации.

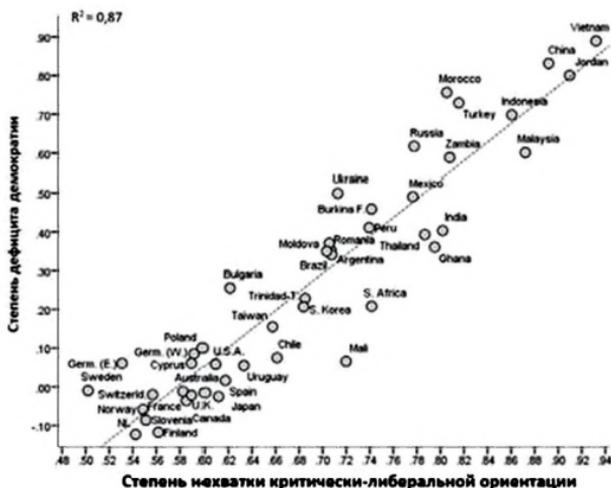

Рисунок 10.6. Дефицит демократии и дефицит критически-либеральной ориентации

Данные: Все 50 обществ с валидными данными, участвовавшие в пятой волне МИЦ (примерно 2005 г.).

Примечание: По горизонтальной оси приведено обратное значение сочетания критической оценки состояния демократии в обществе и ее либерального понимания: значения тем выше, чем ниже критически-либеральная ориентация. По вертикальной оси показана разница между желанием респондентами демократии и реальным уровнем демократии в данном обществе (значением уровня гражданских прав в данном обществе в год опроса); значение тем выше, чем больше разница между желаниями людей и реальной ситуацией.

Проще говоря, диаграмма показывает, что когда уровень демократии ниже желаемого людьми, в таком обществе отсутствует критически-либеральная ориентация. Действительно, чем слабее в обществе такие ориентации, тем легче для элит ограничивать демократию, которой, судя по их ответам, хотят граждане. Китай, Индонезия, Иордания, Малайзия, Турция и Вьетнам — примеры этого паттерна.

Рисунок 10.6 демонстрирует это положение убедительно и ясно: 87 % дисперсии разрыва между реальным и желаемым уровнем демократии объясняется отсутствием критически-либерального фундамента. Есть много обществ, где этот реальный уровень отстаёт от желания демократии гражданами. Китай, Иордания и Вьетнам возглавляют этот список: там нет демократии, несмотря на массовое стремление к ней. Однако данный дефицит демократии лишь кажущийся: там, где он существует, демократическим устремлениям людей недостает критически-либеральной основы. Очевидно, подобные неподкрепленные желания не могут обеспечить давления в пользу демократических реформ, следовательно, дефицит демократии продолжит существовать.

Данная идея может изменить нашу точку зрения на выживание авторитаризма. Там, где авторитарные режимы продолжают существовать, причиной может

быть не то, что они способны подавлять предпочтения масс. Более вероятно, что в этих обществах нет массовых оппозиционных предпочтений, потому что там еще не созрели процессы, питающие эмансипативные ценности и их критически-либеральные импульсы.

Ключевые положения

При использовании слишком общих показателей стремления демократии мы сталкиваемся с «парадоксом сосуществования»: сильное желание демократии легко уживается с реальным недостатком демократии. Уточненные показатели разрешают парадокс: там, где нет демократии или ее недостаточно, желаниям демократии недостает критически-либеральной основы, обеспечивающей эмансипативными ценностями.

Эти результаты соответствуют последним публикациям. Ки и Шин (Qi & Shin, 2011) показали, что предсказательная сила желания демократии по отношению к реальному уровню демократии существенно возрастает, если это желание сопровождается критической оценкой социальных институтов. Однако эти авторы не соотнесли свои выводы с более широким контекстом, потому что не попытались выявить источник критического настроения граждан. Напротив, они противопоставили критические оценки эмансипативным ценностям, игнорируя тот факт, что эти ценности работают не против критических оценок, а поддерживают их. Критически настроенные граждане — это продукт эмансипативных ценностей.

Еще один важный результат получила Норрис (Norris, 2011), показавшая, что «ценности самовыражения» Инглхарта и Вельцеля (Inglehart & Welzel, 2005) не усиливают стремления к демократии. Мы видели, что это верно и для эмансипативных ценностей, но это и неудивительно, потому что эти ценности — улучшенный показатель ценностей самовыражения. Норрис сочла свой результат опровержением теории Инглхарта и Вельцеля, которая, по ее мнению, утверждает, что выраженные эмансипативные ценности усиливают желание демократии.

Однако Инглхарт и Вельцель (Inglehart & Welzel, 2005: 178—185) сами продемонстрировали слабость эффекта эмансипативных ценностей на стремление к демократии. Как они указывают, роль этих ценностей заключается не в усилении желания демократии, но в *изменении природы этого желания*: оно становится основанным на сильном стремлении к свободам, сопровождающемся потребностью действовать. Без фундамента эмансипативных ценностей сильное желание демократии не дает результата.

Эта идея особенно значима для концепции человеческой эмансипации. Концепция предполагает, что эмансипативные ценности усиливают мотивацию людей, побуждая их взять свои жизни в собственные руки. Как показали многочисленные результаты, эмансипативные ценности усиливаются в ответ на широкое распространение ресурсов для действий, основанных на росте образования, лучших коммуникациях и оборудовании. Также было показано, что когда люди располагают существенными ресурсами для действий и вдохновлены эмансипативными ценностями, повышается вероятность объединения их усилий и заявлений совместных требований, которые властям придется услышать. Поскольку властям трудно игнорировать подобные требования и действия, мы обнаруживаем, что

правительства более отзывчивы, ответственны и демократичны там, где сильны эмансипативные ценности (Welzel & Dalton, 2013).

Результаты этой главы хорошо соответствуют идее последовательного движения от ресурсов для действий к эмансипативным ценностям, а затем и к гражданским правам. Действительно, они помогают лучше понять, каким образом эмансипативные ценности улучшают условия для демократической мобилизации. Обратим внимание на то, что эти ценности еще более фокусируют желание демократии на ее либеральных аспектах: по этой причине желание людьми демократии может быть мобилизовано только во имя либеральной демократии. Эмансипативные ценности объединяют желание людьми демократии с более критической оценкой ее реального качества. Это облегчает мобилизацию желаний людей для улучшения качества демократии в их обществах. Таким образом, эмансипативные ценности определяют условия демократической мобилизации: там, где эти ценности усиливаются, условия для нее становятся более благоприятными.

Часть D. Эмансипативные ценности в цивилизационной перспективе

Глава 11. Смена курса цивилизации¹⁸⁶

Культуры не существуют как статические «различия», которым просто можно порадоваться, но конкурируют друг с другом как более или менее удачные способы достижения результата.

Саул, 1996: 378

Введение

Чтобы полностью понять человеческую эмансипацию, мы должны различать эндогенную и экзогенную каузальность. Эндогенная каузальность относится к динамике взаимовлияния трех элементов процесса человеческой эмансипации. Экзогенная каузальность относится к корневой причине всего процесса — экзогенная причина не может быть элементом данного процесса. Поскольку мы уже собрали и представили убедительные данные для эндогенных причинно-следственных связей, эта глава сосредоточится на экзогенной каузальности.

Теория выводит описание процесса человеческой эмансипации из единого эволюционного принципа: лестницы полезности свобод. Соответственно, человеческая эмансипация описывается как процесс, в ходе которого общества поднимаются по этой лестнице. Два центральных тезиса этой теории относятся к двум отдельным аспектам каузальности в этом процессе. Тезис последовательности описывает эндогенную каузальность человеческой эмансипации. Он предполагает, что по мере того как растущие ресурсы для действий повышают объективную полезность свобод, за этим следует рост субъективной ценности свобод и усиление их правовых гарантий, что приводит к усилению эмансипативных ценностей и расширению гражданских прав.

В отличие от тезиса последовательности тезис источника относится к экзогенным причинам процесса человеческой эмансипации. Поскольку именно экзогенная каузальность — фокус данной главы, настало время подробно рассмотреть

¹⁸⁶ Предварительный вариант этой главы был подготовлен для конференции в соавторстве с Эми Александер, Джен Делл, Роберто Фоз, Рональдом Ф. Инглхартом, Рональдом С. Инглхартом, Джен Мюллер и Шербаном Танаса. Он был представлен на Западной ежегодной научной конференции на острове Кауаи в 2012 г., но не был опубликован, чтобы не возникло противоречий с данной главой. Я благодарю моих соавторов, а также Рональда Фишера, Мишель Гельфанд, Джойкоба Гернса Хаири, Патрика Нолана, Джеффри Сакса и Рэнди Торнхилла, за их ценные комментарии.

тезис источника. Этот тезис постулирует, что процесс человеческой эмансипации берет начало от двух природных первоначальных форм экзистенциальной безопасности и экзистенциальной автономности, наделяющих свободу первоначальной полезностью, которая в противном случае отсутствовала бы. Я называю эти природные ресурсы *водной автономностью в прохладном климате (ВАПК)*, что подразумевает сочетание (1) умеренно прохладного климата с сезонными морозами, (2) постоянных дождевых осадков во все сезоны и (3) постоянную доступность для навигации водных путей. Этот дар природы, действительно, воплощает в себе первичную форму относительно безопасного существования — «защищенность от болезней» — наряду с первоначальной формой автономного существования — «водной автономностью».

Опираясь на недавние достижения социобиологической теории в работах Торнхилла и Финчера с коллегами (Thornhill & Fincher et al., 2008, 2009), я определяю «защищенность от болезней» как низкий природный уровень инфекционных заболеваний. Идея «водной автономности в прохладном климате» впервые появилась в публикации Витфогеля (Wittfogel, 1957) и была вновь открыта Мидларски (Midlarski, 1999), хотя с тех пор ей и уделялось мало внимания. «Водная автономность в прохладном климате» просто означает равный, легкий и постоянный доступ к водным ресурсам.

Используя географические данные Гэллата, Меллингера и Сакса (Gallup, Mellinger & Sachs, 2010) и исторические оценки развития Мэддисона (Maddison, 2007) и Ванханена (Vanhanen, 2003), я демонстрирую, что регионы нашей планеты, соответствующие ВАПК-условию, получают исключительно высокие оценки защищенности от болезней и по определению обладают высокой степенью водной автономности в прохладном климате. Затем я показываю, что основополагающий элемент человеческой эмансипации — технологический прогресс — начинает ускоряться и достигает индустриального уровня сначала в ВАПК-регионах и до настоящего времени остается тесно связанным с первоначальным уровнем инфекционной безопасности и водной автономности в прохладном климате. Применяя единую теорию роста (Galor, 2011), я идентифицирую механизм, опосредующий влияние первоначальной инфекционной безопасности и водной автономности в прохладном климате на сегодняшний технологический прогресс: повышение ценности рабочей силы. В условиях более высокой экзистенциальной безопасности и водной автономности оказывается полезным перераспределять временные ресурсы от максимизации обогащения в пользу совершенствования навыков и повышения их качества. Для работодателей это означает, что издержки на рабочую силу повышаются. Когда развивающиеся городские рынки повышают спрос на рабочую силу, дорогостоящая рабочая сила создает стимул для поиска технологий, экономящих труд. Я анализирую эти механизмы с помощью путевой модели, демонстрирующей определенную последовательность эффектов влияния: географические условия, относящиеся к доисторическим временам, — инфекционная безопасность и водная автономность в прохладном климате, относящиеся к историческому времени, — контроль рождаемости в недавнее время — технологический прогресс сегодня.

Как было показано в главе 4, технологический прогресс — это основополагающий фактор человеческой эмансипации, из которого проистекают эмансипативные ценности и гражданские права. Следовательно, раскрывая корневую причину технологического прогресса, мы получаем экзогенное объяснение *всего* процесса человеческой эмансипации.

Однако я также демонстрирую, что преимущества высокой защищенности от болезней и ВАПК не проявлялись до 1450—1500 гг. н. э. Причина такой задержки заключалась в том, что эти преимущества нуждались в динамичных городских рынках, чтобы дать плоды, но в ВАПК-регионах до второй половины XV в. не было зрелых городских цивилизаций. Было две причины позднего развития ВАПК-регионов. Во-первых, учитывая большое расстояние для миграции от места возникновения человечества в Восточной Африке до ВАПК-регионов, последние были заселены позже, чем первоначальные полусухие районы появления цивилизаций на Ближнем Востоке, в Индии, Китае и Юго-Восточной Европе. Во-вторых, задержка развития ВАПК-регионов связана с более поздним отказом от собирательства и охоты как стили жизни. Парадоксально, но этот фактор задержки был связан именно с высокой степенью полезности свобод в ВАПК-регионах: именно это отсрочило отказ от собирательского образа жизни. Как следствие, полный переход к рыночному сельскохозяйственному производству запаздывал, как и расцвет городских цивилизаций — поскольку для снабжения городского населения необходимы излишки сельскохозяйственной продукции. Но как только эта первоначальная задержка была преодолена, ВАПК-условие превратилось в ускоритель технологического прогресса по той же самой причине: высокой полезности свобод при этом условии. В контексте рынков водная автономность создает производные автономии, такие как автономность выхода на рынок с идеями, навыками и продукцией — движущими силами технологического прогресса. Два последних пункта подтверждаются данными Стандартной кросс-культурной выборки [Standard Cross-Cultural Sample] — антропологической базы данных стилей жизни исторических популяций по всему миру (Divale, 2004).

Наконец, я представляю доказательства того, что я называю тезисом *заражения*. Человеческая эмансипация освобождается от своей зависимости от ВАПК-условия, и причина этого явления — глобализация. В следующих разделах обсуждаются эти аргументы и представляются доказательства. Главу завершает резюме ее ключевых положений.

1. Условие «Водная автономность в прохладном климате» как экзогенная причина

Многочисленные данные, подтверждающие тезис последовательности, проявляют *эндогенную* причинность в процессе эмансипации людей: процесс начинается с ресурсов для действий как базового элемента. Тогда становится ясно, что экзогенное объяснение человеческой эмансипации должно искать причину расширения ресурсов для действий. В самом деле, если мы сумеем объяснить генезис ресурсов для действий, мы объясним и весь процесс человеческой эмансипации, потому что его другие элементы — эмансипативные ценности и гражданские права — следуют из ресурсов для действий.

В этой книге было показано, что все три типа ресурсов для действий — материальные средства, интеллектуальные навыки и коммуникативные возможности — укоренены в технологическом прогрессе. Следовательно, вопрос об экзогенных причинах ресурсов для действий сводится к причинам технологического прогресса.

Если причины, которые мы ищем, действительно экзогенные, они не должны быть достижениями людей. Иначе мы продолжим объяснять достижения людей в одной сфере их достижениями в другой сфере. В этом случае мы останемся запертыми в ловушке эндогенности и, прежде всего, не сможем объяснить достижения людей. Очевидно, требование экзогенности исключает как институты, так и идеологии из списка возможных ключевых причин.

Теперь, если задуматься о причинах, которые, без сомнений, экзогенны для любого типа человеческих достижений, природные ресурсы — это очевидный ответ (Diamond, 1997; Landes, 1998; Nolan & Lenski, 1999; Olsson & Hibbs, 2005). Но есть ли какая-либо связь между природными ресурсами и индикаторами человеческой эмансипации? Да, такие зависимости есть. Например, Гэллуп и Сакс (Gallup & Sachs, 2000) обнаружили сильные корреляции во всех глобальных регионах между ВВП обществ и наличием на их территории водных путей, пригодных для навигации. Сходным образом уровень производительности и процветания по всему миру повышаются при снижении среднегодовой температуры и наличии постоянных осадков во все сезоны (Masters & Wiebe, 2000; Deschenes & Greenstone, 2007; Graff Zivin & Neidell, 2010). Недавнее лонгитюдное исследование Делла, Джоунса и Олкена (Dell, Jones & Olken, 2011) показывает, что даже небольшие колебания температуры и осадков с течением времени непосредственно влияют на рост и процветание при контроле потенциальных искажающих эту зависимость факторов.

Главный благоприятный природный ресурс, таким образом, представляет собой сочетание прохладных температур с постоянными сезонными дождями и подходящими для навигации водными путями — ВАПК-условие. Такое сочетание преобладает в определенных географических зонах. Согласно классификации типов климата Кеппена-Гейгера, эти условия преобладают в зонах из категории «умеренные: нет сухого сезона» и «холодные: нет сухого сезона» (Peel, Finlayson & McMahon, 2007)¹⁸⁷. Гэллуп, Меллингер и Сакс (Gallup, Mellinger & Sachs, 2010) предоставляют данные, показывающие доли территории каждого из обществ, расположенные в каждой из одиннадцати климатических зон классификации Кеппена-Гейгера. Рассчитанная на этой основе для каждого общества доля ВАПК-территории¹⁸⁸ коррелирует на уровне $r = 0,70$ с технологическими достижениями общества в 2005 г. ($p < 0,001$; $N = 134$). В глобальном масштабе доля ВАПК-территории общества объясняет около 50% кросс-национальной дисперсии уровня технологического прогресса. В самом деле, наиболее технологически продвинутые сообщества на нашей планете сосредоточены в ВАПК-территориях: в Западной Европе, прибрежных районах Северной Америки, в Японии и Южной Корее, в Юго-Восточной Австралии, Новой Зеландии, Уругвае и в зоне южной оконечности Южной Африки.

¹⁸⁷ В схеме классификации Кеппена-Гейгера это зоны «с1» и «d1».

¹⁸⁸ Точнее, я рассчитывал для каждого общества долю его территории с прохладной или умеренной температурой и достаточными осадками, превышающую долю зон с жарким или засушливым климатом, на основе данных Кеппена-Гейгера, как детально описано в приложении 11. Данные взяты из публикации: Gallup, Mellinger & Sachs (2010).

Длительные климатические циклы между ледниковыми и межледниковыми периодами определяют, где расположены ВАПК-территории на нашей планете. Следовательно, несмотря на климатические колебания, расположение ВАПК-территорий оставалось в основном постоянным в последние 12 000 лет с начала межледникового периода Голоцена (Kuhle, 2011). Существенное влияние активности людей на глобальный климат — это совсем недавний феномен, который может повлиять на размещение ВАПК-территорий в будущем, но, очевидно, не влияя на их размещение в прошлом. Иными словами, свойства, связанные с ВАПК-условием, явно сложились до появления любых людских достижений за последние несколько тысяч лет. Таким образом, ВАПК — *безупречно экзогенный* фактор по отношению к технологическим достижениям человеческих обществ за историческое время. Сама эта экзогенность ВАПК-условия устраняет всю двусмысленность относительно возможного направления каузальности в сильной связи между этим условием и технологическими достижениями. Невозможно утверждать, будто эта связь существует, потому что технологический прогресс создал ВАПК-условие. Возможно только направление каузальности от ВАПК-условия к технологическому прогрессу. Неопределенность все еще сохраняется относительно опосредующего механизма, объясняющего эту сильную связь, но нет никаких сомнений в ее направленности.

Цивилизации созрели существенно раньше за пределами всех ВАПК-территорий в мире, особенно в Ориентальном поясе — от Ближнего Востока до Китая, где зрелая стадия урбанистической цивилизации была достигнута намного раньше, чем где-либо еще (Jones, 1987; McNeill, 1990; Levine, 2001; Goldstone, 2009). Но, несмотря на тысячелетия городской культуры, ни одна из ориентальных цивилизаций не стала пионером прорыва научной технологии, подготовившего промышленную революцию (Hall, 1989). Напротив, это случилось там, где городская цивилизация созрела гораздо позже: в Западной Европе и Японии — двух единственных локусах городской цивилизации на ВАПК-территориях в доиндустриальное время (Jones, 1987; McNeill, 1990; Powelson, 1997). Данные наблюдения порождают два вопроса:

(1) Что делает общества в ВАПК-зонах способными к технологическому прогрессу, после того как они достигли урбанистической зрелости?

(2) Почему общества в ВАПК-зонах достигают урбанистической зрелости позже?

Парадоксально, но ответ на оба этих вопроса дает тот же самый фактор: первоначальная полезность свобод в ВАПК-условиях. Технологический прогресс требует инвестиций времени в инновации и маркетинг идей. Таких временных ресурсов тем больше, чем меньше требуется времени для обеспечения безопасности, как это происходит при условии низкого уровня безопасности или если приходится делать то, что велят власти, как в случае низкого уровня автономии. Если это верно, то связь между технологическим прогрессом и ВАПК-условием предполагает, что это условие обеспечивает какую-то природную форму экзистенциальной безопасности и автономности.

В самом деле, ВАПК-территории создают два таких природных условия: защищенность от инфекционных болезней и водную автономию. По этой причине свободы обладают более высокой первоначальной полезностью в ВАПК-областях.

Это объясняет и начальную задержку, и последующее ускорение технологического прогресса на ВАПК-территориях. Поскольку собирательство и охота — более свободный стиль жизни, чем сельское хозяйство, а защищенность от болезни и водная автономность повышают полезность свобод в ВАПК-зонах, — эта большая полезность побуждает население ВАПК-зон заниматься собирательством так долго, как это возможно. Это замедляет появление городских рынков. Но когда данное отставание преодолевается, и городские рынки расцветают, первоначальная полезность свобод превращается в фактор ускорения, высвобождающий время для инноваций и маркетинговых идей. Следующие разделы предлагают доказательства этих предположений.

2. Доказательства эффекта «водной автономности в прохладном климате»

Прежде всего, давайте рассмотрим две природные формы экзистенциальной безопасности и автономии: инфекционную безопасность и водную автономность. Инфекционная безопасность означает низкую природную вероятность инфекционных болезней. Корреляция защищенности от болезней, рассчитанная на основе исторических данных о заболеваемости из публикации Марри и Шаллера (Murphy & Schaller, 2010), с долей ВАПК-территории обществ равна $r = 0,73$ ($N = 165$; $p < 0,001$). Эту взаимосвязь нельзя объяснить тем фактом, что общества, соответствующие условию ВАПК, богаче и поэтому обладают лучшим здравоохранением. И хотя такие общества, действительно, богаче, ВАПК-условие способствует защите от болезней независимо от богатства¹⁹⁹.

Защищенность от болезней коррелирует с ВАПК-условием, потому что более низкие температуры таких зон препятствуют развитию паразитов и инфекций. Но защищенность от болезней не отражает еще одной важной черты зон с прохладным климатом и водной автономностью: наличия постоянной осадков. Связана ли каким-то образом эта особенность со способностью ВАПК-зон ускорять технологический прогресс? Я предполагаю, что такой фактор — *водная автономность*: равный, легкий и постоянный доступ к водным ресурсам.

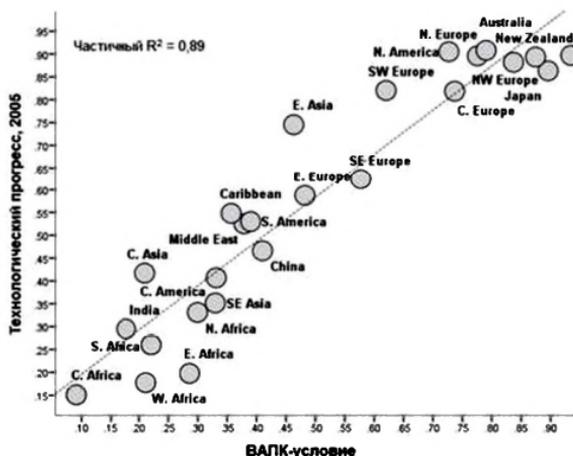
Автономный доступ к водным ресурсам перекрывает исторический путь к деспотизму — контроль над людьми через управление системой ирригации (Wittfogel, 1957; Jones, 1987; McNeill, 1990; Midlarski & Midlarski, 1999; Solomon, 2011; Bentzen, Kaarsen & Wingender, 2012)²⁰⁰. Ограничивая власть правителей над подданными, водная автономность является источником иных производных от нее видов автономности, возникающих с появлением коммерческих городских центров, включая доступ к рынку, использование квалифицированной рабочей силы и получению прибыли (Powelson, 1997; Landes, 1998). Обладая этими видами

¹⁹⁹ После контроля ВВП на душу населения в 1995 г. (или каком-то другом году), корреляция между долей территории с прохладными температурами и осадками и инфекционной безопасностью снижается с $r = 0,74$ до частного r , равного 0,60, но остается положительной и высоко значимой ($p < 0,001$; $N = 156$). Частный коэффициент r для ВВП на душу населения равен 0,22. Исторические данные об инфекционной безопасности свидетельствуют о том, что именно природная защищенность территории от болезней является главным фактором — а не качество заботы о сохранении, возросшее благодаря экономическому процветанию в недавнее время. Показатель инфекционной безопасности — не эндогенный.

²⁰⁰ Хотя тезис Виттофеля (Wittfogel, 1957) о том, что ирригация предшествовала бюрократии, и оспаривается, нет сомнений в том, что крупномасштабные ирригационные проекты способствовали концентрации власти. Это подтверждено убедительными доказательствами, представленными Бенценом, Каарсеном и Вингендером (Bentzen, Kaarsen & Wingender, 2012).

автономии, люди могут получать пользу от своей креативности, что служит стимулом для инноваций — источника технологического прогресса.

Чтобы разработать точный индикатор ВАПК-условия, я рассчитал разницу доли территории данного общества, находящейся в ВАПК-зонах, и доли территории в жарких и засушливых зонах на основе классификации Келпена-Гейгера (данные из публикации: Gallur et al., 2010). Если вся территория расположена в ВАПК-зоне, а не в засушливой и жаркой зоне, значение индикатора равно 1. В обратном случае (вся территория расположена в засушливой и жаркой зоне) — значение равно 0. Если вся территория расположена в других зонах или доли территории в ВАПК-зоне и в засушливой зоне равны, значение индекса равно 0,50. Однако нужно также учесть вариации (а) количества постоянных осадков и (б) наличия доступных для навигации водных путей. Для этой цели я использую процедуру взвешивания, что позволяет рассчитать еще более точный индекс. Это конечный ВАПК-индекс. Он варьируется от 0 — при полном отсутствии ВАПК-зон на территории данного общества до 1 — в случае их максимального наличия. Индекс «водной автономности в прохладном климате» (ВАПК-индекс) одновременно служит и показателем водной автономии. Подробный алгоритм конструирования индекса описан в приложении 11.

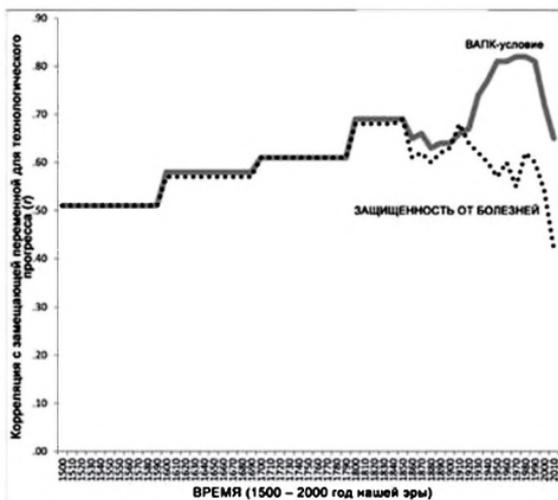

Рисунок 11.1. Влияние водной автономности на технологическое развитие

Примечание: Данные 142 обществ; чтобы график легче читался, они объединены в 25 глобальных регионов. Отметим, что глобальная межрегиональная дисперсия объясняет 75% межнациональной дисперсии водной автономии и 81% межнациональной дисперсии технологического прогресса. Для всех 142 обществ водная автономность объясняет 73% дисперсии технологического прогресса (см. рисунок 3.5 в главе 3). Более подробное описание и документация приведены в приложении 11.

Рисунок 11.1 иллюстрирует удивительно сильный эффект влияния ВАПК-условия на технологический прогресс в 2005 г. Если мы учитываем и защищенность от бо-

лезней, и ВАПК-условие, эти два природных фактора объясняют 90% *кросс-региональной* дисперсии и 74% дисперсии *между странами* современного уровня технологического прогресса в мире ($N = 139$). Но хотя эти два фактора и пересекаются, эффект влияния ВАПК-условия значительно сильнее, чем защищенности от болезней. При взаимном контроле ВАПК-условие объясняет 72% глобальной *кросс-региональной* дисперсии и 45% *кросс-национальной* дисперсии уровня технологического прогресса в сравнении с 18 и 14%, соответственно, для защищенности от болезней. Это оправдывает фокус на беспрецедентной силе влияния условия «водной автономности в условиях прохладного климата». Следующий очевидный вопрос: с какого времени в прошлом началось это влияние и каков объяснительный механизм?

Рисунок 11.2: Динамика влияния изначальных форм защищенности от болезней и водной автономности на технологическое развитие (с начала Нового времени до наших дней)

Примечание: Для десятилетий с 1850 г. до 2000 г. диаграмма использует замещающую переменную для технологического прогресса из главы 4, основанную на данных Ванханена (Vanhanen, 2003) для урбанизации и уровней грамотности. Для десятилетий с 1500 г. по 1850 г. региональные оценки Мэддисона (Maddison, 2007) использованы вместо оценок урбанизации уровней грамотности Ванханена. В этом случае странам присваивались региональные агрегированные значения дохода по данным Мэддисона. Для 2010 г. для ВВП на душу населения использованы данные паритета покупательной способности для стран Мирового банка из Серии индикаторов мирового развития (2012). Количество стран с доступными данными варьируется в разные годы. Более подробные данные и документация приведены в приложении 11.

Прямой индикатор технологического прогресса, использованный для современности, отсутствует для ранних исторических периодов. Следовательно, для анализа влияния водной автономности на технологический прогресс в различные исторические периоды мы должны использовать замещающие переменные.

На рисунке 11.2 используется для этой цели замещающая переменная Ванханена (Vanhanen, 2003), описанная в главе 4. Это комбинация данных уровня грамотности и уровня урбанизации обществ. Эта замещающая переменная с шагом в десятилетие доступна от современности до десятилетия 1850—1860 гг. Данные для каждого десятилетия есть для всех независимых государств того времени. Для более ранних, чем 1850 г., периодов я использовал как альтернативную замещающую переменную оценки дохода на душу населения Мэддисона (Maddison, 2007) для глобальных регионов. Отсутствующие данные были интерполированы способом, подробно описанным в приложении 11. Для каждого десятилетия от 1500 г. до 2010 г. я рассчитал корреляцию замещающих переменных для технологического прогресса с условием «водной автономности в прохладном климате» (и защищенности от болезней). Поскольку данное условие отражает свойства природной среды, уже существовавшие до технологического прогресса, я интерпретирую данные корреляции как отражение влияния ВАПК-условия на технологический прогресс. На рисунке 11.2 прослеживается влияние этого условия от начала современной эры: роста городского капитализма в эпоху европейского гуманизма после 1500 г. н. э.

Несмотря на некоторые изменения, рисунок 11.2 показывает, что влияние ВАПК-условия на технологический прогресс в регионах мира и странах было последовательно высоким все время, начиная с 1500 г. до 2010 г., хотя в самое последнее время оно уменьшилось, что я обсуждаю в конце этой главы (в приложении 11 приводится более подробное объяснение паттерна корреляции, представленного на рисунке 11.2).

ВАПК-условие — это благоприятный природный фактор, не связанный с предыдущей активностью людей, и его влияние на технологический прогресс очевидно с начала современной эры. Это предполагает, что данное условие — корневая причина технологического прогресса.

3. Объяснения эффекта «водной автономности в прохладном климате»

Должны быть причины, более близкие к технологическому прогрессу, которые могут объяснить влияние ВАПК-условия. Чтобы прояснить это, в таблице 11.1 приведены корреляции современного технологического прогресса с рядом потенциальных причин, часто упоминаемых в литературе по проблеме развития. В таблице 11.2 показаны результаты множественных регрессий, чтобы проанализировать, какие из них поглощают влияние ВАПК-условия на технологический прогресс. Можно утверждать, что потенциальная причина, поглощающая большую часть влияния этого условия, объясняет этот эффект.

В последнее время все больше ученых полагают, что генетические факторы могут быть источником различий в развитии (Hatemi & McDermott, 2012). Вариации частот в обществах двух генов привлекли особенное внимание: полиморфизм 'Val¹⁰⁸/¹⁵⁸Met' гена COMT (Катехол-О-метилтрансфераза) (кратко — COMT) и версия гена 5-HTTLPR с длинным аллелем. Оба гена влияют на систему вознаграждения у людей, изменяя уровни эмиссии стимулирующих гормонов: в случае гена COMT это дофамин; в случае гена HTTLPR — серотонин. Данные из «банка частоты аллелей» (ALFRED) Йельского университета позволяют предположить, что частота обоих генов варьируется в разных популяциях (см. на сайте: alfred.med.yale.edu).

Более того, представляется, что оба гена могут быть связаны с личностными чертами, стимулирующими инновации и экспериментирование — виды активности, важные для технологического прогресса. В случае гена COMT есть позитивная корреляция с двумя комплексами личностных качеств из «большой пятёрки» (Big Five), предположительно поощряющими инновации и экспериментирование: «открытостью» и «экстраверсией». Аналогичным образом, преобладание в популяции гена COMT отрицательно связано с личностной чертой, которая предположительно негативно влияет на инновации и экспериментирование: «невротизмом» (Stein, Fallin, Schork & Gelernter, 2005; Wichers et al., 2008)¹⁹¹. В свою очередь ген HTTLPR в варианте с длинным аллелем позитивно коррелирует с культурным индивидуализмом — личностной чертой, которая также должна стимулировать инновации и экспериментирование (Chiao & Blizinski, 2010).

Таблица 11.1. Влияние водной автономности на технологическое развитие в сравнении с другими предикторами (парные корреляции)

ПРЕДИКТОРЫ технологического прогресса:	КОРРЕЛЯЦИИ с технологическим прогрессом 2005 (общества)	N
Контроль рождаемости, 1980	0,87***	141
ВАПК, истор.	0,84***	142
«Честность» государства, 2000	0,78***	143
Гражданские права, 2000	0,73***	130
Защищенность от болезней, истор.	0,72***	143
Порядок и стабильность, 2000	0,71***	143
Культурный индивидуализм, 1990-е	0,70***	84
Родственные браки (логарифм)	-0,70***	66
Ген 'Val ¹⁵⁶ Met' COMT	0,52***	50
Демократические традиции, до 2000	0,51***	151
Смертность «белых» поселенцев, истор.	-0,44***	108
«Мягкость» культуры, 1990-е	0,40**	33
Постоянный мир после Второй мировой войны	0,36***	142
Индекс «древности государства»	0,36***	121
% мусульман, 1990-е	-0,33***	142
% протестантов, 1990-е	0,31***	140
Время после неолитической революции	0,28***	138
Длинная аллель гена 5-HTTLPR	0,27*	46
% католиков, 1990-е	0,19**	142
Невротизм (Big 5), 1990-е	0,18'	44
Экстраверсия (Big 5), 1990-е	0,16'	44
Открытость (Big 5), 1990-е	-0,02'	44

Примечание: Приведены коэффициенты корреляции (r). Включены все общества с данными для соответствующих переменных.

Уровни значимости (двусторонние): *p > 0,100, **p < 0,100, ***p < 0,005, ****p < 0,005.

См. подробное описание данных и переменных в приложении 11.

¹⁹¹ Две другие личностные черты — это «доброжелательность» и «добросовестность». Определение и описание личностных черт «большой пятёрки» см. в публикации: Matthews, Deary & Whiteman (2003).

Таблица 11.2. Тестирование предсказательной силы водной автономности для технологического прогресса в сравнении с альтернативными предикторами (множественные регрессии)

Одновременные ЭФФЕКТЫ влияния на технологический прогресс в 2005 г.				
Дополнительные ПРЕДИКТОРЫ:	Условие ВАПК, контролирующая защищенность от болезней и дополнительный предиктор	Защищенность от болезней, условие ВАПК и дополнительные предикторы	Дополнительный предиктор, контролирующая условие ВАПК и защищенность от болезней	N
Контроль рождаемости	0.41***	0.28***	0.61***	131
-Честность- государства	0.52***	0.33***	0.47***	138
Гражданские права	0.63***	0.29***	0.36***	127
Длинная аллель гена 5-HTTLPR	0.68***	0.37**	0.57***	48
Порядок и стабильность	0.59***	0.29***	0.38***	138
Культурный индивидуализм	0.66***	0.17'	0.34***	81
Индекс «древности государства»	0.69***	0.35***	0.34***	123
-Мягкость- культуры	0.79***	0.19'	0.32*	31
Демократические традиции	0.62***	0.39***	0.30***	137
Родственные браки (логарифм)	0.66***	0.32**	-0.25*	67
Невротизм (Big 5)		0.25'		
Открытость (Big 5)	0.51***	0.36**	0.03'	48
Экстраверсия (Big 5)			0.00'	
Смертность «белых» поселенцев	0.70***	0.32***	-0.21**	105
Время после неолитической революции	0.70***	0.35***	0.22**	132
% мусульман		-0.12'		
% протестантов	0.67***	0.36***	0.02'	136
% католиков			0.05'	
Постоянный мир	0.67***	0.36***	0.09'	137
Ген "Val ¹⁵⁸ Met" COMT	0.72***	0.17'	0.17'	49

Примечание: Приводятся частные коэффициенты корреляции, показывающие для каждого предиктора его объяснительную силу для технологического прогресса. Каждая из строк представляет отдельную регрессию, в которой зависимая переменная — технологический прогресс, а независимые — ВАПК, условие, защищенность от болезней и один из предикторов из первого столбца слева.

Пример: в первой строке коэффициент 0.41 показывает частный эффект влияния ВАПК-условия, 0.28 — защищенности от болезней и 0.61 — контроля рождаемости.

Тесты на гетероскедастичность (тест Уайта), влиятельные случаи (DFITs) и мультиколлинеарность (VIF) не обнаружили нарушения допущений регрессии по методу наименьших квадратов ни в одной из регрессий.

Уровни значимости (двусторонние): *p > 0.100, **p < 0.100, ***p < 0.050, ****p < 0.005.

Выделенные серым коэффициенты показали самые сильные эффекты в каждой регрессии. Подробное описание переменных и данных приводится в приложении 11.

Поскольку условие «водной автономности в прохладном климате» изначально повышает полезность свобод, инновации и экспериментирование оказываются полезными видами активности. Возможно, что ВАПК-условие создает избирательное конкурентное преимущество для генов, способствующих развитию личностных черт, поощряющих инновации и экспериментирование. Если это так, то влияние на технологический прогресс ВАПК-условия должно в основном поглощаться или демографическим преобладанием вышеупомянутых генов, или преобладанием предположительно благоприятных личностных черт. Для того чтобы проверить, верно ли это, я в отдельных регрессиях контролирую эффекты влияния ВАПК-условия на технологический прогресс показателями демографического преобладания гена 'Val¹⁵⁸Met' COMT и гена HTTLPR с длинным аллелем, а также с помощью показателей распространенности в обществах личностных черт, предположительно связанных с этими генами: открытости, экстраверсии, невротизма и дополнительно — индивидуализма. Данные по демографическим вариациям гена COMT взяты из готовящейся к публикации работы Инглхарта с коллегами, данные для гена HTTLPR — из публикации Чиао и Близински (Chiao & Blizinski, 2010). Данные о демографической вариации личностных типов принадлежат Шмитту с коллегами (Schmitt et al., 2012), а данные о культурном индивидуализме — Хофстеде с коллегами (Hofstede, 2001 [1980], and Suh, Diener, Oishi & Triandis, 1998). Более подробное описание и данные приведены в приложении 11.

Дополнительные черты культуры, предположительно влияющие на технологический прогресс, — это «мягкость» культуры, родственные браки (consanguinity), а также принадлежность к протестантизму и исламу. «Мягкость» культуры противоположна «жесткости» и измеряет толерантность общества к девиантному поведению. Следуя выводам Гельфанда с коллегами (Gelfand et al., 2011), у которых я заимствовал данные о степени «мягкости» культуры, это ее свойство должно стимулировать инновации и экспериментирование, а следовательно, способствовать технологическому прогрессу. «Родственные браки» описывают паттерн брачных отношений, который сужает круг возможных партнеров: отдается предпочтение родственникам (дальним) в сравнении с неродственниками. Согласно мнению Вудли и Белла (Woodley & Bell, 2013), у которых я заимствовал оценки степени демографического преобладания родственных браков, можно ожидать от этой переменной негативного эффекта влияния на технологический прогресс. Протестантизм, напротив, должен позитивно влиять на технологический прогресс (Lal, 1998), в то время как ислам — негативно (Kuran, 2004). Я взял данные о процентной доле протестантов и мусульман в обществах из Базы данных качества управления (Quality of Governance Institute, 2012). Если ожидания относительно эффектов влияния этих культурных черт на технологический прогресс верны, любая из них может поглотить существенную долю влияния ВАПК-условия на технологический прогресс.

Еще одна группа факторов, обсуждаемых в литературе по проблемам развития, относится к долгосрочным институциональным особенностям траектории развития, включая время начала неолитической революции (Putterman, 2008) и «древность государства» — показатель исторической устойчивости функционирующей государственной организации (Bockstette, Chanda & Putterman, 2002). Сторонники этих показателей считают, что чем больше исторического времени прошло с момента неолитической революции и создания функционирующего государства, тем выше

уровень развития общества. Таким образом, вполне возможно, что эффекты влияния ВАПК-условия на технологический прогресс могут поглощаться этими факторами.

Колониальный паттерн, влияющий на развитие, был идентифицирован Аджиомглу, Джонсоном и Робинсоном (Acemoglu, Johnson & Robinson, 2001). Эти авторы утверждают, что там, где смертность «белых» поселенцев была высокой, это мешало развитию, и наоборот, развитие ускорялось там, где эта смертность была низкой. Аджиомглу, Джонсон и Робинсон обосновывают свой тезис при помощи институциональных аргументов: развитие зависит от инклюзивных институтов. Эти институты развились в Западной Европе, а потому были перенесены только на колониальные территории, где было много «белых» поселенцев из-за низкого уровня смертности. Я использую данные о смертности «белых» поселенцев, опубликованные этими авторами, для проверки того, поглощает ли показатель смертности эффект влияния «водной автономности в прохладном климате» на технологический прогресс.

Тезис о том, что развитие благоприятно для демократии, — одна из наиболее исследованных тем в политологии, и результаты в основном подтверждают этот тезис (из недавних исследований: Teorell, 2010). Для обратного тезиса о том, что демократия также способствует развитию, результаты исследований, однако, оказались противоречивыми (Krieschhaus, 2004). Тем не менее, как показали Геринг с коллегами (Gerring et al., 2005), большинство результатов неверно интерпретируются, потому что они тестируют непосредственный эффект влияния демократии на развитие, не принимая во внимание, что этот эффект — *долгосрочный*. Эти авторы утверждают, что демократические традиции оказывают существенное влияние на развитие. Возможно, что демократические традиции поглощают эффект влияния ВАПК-условия на технологический прогресс.

Другие институциональные факторы, которые могут опосредовать эффект влияния на технологический прогресс ВАПК-условия, могут быть связаны с современными качествами государства. По этой причине я измеряю «честность государства» как относительно малое количество случаев коррупции среди чиновников, используя индекс контроля коррупции из проекта качества государственного управления Мирового банка (Kaufman, Kraay & Mastruzzi, 2008). Из этого же источника я использую данные индекса политической стабильности и отсутствия насилия, чтобы измерить степень порядка и стабильности. Затем я измеряю «продолжающийся мир», используя «базу данных о вооруженных конфликтах» Гледича с коллегами (Gleditsch et al., 2002). Эта переменная отражает для каждого общества количество вооруженных конфликтов, в которых оно участвовало с момента окончания Второй мировой войны.

Наконец, я ввожу переменную, названную «контроль над рождаемостью»: это просто обратное значение уровня рождаемости в обществе. Эта переменная заимствована из единой теории роста (Galor, 2011), согласно которой низкая рождаемость показывает, что люди жертвуют демографической продуктивностью ради экономической. Данные убедительно поддерживают эту интерпретацию: низкие уровни рождаемости тесно связаны с высоким уровнем образования, который является инвестицией в экономическую продуктивность¹⁹². Теоретически

¹⁹² Корреляции между рождаемостью в обществе и средним количеством лет образования: $r = -0.80$ ($p < 0.001$; $N = 91$) в 1960 г.; $r = -0.86$ ($p < 0.001$; $N = 93$) в 1970 г.; $r = -0.85$ ($p < 0.001$; $N = 97$) в 1980 г.; $r = -0.82$ ($p < 0.001$; $N = 98$) в 1990 г.; $r = -0.78$ ($p < 0.001$; $N = 94$) в 2000 г. При контроле связи между рождаемостью и образованием с помощью ВВП на душу населения, частная корреляция между рождаемостью и образованием снижается до -0.58 в 1970 г., -0.56 в 1980 г., -0.62 в 1990 г. и -0.61 в 2000 г., но остается высоко значимой ($N = 76, 80, 82, 82$; $p < 0.001$ для всех лет).

противостояние между низкой рождаемостью/высоким образованием, с одной стороны, и высокой рождаемостью/низким образованием, с другой, отражает противоположные стратегии инвестирования времени: *качественная стратегия развития против количественной стратегии размножения* (Becker & Barro, 1988; Guinnane, 2008). Стратегия размножения — это инвестиция времени в демографическую продуктивность, стратегия развития — инвестиции времени в экономическую продуктивность. И хотя стратегия размножения поставляет дешевую многочисленную рабочую силу, стратегия развития производит меньшую по количеству, но зато более качественную рабочую силу. Очевидно, контроль над рождаемостью — это основа стратегии развития. Согласно объединенной теории роста переход от количественной стратегии размножения к качественной стратегии развития — решающий фактор вступления в эру ускоренного технологического прогресса (Boserup, 2011 [1970]; Blumberg, 2004; Galor, 2011). Причина очевидна: с того момента, как подъем городских рынков увеличивает спрос на дешевую рабочую силу, но существует ее нехватка, труд становится дорог. Высокая стоимость рабочей силы и растущий спрос на нее способствуют технологическому прогрессу с целью снижения затрат.

Действительно, есть данные, подтверждающие, что две доиндустриальные цивилизации, существующие в ВАПК-условиях, — Западная Европа и Япония, — характеризовались более поздними браками и более низкой рождаемостью, чем другие урбанистические цивилизации, причем еще в доиндустриальное время. Для Западной Европы доказательства приводятся в публикациях: Flinn (1981), Hajnal (1983) и Hartman (2004), а для Японии: Kiyoshi (1999) и Bentley, Ziegler & Streets-Salter (2010). В обеих ВАПК-цивилизациях женщины не выходили замуж до 20—25 лет, прибегали к противозачаточным средствам до брака, и брак был связан с созданием собственного отдельного домохозяйства. Это требовало доброго периода для накопления сбережений, оборудования и приобретения навыков¹³¹.

Таблица 11.1 показывает неконтролируемые эффекты влияния на технологический прогресс каждой из переменных, которые потенциально опосредуют

¹³¹ Более поздний средний возраст первого брака — это надежный индикатор низкой рождаемости: процент женщин в обществе, вступивших в брак до 20 лет, коррелирует: $r = 0.71$ ($N = 158$; $p < 0.001$) с уровнем рождаемости (данные Garminder с сайта www.garminder.org). Следовательно, данные, показывающие, что для двух цивилизаций из ВАПК-зоны — Западной Европы и Японии — поздние браки были характерны еще в доиндустриальную эпоху, важны. Это подтверждает мое предположение о том, что водная автономность создает стимул для низкой рождаемости, когда развиваются городские рынки. Такие данные, действительно, существуют. Основываясь на анализе 45 исследований, Финн (Finn, 1981) рассчитал средний возраст первого брака для женщин в Северо-Западной Европе: он равен 25 годам, со стандартным отклонением в 6 лет. Это близко к оценкам Хайнала (Hajnal, 1982): по его данным, возраст первого брака женщин Северо-Западной Европы был равен в доиндустриальный период 23 годам. Аналогичные оценки Хайнала для других доиндустриальных цивилизаций от Западной и Южной Европы до Ближнего Востока, Индии и Китая — ниже: обычно от 17 до 19 лет. Его оценка для Китая, например, — 17.5 лет. Япония занимает промежуточное положение между западным и незападным паттерном. Киоши указывает (Kiyoshi, 1999: 132), что в начале периода клана Токугава (приблизно, 1600 г.) средний женский брачный возраст был 20.2 года, а потом он постоянно рос в течение всего этого периода, в который началось экономическое процветание городских центров. Данные для 1800 г. подтверждающий паттерн поздних браков на Западе, ранних на Востоке и промежуточных в Японии: 17 лет в Индии, 18 лет в Египте, 19 лет в России и Китае, 21 год в Японии и 23 года в США и Великобритании (данные Гэлмайндера с сайта www.garminder.org). Исторические данные для рождаемости еще убедительнее подтверждают, что водная автономность способствовала контролю над рождаемостью. Для 1800 г. (когда в большинстве стран индустриализация еще не набрала ход) оценки среднего количества рожденных детей для женщин следующие: 4.0 для Дании, 4.1 — для Японии, 4.4 — для Франции, 5.5 — для Китая и Италии, 6.0 — для Индии, 6.7 — для Бангладеш, Пакистана и России, 6.8 — для Мексики, 6.8 — для Зимбабве, 7.2 — для Эфиопии, 7.3 — для Ирана. Следовательно, в начале индустриальной эпохи рождаемость в городских цивилизациях была низкой только на Западе и в Японии.

влияние ВАПК-условия на технологические достижения. В таблице 11.2 представлены частные эффекты влияния этих переменных на технологический прогресс при контроле ВАПК-условия и защищенности от болезней. Их можно сравнить с частными эффектами влияния «водной автономности в прохладном климате» и защищенности от болезней, показанными слева. Сравнивая эти частные эффекты, мы можем установить, какая доля влияния ВАПК и защищенности от болезней поглощена каждой из других переменных, а какая — нет.

В таблице 11.1 все переменные, кроме гена СОМТ и личностных черт «большой пятерки», оказывают значимое влияние на технологический прогресс в ожидаемом направлении. Среди переменных, измеренных для более чем ста обществ, самый большой неконтролируемый эффект влияния на технологический прогресс — у контроля рождаемости ($r = 0,87$), затем у ВАПК-условия ($r = 0,84$), «честности государства» ($r = 0,78$), защищенности от болезней ($r = 0,72$), порядка и стабильности ($r = 0,71$), демократических традиций ($r = 0,51$), смертности «белых» поселенцев ($r = -0,44$), «древности государства» ($r = 0,36$) и продолжающегося мира ($r = 0,36$). Таким образом, только неконтролируемый эффект влияния контроля рождаемости превосходит неконтролируемый эффект ВАПК-условия на технологический прогресс.

Если эффекты указанных переменных контролировать с помощью эффектов влияния ВАПК-условия и защищенности от болезней, для большинства переменных эффекты существенно снижаются. Например, для «честности государства» эффект снижается с $r = 0,78$ до $r_{\text{частный}} = 0,47$ и для демократических традиций — с $r = 0,51$ до $r_{\text{частный}} = 0,30$. Для всех переменных, кроме контроля рождаемости, сохраняющего свой эффект и при контроле любых других переменных, частный эффект влияния на технологический прогресс существенно ниже, чем эффект влияния ВАПК-условия. Частный эффект защищенности от болезней сохраняется при всех контролях, кроме двух: если контролировать культурный индивидуализм или степень «мягкости» культуры, защищенность от болезней не оказывает значимого влияния на технологический прогресс. Соответственно, эффект влияния защищенности от болезней на технологический прогресс полностью опосредуется влиянием этой переменной на две вышеуказанные черты культуры¹⁹⁴. Но, даже если эффект влияния защищенности от болезней на технологический прогресс значим, он всегда значительно ниже, чем у ВАПК-условия.

Две переменные, наиболее заметные в литературе по развитию, показывают резко снижающийся или вообще не значимый эффект, если контролировать ВАПК-условие: протестантизм и смертность «белых» поселенцев. Действительно, эффект влияния этих переменных на технологический прогресс в значительной степени объясняется ВАПК-условием. Протестантизм и институты «белых» поселенцев развились исключительно в тех обществах, где ярко выражено ВАПК-условие, и это причина того, почему кажется, будто эти факторы оказывают значимое влияние на технологический прогресс. Как только мы контролируем ВАПК-условие, этот кажущийся эффект существенно уменьшается или пропадает.

¹⁹⁴ Эти результаты показывают важную боковую ветвь каузальности: защищенность от болезней благоприятствует культурам, поощряющим разнообразие. Разнообразие в свою очередь создает интеллектуальный климат, способствующий экспериментированию и инновациям — движущим силам технологического прогресса.

Еще одна переменная, в последнее время ставшая популярной, это время начала неолитической революции. Как утверждают Патерман (Putterman, 2008), а также Истерли, Коумин и Гонг (Easterly, Comin & Gong, 2010), ранний переход к сельскому хозяйству давал резкое ускорение развитию. Поскольку развитие зависит от своей траектории и обладает инерцией, преимущество, полученное обществами благодаря раннему старту, должно быть заметным и в сегодняшнем уровне технологического прогресса. Хотя регрессия технологического прогресса в зависимости от времени начала неолитической революции без контрольных переменных поддерживает эту точку зрения, после добавления контроля для «водной автономности в прохладном климате», оказывается, что ранний переход к сельскому хозяйству оказывает лишь слабое влияние на технологический прогресс сегодня. Следовательно, эффект раннего перехода к сельскому хозяйству в основном условный: зависит от условия «водной автономии в прохладном климате».

Единственная переменная, существенно уменьшающая эффект влияния ВАПК-условия на технологический прогресс и превосходящая его. — это контроль рождаемости: при взаимном контроле частный эффект влияния «водной автономии в прохладном климате» равен $\gamma_{\text{частный}} = 0,41$, а контроля над рождаемостью — $\gamma_{\text{контроль}} = 0,61$. Это означает, что ВАПК-условие благоприятствует технологическому прогрессу в основном потому, что усиливает контроль рождаемости.

Этот вывод основан на предположении, что контроль рождаемости — не эндогенный фактор по отношению к технологическому прогрессу. Некоторые ученые ставят его под сомнение. Причина в том, что технологический прогресс приводит к росту благосостояния (Romer, 1990), и некоторые авторы утверждали, что рождаемость снижается из-за роста благосостояния (Becker, 1981; Becker & Barro, 1988). Если это верно, то контроль рождаемости — следствие технологического прогресса, а не его причина. В этом случае контроль рождаемости не мог бы объяснить влияние ВАПК-условия на технологический прогресс.

Двухшаговая регрессия по методу наименьших квадратов, результаты которой показаны в таблице 11.3, проверяет эту возможность, используя ВВП за тот же год, что и данные контроля рождаемости, для измерения благосостояния. На первом шаге мы рассчитываем коэффициенты для трех инструментальных переменных для контроля рождаемости, а именно ВАПК-условия, защищенности от болезней и ВВП на душу населения. Результаты этой регрессии показывают, что контроль рождаемости сильнее детерминирован ВАПК-условием, чем ВВП на душу населения. Три инструментальных переменных объясняют 69 % кросс-национальной дисперсии контроля рождаемости; из них только 5 % объясняются ВВП¹⁹⁵. Поскольку защищенность от болезней не значима, ВАПК детерминирует большую часть из оставшихся 64 % объясненной дисперсии контроля рождаемости. В версии В этой регрессии на первом шаге мы рассчитываем коэффициенты только для ВАПК-условия и защищенности от болезней, опуская ВВП на душу населения. Мы объяснили почти такую же долю вариации: 63 %. На второй стадии мы использовали две инструментальные версии контроля рождаемости по очереди, чтобы предсказывать технологический прогресс в 2005 г. Версия, в которой контроль

¹⁹⁵ Частный коэффициент корреляции ВВП 0.23.

рождаемости оценивается на первом шаге без ВВП на душу населения, объясняет всего на 5% меньше дисперсии технологического прогресса, чем версия, включавшая ВВП. Таким образом, степень эндогенности благосостояния для контроля рождаемости очень мала; тем не менее, в последующем анализе мы будем использовать показатель контроля рождаемости, из которого исключена небольшая доля влияния благосостояния.

Таблица 11.3. Анализ эндогенности контроля рождаемости для процесса развития (двухшаговая регрессия по методу наименьших квадратов)

ПРЕДИКТОРЫ:	СТАДИЯ 1 (контроль рождаемости в 1980 г. — 3П)		СТАДИЯ 2 (Технологический прогресс в 2005 г. — 3П)	
	Версия А	Версия В	Версия А	Версия В
	Константа	0.21(5.70)***	0.15(5.19)***	-0.12(-3.28)***
ВАПК, истор.	0.62(60.08)***	0.68(90.13)***		
Защищенность от болезней, истор.	0.12(10.06)'	0.28(30.29)***		
ВВП/душ. нас (индексированный), 1980	0.22(20.21)**			
Оцененный на первом шаге ожидаемый контроль рождаемости			10.11(180.65)***	10.10(160.19)***
Скорр. R ²	0.69	0.63	0.81	0.76
N (общества)	96	96	84	84

Примечание: Приведены нестандартизованные регрессионные коэффициенты со значениями t-критерия в скобках. Тесты на гетероскедастичность (тест Уайта), влиятельные случаи (DFITs) и мультиколлинеарность (VIF) не обнаружили нарушения допущений регрессии по методу наименьших квадратов.

На первом этапе исторические значения ВАПК, условия и защищенности от болезней, а также ВВП на душу населения в 1980 г. (версия В не включала ВВП) были использованы как инструментальные переменные для оценки ожидаемых значений контроля рождаемости в 1980 г. На втором этапе эти оцененные ожидаемые значения контроля рождаемости использованы для предсказания уровня технологического прогресса в 1980 г.

Уровни значимости (двусторонние): 'p > 0.100, *p < 0.100, **p < 0.050, ***p < 0.005.

Можно сказать, что различия между странами по уровню рождаемости, обнаруженные в 1980 г., характерны не только для этого конкретного времени: они отчасти отражают различия, существовавшие еще в доиндустриальный период. Как сообщено в сноске к странице 184, мы обнаружили сходные паттерны различий рождаемости в 1800 г. и последующие периоды: для Японии и Запада характерны наиболее низкие уровни рождаемости. Действительно, в 1800 г. это были единственные регионы с низким уровнем рождаемости, что отражало очень высокий уровень ВАПК-условия.

Все это предполагает, что условие -водной автономности в прохладном климате способствует переходу от стратегий размножения к стратегиям развития. С точки зрения лестницы полезности свобод это представляется высоковероятным.

Условие «водной автономности в прохладном климате» предоставляет равный, легкий и постоянный доступ к водным ресурсам. Как первоначальная форма экзистенциальной автономии водная автономия — это источник производных от нее автономий, включая автономный доступ к рынку, после того как появляются городские центры (Jones, 1987; Landes, 1998; Midlarski & Midlarski, 1999; Solomon, 2011). При условии экзистенциальных автономий развитие способностей — это инвестиции времени в рыночную ценность индивида. По этой причине ранние браки с целью рождения многочисленных детей — это инвестиции времени с высокими скрытыми издержками. Как только развиваются городские рынки, последующие автономии, производные от водной автономности, поощряют контроль над рождаемостью и развитие навыков. И люди обладали достаточно эффективными способами контроля рождаемости еще в доиндустриальное время, если это было массовым предпочтением в данном обществе (Levine, 2009; Blumberg, 2010).

Исторический паттерн, как представляется, подтверждает это предположение. В позднем Средневековье было только две цивилизации с высокой водной автономностью: Западная Европа и Япония достигшие зрелого уровня урбанизации в доиндустриальное время (см. рисунок 11.1). Все другие евразийские цивилизации — от Восточной и Южной Европы до Ближнего Востока, Индии и Китая, а также и городские цивилизации в Америке, — характеризовались гораздо меньшим уровнем ВАПК-условия, чем Япония и Западная Европа. Пауэлсон (Powelson, 1997) утверждает, что Западная Европа и Япония были единственными доиндустриальными цивилизациями, в которых не развился «принудительный феодализм». Вместо него там существовал «контрактный феодализм» — форма феодализма, в которой признавалась автономия крестьян, сельских общин и корпораций. И в Западной Европе, и в Японии этот паттерн был связан с поздними браками, ограничением рождаемости с помощью моногамии и табу на внебрачный секс, а также ориентацией на развитие навыков в течение длительного добрачного периода (Hartman, 2004; Bentley, Ziegler & Streets-Salter, 2010).

4. Великая смена направления цивилизации

Взрывное ускорение технологического прогресса в Новое время началось научной революцией XV столетия (Braucel, 1993; Landes, 1998; Goldstone, 2009). До этого поворотного пункта обнаруживается иной паттерн. Это очевидно на рисунке 11.3. На этой диаграмме используются предложенные Мэддисоном (Maddison, 2007) исторические оценки дохода на душу населения в различных регионах мира как замещающая переменная для уровня технологического прогресса: предполагается, что общества с высоким душевым доходом богаче, потому что они развили более продуктивные технологии. В соответствии с этим предположением рисунок 11.3 является убедительной иллюстрацией резкого поворота мировой истории около 1500 г. н. э.: появляется сильная положительная корреляция между ВАПК-условием и развитием — вместо отрицательной корреляции между данными переменными с 1 г. н. э. и до этого момента (1500 г.) (в приложении 11 приведены подробные данные о паттерне корреляций). Изменение знака корреляции в 1500 г. совпадает с поздним достижением урбанистической зрелости ВАПК-

цивилизациями: Западной Европой и Японией¹⁹⁶. С этого момента технологические достижения ВАПК-цивилизаций растут экспоненциально. И поселения европейцев приносят технологические достижения в другие, не урбанизированные, ВАПК-регионы за пределами Евразии — это объясняет дополнительный рост корреляции до 1900 г.

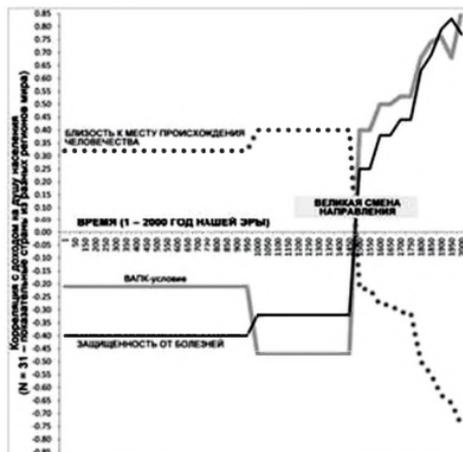

Рисунок 11.3. Динамика влияния изначальных форм защищенности от болезней и водной автономности в прохладном климате на среднедушевой доход (до и после Великой смены курса цивилизации)

Меньшее, хотя и заметное изменение паттерна корреляций происходит около 1000 г. н. э.: отрицательная корреляция дохода с ВАПК-условием уменьшается. Это изменение совпадает с началом полномасштабного использования интенсивного сельского хозяйства двумя ВАПК-цивилизациями: стального плуга и севооборота — в Европе и интенсивного метода выращивания риса — в Японии (Powelson, 1997). Эти улучшения агрокультуры помогли запаздывающим цивилизациям в ВАПК-регионах приблизиться по уровню дохода к восточным цивилизациям и подготовили их восхождение к урбанистической зрелости, обеспечив прибавочный сельскохозяйственный продукт. Учитывая низкую рождаемость в ВАПК-цивилизациях, важно, что в них меньшая доля прибавочного сельскохозяйственного продукта съедалась за счет роста населения¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Следует уточнить, что расцвет Японии начинается на 100 лет позже, чем Западной Европы: в районе 1600 г., когда начинается эпоха правления клана Токугава.

¹⁹⁷ Такому паттерну также способствовали разные потребности в рабочей силе управляемого ирригационного сельского хозяйства и сельского хозяйства на основе сезонных осадков: типичные культуры для второго типа (на осевые осадки) — пшеница, ячмень, рожь — требуют меньшех трудозатрат и, соответственно, меньшего количества работников в сравнении с ирригационными сельскохозяйственными культурами. Это снижает уровень рождаемости в ВАПК-зонах (Boserup, 2011 [1970]; Blumberg, 2010; Jones, 1987; Engerman & Sokoloff, 2003).

На основе генетических данных Кавалли-Сфорца, Меноцци и Пьяцца (Cavalli-Sforza, Menozzi & Piazza, 1994), а также Оппенгеймера (Oppenheimer, 2007) пунктирная линия на рисунке 11.4 показывает корреляцию между доходом на душу населения в регионе и примерное время в тысячах лет с тех пор, как современные люди прибыли в этот регион. Интересно, что паттерн корреляции дохода с временем прибытия людей прямо противоположен паттерну корреляции дохода с ВАПК-условием: она позитивная и сильная с 1 по 1000 гг. н. э., когда она немного уменьшается, но затем, примерно в 1500 г., она резко меняет направление, делаясь негативной, какой остается и по сей день.

Объясняет ли наша теория этот исторический поворот? Да, если помнить о том, что связь между ВАПК-условием и развитием — условная: она обуславливается расцветом городского капитализма, а это условие отсутствовало до 1500 г. в Восточной Европе и до 1600 г. в Японии — единственных урбанистических цивилизациях доиндустриальной эпохи (Jones, 1987; McNeill, 1990; Powelson, 1997; Bentley, Ziegler & Streets-Salter, 2010). Другие ВАПК-регионы — прибрежные зоны Северной Америки, юг Южной Америки, Юго-Восток Австралии и Новая Зеландия — не достигли стадии зрелых городских цивилизаций, пока они не были колонизованы европейцами. Что объясняет запаздывание развития урбанизированных цивилизаций в ВАПК-регионах Евразии и их отсутствие в ВАПК-зонах за пределами Евразии до появления там поселений европейцев?

Объяснение, возможно, связано с расстоянием для миграции в ВАПК-регионы от первоначального места происхождения человечества в Восточной Африке, в сочетании с другим замедляющим фактором, связанным с водной автономией, отсрочившей переход от собирательства к сельскому хозяйству в ВАПК-регионах. Действительно, значение ВАПК-индекса положительно коррелирует: $r = 0,67$ ($p = 0,000$; $N = 158$) с расстоянием миграции от места происхождения людей в Восточной Африке, показывая, что нечеловеческие регионы с наиболее выраженными ВАПК-условиями оказались самыми удаленными. По этой причине современные люди поселились в этих районах намного позже, чем в других. Следовательно, «секундомер» технологического прогресса стартовал в ВАПК-регионах позже, чем в регионах с низкой водной автономией.

Данные анализа ДНК подсказывают, что на пути из Африки современные люди достигли Ближнего Востока примерно 80 000 лет назад, а Индии, Юго-Восточной Азии и Китая — примерно 75 000 лет назад. Восточное средиземноморье начало заселяться примерно 55 000 лет тому назад, однако до двух евразийских ВАПК-регионов — Западной Европы и Японии — люди добрались только от 30 000 до 20 000 лет назад. Регионов за пределами Евразии они достигли еще позже: Северной Америки — примерно 15 000 лет назад, Южной Америки — около 10 000 лет назад, а Новой Зеландии — всего 1 500 лет тому назад. Хотя приведены лишь грубые числовые оценки, они сильно коррелируют с миграционным расстоянием регионов от центра происхождения современного человека ($r = 0,56$, $N = 153$), а это означает, что они описывают последовательность прибытия людей в различные глобальные регионы довольно точно.

В дополнение к позднему заселению людьми ВАПК-регионов, есть причины полагать, что ВАПК-условие замедляло переход от собирательства к сельскому

хозяйству. Это значит, что данное условие замедляет технологический прогресс до перехода к сельскому хозяйству и появления рынков, но *после* — существенно его ускоряет. Мы рассмотрим этот вопрос ниже. В совокупности данные приводят к трем выводам:

(1) прорыв в эру ускоренного технологического прогресса произошел именно в ВАПК-регионах, потому что для него нужен был достаточный уровень безопасности/автономии, который эти регионы обеспечивали благодаря своим *природным* особенностям;

(2) прорыв произошел недавно из-за позднего заселения ВАПК-регионов людьми и задержки в них урбанизации;

(3) и первоначальная задержка вначале, и последующее ускоренное развитие связаны с одной и той же чертой ВАПК-условия: высокой полезностью свобод, связанной с природными особенностями ВАПК регионов.

5. Поиск начальной точки: тезис источника

Эти размышления и догадки интегрированы в теорию, полную в том смысле, что она прослеживает процесс человеческой эмансипации от его начала до его исхода. Начнем с того, что регионы, обеспечивавшие первоначальные формы безопасного и автономного существования, были заселены современными людьми поздно. Причина в том, что благоприятные природные факторы были связаны с условием «водной автономности в прохладном климате», которое существовало лишь в регионах, отдаленных от места происхождения людей в Восточной Африке. Частично по этой причине, а также из-за фактора задержки развития, связанного с природными условиями, городские цивилизации в ВАПК-регионах появились поздно. Но, когда это произошло, первоначальная форма экзистенциальной автономии стала источником производных форм экзистенциальной автономии, включая автономию продажи на рынке навыков индивида. Когда полезность свобод высокая, у людей есть стимул фокусировать свои жизненные инвестиции на качестве и развитии, а не на количестве и размножении. Соответственно, обычные люди ограничивают рождаемость и инвестируют время в развитие навыков и способностей как собственных, так и своих детей. Еще одна причина ограничения рождаемости связана с большей защищенностью от болезней в районах с высокой водной автономией: это снижает смертность младенцев, что позволяет поддерживать нужное количество рабочей силы при снижении рождаемости¹⁹⁸. В результате стратегии, ориентированной на качество, нет избытка дешевой рабочей силы. Когда расцвет городских рынков повышает спрос на рабочую силу, нехватка дешевой рабочей силы стимулирует инвестиции в технологии, снижающие трудозатраты. Результат — большие инвестиции в технологические знания — двигатель современного прогресса.

Эти рассуждения позволяют выдвинуть три тестируемых гипотезы:

¹⁹⁸ В самом деле, защищенность от болезней объясняет 40% дисперсии младенческой смертности между странами во все годы с 1985 по 2005 в 175 обществах. Если контролировать ВВП на душу населения в те же годы, защищенность от болезней все равно объясняет около 12% дисперсии детской смертности между странами. Этот эффект — высоко значимый и, конечно, негативный: более высокая защищенность от болезней снижает смертность младенцев. Частный эффект влияния ВВП объясняет 11% дисперсии детской смертности между странами.

(1) с доисторических времен регионы с водной автономией и защищенностью от болезней отличали большие расстояния для миграции туда из места происхождения людей в Африке;

(2) в более поздние исторические периоды защищенность от болезней и водная автономия стимулировали стратегии, ориентированные на качество и развитие, зародившиеся в позднем Средневековье и проявившиеся в ограничении рождаемости в начале Нового времени;

(3) ограничение рождаемости в начале Нового времени позже благоприятствовало технологическому прогрессу.

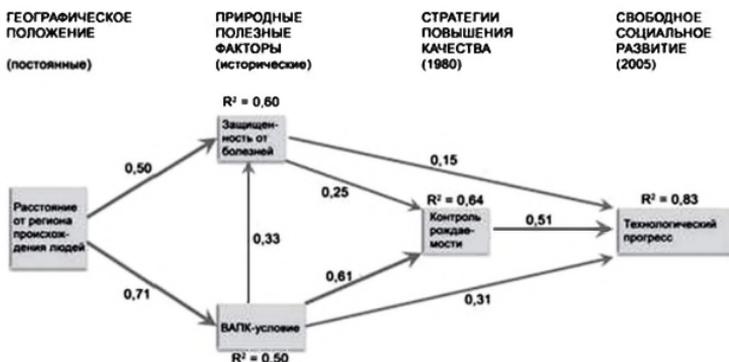

Рисунок 11.4. Кausalная динамика от доисторических природных условий на текущий уровень технологического развития (тезис источника)

Примечание: Приведены частные коэффициенты корреляции, рассчитанные в AMOS 19. Единицы наблюдения — на национальные общества ($N = 130$), включая все общества с данными для каждой использованной переменной. Контроль рождаемости в этой модели — экзогенный по отношению к благосостоянию: это остатки переменной «контроль над рождаемостью», не предсказанные валовым внутренним продуктом (ВВП) на душу населения в том же году. Значения критериев согласия: GFI 0,94; NFI 0,97; IFI 0,98; CFI 0,98. Все эффекты влияния значимы на 0,001-процентном уровне. Данные для всех 130 обществ, включенных в анализ, приведены в приложении 1.1. Включение в число предикторов контроля рождаемости и технологического прогресса времени, прошедшего со времени неолитической революции для каждого общества (из Putterman, 2010), не дает значимого эффекта и понижает критерий согласия ниже 0,90 порога. То же самое верно для включения индекса древности государства из публикации Vockstette, Chanda & Putterman (2002), а также смертности «белых» поселенцев из публикации Acemoglu, Johnson & Robinson (2001).

Путевой анализ на рисунке 11.4 убедительно подтверждает каждое из высказанных выше предположений относительно современного технологического прогресса. Однако, как было показано на рисунке 11.2, влияние на технологический прогресс ВВП-условия можно проследить от появления Великой смены направления: рассуждая в исторической терминологии — это событие Нового времени, но не Новейшего.

6. От эксплуатации к эмансипации

До современной технологической эры развитие отличалось от сегодняшнего по двум параметрам. Во-первых, технологический прогресс был гораздо мед-

леннее (Nolan & Lenski, 1999; Morris, 2010). Во-вторых, технологический прогресс не способствовал человеческой эмансипации — напротив, он повышал возможности государства эксплуатировать людей (Diamond, 1997). В самом деле, в то время как государства постоянно увеличивали свой контроль над людьми, качество жизни большинства не улучшалось до современной технологической эры. Как предполагают оценки Мэддисона (Maddison, 2007), пятнадцать столетий аграрной цивилизации не увеличили заметно ни продолжительность жизни обычных людей, ни их душевые доходы. Гейлор (Galor, 2011) характеризует столетия аграрного производства до современности как длительную мальтузианскую эпоху, в которую материальные улучшения в основном «проедались» из-за роста численности населения.

Обе черты досовременной эры — замедленность развития и его эксплуататорская природа — были следствием низкой водной автономности ранних цивилизаций. Как отмечал Витфогель (Wittfogel, 1957), ранние евразийские цивилизации от Ближнего Востока до Индии и Китая развивались как «гидравлические общества»: их аграрные системы были основаны на масштабной ирригационной инфраструктуре, включающей каналы, дамбы, канавы, шлюзы, насосы, трубы, мосты и другие сложные архитектурные и инженерные сооружения, — все это требует координации усилий дешевой массовой рабочей силы (Solomon, 2011). В таких условиях доступ людей к водным ресурсам контролируется элитами, и у них низкая водная автономность. Подтверждая это, левая диаграмма на рисунке 11.1 показывает, что значения ВАПК-индекса — 0,41 для Китая, 0,36 для Ближнего Востока и 0,17 для Индии. Проблемы Африки здесь вполне очевидны, поскольку значение индекса для Центральной Африки равно 0,09. Сравните это со значением 0,88 для Японии и Западной Европы (именно для Западной, поскольку значения индекса для Южной и Восточной Европы — соответственно, 0,57 и 0,48). При низкой водной автономии прибавочный аграрный продукт зависит от коллективного управления системой ирригации. Необходимый для поддержки масштабных ирригационных систем контроль над большими массами работников способствует деспотизму (Wittfogel, 1957; Jones, 1987; Midlarski & Midlarski, 1999; Solomon, 2011; Bentzen, Kaarsen & Wingender, 2012).

Временами деспотические режимы поощряют технологический прогресс, но только пока он не начинает угрожать деспотизму (Goldstone, 2009). До Великой смены направления уровень технологических достижений в ближневосточных империях, а также в Индийской и Китайской империях, был выше, чем в Европе и Японии: в этих империях были развиты математика, медицина и астрономия, там изобрели фарфор, порох, шелк, бумагу, печатный станок и компас. Более того, Китайская империя имела крупный морской флот почти на столетие раньше, чем он появился в Европе. Однако, как отмечает Голдстоун (Goldstone, 2009), в определенный момент все эти империи предпочли догматизм, удушивший инновационный импульс. Для сохранения деспотизма, империи не разрешили исследователям освободиться от догматического контроля. Например, утверждалось, что после 1433 г. н. э. китайский император установил жесткий контроль над мореплаванием, чтобы воспрепятствовать независимости торгового класса (Jones, 1987; Hall, 1989; Solomon, 2011).

Когда Западная Европа и Япония достигли зрелой урбанистической стадии, цивилизация упрочилась там, где природные условия давали правителям меньше контроля над людьми. Власти были вынуждены признать личную автономию, автономные социальные образования и автономные социальные секторы (Powelson, 1997). В этих условиях ключевая активность для развития — интеллектуальный поиск — освободилась от политического контроля (Jones, 1987; McNeill, 1990). Это произошло в Западной Европе раньше, чем в Японии, потому что первая достигла стадии расцвета городского капитализма более чем на сто лет раньше, чем последняя. Японии также не хватало инновационных импульсов, которые получила Западная Европа благодаря своей системе конкурирующих государств (Jones, 1987; Hall, 1989; Landes, 1998; Goldstone, 2009). Тем не менее Япония стала первой неевропейской цивилизацией, подхватившей западный технологический прорыв. Среди неевропейских городских цивилизаций Япония оказалась в лучших условиях, благодаря водной автономности и производных от нее автономности, которые появляются после урбанизации.

7. Первоначальная задержка развития в регионах с «водной автономностью в прохладном климате»

Я предполагаю, что задержка развития регионов с «водной автономностью в прохладном климате», кроме позднего прибытия туда современных людей, связана с еще одним фактором. Как ни удивительно, этот фактор задержки позже превратился в фактор ускорения.

Некоторые общества в человеческой истории не отказались от стиля жизни, основанного на собирательстве и охоте, потому что в определенных условиях сельское хозяйство вести невозможно. Это верно для полярных и приполярных регионов, а также для степей и пустынь. В некоторых других местах обитания людей этот переход возможен, но не необходим (если только к нему не вынуждает давление извне), потому что богатство флоры, фауны и водных ресурсов благоприятствуют собирательству и охоте. Это особенно верно для тропических дождевых лесов и первоначально лесистых регионов с ВАПК-условием (Fernandez-Armesto, 2002; Blumberg, 2010).

Более слабый импульс для перехода к агрокультуре важен, если рассмотреть антропологические данные относительно выбора людьми собирательства или сельского хозяйства. Сельское хозяйство не улучшает качество питания людей — на самом деле, даже есть данные, что переход к нему негативно сказывается на продолжительности жизни (Blumberg, 2004). Кроме того, сельское хозяйство означает переход к жесткому расписанию труда, требующему жертвовать индивидуальными свободами ради коллективной дисциплины под руководством властей (Nolan & Lenski, 1999). Для сознательного существа, желающего свободы, — это в самом деле жертва (Deci & Ryan, 2000; Turner & Maryanski, 1992, 2008). Как предполагает Вееenhoфен (Veenhoven, 2010), удовлетворенность жизнью, вероятно, снижается при переходе от собирательства к сельскому хозяйству. Поэтому люди совершают такой переход, только если перенаселенность, изменения климата или другие экзогенные события вынуждают их это сделать. Следовательно, в средах, где такой переход можно отложить, так и происходит.

Если эти предположения верны, мы должны это увидеть: при контроле возраста общества собирательский стиль жизни должен дольше сохраняться в регионах с условием «водной автономности в прохладном климате» в сравнении с другими климатическими условиями. Но мы также должны убедиться, что если мы контролируем сохранившееся собирательство, ВАПК-условие способствует экзистенциальным автономиям, благоприятным для рыночного обмена, являющегося двигателем развития.

Если бы у нас были данные за всю историю человечества из разных мест и для разного времени, а также для разных образов жизни, мы могли бы проверить эти предположения. К счастью, подходящий источник данных существует, это Стандартная кросс-культурная выборка [Standard Cross-Cultural Sample], созданная Мердоком и Уайтом (Murdock & White, 1969) и дополненная затем этнографическими описаниями сотен антропологов (Ember & Ember, 1998; Divale, 2004). Единицы наблюдения — это 186 популяций по всему миру, каждая из которых «воспроизводит специфический образ жизни» (Divale, 2004). Местные популяции представляют все обитаемые континенты на всех уровнях хозяйства, от собирательства до индустриализации. Временной диапазон простирается от 1750 г. до н. э. для вавилонян, 110 г. н. э. для римлян, 1530 г. н. э. для инков, до 1930 г. для ирландцев и 1950 г. для японцев. Большинство исследованных популяций изучены по историческим данным и использовали доиндустриальные типы ведения хозяйства. Многие из них уже не существуют, и большая их часть практиковала собирательство и охоту как стиль жизни, включая бушменов, туарегов, саамов, монголов, инуитов, гуронов, маори и яномамо. Следовательно, стандартная кросс-культурная выборка охватывает условия, типичные для большей части человеческой истории, а не только недавнее индустриальное и постиндустриальное прошлое. Таким образом, эти данные подходят для тестирования эффектов водной автономии и их временной и пространственной универсальности.

В Стандартной кросс-культурной выборке приводятся показатели основных переменных, описывающих стили жизни от паттернов брака, семейных отношений и способов воспитания детей — до технологий выживания, ведения хозяйства и политической организации. Большинство этих переменных — порядковые шкалы из четырех или пяти позиций, измеренные по схеме кодировки, в которой 1 означает полное отсутствие, а 4 или 5 — полное присутствие соответствующего качества¹⁹⁹. Кодировка основана на экспертных суждениях об этнографических записях или археологических данных. Субъективность таких суждений, конечно, делает возможными ошибки измерения, но в Стандартной кросс-культурной выборке приводится подробная документация критериев кодировки, и эта база данных признана большинством антропологов как самый важный источник систематических данных о социальных различиях в пространстве и времени.

Стандартная кросс-культурная выборка включает климатическую информацию, которая также позволяет измерить условие «водной автономности в прохладном климате» используя данные о температурах и осадках. Кроме ВАПК-условия, другие интересные переменные — это возраст общества, защищенность от болезней,

¹⁹⁹ Как всегда, я трансформировал каждую переменную в диапазон от минимума 0 до максимума 1 с дробными промежуточными значениями.

то, в какой мере используется собирательство, уровень урбанизации (используется замещающая переменная: плотность населения), уровень государственности, объем рыночного обмена, а также степень репродуктивной автономии полов и степень ориентации на независимость и овладение мастерством как на ценные личные качества.

Как и раньше, значение ВАПК индекса для общества положительно коррелирует с защищенностью от болезней ($r = 0,45$; $p = 0,000$; $N = 180$) и отрицательно — с расстоянием миграции от места происхождения человечества ($r = -0,58$; $p = 0,000$; $N = 179$), а также с возрастом общества ($r = -0,31$; $p = 0,000$; $N = 179$). Таким образом, регионы с высокой водной автономностью более благоприятны по двум причинам: они по определению предоставляют легкий и равный доступ к водным ресурсам, и в них меньше источников инфекций. С другой стороны, эти регионы удалены от места происхождения человечества и по этой причине были позже заселены.

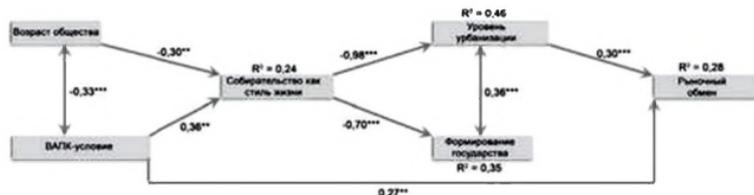

Рисунок 11.5. Первоначальная задержка и последующее ускорение развития под влиянием водной автономности (антропологические данные)

Примечание: Показаны стандартизованные путевые коэффициенты, рассчитанные в AMOS 19.01. Количество наблюдений (N) — 63 общества из Стандартной кросс-культурной выборки (включая все общества, для которых есть данные для каждой переменной). Модель — рекурсивная. Значения критериев согласия: GFI 0,95; IFI 0,96; CFI 0,96; NFI 0,91. Уровень урбанизации заменен на показатель плотности населения. То, какие именно переменные из Стандартной кросс-культурной выборки использованы, сообщается подробно в приложении 11. Включены все общества из всех регионов мира, существовавшие начиная с 1700 г. до н. э. и заканчивая 1930 г. н. э., охватывающие 3500 лет истории человечества.

В каждом из заселенных людьми мест первоначально общества вели собирательский образ жизни. Со временем усиливались факторы, побуждавшие людей отказываться от собирательства и переходить к сельскому хозяйству, но скорость этого процесса зарыировалась в зависимости от экологических условий. При высокой водной автономии стимулы переходить к сельскому хозяйству были слабее, так как богатые фауна, флора и водные ресурсы истощались медленнее. В любом случае постепенно приходилось отказываться от собирательства²⁰⁰. Следовательно, при контроле ВАПК-условия частный эффект влияния возраста общества на собирательство должен быть отрицательным. Путевая модель на рисунке 11.5 подтверждает эти ожидания: эффект влияния возраста общества на значение для него собирательства: $r_{\text{частный}} = -0,30$ ($p = 0,005$; $N = 63$).

²⁰⁰ Одной из причин была постепенная диффузия, «эффект просачивания» агрокультуры после ее изобретения. Также, со временем собирательские общества раньше или позже сталкивались со своими аграрными соседями и вынуждены были с ними конкурировать.

важна, поскольку он выявлен для обществ, сильно отличающихся по пространственным и временным характеристикам: от государства ацтеков в 1500 г. н.э. до Японии в 1950 г. Рассмотрим, например, два общества, находящихся в правом верхнем углу на графике регрессии: типичная японская община в 1950 г. и типичная ирландская — в 1930 г. У этих двух популяций — разная культурная основа, они существовали в разных местах и в разное время. Однако если контролируется их возраст и другие факторы — они находятся на сходных уровнях водной автономии, как и их интенсивность рыночного обмена. Или рассмотрим два общества в нижнем левом углу того же графика: образ жизни готтентотов нама в Африке южнее Сахары в 1860 г. и аранда в Центральной Австралии в 1900 г. Снова это две популяции с разной культурной основой, существовавшие в разных местах и в разное время. И все же при контроле их возраста и других факторов мы выясняем, что у них сходные уровни водной автономности, а следовательно, и рыночного обмена. Конечно, с учетом пространственных и временных различий водная автономность объясняет лишь часть различий рыночного обмена, однако это значимая доля.

Могут ли эти результаты быть следствием смещенной выборки? Это, конечно, возможно, поскольку отобраны только те общества, о которых есть данные по всем нужным переменным, поэтому размер Стандартной кросс-культурной выборки сократился от первоначальных 186 до 63. По этой причине к результатам данного анализа следует относиться с осторожностью. И все же результаты анализа антропологических данных подтверждают предложенную нами теорию. Кроме того, мы можем исключить ошибку отбора для значений наших основных независимых и зависимой переменной. Сравнение средних, медиан, стандартных отклонений и диапазонов водной автономии и рыночного обмена для обществ, включенных в путевую модель и исключенных из нее, не обнаружило значимых различий.

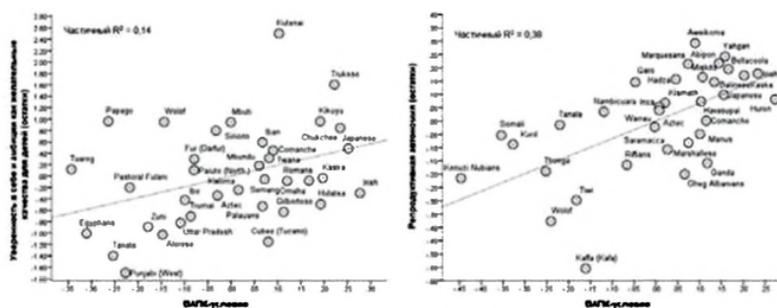

Рисунок 11.7. Историческое влияние водной автономности на паттерны формирования семьи (с контролем формирования государства и урбанизации)

Примечание 1: Частные связи значимы на 0,001-уровне и контролируются плотностью населения.

Примечание 2: Частные связи значимы на 0,001-уровне и контролируются датой создания государства.

Данные: Все общества из Стандартной кросс-культурной выборки с валидными данными для соответствующих переменных.

С учетом того, что рыночный обмен — основной двигатель технического прогресса, антропологические данные подтверждают мое объяснение исторического парадокса запоздалого, но взрывного развития ВАПК-регионов: водная автономность оттягивает отказ от собирательского образа жизни — а следовательно, и появление городов и рынков, но как только последние появляются, водная автономия ускоряет технологический прогресс.

Предположение о том, что другие автономности следуют из водной автономности, можно проверить дополнительными тестами. Чтобы это сделать, я проанализировал влияние ВАПК-условия на репродуктивную автономность полов, а также на ориентацию на самостоятельность и самосовершенствование как личные качества, при контроле плотности населения и формирования государства (из последних двух переменных выбиралась одна с наиболее сильным эффектом). Идея, что водная автономность порождает производные автономности, подразумевает, что в ходе истории в обществах с более высокой водной автономией у полов было больше репродуктивной автономии, и люди в них были в большей степени ориентированы на самостоятельность и индивидуальное самосовершенствование. Репродуктивная автономность измеряет, в какой степени согласие женщин и мужчин необходимо для брачных союзов, и в какой степени создание домохозяйств ориентировано на многогамные нуклеарные семьи, живущие отдельно от родственников. Ориентация на самостоятельность и самосовершенствование как ценные личные качества измеряется по значимости этих качеств для воспитания детей.

Рисунок 11.7 показывает частные эффекты влияния водной автономности на эти две переменные: как и ожидалось, эти эффекты — значимые, положительные и умеренной силы (для самостоятельности и индивидуального самосовершенствования) или сильные (для репродуктивной автономии). Однако даже относительно слабые частные эффекты существенны, если они значимы, потому что это эффекты, устойчиво существующие в продолжение истории человечества. Действуя в течение длительных периодов времени, даже относительно слабые эффекты, накапливаясь, приводят к большим отличиям результатов.

8. Эксплуататорские и эмансипативные цивилизации

После прорыва в научную эпоху развитие не просто ускорилося — его логика изменилась: вместо совершенствования эксплуатации людей начала развиваться человеческая эмансипация. Это привело к подъему нового типа цивилизации: *эмансипативной цивилизации*. В сравнении с этим новым типом все предыдущие цивилизации — это *эксплуататорские цивилизации*, основная цель которых — поддерживать благосостояние крошечных наследственных элит (Diamond, 1997).

Норт, Уоллис и Уайнгаст (North, Wallis & Weingast, 2009) описывают новую цивилизацию в институциональных терминах, характеризуя ее как «порядок открытого доступа». Аджемоглу и Робинсон (Acemoglu & Robinson, 2012) сходным образом описывают новую цивилизацию в институциональном ключе, сосредоточив внимание на ее инклюзивных институтах. Фукуяма (Fukuyama, 2012) также указывает на «адаптивные институты» как ключевую характеристику новой цивилизации. Это, безусловно, интересные размышления, однако ориентация на институциональные аспекты цивилизации — это, скорее, фокусирование внимания на симптомах.

Такой подход отвлекает нас от ключевой темы — духа законов. Главная характеристика нового типа общества — это его дух, эмансипативный по своей сути: это идея освобождения ищущих счастья людей от догм и тирании, и фокусирования усилий правительства на благосостоянии обычных людей.

Эмансипативный дух расцветает на основе благоприятных условий существования, обеспечивающих безопасность и автономию. Эти условия повышают полезность и ценность универсальных свобод. Открытые, инклюзивные и адаптивные институты (какие бы термины мы ни выбрали) развиваются как следствия, а не как причины этих факторов. Цель этих институтов — гарантировать полезные условия и ценности, которые появляются до того, как институты их закрепляют. Институты предоставляют правовую основу для реализации свобод, полезность которых уже ценится.

Эмансипативная цивилизация, начавшая формироваться после 1500 г. н. э., отличается по всем параметрам от предшествовавших ей эксплуататорских цивилизаций. Чтобы эти различия были понятнее, они представлены на схеме на рисунке 11.8.

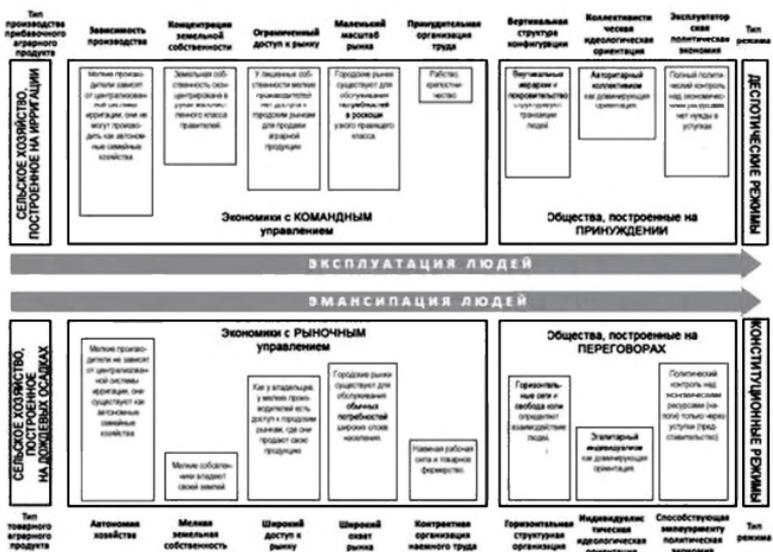

Рисунок 11.8. Сопоставление эмансипативной и эксплуататорской конфигураций цивилизации

Кратко обобщим содержание рисунка 11.8. Если интенсивная агрокультура внедряется в регионах с высокой водной автономностью, развивается аграрная система на основе использования дождевой воды, благоприятная для особого типа организации экономической активности. Ключевая черта

дождевой агрокультуры — *экзистенциальная автономность* мелких производителей, которые могут возделывать землю самостоятельно, способствующая широкому распространению мелкой земельной собственности. Мелкие хозяйства экономически независимы, потому что у них есть доступ на городские рынки для продажи своей прибавочной продукции. Мягкие формы «контрактного феодализма» оставляют большую долю прибавочного продукта в распоряжении мелких хозяев (Powelson, 1997).

В таких условиях значительная доля прибавочного продукта поставляется на рынки. Повышаются доступность рынков и их охват — в результате они обслуживают потребности обычных людей. Производство для рынков создает стимулы для производства прибавочной продукции и инвестиций в повышающие эффективность производства технологии. Следовательно, растет объем прибавочного продукта. В результате городское население становится более многочисленным и богатым.

Широкие сети коммерческого обмена городских рынков обеспечивают инфраструктуру для гражданского общества с автономными акторами, обладающими ресурсами, навыками и мотивацией, чтобы координировать свои действия для достижения общих полезных целей. Это формирует гражданскую субъектность, а она усиливает позицию социальных акторов в переговорах с политическими властями. Если власти пытаются получить доступ к экономическим ресурсам через налоги, им приходится идти на уступки в сфере политического представительства. Когда правительство предоставляет представительские права в обмен на налоги (соглашение, к которому власти часто принуждали либеральные революции), формируется социальный контракт, закрепленный в статутах и конституциях.

Таким образом, *производящие для рынка экономики* создают общества с интенсивными процессами *переговоров*, что приводит к *конституционным режимам*, в которых политические власти согласовывают свои действия с широкими слоями населения и контролируются ими.

В таких условиях транзакции между людьми структурируются *горизонтальными сетями*, и социальные связи выстраиваются на основе *добровольности*. Доминирующая ориентация в таком обществе — *меритократическая форма индивидуализма*, в которой каждый индивид оценивается по заслугам. Эмансипативная конфигурация цивилизации функционирует в гармонии с продуктивной, ориентированной на производительность, мотивацией людей. Следовательно, высвобождается творческая энергия людей, что обеспечивает резкий рост науки и технологии, необходимых для промышленной революции.

Успех эмансипативного типа цивилизации основывается на *формуле двойной мощи [double strength formula]*. Эта формула сочетает эффективные организационные возможности государства с эффективными мобилизационными возможностями общества. Симбиоз этих двух сил скреплен социальным контрактом, который направляет мощь государства на обеспечение благосостояния граждан.

На временной шкале человеческой истории понадобилось длительное время, пока эмансипативная цивилизация начала формироваться в терри-

Растущий дух эмансипации не тождествен вестернизации, потому что желание жить свободно без внешнего доминирования — универсально, свойственно всем людям. Как ни удивительно, но в реальности распространение эмансипативного духа — это свидетельство дестернизации мира. Поскольку эмансипативные ценности развились как реакция на улучшившиеся условия жизни, их рост показывает, что другие общества также подтягиваются. По мере того как это происходит, доминирование Запада ослабевает.

9. Размывание природных преимуществ: тезис заражения

Данные ясно показывают, что природные, экологические условия оказывают мощное влияние на базовый элемент человеческой эмансипации: технологический прогресс. Через свое влияние на технологический прогресс природные условия косвенно влияют на два последующих элемента человеческой эмансипации: ценности и гражданские права. Следовательно, природные, экологические условия были важны для всего процесса человеческой эмансипации. Промышленный подъем Западной Европы и Японии, а также европейских поселений в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, продвинул человеческую эмансипацию во все зоны мира с «водной автономией в прохладном климате».

Итак, многие читатели спросят: «Насколько хороша теория, которая предлагает такой унылый детерминистский подход?» Отвечая таким возможным критикам, я укажу, что моя теория — не детерминистская, а вероятностная. Определенные природные условия заданы, и они создают для обществ коридор возможностей, из которого они не могут выйти. Но этот коридор может быть широким, как показывает рисунок 3.5 в главе 3. Выборы, которые делает общество, — хотя некоторые из них, наверное, случайные, — определяют, будет ли оно двигаться ближе к нижнему пределу, «полу», или верхнему, «потолку», этих возможностей. Более того, и это может быть еще одним поворотом истории: накапливаются доказательства того, что детерминирующее влияние природных условий ослабляется, и благодаря этому коридор возможностей для всех обществ расширяется. И я полагаю, что это происходит благодаря глобальным коммуникациям и Интернету. Люди были всегда «запрограммированы» на социальное научение, но этот потенциал ограничивался социальным и географическим пространством. Интернет скоро полностью освободит этот потенциал, который расширит поле возможных выборов для обществ. Сегодня люди в отдаленных регионах могут легко получить представление о том, как обстоят дела в других регионах и почему там лучше, и они могут связаться с единомышленниками, чтобы мобилизовать давление в пользу перемен. Нет сомнений, тиранов и коррумпированных обладателей власти в мире все еще более чем достаточно, и их последние дни еще не настали, но их жизнь становится все труднее благодаря усиливающемуся давлению масс.

Симптомом этих масштабных исторических изменений является то, что теперь улучшения жизни не связаны, как раньше, с благоприятными природными условиями. Технологический прогресс освободился от первоначальных ограничений, связывавших его с ВПК-зонами. Выход Индии, тропической страны, на передний край информационных технологий — поразительный пример этого. Если данный

тренд продолжится, мы увидим рост независимости процесса человеческой эмансипации от его прежних ограничений.

Сигнал о том, что подобное скоро произойдет, — снижение объяснительной силы условия «водной автономности в прохладном климате». С начала 1980-х гг. влияние ВАПК-условия на технологический прогресс ослабевает: для выборки из всех обществ мира объяснительная сила ВАПК-условия снизилась с 67 % в 1980 г. до 42 % в 2010 г. В приложении 11 приводятся данные, подтверждающие это.

Таблица 11.4. Уменьшение влияния природных условий и рост влияния глобализации на технологический прогресс

ПРЕДИКТОРЫ.	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Δ Технологический прогресс * 1980 - 2000						
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Константа	0.2074***	0.09309***	0.16425***	0.15428***	0.20684***	0.11131.	0.11299**
-ВАПК-условие	0.11221**	0.11364***	0.10193*	0.01126	0.12231**	0.35395***	0.44587***
Δ Социальная глобализация [†]		0.69502***				0.59225**	0.47211**
Δ Экономическая глобализация [†]			0.15162			0.09046*	0.22118*
Δ Политическая глобализация [†]				0.24225**		0.24121.	
Δ Гражданские права					0.05095.		0*0.43.
Скорр. R ²	0.04	0.32	0.03	0.11	0.06	0.35	0.42
Людоевств:	65	62	61	63	61	62	57

Примечание. Тесты на гетеросkedастичность (тест Уайта), влияющие случаи (DFPPT) и мультиколлинеарность (VIF: не обнаружены нарушения допущения регрессии по методу наименьших квадратов).

Уровни значимости: *p < 0.100. **p < 0.050. ***p < 0.005

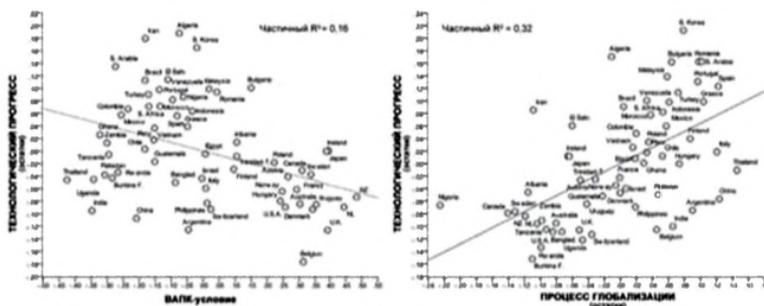
[†] Бинарные замещающие переменные, произведение уровней урбанизации и уровня грамотности в 1980 г. и 2000 г. из второго произведения вычитается первое.

[†] Использованы данные: Drelich et al.'s (2010) для индексов глобализации в 1980 г. и 2000 г., стандартизованы и дивиденд от минимума 0 до максимума 1 из индекса 2000 г. вычитается индекс 1980 г.

Регрессионные модели в таблице 11.4 демонстрируют, почему технологические достижения обществ перестали зависеть от условия «водной автономности в прохладном климате». Они относятся к периоду с 1980 по 2000 гг. Поскольку для прямого показателя технологического прогресса данные для этого периода отсутствуют, я использовал замещающий индикатор технологического прогресса Ванханена (Vanhanen, 2003), описанный ранее, который построен на данных об уровнях грамотности и урбанизации. В период с 1980 по 2000 гг. у всех обществ значения этого показателя выросли, но в разной степени. Модели объясняют эти различия.

Очевидно, что ВАПК-условие негативно влияет на технологический прогресс: общества с высокой водной автономностью в течение длительного времени отличали высокие уровни технологических достижений, однако начиная с 1980 г. их прогресс замедлился. Иными словами, общества, не имевшие благоприятных природных условий, стали догонять лидеров, преодолевая природные барьеры. Усиливающаяся глобальная интеграция способствует этому процессу: общества, в большей степени включенные в обмен с другими обществами, добились большего прогресса, чем менее включенные. Это очевидно из позитивных эффектов

влияния социальной, экономической и политической глобализации, для которых я использовал данные Дреера, Гастона и Мартенса (Dreher, Gaston & Martens, 2008). Интересно, что позитивный эффект глобализации сильнее для социального обмена, контактов людей, чем для экономического обмена товарами и политического обмена, проявляющегося в подписанных договорах. Рисунок 11.10 наглядно показывает результаты таблицы 11.2 (модель 2).

Рисунок 11.10. Уменьшение влияния природных условий и усиление влияния глобализации на технологическое развитие

Пояснение для левого графика: Позитивные (негативные) остатки по горизонтальной оси показывают, в какой степени ВАПК-условия для данного общества сильнее (слабее), чем можно ожидать, зная его прогресс в глобализации. Позитивные (негативные) остатки по вертикальной оси показывают, в какой степени технологический прогресс данного общества выше (ниже), чем можно ожидать, зная его уровень глобализации. График показывает, что если уровень ВАПК-условия для общества выше, чем ожидалось, его уровень технологического прогресса ниже, чем ожидалось. Таким образом, если контролируется уровень глобализации, ВАПК-условия негативно влияют на технологический прогресс.

Пояснение для правого графика: Позитивные (негативные) остатки по горизонтальной оси показывают, в какой степени уровень глобализации общества оказывается выше (ниже), чем можно ожидать, зная значение для него ВАПК-условия. Позитивные (негативные) остатки по вертикальной оси показывают, в какой степени технологический прогресс данного общества выше (ниже), чем можно ожидать, зная значение для него ВАПК-условия. График показывает, что если уровень глобализации для общества выше, чем ожидалось, его уровень технологического прогресса также выше, чем ожидалось. Таким образом, если контролируется ВАПК-условие, уровень глобализации позитивно влияет на технологический прогресс.

Две диаграммы — это частные графики регрессии для одной и той же множественной регрессии; зависимая переменная — уровень технологического прогресса с 1980 г. по 2000 г., оцененный по замещающим переменным: уровню грамотности и уровню урбанизации. Независимые переменные — ВАПК-индекс (константа, не меняющаяся во времени) и прогресс в уровне глобализации общества по данным индекса «социальной» глобализации Дреера, Гастона и Мартенса (Dreher, Gaston & Martens, 2008). Все переменные стандартизованы в диапазоне от 0 — минимум, до 1 — максимум. «Прогресс» — это разница между уровнями технологических достижений и глобализации между 1980 и 2000 гг., из более позднего значения вычиталось более раннее.

Ключевые положения

Как показала данная глава, тезис источника теории эмансипации объясняет некоторые яркие паттерны человеческой истории. Этот тезис утверждает, что благоприятные природные условия регионов с «водной автономностью в прохладном климате», способствующие водной автономности и меньшей подверженности болезням, придают свободам большую первоначальную полезность в сравнении с другими регионами. ВАПК-регионы благодаря своим природным условиям

располагаются на несколько ступеней выше на лестнице полезности свобод. Это приводит к двум парадоксальным эффектам.

Во-первых, поскольку собирательство и охота — более свободный образ жизни, чем сельское хозяйство, переход к сельскому хозяйству в ВАПК-регионах задержался. Следовательно, общества в этих регионах оказались отстающими: городские рынки в них развились позже, чем в древних цивилизациях Востока, и они долго отставали в технологическом развитии.

Во-вторых, после того как городские рынки появились, они стали развиваться динамичнее в ВАПК-регионах, поскольку водная автономность привела к появлению производных автономностей. Эти производные автономности продолжили повышать полезность свобод в ВАПК-регионах, что стало ускорителем технологического прогресса. Получив автономный доступ к рынку, обычные люди обрели стимул отказаться от количественной стратегии размножения и вместо нее перейти к стратегии повышения качества в своем репродуктивном поведении: они пожертвовали демографической продуктивностью в пользу экономической продуктивности. Это привело к появлению менее многочисленной, но более качественной рабочей силы. По этой причине растущий спрос на труд в городских центрах необходимо было удовлетворять за счет эффективных технологий, сокращавших трудозатраты. Результатом стало ускорение технологического прогресса.

Как следствие, ресурсы для действий оказались в руках более широких сегментов населения. Это привело к дальнейшему росту полезности свобод. Признавая это, люди приняли эмансипативные ценности. Вдохновленные этими ценностями, они стали требовать гражданских прав и действовать ради их обретения, если правители отказывались предоставлять эффективные гарантии этих прав. Под давлением солидарности масс правители в конце концов сдались: гражданские права были гарантированы. Когда это произошло, первый цикл человеческой эмансипации был завершен. Поскольку это самоподдерживающийся цикл, он продолжает развиваться по спирали, создавая больше ресурсов для действий, питающих более сильные эмансипативные ценности и переопределяя гражданские права.

Процесс человеческой эмансипации начался в регионах с «водной автономностью в прохладном климате» Западной Европы; за ними последовали ВАПК-районы Японии; наконец, европейские поселенцы перенесли его в ВАПК-регионы Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии. Следовательно, человеческая эмансипация гораздо дальше продвинулась во всех регионах мира с «водной автономностью в прохладном климате». Однако в эру глобализации связь процесса человеческой эмансипации с благоприятными ВАПК-условиями разрывается, и он распространяется в другие зоны, становясь глобальным явлением.

Глава 12. Проблема устойчивого развития

Я думаю... честная оценка фактов приводит к выводу, что наиболее вероятным исходом следующих девяти десятилетий будет и то, что Африка станет богаче, и то, что не произойдет катастрофических изменений климата.
Мэт Ридли, 2011

Введение

Когда процесс человеческой эмансипации начался, он оказался очень успешным в двух отношениях. Во-первых, он создает пространство для стремления людей к освобождению, и это делает их счастливыми в обществах, в которых они обладают влиянием.

Таким образом, этот процесс создает свою собственную основу легитимности. Во-вторых, государства, добившиеся прогресса в человеческой эмансипации, мобилизуют интеллектуальное творчество, достигающее беспрецедентного уровня. По этой причине общества, управляемые гражданами, поднимаются на более высокий уровень технологического прогресса, чем общества, которые ограничивают власть граждан. В результате общества, в которых граждане обладают влиянием, доминируют в глобальном мироустройстве.

Но существует парадокс: успех человеческой эмансипации может разрушить свою собственную основу. Продолжающийся процесс эмансипации разрушает экологию, и это угрожает его устойчивости. Как мы увидим, этот процесс действительно тесно связан с экологическими изменениями: общества, в которых граждане обладают влиянием и полномочиями, оказываются тяжким грузом для окружающей среды.

Как ни удивительно, человеческая эмансипация одновременно и угрожает подорвать свою собственную устойчивость, и содержит в себе возможности для решения данной проблемы. Как будет показано, общества, управляемые гражданами, оказывают давление на свои правительства, побуждая их защищать окружающую среду и улучшать ее качество. Чистый эффект влияния человеческой эмансипации на экологическую устойчивость общества, таким образом, — нейтральный, а не негативный. Есть причина полагать, что этот чистый эффект в ближайшем будущем может стать позитивным. Причина — в мотивационном элементе человеческой эмансипации: эмансипативных ценностях. Когда эти ценности усиливаются, озабоченность обычных людей экологическими проблемами легче трансформируется в активное участие в экологических движениях, которые оказывают давление на правительства.

Эти результаты излагаются в трех разделах главы. В первом разделе дается краткий обзор дискуссии об устойчивом развитии. Во втором — обсуждаются гипотезы, выведенные из дискуссии о развитии, и описываются показатели, использованные для их тестирования. В третьем — сообщаются результаты. Как всегда, главу завершает резюме ее ключевых положений.

1. Дискуссия об устойчивости

По проблеме устойчивого развития и его связи с прогрессом сейчас ведется оживленная дискуссия. Ссылаясь на доклад Римского клуба (Meadows et al., 1972),

одна группа ее участников указывает, что наиболее развитые общества угрожают жизни на планете, развивая технологический прогресс. Вывод сторонников этой точки зрения: человечество должно свернуть с деструктивного пути прогресса, поскольку продолжение процесса человеческой эмансипации заводит нас в «ловушку прогресса» (Homer-Dixon, 2000; Meadows и др. 1972, 2004 и др.; Wright, 2004; Diamond, 2005; Tainter, 2007; Moran и др., 2008).

«Рациональные оптимисты» (Ridley, 2010), напротив, утверждают, что лишь процесс человеческой эмансипации может быть «ключом» для решения проблемы устойчивого развития (Simon, 1996, 1998; Goklany, 2007; Ponting, 2007; McAnany & Yoffee, 2010). Эти люди признают, что технологический прогресс усилил влияние людей на окружающую среду до такой степени, что это, действительно, угрожает устойчивости человеческой цивилизации. Но справиться с этой угрозой возможно только продолжая развитие нашего технологического «ноу-хау», для того чтобы производить, потреблять и жить, используя все более «зеленые» технологии, чтобы наше влияние на окружающую среду не превышало ее биологические возможности.

Предмет еще одной близкой по теме дискуссии — влияние ценностей на заботу о сохранении природной среды. Инглхарт (Inglehart, 1995) утверждает, что ключевой компонент эмансипативных ценностей — постматериализм — способствует «зеленым» ориентациям, потому что постматериалисты уже больше не озабочены уровнем жизни, то есть ее материальными аспектами в их узком понимании. Их больше интересует качество жизни, включающее в себя и сохранение природной среды. Соответственно, в тех обществах, где постматериалистические ориентации сильнее, должна быть сильнее и забота об окружающей среде (Milbrath, 1984; Rohrschneider, 1990; Dalton, 1994). Поскольку эмансипативные ценности развиваются из того же источника и содержат в себе такие же импульсы, как и их постматериалистический компонент, для них будет справедлив тот же вывод: там, где сильнее эмансипативные ценности, люди будут больше заботиться об окружающей среде.

Другие ученые, однако, указывают, что озабоченность состоянием окружающей среды характерна не только для обществ, где силен постматериализм (или эмансипативные ценности). Даже в развивающихся обществах, где эти ценности все еще слабы, можно обнаружить большую долю людей, высказывающих озабоченность состоянием экологии. В свете этих данных исследователи говорят, что скорее объективные проблемы, а не субъективные ценности, объясняют внимание к экологии: люди в бедных обществах непосредственно сталкиваются с ущербом, нанесенным экологии, и поэтому высказывают свою озабоченность (Dunlap & Mertig, 1997; Dunlap, 2008; Freymeyer, 2010). Однако и то, и другое может быть верным: внимание к экологии может объясняться и экологическими проблемами развивающихся обществ, и изменением ценностей в развитых обществах. Если это так, то ключевой вопрос — различаются ли последствия озабоченности экологией в зависимости от двух упомянутых типов мотивации.

Роршайдер, Майлс и Пефли (Rohrschneider, Miles & Peffley, 2013) утверждают именно это: они высказывают гипотезу, что озабоченность экологией, мотивированная ценностями, с большей вероятностью перерастает в активность экологи-

ческих движений. Я развиваю эту идею, связывая с более широкой концепцией эмансипативных ценностей, которые я использую как предикторы, объясняющие экологическую активность и на уровне индивидов, и на уровне общества.

2. Измерения и показатели

Чтобы исследовать, как прогресс человеческой эмансипации влияет на отношение общества к экологии, я использую три индикатора. Начнем с экологического следа обществ в 2010 г., измеренного в гектарах, приходящихся на одного индивида в обществе (Global Footprint Network, 2012). Для этого показателя есть временные ряды с данными для каждого года с начала 2000-х. Он показывает площадь биологически продуктивной земли и моря, необходимых, чтобы производить ресурсы для потребителей данного общества (Wackernagel & Rees, 1998; Lenzen & Murray, 2003). Самый «глубокий» экологический след оставляют богатые страны-экспортеры нефти, такие как Объединенные Арабские Эмираты (10,68 гектара на душу населения) и Катар (10,51). За ними следуют развитые страны с экономикой знаний, среди которых лидируют Дания (8,26), Бельгия (8,00) и США (8,00). Самый «легкий» след обнаруживается для бедных обществ, минимальные значения — у Восточного Тимора (0,44), Бангладеш (0,62) и Афганистана (0,62). С точки зрения экологического следа следует обвинять общества с высокими значениями человеческой эмансипации: все они сильно влияют на экологию.

Картина меняется, если использовать другой экологический индикатор, а именно индекс состояния окружающей среды, публикуемый Йельским центром экологического права и политики (Yale Center for Environmental Law and Policy, 2012). Индекс обобщает взвешенные значения 25 индикаторов для расчета значения в диапазоне от 0 до 100, характеризующего «экологическое здоровье» и «жизнеспособность экосистемы» общества. Данные индексы доступны с середины 2000-х гг. для каждого года. Если «экологический след» измеряет влияние на экологию общества, то «индекс состояния окружающей среды» измеряет качество экологии для данного общества. И хотя общества с высоким уровнем человеческой эмансипации сильно влияют на экологию, в них, тем не менее — высокое качество экологии (Roller, 2005). Таким образом, мы обнаруживаем общества с высоким уровнем влияния граждан во главе рейтинга качества экологии. Самые высокие значения — у Швейцарии, Латвии и Норвегии. Внизу рейтинга — общества с низкими значениями человеческой эмансипации: Узбекистан, Туркменистан и Ирак.

Кажущийся парадокс, проявляющийся в том, что общества с высоким уровнем человеческой эмансипации оказывают сильное и часто негативное влияние на окружающую среду, но одновременно у них высокое качество экологии, — показывает, что человеческая эмансипация необязательно нарушает устойчивость экологии. Для измерения устойчивости экологии я рассчитал соотношение биопотенциала общества (измеренного в гектарах на душу населения) и экологического следа. Данный показатель основан на предположении, что экологический след не нарушает устойчивость экологии, если биопотенциал его значительно превышает, и наоборот, устойчивость нарушается тем более, чем более экологический след превосходит биопотенциал. Чтобы компенсировать асимметрию распре-

деления, я использовал логарифм соотношения следа/потенциала. Как и все переменные, я стандартизировал данную переменную в диапазон с минимумом 0 и максимумом 1. В этой шкале значение 0,50 показывает порог устойчивости: биопотенциал равен экологическому следу. Значения выше 0,50 показывают, насколько биопотенциал превосходит след, а ниже 0,50 — насколько он ниже экологического следа.

Предположение, будто качество окружающей среды — причина человеческой эмансипации, не имеет смысла. Гораздо логичнее предположить, что связь между этими переменными существует, потому что процесс человеческой эмансипации побуждает людей предпринимать действия для повышения качества экологии. Наиболее вероятно, что действующий фактор — это эмансипативные ценности. Эти ценности подчеркивают значимость проблем качества жизни, включая качество экологии. Это соответствует публикациям о влиянии ценностей на экологическую активность. Однако поскольку озабоченность экологией может быть высокой не только в тех обществах, где широко распространены эмансипативные ценности, но и в тех, где они еще слабы, роль ценностей может быть шире, чем лишь их влияние на озабоченность экологией. Опираясь на работу Роршайндера, Майлса и Пефли (Rohrschneider, Miles & Peffley, 2013), я выдвигаю гипотезу, что влияние эмансипативных ценностей проявляется в *политической мобилизации* озабоченности экологией, то есть в трансформации этой озабоченности в действия по защите экологии. Учитывая, что активизирующий импульс эмансипативных ценностей был уже продемонстрирован в главах 6 и 7, это, безусловно, возможное предположение.

Для проверки этой гипотезы я использовал три вопроса из пятой волны МИЦ: респондентов спрашивали, насколько серьезны, по их мнению, проблемы глобального потепления, утраты биологического разнообразия и загрязнения окружающей среды. Серьезность каждой из проблем оценивалась по четырехбалльной шкале: от «очень серьезная проблема» до «абсолютно не проблема». Я перекодировал эти ответы в значения 0 (не проблема), 0,33, 0,66 и 1,0 (очень серьезная проблема) и рассчитал среднюю воспринимаемую значимость этих трех проблем для каждого из респондентов, получив девятипозиционный индекс в диапазоне от 0 до 1²⁰².

Другой, отличающийся от озабоченности экологией показатель — это приоритет, приписываемый людьми охране окружающей среды. Борьба политических приоритетов становится ожесточенной, когда приходится иметь дело с конфликтующими целями, среди которых обычно очень популярная цель — создание рабочих мест. По этой причине в опросе МИЦ респондентов просили ответить, должна ли, по их мнению, охрана окружающей среды быть более приоритетной, чем создание новых рабочих мест, или наоборот. Используя этот вопрос, я закодировал приоритет экономики как 0, а приоритет экологии — как 1, и отсутствие определенного мнения по этому вопросу — 0,50.

²⁰² Данный индекс оправдан как «композиционный» самим определением озабоченности экологией: это общая озабоченность с учетом всех сфер, представленных в опроснике. Взаимозаменяемость трех упомянутых проблем не предполагается: с точки зрения определения она не уместна. Логика построения композиционных индексов описана во вставке 1 на стр. 89.

Вероятно, экологические приоритеты становятся важнее, если они мобилизованы в активность общественных движений. Следовательно, я измеряю экологические приоритеты условно, то есть в той степени, в которой они транслируются в активность общественных движений (экологический активизм). Для этого экологические приоритеты взвешиваются с помощью активности общественных движений, этот показатель был введен в главе 7. Результат — индекс экологической активности с минимумом 0 — в том случае, когда респондент или отдает приоритет рабочим местам, а не экологии, или не участвует в деятельности общественных движений, и 1 — в случае, когда респондент отдает приоритет экологии и участвует во всех типах общественных движений. Индекс измеряет приоритетность экологии *при том условии*, что она сочетается с активностью в общественных движениях, или активность в общественных движениях *при условии*, что она сочетается с приоритетностью экологии.

Экологическая активность в этом понимании — не латентная переменная: ее компоненты объединяются не потому, что они отражают единое лежащее в их основе измерение (см. вставку 4, стр. 270). Как раз наоборот, компоненты отличаются друг от друга, и именно по этой причине они и объединяются; их сочетание дает нечто новое: экологическую активность. Это и не социальная активность, и не приоритетность экологии по отдельности, но именно их сочетание. В любом случае, я выдвигаю гипотезу, что эмансипативные ценности облегчают трансляцию озабоченности проблемами экологии в экологическую активность, то есть в действия.

В следующем разделе исследуется, во-первых, каким образом все три компонента человеческой эмансипации влияют на экологическую ситуацию в обществе, качество окружающей среды и на устойчивость экологии в целом. Этот анализ проводится на уровне общества. Потом я использую многоуровневые модели, для того чтобы выделить механизм микроуровня, который лежит в основе эффектов на макроуровне. Конкретнее, я анализирую, как эмансипативные ценности влияют на активность в экологических движениях и в особенности на трансляцию озабоченности экологическими проблемами в экологическую активность.

3. Результаты

3.1. Устойчивость экологии

В таблице 12.1 показаны результаты серии регрессий, в которых экологические индикаторы — это зависимые переменные, а три компонента человеческой эмансипации — независимые переменные. Цель — выяснить, какой из компонентов человеческой эмансипации больше всего влияет на различные экологические аспекты. Анализ ограничивается обществами, участвовавшими в пятой волне МИЦ, чтобы три показателя человеческой эмансипации были современными и отражали ситуацию примерно 2005 г. Это сокращает размер выборки до 50 обществ, однако это вполне репрезентативная выборка. Особенно в отношении глобальной экологической устойчивости эта выборка весьма показательна, потому что она включает в себя общества с самыми большими экономикками и населением из каждого мирового региона: Китай и Японию в Восточной Азии, Индию

и Индонезию в Южной Азии, Турцию и Иран на Ближнем Востоке, Россию и Польшу в Восточной Европе, Германию, Францию, Италию и Великобританию в Западной Европе, США в Северной Америке, Мексику в Центральной Америке, Бразилию и Аргентину в Южной Америке, Южно-Африканскую Республику в Африке южнее Сахары, а также Австралию и Новую Зеландию.

Для экологических индикаторов я использую последние доступные данные, а именно данные для 2010 г. Следовательно, экологические индикаторы измерены позже, чем индикаторы человеческой эмансипации, в соответствии с предположением о том, что связь между экологическими индикаторами и показателями человеческой эмансипации отражает влияние последнего на окружающую среду. Поскольку для экологических данных нет достаточно длинных временных рядов, лонгитюдные модели не оценивались.

Таблица 12.1. Влияние компонентов человеческой эмансипации на различные аспекты экологии

Переменные 2005 ¹	Земельные германы ² , 2010					
	Влияние на экологию ³		Качество экологии ⁴		Устойчивость экологии ⁵	
Технологический прогресс	0.17: 0.22***	0.39: 0.30***	0.21: 0.10***	0.34: 0.81***	0.46: 0.24***	0.23: 0.16*
Эмансипационные аспекты	0.18: 0.14*	0.61: 0.95***	0.41: 0.20*	0.81: 0.94***	1.00: 0.79***	0.31: 0.14*
Гражданское участие		0.09: 0.14*	0.07: 0.07	0.07: 0.13†	0.01: 0.03†	0.04: 0.09†
Концентрация	-0.08: 0.23***	0.01: 0.11*	0.04: 0.19*	0.16: 0.60***	0.29: 0.61***	0.44: 0.15***
Стор. R	0.80	0.64	0.80	0.62	0.55	0.14
N	48	48	47	52	50	48

Данные: Данные только пятой волны МИЦ. Тесты на гетероскедастичность (тест Уайта), мультиколлинеарность (VIF) и влияющие случаи (DFFITS) не обнаружили нарушения допущений регрессии по методу наименьших квадратов. Уровни значимости: *p < 0.050, **p < 0.010, ***p < 0.001; не значимо: †p > 0.1.

¹ Экологический след измеряется в гектарах на душу населения и стандартизирован в теоретический диапазон от 0 до 1 (Global Footprint Network, 2012).

² Индекс состояния окружающей среды стандартизирован в теоретический диапазон от 0 до 1 (Yale Center for Environmental Law and Policy, 2012).

³ Соотношение биологического потенциала на душу населения и экологического следа на душу населения (в гектарах на душу населения) логарифмирован и стандартизирован в теоретический диапазон от 0 до 1.

С учетом указанных ограничений, таблица 12.1 демонстрирует некоторые интересные результаты. Сначала мы рассмотрим детерминацию влияния общества на экологию. Можно предположить, что из трех компонентов человеческой эмансипации сильнее всего влияет на экологию тот, который непосредственно связан с материальными аспектами жизни. Причина в том, что влияние людей на окружающую среду связано с использованием, потреблением и переработкой ресурсов. Среди трех компонентов человеческой эмансипации технологический прогресс прямо влияет на материальную основу человеческого существования, потому что технологии связаны с масштабной переработкой материалов. В самом деле, Таблица 12.1 показывает, что технологический прогресс усиливает влияние общества на экологию больше, чем два других компонента человеческой эмансипации. Действительно, два других компонента не значимы, если контролируется

технологический прогресс. В целом, человеческая эмансипация объясняет 80 % кросс-национальной дисперсии влияния общества на экологию, и весь этот эффект объясняется исключительно технологическим прогрессом.

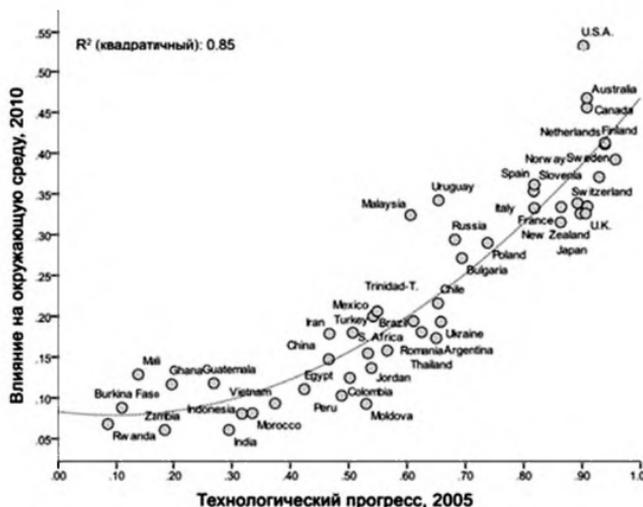

Рисунок 12.1. Влияние технологического развития страны на природную среду
Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие в пятой волне МИЦ.

Рисунок 12.1 иллюстрирует влияние технологического прогресса на экологию. Очевидно, что этот эффект не одинаков для разных уровней технологического прогресса, но возрастает на более высоких уровнях. Следовательно, квадратичная функция обеспечивает лучшее соответствие модели данным, позволяя объяснить 85 % кросс-национальной дисперсии влияния обществ на экологию. Из этих данных кажется очевидным, что технологический прогресс резко увеличивает ущерб для окружающей среды.

В свете этих результатов возникает искушение сделать вывод, что человеческая эмансипация вызывает негативные последствия для устойчивости глобальной экологии, и корень этой проблемы лежит в его ключевом компоненте — технологическом прогрессе. Можно ли считать тогда, что лучшим решением для глобальной стабильной экологии было бы прекращение инвестиций в совершенствование технологий?

Ответ может казаться утвердительным, пока мы не рассмотрим альтернативную точку зрения и не проанализируем, как человеческая эмансипация влияет на качество окружающей среды. Это показано в центральных столбцах таблицы 12.1. Как мы можем видеть по знакам коэффициентов, процесс эмансипации влияет на качество окружающей среды положительно: качество экологии улучшается

с прогрессом человеческой эммансипации. Если рассматривать компоненты человеческой эммансипации, технологический прогресс теперь оказывает позитивное влияние на качество экологии в обществе. Наиболее вероятно, это отражает то, что на высоких уровнях человеческого прогресса больше усилий инвестируется в «умные» технологии, сокращающие объем выбросов, отходов и других негативных для экологии явлений. Но это предполагает мотивационный фактор, перенаправляющий инвестиции в «зеленые» технологии. И результаты таблицы 12.1 в самом деле указывают на такой мотивационный фактор: эммансипативные ценности. Мы получаем наилучшее соответствие модели данным, включая в нее эммансипативные ценности, и они связаны с наиболее явственным повышением качества экологии в сравнении с двумя другими компонентами человеческой эммансипации: если контролируются гражданские права, увеличение на единицу эммансипативных ценностей вызывает повышение на 0,83 единицы качества экологии общества; при контроле технологического прогресса этот рост составляет 0,31 (в сравнении с 0,21 для технологического прогресса).

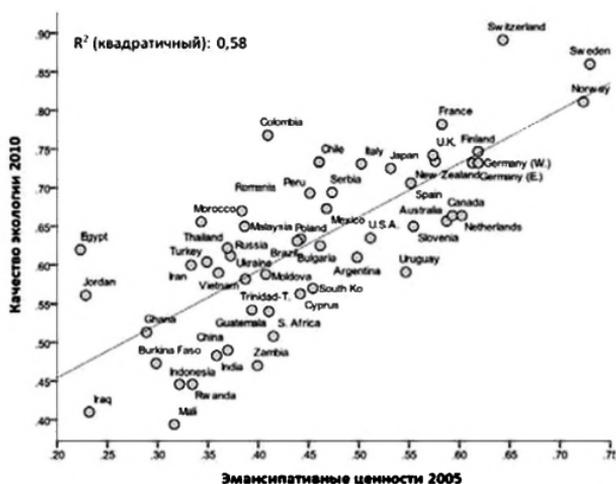

Рисунок 12.2. Влияние эммансипативных ценностей в обществе на качество природной среды
Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие в пятой волне МЦ

Рисунок 12.2 иллюстрирует эффект влияния эммансипативных ценностей на качество экологии в обществе: они объясняют 58 % дисперсии качества окружающей среды между странами.

Это может показаться парадоксальным, но направления влияния разных компонентов человеческой эммансипации на устойчивость экологии различаются: в то время как технологический прогресс усиливает его разрушительное влияние на экологию, эммансипативные ценности усиливают его позитивный эффект.

В совокупности эти результаты предполагают, что общий эффект влияния человеческой эмансипации на глобальную устойчивость экологии — нейтральный: чистый негативный эффект технологического прогресса уравновешивается чистым позитивным эффектом эмансипативных ценностей (гражданские права не оказывают значимого влияния на экологию ни в одном из направлений). В целом правая панель таблицы 12.1 это подтверждает. Объясненная дисперсия устойчивости экологии для двух моделей равна нулю. Следовательно, мы не можем сделать вывод, что человеческая эмансипация ухудшает устойчивость экологии. Первая модель в правой панели таблицы показывает хотя и слабую, но противоположную тенденцию. Это единственная модель, объясняющая хотя бы какую-то дисперсию устойчивости глобальной экологии, и она демонстрирует одновременно негативный эффект технологического прогресса и позитивный — эмансипативных ценностей: когда обе эти переменные используются как предикторы устойчивости экологии, технологический прогресс оказывает на нее слабое негативное влияние, а эмансипативные ценности — слабое позитивное. Важно, однако, что позитивный эффект влияния эмансипативных ценностей немного превосходит негативный эффект влияния технологического прогресса. В результате чистый эффект человеческой эмансипации на экологическую стабильность — слабый положительный.

Стоит подробнее проанализировать коэффициенты первой модели в таблице 12.1, чтобы понять детерминацию экологической устойчивости. Важно помнить, что значение 0,50 для экологической устойчивости — это порог, отделяющий нестабильность (значения ниже 0,50) от стабильности (значения выше 0,50). Следовательно, мир должен ориентироваться на значение 0,50 и выше. Теперь отметим, что константа для экологической устойчивости равна 0,25. Мы вычтем из нее значение показателя технологического прогресса, умноженное на 0,45. И медиана, и среднее показателя технологического прогресса равны примерно 0,60, поэтому для наиболее типичного случая мы вычитаем из константы $(0,45 \times 0,60)$ и получаем 0,27. С учетом округления это дает нулевое значение экологической устойчивости. Однако мы должны добавить умноженное на 1 наблюдаемое значение эмансипативных ценностей, которое, естественно, от умножения на единицу не изменится. Таким образом, для компенсации негативного влияния технологического прогресса на экологическую стабильность необходимо значение эмансипативных ценностей не ниже, чем 0,50. При уровне технологического прогресса в 0,60 пункта шкалы существуют общества со значением эмансипативных ценностей равным 0,50, так что такая ситуация возможна. В нашей выборке это, например, Аргентина и Уругвай.

На рисунке 12.3 показан нейтральный в целом эффект влияния человеческой эмансипации на глобальную устойчивость экологии. Чтобы это продемонстрировать, мы обобщили три компонента человеческой эмансипации в общий индекс, посчитав средние значения для трех компонентов²⁰³. Линия регрессии расположена горизонтально. С ростом человеческой эмансипации мы находим одинаковое количество обществ и выше, и ниже линии регрессии; таким образом, прогресс человеческой эмансипации не дает нам надежных предсказаний степени устойчиво-

²⁰³ Результаты факторного анализа показали, что не было смысла использовать дифференцированные веса: у всех трех компонентов — одинаковые веса, равные 0,91, для единственного выделенного фактора.

сти экологии общества. Однако тот факт, что линия регрессии расположена на 0,07 пункта шкалы ниже порога устойчивости, говорит нам о том, что сейчас состояние мира — неустойчивое. Этот вывод получает дополнительное подтверждение, если мы взвесим общества на рисунке 12.3, используя для этого численность населения: линия регрессии опустится еще ниже по отношению к порогу устойчивости, так как многие общества с высокой численностью населения (Китай, Индия, США, Япония, Германия и т. д.) располагаются ниже порога устойчивости.

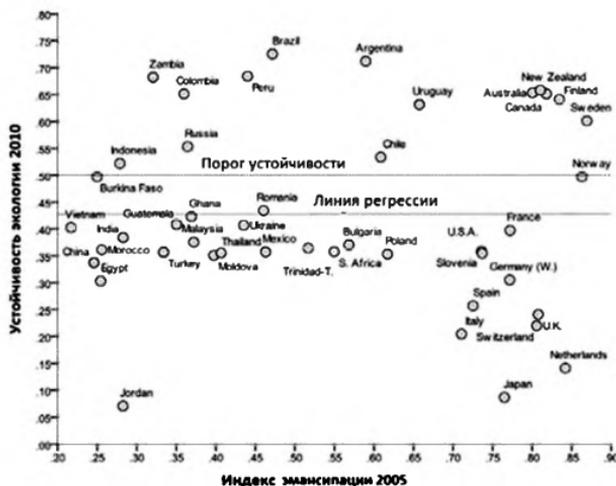

Рисунок 12.3. Влияние эмансипации общества на его экологическую устойчивость
Данные: 50 обществ с валидными данными, участвовавшие в пятой волне МИЦ

Явное различие между обществами — «экологическими должниками» (находящимися ниже порога устойчивости) и обществами — «экологическими кредиторами» (они располагаются выше порога устойчивости) состоит в том, что у «кредиторов» выше биологический потенциал. Причина в том, что у них есть обширные малонаселенные территории. Примерами могут служить Канада, Бразилия, Россия и Австралия. Должники — это, напротив, общества, чья территория плотно заселена. Очевидные примеры: Япония и Нидерланды. Тот факт, что мы находим и кредиторов, и должников на высоких уровнях человеческой эмансипации, подтверждает, что идея продажи экологических квот разумна.

Как бы то ни было, линия регрессии на рисунке 12.3 не располагается угрожающе низко по отношению к порогу устойчивости (даже если учитывать численность населения). Это предполагает, что устойчивая экология — вполне достижимая цель. Для ее достижения имеет смысл сосредоточить внимание на наиболее позитивном экологическом факторе процесса человеческой эмансипации: эмансипативных ценностях.

3.2. Экологический активизм

Мы должны убедиться в том, что позитивный для экологии эффект влияния эмансипативных ценностей — это не методологический артефакт, связанный с использованием агрегированных данных. Следовательно, нам нужно идентифицировать микромеханизм, благодаря которому эмансипативные ценности становятся важны для экологии. Я выдвигаю гипотезу, что эмансипативные ценности действительно значимы для экологии, но не потому, что они усиливают озабоченность людей экологией: их значимость связана с тем, что эмансипативные ценности облегчают трансляцию озабоченности экологией в экологический активизм. Если это верно, то данный факт еще раз подчеркивает, что эмансипативные ценности создают социальный капитал.

Для проверки этой гипотезы я опираюсь на модель экологического активизма, предложенную Роршнайдером, Майлсом и Пемфли (Rohrschneider, Miles & Peffley, 2013), используя сходные переменные. Разница в том, что я использую индекс эмансипативных ценностей вместо более узкого понятия-концепта постматериализма. Кроме того, я учитываю эмансипативные ценности и на уровне общества, а не только на уровне индивидов. Есть убедительные причины предполагать, что ценности влияют на другие социальные характеристики не только через индивидуальные предположения, но и через преобладание ценностей в обществе. Как мы уже показали в этой книге, есть много доказательств этого предположения. Действительно, общий паттерн таков: эмансипативные ценности влияют на другие феномены в большей степени через их общий социальный компонент, чем через уникальный индивидуальный. Я предполагаю, что это относится и к экологическому активизму. Чтобы отделить индивидуальный уникальный компонент эмансипативных ценностей от общего социального, вариация эмансипативных ценностей на индивидуальном уровне центрируется вычитанием средних для стран, и тогда измеряется девиация, отклонение индивидуальных ориентаций респондентов от среднего для их общества уровня ценностей²⁰⁴.

Таблица 12.2. Влияние эмансипативных ценностей на активность экологических движений (многомерные модели)

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Экологическая активность		
	Модель — Ценности	Модель — Технологии	Модель — Институты
Константа	0.20 (17.44)***	0.20 (14.38)***	0.20 (15.03)***
Эффекты уровня общества:			
ЭЦ ¹ -преобладание	0.39 (3.54)***		
Технологический прогресс		0.03 (0.33)'	
Гражданские права			0.04 (0.86)'
Средняя «зеленая» озабоченность	0.08 (0.88)'	0.08 (0.68)'	0.06 (0.57)'
Качество экологии	0.08 (0.61)'	0.20 (1.13)'	0.22 (1.86)'

²⁰⁴ Центрирование переменных индивидуального уровня относительно страновых значений эквивалентно модели фиксированных страновых эффектов, которая позволяет более-менее компенсировать проблему пропущенных переменных.

ПРЕДИКТОРЫ:	ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ: Экологическая активность		
	Модель — Ценности	Модель — Технология	Модель — Институты
Эффекты индивидуального уровня:			
Женский пол	-0.02 (-5.68)***	-0.02 (-5.68)***	-0.02 (-5.70)***
Год рождения (индексированный)	-0.05 (-3.20)***	-0.05 (-3.25)***	-0.05 (-3.21)***
Формальное образование	0.13 (11.74)***	0.14 (11.80)***	0.14 (11.76)***
Экономический эгалитаризм	0.01 (1.06)'	0.01 (1.10)'	0.01 (1.08)'
Межуровневые интеракции:			
Личная -зеленая-озабоченность	0.18 (10.61)***	0.18 (10.30)***	0.18 (9.84)***
ЭЦ [*] -преобладание	0.69 (3.32)***		
Технологический прогресс		0.37 (2.50)**	
Гражданские права			0.12 (1.55)'
Средняя -зеленая-озабоченность	0.03 (0.16)'	0.07 (0.46)'	0.03 (1.50)'
Качество экологии	0.15 (0.70)'	-0.15 (-0.51)'	0.35 (2.12)**
ЭЦ [*] -предпочтение	0.25 (13.51)***	0.25 (13.31)***	0.25 (13.58)***
ЭЦ [*] - преобладание	0.58 (2.49)**		
Технологический прогресс		0.28 (1.78)*	
Гражданские права			0.15 (1.63)'
Средняя -зеленая-озабоченность	0.52 (2.76)**	0.56 (2.52)**	0.45 (1.77)*
Качество экологии	0.79 (3.54)***	0.57 (1.86)*	0.91 (4.71)***
Процент уменьшения ошибки:			
Дисперсия ЭП внутри общества	14,2%	14,2%	14,2%
Дисперсия ЭП между обществами	52,9%	28,6%	34,7%
Дисперсия эффекта влияния осведомленности	66,4%	65,4%	65,5%
Дисперсия эффекта влияния ценностей	46,9%	44,8%	34,3%
<i>N</i> (количество наблюдений)	42 505 респондентов в 40 обществах		
Примечание: Показаны стандартизованные регрессионные коэффициенты, в скобках — значения t-критериев на основе робастных стандартных ошибок. Вычисления произведены в HLM 6.08. Респонденты взвешены, чтобы выровнять размер выборки для каждого общества (без изменения общего <i>N</i>). Переменные индивидуального уровня центрированы относительно средних для стран; переменные уровня общества центрированы относительно среднего по всем странам. Все эффекты индивидуального уровня определены как случайные. Процент уменьшения ошибки рассчитан в сравнении с пустой моделью (без переменных).			
Уровни значимости: * <i>p</i> < 0,100, ** <i>p</i> < 0,100, *** <i>p</i> < 0,005. Замена индекса эмансипативных ценностей на индекс «гласа народа» на обоих уровнях дает значение уменьшения ошибки дисперсии ЭП между обществами, равное 20,8%. вариации внутри общества — 12,6%. эффекта осведомленности — 41,8% и эффекта влияния ценностей — 46,1%.			
* ЭЦ — эмансипативные ценности.			

Таблица 12.2 показывает результаты анализа для многоуровневой модели. Коэффициенты компонентов человеческой эмансипации на уровне общества показывают, что из трех компонентов только преобладание эмансипативных ценностей влияет на активность экологических движений. Этот эффект влияния — высоко значимый и положительный: рост на единицу степени преобладания этих ценностей усиливает экологический активизм на 0,36 пункта шкалы. Отметим, что данный эффект существует абсолютно независимо от степени предпочтения эмансипативных ценностей индивидами: преобладание в обществе эмансипативных ценностей поднимает экологическую активность респондента выше того уровня, который предполагает *его/ее собственная* степень предпочтения этих ценностей. Если контролировать эмансипативные ценности, ни уровень озабоченности состоянием окружающей среды в обществе, ни качество экологии не влияют на экологический активизм. Первая модель в таблице 12.2 объясняет 55 % дисперсии экологического активизма между обществами, и преобладание эмансипативных ценностей — единственная значимая переменная, объясняющая этот эффект.

На индивидуальном уровне формальное образование, озабоченность экологией и предпочтение эмансипативных ценностей, как и ожидалось, оказывают позитивное влияние на экологический активизм, причем эмансипативные ценности — самый сильный предиктор. Увеличение на единицу предпочтения этих ценностей респондентом повышает *его/ее* экологический активизм на 0,25 единицы. Сравните этот эффект с повышением активизма на 0,12 для формального образования респондента и на 0,18 — для степени озабоченности экологией. Поскольку равный 0,25 эффект влияния индивидуальных предпочтений эмансипативных ценностей меньше, чем равный 0,39 эффект влияния их преобладания в обществе, можно заключить, что экологический активизм в большей степени определяется общими для общества ориентациями на эмансипативные ценности, чем уникальными индивидуальными. Однако оба эффекта — положительные, и они взаимно усиливают друг друга. Последнее показывает положительная интеракция между индивидуальными предпочтениями эмансипативных ценностей и их социальным преобладанием.

Интересно, что выявилась интеракция индивидуальных предпочтений эмансипативных ценностей не только со степенью их преобладания в обществе, но и с качеством экологии. Эта интеракция также положительная: индивидуальные предпочтения эмансипативных ценностей сильнее способствуют экологическому активизму, когда качество экологии повышается. Конечно, этот эффект понятен, только если мы будем интерпретировать каузальность в обратном направлении: качество окружающей среды улучшается как следствие тесной связи между эмансипативными ориентациями и экологическим активизмом. Вот почему создается впечатление, что лучшее качество экологии укрепляет связь между данными ориентациями и активизмом.

Один из самых интересных результатов в таблице 12.2 — это сильная положительная интеракция между озабоченностью людей экологией и преобладанием эмансипативных ценностей в обществе. Эта интеракция свидетельствует о том, что экологическая озабоченность людей легче транслируется в экологический

активизм при преобладании эмансипативных ценностей в обществе. Насколько сильна эта интеракция, можно увидеть на рисунке 12.4.

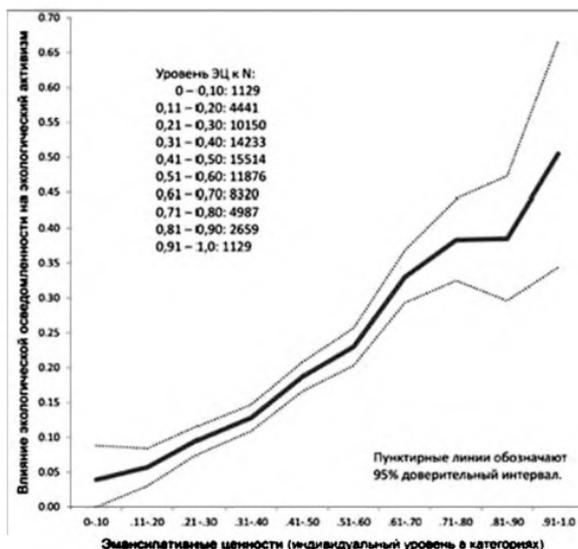

Рисунок 12.4: Эмансипативные ценности как фактор влияния экологической сознательности на участие в экологических движениях

Примечание: По вертикальной оси показаны нестандартизованные регрессионные коэффициенты влияния экологической осведомленности на участие в экологических движениях.

Данные: Респонденты с валидными данными из 50 обществ, участвовавших в пятой волне МИЦ. Национальные выборки взвешены до равного размера ($N = 1000$ для каждой выборки).

Горизонтальная ось на рисунке 12.4 разделяет индивидов-респондентов пятой волны МИЦ на десять восходящих категорий степени ориентации на эмансипативные ценности, описанных в главе 2. Вертикальная ось демонстрирует, насколько сильно озабоченность людей экологией влияет на их экологический активизм: показаны знаки и величины нестандартизованных регрессионных коэффициентов. Как очевидно, величина коэффициентов растет монотонно и резко от незначимого $b = 0,05$ у людей, относящихся к низшей категории ориентации на эмансипативные ценности, до высоко значимого $b = 0,50$ у респондентов с наиболее высокой ориентацией на эмансипативные ценности.

Ключевые положения

На временной шкале истории общества вступили на путь ускорения эмансипации поздно. С тех пор этот процесс — это модель успеха. Общества, в которых люди наделены влиянием, не только добиваются высокого уровня благосостояния — они

также опережают другие общества по своему системному потенциалу. По этой причине они доминируют в глобальной системе.

Но сам этот успех человеческой эмансипации, как кажется, разрушает свою собственную устойчивость, нанося ущерб окружающей среде. И в самом деле: ключевой компонент человеческой эмансипации — технологический прогресс — негативно влияет на экологию, как показывает индикатор экологического следа.

Как ни удивительно, в самом процессе человеческой эмансипации есть ключ, который может помочь решить проблему устойчивой экологии. Вдохновленные подъемом эмансипативных ценностей общества, в которых их граждане обладают влиянием, делают своим приоритетом проблемы качества жизни, связанные с сохранением природной среды. Следовательно, преобладание в обществах эмансипативных ценностей — это сильный и надежный предиктор качества экологии: когда эти ценности преобладают, качество экологии улучшается.

Исследуя микромеханизм, объясняющий положительный эффект влияния эмансипативных ценностей на качество экологии общества, я обнаружил, что дело не в озабоченности проблемами экологии. Люди, предпочитающие эмансипативные ценности, не обязательно сильно озабочены состоянием окружающей среды. Тревоги людей по поводу экологии могут объясняться их реальным опытом жизни в плохих экологических условиях, независимо от того, предпочитают они эмансипативные ценности или нет. Однако эти ценности облегчают трансляцию озабоченности экологией в действия по защите окружающей среды: чем в большей степени они распространены в обществе, тем легче мобилизовать озабоченных экологией людей для действий по защите экологии. Эти результаты показывают мобилизующий и активирующий импульс эмансипативных ценностей, подчеркивая их значение как фактора, создающего социальный капитал, как социальной силы, но с одним важным уточнением: это «зеленая» социальная сила.

Хорошая новость: позитивный эффект эмансипативных ценностей перевешивает негативный эффект технологического прогресса. Это приводит к парадоксу, несмотря на то что экологические ценности проистекают от процесса, наносящего ущерб экологии, позитивный экологический эффект этих ценностей перевешивает негативный эффект их источника для экологии. По мере того как эмансипативные ценности продолжают усиливаться, устойчивое будущее становится более вероятным.

Заключение

У каждого человека есть четыре дара: самосознание, совесть,
независимая воля и творческое воображение.
Это дает людям максимальную свободу...
Возможность выбирать, реагировать, изменять.
Стивен Кови

Первый раздел заключения резюмирует основные идеи этой книги. На рисунке С. 1 приведен их обзор. Во втором разделе я показываю, как идеи этой книги объясняют семь фундаментальных фактов, характеризующих демократию. В третьем — обсуждаются связи концепции человеческой эмансипации с некоторыми другими важными идеями, включая экзистенциальную безопасность, иерархию человеческих потребностей и социальный капитал. В четвертом разделе обсуждается, могут ли ключевые ориентации, появляющиеся в процессе человеческой эмансипации, а именно, эмансипативные ценности, улучшить моральное состояние нашего вида *homo sapiens*. В заключительном разделе дается краткая формулировка теории эмансипации.

1. Ключевые идеи

Мы познакомились с многочисленными данными, подтверждающими существование разнообразных трендов человеческой эмансипации. Каждое из этих доказательств имеет значение для единой теории: эволюционной теории эмансипации. Эта теория связывает источник человеческой эмансипации со стремлением людей к освобождению, то есть к жизни, свободной от внешнего доминирования. Теория объясняет происхождение этого стремления и показывает, в каких ситуациях оно становится сильнее, а в каких — нет.

Ключевая предпосылка теории эмансипации — эволюционная: бытие людей постоянно подвергается проверке реальностью. Ничто из живого, включая общества и их культуру, не может избежать отбора лучших качеств, позволяющих справиться с реальностью. Около 150 000 лет тому назад результатом отбора стал человеческий интеллект. Интеллект был отобран, поскольку он обладает качествами, позволяющими справляться с жизненными реалиями. Они связаны

с силой воображения — свойства, эмансипативного по своей сути, потому что оно наделяет людей субъектностью: оно позволяет им размышлять об ограничениях их существования и планировать стратегии для их преодоления. С субъектностью возникает внутренний мотив освобождения человеческого существования от внешних ограничений. Но для того, чтобы поддерживать это качество, позволяющее справляться с реалиями бытия, стремление к свободе должно гибко адаптироваться к этим ограничениям.

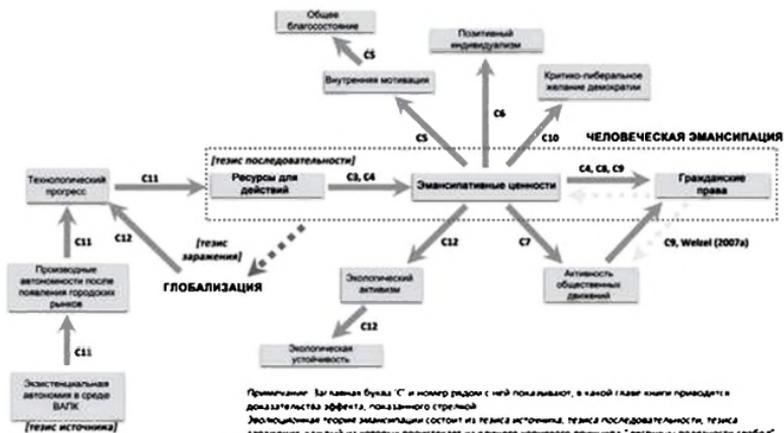

Рисунок С.1. Краткая схема доказательства центральной роли эмансипативных ценностей в процессе эмансипации человечества

Для того чтобы стремление к свободе было адаптивным, человеческий разум использует четыре механизма. Три из них действуют последовательно, четвертый — воздействует на каждый из трех остальных, трансформируя эгоистичное стремление к получению благ для себя в совместный поиск общих благ. Это превращает последовательность приспособления в коллективную последовательность, которую люди проходят совместно, в унисон с членами их референтных «эталонных» групп. Референтные группы в свою очередь не изолированы, но включены в более широкие сообщества. Следовательно, люди движутся через последовательность стадий-механизмов вместе со своими обществами.

Первый механизм — оценивания — означает, что люди ценят те свободы, которые они способны реализовать с помощью ресурсов для действий, доступных для них. Второй механизм — активации — означает, что люди действуют для реализации тех свобод, которые они ценят. Третий механизм — удовлетворенности — означает, что люди получают удовлетворение, действуя ради свобод, которые они ценят. Удовлетворенность оказывает обратное влияние на первый механизм, повышая ценность свобод на первой стадии последовательности. Четвертый механизм —

солидарности — воздействует на каждый из первых трех: он расширяет значимость свобод, которые люди ценят сами, и люди начинают считать, что этими свободами должны также обладать все другие люди, которых они воспринимают как равных. Масштабы солидарности зависят от того, как распределены в обществе необходимые ресурсы для действий. Солидарность ограничена, если существуют монополии узких групп на ресурсы для действий. Солидарность расширяется, если нет жестких групповых границ, ограничивающих доступ к ресурсам для действий.

Последовательность стадий адаптации стабилизирует общества через два противоречивых цикла; оба они являются самоподдерживающимися пока не вступают в конфронтацию друг с другом. Я называю их цикл угнетения и цикл эмансипации.

Цикл угнетения связан с ситуацией, в которой у большинства людей нет возможности пользоваться свободами, потому что они испытывают хронический дефицит ресурсов для действий. Типичный случай: большинство людей бедны, неграмотны и изолированы в местных узких группах — ситуация, характерная для большей части истории человечества. Маловероятно, что люди будут ценить всеобщие свободы, потому что немногие из них могут этими свободами воспользоваться, даже если они гарантируются законом. Соответственно, эмансипативные ценности «преобладают в спячке», и люди не предпринимают действий ради реализации свобод. Иными словами, на власти не оказывается давления, чтобы они гарантировали свободы, и конечно, им и не приходит в голову гарантировать их. В результате обычные люди страдают от отсутствия всех трех элементов человеческой эмансипации: у них недостаточное количество ресурсов, чтобы пользоваться свободами, у них нет ценностей, которые могут побуждать их добиваться свобод, у них нет прав, дающих возможность реализовать свободы. Люди в таких обществах заперты в ловушке «антиэмансипации», лишены прав и влияния.

Сходная логика работает и в противоположном направлении — в ситуациях, когда у многих людей есть ресурсы для действий, включая материальные средства, интеллектуальные способности и коммуникативные возможности. Технологически развитые общества — очевидный пример. У большинства людей в этих обществах — высокий уровень жизни, они хорошо образованы и могут легко связаться с единомышленниками независимо от того, где они живут. В подобных условиях и во многих обществах, приближающихся к ним, люди признают пользу всеобщих свобод и ценят их: появляются эмансипативные ценности. Вдохновленные этими ценностями, люди начинают действовать ради обретения свобод. Это проявляется в разных видах деятельности общественных движений, наиболее активные из которых заявляют эмансипативные ценности публично: это движения, ратующие за предоставление власти народу, движения, борющиеся за равные возможности, гражданские права, права женщин, права ЛГБТ, права детей и так далее. Когда правители сталкиваются с людьми, способными и мотивированными вместе защищать свои свободы, они уже не могут игнорировать и отрицать гражданские права. В определенный момент они гарантируют эти права и начинают предоставлять эти права на практике. В результате обычные люди получают пользу от всех трех элементов человеческой эмансипации: ресурсов для действий, эмансипативных ценностей и гражданских прав. Это благоприятный цикл, характерный для процветающих обществ.

Тезис последовательности предполагает, что если свободы расширяются, то это происходит в форме перехода от полезных возможностей к субъективной ценности, а затем — к правовым гарантиям. Соответственно, ресурсы для действий представляются собой базовый элемент человеческой эмансипации, эмансипативные ценности — связывающий элемент и гражданские права — его завершающий элемент. Институты, гарантирующие всеобщие свободы — результат, а не причина данного процесса. Это следует подчеркнуть, потому что данное положение противоречит «мантре» для развивающихся экономик, утверждающей, будто институты — причина всего происходящего²⁰⁵. Представленные в главах 4 и 9 модель динамического сдвига и модель временной последовательности подтвердили именно такую последовательность событий в процессе обретения свобод.

Поскольку цикл угнетения самовоспроизводится, общества, находящиеся в этом цикле, могут быть очень стабильными. Это объясняет, почему угнетение могло доминировать в продолжение большей части цивилизованной истории и почему обычные люди редко восставали, чтобы сбросить ярмо тирании. Но, сталкиваясь с обществами, которым свойствен благоприятный цикл, общества, где люди лишены влияния и прав, становятся нестабильными. До недавнего времени это не было очевидным. Понадобилось долгое время для созревания цивилизаций в тех местах обитания, природные условия которых способствуют началу цикла эмансипации (см. главу 11). Это не происходило до созревания городских цивилизаций в регионах, которые я называю «водная автономность в прохладном климате» (ВАПК-зоны), в начале современной эры. С этого времени общества с человеческой эмансипацией начали доминировать и дестабилизировали общества с циклом угнетения, в которых люди лишены влияния и прав. Общества с человеческой эмансипацией мобилизовали интеллектуальные творческие способности людей в гораздо большей степени, чем общества без него. Интеллектуальная мобилизация питает технологический прогресс в обществах с человеческой эмансипацией, которая является основой превосходства их социальной системы и, следовательно, их глобального доминирования. Когда люди в обществах, где человеческая эмансипация отсутствует, сталкиваются с обществами, где она есть, они осознают, что живут в гораздо худших условиях, и перестают верить в то, что это неизбежно и оправданно. Следовательно, общества, где человеческая эмансипация не произошла, утрачивают стабильность. Они сдают свои позиции, как демонстрируют глобальный рост демократии и революция в сфере прав человека (см. главы 8 и 9).

Причина того, что процесс человеческой эмансипации начался в ВАПК-зонах, связана с тем, что в этих районах существуют два природных фактора экзистенциальной безопасности и автономии: защищенность от болезней и водная автономность (глава 11). Защищенность от болезней означает более низкую вероятность распространения заразных болезней. Водная автономия означает легкий, равный и постоянный доступ к водным ресурсам. Тезис источника предполагает,

²⁰⁵ Имеется в виду глава под названием «Институты, институты, институты» в недавно опубликованной книге Аджи Могу и Робинсона (Asetogji & Robinson, 2012). Отметим, что их определение институтов включает и неформальные институты, а это делает его настолько широким, что оно включает и культуру. Соответственно, утверждение, что институты, а не культура, объясняют развитие, содержит в себе внутреннее противоречие.

что большая защищенность от болезней и водная автономия в ВАПК-зонах повышают первоначальную полезность свобод в этих регионах. Это приводит к двум парадоксальным эффектам.

Во-первых, поскольку собирательство и охота — это более свободный стиль жизни, чем сельское хозяйство, переход к агрокультуре в ВАПК-регионах запоздал. Еще одна причина этой задержки связана с большим расстоянием миграции в данные регионы из места происхождения человечества в Восточной Африке: по этой причине они были заселены позже, и «секундомер развития» в них позже стартовал (глава 11). В любом случае, общества в ВАПК зонах отставали: городские рынки появились там значительно позже, чем в ориентальных (восточных) цивилизациях, и технологический прогресс запаздывал. Действительно, так продолжалось тысячелетиями в течение всей «Мальтузианской эры», предшествовавшей появлению доиндустриального капитализма и промышленной революции.

Во-вторых, после того как городские рынки появились, они развивались динамичнее в ВАПК-регионах, поскольку водная автономность создавала производные автономности, а они наделяли свободы дополнительной полезностью, и это ускоряло технологический прогресс. Обладая автономностью доступа к рынку, обычные люди приобретали стимул переходить от количественной стратегии размножения к качественной стратегии развития: они жертвовали демографической продуктивностью ради экономической продуктивности. Это создавало меньшую по численности, но более ценную рабочую силу. Увеличивавшийся спрос на рабочую силу в городских центрах по этой причине удовлетворялся с помощью технологий, которые позволяли сократить расходы на рабочую силу. Результатом этого был ускорившийся технологический прогресс.

Благодаря ему ресурсы для действий стали доступны для более широких сегментов населения. Большие ресурсы для действий дополнительно повысили полезность свобод. Признавая это, люди приняли эмансипативные ценности. Вдохновленные этими ценностями, они потребовали гражданских прав и, если правители их не гарантировали, предпринимали коллективные действия для их получения. В определенный момент гражданские права гарантируются, и это завершает цикл эмансипации. Поскольку данный цикл — самовоспроизводящийся, он развивается по восходящей спирали, создавая больше ресурсов для действий, сильнее подпитывая эмансипативные ценности и расширяя гражданские права.

Связи цикла эмансипации сильнее действуют через социальные компоненты в сравнении с индивидуальными уникальными компонентами. Это очень важно отметить. Если рассматривать ресурсы для действий индивида, именно та их часть, которой также обладают и другие люди в его/ее обществе, а не та, которой индивид владеет сверх общедоступных ресурсов, усиливает его/ее эмансипативные ценности (глава 3). Сходным образом, именно та часть эмансипативных ценностей, которая является общей для большинства окружающих индивида людей, побуждает его/ее объединить свои усилия с другими и предпринимать коллективные действия ради этих ценностей (глава 7). Следовательно, цикл эмансипации поддерживается общими социальными полезностями в гораздо большей степени, чем индивидуальными уникальными полезностями. Это всецело коллективный процесс, блага которого являются взаимными.

Цикл эмансипации начался первоначально в ВАПК регионах Западной Европы; затем его скопировали в ВАПК-регионах Японии, и он был перенесен европейскими поселенцами в ВАПК-регионы за пределами Евразии: в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию. Можно заключить, что эмансипация гораздо сильнее развита во всех регионах мира с «водной автономией в прохладном климате» (ВАПК-условием).

Однако в эру глобализации процесс человеческой эмансипации начинает отделяться от благоприятного для него ранее ВАПК условия. Он распространяется в других регионах и начинает становиться глобальным. Глобальные коммуникации способствуют его распространению, потому что государственные границы перестают быть препятствием для обмена информацией в беспрецедентном масштабе (глава 11).

Человеческая эмансипация создает проблемы для устойчивого развития, потому что ее базовый элемент — ресурсы для действий — развивается на основе технологического прогресса, наносящего ущерб экологии. Это может показаться парадоксальным, но процесс человеческой эмансипации содержит в себе ключ для решения создаваемых им проблем. Обеспечивая подъем эмансипативных ценностей, человеческая эмансипация поддерживает активность экологических движений и благодаря этому переориентирует общества на «зеленые» технологии, которые являются устойчивыми. Преодолев некоторый порог, позитивный экологический эффект эмансипативных ценностей перевешивает негативный экологический эффект их источника: проблема устойчивого развития становится решаемой (глава 12).

Движущая сила человеческой эмансипации — это эмансипативное стремление к всеобщим свободам. На каждом новом уровне какое-то иное препятствие для совместной реализации свобод на практике мешает этому стремлению, являющемуся реальным источником активности общественных движений как сегодня, так и в прошлом. Таким образом, нет внутренних пределов, которые могли бы остановить эмансипативные стремления. С достижением каждой новой цели стремление к свободам, эмансипации может быть перенаправлено на устранение какой-либо другой несправедливости. А несправедливости будут по-прежнему существовать.

2. Пересмотр концепции демократии

Эволюция наделила человеческий разум адаптивным стремлением к свободе — стремлением, которое «дремлет» в условиях внешнего давления, но просыпается, когда расширяются экзистенциальные возможности. Эта адаптивность людского стремления к свободе объясняет в рамках единой концепции ряд важных аспектов демократии и истории, включая следующие:

(1) почему люди хотят демократии, и почему это желание не является постоянным, а изменяется во времени;

(2) почему массовые предпочтения жить при демократическом режиме часто существуют с ее реальным отсутствием;

(3) почему демократия появилась поздно в истории, но с тех пор была беспрецедентно успешной;

(4) почему у многих протестных действий и в истории, и даже сегодня отсутствует демократический импульс;

(5) почему массовые протесты с демократическим импульсом трудно начать, но им также трудно сопротивляться, если они начались;

(6) почему властям все еще иногда удается противостоять демократии или выхолащивать ее суть;

(7) почему желание демократии появляется при ее отсутствии, но продолжает расцветать в ее присутствии.

Повольте мне развернуть эти идеи детальнее.

(1) Почему люди *хотят демократии*, и почему это их желание не является постоянным, а изменяется во времени. Влиятельная школа политической мысли утверждает, что желание демократии опирается на заинтересованность в перераспределении благ от бедных к богатым (Voix, 2003; Acemoglu & Robinson, 2006). Но, хотя вся эта теория построена на данном предположении, нет данных, доказывающих его. Напротив, как было показано в главе 10, нет ни одного общества, в котором люди понимали бы демократию как, прежде всего, средство перераспределения. Большинство людей в мире, на самом деле, понимают под термином демократия всеобщие свободы. Более того, в каждом обществе свободы больше ценятся именно экономически благополучными людьми, обладающими ресурсами для действий, особенно, если такие сегменты населения достаточно многочисленны и связаны разными каналами коммуникации с более широкими слоями населения. Экономически обездоленные люди, напротив, предпочитают авторитаризм свободам. Эти данные соответствуют тезису последовательности теории эмансипации: люди больше ценят свободы, когда широкодоступные ресурсы для действий повышают для них совместную пользу от свобод. Вследствие этого эмансипативные ценности существенно варьируются в разных обществах по всему миру. Эти вариации отражают разную степень стремления к демократии, причем такого, при котором демократия ценится за ее определяющие свободы. Именно такое стремление к демократии побуждает людей действовать и защищать демократию.

(2) Почему массовые предпочтения жить при демократическом режиме существуют с ее реальным отсутствием. Массовые предпочтения демократии широко распространены по всему миру. Соответственно, они объясняют лишь незначительную долю дисперсии степени демократизации обществ. В самом деле, массовые предпочтения демократии часто сосуществуют с дефицитом демократии или ее полным отсутствием. Однако когда такое случается, этим предпочтениям не хватает опоры на эмансипативные ценности. Предпочтения демократии, которые отсоединены от этих ценностей, мало способствуют системной демократии, потому что не подкрепленные ценностями предпочтения не мотивируют людей действовать ради свобод, определяющих демократию. Имеет значение не предпочтение демократии само по себе, а ценности, мотивирующие это предпочтение.

(3) Почему демократия появилась поздно в истории, но с тех пор была беспрецедентно успешной. В продолжение большей части истории обычные люди жили в ужасающих условиях. До современной эры простые люди были по большей части бедны, неграмотны и изолированы в малочисленных общинах. Лишенным ресурсов для действий людям не хватало возможностей и мотивации для того, чтобы бросить вызов властям. Поскольку именно эти условия преобладали в истории, свободы в основном отсутствовали.

Но потом произошли глубокие изменения. Начиная с доиндустриального капитализма в XV столетии история стала превращаться из истории неоспариваемого деспотизма в историю освободительных общественных движений: с тех пор одна социальная группа за другой и одно за другим общества борются за гарантии свобод. Там, где борьба приводит к успеху, это проявляется в двух аспектах. Во-первых, свободные общества мобилизуют в полной мере интеллектуальные и творческие способности своих граждан и как следствие, они опережают несвободные общества в технологическом прогрессе и других достижениях, увеличивающих системный потенциал обществ. Затем свободные общества позволяют людям добиваться благополучия теми способами, которые они сами выбирают и согласовывают с единомышленниками, что помогает росту общего благосостояния. Вероятно, общества, обеспечивающие большее благосостояние своим гражданам, получают более широкую поддержку. Это важное преимущество в конкуренции за легитимность с несвободными обществами.

(4) Почему у многих протестных действий и в истории, и даже сегодня нет демократического импульса. В истории государств много примеров, когда обездоленные люди восставали против тирании. Но лишь небольшая доля этих восстаний выдвигала требования предоставления свобод. Чаще эти восстания были голодными бунтами или другими взрывами коллективных протестов без либеральной программы. В большинстве случаев они терпели неудачу, их подавляли или возникал хаос. Наиболее частым исходом таких типов восстаний было возвращение к тирании, старой или новой. Современные примеры подобных восстаний — это коммунистические революции в России, Китае, Кубе и Вьетнаме, а также Исламская революция в Иране. Мы еще увидим, принадлежит ли Арабская весна к этому типу протестов отчаявшихся людей.

Общая черта протестов, не вдохновленных стремлением к демократии, заключается в том, что их массовая база — это бедные слои населения. Я не знаю исключений из этого правила. У членов таких групп нет существенных ресурсов для действий. Поскольку свободы малополезны для людей с нехваткой ресурсов для действий, гарантии свобод их мало привлекают. В результате систематические перемены в пользу демократической системы, гарантирующей свободы, — маловероятный результат этих бунтов от отчаяния.

Независимо от того, есть ли у массовых бунтов демократический импульс, их лидеры обычно рекрутируются из интеллигенции — высокообразованного слоя населения. Причина этого очевидна: у интеллигентов есть навыки, нужные для формулирования вызывающих доверие обвинений режима и вероятных решений, а также для организации кампаний. Но осужденности интеллигенции значимо различаются в ситуации восстаний с демократическим импульсом и без него. Если интеллигенция в обществе малочисленна, и в нее не рекрутируются представители широких народных масс, она представляет собой узкий замкнутый круг, с высокой вероятностью, придя к власти, оставшая интеллигенция станет новым диктаторским классом, подобно профессиональным революционерам Ленина. Это следует из распределения функции полезности: если интеллектуальные ресурсы сконцентрированы в маленькой группе, для этой группы полезно установить монополию на свободы. Это приводит к новой форме диктаторского правления, а не к демократии.

Если, напротив, интеллектуальные лидеры массового протеста представляют собой большой социальный сегмент, связанный с широкими слоями населения, интеллектуальные способности как ресурс для действий теряют свою социальную уникальность, совместная полезность свобод распространяется также на широкие слои населения. Вследствие этого становится бессмысленным устанавливать групповую монополию на свободы. Напротив, выдвигаются требования всеобщих свобод. В этом случае массовые протесты вдохновляются демократическими идеями.

(5) Почему массовые протесты с демократическим импульсом трудно начать, но им также трудно сопротивляться, когда они начались. Массовые восстания с демократическим импульсом редки в истории. Их почти не было до возникновения доиндустриального капитализма. Мне известны лишь два примера восстаний с демократическим импульсом. В обоих случаях это была группа свободных людей, обладавших силой в переговорах, поскольку они служили в армии и могли бойкотировать военные кампании: голпиты в античных Афинах и плебеи в древнем Риме (Fine, 1999)²⁰⁶. В обоих случаях эти бойкоты были успешны, и их участники получили более широкие права: они получили право голосовать.

Начиная с эры доиндустриального капитализма восстания с демократическим импульсом участились. Начальными событиями стали либеральные революции XVII, XVIII и XIX столетий в Нидерландах, Англии, Северной Америке и Франции. Хотя в результате этих событий избирательное право и другие права получили лишь некоторые социальные группы, это вдохновило другие лишенные прав группы — женщин и рабочий класс — начать борьбу за равные права. С тех пор давление масс стало все более распространенным фактором демократизации. В результате либеральная демократия эволюционировала через несколько волн расширения гражданских прав и распространялась, «просачиваясь» в глобальную систему государств.

Начало демократизации под давлением масс совпадает с глубокой трансформацией населения. Начавшись в период доиндустриального капитализма, развиваясь в период индустриализации и ускорившись с подъемом постиндустриальных обществ знаний, модернизация трансформировала бедных, неграмотных и разобщенных индивидов в располагающих нужными ресурсами, умелых и объединенных каналами коммуникации субъектов-акторов, обладающих как возможностями, так и мотивацией для реализации своих общих ценностей, включая ценность свободы.

Инициировать массовые восстания, цель которых — обретение свобод, трудно, потому что это требует людей с существенными ресурсами для действий, объединенных и вдохновленных стремлением отстаивать право на различные свободы — только в этом случае многие люди способны и мотивированы включиться в кампанию борьбы за свободу. Это непростое и жесткое условие. Однако если уж массы объединяются в борьбе за свободы, они с высокой вероятностью добьются успеха именно потому, что данное жесткое условие выполнено. В этом случае требование массами свобод подкреплено силой солидарности, и ему трудно

²⁰⁶ В Риме это произошло между 494 г. и 287 г. до н. э., а в Афинах — около 410 г. до н. э.

противостоять. Даже репрессивные режимы, возглавляемые правителями, полными решимости сохранить власть, вынуждены уйти, сметенные поднимающейся волной протестов по всей стране.

(6) Почему властям все еще иногда удается противостоять демократии или выхолащивать ее суть. В обществах, где большинство испытывает недостаток ресурсов для действий, и люди не вдохновлены эмансипативными ценностями, давление масс за предоставление всеобщих свобод не возникает и не может быть постоянным. В этом случае элиты защищены от внутреннего давления в пользу демократизации. В такой ситуации демократизирующее влияние может быть только извне. Однако для того, чтобы это внешнее давление было эффективным, элиты общества должны зависеть от иностранной помощи или быть подвержены международному влиянию. Но даже в таких случаях отсутствие внутреннего давления позволяет элитам действовать так, как они хотят. Они могут принять конституцию, гарантирующую свободы, но в отсутствие внутреннего давления элитам легко не реализовывать эти гарантии на практике, что приводит к коррумпированной демократии.

Чтобы не дать элитам коррумпировать демократию, доинституциональные источники влияния должны быть доступны и широко распространены среди населения. Такие источники — это опять-таки ресурсы для действий и эмансипативные ценности. Они являются источниками власти и влияния людей, потому что они дают возможность людям и мотивируют их действовать ради свобод, которые они совместно ценят. Эти источники влияния — доинституциональные, потому что ресурсы и ценности существуют в доинституциональных сферах социальной реальности: в условиях жизни — в случае ресурсов, и в психологических ориентациях — в случае ценностей. Только если эти доинституциональные источники влияния присутствуют, существует постоянное социальное давление, контролирующее корыстные интересы элит. Это именно так в современных зрелых демократиях. В результате общественные движения, неправительственные организации и критически настроенные масс-медиа продолжают защищать свободы людей, включая такие подвергающиеся дискриминации группы, как женщины, гомосексуалы, этнические меньшинства.

Свободы — это продукт взаимного обогащения, связанные с ними блага дают плоды через взаимное признание и толерантность. Следовательно, свободы не подвержены снижению предельной полезности, которое может проявляться в том, что с каждым последующим расширением прав становится все меньше дополнительных благ, обеспеченных новыми правами. Как раз напротив, у свобод — повышающаяся предельная отдача, и в этом заключается причина того, что в свободных обществах продолжаются кампании за расширение свобод.

(7) Почему желание демократии появляется при ее отсутствии, но продолжает расцветать также в ее присутствии. Тезис последовательности предполагает, что люди начинают больше ценить свободы, когда широкодоступные ресурсы для действий усиливают для них совместную полезность свобод. Это означает, что субъективная ценность свобод может расти даже при отсутствии гарантий свобод. В самом деле, как показывает история демократии, требования свобод появляются и тогда, когда свободы полностью отрицаются. Гарантии свобод были

не источником таких требований, но *реакцией* на них. После того как свободы гарантированы, субъективная ценность свобод сохраняется до тех пор, пока сохраняется их объективная полезность. Это объясняет, почему в зрелых демократиях кампании за свободы для людей не ослабевают, но продолжают расширяться, распространяя свободы на новые группы и сферы.

3. Лестница полезности свобод

Теория эмансипации представляет собой широкую, но последовательную концепцию, в центре которой находится идея человеческого освобождения. Концепция — широкая, потому что она затрагивает три основные сферы социальной реальности: (1) условия существования в экономической сфере, (2) психологические ориентации в сфере культуры и (3) институциональные нормы в правовой сфере. Тем не менее это последовательная концепция, потому что ее обращение к разным социальным сферам связано единой темой: каков вклад этой сферы в расширение возможностей людей пользоваться свободами. В этом контексте важен вопрос о том, как концепция человеческой эмансипации соотносится с другими идеями и концепциями, доказавшими свою полезность. Ниже я обращаюсь к трем из них: иерархии потребностей, экзистенциальной безопасности и социальному капиталу.

В нашей предыдущей работе мы характеризовали появление эмансипативных ценностей как восхождение с уровня выживания на уровень процветания в *иерархии человеческих потребностей* Абрахама Маслоу (Maslow, 1988 [1954]). В данной книге рост эмансипативных ценностей объясняется как восхождение по *лестнице полезности свобод*: чем в большей степени жизнь людей изменяется и становится не источником давления и проблем, а источником возможностей, тем более полезным оказывается реализация свобод и проявление к ним толерантности, чтобы в полной мере воспользоваться жизненными благами, которые теперь предлагают новые условия жизни. Интересно, что подъем по иерархии потребностей — то же самое, что восхождение по лестнице полезности свобод. На уровне выживания иерархии потребностей давление неблагоприятных условий жизни делает полезность свобод низкой: свободы не помогают делать то, к чему принуждает давление обстоятельств. Напротив, на уровне процветания иерархии потребностей экзистенциальные возможности повышают полезность свобод: свободы очень важны для того, чтобы суметь воспользоваться тем, что позволяют выбирать благоприятные жизненные обстоятельства. Однако лестница полезности свобод — это не просто другая формулировка концепции иерархии потребностей. Она объясняет, почему направление эволюции в иерархии потребностей — это именно движение от давления обстоятельств к возможностям, или от выживания к процветанию, а не в обратном направлении. Причина в том, что как природный, так и культурный отбор благоприятствуют тем свойствам и чертам, которые повышают контроль над реальностью. Это центральная идея, потому что свободы приобретают полезность именно при высоких уровнях контроля над реальностью. Следовательно, тенденция отбора усиливающих этот контроль свойства задает направление *вверх* по лестнице полезности свобод.

Вот почему естественный отбор породил интеллект, а культурный отбор — демократию: два двигателя движения к успеху в биологии и обществе. На разных

уровнях и интеллект, и демократия наделяют людей силой и влиянием. В обоих случаях, основа силы и влияния — способность пользоваться свободами.

Если мы понимаем интеллект как способность к независимому мышлению, а демократию — как возможность свободно высказываться и голосовать, очевидно, что свобода связывает оба этих феномена. Джон Дьюи (Dewey, 1980 [1860]) и Карл Поппер (Popper, 1971 [1962]) наиболее ярко описали эту связь интеллекта-демократии, указав, что наши политические свободы требуют интеллектуальных свобод, и что свобода мысли невозможна без свободы добиваться того, чтобы предпочтения людей были услышаны и учитывались в политике. Эта связь интеллекта-политики проявляется в том факте, что общества с наиболее передовыми знаниями — одновременно и более демократичны, а образованным людям в каждом обществе свойственны более демократичные ориентации. Георг Бюхнер (Buechner, 1958) лаконично выразил об этой связи, отметив, что «сила разума и сила людей — это одно и то же». Метафора, введенная Стивеном Пинкером (Pinker, 2012), — «эскалатор разума» — выражает ту же идею: по мере того как общества начинают управляться в меньшей степени насилием и в большей степени разумом, они неизбежно становятся более демократичными. Следовательно «эскалатор разума» интегрирован в лестницу полезности свобод.

В предыдущей нашей работе Инглхарт, я и наши соавторы подчеркивали значение безопасного существования и материальных ресурсов как основы появления эмансипативных ценностей. Это полностью совместимо с концепцией человеческой эмансипации, однако последняя — шире, чем экзистенциальная безопасность и материальные ресурсы. Кроме экзистенциальной безопасности она подчеркивает экзистенциальные возможности, а помимо материальных ресурсов — ресурсы для действий. Ресурсы для действий включают в себя материальные ресурсы, но они также включают интеллектуальные и коммуникативные ресурсы. Это важное дополнение, потому что, как мы видели, два последних типа ресурсов обладают самым большим влиянием. Сходным образом экзистенциальные возможности включают в себя интеллектуальную безопасность, однако они также включают в себя и экзистенциальную автономию: чтобы быть способным действовать ради ценной для нас цели, нужны ресурсы, однако эти ресурсы нужно не только безопасно использовать: вам также необходимо быть автономным в решениях о том, как их использовать. Мы рассмотрели два первичных проявления экзистенциальной безопасности и экзистенциальной автономии: защищенность от болезней и водную автономию. Мы видели, что и то, и другое важно для расширения экзистенциальных возможностей. Причем автономность оказалась даже важнее, чем безопасность.

Понятие, термин, у которого была самая удивительная «карьер» в социальных науках в последние десятилетия, — это *социальный капитал*, обычно понимаемый как доверие, нормы и сети, способствующие коллективным действиям (Coleman, 1990; Putnam, 1993, 2000). Концепция человеческой эмансипации позволяет нам рассматривать социальный капитал в новом свете. Мы теперь можем различать два варианта социального капитала: один из них лишает людей прав и влияния в обществе (*антиэмансипация*), потому что они «заперты» в специфических группах, из которых не могут вырваться, а второй — способствует человеческой эмансипа-

ции, потому что помогает им освободиться, вырваться из тех групп, которые они не выбрали, и присоединиться к группам, которые для них привлекательны. Мы можем назвать первый вариант «сковывающим социальным капиталом», а второй — «освобождающим социальным капиталом».

Такое различие двух вариантов полезно, потому что позволяет нам переосмотреть феномен, обычно называемый эрозией социального капитала. Через «оптику» человеческой эмансипации мы не увидим такой общей эрозии, но увидим трансформацию сковывающего социального капитала — в освобождающий. В самом деле, такая трансформация — это еще один способ описать самую суть процесса эмансипации человечества. По этой причине данная трансформация тесно связана с подъемом эмансипативных ценностей. Убедительные доказательства этого положения показаны на рисунке С. 2.

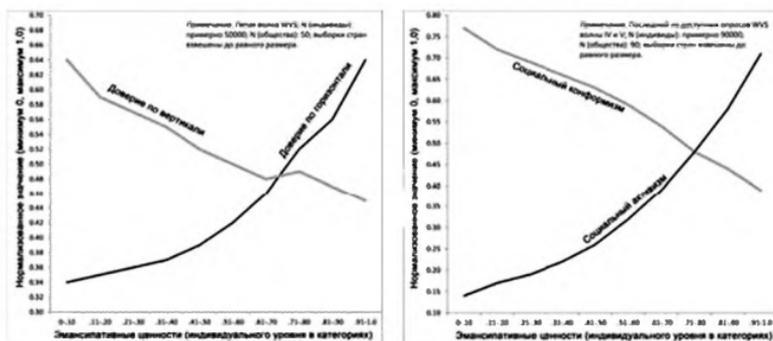

Рисунок С.2. Влияние эмансипативных ценностей

на смену сковывающего социального капитала освобождающим

Примечание: *Доверие по вертикали* измеряет средний уровень доверия трем институтам вертикали (армии, полиции, судам), это обратное значение индекса скептицизма, описанного в главе 2. *Доверие по горизонтали* — это средний уровень доверия трем внешним группам (людям, с которыми респонденты встретились впервые, людям другой национальности, людям другой религии). *Социальный конформизм* — это согласие с двумя утверждениями о жизненной цели: «чтобы тобой гордились родители» и «делать многое из того, что от меня ожидают друзья». *Социальный активизм* — это индекс активности общественных движений, описанный в главе 7.

Социальный капитал проявляется в доверии и взаимодействии людей. Рисунок С.2 показывает трансформирующую силу эмансипативных ценностей, которая проявляется в замене сковывающих форм доверия и взаимодействия освобождающими формами. Диаграмма слева показывает это для доверия, а диаграмма справа — для взаимодействия. Эрозия сковывающего социального капитала проиллюстрирована для доверия по вертикали и социального конформизма. Доверие по вертикали — это сковывающая форма доверия, потому что оно привязывает людей к командным иерархиям; социальный конформизм — это сковывающая форма интеракции, потому что она связывает поступки людей с ожиданиями других. Появление освобождающего социального капитала показано для доверия по горизонтали и активности общественных движений. Доверие по горизонтали —

это освобождающая форма доверия, потому что она дает возможность людям связываться с равными им людьми; активность общественных движений — это освобождающая форма взаимодействия, потому что она дает возможность людям высказывать их требования. Как ясно демонстрирует рисунок С. 2, сковывающий социальный капитал на самом деле ослабляется, а освобождающий — появляется и растет, когда укрепляются эмансипативные ценности. Эти ценности — трансформирующая социальная сила, она порождает формы социального капитала, способствующие человеческой эмансипации. В свете этих идей концепция человеческой эмансипации повышает ценность понятия социального капитала: она различает два разных его типа и предполагает, что переход от одного из них к другому происходит во время процесса человеческой эмансипации.

4. Моральный прогресс

В прошлом социальные теоретики опасались, что человеческую природу нельзя изменить, и по этой причине моральное развитие нашего вида не поспевает за технологическим прогрессом (Spengler, 1926 [1918]). Однако есть хорошие и плохие качества нашей человеческой природы, и культурные изменения могут помочь лучшим сторонам нашей природы возобладать. Как подчеркнул Карл Поппер (Popper, 1971 [1962]), одна сторона человеческой природы — «дух орды» — это племенной инстинкт внутригруппового фаворитизма и дискриминации аутсайдеров. Однако способности к эмпатии, солидарности и справедливости — также часть нашей природы. Вопрос, следовательно, заключается не в том, злонамеренна или добродетельна человеческая натура, но в том, какая ее сторона, хорошая или плохая, будет доминировать в процессе развития. Недавние публикации философов, психологов и экономистов, включая книги Кваме Аппиа (Appiah K. *The Honor Code*, 2011), Стивена Пинкера (Pinker S. *Our Better Angels*, 2011) и Ричарда Флориды (Florida R. *The Creative Class*, 2002), — признают силу культурных изменений и описывают, как эти изменения способствуют проявлению наших лучших качеств.

В самом деле, мы видели массу доказательств того, что происходят изменения культуры, и их наиболее мощное проявление — это подъем эмансипативных ценностей. По мере того как эти ценности усиливают гуманитарные, гражданственные, демократические и экологические тенденции в обществе, лучшие стороны человеческой природы начинают доминировать.

Эмансипативные ценности усиливают способности людей к саморегуляции. Это включает и способность контролировать эгоистические импульсы. В определенном смысле, данные ценности способствуют большему, а не меньшему самоограничению. Нет причин бояться потери форм социального контроля, которые дисциплинировали людей в традиционных обществах. Эти формы контроля и сковывающие формы социального капитала, в которых они воплощены, не нужны там, где эмансипативные ценности стали сильными. — в этой ситуации старые формы контроля, действительно, становятся дисфункциональными.

Интересно, что эмансипативные ценности обладают свойством, присущим тому, что Колберг (Kohlberg, 1971; 1981) считал «высшей стадией морального суждения». — моральной автономией: оценивая ситуации и действия, люди ду-

мают самостоятельно и делают вывод на основе своих убеждений; при этом они в большей степени полагаются на внешние источники институционализированных авторитетов (Kohlberg, Levine & Newer, 1983). Это приводит к ряду следствий.

Прежде всего, люди посвящают себя проектам и миссиям, воплощающим их собственные внутренние ценности. Это глубоко изменяет природу общества. Качество общества повышается, потому что способы интеракции людей становятся подлинным выражением их внутренних ценностей.

Далее, люди начинают обращать больше внимания на социальные проблемы и несправедливости. Их больше и чаще расстраивают случаи несправедливости. Это не устраняет аморальное поведение, но усиливает давление моральных норм. Ясное проявление этой тенденции — рост количества институтов, контролирующих поведение властей, и динамичных и критически настроенных масс-медиа. Кин (Keane, 2011) назвал это «демократией мониторинга» (monitory democracy). И в условиях демократии мониторинга двойной паттерн — фаворитизма в отношении внутренней группы и дискриминации внешних групп — продолжает существовать. Однако делается все больше усилий, чтобы обнаруживать эти тенденции и бороться с ними. Там, где такие усилия приносят успех, эффект разоблачений вызывает часто такой резонанс, что заставляет власти, предрекающие в политике и бизнесе, уходить в отставку и расплачиваться за свои поступки. Короче говоря, там, где появляются эмансипативные ценности, это сигнализирует о вступлении общества, вдохновленного идеями Просвещения, в период процветания.

5. Полная теория эмансипации

Позвольте мне закончить путешествие с этой книгой сжатым пересказом теории. Теория эмансипации предлагает трехкомпонентную концепцию *человеческой эмансипации*, фокусируя внимание на ресурсах для действий, эмансипативных ценностях и гражданских правах обычных людей. Теория выводит описание *человеческой эмансипации* из трех центральных тезисов: *тезиса последовательности*, *тезиса источника* и *тезиса заражения*. Все три тезиса интегрированы в единый эволюционный принцип, метафорически названный *лестницей полезности свобод*. Соответственно, человеческая эмансипация прогрессирует, когда общества поднимаются по лестнице полезности свобод. Этот процесс меняет «правила игры» и природу жизни: жизнь трансформируется из источника угроз в источник возможностей для большинства людей в данном обществе. Когда это происходит, реализация всеобщих свобод и толерантность к ним становятся все более полезными для использования более перспективных жизненных возможностей.

Тезис последовательности и тезис источника рассматривают два разных измерения каузальности этого процесса. Тезис последовательности раскрывает *эндогенную каузальность* человеческой эмансипации. Он предполагает, что растущие ресурсы для действий увеличивают объективную полезность свобод, затем возрастает субъективная ценность свобод и расширяются их правовые гарантии, что приводит к росту эмансипативных ценностей и гражданских прав. После того как цикл «полезность — ценности — гарантии» завершен, следующий такой же цикл начинается уже с более высокого уровня, и процесс человеческой эмансипации продолжается.

Конечно, нет никакого «железного закона», предохраняющего человеческую эмансипацию от стагнации или рецессии. Однако эволюция сформировала людей как вид, одаренный интеллектом, позволяющим приобретать полезности, блага в той степени, в которой это позволяют условия жизни. Здесь таится зерно человеческого желания свободы, то есть жизни, свободной от внешнего доминирования. Это желание не гарантирует, что человеческая эмансипация всегда будет прогрессировать, но оно направляет усилия людей на достижение большего, а не меньшего уровня человеческой эмансипации.

В отличие от тезиса последовательности, тезис источника рассматривает как раз экзогенную каузальность. Он постулирует, что человеческая эмансипация проистекает из двух благоприятных природных факторов, двух изначальных форм экзистенциальной безопасности и автономности, наделяющих свободу исходной полезностью, которая в другом случае бы отсутствовала. Я назвал этот природный дар условием «водной автономности в прохладном климате», или кратко — ВАПК-условием: имеется в виду сочетание умеренного прохладного климата с регулярными осадками во все сезоны и постоянно доступными для навигации водными путями. Это условие в самом деле воплощает первичную форму экзистенциальной безопасности — защищенности от болезней, а также первичную форму экзистенциальной автономии — водную автономию. Эти благоприятные факторы объясняют, почему процесс человеческой эмансипации начинается в некоторых ВАПК-регионах, затем распространяется в остальных таких регионах и продолжается исключительно в ВАПК-регионах до начала процессов глобализации.

Вот когда в дело вступает тезис заражения. Предполагается, что человеческая эмансипация освободится от первоначально способствующего ему фактора — ВАПК-условия. В эру глобальных коммуникаций расцвет обществ, где люди обладают влиянием и правами, становится повсеместно очевидным, проявляясь в росте благосостояния и свободы. Если бы эмансипация, освобождение не были естественным человеческим стремлением, яркие достижения эмансипации в ряде стран не привлекли бы к себе внимания в других частях мира. Однако на эти достижения отзываются люди по всему миру, все еще живущие в бедности и угнетенные: они начинают все больше протестовать против таких условий жизни и объединяют свои силы для борьбы за изменения. Когда это происходит, человеческая эмансипация начинает освобождаться от ограничений, связанных с его первоисточником. Это вовсе не означает вестернизации мира, напротив — это его девестернизация. Потому что монополия Запада человеческую эмансипацию постепенно размывает.

Научное издание
Серия «CrossRoads»

Кристиан Вельцель
РОЖДЕНИЕ СВОБОДЫ

Научные редакторы
Э. Д. Понарин, О. А. Оберемко

Перевод
А. В. Лисовский

Выпускающий редактор
А. В. Кулешова

Корректор
Н. Ю. Шурман

Дизайн и верстка
А. О. Соляев

Над книгой работали:
Алмакаева Анна, Мурадян Ани, Лыткина Екатерина, Соболева Наталья,
Митрохина Евгения, Чмель Кирилл, Савченко Павел, Макеева Александра,
Волченко Олеся, Корсунова Виолетта, Стребкова Ольга и Ломакин Илья

Издается с разрешения автора.
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ВЦИОМ.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

На обложке:
Фотография неизвестного автора, запечатлевшего надпись
«Вы распиндете свободу, но душа человека не знает оков»,
сделанную художниками Юлием Рыбаковым и Олегом Волковым
на стене Петропавловской крепости в 1976 г.

105064 Москва, Болотная набережная, дом 7, стр.1.
Тел.: +7 495 748-08-07 nnsedova@wciom.com www.wciom.ru

